

stratum^{plus}

Archaeology and Cultural Anthropology
Arheologie și antropologie culturală
Археология и культурная антропология

ISSN: 1608-9057

№6 2013

КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ВЕРЫ

CULTURAL LAYERS OF FAITH

Христианская церковь в эпоху Константина Великого
Дело Кирилла и Мефодия на северо-востоке Балкан
Религиозные мотивы и социальные цели монет прошлого
Сакральные центры Болгарии и Южного Крыма
Верования населения Среднего Днестра в X—XIII вв.
Загадки «черных болгар»
Эпиграфика молдавского Белгорода на Днестре
Гуситы и военное дело Молдавии
Внерелигиозная религиозность Альбера Камю
Истоки и сущность современных культов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЁВ ОДЕССА БУХАРЕСТ 2013

stratum_{plus}

Археология и культурная антропология

№6. 2013

ISSN: 1608-9057

КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ВЕРЫ

Христианская церковь в эпоху Константина Великого
Дело Кирилла и Мефодия на северо-востоке Балкан
Религиозные мотивы и социальные цели монет прошлого
Сакральные центры Болгарии и Южного Крыма
Верования населения Среднего Днестра в X—XIII вв.
Загадки «черных болгар»
Эпиграфика молдавского Белгорода на Днестре
Гуситы и военное дело Молдавии
Внерелигиозная религиозность Альбера Камю
Истоки и сущность современных культов

Редколлегия номера:

Николай Д. Руссев (ответственный редактор),

Владимир П. Кирилко (зам. отв. редактора),

Георгий Г. Атанасов, Андрей В. Федорук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ 2013

ISSN: 1608-9057

Stratum plus. Nr. 6.
Archaeology and Cultural Anthropology

Cultural Layers of Faith

Christian Church in the Time of Constantine the Great
The Cause of Cyril and Methodius in the Northeast of Balkans
Religious Motifs and Social Goals of Ancient Coins
Sacred Centres of Bulgaria and Southern Crimea
Beliefs of the Population of Middle Dniester Region in the
9th—13th Centuries AD
Mysteries of „Black Bulgarians“
Epigraphy of Moldavian Belgorod on Dniester
Hussites and Moldavian Warfare
Out-religious Religiosity of Albert Camus
Origins and Essence of Modern Cults

Volume Editorial Board: Nicolai D. Russev (Editor-in-Charge),
Vladimir P. Kirilko (Associate Editor),
Georgi G. Atanasov, Andrei V. Fedoruk

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2013

Stratum plus. Nr. 6.
Arheologie și antropologie culturală

Straturile culturale ale credinței

Biserica creștină în perioada lui Constantin cel Mare
Cauza lui Kiril și Metodiu în nord-estul Balcanilor
Motive religioase și scopuri sociale ale monedelor antice
Centre sacre din Bulgaria și Crimeea de Sud
Credințele populației de pe Nistrul Mijlociu în sec. X—XIII
Tainele „Bulgarilor Negri”
Epigrafiile Cetății Albe moldovenești de pe Nistru
Husiții și arta militară a Moldovei
Religiozitatea extrareligioasă a lui Albert Camus
Originea și esența cultelor contemporane

Colegiul de redacție a volumului: Nicolai D. Russev (redactor responsabil),
Vladimir P. Kirilko (redactor adjunct),
Georgi G. Atanasov, Andrei V. Fedoruk

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2013

The Supreme Council for Science and Technical Development of Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation, through their decision, recognized “Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology” as a specialized journal in history disciplines (category B)

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**

Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**

Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

G. Atanasov — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).

M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).

S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).

Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia).

V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).

I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).

V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).

S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).

V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).

A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).

E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).

B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).

S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).

M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).

V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol, Ukraine).

A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).

I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).

K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).

V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia).

E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).

L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).

K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).

N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).

O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).

P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).

O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).

N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).

L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).

V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russia).

Address: Zimbrului St. 10a, Kishinev, MD-2024, Republic of Moldova
High Anthropological School University, “Stratum plus” Journal.

Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Redactor șef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**

Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M.B. Shchukin. Prin Decizia Senatului Universității „Școala Antropologică Superioară” și a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.

G. Atanasov — doctor în științe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).

M. Babeș — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

S. Beletsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

Yu. Berezkin — profesor, doctor în științe istorice (Muzeul de antropologie și etnografie „Petru cel Mare” al Academiei de Științe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).

V. Borșevici — doctor habilitat în fizică și matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lângă ONU, Chișinău, Moldova).

I. Bruyako — doctor în științe istorice (Museul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Științe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).

V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).

S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

V. Dergachev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

A. Dobrolyubsky — doctor în științe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).

E. Girya — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).

S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).

M. Kazanski — doctor în științe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Științifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie și Civilizație Bizantină, Paris, Franța).

V. Kirilko — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Științe din Ucraina, Simferopol, Ucraina).

A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

K. Marchenko — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

V. Myts — candidat în științe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).

E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

L. Nikolova — doctor, profesor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).

K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).

N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

O. Sharov — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

P. Shuvalov — candidat în științe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

O. Shcheglova — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

L. Vishnyatsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

V. Zuev — candidat în științe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**

Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**

Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М.Б. Щукин. Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.

Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).

М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).

С.В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Ю.Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).

В.И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).

И.В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).

Л.Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Е.Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).

В.А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

А.О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).

В.Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).

В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).

М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).

В.П. Кирилко — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь, Украина).

А.А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

С.И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

И.В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).

К.К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

В.Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).

Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).

Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).

К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).

Н.Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).

Н.П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).

О.В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

П.В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

О.А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издаётся университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте www.e-anthropology.com. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on www.e-anthropology.com.

Все права защищены.

© Университет «Высшая антропологическая школа», Р.Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»

© Обложка: Д.А. Топал

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина

Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна

Технический координатор: Ж.Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжик, Г.В. Засыпкина

Редактор карт: Л.А. Мосионжик

Корректор: Г.В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com

Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases

Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

1700-летию **Миланского эдикта Константина Великого**
1150-летию **Моравской миссии Кирилла и Мефодия**
посвящается

*To the Anniversary of 1700 Years of the **Edict of Milan by Constantine the Great** and
1150 years of the **Moravian Mission of Cyril and Methodius***

*În cinstea aniversării a 1700 ani de la **Edictul de la Milano de Constantin cel Mare** și
1150 ani de la **Misiunea din Moravia a fraților Kiril și Metodiu***

СОДЕРЖАНИЕ

«СИМ ПОБЕДИШИ!»

- Б. М. Боднарюк** (*Черновцы, Украина*). Догматические приоритеты и прерогативы власти Христианской Церкви в эпоху Константина Великого 17

ПУТЯМИ УЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ

- Г. Г. Атанасов** (*Силистра, Болгария*). Две надписи с граффити-рисунками — свидетельства проникновения дела Кирилла и Мефодия в Северо-Восточную Болгарию. 43

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- В. Йотов, А. Минчев** (*Варна, Болгария*). Сакральный центр на мысе Св. Атанаса в Западном Причерноморье 59
- Н. П. Турова** (*Ялта, Украина*). Пещерный христианский комплекс Иографа на юге Крыма 79

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

- В. П. Алексеев, П. Г. Лобода** (*Одесса, Украина*). Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций. 109
- М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики. 127

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

- Ю. В. Зайончковский** (*Харьков, Украина*). Серебряные монеты джучидского хана Мухаммада бен Тимура с именем Махмуд на реверсе 159
- Н. Д. Руссев** (*Кишинёв, Молдова*). Клад медных монет из крепости Измаил: деньги русско-турецкой войны 1768—1774 гг. 165

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

- А. В. Красножон** (*Одесса, Украина*). Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости 177
- В. П. Кирилко** (*Симферополь, Украина*). Герб молдавского господаря Александрела 213
- А. Г. Кузьмищев** (*Киев, Украина*). Эпиграфика в трудах Э. Р. фон Штерна . 217

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

И. П. Возный (Черновцы, Украина). Религиозный синкретизм в духовной культуре населения междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра в X—XIII вв. 227

С. М. Дончева (Шумен, Болгария). Типы и назначение литейных сосудов в средневековой Болгарии. 243

А. В. Федорук, И. М. Кубай (Черновцы, Украина). Гуситы и военное дело Молдавии в XV в. 255

К СОТВОРЕНИЮ КУМИРОВ

О. А. Довгополова (Одесса, Украина). «Здесь я понимаю, что такое избранничество»: парадоксы внерелигиозной религиозности Альбера Камю 277

В. С. Рацеева (Кишинёв, Молдова). Об истоках культа престижа в потреблении 285

ДИСКУССИИ

И. Ф. Грек (Кишинёв, Молдова). «Черные болгары»: этническая история и историческая судьба 307

Список сокращений. 333

Авторам «Stratum plus» 335

CONTENTS

“IN HOC SIGNO VINCES”

- B.M. Bodnariuk** (*Chernivtsi, Ukraine*). **Dogmatic Priorities and Prerogatives of the Christian Church in the Era of Constantine the Great.** 17

ON THE PATHS OF SLAVIC TEACHERS

- G.G. Atanasov** (*Silistra, Bulgaria*). **Two Inscriptions with Graffiti-Drawings: Evidences for the Spread of the Cause of Cyril and Methodius in North-Eastern Bulgaria.** 43

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

- V. Yotov, A. Minchev** (*Varna, Bulgaria*). **A Sacred Centre at Cape Sveti Atanas in the Western Pontic Region** 59
- N.P. Turova** (*Yalta, Ukraine*). **The Christian Cave Complex Iograf in the South of the Crimea** 79

TALENTS AND LEPTA OF THE ANTIQUITY

- V.P. Alexeev, P.G. Loboda** (*Odessa, Ukraine*). **Religious Motives of Some Coins of Olbia and Kyzikos as Means of Sociopolitical Leaflets** 109
- M.M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russia*). **Dynastic History of Bosphorus at the Turn of AD by Numismatic Data.** 127

HARD FLOWERS OF THE MIDDLE AGES

- Yu. V. Zayonchkovskiy** (*Kharkiv, Ukraine*). **Silver Coins of Juchid Khan Muhammad bin Timur with Mahmud's Name on Reverse** 159
- N.D. Russev** (*Kishinev, Moldova*). **A Hoard of Copper Coins from the Ismail Fortress: Money of the Russo-Turkish War of 1768—1774** 165

SIGNS OF TIME

- A.V. Krasnozhon** (*Odessa, Ukraine*). **15th Century Epigraphic Monuments from the Belgorod Fortress** 177
- V.P. Kirilko** (*Simferopol, Ukraine*). **The Coat of Arms of the Moldavian ruler Alexăndrel** 213
- A.G. Kuzmischev** (*Kiev, Ukraine*). **Epigraphics in the Works of E.R. von Stern** . . 217

RESEARCH AND PUBLICATIONS

I. P. Vozny (*Chernivtsi, Ukraine*). **Religious Syncretism in the Spiritual Life of the Population Between the Rivers of Upper Prut and Middle Dniester during 10th—13th Centuries** 227

S. M. Doncheva (*Shumen, Bulgaria*). **Typology and Function of Melting Vessels in Medieval Bulgaria**. 243

A. V. Fedoruk, I. M. Kubay (*Chernivtsi, Ukraine*). **Hussites and Warfare in Moldavia in 15th c.** 255

TO THE MAKING OF IDOLS

O. A. Dovgoplova (*Odessa, Ukraine*). **“Here I understand what it means to be the chosen one”: Paradoxes of Albert Camus’s Out-Religious Religiosity** . . . 277

V. S. Ratseeva (*Kishinev, Moldova*). **Towards the Origins of “Prestige” Cult in Consumption**. 285

DISCUSSIONS

I. F. Grek (*Kishinev, Moldova*). **“Black Bulgars”: Ethnical History and Historical Fate** 307

List of Abbreviations 333

Submissions 340

CUPRINS

„IN HOC SIGNO VINCES”

- B. M. Bodnariuk** (*Cernăuți, Ucraina*). Prioritățile dogmatice și prerogativele bisericii creștine în epoca lui Constantin cel Mare. 17

PE URMELE DASCĂLILOR SLAVONI

- G. G. Atanasov** (*Silistra, Bulgaria*). Două inscripții cu desene-graffiti: mărturii ale pătrunderii cauzei lui Kiril și Metodiu în Bulgaria de Nord-Est 43

ARHEOLOGIA REPREZENTĂRIILOR

- V. Yotov, A. Minchev** (*Varna, Bulgaria*). Centrul sacral de pe capul Sveti Atanas în Vestul Mării Negre 59
- N. P. Turova** (*Yalta, Ucraina*). Complexul creștin din peștera Iograf din sudul Crimeei 79

TALENTE ȘI LEPTĂNTE ALE ANTICHITĂȚII

- V. P. Alexeev, P. G. Loboda** (*Odesa, Ucraina*). Motivele religioase de pe unele monede din Olbia și Cizic drept mijloc al proclamărilor social-politice . . 109
- M. M. Choref** (*Nijnevartovsk, Rusia*). Istoria dinastică a Bosforului la limita noii ere după datele numismaticii. 127

FLORI NEVEȘTEJITE ALE EVULUI MEDIU

- Yu. V. Zayonchkovskiy** (*Harcov, Ucraina*). Monedele de argint ale hanului djucid Muhammad bin Timur cu numele „Mahmud” pe revers 159
- N. D. Russev** (*Chișinău, Moldova*). Un tezaur de monede de cupru din cetatea de la Ismail: Banii războiului ruso-turc din 1768—1774 165

SEMNELE TIMPULUI

- A. V. Krasnozhon** (*Odesa, Ucraina*). Monumente epigrafice de sec. XV din Cetatea Albă 177
- V. P. Kirilko** (*Simferopol, Ucraina*). Blazonul domnitorului moldovean Alexandrel 213
- A. G. Kuzmischev** (*Kiev, Ucraina*). Epigrafica în lucrările lui E. R. von Stern . . 217

CERCETĂRI ȘI PUBLICAȚII

- I. P. Vozny** (*Cernăuți, Ucraina*). **Sincretismul religios în cultura spirituală a populației dintre Prutul Superior și Nistrul Mijlociu în sec. X—XIII** . . . 227
- S. M. Doncheva** (*Șumen, Bulgaria*). **Tipologia și funcția vaselor pentru topirea metalelor din Bulgaria medievală** 243
- A. V. Fedoruk, I. M. Kubay** (*Cernăuți, Ucraina*). **Husiții și arta militară a Moldovei din sec. XV** 255

DESPRE FACEREA IDOLILOR

- O. A. Dovgopolova** (*Odesa, Ucraina*). **„Aici înțeleg, ce e gloria”: paradoxurile religiozității extrareligioase a lui Albert Camus** 277
- V. S. Ratseeva** (*Chișinău, Moldova*). **Despre originea cultului prestigiului în sfera consumului** 285

DISCUȚII

- I. F. Grek** (*Chișinău, Moldova*). **„Bulgarii negri”: istoria etnică și soarta istorică** 307
- Listă de abrevieri** 333
- Submissions** 340

«Сим победиши!»

“In hoc signo vinces”

Б. М. Боднарюк

Догматические приоритеты и прерогативы власти Христианской Церкви в эпоху Константина Великого

Keywords: Christian Church, Constantine the Great, the Arians, the Council of Nicaea.

Cuvinte cheie: Biserica creștină, Constantin cel Mare, ariani, Conciliul de la Niceea.

Ключевые слова: Христианская Церковь, Константин Великий, арианство, Никейский собор.

B. M. Bodnariuk

Dogmatic Priorities and Prerogatives of the Christian Church in the Era of Constantine the Great

The author uses secular and ecclesiastic written sources to study the social, religious and political situation in the Roman Empire during the reign of the first Christian Emperor Constantine I the Great. That was the time when the Christian Church had finally institutionalized, had legalized itself at the clerical level and had gained weight, influence and rather significant spiritual power in the Late Greek-Roman society. The author reviews Constantine the Great's efforts to reform the church and religion, whereas he aimed to lay legal foundations enabling establishment of Caesaropapism Institute on the territory of the Empire and to subordinate the ecclesiastic power to the secular one.

B. M. Bodnariuk

Prioritățile dogmatice și prerogativele bisericii creștine în epoca lui Constantin cel Mare

În prezentul articol, în baza izvoarelor scrise laice și bisericești, este efectuată o trecere în revistă și o analiză a situației politice și social-religioase din Imperiul Roman în epoca primului imperator creștin – Constantin I cel Mare. Anume în această perioadă biserica creștină s-a afirmat complet din punct de vedere instituțional, s-a legalizat la nivel clerical și a obținut greutate, influență și o autoritate spirituală destul de mare în societatea greco-romană antică târzie. Autorul studiază activitatea reformatoare a lui Constantin cel Mare din sfera bisericească și religioasă, orientată spre formarea unor baze juridico-legale pentru instaurarea cezaropapismului pe teritoriul imperiului și subordonarea autorității spirituale celei laice.

Б. М. Боднарюк

Догматические приоритеты и прерогативы власти Христианской Церкви в эпоху Константина Великого

В статье на основании письменных источников светского и церковного происхождения рассматривается и анализируется социально-религиозная и политическая ситуация в Римской империи в эпоху правления первого христианского императора — Константина I Великого. Это был период, когда Христианская Церковь окончательно оформилась институционально, легализовалась на клерикальном уровне и приобрела вес, влияние и достаточно ощутимую духовную власть в позднеантичном греко-римском обществе. Автор анализирует реформаторскую деятельность Константина Великого в церковно-религиозной сфере, направленную на формирование юридическо-правовых обоснований, цель которых заключалась в создании на территории Империи института цезарепапизма и подчинении духовной власти светской.

В исследованиях большинства советских авторов (Ковалёв 1936; Сергеев 1938; Мишулин 1946; Машкин 1949; Фёдорова 1979) тема взаимоотношений императора Константина Великого и Христианской Церкви в антиковедческой историографии поднималась неоднократно. Анализ и оценка роли Константина в становлении и распространении христианского вероучения своди-

лась к двум ключевым событиям: подписанию им Миланского эдикта и участию императора в нескольких заседаниях Никейского собора. Известная методологическая ограниченность в связи с политико-идеологическим давлением не давала учёным возможности комплексно и менее тенденциозно подойти к проблеме изучения разных аспектов этого вопроса. В современных учебниках и пособиях (Остерман

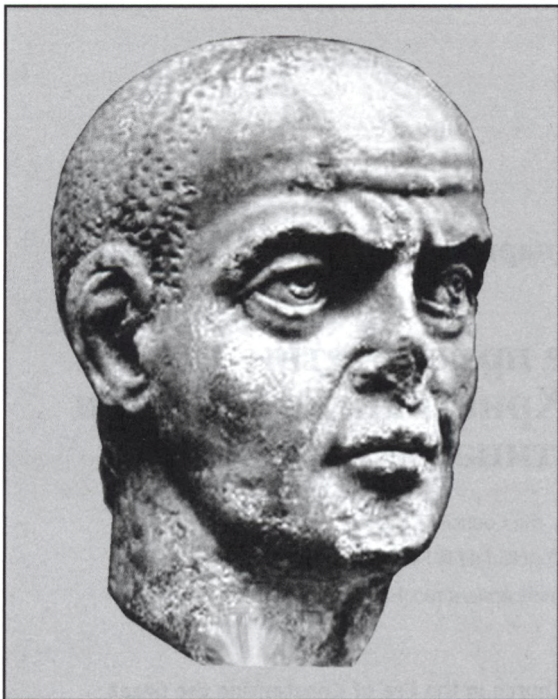

Рис. 1. Император Галерий (по Древний Рим 2010: 211).

Fig. 1. Emperor Galerius (after Древний Рим 2010: 211).

1997; Сергеев 1997) данная тематика также освещается в большинстве случаев схематично и фрагментарно.

Исходя из этого, сделаем попытку более конкретно и предметно рассмотреть ряд особенностей, касающихся проблемы практической реализации власти в Римской империи на фоне быстрого и достаточно активного в начале IV в. развития Христианской Церкви как новой составляющей в структуре государственного управления. Открытая борьба за приоритет абсолютной власти и экономическое доминирование началась, как известно, несколько позднее (с особенной силой она развернулась на Западе), но основы, фундамент рождающегося противостояния между светским и духовным фактором в социальном контексте были заложены именно в период правления Константина I Великого, когда доминат начал укрепляться, а функции епископов в христианских общинах приобрели юридическую силу и вес.

Социально-политические и религиозно-правовые изменения в Империи начались после смерти в 311 г. императора Галерия (293—311) (рис. 1). Однако для того, чтобы оценить положение в Риме в то время, необходимо вернуться к началу IV в. В 305 г. Диоклетиан (284—305) (рис. 2) на вершине могу-

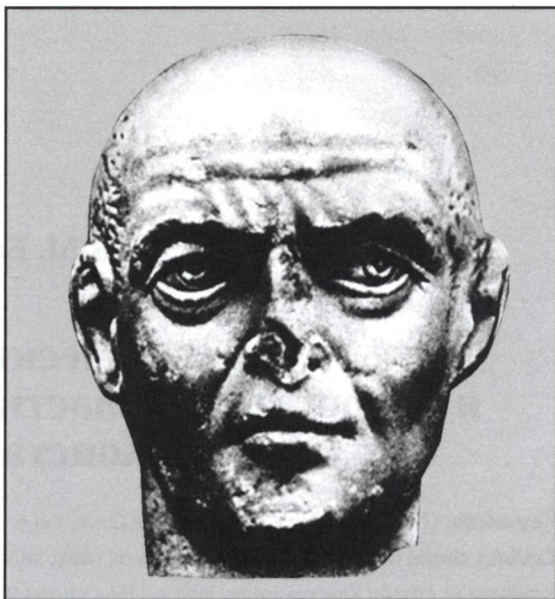

Рис. 2. Император Диоклетиан (по Древний Рим 2010: 211).

Fig. 2. Emperor Diocletian (after Древний Рим 2010: 211).

щества и славы добровольно отказался от власти по неизвестным причинам. Исследователи считают, что он, возможно, не хотел участвовать в противостоянии «Восток-Запад» на территории Империи, которое только начало формироваться (Чельцов 1861: 43; Туркало 1974: 29; Спасский 1995: 91). Соправитель Диоклетиана Максимилиан, который ушёл под давлением своего патрона в отставку в том же 305 г., вернулся к власти в 306 г. — когда его сына Максенция (306—312) (рис. 3) провозгласили в Риме императором с титулом цезаря, а в 307 г. он стал августом. В 307 г. августом стал и Константин, сын Констанция I Хлора и его наложницы Елены, женившийся на Фаусте, дочери Максимилиана. В дальнейшем он вошел в историю как император Константин I Великий (306—337) (рис. 4).

После смерти Констанция Хлора Галерий 25 июня 306 г. присвоил освободившийся титул августа своему любимцу Флавию Северу II (305—307) (рис. 5), также ставшему его соправителем. Таким образом, в 307 г. в Римской империи появилось пять августов одновременно: на Востоке — Галерий, на Западе — Флавий Север, Максенций, Максимилиан Геркулий и Константин I (Вуру 1923: 167). Далее, Галерий возвёл в сан августа в 308 г. цезаря Лициния (308—324) (рис. 6), а затем, в 309 г. — и своего племянника Максимиана Дазу (305—313) (рис. 7), которого еще в 305 г. сделал цезарем. Естественно, наличие такого количества августов не могло не спровоциро-

Рис. 3. Император Максенций (по Древний Рим 2010: 215).

Fig. 3. Emperor Maxentius (after Древний Рим 2010: 215).

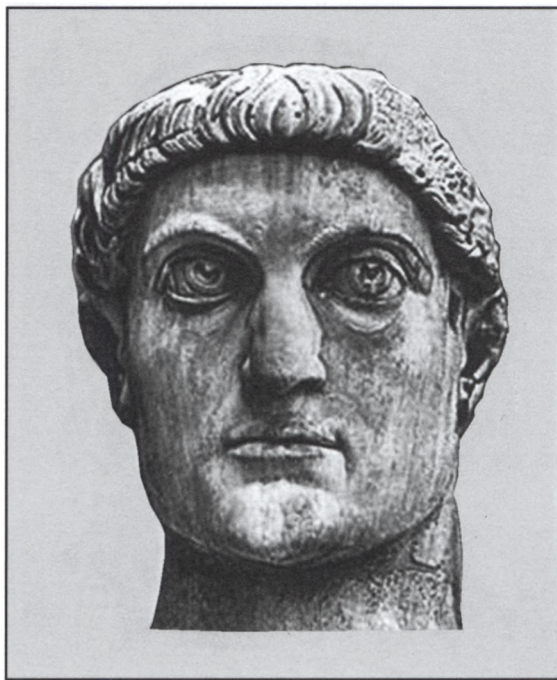

Рис. 4. Император Константин I Великий (по Древний Рим 2010: 218).

Fig. 4. Emperor Constantine I the Great (after Древний Рим 2010: 218).

вать междоусобицы. Флавий Север II возмутился тем, что Максенций был провозглашён императором, и организовал поход на Рим. Однако, при помощи хитрости своего отца Максимилиана, Максенций пленил Флавия Севера, и тот покончил жизнь самоубийством в апреле 307 г.

Осенью 312 г. Константин I направил войска на Рим против Максенция. 27 октября произошла битва у Тибра, на Мульвийском мосту. На щитах и знамёнах воинов Константина были христианские монограммы в виде приплюснутой буквы «Х» (возможно, это был символ солнца галльских отрядов). Христианское предание V в. говорит о чудесном видении Константина перед боем, когда ему «с небес привиделась эта монограмма на знамени с надписью “Этим побеждай!”». В итоге Максенций был разбит, погиб во время боя и тело его «поглотил Тибр» (существует версия, что он утонул раненый, в тяжёлых доспехах). Христиане считали, что именно они обеспечили победу Константину (Jedin 1980: 115).

После битвы у Тибра Максимин Даза начал новую междоусобную войну с августом Лицинием, однако был разбит и летом 313 г. умер при невыясненных обстоятельствах. По мнению исследователей, его или отра-

вили, или же он покончил жизнь самоубийством. Все восточные провинции признали власть Лициния. Характеризуя личность Лициния, следует отметить, что после смерти Максимиана Дазы он приютил Валерию, дочь Диоклетиана и жену Галерия, её мать Присиду и незаконного сына Галерия, усыновлённого Валерией (Bury 1923: 169). Однако эта милость длилась недолго. Лициний увидел соперника в молодом наследнике Галерия и приказал его убить. Валерия и Присида бежали, пятнадцать месяцев скрывались, но в конце концов были задержаны людьми Лициния в Греции (в Салониках) и казнены. Так он расправился с семьёй своего благодетеля Галерия. Таким образом, после смерти Максимиана Дазы Лициний и Константин I остались единственными реальными правителями Рима, и борьба за власть продолжилась уже между ними.

В короткий период «сотрудничества», после победы над Максенцием, Константин и Лициний в Милане (Медиолане) в 313 г. подписали составленный в императорской канцелярии эдикт, который, продолжая основные положения предыдущего подобного эдикта императора Галерия от 311 г., разрешил (практически легализовал) свободное исповедование христианства на территории Римской импе-

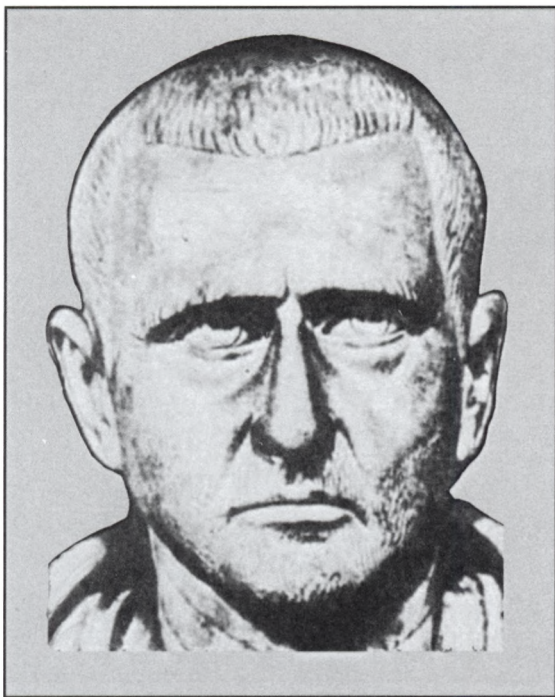

Рис. 5. Император Флавий Север II (по Древний Рим 2010: 220).

Fig. 5. Emperor Flavius Severus II (after Древний Рим 2010: 220).

рии наряду со старыми языческими культами. Такое признание равноправия для христианского вероучения, вследствие преимущества влияния церковной организации, было почти равнозначно признанию христианства господствующей религией Империи и официальной констатации отступления светской (государственной) власти перед новой религиозной структурой.

Лактанций, христианский писатель начала IV в., приводит часть текста эдикта в своём произведении «О смерти гонителей»: «Мы, Константин и Лициний, августы, собравшись в Медиолане для обсуждения всех дел, которые затрагивают благосостояние и безопасность государства, решили, что среди достойных нашего внимания предметов ничто не могло быть таким полезным нашим народам, как установление прежде всего способа служения Божеству. Мы постановили даровать христианам и всем другим право свободного исповедования той веры, которой они отдают предпочтение. Нам кажется, что будет хорошо и рассудительно не отвечать отказом никому из наших подданных, — то ли это христиан, принадлежит ли он к другому культу (...) каждый имеет право исповедовать религию, какая ему больше подходит. Таким образом, верховное Божество, которому отныне любой

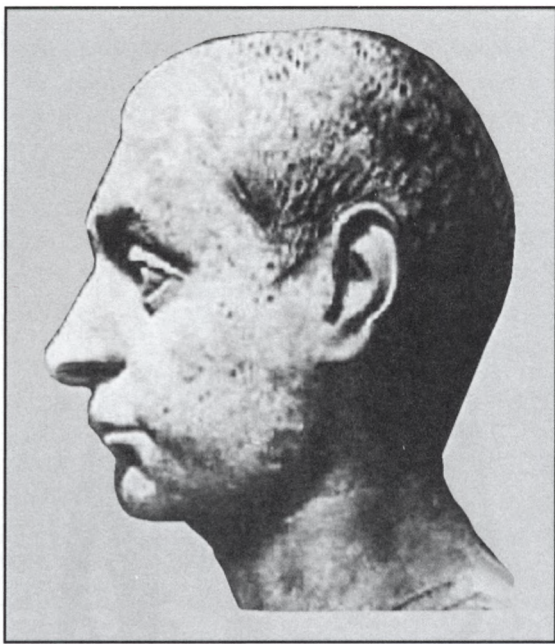

Рис. 6. Цезарь Лициний (по Древний Рим 2010: 218).

Fig. 6. Caesar Licinius (after Древний Рим 2010: 218).

из нас может свободно поклоняться, ниспослёт нам свою милость и, конечно, благоволение» (Лактанций 2008: 73).

С точки зрения известного советского антиковеда В.С. Сергеева, внутренним психологическим мотивом к подписанию Миланского эдикта послужили суеверия и страх Константина перед всем сверхъестественным, а особенно — перед «христианскими демонами» (Сергеев 1938: 241). В качестве примера, он приводит следующий отрывок из документа: «Так скорее всего можно достичь, чтобы Божество, которое находится на небе, было доброжелательным к властителю и его подданным. Божество, которое находится на небесах, удостоверит своё удовлетворение, свою благосклонность к нам и всем народам, которые живут под нашим покровительством в нашем государстве» (Сергеев 1938: 241). На наш взгляд, вывод В.С. Сергеева является преувеличением, поскольку довольно трудно предположить, чтобы такой целенаправленный и властолюбивый деятель, каким был Константин, руководствовался в своих решениях исключительно собственными предрассудками. Для провозглашения эдикта император, конечно, имел ряд других, более объективных соображений, которые будут освещены ниже.

Далее, в рамках эдикта, префектам провинций предписывалось возвратить христианам их владения, имущество, кладбища и по-

мещения, где они осуществляли свои богослужения. В знак благодарности за свою благосклонность к христианам императоры надеялись получить вознаграждение от христианского Бога и сокровищниц христианских храмов (Walker et al. 1985: 179). Признание новой веры давало идеологическое оправдание большой финансовой операции, которую осуществил Константин. Курс золотой монеты, который неудержимо падал с 308 г., был обеспечен христианскими храмовыми ценностями — золотой утварью (Буркхард 2003: 87). Именно она подняла курс солида в Империи.

В лице Христианской Церкви государство одновременно получило сильную и разветвлённую организацию, имевшую в своём распоряжении довольно значительный штат дисциплинированных «чиновников» — митрополитов, епископов, пресвитеров и дьяконов. Кроме того, таким властным натурам, как Константин, Церковь импонировала своей стройной иерархической организацией, почтительностью перед авторитетом, традицией, учением о сакральном происхождении власти и отрицательным отношением к республиканским демократическим учреждениям. Церковь, со своей стороны, кроме разного рода наград и привилегий, получила в своё распоряжение государственную поддержку, влияние и авторитет императора, необходимые для создания внутрицерковного единства, и военную силу для охраны от «врагов веры Христовой» и чужеземных религий (Walker et al. 1985: 181).

Необходимо также отметить, что именно с 313 г. Церковь, в связи с постоянно возрастающими правами и льготами в структуре государственной власти, стала постепенно приобретать доминирующее положение в стратифицированном позднеантичном обществе (Дюшен 1912: 345). Всеми средствами прокладывая себе путь к власти, действуя в борьбе за власть не только силой, но и дипломатическими способами, Константин расчётливо и дальновидно пошёл на союз с христианством. Он учёл, что эта молодая религия уже довольно в значительной мере распространена среди населения Римской империи. Исходя из этого, император отдал предпочтение «назорям и протагонистам», осознав, что лучше иметь в их лице не врагов, а друзей.

Борьба между Константином и Лицинием на первом этапе закончилась для последнего неудачно, но ещё не трагически. В двух битвах Лициний потерпел поражение и вынужден был пойти на мир. В 314 г. оба соперника примирились и договорились о разделе территории: Константин к Апеннинскому полу-

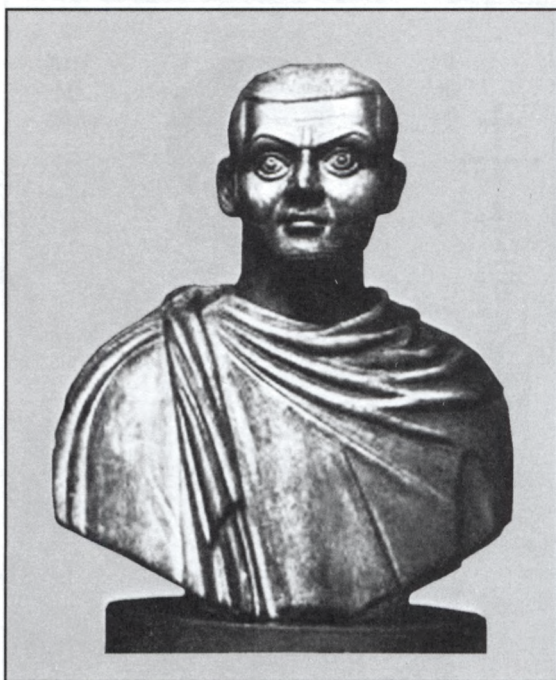

Рис. 7. Император Максимин II Даза (по Древний Рим 2010: 225).

Fig. 7. Emperor Maximinus II Daza (after Древний Рим 2010: 225).

острову присоединил Паннонию, Далмацию, Дакию, Македонию и Грецию, а Лициний сохранил за собой Фракию, Малую Азию, Сирию и Египет (Starr, Chester 1938: 209). В разгар междоусобицы почти два года оставалась вакантной римская кафедра. В итоге, в 311 г. избрали нового первосвященника римской общины (титул «папа» был введён в обиход позднее, в середине V в.) — пресвитера североафриканского происхождения, карфагенянина Мильтиада (311—314) (рис. 8). В соответствии с Миланским эдиктом, Максенций возвратил новоизбранному первосвященнику конфискованное в Риме имущество Церкви; параллельно расширились права Римского епископата во главе с понтификом, который в качестве резиденции получил в распоряжение Латеранский дворец (Робертсон, Герцог 1891: 522).

Опасаясь раскола в Церкви, Константин I стал инициатором гонения донатистов. Эти последователи карфагенского епископа Доната, непримиримого врага епископа Цецилиана, выступали против повторного крещения отступников — т.е. тех, кто предал веру во время гонения и отдал священные книги и сосуды, не признавали церковных таинств и выступали против ортодоксальной Западной Церкви, которая защищала существующий государственный институт. По приказу Константина

Рис. 8. Римский понтифик Мильтиад (по Древний Рим 2010: 227).

Fig. 8. Roman pontiff Miltiades (after Древний Рим 2010: 227).

Донат был отлучён Мильтиадом и сослан в одну из отдалённых провинций. Император, по сути, возглавил Церковь, превратившуюся в полугосударственную структуру с ведущей ролью цезаря (Зеленский 1999: 334). С первосвященником Запада Константин не считался. После смерти Мильтиада тридцать третьим главой Римской Церкви стал Сильвестр I (314—335) (рис. 9), который также поддерживал политику Константина I, как и его предшественник, и был послушным орудием в руках императора.

Тем временем, в 324 г. между Константином и Лицинием снова началась война. Осенью Константин одержал окончательную победу и остался единственным августом на всю Империю; Лициния сослали в Фессалонику, где тихо убили.

После победы над Лицинием Константин издал ряд новых постановлений и указов в интересах Христианской Церкви. Среди старых и новых указов в первую очередь необходимо выделить следующие: запрет муниципиям принуждать христиан к осуществлению публичных подношений и жертв языческим богам (315 г.); запрет накладывать на клириков муниципальные обязанности (315 г.); разрешение осуществлять освобождение рабов при посредничестве Церкви и в её поль-

Рис. 9. Римский понтифик Сильвестр I (по Древний Рим 2010: 249).

Fig. 9. Roman pontiff Sylvester I (after Древний Рим 2010: 249).

зу (316 г.); освобождение духовенства от обязанностей общегражданской подсудности (317 г.). Кроме того, Константин прекратил проведение языческих игр и развлечений (314 г.), отменил смертную казнь через распятие (315 г.), запретил частным лицам приносить жертвы идолам (319 г.), ввёл празднование воскресного дня (321 г.), допустил христиан к получению ими высших государственных должностей и чинов (325 г.), приказал строить каменные христианские храмы в городах и запретил вносить в них статуи и изображения императоров (325 г.), отменил взимание штрафов с Церкви и начал субси-

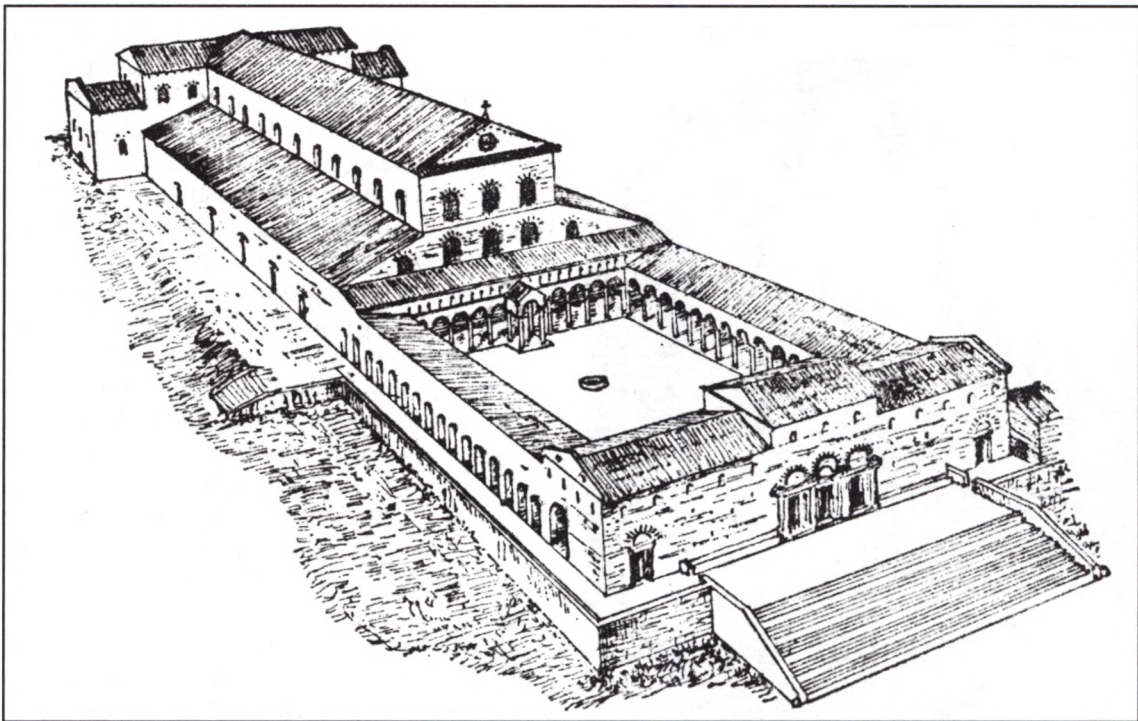

Рис. 10. Старая базилика Св. Петра в Риме. Возведена в 323—326 гг. Реконструкция (по Древний Рим 2010: 232).

Fig. 10. Old St. Peter's Basilica in Rome. Built in 323—326 years. Reconstruction (after Древний Рим 2010: 232).

дировать церковные органы из государственной казны (326 г.), выделил средства на возведение резиденции и базилики Св. Петра для римских первосвященников (323 г.) (Крюгер 1881: 468) (рис. 10).

Иерусалим при Константине снова получил своё старое название вместо того, которое он имел со времён императора Адриана (117—138) — Элия Капитолина. «Каждому, — говорилось в обращении императора к народу, — разрешено, умирая, завещать святой католической общине своё имущество, какое он захочет, и это его решение не может быть отвергнутым» (Евсевий Памфил 1998: 59). Символом христианской Империи стал крест, который начали изображать на флагах (*labarum*) и монетах. С эпохи Константина, таким образом, начинается «христианский период» в истории Римской империи, длившийся до её падения.

Необходимо подчеркнуть, что с каждым десятилетием теократия приобретала всё большее влияние на устои социально-экономической, военно-политической и духовно-религиозной жизни римского общества. Количество христиан после провозглашения Христианской Церкви государственным учреждением, по утверждению немецкого теолога А. фон Гарнака, за последующие три десятилетия увеличилось почти вдвое (Гарнак 1997: 92). Первостепенное значение

в церковной среде отныне имели организационный и догматический вопросы; они беспокоили и еkkлeсии протагонистов. За решение этих проблем, имевших не только церковное, но и общегосударственное значение, взялось само государство.

В восточной части Империи, между тем, продолжалась начавшаяся в 319 г. жестокая борьба, которая стала следствием догматического противостояния александрийского пресвитера Ария (250—336) (рис. 11) и епископа Александра. Арианство, как теологическая доктрина, берёт своё начало ещё до выступления Ария, — с учения гностиков. Последние утверждали, что Сын Божий занимает место между Богом и всеми остальными (Карташев 1994: 92). Павел из Самосаты, митрополит Антиохийский, проповедовал, что Иисус Христос был обычным человеком, и что Он, как Сын Божий, лишь наделён особой божественной силой — т.е. Логосом. Учеником Павла Самосатского был пресвитер Луциан, который утверждал, что Логос стал человеком, воплотился в Иисусе Христе (Карташев 1994: 93). За подобную теологию епископ Антиохии отлучил его в 269 г. от Церкви. Луциан, по сообщению Св. Епифания, отрицал наличие человеческой души у Сына Божьего, признавал только Его человеческое тело, наделённое Логосом, и ставил Спасителя ниже Бога-Отца с точки

Рис. 11. Александрийский пресвитер Арий (по Древний Рим 2010: 217).

Fig. 11. Alexandrian presbyter Arius (after Древний Рим 2010: 217).

зрения ипостасности (Карташев 1994: 95); он стойко отстаивал свои убеждения и погиб как мученик во времена гонений императора Максимиана.

Богословская концепция Луциана стала основой «христианской теории» Ария. Ряд исследователей (Грант 1998: 123; Зеленский 1999: 336; Шафф 2007: 310) связывают эту теорию и с иудейскими влияниями: патронессой и сторонницей Павла Самосатского, по некоторым данным, была богатая еврейка Зиновия. Есть основания считать, акцентирует внимание украинский историк из Канады Я. Туркало, что «такая теология была распространена в Азии в конце III в., а из Антиохии постепенно распространилась и в Александрию, оставшуюся к тому времени одной из философумных Церквей Востока» (Туркало 1974: 13). С молодых лет Арий стал решительным сторонником и последователем идей Павла и Луциана; тем не менее, несмотря на это, его посвятили в сан дьякона в Александрии в 311 г.

Свою теологическую доктрину Арий впервые последовательно изложил в письме к своему единомышленнику Евсевию, епи-

скопу Никомидийскому (272—341). Вскоре местный епископ Пётр, при поддержке своих пресвитеров, отлучил ересиарха от Церкви, но его преемник Ахиль принял «бунтовщика» назад и даже сделал его в 312 г. священником и дал приход (Функ 1911: 370—371). Открыто с собственным вероучением Арий выступил в 318 г. Ряд церковных историков — И. Чельцов, М. Богданов, И. Троицкий — характеризуют его как личность довольно неприятную, злобную, завистливую, высокомерную, с набором преимущественно отрицательных качеств (Богданов 1856: 227; Чельцов 1861: 149; Троицкий 1898: 301). Он, будто бы, любой ценой хотел стать епископом, быть известным, прославленным, любым путём войти в историю, и именно поэтому восстал против официальной догматики.

Друг Ария, Евсевий Никомидийский (рис. 12), тоже ученик Луциана, был близок к Константину I и его сестре Констанции, даже состоял с ними в далёком родстве, и поэтому Арий чувствовал себя в определённой мере под защитой императорской власти. На поместном соборе в Александрии в 320 г., где собралось много египетских и ливийских епископов, Ария и его последователей почти единогласно снова отлучили от Церкви по инициативе Александра, епископа города (Walker et al. 1985: 182). Вместе с этим отлучением тень неприязни упала и на Евсевию, который, по мнению собора, активно поддерживал еретиков. Александрийский собор торжественно осудил арианство и разослал ко всем Церквям послания с призывом «не принимать ариан в свое лоно». Изгнанный из Александрии, Арий переехал в Палестину и оттуда написал ещё одно письмо к Евсевию Никомидийскому, рассчитывая на его поддержку. Не получив от последнего чёткого ответа, Арий в том же году взялся писать богословскую поэму под названием «Талия, или Банкет», где образно изложил свои теологические соображения и утверждения (Walker et al. 1985: 182—183).

Обладая поэтическим даром, он написал свою работу частично прозой (пролог, две главы и эпилог), а частично стихами, следуя традициям старых египетских поэтов, имевших обычай читать собственные произведения на торжественных собраниях и банкетах. Создавая «Талию» в несколько облегчённых агитационных тонах, Арий надеялся, что его мысли и идеи получат больше шансов дойти до широких масс верующих. Суть учения пресвитера Ария состоит в следующих догматических постулатах:

№6. 2013

— существует лишь один Бог, несотворённый, извечный, без начала и без изменения;

— Он сотворил своего Сына, и с Ним всё видимое и невидимое;

— Сын не являет Собою естества той же природы, что и Отец, поскольку когда-то было такое время, когда Сына Божьего не было. Он не существовал прежде, чем был сотворён. Как противоположность Отцу, Сын сотворён и не вечен. Сын имеет начало (в пространстве и времени), тогда как Отец начала не имеет;

— Сын, таким образом, может изменить свою природу и может подвергнуться греху;

— Сын лишь подобен Отцу своей природой (греческое — «homoiousios»), но не той же природы (греческое — «homousios»), т.е. не тождественен Ему, а соподчинён.

Арианство довольно быстро распространилось в Палестине и Малой Азии; в Никомидии сторонники Ария уже провели свой собственный синод и настаивали на отмене Церковью их отлучения. Среди единомышленников Ария были и влиятельные епископы, поэтому борьба между двумя течениями набирала всё большую силу и размах. Сам ересиарх, будучи блестящим оратором, без особых трудностей набирал каждый раз новых приверженцев. Константин, со своей стороны, поддерживал ортодоксов, усматривая в теологии Ария опасную идею об унижении авторитета не только Бога-Сына, но и вообще любого авторитета — как небесного, так и земного (Туркало 1974: 14).

Император был заинтересован в единстве Церкви ещё и потому, что, по его мнению, её сила и власть развивались параллельно с могуществом Империи, а религиозный раскол мог вызвать общую дестабилизацию в обществе и органах власти. В Александрию в 324 г. он отправил епископа Госия для переговоров с арианами, однако переговоры не дали желаемых результатов. Тогда Константин разослал письма ко всем епископам государства и пригласил их прибыть как можно быстрее в Никею. Император написал соответствующее письмо и Арию, и нескольким епископам-арианам с аналогичным обращением. В распоряжение доминуса поступили корабли, кони, волы, которые свозили участников к месту проведения собора. Император взялся также содержать духовенство за государственный счёт на протяжении всего периода проведения соборных заседаний (Jedin 1980: 117—118).

Реальное количество участников собора остаётся неизвестным — полные списки присутствующих не сохранились. Подавляющее большинство историков склоняется к мыс-

Рис. 12. Евсевий, епископ Никомидийский (по Древний Рим 2010: 217).

Fig. 12. Eusebius, Bishop of Nicomedia (after Древний Рим 2010: 217).

ли, что их было 318 (см., напр.: Функ 1911: 148; Туркало 1974: 28; Спасский 1995: 87). Из западных провинций прибыли: епископ Кордовы Госий, епископы из Карфагена, Калабрии, Дижона и представители римского понтифика — Виктор и Винцентий. Сам Сильвестр I, как отмечает Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории», из-за болезни и преклонного возраста приехать не смог (Евсевий Кесарийский 1993: 69). Существует также версия, подкреплённая рядом свидетельств, что папу не пригласили принципиально, даже для теологических консультаций. В числе присутствующих было много епископов, испытавших на себе недавние гонения (преследования христиан Галерием в 309 г.); наиболее известные из них — Евсевий Никомидийский, Евсевий Кесарийский, Пафнутий (который лишился глаза и обеих ног), Павел Неокесарийский (с обожжёнными раскалённым железом руками), Патамон (потерял глаза), Евлогий Трирский, Св. Афанасий Александрийский — первый враг ариан, Св. Евстафий Антиохийский, Иоанн Иерусалимский и др.

Никейский собор 325 г. стал в полном смысле слова вселенским (общеимперским), поскольку на него съехались церковные представители всего христианского мира IV в. (кроме Британии и Албании); присутствовали даже делегаты с территорий, не входящих в состав Римской империи, — посланец готов епископ Теофилий, епископ из Персии Иоанн, представитель Армянской церкви епископ Ректасий. Собор открылся утром 20 мая в помещении церкви Вознесения и длился 17 недель — до 25 августа. Его главной целью было, во-первых, — рассмотрение и выяснение вопроса о внутренней природе второй ипостаси Божества — Бога-Сына (Христа) и Его двоякой природе — одновременно Бога и человека, и, во-вторых, — формулирование отношения Церкви к учению Ария (Карташев 1994: 170).

14 июня на заседание Собора прибыл император Константин и произнёс вступительную речь (на латыни, поскольку греческий язык знал слабо). Центральная идея его выступления — призыв к единению и единству. Вот соответствующий отрывок из торжественной речи императора: «Наибольшее моё желание, друзья мои, — это видеть всех Вас на собрании. Я благодарю Бога, который наделил меня такой благодатью и таким приятным чувством. Пусть не будет никого, кто лишил бы нас этого счастья. Мы победили всех врагов Христа. Пусть не будет среди нас злого духа, который мог бы расшатать Закон Божий! После того как я, с Божьей помощью, разбил своих врагов, я думал, что сделал всё. Я думал, что должен лишь благодарить Его вместе с теми, кого я спас. Но в дальнейшем я услышал о раздоре между Вами. Я знал, как важны церковные дела, и потому их быстрее решение необходимо осуществить в первую очередь. Именно поэтому я созвал всех Вас без промедлений. Я не могу считать, что свою миссию я закончил, пока не увижу между Вами полнейшего единства. Не колебайтесь, друзья мои, не колебайтесь, служители Господа, выкорчёвывать все причины раздора и идти к единству. Согласовывайте все трудности сообразно законам мира. Согласовывайте [ваши] дела так, чтобы всё было наименее неприятнее и для Бога, и для меня, Вашего соратника и слуги. Это подарит мне бесконечное наслаждение. Не людям судить Вас. Только Бог может судить Ваши слабости и расхождения» (Деяния Вселенских Соборов 1996: 62).

Чтобы предотвратить дальнейшие догматические разночтения, собор сформулировал канон веры, который получил название «Никейский Символ веры» («Symbolum

Nicaeanum»), или Орос. Формально ортодоксия на соборе победила; Арий был проклят и отлучён (в дальнейшем — арестован и заключён). Тем не менее, провозглашение Никейского Символа не только не погасило, а наоборот, ещё больше разожгло внутрицерковные распри и споры; количество ересей начало возрастать. Не помогло даже принятие собором догмата о троичности Бога (Деяния Вселенских Соборов 1996: 126). Кроме первоочередных решений, на соборе постановили, что христианская Пасха обязательно должна праздноваться отдельно от иудейской, а именно — в первый воскресный день недели, которая идёт за первым после мартовского равноденствия полнолунием. Если же она совпадает с Песах, что недопустимо, то празднование переносится на следующее воскресенье (т.е. Пасха становится «кочующим» церковным праздником) (Деяния Вселенских Соборов 1996: 173).

Разочаровавшись в последствиях Никейского собора, Константин все же не потерял надежды. Больше того, с целью сохранения Империи он стал лавировать между враждующими лагерями. Под влиянием своей сводной сестры Флавии Юлии Констанции император освободил Ария и его единомышленников из тюрьмы, собрал ариан (собор 335 г. в Трире), и они осудили Никейский Символ веры (Jedin 1980: 120). Под конец жизни, за две недели до смерти, Константин, выполняя последнюю волю любимой сестры (она умерла в 330 г.) и свой старый обет, принял крещение из рук арианина Евсевия, который в последние годы правления августа был его тайным советником. Необходимо отметить, что французский историк Г. Буасье высказывает другую мысль. Он считает, ссылаясь на свидетельство Павла Орозия, византийского историка VI в., что император обратился в христианство намного раньше, вскоре после 326 г., в связи с убийством жены и сына и попыткой заслужить прощение Церкви за этот тяжкий грех; языческие жрецы такой поступок ему простить отказались (Буасье 1998: 41).

21 (или 22) мая 337 г. Константин I умер в Аквирионском дворце в предместье Никомидии, когда готовился выступить против персидского царя Шапура II (309—379), захватившего ряд восточных провинций Империи. Христианские историки IV—V вв. называли его Великим, а Церковь за предоставленные ей привилегии и права объявила его равноапостольным.

Кроме сыновей, своими наследниками он считал двух племянников — Цезаря Далмация Младшего и Аннибалиана, состояв-

шего в браке с Константиной Августой, дочерью самого Константина (Гиббон 1998: 495). Созданная им государственная система после его смерти распалась. Империя была разделена между сыновьями, ставшими августами: Константин II (317—340) правил на Западе (Галлия, Испания и Британия) и в Константинополе, Констанций II (324—361) — на Востоке и во Фракии, а Констант (333—350) — в Иллирии, Африке и Италии. Константин II и Констант поддерживали решения Никейского собора, а Восток во главе с Констанцием II — арианство (Егер 1997: 561).

Примирить их попытался тридцать пятый римский понтифик — Юлий I (337—352) (рис. 13). Он созвал в 343 г. поместный собор в Сардике (совр. София), где собрались преимущественно представители западного клира. Естественно, Никейский Символ веры был подтверждён, а учение Ария снова осуждено как ересь. Для римского первосвященника был обоснован примат (верховенство) над всеми епископами; это решение собора сразу же вступило в действие (Jedin 1980: 122). Восточные иерархи с папским приматом принципиально не согласились, и в Сардике Западный епископат отделился от Восточного (с центром в Александрии): состоялся первый реальный раскол между Западом и Востоком. Властные прерогативы Церкви, таким образом, уменьшились.

Вместе с тем, необходимо отметить, что задолго до обращения Константина в новую веру Христианская Церковь уже имела довольно чётко организованную структуру. Во главе каждой общины протагонистов или еkkлeсии стоял епископ, власть которого была всеобъемлющей. Он выбирал и посвящал в духовный сан священников и дьяконов, которые ему помогали; через крещение он принимал в общину новых членов и изгонял, подвергая анафеме, тех, кто нарушал правила этого обряда. Епископ составлял и передавал рекомендательные письма представителям своей паствы, которые переселялись в другие места; кроме того, он осуществлял неограниченный контроль над финансами и имуществом общины как официальное юридическое лицо в пределах действия римского законодательства. Христианские епископы избирались своим духовенством и всеми верующими общины, однако должны были быть хиротонизованы в сан другим епископом, лучше несколькими, из соседних общин; они правили на протяжении всей жизни, если не лишались сана вследствие серьёзных нарушений или вины (Jedin 1980: 135—136).

Рис. 13. Римский понтифик Юлий I (по Древний Рим 2010: 233).

Fig. 13. Roman pontiff Julius I (after Древний Рим 2010: 233).

Община, управляемая епископом, по обыкновению, территориально охватывала весь город и близлежащие земли. В большинстве случаев это была не только единица управления, но и однородная социальная масса. В III в. епископ в некоторых случаях возглавлял несколько равных по количеству населения городов; но к началу IV в. такая практика встречалась уже редко. По давнему обычаю (с середины II в.), епископ Александрии брал под свою опеку небольшие, расположенные по соседству города мареотийцев. Такие городки на практике образовывали единый сельский район. Согласно другому старинному обычаю, епископ города Томы, к примеру, руководил всеми пятнадцатью городами Скифии, а в Европе, в первую очередь — её западной части, под руководством архиепископов главных городов также пребывало 2—3 небольших соседних города (Крюгер 1881: 345).

В Испании (Иберии) один епископ контролировал сразу несколько (до 5—7) городов, которые имели самоуправление. С другой стороны, маленькие города и сёла, располагавшиеся на территории, принадлежащей большому городу, иногда добивались права иметь своего собственного епископа. Такие сельские епархии были широко представле-

Рис. 14. Св. Григорий (Богослов), епископ Назианзы (по Древний Рим 2010: 258).

Fig. 14. St. Gregory (the Theologian), bishop of Nazianzus (after Древний Рим 2010: 258).

ны на Кипре и в Киренаике, — административных единицах, которые по своему характеру к городам не принадлежали, а представляли собой регионы, области и большие земельные латифундии, а также автономные сёла и частные имения (виллы). Довольно часто они имели отдельных епископов, а иногда (исходя из разных обстоятельств) прикреплялись к наибольшему соседнему городу. Регионы Вифинии подпадали под управление Никеи, а регионы Каппадокии — Кесарии (Крюгер 1881: 345—346). Со временем, в связи с общим постепенным распространением на территориях всей Римской империи христианства, епархии становились все более многочисленными. Эта тенденция обуславливалась увеличением численности населения, однако в большинстве случаев становилась результатом сектантского соперничества.

В Северной Африке, например, в результате борьбы между ортодоксами и донатистами епископы назначались не только в каждый маленький город, но и в большие имения. В целом епархии располагались по возможности ближе к большим городам. С точки зрения охватываемой территории, епархии существенно различались: в Риме и Константинополе население приближалось

к 1 млн., а в маленьких поселениях в среднем насчитывалось до тысячи жителей. Никейский собор, принимая во внимание это обстоятельство, издал указ, которому в дальнейшем неукоснительно следовали прелаты Церкви. Согласно ему, епископ, рукоположенный в сан, не имел права переходить в другую епархию (Деяния Вселенских Соборов 1996: 174—175). Подобный запрет, как показала практика, имел отрицательные результаты относительно продвижения духовных лиц по службе.

Талантливый проповедник и выдающийся церковный руководитель, каким был, к примеру, Св. Григорий Назианзин (318—374) (рис. 14), принявший под опеку маленькую епархию в юго-западной части Каппадокии (Робертсон, Герцог 1891: 680), не имел возможности использовать свой талант в более широкой апостольской практике, а большие епархии, которые охватывали огромные римские провинции, иногда укомплектовывались за счёт клириков, не имевших епископского опыта. К началу IV в. средние по размеру епархии переходили к организации отдельных приходов. В Александрии, ещё до созыва собора в Никее, числилось несколько городских церквей, в каждой из которых был свой постоянный священник (Троицкий 1898: 151). Такая традиция на протяжении довольно продолжительного времени оставалась в практике ряда епархий. Например, существуют документальные свидетельства, что даже после Никейского собора в Марее сохранились сельские церкви, которые тоже имели собственных пресвитеров.

Приходские церкви делились на два типа. Некоторые, известные как *tituli*, находились в городах западных провинций Империи и тесно примыкали (в административной иерархии) к определённой епископской церкви. В них правили службу те же самые духовные лица — каноники (*canonici*) или кардиналы (*cardinales*), что и в городском кафедральном соборе (Функ 1911: 337). Финансировались они из центральных патриарших фондов Церкви (как позднее в Византийской империи). Другие, известные как *dioceses* или *parochiae*, отличались независимостью. Они существовали и функционировали за счёт пожертвований своих верующих, а службы в них проводили собственные, как правило, местные священники. Большинство сельских церквей принадлежало к последней категории (Функ 1911: 337—338). С течением времени в городах возводилось значительное количество новых христианских культовых соору-

жений; этому оказывала содействие целенаправленная политика Константина Великого и его преемников на императорском престоле (исключение составляет короткое правление Юлиана Отступника).

Например, в небольшом провинциальном городке Герасе в конце IV в. уже существовало десять церквей и две часовни (Дюшен 1912: 273). Следует отметить, что во многих сёлах и больших хозяйственных имениях — магнатериях, также были свои церкви, которые обычно строились и материально обеспечивались землевладельцами. С момента своего возникновения большую часть прибыли церкви активно тратили на благотворительность, а с начала IV в., при содействии императора Константина, начали создавать многочисленные приюты, больницы, дома для вдов и пожилых одиноких людей. Часть этих полугражданских учреждений получала, как и приходские церкви, независимость — т.е. ставропигию. В них работал отдельный штат служащих и организовывался фонд пожертвований; в особых случаях они финансировались из общего фонда епархии и укомплектовывались архиереями. Необходимо подчеркнуть, что в восточных провинциях Империи наделение епископа духовной (пастырской) властью происходило по иным правилам, отличающимся от западных (Walker et al. 1985: 210).

Епископы, руководившие значительными территориями, имели заместителей; такие заместители «заведовали» конкретно обозначенными районами — сельскими церковными диоцедами. В начале IV в. эти заместители (*chorepiscopi*) получали епископские права; многие из них присутствовали в 325 г. на соборе в Никее и подписались под его каноническими правилами. Тем не менее, их «сельская» власть существенно ограничивалась. Хорепископам запрещалось рукополагать священников и дьяконов, за исключением тех случаев, когда они действовали от лица старшего — т.е. городского епископа; однако им разрешалось возводить неофитов в низший духовный сан. В дальнейшем эту роль начали выполнять пресвитеры-инспектора (*periodeutae*), осуществлявшие проверки сельских церквей (Walker et al. 1985: 212); сан хорепископов окончательно был ликвидирован в начале VI в.

Начиная с ранних этапов своей деятельности, епископы каждого диоцеза проводили собрания, на которых формировалась, определялась и формулировалась общая церковная политика по актуальным и спорным вопросам. Источники свидетельствуют, что ещё

до правления Константина Великого традиционными и влиятельными стали консультационные встречи епископов, проходившие дважды в год. На таком собрании рассматривались и дискутировались различные вопросы специфического церковного характера; в первую очередь заслушивались доказательства, направленные против решений относительно отлучений от Церкви, которые самовольно принимались отдельными епископами (Шафф 2007: 47—48). Местом проведения подобных собраний большей частью была столица провинции, а их организация осуществлялась под председательством столичного епископа.

Никейский собор превратил эту традицию в закон и постановил, что ни одно духовное лицо не может быть рукоположено в сан епископа без согласия митрополита, епископа столицы и других провинциальных епископов, по крайней мере — их большинства (Деяния Вселенских Соборов 1996: 85—86). Таким образом, была усилена власть митрополита, поскольку отныне он мог накладывать *veto* на «своевольные» назначения епископов; одновременно и епископы получили больше полномочий. К тому времени город имел возможность «заполучить» епископа, которого он желал, с условием, что горожане убедят достойное духовное лицо принять этот сан и должность. После утверждения постановления Никейского собора подобный выбор контролировался советом провинции, и именно на эти провинциальные советы распространил в первую очередь свою верховную власть Константин, оставляя за собой высший властный приоритет в духовной и структурно-организационной сфере христианства (Буркхард 2003: 285). И всё же в IV в. никейские канонические правила действовали не повсеместно. В Северной Африке существовал обычай (вплоть до начала VII в.), по которому иерархическое верховенство концентрировалось в руках старшего епископа провинции, а не епископа столицы провинции (за исключением епископа Карфагена; он стоял во главе проконсульской провинции).

В целом Христианская Церковь придерживалась постановлений провинциальных соборов, приспособлявая свою организацию к государственной, тем более, что этому активно содействовал сам император Константин Великий, небезосновательно рассчитывая и на одновременное усиление своей кесарской власти, которая после 325 г. все более ощутимо начала опираться на уже довольно консолидированный церковный институт. Однако в процессе адаптации организационных структур Церкви к государственным (имперским) опре-

делились и некоторые исключения. Епископы Александрии утвердили своё право хиротонии в сан епископа на всей территории Египта, который в прошлом был отдельной провинцией (Богданов 1856: 130). Они сохранили это право за собой, даже когда Диоклетиан в 293 г. поделил Египет на несколько провинций. Таким же образом и епископ Рима, традиционно уполномоченный рукополагать всех епископов Италии, юга Апеннин и Сицилии, продолжал это практиковать и после того, как имперские территории были заново разделены на провинции (вместо 50 появилось 100) и административные округа — пагусы (Крюгер 1881: 257).

Не менее важно обратить внимание на симптоматичные аспекты довольно сложных, в определённой мере противоречивых взаимоотношений церковного клира со светской императорской властью. Поэтому целесообразно продолжить освещение и анализ действий и мероприятий Константина Великого, направленных на усиление собственной имперской структуры власти и улучшения её организационных основ за счёт христианства, сближение с его иерархами и осуществления «опеки» над ними. Преследуя такую принципиально важную для себя цель, Константин стал первым из римских монархов, созвавшим Вселенский собор. Именно он установил прецедент, который постулирует: только император имеет право организовать собор такого уровня. Подобная прерогатива со стороны светской власти была неминуемой для Церкви, поскольку исключительно император имел неограниченные полномочия (в рамках цезарепапизма) собирать всех епископов и утверждать их декреты.

Константин и его преемники время от времени созывали и менее представительные «соборы» (так с IV в. начали называться епископские духовные советы) для решения спешных и спорных церковных вопросов. В первую очередь составлялся список епископов и определялась повестка дня для общих собраний; довольно часто на должность председательствующего назначались светские должностные лица (Jedin 1980: 224). Подобные собрания очень редко достигали своей цели, поскольку духовные лица, которые не получили туда приглашения, заявляли, что эти «советы» собираются с целью заговора против них. Константин, непосредственно связывая усиление (в большинстве случаев — в отдалённых провинциях Империи) своей власти с успехами Христианской Церкви, всегда выступал в роли верховного судьи в богословских спорах и распрях,

к примеру — в Арелате в 314 г. и Никее в 325 г. при выяснении догматических противоречий с донатистами и арианами (Буркхард 2003: 287). Уместно также обратить внимание на то обстоятельство, что во времена правления Константина Великого количество христиан в Империи не превышало 12—15% при более 120 млн. общей численности населения; но благодаря продуманной, эффективной организационной структуре их церковного учреждения, именно на них решил сделать свою социальную и политическую ставку автократор.

Для более объективного понимания процесса формирования нового мировоззрения и особенностей отношения Константина к христианству, к власти и роли Церкви Христовой в позднеантичном обществе, рассмотрим его позицию относительно проблемы донатизма и некоторых других теологических аспектов.

«Пожизненная святая набожность нашего Бога не допустила, чтобы род человеческий продолжал блуждать во тьме, и не разрешила, чтобы ненавистная злонамеренность некоторых людей возобладала, а захотела, чтобы они возвратились к законам справедливости. Я узнал об этом из многочисленных примеров и ощутил также на самом себе. Поскольку раньше во мне были вещи, которым не хватало справедливости, я думал, что высшая сила не видит, что происходит в моём сердце. Что за конец имело бы это, о чём я говорю? Лишь один, преисполненный злом. Но всемогущий Бог, Который живёт на небе, подарил то, что я не заслужил. Невозможно ни высказать, ни счесть, что Он в своей небесной милости предоставил мне, его рабу», — эти слова приводит Опат Митиленский в трактате «Против донатиста Пармениана» (Опат Митиленский 2012: 82—83). Так в августе 314 г. Константин описал своё религиозное понимание и религиозное развитие (мировоззренческую позицию) в письме к латинским епископам, которые собрались в Трире для согласования спора с упомянутыми выше донатистами (Буркхард 2003: 288). Такое внутреннее духовно-религиозное развитие в поисках могущественного высшего покровителя и Бога привело императора в конечном счёте к Христу, хотя и перед самой смертью.

На примере Константина мы видим, что развитие религиозных убеждений, с одной стороны, определялось непривычной и разноплановой религиозно-политической ситуацией и формировалось под влиянием изменений политических условий власти, а также стремлением к достижению политических це-

лей, с другой — показало глубокое влияние религиозного фактора на историю Римской империи IV в. Тесная связь религии и политики, которая была усовершенствована в системе тетрархии Диоклетиана, приобрела абсолютно новый масштаб. Неожиданные изменения в религиозно-политических решениях Константина объясняются этой связью. Поворот императора в сторону христианства не был «обращением» в понимании апостола Павла; переживание перед боем на Мульвийском мосту не стало для него «Дамаском».

Как политик, Константин не был готов к той последовательности в религиозной сфере, которую потенциально ждали от него христиане Империи. Однако, несмотря на определённую сдержанность и плюралистичность религиозной политики, Константин неоднократно подчёркивал своё единство с христианством (Ковалёв 2003: 706). Этот беспринципный политик с самого начала был вынужден учитывать все факторы постоянно изменяющегося политического поля и идеологически драпировать свою борьбу за единоличную власть. Одновременно он разрешал христианской стороне втягивать себя во внутрицерковные конфликты и довольно часто своё поведение в подобных спорах ориентировал на политическую своевременность и социальную конъюнктуру. Эта тенденция с особой яркостью проявилась в первом внутрицерковном конфликте, с которым он столкнулся в упомянутом выше донатистском споре.

В «донатистской проблеме» с самого начала с личным соперничеством за выбор епископов переплелись подспудные противоречия в общинах Северной Африки, связанные с отношением к «традиторам» (предателям) — т.е. к тем, кто, как уже отмечалось, во времена гонений на христиан отдал язычникам-осквернителям церковные сосуды и священные христианские книги. Кроме того, верующими поднимались вопросы: зависит ли сакральная действенность церковного акта и осуществление таинств от непорочности и безупречности епископа. К этому прибавились административные претензии многих нумидийских епископов, принимавших участие в выборах епископа Карфагена (Дюшен 1912: 396). За этой «совокупностью недовольств» стояло непреодолимое противоречие между бескомпромиссной и фанатичной «Церковью мучеников» и «Вселенской Церковью», которая терпимо и снисходительно относилась ко всем равнодушным и даже к тем, кто временно отрёкся от христианства. Когда в 311 г. дьякон Цецилиан был поставлен епископом Карфа-

гена, дело быстро переросло в острый конфликт. Недруги Цецилиана, такие, как епископ Феликс Аптонжский, предъявили ему обвинение в измене и умело вовлекли в распрю большинство епископов Нумидии. После безрезультатных переговоров они назначили епископом Карфагена Майорина (Дюшен 1912: 397). Раскол быстро разрастался и охватил множество христианских общин Северной Африки. Так складывалась ситуация, когда Константин присоединил часть владений Максенция.

Император сразу же встал на сторону Цецилиана. Традиция мучеников Северо-Африканской Церкви и донатистов «от истоков» находилась в противоречии со стремлением кесаря к интеграции, которая осуществлялась за счёт компромиссов. В письме к Цецилиану он не только сообщает ему о выделении денег для выплаты «слугам законной и святой Кафолической Церкви», но и занимает однозначную позицию относительно острых внутрицерковных споров: «Поскольку я узнал, что некоторые беспокойные люди соблазняют верных Католической Церкви злонамеренным заблуждением, я устно приказал проконсулу Ануллину и викарию Патрицию уделить соответствующее внимание этому обстоятельству и ни в коем случае не допускать [в дальнейшем] подобных случаев. Если ты видишь, что кто-то из этих лиц сопротивляется в своём безумии, не раздумывая иди к названным чиновникам и делай по данному событию заявление, чтобы эти люди были призваны к порядку в соответствии с моим устным распоряжением» (Туркало 1974: 15).

На несколько «неадекватную» позицию Константина в отношении Цецилиана сторонники епископа Майорина ответили, на первый взгляд, очень удачным, а в действительности — проблематичным ходом. 15 апреля 313 г. они попросили императора передать решение спора галльским епископам. Таким образом, впервые в истории Церкви в качестве вышестоящей инстанции появляется созданный императором синод: это прелюдия Никейского собора. Константин ответил на просьбу положительно и поручил подготовку обсуждения епископу Рима Мильтиаду. Синоды в Риме (октябрь 313 г.) и Арелате (август 314 г.) серьёзно занимались этим опасным конфликтом, но к общему знаменателю прийти не удалось из-за того, что галльские и итальянские епископы приняли сторону Цецилиана, а преемник Майорина — Донат был отлучён от Церкви «за общение с традиторами» (Jedin 1980: 244.).

Рис. 15. Св. Аврелий Августин, епископ Гиппонский (по Древний Рим 2010: 261).

Fig. 15. St. Augustine, Bishop of Hippo (after Древний Рим 2010: 261).

Конфликт ещё больше обострился прежде всего потому, что враги Цецилиана в лице Доната имели страстного и талантливого агитатора и вождя, который разъяснял позицию своих сторонников в многочисленных литературных произведениях полемического характера. Даже Св. Аврелий Августин (354—430) (рис. 15), прежде чем стать непримиримым врагом донатизма, в молодые годы сам увлекался этими оригинальными трактатами. Из-за Доната, который разделял теологические взгляды Св. Киприана Карфагенского (183—258) (рис. 16), сторонники этого раскола были названы донатистами; остальных христиан они называли язычниками (Троицкий 1898: 273). Посреднические попытки самого Константина, к которому обратились разочарованные результатами синода в Арелате донатисты, положительных результатов не принесли.

В послании к викарию Африки Цельсу Константин в начале 316 г. грозился своим личным вмешательством: «Тогда я покажу своим приговором Цецилиану и его недругам, какое почитание есть к лицу Всевышнего Бога и какой вид богослужения даёт Ему радость. Также я, после тщательного рас-

Рис. 16. Св. Киприан, епископ Карфагенский (по Древний Рим 2010: 238).

Fig. 16. St. Cyprian, Bishop of Carthage (after Древний Рим 2010: 238).

следования, узнаю и выведу на свет Божий, что скрывают эти недалёкие и неразумные люди. Людей же, которые эти дела осуществляют и делают то, что не служит [славе] Всевышнего Бога, я уничтожу и раздавлю. Что же есть наиболее важным для меня, как не разрушать все недостатки и ошибки, искоренять все наглости и проявлять заботу о том, чтобы все исповедовали истинную религию?» (Евсевий Памфил 1993: 84).

Очевидно, что письмо Константина к Цельсу включает в себя новые, достаточно симптоматичные элементы. Император претендует на то, чтобы быть авторитетом в вопросах религии и веры, определять «настоящую» религию и знать «правильные» формы богослужения. В этом отношении он продолжает древнеримские традиции и представления; в основе автократор разделяет принципиальные позиции Диоклетиана относительно власти. К тому же, Константин довёл религиозный конфликт до крайней черты. В связи с внутривосточными событиями на Балканах, он не смог сам отправиться в Африку, однако римская власть Северной Африки в полной мере применила свои полномочия против донатистов, что привело

к окончательной религиозной конфронтации. Донатистские церкви закрыли, епископов выгнали; зато были подняты на щит мученики, которые ещё более накалили ситуацию (Walker et al. 1985: 211). Впервые здесь был применён инструмент религиозного преследования со стороны Римского государства от имени Западной Церкви, хотя и без успеха.

Изменение курса Константина в 321 г. было обусловлено ожидаемой борьбой с Лицинием. Неожиданно он проявил толерантность по отношению к «Донатистской Церкви» и даже разрешил возвратиться из ссылки изгнанным епископам. В послании ко всем епископам Африки и «верным Вселенской Церкви» новый императорский курс обосновывался следующим образом: «К чему обязывает вера, на что способно благоразумие и что может сделать чистота, я, как вы знаете, сделал попытку создать в своей службе человечеству. Поэтому по нашим законам мир священного братства, милость которого Бог вложил в сердца своих рабов, должен всегда сохраняться благодаря общему согласию. Но поскольку наше намерение не может проникнуть в некоторые головы и преодолеть упрямо липнущие [к морали] преступления, которые до настоящего времени успешно защищали свою злонамеренность, мы должны присматривать за народом, чтобы он благодаря милосердию Всевышнего Бога от них отказался. Поскольку от него мы должны ждать спасения, поскольку все благие намерения и действия будут возданы по заслугам» (Евсевий Памфил 1993: 86—87).

В свою очередь, общины донатистов тоже «не дремали». Ещё в 330 г. Константин должен был смириться с тем, что донатисты завладели возведённой по его приказу базиликой в Константине — столице Нумидии, и утешал латинских епископов обещанием строительства новой, еще более прекрасной базилики. Благодаря своей победе над теологическими противниками, а также над распадающимся Римским государством, донатисты сформировали длительную социумную традицию. Закономерно, что позднее именно в их рядах вмешательство императора в церковные вопросы было решительным образом отвергнуто, что и отражено в гордом вопросе Доната: «Что общего имеет император с Церковью?» (Буасье 1998: 169).

Движение донатистов укрепилось не в последнюю очередь потому, что в него «влились» древние североафриканские мировоззренческие традиции, а позднее (345 г.) к нему присоединились пёстрые и многочисленные группы циркумцеллионов (агони-

Рис. 17. Луций Цецилий Фирмиан Лактанций (по Древний Рим 2010: 205).

Fig. 17. Lucius Caecilius Firmianus Lactantius (after Древний Рим 2010: 205).

стиков), странствующих монахов-еретиков (Буасье 1998: 170). Св. Августину, епископу Гиппонскому, не удалось, как известно, игнорировать это движение; донатизм пережил и гонение вандалов, а перестал существовать только после завоевания Северной Африки мусульманами.

Менее сенсационным, нежели вмешательство в донатистский спор, был целый ряд дополнительных указов, которыми Константин поддержал и укрепил Христианскую Церковь: признал третейскую юрисдикцию епископов, разрешил составление завещаний в пользу Церкви и освобождение рабов в упрощённой форме, при присутствии епископа и только в храме, и т.п. (Функ 1911: 340). Эта христианофильская политика Константина не случайно оживилась и активизировалась во времена борьбы с Лицинием. Опубликованные тогда произведения Лактанция и Евсевия из Кесарии позволяют определить и проанализировать духовную и религиозную составляющие внутреннего мировоззренческого развития Константина.

Цецилий Фирмиан Лактанций (рис. 17) родился в Африке в 260 г. и в возрасте тридцати лет был отправлен Диоклетианом как талантливый оратор в Никомидию, где он встретился с будущим императором Константином. В начале IV в., перейдя в христианство, он прекратил свою ораторскую деятельность и посвятил себя литературному творчеству. В 313 г. Лактанция вызвали в Трир, чтобы он стал воспитателем Криспа, старшего сына Константина (Буасье 1998: 172). Благодаря выдающимся стилистическим формам своих трактатов, он позднее был назван христианским Цицероном. Лактанций в своём творчестве гармонично объединял позднеантичные

Рис. 18. Евсевий Памфил, епископ Кесарийский (по Древний Рим 2010: 208).

Fig. 18. Eusebius Pamphilus, Bishop of Caesarea (after Древний Рим 2010: 208).

представления с христианскими и ветхозаветными ценностями. В знаменитом произведении «О смерти гонителей», написанном в 316 г. (Лактанций 2008), он представил историю преследований христиан с точки зрения Божьего Суда над язычниками-гонителями. Более ранний и посвящённый Константину теологический трактат Лактанция «Божественные наставления в семи книгах» (Лактанций 2007) имел целью ознакомить просвещённых римлян с учением и моральными ценностями христианства. Умер этот выдающийся античный писатель в 325 г.

Евсевий (260—340) (рис. 18) провёл свои молодые года в Палестине. В Кесарии он находился под ощутимым духовным влиянием пресвитера Памфила, имя которого впоследствии присоединил к своему. В 303—311 гг. будущий церковный историк стал свидетелем гонений на христиан в Кесарии, Тире, Египте и Фивах. Первое десятилетие IV в. — расцвет его литературной деятельности. Именно тогда он начал писать свою «Всемирную хронику» (от Авраама до 325 г.н.э.) (Евсевий Памфил 2010) и «Историю Церкви» (Евсевий Памфил 1993). Отдельную, хорошо документированную биографическую работу Евсевий посвятил жизни и деятельности Константина I (она была закончена после смерти императора) (Евсевий Памфил 1998). Именно эти два

античных автора — Лактанций и Евсевий — оставили наиболее полные и яркие свидетельства о той эпохе и её истории.

В процессе своего обращения к христианству Константин стал первым римским императором, в русле собственных религиозных убеждений разделявшим антииудейские настроения христиан: запрет на вход евреев в Иерусалим, за исключением одного дня в году (введённый в 135 г. после подавления Римом восстания Бар-Кохбы), который выполнялся в то время небрежно, был снова им полностью восстановлен с введением сурового контроля за его выполнением (Буркхард 2003: 288). Император также изъявил желание заново упорядочить рабство в еврейском приусадебном хозяйстве. Обрезанный евреями раб, не важно — христианин или нет, — отпускался на волю как жертва иудейского своеволия и издевательства. Евреям было запрещено иметь рабов-христиан, поскольку «было бы несправедливо, чтобы убийцы Христа, как писал Евсевий, держали рабами спасённых Спасителем людей» (Евсевий Памфил 1998: 105). С другой стороны, иудейство, как и раньше, оставалось разрешённой религией; после временных ограничений герусиасты — руководители синагог (общин) и другие служители культа Ягве снова получили свои старые привилегии.

Включение всего Востока в сферу своей доминантной власти принесло Константину новые проблемы, поскольку именно в восточной части Империи в те годы Церковь была наиболее разьединённой, в сравнении с остальными регионами. Епископские общины оставались на Востоке относительно независимыми, и провинциальные церкви создавали из основанных ими религиозных сообществ новые диоцезы, в которые входили крупные митрополии — Александрия и Антиохия. На Востоке, как отмечает А. Спасский, десятилетиями прилагались усилия, чтобы создать христианскую теологию по типу и опыту греческой философии, и именно с этой стороны в IV в. возникли значительные догматические трения (Спасский 1996: 363).

Как в Северной Африке в донатистском споре, так и в Египте проблема «предателей» христианства привела к возникновению радикальной секты мелетиа. Тем не менее, для церковной проблематики в восточноримских провинциях начала IV в. характерная черта — не постоянное обсуждение вопроса об «отпавших». Этот вопрос отступил перед более серьёзной теологической проблемой — определением сущности Логоса. Перед Церковью

стояла задача, с одной стороны, сохранить христианский монотеизм, а с другой — объяснить категориальное различие между Богом-Отцом и Сыном. Выделенный круг вопросов живо обсуждался в Александрии уже после смерти Оригена (185—254), а также в Антиохии. Однако в обеих больших христианских школах Ближнего Востока эти вопросы нашли абсолютно разное толкование (Спасский 1996: 365).

Вмешательство Константина в новую арианскую проблему (он заботился только о восстановлении единства Христианской Церкви, поскольку, по его мнению, это единство полезно и необходимо для Римской империи и верховной императорской власти), как известно, также оказалось неудачным из-за его полной неосведомлённости в вопросах догматики и непоследовательности в принятии соответствующих богословских решений.

Через два года после разрыва с Арием (327 г.) Константин неожиданно мирится с ним. С этого момента «духовное окружение» императора ощутимее начало влиять на церковную политику в государстве. В том же 327 г. состоялось ещё одно важное событие: советник Константина по церковным вопросам — епископ Оссий (Госий) Кордовский отошёл на задний план, и следующее десятилетие отмечено доминированием придворного влияния Евсевия Никомидийского. Началась активная борьба с епископом Афанасием Александрийским (298—373) (рис. 19), фанатичным никейцем, бывшим другом Константина (Спасский 1996: 365—366). Деятельность Евсевия из Никомидии, который после смерти Ария стал лидером ариан, имела судьбоносные последствия, поскольку в 341 г. он рукоположил в сан Ульфила (311—383) (рис. 20), первого епископа готов. Широкомасштабная миссионерская деятельность последнего, преимущественно в Мезии, оказала значительное содействие распространению арианства на Западе (Walker et al. 1985: 214).

Не менее активными и решительными, нежели административные, иерархические и теологические изменения, были неоднократные на протяжении IV в. вмешательства государства в религиозные вопросы, которые достигли своей кульминации при Феодосии I Великом (379—395) (рис. 21). После того, как Второй Вселенский собор 381 г. в Константинополе провозгласил Никейский Символ веры общеобязательным, арианство в Римской империи было обречено (Спасский 1996: 367). Тем не менее, оно

Рис. 19. Св. Афанасий, епископ Александрийский (по Древний Рим 2010: 202).

Fig. 19. St. Athanasius, Bishop of Alexandria (after Древний Рим 2010: 202).

ещё долго сохранялось у германских племён, а лангобарды исповедовали его вплоть до середины VII в. Исторический анализ перспектив дальнейшего религиозного развития обнаруживает ту опасность для Христианской Церкви и Римской империи, которую обусловила попытка Константина навязать свою позицию в трудных теологических спорах и дискуссиях. После Трира, как он считал, можно было надеяться, что главная цель достигнута. Триумф по поводу тридцатилетнего юбилея его правления, в рамках которого проводилось и освящение церкви Гроба Господнего в Иерусалиме, стал кульминацией всей жизни Константина. Одновременно это был день, когда Евсевий Памфил произнёс свою панегирическую речь в честь юбилея и юбилея.

Единственным, кто выступил с критикой и обвинениями в адрес императора, оказался преданный им ранее Св. Афанасий Александрийский. В последние годы правления Константина идеолог и вождь никейства потерпел неудачу и подвергся гонению. Дело в том, что в 334 г. епископ Александрии отказался появиться на синоде в Кесарии, а через год, на синоде в Трире, состоялся раскол. Когда Афанасий понял, что не сможет найти понимания и поддержки у большинства епископов, он отправился в Константинополь, что-

Рис. 20. Ульфила, епископ Готский (по Древний Рим 2010: 284).

Fig. 20. Ulfilas, Gothic Bishop (after Древний Рим 2010: 284).

бы лично обратиться к императору. Но долго продержаться в изоляции владыка не смог. Трирский синод лишил его сана, и когда против Афанасия были выдвинуты обвинения, что он якобы старался приостановить поставку зерна из Египта в Константинополь, Константин, не колеблясь, выслал его в тот самый Трир. Вследствие этой радикальной акции императора весь Запад был охвачен противоборством, которое втянуло различные круги римского общества в свою орбиту (Спасский 1996: 368).

На Востоке, тем не менее, клир пришёл к внешнему гармоничному завершению конфликта. По приглашению императора, синод из Трира перебрался в Иерусалим, чтобы там,

Рис. 21. Император Феодосий I Великий (по Древний Рим 2010: 276).

Fig. 21. Emperor Theodosius I the Great (after Древний Рим 2010: 276).

на месте, принять участие в торжественных мероприятиях, связанных с уже упомянутой церковью Гроба Господнего. Одновременно этот синод полностью реабилитировал Ария, хотя догматический конфликт ликвидировать не удалось (Спасский 1996: 368).

Крещение перед смертью и способ погребения были последними этапами духовно-религиозного «совершенствования» Константина I Великого. Во время обряда крещения — оно состоялось в Никомидии, когда император был тяжело болен, — он ещё раз высказал своё личное отношение к христианской религии. Отсрочка крещения до конца жизни в IV в. оставалась довольно популярной «хитростью» среди значительной части населения Империи. Такой способ основывался на представлении, что актом крещения отпускаются, исходя из евангельского учения, все содеянные до того грехи. Поскольку к тому времени учение о покаянии в Христианской Церкви ещё не сформировалось, у многих верующих возникал соблазн обратиться к наивной хитрости: использовать это средство один раз — под конец жизни, и тогда не будет времени совершить какой-нибудь новый грех. У Константина к тому, что

он крестился как ариан и по завещанию повелел «на всякий случай» похоронить себя «по двум обрядам» — языческому и христианскому, прибавилось ещё и то, что он, как император, постоянно был втянут в многочисленные языческие традиции. Например, весь период своего правления он оставался верховным понтификом Империи, главным жрецом культа Солнца и, соответственно, бога Гелиоса. И самого Христа на протяжении IV—V вв. христиане большей частью отождествляли с Гелиосом и изображали Иисуса с атрибутами этого языческого бога Солнца.

После того как Константин через несколько дней после обращения, в белых одеждах новокрещённого, умер, он был перевезён в Константинополь и похоронен там в уже подготовленном мавзолее возле Апостольской церкви (Буркхард 2003: 324). Так же, как Октавиан Август (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), Константин Великий заранее определил ритуал и церемонию своих похорон. По описанию Евсевия, он установил в мавзолее «в виде святых колонн двенадцать надгробных памятников в честь апостолов. В середине [зала] он распорядился поставить свой гроб, с обеих сторон которого стояло по шесть апостолов» (Евсевий Памфил 1998: 176). Понятно, что речь шла лишь о памятных стелах, и только через год сын императора, Константин II положил несколько реликвий апостолов и их учеников под алтарь мавзолея-базилики.

Как отмечает немецкий историк К. Крист, свою главную цель, высшую миссию Константин видел в обновлении мира с помощью религиозного возрождения, которое подразумевало единство и целостность Христианской Церкви (Крист 1997: 472). Единственное, что беспокоило императора в этой ситуации, — проблема прерогатив и границ полномочия своей кесарской (светской) власти относительно власти Церкви,

в первую очередь — духовной. И он, оставаясь в некотором сомнении, решил, всё же, эту проблему в свою пользу, объединив и сконцентрировав в руках верховную руководящую и исполнительную власть в гражданской и церковной сферах. Это была определённая тоталитаризация и абсолютизация императорской власти, из-за чего произошло прямое усиление римского домината; высшие прерогативы власти оставались за императорами при значительном их усилении и укреплении за счёт поддержки и освящения со стороны Христианской Церкви.

В заключение правомерно констатировать: обращение Константина, вопреки всему, существенно повлияло на отношения между государством и Церковью. Считая себя слугой Бога, ответственным перед Ним за порядок в Церкви, Константин решительно вмешивался в церковные дела и споры. Он сформировал правовые основы и утвердил цезарепапизм. Церковь безоговорочно приняла его руководство и опеку; весь клир апеллировал только к кесарю по поводу решений церковных соборов. Относительно человеческих качеств, склонностей и особенностей индивидуальных черт его характера, можно утверждать: импонирующим в морально-этическом плане, харизматичным или убедительным как личность Константин Великий не был, как и другие римские императоры IV в. или прочие политики этого времени. Однако его государственные решения и реформы стали основополагающими не только для истории поздней античности, но и для истории раннесредневековой Европы и Византийской империи, особенно — в аспектах решения проблемы прерогатив власти правителя и Церкви. Для Римской империи цивилизационный шаг Константина I обратного действия не имел. В свою очередь, Христианская Церковь, особенно её православная ветвь, несёт на себе бремя «Константинова выбора» и ныне.

Литература

- Богданов М. 1856. *Краткая история Христианской Церкви*. Москва: МДА.
- Буасье Г. 1998. *Собрание сочинений*. Т. 5. *Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке*. Москва: Петрополис.
- Буркхард Я. 2003. *Век Константина Великого*. Москва: Центрполиграф.
- Гарнак А. 2009. *Сущность христианства*. Москва: Либроком.
- Гиббон Э. 1998. *Закат и падение Римской империи*. Т. 2. Москва: Терра-Книжный клуб.
- Грант М. 1998. *Римские императоры*. Москва: Терра-Книжный клуб.
- Деяния Вселенских Соборов. 1996. Т. 1. Санкт-Петербург: Воскресение.
- Древний Рим 2010: *Древний Рим. Иллюстрированная энциклопедия*. 2010. Москва: ЭКСМО.
- Дюшен Л. 1912. *История Древней Церкви*. Т. 1. Москва: Типография Императорского Московского ун-та.
- Евсевий Памфил. 1993. *Церковная история*. Москва: Православный паломник.
- Евсевий Памфил. 1998. *Жизнь блаженного василевса Константина*. Москва: Labarum.
- Евсевий Памфил. 2010. *Всемирная хроника*. Москва: Православный паломник.
- Егер О. 1997. *Всемирная история*. Т. 1. Санкт-Петербург: Специальная литература.

- Зелинский Ф. Ф. 1999. *Римская империя*. Санкт-Петербург: Летний сад.
- Карташев А. В. 1994. *Вселенские Соборы*. Москва: Республка.
- Ковалёв С. И. 1936. *История античного общества. Эллинизм, Рим*. Ленинград: Соцэкгиз.
- Ковалёв С. И. 2003. *История Рима*. Санкт-Петербург: Полигон.
- Крист К. 1997. *История времён римских императоров от Августа до Константина*. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Крюгер А. 1881. *История Церкви*. Санкт-Петербург: Типография Ф. А. Маркса.
- Лактанций. 2007. *Божественные установления в семи книгах*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко.
- Лактанций. 2008. О смерти гонителей. К исповеднику Донату. В: Лактанций. *Сочинения*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 124—172.
- Машкин И. А. 1949. *История Римской империи*. Москва: Учпедгиз.
- Мишулин А. В. 1946. *История древнего Рима*. Москва: Госполитиздат.
- Остерман Л. А. 1997. *Римская история в лицах*. Москва: ОГИ.
- Оптат Митиленский. 2012. *Против донатиста Пармениана*. Москва: Либроком.
- Робертсон Дж., Герцог И. 1891. *История Христианской Церкви*. Санкт-Петербург: Издание И. Л. Тузова.
- Сергеев В. С. 1938. *Очерки по истории Древнего Рима*. Т. II. Москва: Учпедгиз.
- Сергеев А. В. 1997. *Правители государств и Отцы Церкви Европы за 2000 лет*. Владимир: Владимирское братство имени Св. Александра Невского.
- Спасский А. А. 1995. *История догматических движений в эпоху Вселенских соборов*. Москва: Новая книга.
- Троицкий И. Е. 1898. *История Христианской Церкви*. Санкт-Петербург: Литография Траншеля.
- Туркало Я. К. 1974. *Нарис історії Вселенських Соборів (325—787)*. Брюссель: Світ зі Сходу.
- Функ Ф. К. 1911. *История Христианской Церкви от времён апостольских до наших дней*. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина.
- Фёдорова Е. В. 1979. *Императорский Рим в лицах*. Москва: Наука.
- Чельцов И. 1861. *История Христианской Церкви*. Санкт-Петербург: Типография Департамента уделов.
- Шафр Ф. 2007. *История Христианской Церкви*. Т. III. *Никейское и посленикееское христианство. От Константина Великого до Григория Великого. 311—590 г. по Р.Х.* Санкт-Петербург: Библия для всех.
- Bury J. 1923. *History of the later Roman Empire*. Vol. II. London: Macmillan.
- Jedin H. 1980. *History of the Church*. Vol. 2. London: K. Baus.
- Starr Chester G. 1983. *A History of the Ancient World*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker et al. 1985: Walker W., Norris R., Lotz D., Handy R. 1985. *A History of the Christian Church*. New York: William Morrow and Company.

References

- Bogdanov, M. 1856. *Kratkaia istoriia Khristianskoi Tserkvi (A brief history of Chirstian Church)*. Moscow: MDA (in Russian).
- Boisier, G. 1998. *Sobranie sochinenii (A collection of writings)*. Vol. 5. *Padenie iazychestva. Issledovanie poslednei religioznoi bor'by na Zapade v chetvertom veke (La fin du paganisme: étude sur les dernières luttes religieuses en Occident au quatrième siècle)*. Moscow: Petropolis (in Russian).
- Burckhardt, Ja. 2003. *Vek Konstantina Velikogo (Die Zeit Constantins des Großen)*. Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).
- Hamack, A. 2009. *Sushchnost' khristianstva (Das Wesen des Christentums)*. Moscow: Librokom (in Russian).
- Gibbon, E. 1998. *Zakat i padenie Rimskoi imperii (The history of the decline and fall of the Roman Empire)*. Vol. 2. Moscow: Terra-Knizhnyi klub (in Russian).
- Grant, M. 1998. *Rimskie imperatory (Roman Emperors)*. Moscow: Terra-Knizhnyi klub (in Russian).
- Deianiia Vselenskikh Soborov (*The acts of the Ecumenical councils*). 1996. Vol. 1. Saint Petersburg: Voskresenie (in Russian).
- Drevnii Rim. *Illustrirovannaia entsiklopediia (Ancient Rome. An illustrated enciclopedy)*. 2010. Moscow: EKSMO (in Russian).
- Duchesne, L. 1912. *Istoriia Drevnei Tserkvi (Histoire ancienne de l'Église)*. Vol. 1. Moscow: Tipografiia Imperatorskogo Moskovskogo universiteta (in Russian).
- Eusebius Pamphili. 1993. *Tserkovnaia istoriia (Church history)*. Moscow: Pravoslavnyi palomnik (in Russian).
- Eusebius Pamphili. 1998. *Zhizn' blazhennogo vasil'eva Konstantina (Life of Constantine)*. Moscow: Labarum.
- Eusebius Pamphili. 2010. *Vsemirnaia khronika (Chronicle)*. Moscow: Pravoslavnyi palomnik.
- Jäger, O. 1997. *Vsemirnaia istoriia (World history)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Spetsial'naia literatura (in Russian).
- Zelinsky, F. F. 1999. *Rimskaia imperiia (Roman Empire)*. Saint Petersburg: Letnii sad (in Russian).
- Kartashev, A. V. 1994. *Vselenskie Sobory (Ecumenical councils)*. Moscow: Respublika (in Russian).
- Kovalev, S. I. 1936. *Istoriia antichnogo obshchestva. Ellinizm, Rim (History of ancient society. Hellenism, Rome)*. Leningrad: Sotsekgiz (in Russian).
- Kovalev, S. I. 2003. *Istoriia Rima (History of Rome)*. Saint Petersburg: Poligon (in Russian).
- Krist, K. 1997. *Istoriia vremen rimskikh imperatorov ot Augusta do Konstantina (History of the times of Roman emperors from Augustus to Constantine)*. Vol. 2. Rostov-on-Don: Feniks (in Russian).
- Krueger, A. 1881. *Istoriia Tserkvi (Church history)*. Saint Petersburg: Tipografiia F. A. Marksa (in Russian).
- Lactantius. 2007. *Bozhestvennye ustanovleniia v semi knigakh (Divinae Instituciones)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko (in Russian).
- Lactantius. 2008. In Lactantius. *Sochineniia (Writings)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 124—172 (in Russian).
- Mashkin, I. A. 1949. *Istoriia Rimskoi imperii (History of the Roman Empire)*. Moscow: Uchpedgiz (in Russian).
- Mishulin, A. V. 1946. *Istoriia drevnego Rima (History of Ancient Rome)*. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).
- Osterman, L. A. 1997. *Rimskaia istoriia v litsakh (Roman history in faces)*. Moscow: OGI (in Russian).
- Optatus. 2012. *Protiv donatista Parmeniana (Against the Donatists)*. Moscow: Librokom (in Russian).
- Robertson, J., Hertzog, I. 1891. *Istoriia Khristianskoi Tserkvi*

№6. 2013

- (*History of Christian Church*). Saint Petersburg: Izdanie I. L. Tuzova (in Russian).
- Sergeev, B. C. 1938. *Ocherki po istorii Drevnego Rima (Essays on the history of Ancient Rome)*. Vol. II. Moscow: Uchpedgiz (in Russian).
- Sergeev, A. V. 1997. *Praviteli gosudarstv i Ottsy Tserkvi Evropy za 2000 let (Rulers of states and church fathers of Europe in 2000 years)*. Vladimir: Vladimirs-koe bratstvo imeni sv. Aleksandra Nevskogo (in Russian).
- Spassky, A. A. 1995. *Istoriia dogmaticheskikh dvizhenii v epokhu Vselenskikh soborov (History of dogmatic movements in the epoch of Ecumenical councils)*. Moscow: Novaia kniga (in Russian).
- Troitsky, I. E. 1898. *Istoriia Khristianskoi Tserkvi (History of Chirstian Church)*. Saint Petersburg: Litografia Transhelia (in Russian).
- Turkalo, Ya. K. 1974. *Naris istorii Vselens'kikh Soboriv (325—787) (A history of Ecumenical councils (325—787))*. Brussels: Svit zi Skhodu (in Ukrainian).
- Funk, F. K. 1911. *Istoriia Khristianskoi Tserkvi ot vremen apostol'skikh do nashikh dnei (History of Chirstian Church from apostolic times to our days)*. Moscow: Tipografia Tovarishchestva I. D. Sytina (in Russian).
- Fedorova, E. V. 1979. *Imperatorskii Rim v litsakh (The Imperial Rome in faces)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Cheltsov, I. 1861. *Istoriia Khristianskoi Tserkvi (History of Christian Church)*. Saint Petersburg: Tipografia Departamenta udelov (in Russian).
- Shaff, F. 2007. *Istoriia Khristianskoi Tserkvi (History of Christian Church)*. Vol. III. Nikeiskoe i poslen-ikeiskoe khristianstvo. Ot Konstantina Velikogo do Grigoriia Velikogo. 311—590 g. po R. Kh. (Nicene and post-Nicene Christianity. From Constantine the Great to Gregory the Great. 311—590 AD). Saint Petersburg: Bibliia dlia vseh (in Russian).
- Bury, J. 1923. *History of the later Roman Empire*. Vol. II. London: Macmillan.
- Jedin, H. 1980. *History of the Church*. Vol. 2. London: K. Baus.
- Starr Chester, G. 1983. *A History of the Ancient World*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker, W., Norris, R., Lotz, D., Handy, R. 1985. *A History of the Christian Church*. New York: William Morrow and Company.

Статья поступила в номер 24 июля 2013 г.

Bohdan Bodnariuk (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University ¹.**Bohdan Bodnariuk** (Cernăuți, Ucraina). Doctor în științe istorice. Universitatea Națională „Yuriy Fedkovyci” din Cernăuți.**Боднарюк Богдан Михайлович** (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича.**E-mail:** slavikk06@rambler.ru**Address:** ¹ Kafedralna St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

Путями учителей славянских

On the Paths of Slavic Teachers
Pe urmele dascălilor slavoni

Г. Г. Атанасов

Две надписи с граффити-рисунками — свидетельства проникновения дела Кирилла и Мефодия в Северо-Восточную Болгарию

Keywords: North-Eastern Bulgaria, 9th—10th cc., monastery near Ravna village, fortress near the village of Tsar Asen, pope Clement, knyaz Boris, Cyril and Methodius, Cyrillic alphabet, Glagolitic alphabet, friar Manasius.

Cuvinte cheie: Bulgaria de Nord-Est, sec. IX—X, mănăstirea de la Ravna, cetatea de la Țar Asen, papa Clement, kneazul Boris, Kiril și Metodi, alfabetul chirilic, alfabetul glagolitic, călugărul Manasiu.

Ключевые слова: Северо-Восточная Болгария, IX—X вв., монастырь у села Равна, крепость у села Царь Асень, папа римский Климент, князь Борис, Кирилл и Мефодий, кириллица, глаголица, инок Манасий.

G. G. Atanasov

Two Inscriptions with Graffiti-Drawings: Evidences for the Spread of the Cause of Cyril and Methodius in North-Eastern Bulgaria

Presented are two inscriptions accompanied by graffiti — drawings from the end of 9th and the beginning of the 10th century found in North-Eastern Bulgaria. It is believed that they are directly related to the spread of the cause of Cyril and Methodius in Bulgaria since the mid- 9th century.

The first monument was discovered during archaeological excavations in the Old Bulgarian monastery near the village Ravna, Provadiysko, east of capitals Pliska and Preslav. There is no doubt, there is written ΚΛΗΜΕΝΤΟΣ ΠΑΠΑ ΡΟΜ(Η)C (Clement Pope of Rome). Next to the sign, there is a dove against two dragons. Definitely the cult of Clement Pope of Rome, who lived in the first century, and died in exile in Chersonese, was introduced in Bulgaria by the Great Moravian students of St. Cyril and Methodius, who arrived in Pliska in 886. The cult was reborn after Cyril found the remains of Clement Pope of Rome on January 30, 861 at the mission in Chersonese, then took them to Rome and formally submit them to the Pope Adrian II in 867. It is remarkable that the only Eulogy to Clement of Rome, written by Clement of Ohrid himself, compares the Pope to a dove brought up by Apostle Peter himself.

The second monument is the inscription in Cyrillic and Glagolitic letters from the old Bulgarian fortress near the village of Tsar Asen, Silistra, that emerged around the end of 9th and the beginning of the 10th century. It reads: "On Gospozhina day has been placed the cross. Lord have mercy on me, Manasseh monk with serf through Byzantium". It is assumed, that Manasseh is a new, unknown by name disciple of St. Cyril and Methodius, who specifically warns that comes from Byzantium, the old name of the Byzantine capital Constantinople. According to Naum's biography, some of the Moravian students of St. Methodius are sold by the German clergy in slavery. Later, with the support of the Emperor, they were purchased and received in Byzantium, and later, with the personal assistance of Prince Boris, they were brought to Bulgaria.

G. G. Atanasov

Două inscripții cu desene-graffiti: mărturii ale pătrunderii cauzei lui Kiril și Metodi în Bulgaria de Nord-Est

Articolul prezintă două monumente epigrafice cu desene-graffiti. Ele sunt datate cu sfârșitul sec. IX — începutul sec. X și pot fi cel mai probabil legate de prima etapă a pătrunderii cauzei lui Kiril și Metodi în Bulgaria de Nord-Est.

Inscripția descoperită în cursul cercetărilor arheologice din mănăstirea de lângă satul Ravna, aflată la est de capitalele Pliska și Preslav, se citește ca „Clement papa de la Roma”. Tot aici este reprezentat și un hulub înfruntând doi dragoni. Cultul lui Clement, care a trăit în sec. I e.n. și a murit în captivitate în Hersonesos, a fost introdus în Bulgaria de către ucenicii lui Kiril și Metodi ce au venit în Pliska după anul 886. În timpul misiunii sale în Hersonesos din 861, Sf. Kiril a descoperit moaștele lui Clement, transportându-le în 867 solemn spre Roma. Este remarcabil că în unicul elogiu către Clement de la Roma, papa este comparat cu un hulub crescut de însuși apostolul Petru.

A doua inscripție, realizată cu caractere chirilice și glagolitice, a fost găsită pe teritoriul cetății de lângă satul Țar Asen din regiunea Silistra. Textul acesteia zice: „În ziua Gospojinei a fost instalată crucea. Doamne miluiește-mă pe mine, călugărul Manasiu, și fiul meu (spiritual) din Bizantion”. Putem presupune că Manasiu este un ucenic necunoscut al lui Kiril și Metodi, care sublinia că a venit din Constantinopol, invocând denumirea veche a capitalei bizantine. Se știe că o parte din ucenicii moravi ai lui Metodi au fost vânduți în sclavie, fiind ulterior răscumparați și primiți în Bizanț. Ulterior, kneazul Boris i-a invitat în Bulgaria pentru a continua cauza sfântă a fraților din Tesalonic.

Г. Г. Атанасов

Две надписи с граффити-рисунками — свидетельства проникновения дела Кирилла и Мефодия в Северо-Восточную Болгарию

В статье представлены два эпиграфических памятника с граффити-рисунками. Они датированы концом IX — началом X вв. и, очевидно, связаны с первым этапом распространения дела Кирилла и Мефодия в Северо-Восточной Болгарии.

На надписи, открытой при археологических раскопках в монастыре у села Равна, к востоку от столичных Плиски и Преслава, читается: «Климент папа римский». Здесь же изображен голубь, противостоящий двум драконам. Культ Климента, жившего в I в. н. э. и умершего в заточении в Херсонесе, был введен в Болгарии прибывшими в Плиску после 886 г. учениками Кирилла и Мефодия. Св. Кирилл во время своей миссии в Херсонес открыл его мощи в 861 г., а в 867 г. торжественно перенес их в Рим. Показательно, что в единственном Похвальном слове Клименту Римскому папа сравнивается с голубем, вскормленным самим апостолом Петром.

Вторая надпись, начертанная кириллическими и глаголическими буквами, обнаружена в крепости у села Царь Асень Силистренской области. Ее текст гласит: «На Госпожин день поставлен крест. Господи помилуй мя, Манасия инока с отроком из Византиона». Предполагается, что Манасий — это неизвестный до сих пор ученик Кирилла и Мефодия, который подчеркивал, что пришел из Константинополя, называя византийскую столицу ее старым именем. Известно, что часть моравских учеников Мефодия продали в рабство, но их выкупили и приняли в Византии. Затем князь Борис пригласил их в Болгарию для продолжения святого дела солунских братьев.

Тема роли Дунайской Болгарии в сохранении и развитии дела славянских равноапостольных святых Кирилла и Мефодия является одной из наиболее приоритетных и основательно исследованных в болгарской историографии и литературоведении. Достаточно показателен сам факт обособления целого направления в исторических исследованиях, получившего название «кирилломефодиевистика». Ни в коем случае нельзя преуменьшать и достижения в этой сфере ученых других славянских стран, а также их соседей, прямо или косвенно связанных с деятельностью Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей, с кирилломефодиевской письменностью и литературой IX—XV вв. Прежде всего, речь идет о России, Чехии, Словакии, Украине, Сербии, Польше, Румынии и Молдове.

В этой связи создана огромная, почти необозримая научная литература, которая порождает темы для новых специализированных исследований. Хочу упомянуть лишь 4 тома выпущенной в Болгарии «Кирилло-Мефодиевской энциклопедии», содержащих внушительную библиографию по этой теме (КМЕ 1985; 1995; 2003а; 2003б). Базой для этой неохватной двухвековой научной работы (с начала XIX в. по начало XXI в.) служат главным образом письменные источники — прежде всего, агиографическая литература (краткие и пространные редакции житий св. Кирилла, св. Мефодия, св. Климента Охридского, св. Наума Преславско-Охридского) и литературные произведения первоучителей, их учеников и последователей IX—X вв., созданные в основном в Болгарии. В значительной степени это официальная литература, написанная в столичных скрипториях под прямым влиянием болгарских правителей — князя Бориса I Михаила, царя Симеона Великого и царя Петра I, как в боль-

ших епархиальных и монастырских центрах вблизи Преслава, так и в административном и духовном центре Юго-Западной Болгарии — Охриде. Особенно интересно, как дело святых братьев распространялось среди простых болгар в региональных и второстепенных центрах Первого Болгарского царства. Косвенным свидетельством его глубокого проникновения в болгарскую народность являются сотни кириллических, глаголических и кирилло-глаголических надписей-граффити, отмеченных на десятках объектов. Они происходят главным образом из Северо-Восточной Болгарии и Добруджи, базовой территории Первого Болгарского царства, где находились административные и религиозные центры государства IX—X вв. — Плиска и Преслав (Гошев 1961; Попконстантинов, Кронцайнер 1994), а также Силистра (Атанасов 1994: 43—51; 2007: 216—217, табл. LXXVII: 416).

Кроме трех столичных резиденций, следует назвать крепости Пэкюл луй Соаре (Petolescu 2008: 173—175; Попконстантинов 1997: 123—130), Царь Асень (Ангелов 1980: 35—38), Руйно (Атанасов 1991: 28—39; 2013, в печати), Окорш (Atanasov, Jotov, Mihailov 2011: 220—239), Одырци (Дончева-Петкова, Попконстантинов 1988: 96—99); Добруджанский каменный вал у с. Мирча Водэ (Богдан 1958: 88—97); большие монастыри у Равны (Попконстантинов 1984а: 65—81), Черноглавцев (Балабанов, Тихова 2002: 58—66) и Мурфатлара (Bîrnea, Ștefănescu 1971: 202 etc.; Bîrnea 1981: 17 etc.; Popkonstantinov 1987: 115—146); малые скальные монастыри у Крепчи (Константинов 1977: 26), Думбравень (Chiriac, Papasima 2000: 222—231; Атанасов 2007: 114, 188, табл. LIII: 50а) — к юго-западу от Констанцы и Мурфатлара в сторону Силистры, Алфатара (Атанасов 1984: 94; 2007: табл. XLVIII: 123)

Рис. 1. Духовные центры Северо-Восточной Болгарии конца IX — начала X вв. с находками кириллических и глаголических надписей: 1 — крепости с кириллическими и глаголическими надписями; 2 — крепости с кириллическими надписями; 3 — монастыри с кириллическими и глаголическими надписями; 4 — монастыри с кириллическими надписями.

Fig. 1. Spiritual centres of North-Eastern Bulgaria in late 9th — early 10th century with finds of Cyrillic and Glagolitic inscriptions: 1 — fortresses with Cyrillic and Glagolitic inscriptions; 2 — fortresses with Cyrillic inscriptions; 3 — monasteries with Cyrillic and Glagolitic inscriptions; 4 — monasteries with Cyrillic inscriptions.

и пр. (см. Попконстантинов, Кронщайнер 1994) (рис. 1). Если добавить десятки писал и застежек от книг, открытых при изучении указанных памятников, остается впечатление, что грамотными среди болгар были не только представители элиты и монашества. Грамотность распространялась шире, и среди части рядового населения, что является косвенным свидетельством непреходящего успеха дела Кирилла и Мефодия в болгарском обществе всего век спустя после создания азбуки (около 855 г.).

Среди указанных эпиграфических памятников IX—X вв. значатся два, открытых во время системных археологических исследований и имеющих прямое отношение к проникновению славянской письменности в Северо-Восточную Болгарию. Они заслуживают специального внимания.

1. Надпись с именем папы римского Климента

Монастырь у села Равна, в районе Провадии, расположенный примерно в 50 км восточнее столиц Плиски и Преслава (рис. 1) и исследованный в 80-е гг. XX в., появил-

ся в результате строительной и культурно-просветительской деятельности князя Бориса I Михаила и его сыновей (Георгиев 1985: 65—81; 1993: 57—68; Попконстантинов 1986: 8—19). Помимо прочего, он был одним из самых значительных хранилищ староболгарских кириллических, глаголических, рунических и греческих надписей конца IX — первой половины X вв. в Болгарии, сопровождающихся сотнями рисунков и знаков-граффити. Особого изучения заслуживает эпиграфический памятник (рис. 2; 3), касающийся воздействия кирилло-мефодиевского дела в Болгарии (Попконстантинов 1984b: 231—235; Попконстантинов, Смядовски 1983: 86—92). Это надпись на каменном блоке, которая, без сомнения, читается как ΚΛΗΜΕΝΤΟΣ ΠΑΠΑ ΡΟΜ(Η)Σ. При этом точно известно, что культ четвертого римского папы Климента I был возрожден в середине IX в., после того как Константин-Кирилл обнаружил его мощи в Херсонесе, в ходе крымской миссии, возложенной на него византийским императором Михаилом III и его духовным наставником патриархом Фотием. Папа Климент I был сослан в Херсонес императором Траяном и там после преследований язычниками принял

Рис. 2. Надпись и граффити-рисунки на каменном блоке из монастыря у с. Равна.

Fig. 2. Inscription and graffiti-drawings on the stone block from the monastery near the village of Ravna.

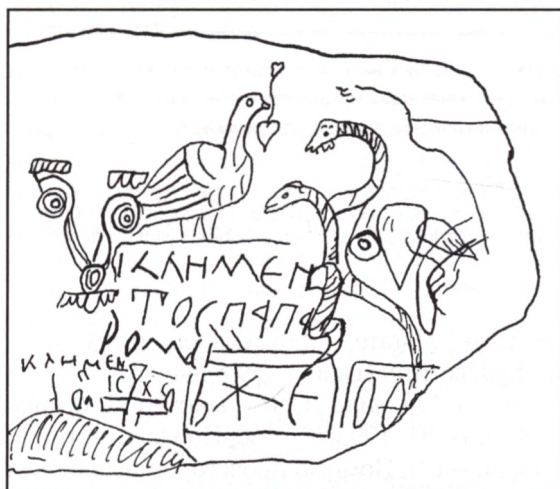

Рис. 3. Прорисовка надписи и граффити-рисунков на каменном блоке из монастыря у с. Равна (по К. Попконстантинову).

Fig. 3. Drawing of the inscription and graffiti-drawings on the stone block from the monastery near the village of Ravna (after K. Popkonstantinov).

мученическую смерть в 101 г. 30 января 861 г. в результате археологических изысканий солунские братья открыли его останки. В 867 г. они были торжественно доставлены в Рим и переданы папе Адриану II. Это возродило поклонение Клименту I, которого церковь и верующие люди почитают до наших дней. Очевидно, что появление этого культа в Болгарии — заслуга прибывших сюда после 886 г. учеников и последователей Кирилла и Мефодия. Ведущее место среди них занимал св. Климент Охридский, получивший монашеское имя от своих духовных учителей, несомненно, в связи со св. Климентом

Римским. Надпись конца IX в. с именем папы в монастыре у Равны свидетельствует о популярности дела славянских просветителей в духовной среде, сравнительно отдаленной от Плиски и Преслава. Показательно, что над рассматриваемой надписью выгравирован рисунок: голубь, противостоящий двум драконам (рис. 2; 3). Поскольку в христианской символике и иконографии голубь является олицетворением Святого Духа (Leclercq 1948: col. 2203—2213), а драконы представляют темные сатанинские силы (Leclercq 1921: col. 1537—1541; Атанасов 2001: 153—160), не исключено, что композиция носит аллегорический характер: охваченный божьим духом св. Климент принимает вызов сторонников дьявола — римского императора и язычников Херсонеса. Если это так, то автор рисунка (вероятнее всего, монах) был знаком с житием римского папы Климента, которое могло быть принесено и распространено, в первую очередь, учениками Кирилла и Мефодия, так как византийская церковь того времени не знала и не почитала этого римского мученика. К тому же это было практически невозможно при патриархе Фотии, который последовательно проводил политику, направленную против попыток римского престола добиться неоспоримого первенства в христианском мире. Более того, единственное Похвальное слово о Клименте Римском написано самим Климентом Охридским. В нем папа представлен в образе голубя, вскормленного духовной пищей самим апостолом Петром, первым римским папой (Ангелов 1966: 81—90; СБЛ 1986: 108—109). В том же сочинении

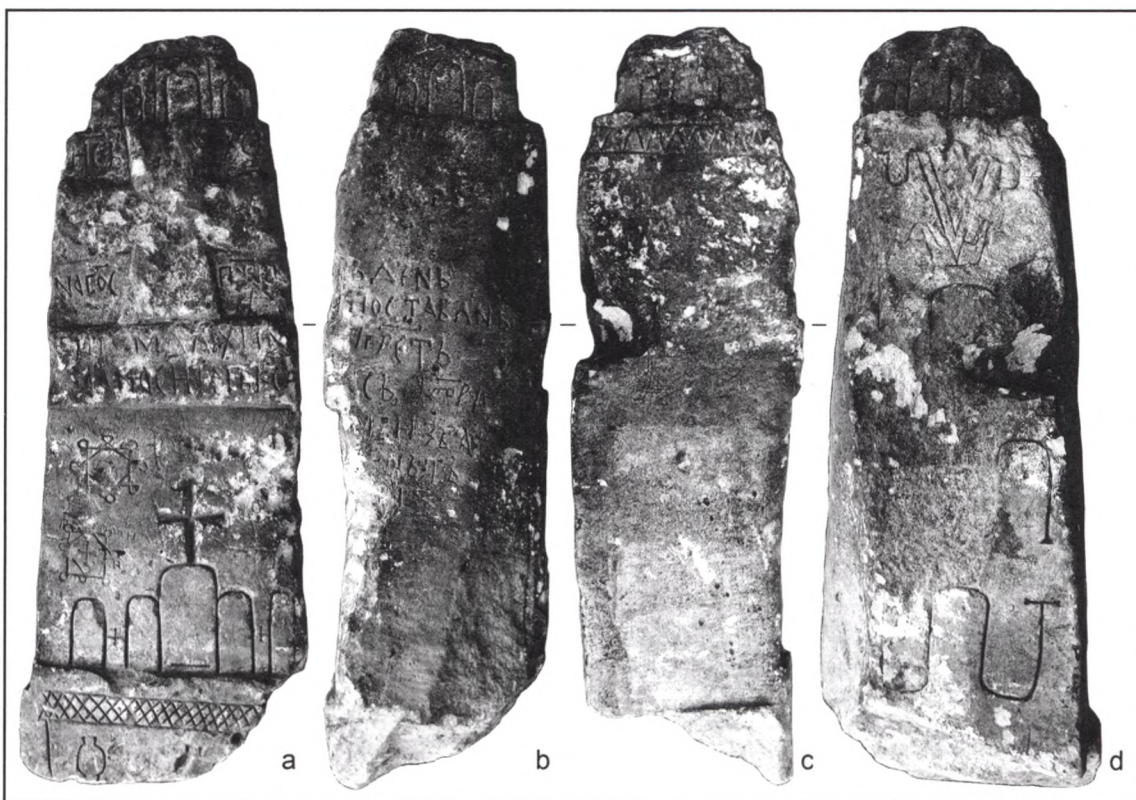

Рис. 4. Памятник из крепости у с. Царь Асень с надписью и граффити-рисунками конца IX — начала X вв.: а — лицевая сторона; б — правая сторона; в — левая сторона; д — обратная сторона.

Fig. 4. Monument from the fortress near Tsar Asen with an inscription and graffiti-drawings dated in the late 9th — early 10th century: a — front side; b — right side; c — left side; d — back side.

Климент Охридский связывает деяния правителя Херсонеса Авфибияна с дьяволом, который у ранних христиан предстал именно в образе дракона.

2. Надпись инокa Манасия

Если надпись из монастыря у с. Равна косвенно указывает на появление и распространение дела солунских братьев в Болгарии, то надпись из староболгарской крепости у с. Царь Асень в Силистренской области (рис. 1; 4; 5) может иметь прямое отношение к их деятельности.

Во второй половине XX в. примерно в 30 км южнее Силистры и в 9 км юго-восточнее города Алфатар, на берегу реки, называвшейся в средние века Дристра (теперь — сухое русло Канагьол), вдоль которой проходил главный путь из столиц Плиски и Преслава к дунайской резиденции правителей в Дристре (Рашев 1988: 117—126; Атанасов, Генчева 2008: 130—150), была частично изучена крепость IX—XI вв. (Димова 1993: 64, табл. 1; Димитров 1994: 112—113; Атанасов 1994: 30—38; 2014, в печати) (рис. 1; 6; 7). Она является одной из самых

больших (площадь около 5 га) и хорошо укрепленных крепостей Болгарии X в. с каменными стенами, башнями, двумя воротами, рвом, валом и обширным посадом. В центре укрепления была возведена церковь, огражденная каменной стеной, у которой исследовано сложное из камня сооружение (Антонова, Дремсизова 1984: 62—63, обр. 5; Атанасов 1994: 53—74; 2007: 178—179), а вблизи от нее отмечена целая колония скальных монастырей (Атанасов 1984: 91—98) (рис. 6). В самом начале XI в. в юго-западном углу крепости была построена цитадель, при раскопках которой в 1957 г. был открыт крайне интересный эпиграфический памятник (Ангелов 1980: 35—38). Надпись нанесена на блок известняка, имеющий форму удлиненной усеченной пирамиды, высотой 0,73 м, с шириной основания 0,28 м и шириной вершины 0,10 м (рис. 4; 5). Его четыре стороны богато украшены геометрическими орнаментами и христианскими символами в виде гравированных или рельефных крестов, звезд, храмов и пр. На лицевой и правой стороне вырезана кирилло-глаголическая надпись, которую ее первый издатель Н. Ангелов читает так:

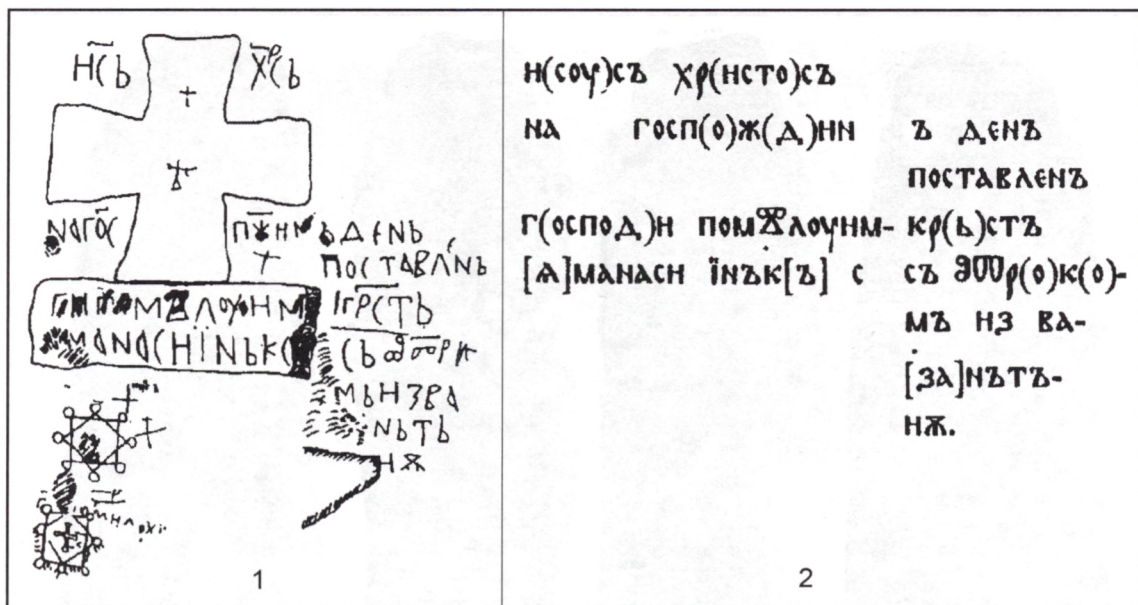

Рис. 5. Кирилло-глаголические надписи и граффити-рисунки конца IX — начала X вв. с памятника из крепости у с. Царь Асень: 1 — прорисовка изображения и текста; 2 — прочтение надписи (по Попконстантинов 1982).

Fig. 5. Late 9th — early 10th century Cyrillic-Glagolitic inscription and graffiti-drawings on the monument from the fortress near the village of Tsar Asen: 1 — drawing of the graffiti and the text; 2 — transcription of the text (after Попконстантинов 1982).

ИСУС ХРИСТОС
НА ГОСПОЖИН ДЕН
ПОСТАВЛЕН
КРЕСТ
ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ МЯ
МАНАСИЙ ИНОК
С ОТРОКОМ
ИЗ... ВИЗА
НТ
ИОН

По особенностям палеографии Н. Ангелов датирует надпись концом IX — началом X в. и полагает, что это надгробный памятник Манасию (Ангелов 1980: 35—38). Однако чтение последних трех рядов вызвали у него затруднения и ученый их проигнорировал.

В дальнейшем этот любопытный текст привлек внимание К. Попконстантинова (Попконстантинов 1982: 43—49), отнесшего памятник к концу IX — началу X вв. Он в целом согласился с чтением текста, а также прочитал последние три строки, которые Н. Ангелов оставил без комментария. Согласно К. Попконстантинову, там начертано «ИЗ ВАЗАНЬТЪИЖ», то есть «из Византиона» (Константинополя). Он предложил следующее развернутое чтение текста: «На Госпожин день¹ поставлен крест.

Господи, помилуй мя, Манасия инока с отроком² из Византиона».

К. Попконстантинов полагает, что надпись не является надгробной, а представляет собой официальный посвяtitельный памятник и в какой-то мере носит летописный характер. На этом основании много лет назад я пытался раскрыть смысловое содержание текста и связать его с некоторыми событиями конца IX в. (Атанасов 1994: 36—38).

Так родилась гипотеза о том, что монах Манасий и его духовный сын (вероятно, послушник) сначала пребывали в Константинополе, а позднее оказались в крепости у с. Царь Асень. Здесь (или поблизости) они, наверное, жили дольше и в связи с каким-то знаменательным событием, имеющим отношение к празднику Св. Богородицы, они на видном месте установили данную посвяtitельную надпись. Примечательный факт: памятник украшен со всех четырех сторон, из чего следует вывод, что его поставили в знаковом месте для обозрения отовсюду и соответствующего воздействия на богомольцев. Не исключено, что он мог находиться в наосе единственной здесь в X в. церкви №3, или поблизости от нее в ограде церковного двора (рис. 7—9). Хороший граффити-рисунок трехнефного храма, сделанный пря-

¹ Успение Св. Богородицы — 15 августа по старому стилю.

² В значении «духовный сын».

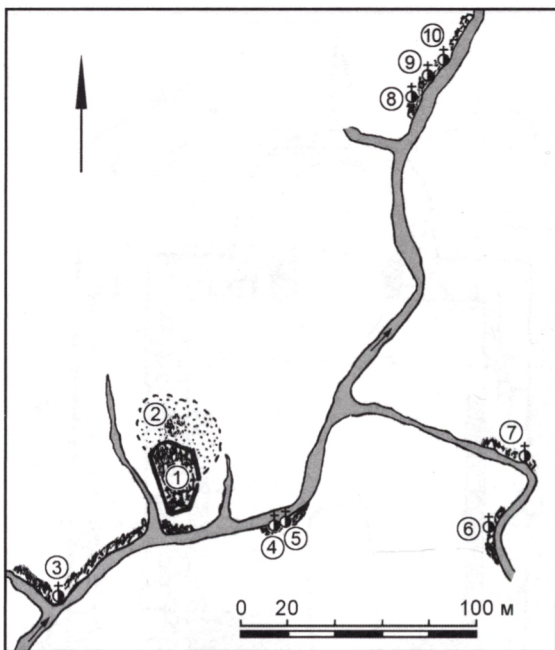

Рис. 6. Район крепости у с. Царь Асень: 1 — крепость; 2 — посад; 3 — скальный монастырь, разрушенный в 1964 г.; 4, 5 — скальная часовня и келья напротив крепости; 6, 7 — скальная церковь и келья к востоку от крепости; 8—10 — церковь и кельи к северу от крепости.

Fig. 6. Surroundings of the fortress near Tsar Asen: 1 — fortress; 2 — trading quarter; 3 — rock monastery destroyed in 1964; 4, 5 — rock chapel and monastic cell opposite to the fortress; 6, 7 — rock church and cell to the east of the fortress; 8—10 — church and cells to the north of the fortress.

мо над надписью, похоже, содержит важное указание: памятник установлен при освящении церкви Успения Богородицы, а именно, церкви №3. Согласно археологическим исследованиям, этот наиболее ранний храм крепости был разрушен в конце X в., а в XI в. на его руинах построили меньшую по размерам церковь №4 (рис. 8; 9) (Атанасов 2007: 178—179, 272). В конце X — начале XI вв. при строительстве цитадели в юго-западном углу крепости (рис. 7), возможно, использовались камни уже разрушенной церкви №3. Памятник с кирилло-глаголической надписью не представлял ценности для византийской администрации и клира, разместившихся здесь после 971 г. Может быть, его нарочно встроили в крепостную стену, чтобы надпись не напоминала о болгарском прошлом этого укрепления. Очевидно, монастыря здесь уже не было, поскольку у ограды находилось только одно жилище, наверное, использовавшееся священником и его семьей (рис. 7). Стационарные археологические раскопки не дали никаких находок, свидетельствующих о существовании монастыря или скита в посаде крепости. При этом в скалах у ее подножья

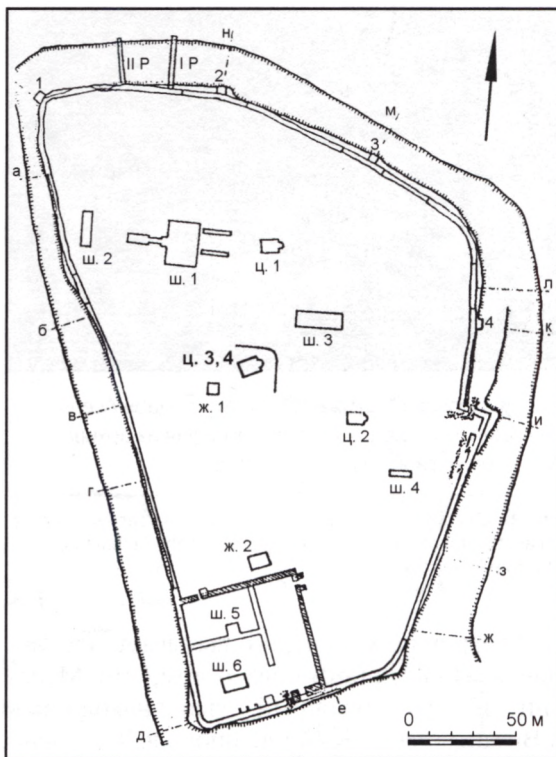

Рис. 7. План крепости у с. Царь Асень: ш. — шурф; ц. — церковь; ж. — жилище; п. — разрез (по рисунку из отчета В. Димовой).

Fig. 7. Plan of the fortress near Tsar Asen: ш.— sondage; ц. — church; ж. — dwelling; п. — section (after a drawing from the report of V. Dimova).

исследовано несколько монашеских обителей (рис. 6: 4, 5; 10—12), где, скорее всего, и подвизался монах Манасий и его духовный сын (отрок), о которых пойдет речь ниже.

Согласно практике того времени, в воскресные службы и в большие праздники монахи окрестных скитов и келий посещали большой храм крепости, в котором они определенно пользовались уважением и влиянием. Более того, в районе крепости у с. Царь Асень нет киновиального (общежительного) монастыря, чей храм выполнял бы роль католикона³, но об этой монашеской организации я также скажу позже.

Обычно смущает то обстоятельство, что византийская столица упомянута в надписи в архаичной форме «Византион», не известной по другим староболгарским надписям и текстам. Вместе с тем, с ней были знакомы византийские и западные современники (ЛИБИ 1960: 220, 228, 233, 237, 319, 334; ГИБИ 1961: 46, 139; ГИБИ 1964: 141—145), поэтому она могла быть известной и некоторым грамотным болгарам.

³ Центральный монастырский храм.

Рис. 8. Церкви № 3 и 4 в крепости у с. Царь Асень во время их исследования (фотография из архива Археологического музея в Силистре).

Fig. 8. Churches no. 3 and 4 in the fortress of Tsar Asen during excavation (photograph from the archive of the Archaeological Museum in Silistra).

Больше размышлений вызывает уточнение К. Попконстантинова о том, что Манасий и его духовный сын находились в Византионе — Константинополе. Они явно отдавали большое значение этому факту своей биографии, поскольку увековечили его в официальном тексте. Едва ли эти иноки были ромеями из Константинополя, столь хорошо владевшими кириллицей и глаголицей и прибывшими в этот край просвещать местное болгарское население на его родном языке. Особенно при том, что именно в это время Болгария и Византия пребывали в непрекращающихся войнах, а императорский двор и патриархия Константинополя всеми средствами боролись против введения славянского богослужения, языка и письменности в диоцезе болгарской церкви.

Учитывая скудость информации, содержащейся в надписи из крепости у с. Царь Асень, можно предложить несколько версий ее толкования.

Известно, что в первые годы после крещения в 864 г. князь Борис I Михаил послал в Константинополь вместе со своим сыном Симеоном группу молодых болгар для получения знаний и изучения монашеских практик и добродетелей (Гюзелев 1969: 236). В этой связи можно допустить, что Манасий (и его духовный сын?) обучались или временно пребывали в одном из константинопольских монастырей. В отличие от рядовых грамотных болгар, они могли знать архаичное и известное в империи старое имя столицы.

Многие болгарские и иностранные источники свидетельствуют о передвижениях монахов различных стран (странствование, поклонение и др.) в IX—X вв. (ЛИБИ 1965:

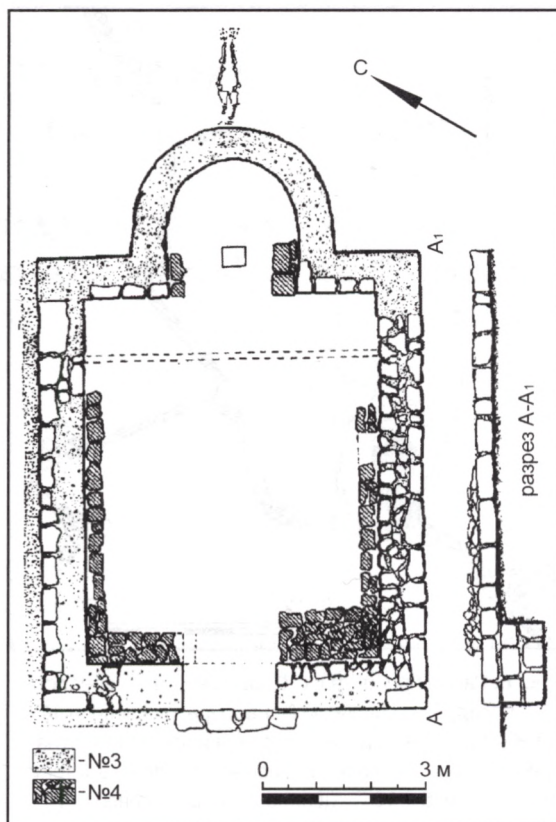

Рис. 9. Планы церквей № 3 и 4 в крепости у с. Царь Асень.

Fig. 9. Plan of churches no. 3 and 4 from the fortress near Tsar Asen.

11; СБЛ 1982: 55; 1986: 80). Если в каком-то из своих странствий Манасий и его духовный сын посетили Константинополь — Византион или находились там некоторое время, как гости или поклонники в каком-то из тамошних монастырей, то вполне возможно, что они с гордостью отразили в надписи это знаменательное событие своей жизни.

Согласно старому житию Наума, часть моравских учеников св. Мефодия немецкое духовенство продало в рабство пиратам-мусульманам. Позднее при содействии императора их выкупили и приняли в Византии. Бывшим невольникам вернули монашеские чины и саны, а затем определили их в константинопольские монастыри (СБЛ 1986: 80—81). Позднее князь Борис с сыном Симеоном привлекли их в Плиску. Считается, что среди них был и Константин Преславский. Можно предположить, что такой хорошо подготовленный в грамоте монах, каким, судя по надписи, представляется Манасий, усвоил глаголицу в Моравии и утвердил свою образованность в Плиске. Палеографический анализ показывает, что текст из крепости у с. Царь Асень явля-

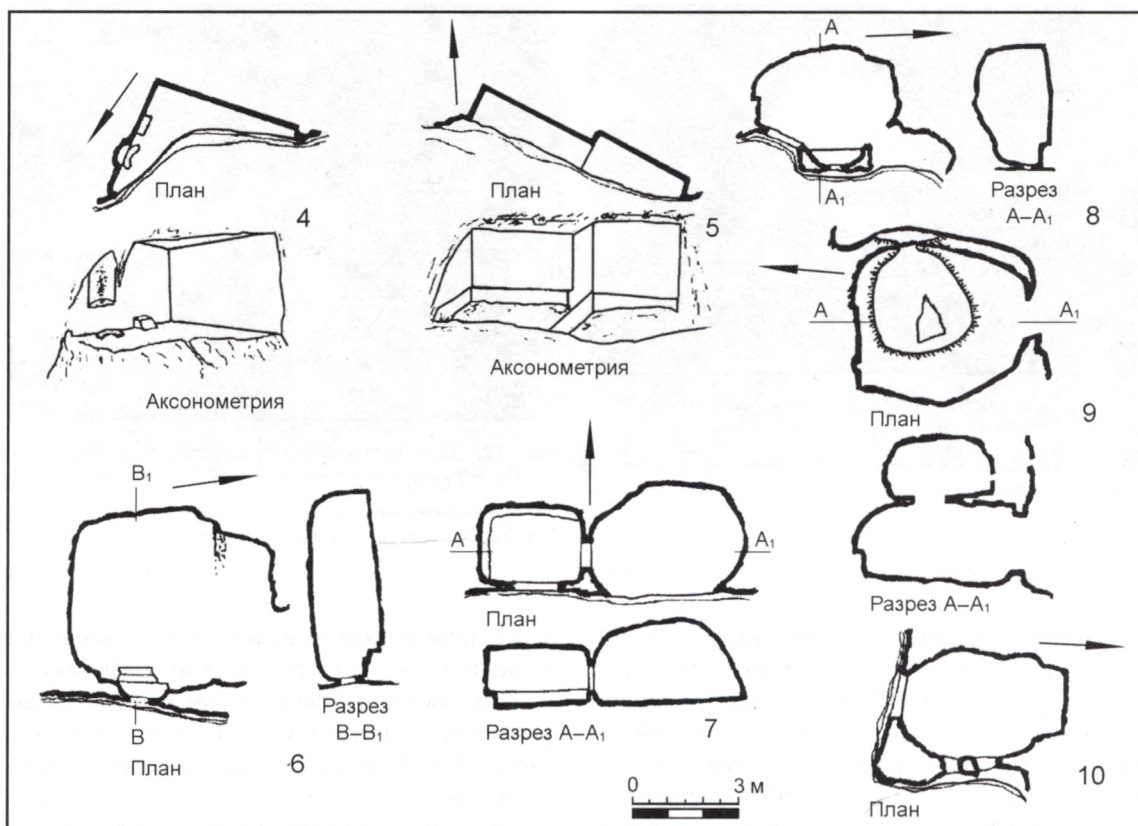

Рис. 10. Планы скальных монашеских обителей около крепости у с. Царь Асень (номера планов соответствуют номерам на рис. 6).

Fig. 10. Plan of rock monastic cells near the fortress of Tsar Asen (numbers of the plans correspond to the numbers on fig. 6).

ется одним из самых грамотных в каллиграфическом и грамматическом отношении эпиграфических памятников в северо-восточных болгарских землях, а его автор обладал серьезными познаниями в кирилло-глаголических письменах (Попконстантинов 1997: 46—48). Надо иметь в виду, что данная крепость не была рядовым укреплением. Она была самым большим и надежным фортификационным сооружением во внутренней части Северо-Восточной Болгарии между Плисской, Преславом и Дристрой (рис. 1). Поэтому в ней и обнаружен самый значительный храм региона с наиболее многочисленными и ценными находками (Атанасов и др. 1994: 30 сл.).

Наконец, предлагаю рассмотреть возможность неправильного прочтения и толкования фрагмента текста «ИЗЪ ВА(ЗА)НТЬИЖ». Может быть, здесь начертано название другого населенного пункта или какое-либо другое слово. Тем более, что об этом говорится в одной из публикаций (Медынцева 1990). Вслед за Н. Ангеловым и К. Попконстантиновым, А. Медынцева видит те же знаки, но складывает концовку текста не как «ИЗЪ ВА(ЗА)НТЬИЖ», а как «ИЗВА(ИА)НЪ ТЪ(ША)НИ», то есть изва-

ян быстро. В этом случае полный текст надписи выглядит так: «Господи, помилуй мя, Манасия инока. На Госпожин день поставлен крест, Отроком изваянный». Однако исследовательница сомневается в идентификации слова «отрок». Она полагает, что отрок может быть духовным сыном инока, но более вероятно, что это личное имя тюрко-болгарского происхождения и даже светское имя монаха Манасия. Такая реконструкция представляется мне слабо обоснованной, да и контекст надписи не предполагает, чтобы Манасий представлялся другим именем. Выглядит убедительным обособление двух относительно самостоятельных предложений надписи: 1) «Господи, помилуй мя, Манасия инока»; 2) «На Госпожин день поставлен крест, Отроком изваянный». На мой взгляд, более логична версия К. Попконстантинова, который утверждает, что первое предложение следует читать: «На госпожин день поставлен крест», а второе: «Господи, помилуй мя, Манасия инока с отроком из Византиона». Несомненно и предлог «Ъ» между словами «инок» и «отрок», что отмечает сама А. Медынцева. Очевидно, исключено, чтобы существительное «отрок» являлось личным именем.

Рис. 11. Часовня №4 напротив крепости у с. Царь Асень.

Fig. 11. Chapel no. 4 opposite to the fortress of Tsar Asen.

В него, без сомнения, вложен смысл «духовный сын».

Помимо прочего, данная кирилло-глаголическая надпись вновь ставит фундаментальный вопрос о появлении кириллицы — графической системы, с помощью которой до сих пор пишут миллионы людей в Болгарии, России, Сербии, Украине, Белоруссии и других странах, а до XVI—XIX вв. ею целиком или частично пользовались также жители Молдавии и Валахии. Почти все исследователи полагают, что глаголица создана Кириллом и Мефодием около 855 г. и принесена в Болгарию после 886 г. их учениками во главе с Климентом и Наумом. Однако споры вызывает вопрос: когда и где появилась кириллица. Без достаточной научной аргументации сформировалось мнение, что она создана св. Климентом. Главным доводом сторонников этой точки зрения служит пассаж из краткого жития, в котором сказано: «Изобрел и другие формы букв для большей ясности тех, которые нашел мудрый Кирилл» (Милев 1961: 127—130). Это означает, что создание кириллицы произошло после того, как Климент поселился в юго-западных землях Болгарского государства, поскольку он находился в Плиске в 886 г. считанные месяцы. При этом в юго-западных землях почему-то нет убедительных свидетельств о переходе от глаголицы к кириллице⁴. Напротив, в Северо-Восточной Болгарии имеется немало ярких данных об этом. Па-

Рис. 12. Скальная нелья №7 к востоку от крепости у с. Царь Асень.

Fig. 12. Rock cell no. 7 to the east from the fortress of Tsar Asen.

раллельное и даже смешанное использование кириллической и глаголической графических систем зафиксировано в десятках эпиграфических памятниках из Плиски, Преслава, Равны, Мурфатлара, а также в комментируемой здесь надписи из крепости у с. Царь Асень. Сам Черноризец Храбр, творивший в Преславе, ясно пишет, что в его время (конец IX — начало X вв.) славянские письмена, созданные Константином Философом, «и теперь еще доделывают» (Кув 1969: 188). Из контекста улавливается, что это относится к среде, в которой он обитал — Северо-Восточной Болгарии. Исходя из этих реалий, можно предложить гипотезу о том, что создание кириллицы и процесс перехода от глаголицы к кириллице начались на северо-востоке страны, по всей видимости, в монастырских скрипториях Плиски. Поэтому прямое участие в происходившей трансформации Климента, который уже в 886—887 гг. отправился в Брегалницу и Охрид, надо исключить. Что касается цитаты, приведенной из текста его Краткого жития, то оно написано Димитром Хоматианом (?) через 250 лет после смерти Климента Охридского и включает весьма обобщенные сведения о событиях конца IX в., к тому же изобилует хронологическими и историческими ошибками. Показательно, что в Пространном житии св. Климента (Милев 1961: 91—115), гораздо более достоверном и подробном, нет намека на такого рода деятельность. Трудно, однако, представить, чтобы такое эпохальное, политически и духовно важное дело, как изменение графической системы староболгарской азбуки — переход от глаголицы к кириллице, произошло без участия, сопричастности и одобрения ведущего ученика Кирилла и Мефодия, каким, без сомне-

⁴ В отличие от северо-восточной части Болгарии, в юго-западных болгарских землях (Македонии) отсутствуют точно датированные глаголические и кирилло-глаголические надписи конца IX — X вв. Глаголическая надпись 982 г. из Иверского монастыря на Афоне и кирилло-глаголические тексты в таком памятнике книжности, как Битолский триод XII в., эту картину существенно не меняют (Иванов 1970: 21—23, 452—464).

Рис. 13. Скальные нелы и часовни к северу от крепости у с. Царь Асень.

Fig. 13. Rock cells and chapels to the north of the fortress of Tsar Asen.

ния, был в Болгария св. Климент Охридский. Более того, нет бесспорного свидетельства, что он отправился в Кутмичевицу так быстро, как предполагается, потому что в главном источнике о его жизни, каким является Пространное житие, написанное Феофилактом Охридским (?), такой временной репер отсутствует (Милев 1961). Там написано только, что по прибытию в Плиску Климент и Наум были поселены Борисом-Михаилом в доме высшего сановника по имени Есхач. Особенно важно уточнение автора, что восьмой год учительства Климента в Кутмичевице был последним в жизни Бориса-Михаила. Дата смерти князя Бориса известна точно — 2 мая 907 г., а значит, Климент покинул Плиску и отправился на юго-запад в 889 г., то есть, он работал в скриптории монастыря Большой базилики (Георгиев 1987: 291—303), по меньшей мере, около трех лет. Если же открытые три десятилетия назад гимнографические произведения созданы совместными усилиями Климента Охридского и Константина Преславского (Попов 1982: 3—36), то несомненна и более продолжительная работа св. Климента в Плиске. Константин Преславский после известного пребывания в Константинополе (об этом уже шла речь) прибыл в Плиску, вероятно, около 887—888 гг., а для написания и перевода литературных творений совместно с Климентом требовалось хотя бы 2—3 года. По этой причине я не исключаю, что начало новой графической системы — кириллицы — положено совместной деятельностью в Плиске Климента, Наума, Константина Преславского и др. В таком случае Климент отправился в Кутмичевицу уже с новой азбукой, но несколькими годами позднее, чем считалось

до сих пор. Из-за этого в юго-западных землях кирилло-глаголические и глаголические надписи-граффити являются исключительно редкими (Иванов 1970: 21—23, 452—464), но ими изобилуют северо-восток Болгарии и Добруджа (рис. 1). Тут глаголическая традиция стала закономерно сильнее после прихода новой группы учеников Мефодия, включая Константина Преславского и, по всей вероятности, инока Манасия, о котором идет речь в надписи. Поэтому феномен кирилло-глаголических надписей фиксируется в регионе до первой половины X в. В их числе выделяется памятник из крепости у с. Царь Асень.

В заключение не могу не вспомнить утверждение Г. А. Ильинского, который на основе русской версии Хроники патриарха Никифора полагал, что кириллица создана еще в 864 г. (Ильинский 1931: 79—87). Этим в большей степени можно было бы объяснить параллельное использование кириллицы и глаголицы в Северо-Восточной Болгария, что отмечает и рассмотренная надпись. Впрочем, эта идея нуждается в дополнительной аргументации. По этой причине на базе иных цитированных выше сведений предполагаю, что кириллица создана Климентом Охридским совместно с Наумом и Константином во время его нахождения в Плиске в 886—889 гг.

Еще раз хочется подчеркнуть, что самая большая колония скальных монашеских обителей и монастырей Первого Болгарского царства расположена вдоль высохшего русла Дристры (ныне Канагьол), где проходила дорога из Преслава к Дристре. На левом берегу этой реки, недалеко от современного села Царь Асень, была возведена крепость (рис. 1; 6: 1) (Атанасов 1984: 91—98; 1990: 9—12; 1993: 122—143, обр. 1—1; 1999: 286—290,

табл. II, IV; 2004: 19—28; 2007: 186—201, табл. XLIII—XLIX). Напротив нее на расстоянии прямой видимости находится скальная часовня с кельей (рис. 6: 4, 5; 10: 4, 5; 11), в восточном направлении еще одна часовня с кельей (рис. 6: 6, 7; 10: 6, 7; 12), а примерно в 1 км севернее — несколько келий с часовня-

ми (рис. 6: 8—10; 10: 8—10; 13). Это едва ли случайно. Не исключено, что они связаны с духовной деятельностью известного монаха, каким, очевидно, был Манасий. Имея в виду отсутствие в границах крепости у с. Царь Асень монастыря, могу допустить, что инок подвизался в какой-то из окрестных обителей.

Литература

- Ангелов Б. 1966. Няколко наблюдения върху книжовното дело на Климент Охридски. В: *Климент Охридски. Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му*. София, 79—105.
- Ангелов Н. 1980. Старобългарски надпис от края на IX век от с. Цар Асен, Силистренски окръг. *Археология* (2), 35—38.
- Антонова В., Дремсизова Цв. 1984. Църкви и каменни постройките в старобългарското селище при с. Цар Асен, Русенско. *ГМСБ* 10, 59—70.
- Атанасов Г. 1984. Средновековни скални църкви в Силистренски окръг. *ИНМВ* 20 (35), 91—98.
- Атанасов Г. 1990. *Скални монашески обители в Добруджа (IV—XIV век)*. Автореферат на дисертация. София.
- Атанасов Г. 1991. Християнски паметници от ранно-средновековната крепост до село Руйно, Дуловско. *Добруджа* 8, 28—39.
- Атанасов Г. 1993. Раносредновековни скални манастири по средното русло на сухоречието Канагъл (Дристра) в Добруджа. *ИНМВ* 29, 122—143.
- Атанасов Г. 1994а. Кримски реалии на еднокорабните едноапсидни църкви без притвор в Добруджа. *БСП* 3, 53—74.
- Атанасов Г. 1994б. Кръст-енколпион на ANNA MONACHINA от Дръстър-Силистра. *Добруджа* 11, 43—51.
- Атанасов Г. 1999. За хронологията и монашеската организация в скалните обители през Първото българско царство. В: *Светогорска обител Зограф*, II. София, 286—290.
- Атанасов Г. 2001. *Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през средновековието*. Варна: Зограф.
- Атанасов Г. 2004. *Скални култови паметници в Добруджа. Светилища, храмове, манастири*. Силистра, 19—28.
- Атанасов Г. 2007. *Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието. История, археология, култура, изкуство*. Варна; Велико Търново: Зограф.
- Атанасов Г. 2013. Крепостите до с. Руйно, Силистренско или селищна агломерация без аналог през X век. В: *България в световното културно наследство. Материали от третата национална конференция по история, археология и културен туризъм „Пътуване към България“ — Шумен, 17—19 май 2012 г.* Шумен (в печати).
- Атанасов Г. 2014. Към въпроса за началото на българския средновековен град (Ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско — от укрепено селище към укрепен град). В: *Сборник в памет на Вера Антонова*. Шумен (в печати).
- Атанасов Г. и др. 1994: Атанасов Г., Липчев Р., Хинова М., Маринов М. 1994. *История на Алфатар*. Варна: Зограф.
- Атанасов Г., Генчева С. 2008. Народна песен за строителството на път между Преслав и Дръстър от Симеон Велики. В: *Пътищата в Средновековна България*. Шумен, 130—150.
- Балабанов Т., Тихова М. 2002. Надписът от 18 септември 6463 г. (954/955 г.) от с. Черноглавци, Шуменско, България. В: *Преславска книжовна школа* 6, 58—66.
- Богдан Д.П. 1958. Добруджанска надпись 943 года. *Romanoslavica* 1, 88—97.
- Георгиев П. 1985. Манастирската църква при с. Равно, Провадийско. *ИНМВ* 21, 65—81.
- Георгиев П. 1987. За началото на славянската просветна дейност и книжовна дейност в България (886—893). В: *Кирило-Методиевски студии* 4, 291—303.
- Георгиев П. 1993. Историята на Равненския манастир. *Епохи* (2), 57—68.
- ГИБИ 1961: *Гръцки извори за българската история*. 1961. Т. IV. София: Институт за Българска История.
- ГИБИ 1964: *Гръцки извори за българската история*. 1964. Т. V. София: Институт за Българска История.
- Гошев И. 1961. *Старобългарски глаголически и кирилско надписи от IX и X век*. София: Издателство на Българската Академия на науките.
- Гюзелев В. 1969. *Княз Борис Първи*. София: Наука и изкуство.
- Димова В. 1993. Ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско. *Добруджа* 10, 54—75.
- Димитров Д.И. 1994. Керамиката от ранносредновековната крепост до село Цар Асен, Силистренско. *Добруджа*, 10, 76—122.
- Дончева-Петкова Л., Попконстантинов К. 1988. За грамотността в средновековното селище при с. Одръци, Толбухинско. *Добруджа* 5, 96—99.
- Иванов Й. 1970. *Български старини из Македония*. София: Наука и изкуство.
- Ильинский Г.А. 1931. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей». *Byzantinoslavica* 3, 79—87.
- КМЕ 1985: *Кирило-Методиевска енциклопедия*. 1985. Т. 1. А-З. София: Издателство на Българската Академия на науките.
- КМЕ 1995: *Кирило-Методиевска енциклопедия*. 1995. Т. 2. И-О. София: Издателство на Българската Академия на науките.
- КМЕ 2003а: *Кирило-Методиевска енциклопедия*. 2003. Т. 3. П-С. София: Издателство на Българската Академия на науките.
- КМЕ 2003б: *Кирило-Методиевска енциклопедия*. 2003. Т. 4. Т-Я. София: Издателство на Българската Академия на науките.
- Константинов К. 1977. Два старобългарски надписа от скалния манастир до с. Крепча, Търговишки окръг. *Археология* (3), 19—28.
- Куев К. 1969. *Черноризец Храбър*. София: Издателство

- на Българската Академия на науките.
- ЛИБИ 1960: *Латински извори за българската история*. 1960. Т. II. София: Институт за Българска История.
- ЛИБИ 1965: *Латински извори за българската история*. 1965. Т. III. София: Институт за Българска История.
- Медынцева А.А. 1990. О надписи на «кресте» Манасии (с. Цар Асен, България). *СА* (4), 85—90.
- Милев А. 1961. *Жития на Свети Климент Охридски*. София: Издателство на Българската Академия на науките.
- Попконстантинов К. 1982. За четенето и тълкуването на надписа от с. Цар Асен, Силистренски окръг. *Археология* (3—4), 43—49.
- Попконстантинов К. 1984а. Двеизични надписи и абецедари от старобългарския манастир при с. Равна, Варненски окръг. *ИНМВ* 20 (35), 65—81.
- Попконстантинов К. 1984b. Новооткрит двоеизичен надпис от Равна. В: *Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов*. София, 231—235.
- Попконстантинов К. 1986. Още веднъж за надписа с дата от старобългарския манастир до с. Равна, Варненски окръг. *Археология* (1), 8—19.
- Попконстантинов К. 1997. Молитва против нежит върху амулет от Пъкуюл луй Соаре. *БСП* 6, 123—130.
- Попконстантинов К., Кронщайнер О. 1994. *Старобългарски надписи* I. В: *Die slawischen Sprachen* 36.
- Попконстантинов К., Смядовски Т. 1983. За почитането на Климент, папа Римски в Средновековна България (По епиграфски данни от IX—X век). *Старобългаристика* 4, 86—92.
- Попов Г. 1982. Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски. *Български език* (1), 3—36.
- Рашев Р. 1988. Средновековният път Плиска-Дръстър и крепостта Диня. В: *Дуросторум-Дръстър-Силистра*. Силистра, 117—126.
- СБЛ 1982: *Старобългарската литература*. 1982. Т. 2. *Ораторска проза*. София: Български писател.
- СБЛ 1986: *Старобългарската литература*. 1986. Т. 4. *Житейни творби*. София: Български писател.
- Atanasov G., Jotov V., Mihailov K. 2011. The medieval fortress (beginning of 9th — beginning of 11th cc.) near the village of Okorsh, Silistra province. *Culture et civilisation au Bas Danube*. — *Cultură și civilizație la Dunărea de Jos XXVIII*, 220—239.
- Barnea I. 1981. *Christian Art in Romania* 2. Bucharest.
- Bîrnea I., Ștefănescu Șt. 1971. *Din istoria Dobrodeii* 3. București.
- Chiriac C., Papasima T. 2000. Un străvechi asezământ creștin dobrogean — complexul monastic de la Dumbrăveni (județul Constanța). In: *Priveghind și lucrând pentru mântuire*. Iași, 222—231.
- Leclercq H. 1921. Dragon. *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et liturgie*. IV (2). Paris, col. 1537—1541.
- Leclercq H. 1948. Colomb. *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et liturgie*. III (2). Paris, col. 2203—2213.
- Petolescu C. 2008. Une inscription de Păciul lui Soare. *Cultură și civilizație la Dunărea de Jos XXV*, 173—175.
- Popkonstantinov K. 1987. Les inscriptions du monastère rupestre près du village Murfatlar (Basarab). État, théories et faits. In: *Dobrudža. Études ethno-culturelles*. Sofia, 115—146.

References

- Angelov, B. 1966. In *Kliment Ohridski. Sbornik ot statii po sluchaj 1050 godini ot smärtta mu (Clement of Ohrid. A compilation of articles to the anniversary of 1050 years from his death)*. Sofia, 79—105 (in Bulgarian).
- Angelov, N. 1980. In *Arkheologiya (Archaeology)* (2), 35—38 (in Bulgarian).
- Antonova, V., Dremiszova, Tsv. 1984. In *Годишник на музеите от Северна България (North Bulgarian Museums Yearbook)* 10. Sofia, 59—70 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1984. In *Izvestiya na Narodniya muzej (Reports of Varna national museum)* 20 (35). Varna, 91—98 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1990. *Skalni monasheski obiteli v Dobrudzha (IV—XIV vek) (Rock monasterial cloisters in Dobruja (4th—14th cc.))* Avtoref. na disc. kand. ist. nauk. Sofia (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1991. In *Dobrudzha (Dobruja)* 8, 28—39 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1993. In *Izvestiya na Narodniya muzej (Reports of Varna national museum)* 29. Varna, 122—143 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1994a. In *Bălgariite v Severnogo Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 3, 53—74 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1994b. In *Dobrudzha (Dobruja)* 11, 43—51 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 1999. In *Svetogorska obitel Zograf (Cloister of Zograf on the sacred mountain)* II. Sofia, 286—290 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2001. *Sveti Georgi Pobedonosets. Kult i obraz v pravoslavniya iztok prez srednovekovieto (Saint George the Conqueror. Cult and image in the Orthodox East during Middle Ages)*. Varna: Zograf (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2004. *Skalni kultovi pametnitsi v Dobrudzha. Svetilista, khranove, manastiri (Rock cult sites in Dobruja. Sanctuaries, temples, monasteries)*. Silistra, 19—28 (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2007. *Khristianskiyat Durostorum-Drăstăr. Dorostolskata eparkhiya prez Kăsnata antichnost i Srednovekovieto. Istoriya, arkheologiya, kultura, izkustvo (Christian Durostorum. Dorostolan eparchy during Late Antiquity and Middle Ages. History, archaeology, culture, art)*. Varna; Veliko Tărnovo: Zograf (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2013. In *Bălgariya v svetovnoto kulturna nasledstvo. Materiali ot tretata natsionalna konferentsiya po istoriya, arkheologiya i kulturne turizăm „Pătuване kăm Bălgariya”* — Shumen, 17—19 maj 2012 g. (Bulgaria within the World cultural heritage. Materials of the Third national conference on history, archaeology and cultural tourism “Paths to Bulgaria” — Shumen, May 17—19, 2012). Shumen, (in print) (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2014. In *Sbornik v pamet na Vera Antonova (A compilation to the memory of Vera Antonova)*. Shumen, (in print) (in Bulgarian).
- Atanasov, G., Lipchev, R., Khinova, M., Marinov, M. 1994. *Istoriya na Alfatar (History of Alfatar)*. Varna: Zograf (in Bulgarian).
- Atanasov, G., Gencheva, S. 2008. In *Pătisthata v Srednovekovna Bălgariya (Paths in Medieval Bulgaria)*. Shumen, 130—150 (in Bulgarian).
- Balabanov, T., Tikhova, M. 2002. In *Preslavska knizhovna shkola (Preslav literary school)* 6, 58—66 (in Bulgarian).
- Bogdan, D. P. 1958. In *Romanoslavica* 1, 88—97 (in Russian).

- Georgiev, P. 1985. In *Izvestiya na Narodniya muzej (Reports of Varna national museum)* 21, 65—81 (in Bulgarian).
- Georgiev, P. 1987. In *Kirilo-Metodievski studii (Cyril-Methodius studies)* 4, 291—303 (in Bulgarian).
- Georgiev, P. 1993. In *Epokhi (Epochs)* (2), 57—68 (in Bulgarian).
- Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek sources on Bulgarian history). 1961. Vol. IV. Sofia: Institut za Bălgarska Istoriya (in Bulgarian).
- Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek sources on Bulgarian history). 1964. Vol. V. Sofia: Institut za Bălgarska Istoriya (in Bulgarian).
- Goshev, I. 1961. *Starobălgarski glagolicheski i kirilsko nadpisi ot IX i X vek (Old-Bulgarian Glagolitic and Cyrillic inscriptions from 9-10 centuries AD)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Gyuzelev, V. 1969. *Knyaz Boris Părvi (Knyaz Boris I)*. Sofia: Nauka i izkustvo (in Bulgarian).
- Dimova, V. 1993. In *Dobrudzha (Dobruja)* 10, 54—75 (in Bulgarian).
- Dimitrov, D. I. 1994. In *Dobrudzha (Dobruja)* 10, 76—122 (in Bulgarian).
- Doncheva-Petkova, L., Popkonstantinov, K. 1988. In *Dobrudzha (Dobruja)* 5, 96—99 (in Bulgarian).
- Ivanov, J. 1970. *Bălgarski starini iz Makedoniya (Bulgarian antiquities from Macedonia)*. Sofia: Nauka i izkustvo (in Bulgarian).
- Il'inskiĭ, G. A. 1931. In *Byzantinoslavica* 3, 79—87 (in Russian).
- Kirilo-Metodievskata entsiklopediya (Cyril-Methodius encyclopedia)*. 1985. Vol. 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Kirilo-Metodievskata entsiklopediya (Cyril-Methodius encyclopedia)*. 1995. Vol. 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Kirilo-Metodievskata entsiklopediya (Cyril-Methodius encyclopedia)*. 2003a. Vol. 3. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Kirilo-Metodievskata entsiklopediya (Cyril-Methodius encyclopedia)*. 2003b. Vol. 4. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Konstantinov, K. 1977. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 19—28 (in Bulgarian).
- Kuev, K. 1969. *Chernorizets Hrabăr (Chernorizets Hrabar)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Latinski izvori za bălgarskata istoriya (Latin sources on Bulgarian history)*. 1960. Vol. II. Sofia: Institut za Bălgarska Istoriya (in Bulgarian).
- Latinski izvori za bălgarskata istoriya (Latin sources on Bulgarian history)*. 1965. Vol. III. Sofia: Institut za Bălgarska Istoriya (in Bulgarian).
- Medyntseva, A. A. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 85—90 (in Russian).
- Milev, A. 1961. *Zhitiya na Sveti Kliment Ohridski (Life of St. Clement of Ohrid)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Popkonstantinov, K. 1984a. In *Izvestiya na Narodniya muzej (Reports of Varna national museum)* 20 (35), 65—81 (in Bulgarian).
- Popkonstantinov, K. 1984b. In *Sbornik v pамет na prof. Stancho Vaklinov (A compilation into the memory of the Professor Stancho Vaklinov)*. Sofia, 231—235 (in Bulgarian).
- Popkonstantinov, K. 1986. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 8—19 (in Bulgarian).
- Popkonstantinov, K. 1997. In *Bălgarite v Severnogo Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 6, 123—130 (in Bulgarian).
- Popkonstantinov, K., Kronsthajner, O. 1994. *Altbългарische Inschriften 1*. In *Die slawischen Sprachen* 36.
- Popkonstantinov, K., Smyadovski, T. 1983. In *Starobălgaristika (Old Bulgarian studies)* 4, 86—92 (in Bulgarian).
- Popov, G. 1982. In *Български език (Bulgarian language)* (1), 3—36 (in Bulgarian).
- Rashev, R. 1988. In *Durostorum-Drăstăr-Silistra (Durostorum-Dorostol-Silistra)*. Silistra, 117—126 (in Bulgarian).
- Starobălgarskata literatura (Old Bulgarian literature)*. 1982. Vol. 2. *Oratorska proza (Oratorical prose)*. Sofia: Bălgarski pisatel (in Bulgarian).
- Starobălgarskata literatura (Old Bulgarian literature)*. 1986. Vol. 4. *Zhitepisni tvorbi (Descriptions of everyday life)*. Sofia: Bălgarski pisatel (in Bulgarian).
- Atanasov G., Jotov V., Mihailov K. 2011. The medieval fortress (beginning of 9th — beginning of 11th cc.) near the village of Okorsh, Silistra province. *Culture et civilisation au Bas Danube. — Cultură și civilizație la Dunărea de Jos XXVIII*, 220—239.
- Bîrnea I. 1981. *Christian Art in Romania* 2. Bucharest: Acad. Rep. Soc. Romania.
- Bîrnea I., Ștefănescu Șt. 1971. *Din istoria Dobrogei* 3. București: Acad. Rep. Soc. Romania.
- Chiriac C., Papasima T. 2000. Un străvechi asezământ creștin dobrogean — complexul monastic de la Dumbrăveni (județul Constanța). In: *Priveghind și lucrând pentru mântuire*. Iași, 222—231.
- Leclercq H. 1921. *Dragon. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et liturgie*. IV (2). Paris, col. 1537—1541.
- Leclercq H. 1948. *Colomb. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et liturgie*. III (2). Paris, col. 2203—2213.
- Petolescu C. 2008. Une inscription de Păcuil lui Soare. *Cultură și civilizație la Dunărea de Jos XXV*, 173—175.
- Popkonstantinov K. 1987. Les inscriptions du monastère rupestre près du village Murfatlar (Basarab). État, théories et faits. In: *Dobrudža. Études ethno-culturelles*. Sofia, 115—146.

Статья поступила в номер 31 марта 2013 г.

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor of Historical Sciences. Regional Museum of History in Silistra.

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor în științe istorice. Muzeul regional de istorie din Silistra.

Атанасов Георги Георгиев (Силистра, България). Доктор исторических наук. Региональный исторический музей г. Силистра.

E-mail: geoatal@abv.bg

Address: ¹ Rakovsky St., 24, Silistra, 7500, Bulgaria

Археология представлений

Archaeology of Representations
Arheologia reprezentărilor

В. Йотов, А. Минчев

Сакральный центр на мысе Св. Атанаса в Западном Причерноморье

Keywords: Byala, cape Sveti Atanas, Thracian temple, Sanctuary of Heracles, Late Antique fortress, commercial harbor, Early Christian basilica, baptistery, bishop residence, sacred spring.

Cuvinte cheie: Beala, capul Sveti Atanas, sanctuar tracic, templul lui Hercule, fortificație antică târzie, port comercial, bazilică creștină timpurie, baptisteriu, locuința episcopului, izvor sacru.

Ключевые слова: Бяла, мыс Св. Атанаса, фракийский храм, святилище Геракла, позднеантичная крепость, торговый порт, раннехристианская базилика, крещальня, жилище епископа, священный источник.

V. Yotov, A. Minchev

A Sacred Centre at Cape Sveti Atanas in the Western Pontic Region

Archaeological investigations in 2009—2013 at a Late Antique fortified town located on Cape Sveti Atanas yielded several sacral complexes, dated between 6th c. BC — early 7th c. AD.

In the South-Eastern part of the cape there have been unearthed tens of Thracian sacrificial clay altars and a temple (?) dated back to the 5th — 1st cc. BC. Close to this complexes, several marble sculptures and a votive relief representing the labours of Heracles have been also discovered. These finds are probably connected with a Roman sanctuary of 2nd—3rd cc. AD dedicated to this ancient divine hero.

The most interesting discoveries belong to the Early Christian period of late 4th — early 7th cc. AD: a three-nave basilica with one apse and two baptisteries; a residential house of the priest and later a local bishop (chora-episcopus) as well as a storage-house for keeping the gifts donated to the church and a sacred well/spring next to the church building.

The Late Antique fortress on cape Sveti Atanas was erected most probably in late 4th century AD. Soon it became a local port town and Christian center of the region.

The fortification was renewed a couple of times after natural calamities and barbarian invasions. In 614 AD, after an attack of Avars and Slavs, the town was captured, burned to ashes and abandoned.

V. Yotov, A. Minchev

Centrul sacral de pe capul Sveti Atanas în Vestul Mării Negre

În timpul cercetărilor arheologice dintre anii 2009—2013 de pe capul Sveti Atanas, au fost dezvelite mai multe complexe cu caracter sacral, dateate între sec. VI î.e.n. — începutul sec. VII e.n.

În partea de sud-est a capului au fost cercetate zeci de vetre sacrificiale, precum și un templu din epoca tracică. Tot aici au fost descoperite sculpturi și o stelă din marmură, care redau muncile lui Hercule. Acestea, probabil, ilustrează prezența aici a unui sanctuar roman din sec. II—III e.n., ridicat în cinstea eroului antic.

Cele mai interesante sunt însă vestigiile creștine timpurii: o bazilică cu trei nave, o apsidă și un pridvor; două baptisterii; locuința episcopului; cameră pentru păstrarea darurilor și o fântână/izvor sacru.

Ridicată aproximativ în a doua jumătate a sec. IV, cetatea de pe capul Sveti Atanas a devenit cu timpul un oraș portuar nu prea mare și un centru creștin al regiunii.

După mai multe calamități naturale și raiduri ale barbarilor cetatea a fost renovată, pierzând însă în foc și fiind părăsită după invazia avaro-slavă din anul 614.

В. Йотов, А. Минчев

Сакральный центр на мысе Св. Атанаса в Западном Причерноморье

Во время проведенных в 2009—2013 гг. археологических раскопок на мысе Св. Атанаса были обнаружены объекты сакрального характера, датированные VI в. до н.э. — началом VII в.н.э.

В юго-восточной части мыса изучены десятки жертвенных очагов и храм фракийской эпохи. Здесь же открыты мраморные скульптурные композиции и плита, представляющие подвиги Геракла. Они, вероятно, свидетельствуют о римском святилище II—III вв. в честь этого героя.

Наибольший интерес вызывают раннехристианские древности. Это трехнефная базилика — одноапсидная, с притвором, две крещальни, жилище епископа хоры, здание для хранения даров, колодец — священный источник.

Возведенная где-то во второй половине IV в., крепость на мысу Св. Атанаса постепенно превратилась в небольшой портовый город и христианский центр района.

После нескольких стихийных бедствий и варварских нашествий крепость восстанавливали. Город был взят в ходе аварско-славянского нашествия в 614 г., сгорел и был брошен.

Первые сведения. Письменные и археологические источники

Основателям болгарской археологии, братьям Гермингильду и Карелу Шкорпил, мы обязаны появлению первых сведений о позднеантичной крепости на мысу Св. Атанаса около г. Бяла, Варненской области. В статье 1892 г. об археологических объектах Северо-восточного болгарского Причерноморья они коротко описывают район у села Акдере, или Аспро (сейчас г. Бяла), руины крепости на мысу, упоминают старую разрушенную церковь, надгробный камень с надписью и прилагают общий план (рис. 1) (Шкорпил К. и Шкорпил Х. 1892: 42—43, фиг. 22)¹.

Хронология

Уже первые месяцы археологических раскопок показали, что объект на мысу Св. Атанаса (рис. 2) — многослойный памятник, содержащий материалы различных исторических периодов. Несколько артефактов относятся к эпохе позднего энеолита (конец V тыс. до н.э.) или началу бронзового века (конец IV—III тыс. до н.э.) — каменный и медный топоры, медные наконечники стрел, шилья и др. Единичные фрагменты керамики можно отнести к архаическому периоду (VI в. до н.э.).

Большое количество материалов относится к классическому и эллинистическому периодам (V—I вв. до н.э.). Относительно мало находок римского времени (I—III вв.) — фрагменты керамики, несколько скульптур и один рельеф, а также несколько десятков монет. Большая часть материалов датируется эпохой поздней античности (конец IV — начало VII вв.). К средневековому периоду относятся несколько десятков фрагментов сграфито-керамики и монеты XIV—XVII вв.

Фракийский культовый центр (VI в. до н.э. — I в. н.э.)

В различных секторах юго-восточной части мыса — той, что наиболее выдается в море, — было исследовано более 120 ям, несколько печей бытового назначения, остатки десятков жертвенных очагов и одно-единственное зда-

Рис. 1. План побережья между селениями Бяла и Обзор (по Шкорпил К., Шкорпил Х. 1892).

Fig. 1. Plan of the coast between villages Byala and Obzor (after Шкорпил К., Шкорпил Х. 1892).

ние. Все они относятся к ранним культурным слоям (VI в. до н.э. — начало I в. н.э.).

Ямы содержали остатки ритуальных обрядов и угощений населения ближних окрестностей, поэтому мы определяем их как ямы культового назначения — «ботросы», как их называют в научной литературе. В них обнаружены: фрагментированные и гораздо реже — целые глиняные сосуды — местные фракийские и импортные греческие чернолаковые (с росписью и рельефным декором); фрагменты амфор, в том числе ручки и устья с клеймами, строительные материалы — в основном черепица; различные предметы домашнего обихода — пряслица, грузила для ткацких станков и рыболовных сетей, рыболовные крючки и другое. Ямы с ритуально помещенными в них керамическими сосудами, предметами домашнего обихода, костями известны во всей древней Фракии (Георгиева 1991: 1—11; Tonkova 2003: 479—504; Archibald 2002: 111—128, pls. 33—35; Върбанов 2008: 404—419). Открыты они и на теменосе близкого к Бяле Одессоса (Варна), где датируются V—IV вв. до н.э. (Тончева 1972: 262—273).

Печи, очаги, эсхары. Кроме ям, в этой части мыса было найдено несколько очагов и печей бытового назначения, связанных, вероятно, с религиозными обрядами в культовом центре. Также было открыто более десяти жертвенных очагов (рис. 3) — так называемых «эсхар». К сожалению, большинство из них сильно разрушено. Они представляли собой квадратные или круглые глиняные площадки (некоторые с простым или более сложным врезным декором), на которых горел жертвенный огонь и совершались ритуалы, связан-

¹ Краткие заметки об укреплении на мысу содержатся в популярном сочинении о Болгарском Причерноморье (Кънчев 1961: 63).

Рис. 2. Мыс Св. Атанаса до начала археологических раскопок.

Fig. 2. Cape of Sveti Atanas prior to the archaeological excavations.

ные с фракийской религией. Эсхары открыты в многих местах Северной и Южной Фракии, а также и в Севтополисе, столице известного фракийского царя Севта III (IV—III вв. до н.э.), в столичном и культовом центре гетов Хелисе около Сборяново, Разградской области, и в некоторых фракийских курганах (Чичикова 1975: 180—195; Михайлова 2005: 229—240; Пировска 2007: 21—31).

Храм. Единственное архитектурное сооружение, открытое на данном этапе в раннем культурном слое, представляет собой частично сохранившееся прямоугольное здание из трех помещений (рис. 4). Фракийское святилище I в. до н.э. на мысу Галата около Варны также прямоугольное и построено в той же манере из необработанного камня на глиняном растворе, как и у мыса Св. Атанаса, но состоит из двух помещений (Мирчев 1953: 1—28)².

Храм расположен в юго-восточном конце мыса под несколькими разрушившимися его большими позднеантичными зданиями. Сохранившиеся каменные стены на глиня-

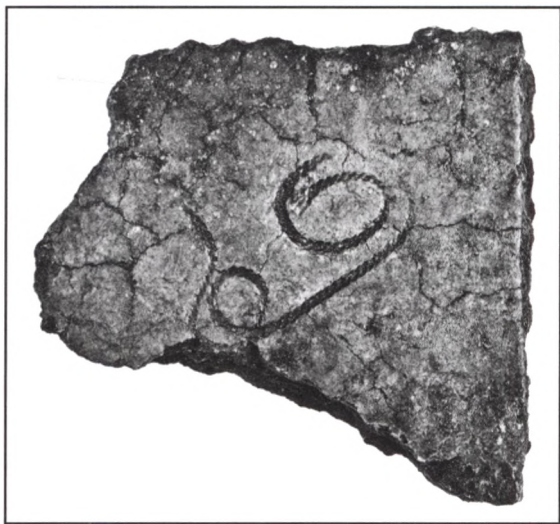

Рис. 3. «Эсхара» — жертвенный очаг. Фрагмент.

Fig. 3. „Eschara“ — a sacrificial altar. Fragment.

ном растворе стоят на руинах более раннего деревянного строения. В связи с этим напомним, что античный географ Павсаний (вторая половина II в.) отмечал в нескольких местах своих описаний, что более ранние храмы в Древней Греции имели деревянные конструкции (Pausanias 5.16.1; 5.20.6)

² Об архитектуре доримских святилищ и храмов в античных городах Северного Причерноморья см.: (Krizhickiy 2010: 93—126, fig. 3; 7; 18; 22).

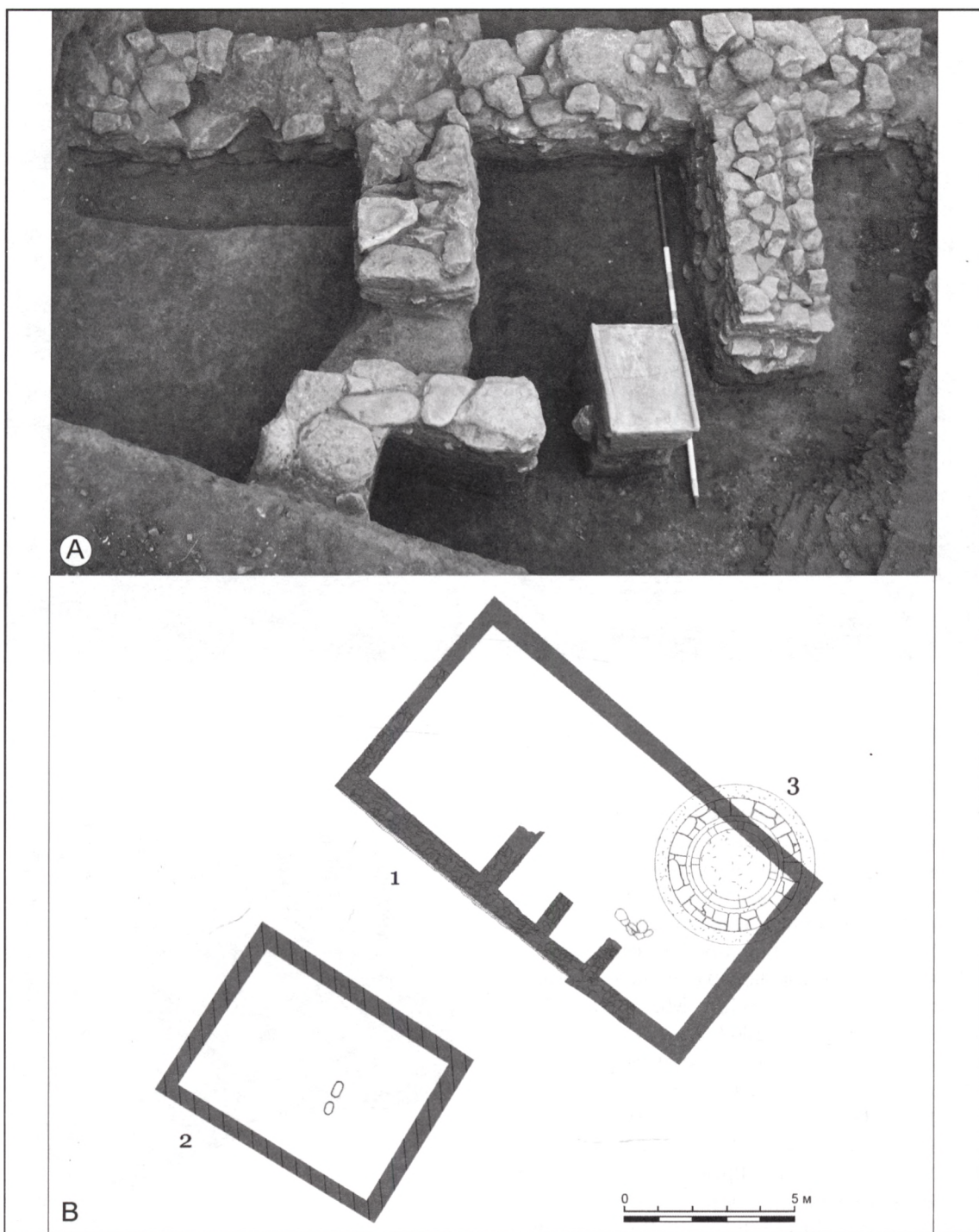

Рис. 4. А — каменные стены античного храма (фото); В — план античного храма и святилище Геракла: 1 — фракийский храм; 2 — святилище Геракла; 3 — современный маяк.

Fig. 4. A — stone walls of the ancient temple (photo); B — layout of the ancient temple and the sanctuary of Heracles: 1 — Thracian temple; 2 — sanctuary of Heracles; 3 — modern lighthouse.

Внутри здания были обнаружены остатки нескольких эсхар, часть которых с врезным геометрическим орнаментом. Большинство из них было сооружено одна над другой — свидетельство длительного использования этого культового места.

Это позволяет нам высказать рабочую гипотезу, что речь идет о руинах храма с предварительной датировкой III—II в. до н. э., а деревянное храмовое строение — более раннее, может быть, IV в. до н. э., если не раньше. Косвенным свидетельством этого является

№6. 2013

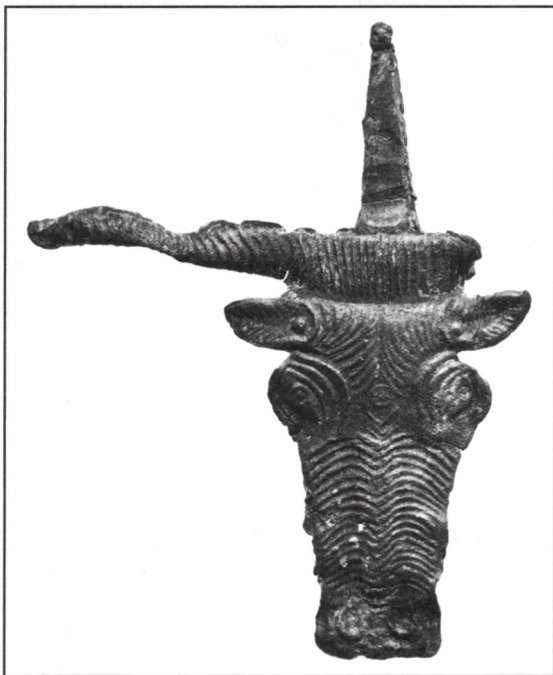

Рис. 5. Свинцовый букраний.

Fig. 5. Lead bucranium.

тот факт, что примерно половина общего количества культовых ям была обнаружена около храма.

Характеристика «фракийский культовый центр» для структур в этой части мыса Св. Атанаса подтверждается многими интересными находками, такими, как свинцовый букраний (рис. 5), аналоги которого посвящались богу вина и веселья Дионису; терракотовая подставка для дров с изображением животного (рис. 6); биконический глиняный амулет с двусторонним отпечатком стоящей фигуры с жезлом (рис. 7); терракотовые фигурки и многое другое — все предметы с бесспорной датировкой с V по II вв. до н.э.

Подобные подставки для дров были известны во фракийских землях еще с позднего бронзового века и продолжали использоваться в эпоху раннего железа (GTN 1987: 143. Nos. 195—196; Domaradzki 2002: 11—29, pl. II, 15 a, b, c). Букрании, схожие с найденным на мысу, открыты в Аполлонии, Одессосе и Ольвии (Конова 2002: 46—54, обр. 1—2; Минчев 2012: 752—767; Зайцева 1971: 84—106). Что касается глиняного амулета, то он, возможно, служил и грузилом для сети или небольшого ткацкого станка. Грузила для ткацкого станка с отпечатками гемм V—IV вв. до н.э. открыты на фракийском торжище Пистирос у с. Ветрен в районе г. Пазарджик (Ondřejovà 2007: 243—246, pl. 20: 2—3).

Важное значение для характеристики и датировки культового центра имеют и найденные

Рис. 6. Терракотовая подставка для дров.

Fig. 6. A terracotta support for wood.

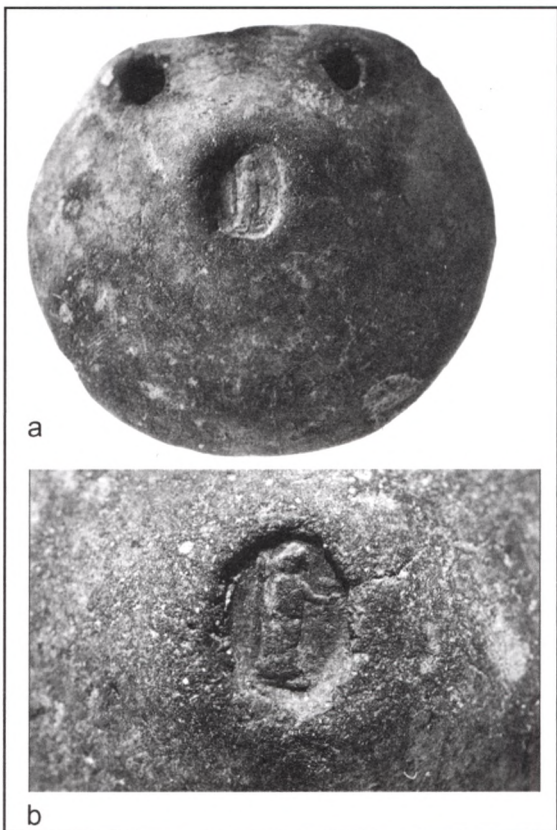

Рис. 7. Биконическое глиняное грузило: а — грузило, в — отпечаток геммы (увеличен).

Fig. 7. Biconical clay loomweight: a — view from above, b — the imprint of a gemstone (magnified).

монеты. Их также бросали в ямы как votivnye дары. Наиболее важными среди нескольких десятков монет являются: пол-асса — литая медная монета Ольвии (V—III вв. до н.э.) — единственная, найденная до сих пор в Болгарии (рис. 8); бронзовые монеты македонских правителей IV—III вв. до н.э. — Лисимаха, царя Фракии с 306 до н.э., и, возможно, Александра Великого (336—323 гг. до н.э.); монеты, чеканившиеся в близлежащих черноморских городах — Одессосе (Варна), Месембрии (Несебр) и Аполлонии (Созополь) с V до I вв. до н.э.; бронзовая мо-

Рис. 8. Пол-асса Ольвии.

Fig. 8. Half of an Olbian as.

нета фракийского правителя Реметалка I (12 г. до н.э. — 12 г.н.э.).

Полные археологические исследования и научный анализ фракийского культового центра на мысу Св. Атанаса еще предстоят, но уже сейчас ясно, что речь идет о новом ценном источнике по религии, материальной культуре и торговым связям местного фракийского населения.

Святынище Геракла (II—III вв.)

Кроме того, на юго-восточном конце мыса были обнаружены шесть мраморных статуэток, скульптурные композиции и votивная плита, представляющие различные сцены подвигов древнегреческого героя-полубога Геракла (рис. 9). Еще в V в. до н.э. Геродот указал на важность культа Геракла в современном ему античном мире (Herodotus. The Histories..., II, 44). На Балканах и в Причерноморье ему поклонялись греки, фракийцы и римляне (Русяева. 2005: 445—459; Rabadjiev 1986: 144—149).

В нашем случае посвятельные надписи на основаниях трех композиций и художественный стиль указывают на датировку II—III вв. На этом месте найдено и несколько римских бронзовых монет первой половины III в. На данном этапе исследования можно высказать предположение, что найденные вещи³ свидетельствуют о существовании где-то поблизости святилища римского периода, вероятнее всего, посвященного Гераклу.

³ Находки сделаны в августе-сентябре 2013 г., всего за несколько недель до последней редакции данного текста. Исследования продолжатся в следующем археологическом сезоне.

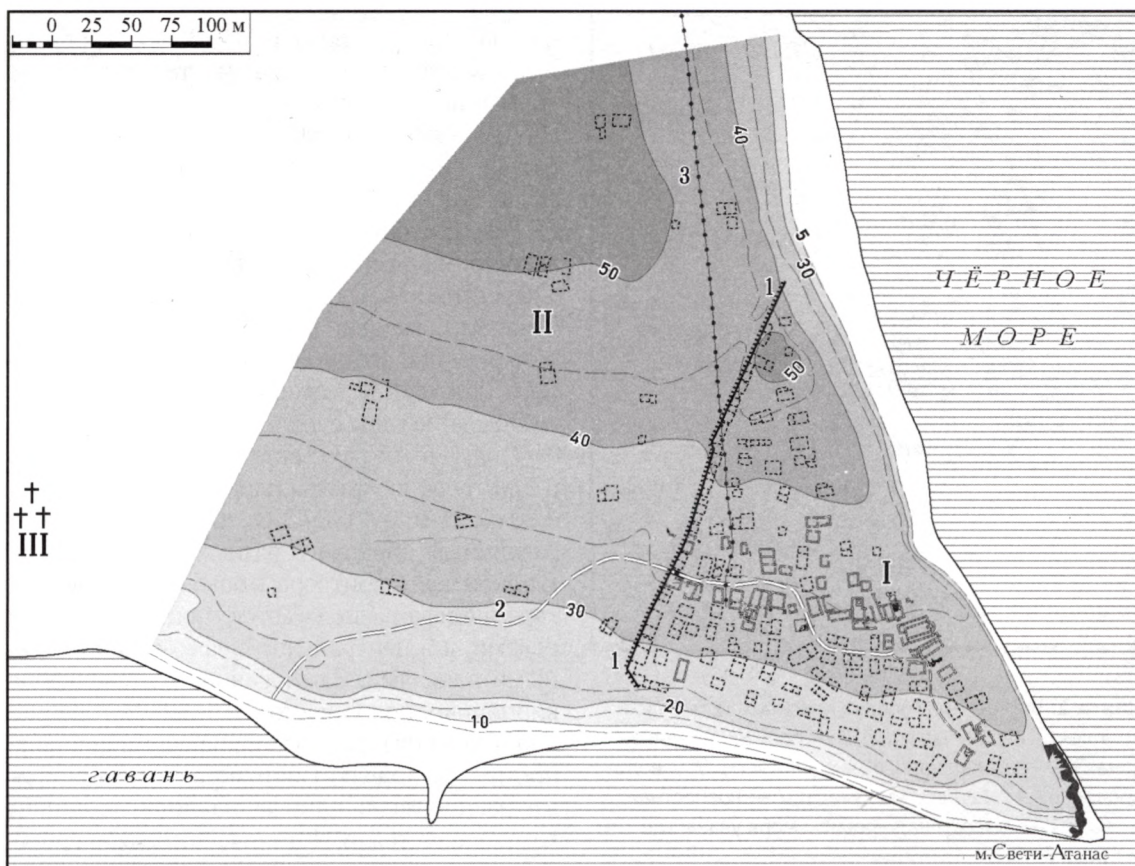
Рис. 9. Геракл побеждает Немейского льва. Мраморная скульптурная композиция.

Fig. 9. Hercules slaying the Nemean lion. Marble sculptural composition.

Топография позднеантичной крепости — небольшой портовый город

Крепость расположена на нескольких террасах на восточном конце мыса Св. Атанаса, поднимающегося на 30—40 метров над уровнем моря. Берег — типа клифа (отвесный абразионный обрыв) и, судя по видимым подводным скалам восточнее и южнее оконечности мыса, можно предположить, что он в античную эпоху в этой части выступал еще на несколько десятков метров в море. Площадь объекта имеет естественный уклон на юг — юго-запад. Эта особенность, а также несколько водосборных зон со сливом на южный берег мыса определяли застройку в этом районе в позднеантичную эпоху.

Расположение крепости на мысу, который закрывает и непосредственно защищает небольшой залив, также носящий имя Св. Атанаса, позволяет дать и другую характеристику объекта — небольшой портовый город (карта 1). Несомненно, залив был удобен для швартовки небольших судов, о чем имеются данные для античности и средневековья, для османского периода, начала XX в. и наших дней — в основном для торговли,

Карта 1. Внутренний и внешний город, некрополь. I — внутренний город, II — внешний город, III — некрополь; 1 — крепостная стена, 2 — главная дорога, 3 — водопровод, 50 — высоты над уровнем моря указаны в метрах.

Map 1. Inner and outer town, necropolis. I — inner town, II — outer town, III — necropolis; 1 — rampart, 2 — main road, 3 — aqueduct, 50 — altitudes above sea level (in meters).

но и как порт, предназначенный для укрытия судов во время шторма.

Помимо регулярных подводных исследований, много предметов — целые и фрагментированные глиняные сосуды, каменные, свинцовые и железные якоря и др. с датировкой от античности до средневековья — были подняты местными рыбаками с морского дна в районе залива и в море.

Конечно, как и в большинстве случаев, подобные античные укрепленные центры характеризуются тем, что в случае военной угрозы они служили убежищами (*refugia*) для населения окрестных деревень (Торбатов 2002: 71—85; а также: РВГБ 2002).

Во время проведенных в 2009—2013 гг. археологических раскопок на территории крепости (карта 2) полностью исследованы раннехристианский комплекс, общественная баня, несколько зданий и производственных сооружений — винодельни и печи для обжига бытовой керамики (АОР 2010—2012: 282—284; 243—245; 229—230). Частично были изучены также отдельные участки ли-

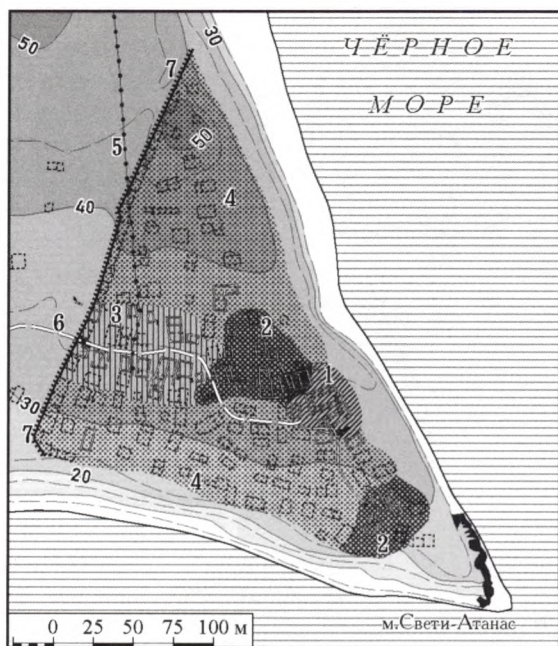
нии обороны крепости, секторы с жилыми, хозяйственными и складскими зданиями и другие сооружения. Были собраны данные об уличной, водопроводной и канализационной сетях, а также о строительстве за пределами крепостной стены.

Раннехристианский комплекс

Раннехристианский комплекс включает: базилику, жилище священника, крещальни, репозиторий для даров и колодец для святой воды.

Базилика

Исследованная базилика является трехнефной, одноапсидной, с притвором (рис. 10). Внешние размеры: длина 22,50 и ширина 14 м (внутренняя ширина — 12 м). Стены сложены из обработанных и бутовых камней, местами они выровнены рядами плинфы. Северная и часть западной стены сохранились на высоту до 1,40 м, а южная — только на некоторых участках до 0,30 м. Каменная кладка фунда-

Карта 2. Внутренний город. 1 — раннехристианский комплекс (сакральная зона), 2 — производственная зона, 3 — торговая зона, 4 — жилая зона, 5 — водопровод, 6 — средняя улица (меса), 7 — крепостная стена, 50 — высоты над уровнем моря указаны в метрах.

Мар 2. Inner town. 1 — Early Christian compound (sacred zone), 2 — manufacturing zone, 3 — trade zone, 4 — living zone, 5 — aqueduct, 6 — middle street (mesa), 7 — rampart, 50 — altitudes above sea level (in meters).

мента и субструкции выполнена с помощью белого известкового раствора с добавлением керамической крошки (цемянки).

В восточной части здания было установлено существование двух апсид — одна с меньшим радиусом, от которой сохранился только один сегмент (с юго-востока), и вторая (более поздняя), которая использовалась до конца существования базилики. Раннехристианские базилики (конца IV—VI вв.) аналогичного плана — трехнефные и одноапсидные — были весьма распространены в ранней Византии, поэтому мы упомянем лишь некоторые из исследованных в Болгарии. Это датированная временем «до VI в.» базилика св. Ильи на мысе Галата около Варны; базилика №2 в крепости «Крумово кале» у г. Тырговиште, второй половины V—VI вв.; епископальная базилика на холме Царевец в Велико Тырново, V—VI вв. или первой половины VI в.; базилика №2 в Кабиле около Ямбола, предположительно отнесенная к IV в. (Чанева-Дечевска 1999: 178, 193—194; обр. 6, 20), а также в урочище «Грамадето» около Гырмена, Благоевградской области — третьей четверти V —

начала VI вв. (Попова 2011: 280—281, обр. 8) и др. К ним можно добавить такого же рода храмы, исследованные в Северной Добрудже (Lungu 1998: 451—462, fig. 7 — Argamum-Orgame; fig. 14: Histria) и на Балканах V века (Krautheimer 1965).

На восточной стене северного нефа, к северо-востоку от апсиды, находился вход с деревянной дверью, который вел в покрытое навесом помещение. К югу от апсиды были обнаружены фундаменты стен прямоугольного помещения, которое не использовалось в последние годы существования здания.

Полы в нефах, алтарной части (биме) и притворе покрыты плиткой с размерами 0,30×0,30 и 0,43×0,43 м. Она расположена различным образом в разных частях здания. В одной части притвора, в боковых нефах и алтаре плитка располагается горизонтальными рядами, а в центральном нефе — диагональными панелями. Аналогичное расположение кирпичных полов часто встречается в раннехристианских базиликах на Балканах, и в частности — в Северо-Восточной Болгарии. Так же расположена плитка на полу в базилике около устья р. Камчия, которая, вероятно, также относится к V—VI вв. (Покровски 1940—1942: 252—255, обр. 346—347; 349; Чанева-Дечевска 1999: 148). Недалеко от Бялы в самом большом христианском центре района — Одессосе (Минчев 1986: 35—36) находятся две базилики V—VI вв. с кирпичными полами: одна в Галате — урочище Каялык около Варны; другая в Девне — античном Марцианополе (Ангелов 1999: 46—48). К ним следует добавить и базилику из Силистры (Атанасов, Русев 2005—2009: 603, Рис. 1, 3, 4 и др.).

Примерно на 0,15 м ниже уровня пола были обнаружены остатки разрушенного более раннего пола, также из плитки, но с размерами 0,30×0,15 м. Насыпь над этим более ранним полом состояла из слоя пожара, над которым находится еще один, выравнивающий, слой песка — возможно, основа для укладки более позднего кирпичного пола. В этой насыпи были обнаружены в основном монеты второй половины IV — первой половины V вв.⁴

В восточной части базилики были обнаружены многочисленные фрагменты различных мраморных деталей, без сомнения, украшавших алтарь. Среди них находились и почти целые плиты и колонны — части ал-

⁴ Монеты определены Йото Валериевым, аспирантом Софийского университета «Климент Охридски».

Рис. 10. Базилика — вид сверху.

Fig. 10. The basilica — view from above.

тарной преграды (рис. 11), две базы и часть колонны кивория, обломки алтарных столов. Алтарные плиты украшены вписанными в круг или прямоугольник рельефными крестами — часто встречающийся мотив в декоре раннехристианских алтарных преград в ранней Византии в IV—VI вв. (Лилчик 2002: 1038—1342).

Передняя (западная) сторона алтарной преграды, вероятно, была расположена по линии сохранившихся целиком плит пола в этой части базилики. В 2,30 м к востоку, в центре алтарного пространства, было открыто прямоугольное основание алтарного стола размера-ми 1,65×0,85×0,32 м.

В базилике и около нее были найдены почти целый алтарный стол, а также части столешниц и ножки-колонны еще нескольких прямоугольных алтарных столов. Особое внимание заслуживает один из них (рис. 12) с тремя поддерживающими его ножками-колоннами, открытый «захороненным» непосредственно у фундамента полностью сохранившейся абсиды. Преднамеренное сокрытие алтарного стола на этом месте произошло после разрушения первой абсиды. Каждая из ножек-колонн выполнена из цельного куска мрамора,

с квадратной базой и небольшими капителями в позднекоринфском стиле. Таким же образом были оформлены и колонны прямоугольного алтарного стола из базилики №1 в урочище «Грамадето» около Гырмена — Nicopolis ad Nestum, датированной третьей четвертью V — началом VI вв. (Попова 2011: 283—284, обр. 11).

Стол относится к типу F по типологии E. Chalkia (Chalkia 1991: 75—76, fig. 23; 44; 69). В Болгарии известно большое количество фрагментов подобных прямоугольных столов. Целые или почти полностью сохранившиеся найдены в Ковачевце, Поповского района, в Нове около Свиштова, Ореше, Гоцеделчевского района, и на мысу Галата, недалеко от Варны, — все с датировкой V—VI вв. (Тенекеджиев 2010: 442, обр. 1; 3—4). Подобный же мраморный алтарный стол происходит из скальной церкви в Khirebt ed-Deir (Израиль), где он датирован VI в. (Hirschfeld 1993: 252—253, fig. 17). Аналогичные ножки-колонны известны также в раннехристианской базилике V—VI вв. в Херсонесе Таврическом (Бернацки 2004: 14—15, фиг. 7) и на острове Вис в Хорватии (Kirigin 1998: 434, fig. 8).

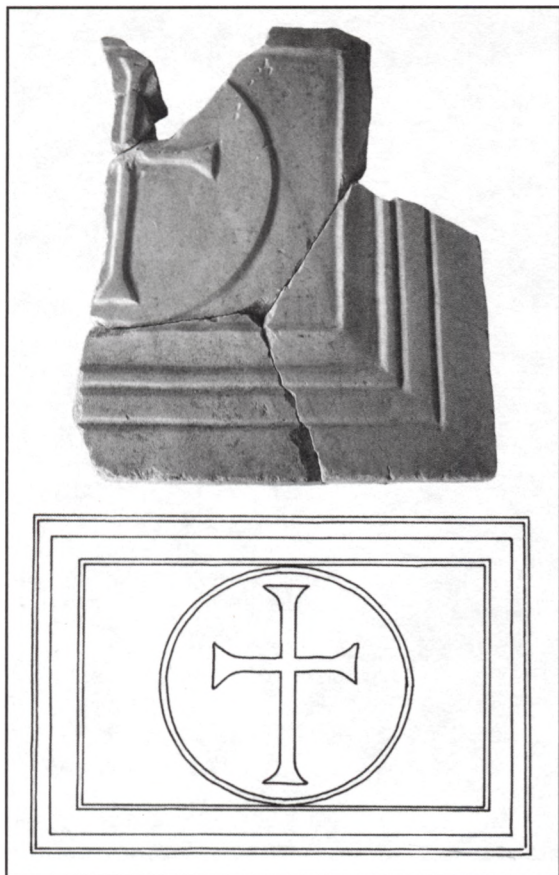

Рис. 11. Фрагменты плиты алтарной преграды.

Fig. 11. Fragments of slabs from the altar screen.

На 0,60 м внутрь апсиды выступала трёхступенчатая скамья (синтрон) с массивным камнем — епископским престолом в центре. Пространство между стеной апсиды и синтроном было заполнено земляной массой и фрагментами строительной и бытовой керамики.

Перед сооружением синтрона штукатурка стен апсиды была украшена линейным врезным орнаментом, а также фресками в технике «а секко» (роспись по сухому). Фрагменты, которые встречались в основном в насыпи за синтроном, декорированы растительными мотивами (рис. 13). Разбросанные мелкие четырехлепестковые цветы (символическое изображение райского сада) являются часто встречающимся мотивом украшения стен и потолков еще с римской эпохи, который переходит и в раннехристианскую живопись — например, в Римских катакомбах и др. (Pillinger 2001: 26—34). Так был украшен потолок так наз. «Абсидного зала» в Эфесе, в Малой Азии (Pillinger 2001: 30—32, Abb. 7). Аналогично объясняется цветочная декорация на сводах и стенах некоторых раннехристианских гробниц, в том числе и в Болгарии.

Рис. 12. «Погребенный» алтарный стол.

Fig. 12. The "buried" altar table.

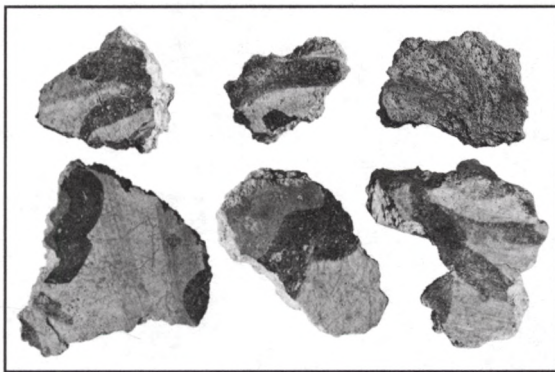

Рис. 13. Фрагменты фресок абсиды.

Fig. 13. Fragments from apse frescoes.

Такими маленькими яркими цветами украшена ниша и восточная стена Хисарской гробницы конца IV в. (Овчаров, Ваклинова 1978: 24—26, обр. 52—53) и гробница №6 раннехристианского могильника у собора св. Софии в Софии (вероятно, IV—V вв.) и др. (Ibidem: 29, fig. 1). В нижней части апсиды, видимо, находились разноцветные поля или пояса. В базилике V—VI вв. из Църквишта Пирдопского района украшением нижней зоны стен был также темно-зеленый орнаментальный пояс, ограниченный красными полосами (Ibidem: 24).

Нефы трех частей базилики разделены стилобатом — цоколем, на котором стояли базы колонн. Стилобат между северным и центральным нефом хорошо сохранился — он сооружен из крупных плит известняка. На некоторых из них, кроме следов известкового раствора на местах баз колонн, видны и канавки — борозды, возможно, предназначенные для крепления деревянных перегородок между колоннами. Следы истирания на крайней восточной и западной плитах показывают, что в этих местах находились входы из центрального в северный неф. Стилобат между центральным и южным нефом не сохранился, но его фундамент подобен север-

ному и, вероятно, был сооружен таким же образом. Колонны и капители были известняковыми.

Капители фрагментированы, но в соответствии с их декором могут быть определены как «позднекоринфский» тип — часто встречающийся в раннехристианских зданиях в Болгарии и особенно на Западном побережье Черного моря. Подобные капители (мраморные) известны в базиликах на мысу Галата, недалеко от Варны, и у «Ерите» вблизи устья р. Камчии — V—VI вв. (Покровский 1940—1942: 254, обр. 348; Мирчев 1952: 12, обр. 18); в раннехристианской церкви в Одессе (Овчаров, Ваклинова 1978: 35—36, обр. 48); в малой базилике с мозаиками в Пловдиве вторая половина V—VI вв. (Bospachieva 2002: 62—63, fig. 16) и др. Трудно точно определить, к какому подтипу принадлежат наши капители, но, по-видимому, они ближе всего к типу II по классификации А. Pralong (Pralong 2000: 88, fig. 7a).

От притвора базилики сохранилась только северная половина, где возникает помещение с внутренними размерами 4,50×3,10 м. Его каменная стена с востока имела вход в северный неф. На более позднем этапе этот вход был замурован сложенным из камня сегментом, подобным маленькой апсиде с окошком в центре. Восточная стена была построена способом смешанной кладки (*opus mixtum*): нижняя часть и фундамент из обработанного камня, а верхняя — из рядов обожженных кирпичей. Южная стена, которая закрывала дополнительно помещение с юга у входа в центральный неф, была построена только из фрагментов черепицы и плинфы на глиняном растворе.

Здание имело окна — повсюду были обнаружены фрагменты оконных стекол и соединяющие их свинцовые пластины. Наибольшее количество фрагментов стекла было найдено около апсиды, и гораздо меньше — в непосредственной близости от северной и западной стен.

К западу от входа в базилику находилась выложенная из каменных плит дорожка. В северном направлении каменная дорожка вела к трем взаимосвязанным помещениям, которые расположены параллельно оси базилики (восток — запад). Четыре каменных ступени ведут к главному, самому восточному из этих помещений.

Крещальни

Крещальня №1 была сооружена в северной половине притвора. Сохранился солид-

Рис. 14. Бассейн крещальни №1.

Fig. 14. Baptismal font of the baptistery no. 1.

ный фундамент ее бассейна с двумя ступенями с востока и запада (рис. 14). Фундамент сложен из камня, кирпича и строительных остатков на известковом растворе. Бассейн обмазан изнутри водонепроницаемой гладкой гидрофобной штукатуркой. Обнаруженные вблизи более 1 кв. м фрагментов этой штукатурки показывают, что в своем первоначальном виде бассейн крещальни был глубиной около одного метра. Как уже упоминалось выше, крещальня была связана входом с северным нефом базилики. По форме бассейна она относится к типу *9 circle sur rectangle* — «круг в прямоугольнике» (Khatchatrian 1962: 202, fig. 145; 1982: 71). Кроме Востока, где это — довольно распространенный тип, он встречается и в других провинциях Ранневизантийской империи, в том числе в небольших сельских церквях IV—VI вв. — например, в Испании (Ripoll, Velásquez 1999: 123—125, fig. 2.). Это пока единственная крещальня такой формы в Болгарии (Чанева-Дечевска 1999: 106—113).

Раннехристианские крещальни болгарских земель, как и в других частях Ранневизантийской империи, как правило, расположены за пределами церкви или же примыкают к ней (Ibidem, обр. 75—80). Лишь изредка они помещаются внутри базилики. Так об-

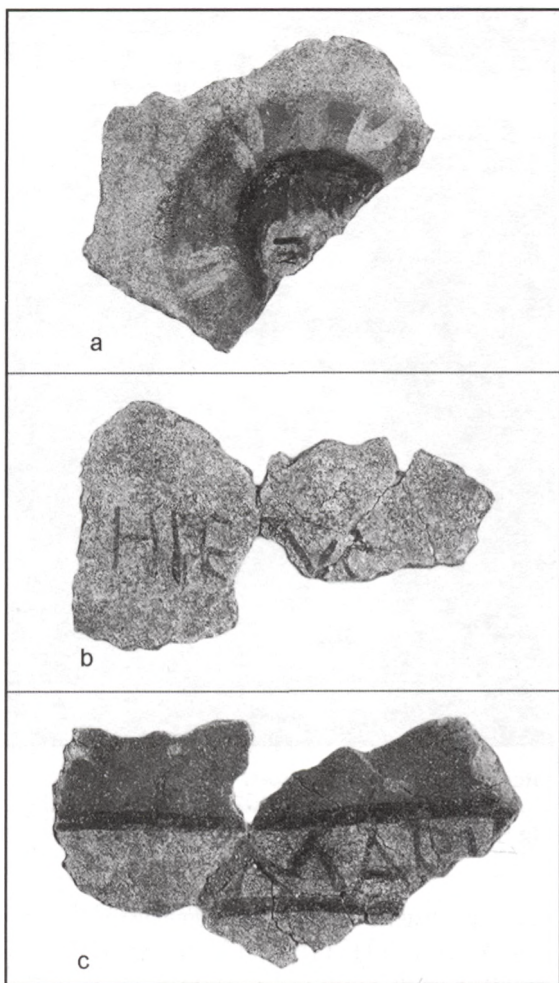

Рис. 15. Фрагменты фресок с изображением святого (a) и надписями (b, c).

Fig. 15. Fragments of frescos with images of a saint (a) and inscriptions (b, c).

стоит дело, например, в базилике V—VI вв. на мысу Галата, недалеко от Варны, где крещальня находится в помещении, выделенном также в северо-западной части притвора (Мирчев 1952: 4—5, план 1, обр. 7). На том же месте — в северо-западном углу — она сооружена и в базилике в местности «Джанавара» около Варны (VI в.), но в отдельном помещении (Минчев, Тенекеджиев 2008: 500—503, обр. 1—3). В Маленькой базилике *Heraclea Lyncestis* (Битола, Республика Македония) середины VI в. крещальня занимает центральное место в притворе (Лилчик 2002: 538, VII: 79).

В той части, где была расположена крещальня № 1, притвор был украшен фресками и надписями, выполненными в технике «а секко» (роспись по сухому), от которых найдено множество фрагментов, в основном небольших (рис. 15). На одном из больших кусков частично сохранилось изображение святого

(возможно — Иисуса Христа (?). Несмотря на небольшой размер, изображение показывает, что фрески были написаны опытным художником с твердой рукой и знанием христианской иконографии. Аналогичным образом написан Христос в раннехристианской церкви в Пальмире, Сирия, начала V в. (Gawikowski 1993: 153—154, Abb. 3). Принято считать, что портреты Иисуса Христа, Святых апостолов и Девы Марии создавались еще в I в., но после IV в. такие *sacrae imagines* получают широкое распространение и, кроме икон, изображаются уже и на стенах церковных зданий (Грабар 1983: 243—247).

Около бассейна также были обнаружены два фрагмента с частично поврежденными надписями с именами на латыни: MARI [A] и HIE[S]US (или HPE[S]US?). Они написаны горизонтально на белом фоне черной краской. Были также открыты части декора с драпировкой одежды коричневого цвета, растением, часть нимба и др. Имя в первой надписи — Мария, — без сомнения, относится к Святой Богородице (Mazzoleni 2003: 155—176), поскольку ее часто так называли в раннюю христианскую эпоху — с I до середины V вв., а то и позже. Она упоминается таким образом в Болгарии лишь еще единожды — в аккламационной надписи из Несебра, вероятно, V—VI вв. (Beševliev 1964: 105, Taf. 59, Nr 156, Abb. 163).

Повреждения второй надписи затрудняют ее прочтение, но наиболее вероятная интерпретация — «Иисус» [Христос]. По мнению Eb. Nestle, такой способ написания Его имени — как HIESUS — считается одним из самых ранних в христианской культуре. Тот же автор считает, что его форма IHESUS появляется в письменных источниках только в VI в. (Nestle 1908: 248). Подобное написание имени Иисуса, но на греческом языке, имеется и в одной из раннехристианских гробниц, открытых в Салониках. Там Он изображен в виде Доброго Пастыря, а Его имя написано как HEICOY (Marke 2006).

Эти надписи являются очень ценной и редкой находкой времен утверждения христианства на Балканах. В сущности, это самые ранние надписи с именами Святой Богородицы и Иисуса Христа в болгарских землях. Интересно, что таким же образом — черной краской на узком белом поясе, ограниченном двумя цветными каемками сверху и снизу, написана и раннехристианская надпись середины IV или V в. в крещальне в Барселоне. Текст этой частично сохранившейся латинской надписи связан каким-то образом с Господом — упомянуто слово DOMIN [...] (Mayer, Rodà

1998: 515—520, fig. 1). Хотя и редко, раннехристианские крещальни были украшены фресками, при этом различным способом (Ristow 1998: 165, Nr.296). В этом смысле крещальня №1 из крепости не является исключением, но, несомненно, хотя и фрагментированные, ее фрески являются одними из немногих сюжетных изображений раннехристианской эпохи в Болгарии⁵.

После того, как была заброшена крещальня №1, а ее верхняя часть разрушена, весь уровень этой части притвора был выровнен, покрыт слоем песка, на который был настелен пол из плитки размерами от 0,30×0,30 м. Под кирпичами были «похоронены» бассейн и фрагменты фресок. Расположение и стратиграфическая характеристика открытых структур в этой части базилики дает нам основание полагать, что крещальня №1 была построена в конце IV в. и использовалась вплоть до середины V в. (монеты, найденные под плиткой, относятся ко второй половине IV — первой половине V вв.).

От крещальни к часовне

Возможно, в начале VI в. помещение в северной части притвора было превращено в часовню (рис. 16 — сверху на фото). Преобразование крещальни в часовню — известная перемена в раннехристианской архитектуре (Йотов 2013)⁶. Одним из наиболее хорошо проанализированных примеров является базилика №III в Sufetula (ныне Zbeitla, Тунис) (Duval 1971 (1973): 275—276). Следует отметить, однако, что часовни в притворе встречаются не часто. Как правило, они являются дополнительными помещениями, прилегающими к главному церковному зданию — к притвору или к стенам в его восточной половине, нередко имеют и апсиды. В Болгарии примыкающие к церкви часовни с апсидами имеют базилики V—VI вв. из Исперихово и Браниполе Пловдивской области, в «Градиште» около Габрово; в урочище «Юрта» — Хисар, Крын, Казанлыкского

района и др. (Чанева-Дечевска 1999: 102—103, обр. 71: а-г).

Крещальня №2: А; Б

В 2010 г. в самом восточном помещении — части находящегося к северу от базилики здания из трех помещений — была исследована крестовидная крещальня, а в 2012 г. под ней была раскрыта другая, более ранняя крещальня. В соответствии со стратиграфическим положением мы определили их как крещальня №2А (более ранняя) и крещальня №2Б (более поздняя).

Крещальня №2Б

Крещальня №2Б (более поздняя, исследована в 2010 г.) сооружена из плитки на известковом растворе (рис. 16 — внизу на фото). Имеет в плане форму креста, в центре которого находится цилиндрический бассейн с двумя ступенями с четырех сторон. Она несколько раз перестраивалась: поверхности ступеней были облицованы мраморными плитами, а также имеются и перегородки из небольших кирпичей. На поздней стадии использования бассейн был небольшим по размеру. Для слива воды из бассейна на дне в южной части предусмотрено отверстие и приспособлена амфора. По форме крещальня №2Б относится к типу 21 *croix dans croix* — «крест в кресте» (Khatchatrian 1982: 74).

Крестильни такой формы известны и в Болгарии: в церкви VI в. в местности «Джанавара» около Варны (Минчев, Тенекджиев 2008: 500—502, обр. 1—3), в малой базилике с мозаиками из Пловдива конца V—VI вв. (Bospachieva 2002: 60—62, figs. 4; 14) и др. В Сербии также открыты крестовидные крещальни этого типа — например, в базилике «С» V—VI вв. в Градина около Jelici (Милинковић 2010:147—148, обр. 181).

Крещальня №2А

Крещальня №2А (более ранняя, исследована в 2012 г.) находится на глубине от 0,60 до 1 м под верхней крещальней (рис. 17). В середине крестовидной, сооруженной из плитки на известковом растворе, структуры находится бассейн, идентичный по форме бассейну в крещальне №1, но ориентированный в направлении север-юг⁷. Как и в крещальне №1, и этот бассейн обмазан изнутри гладкой гидрофобной розовой штукатуркой. Канал для

⁵ Еще одним примером редкого церковного здания с фигурной живописью и надписями, но в технике «аффреско», является базилика конца IV в. около г. Хан Крум, Шуменского района (САВ 2000: 126—127, figs. 22/1—2).

⁶ Считается, что в Болгарии подобное превращение имело место и в случае с раннехристианской церковью середины V—VI вв. из с. Исперихово Брацигвского района Пловдивской области (Чанева-Дечевска 1999: 261).

⁷ Ту же ориентацию имеет крещальня V в. подобной формы (но с многостенным бассейном) в базилике св. Вида (античная Нарона), Хорватия (Marin 1998: 475—485, fig. 1; 9).

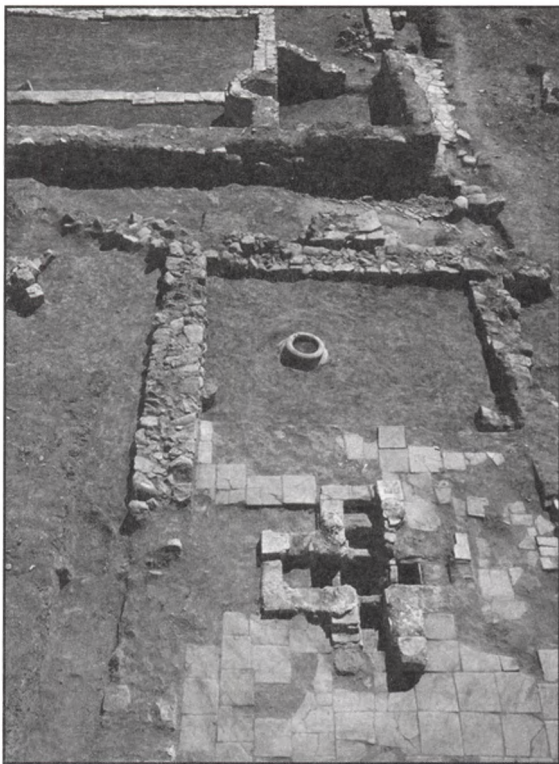

Рис. 16. Часовня на месте крещальни — верхняя часть фото; крещальня №2Б — нижняя часть фото.

Fig. 16. Basilica on the place of the baptistery (on the photo above); baptistery nr. 2B (on the photo below).

Рис. 17. Крещальня №2А.

Fig. 17. Baptistery no. 2A

стока воды направлен на север и также оформлен с помощью продолговатой амфоры (типа Самос). Крещальня №2А относится к типу *9 circle sur rectangle* — «круг в прямоугольнике» (Khatchatrian 1982: 72; ср. 1962: 18/202, figs. 145/207)

Несомненно, более ранняя из этих двух крестилен (№2А) была сооружена после разрушения крещальни №1 (в притворе базилики), что произошло, как уже упоминалось, вероятно, в середине V в. Помещение этой

ранней крещальни (№2А) имело входы в восточной и западной стене. Вероятно, в первой половине VI в. была построена верхняя крещальня №2Б, которая, после нескольких перестроек, использовалась до первых десятилетий VII в.

Учитывая историческую картину ранней христианизации в городах, крепостях и селениях, расположенных вдоль западного побережья Черного моря, а также размер и форму описанных выше структур, можно с уверенностью предположить, что крещальня №1 использовалась в первые годы после христианизации местного населения — в основном для крещения взрослых людей. В связи с этим бассейн имеет большие размеры и глубину. Примерно таких же размеров (но с ориентацией север-юг) и следующая по хронологии крещальня №2А. Наиболее поздняя крещальня №2Б имеет меньший по размерам бассейн — возможно, уже для крещения, в основном, новорожденных. Связь среднего помещения трехкомнатного здания с входом в крещальню №2А дает нам основания полагать, что оно может быть определено как «капелла».

В. Жилище епископа хоры (ХОРА)

К югу от базилики, в непосредственной близости от нее, было раскрыто здание пятиугольной формы (размеры: 16×5 м), сложенное из грубо обработанных камней на глиняном растворе (рис. 18). Исследованное строение может быть определено как подвал из трех помещений. С восточной стороны находилась хозяйственная часть (в ней открыты три пифоса), за ней следует другая, жилая, часть с очагом в центре и западная часть, отделенная кирпичной стеной. Стратиграфия культурных слоев указывает, что здание было двухэтажным⁸, с односкатной крышей с уклоном на юг. У него было два входа — с северо-востока и с юга.

В этом здании, вероятно, жили один (предположительно — самый высокопоставленный) или несколько священников, служителей церковного комплекса. Наиболее интересными материалами, найденными в этом строении, являются восемь керамических светильников, целые и фрагментированные амфоры, многочисленные фрагменты стеклянных чаш, бронзовые крючки кадил, множество монет V —

⁸ Двухэтажные жилища с расположенными цепочкой помещениями весьма характерны для ранневизантийской эпохи (см. Bouras 1983: 1—26; Villeneuve 1993: 104—105, Abb. 3).

№6. 2013

Рис. 18. Жилище главного священника.

Fig. 18. House of the main priest.

начала VII вв., в том числе одна золотая монета императора Фоки (602—610). В 1 м перед восточным входом помещения был открыт золотой перстень (рис. 19), о котором можно высказать рабочую гипотезу, что его верхняя часть представляет собой схематическое изображение ротонды над Гробом Господним в Иерусалиме — мода, распространенная в VI и последующих веках. Так же интерпретируется подобный золотой перстень, найденный в Иерусалиме (Meshorer 1986: 46—48).

Дома священников или епископские резиденции открыты и в других местах в Болгарии: Чаше всего они непосредственно примыкают к церквям — например, к одонетной церкви (V в.), а позже — к епископальной базилике на холме Царевец в Велико Тырново VI в. (Чанева-Дечевска 1999: 201—203, обр. 28—29), или к епископальной базилике в Одессосе V—VI вв. (Minchev 2006: 234—235, обр. 1—3) и др., — а не стоят отдельно.

Г. Помещение для хранения даров (SKEUPHYLAKION)

На расстоянии нескольких метров перед входом в базилику была открыта частично разрушенная постройка. Она отличается сооруженным в центре здания квадратным каменным постаментом. Небольшие размеры постройки показывают, что этот постамент едва ли имел архитектурное предназначение. Более вероятной мы считаем гипотезу, что это здание, с учетом его расположения, может быть определено как *skeuphylakion* — обязательное хранилище церковной утвари и др., но также и как место для поднесения даров епископу и его близкому окружению (см. Сорочан 2005: 718, 776).

Рис. 19. Золотой перстень — схематическое изображение ротонды над Гробом Господним в Иерусалиме.

Fig. 19. A golden ring with the schematic representation of the rotunda above the Holy Sepulchre in Jerusalem.

Д. Колодец — священный источник (?) — HAGIASMON

К востоку от здания с крещальной №2 был частично исследован вырубленный в скале колодец, чья верхняя часть выложена из плинфы. Он имеет квадратное сечение с размерами 1,30×1,30 м. Вероятно, от входа в восточной стене крещальни №2А вела дорожка именно к этому сооружению, и, возможно, при крещении использовалась вода из него. Заполнение колодца (засыпка была расчищена на глубину 5 м) состояло только из фрагментов строительной керамики V—VI вв. На этом основании можно предположить, что колодец — священный источник использовался в V — начале VI вв., а затем был засыпан. Подобный священный колодец (*Hagiasmon*) в Болгарии был открыт около раннехристианского мартириума вблизи с. Голеш Силистренской области — недалеко от античного города Дуросторум (Atanasov 2006: 201—202, fig. 5).

Раннехристианский комплекс на мысу Св. Атанаса является одним из немногих полностью исследованных объектов этого рода на западном побережье Черного моря. Многочисленные переустройства в нем, вероятно, были связаны с вторжениями варваров в земли к югу от Дуная в V—VI вв. (Madgearu 2010: 173—184; 2010 (2011): 145—153), с некоторыми стихийными бедствиями⁹, а также (на последнем этапе) и с превращением базилики в епископальный центр хоры. Базилика была возведена, вероятно, в конце IV в. или, скорее, в самом начале V в. и в первой поло-

⁹ Согласно «Хронографу» Феофана, в 544 г. в районе произошло сильное землетрясение, в результате которого море у Одессоса вторглось на 4 мили в глубину суши (ГИБИ III, 1960: 239).

вине V в. сохраняла свой первоначальный вид. В этот период в северной части ее притвора была сооружена крещальня, стены которой были расписаны фигурной и растительной живописью. Примерно в середине или во второй половине V в. базилика была сожжена и частично разрушена, после чего была построена заново. Тогда же одно из помещений здания к северу от базилики было переустроено в новую крещальню.

Второй период существования базилики состоит из двух этапов, которые разделены реконструкцией алтарного пространства — сооружением синтрона с епископским престолом. В это время северная часть притвора была превращена в часовню с небольшой ап-

сидой на месте раннего входа в северный неф. В самом конце VI и начале VII вв. раннехристианский комплекс, вероятно, уже потерял свою былую значимость.

Возведенная где-то во второй половине IV в., крепость на мысу Св. Атанаса постепенно превратилась в небольшой портовый город, скорее с экономическим значением. Сначала она была местом обращения местного населения из древних религий в христианство, а потом превратилась в епископский центр района.

После нескольких стихийных бедствий и варварских нашествий ее восстанавливали, но она сгорела в ходе аварско-славянского нашествия в 614 г. и была заброшена.

Литература

- Ангелов А. 1999. *Марцианопол — история и археология*. Варна.
- АОР 2010: *Археологически открития и разкопки през 2009 г.* 2010. София.
- АОР 2011: *Археологически открития и разкопки през 2010 г.* 2011. София.
- АОР 2012: *Археологически открития и разкопки през 2010 г.* 2012. София.
- Атанасов Г.Г., Русев Н.Д. 2005—2009. Раннехристианская базилика Дуросторума. *Stratum plus* (5), 602—615.
- Бернацки А.Б. 2004. Алтарные части и их оснащение в базиликах Херсонеса Таврического. В: Бабин Ю.А. и др. (ред.). *Культовые памятники в мировой культуре*. Севастополь: Нац. заповедник «Херсонес Таврический»; Ягеллонский ун-т.
- Върбанов В., Драгоев Д. 2008. Тракийски ямен комплекс при Русе (предварително съобщение). *МИФ* 14 (Траките и околния свят), 404—419.
- Георгиева Р. 1991. Обредни ями в Тракия (края на II—I хил. пр. н. е.). *Археология* (1), 1—11.
- ГИБИ 1960: *Гръцки извори за българската история*. 1960. Т. III. София: Институт за Българска История.
- Грабар А. 1983. *Портретът в старохристиянска иконография*. Избрани съчинения II. София.
- Зайцева К.И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия. В: Горбунова К.С. (ред.). *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: 84—106.
- Йотов В. 2013. От баптистерия к часовне. Раннехристианская базилика V—VI вв. в окрестностях г. Бяла. В: *Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента»*. Севастополь, (в печати).
- Конова Л. 2002. Оловни букрании от некропола в Аполония. *ИНМВ* XIII, 46—54.
- Кънчев Кр. 1961. *Българското Черноморие (пътеводител)*. Варна.
- Лилчик В. 2002. *Македонскиот камен за боговите, христијаните и живот по животот II*. Скопје.
- Милинковић М. 2010. *Градина на Јелици: рановизантијски град и средновековно насеље*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Минчев Ал. 1986. Ранното христианство в Одесос и околностите му. *ИНМВ* 22 (37), 31—42.
- Минчев Ал. 2012. Миниатюрни двойни бравички-оброци от Одесос и неговата околност (V—III в. пр. Хр.). В: Рабаджиев К. и др. (ред.). *Изкуство и идеология*. София: 752—767.
- Минчев Ал., Тенекеджиев В. 2008. Спасителни разкопки на раннохристианска църква в м. «Джанавара» край Варна. *АОР за 2007 г.* София, 500—503.
- Мирчев М. 1953. Разкопки на тракийското селище край с. Галата. *ИВАД* 9, 1—28.
- Михайлова Ж. 2005. Глинени олтари и огнища от тракийския град в Сборяново. *МИФ* 9, 229—240.
- Овчаров Д., Вакинова М. 1978. *Ранновизантийски паметници от България*. София.
- Пировска А. 2007. Изработка и особености в украсата на тракийските есхари. *Археология* (1), 21—31.
- Покровски С. 1940—1942. Христианска базилика до устието на р. Камчия. *ИБАИ* XIV, 252—255.
- Попова В. 2011. Две раннохристиански базилики в околностите на Никополис ад Нестум. В: *Изследвания в чест на Стефан Бояджиев*. София, 263—294.
- РВГБ 2002: Иванов Р. (ред.). *Римски и ранновизантийски градове в България I*. София: Иврай.
- Русяева А.С. 2005. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху*. Киев: Стилос.
- Сорочан С.Б. 2005. *Византийский Херсон. Очерки истории и культуры 2*. Харьков: Майдан.
- Тенекеджиев В. 2010. Раннохристиански богослужебни маси от България — опит за изработване на типология. В: *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis V (Stephanos Arcaeologicos in Honorem Professoris Stephcae Angelova)*. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press.
- Тончева Г. 1972. Керамиката от антична яма във Варна. *ИНМВ* 8, 262—273.
- Торбатов С. 2002. *Укрепителната система на провинция Скития (края на III—VII в.)*. Велико Търново: Faber.
- Чанева-Дечевска Н. 1999. *Раннохристианска архитектура в България IV—VI в.* София: St. Klimenty Ohridski University Press.
- Чичикова М. 1975. Жертвенници эллинистической эпохи в Фракии. *Studia Thracia* I, 180—195.
- Шкорпил К., Шкорпил Х. 1892. *Североизточна България в географическо и археологическо отношение*. СБНУНК VII (Паметници из Българско). София.

№6. 2013

- Atanasov G. 2006. Le Martyrium et le confection avec des reliques dans le castel Las Byzantine près du village de Goleche, Région de Silistra. В: Минчев А., Йотов В. (ред.) *AMV IV (Раннохристиянски мъченици и реликви и тяхното почитане на Изток и Запад)*. Варна, 201—228.
- Archibald Z. 2002. Underground deposits: Pit No 9 and the “field” of pits. In: Bouzek J., Domaradzka L., Archibald Z. H. (eds.). *Pistiros II. Excavations and studies*. Prague, 111—128.
- Beševliev V. 1964. *Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien*. Berlin.
- Bospachieva M. 2002. A Small Early Christian Church with Mosaics at Philippopolis (Plovdiv). *Archaeologia Bulgarica* 2, 55—76.
- Bouras C. 1983. *Houses in Byzantium. Deltion tes Christianikes Archaialogikes Hetaireias* 11, 1—26.
- CAB 2000: *Christian Art in Bulgaria*. 2000. Sofia.
- Chalkia E. 1991. *Le mense paleochristiane. Tipologia delle mense secondary nel culto paleocristiano*. Città del Vaticano.
- Domaradzki M. 2002. An interim report on investigation at Vetren-Pistiros 1995—1998. In: Bouzek J., Domaradzka L., Archibald Z. H. (eds.). *Pistiros II. Excavations and studies*. Prague, 11—29.
- Duval N. 1971 (1973). *Eglise et temple en Afrique du Nord*. *BAC* 7, 265—276.
- Gawikowski M. 1993. Eine neuentdeckte frühchristliche Kirche in Palmyra. In: Ruprechtsberger M. (red.). *Syrien von den Aposteln zu den Kalifen*. Linz, 150—157.
- GTH 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Exhibition catalogue*. 1987. Montreal.
- Hirschfeld Y. 1993. *The Cave Church at Khirbet ed-Deir*. In: Tsafir Y. (ed.). *Ancient Churches Revealed*. Jerusalem: Israel Exploration Society.
- Khatchatrian A. 1962. *Les Baptistères paléochrétiens*. Paris: Impr. nationale.
- Khatchatrian A. 1982. *Origine et typologie des baptistères paléochrétiens*. Mulhouse.
- Kirigin B. 1998. Late Roman Period on the Island of Vis and its Archipelago: Archaeological Evidence. In: Cambi N., Marin E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 429—440.
- Krautheimer E. 1965. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth.
- Krizhickiy S. D. 2010. Hellenic Temples in the Northern Black Sea Region. In: Petropoulos, E. K., Maslennikov, A. A. (eds.). *Ancient Sacred monuments in the Black Sea*. Thessaloniki, 93—126.
- Lungu V. 1998. L'evoluzione tipologica delle basiliche della Scythia Minor. In: Cambi N., Marin E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 451—462.
- Madgearu A. I. 2010. *Barbarian Invasions in the northern Scythia Minor during the 4th—5th centuries*. Peuce, SN VIII, 173—184. URL: <http://revistapeuce.icemtl.ro/10%20Madgearu.pdf>. Дата обращения 06.02.2013.
- Madgearu A. I. 2010 (2011). The Church in the Final Period of the Late Roman Danubian Provinces. In: *Antiquitas istro-pontica. Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu*. Cluj-Napoca, 145—153.
- Marin E. 1998. Naron Basilique et baptistère paléochrétiens de Sv. Vid. In: Cambi N., Marin E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 475—506.
- Marke E. 2006. *Hyekropolitis Thessalonikis stous sterromaikous kai palaiochristianikous nronous*. Athene (in Griechisch).
- Mazzoleni D. 2003. Riferimenti a Maria nell'epigrafia Christiana dei primi secoli. *Theotokos* XI, 155—176.
- Mayer M., Rodà I. 1998. Visigodos y cristianos en Barcino. A propósito de la inscripción pintada del baptisterio. *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 515—520.
- Meshorer Y. 1986. Ancient Gold Ring Depicts the Holy Sepulchre. *BAR* 12 (3), 46—48.
- Minchev A. I. 2006. Early Christian Double Crypt with Reliquaries at Khan Krum Street in Varna (Ancient Odessos). В: Минчев А., Йотов В. (ред.) *AMV IV (Раннохристиянски мъченици и реликви и тяхното почитане на Изток и Запад)*. Варна, 229—256.
- Nestle Eb. 1908. Miszellen. Hiesus-Ihesus und verwandte Fragen. *ZNW* 8/3, 248—256.
- Ondřejová I. 2007. Gem imprints on loom-weights: the running dog. *Pistiros* 3, 243—246.
- Pausanias. Description of Greece. 5.16.1; 5.20.6. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Paus.+5.16.1&redirect=true>. Дата обращения 05.10.2012.
- Pillinger R. 2001. Kleiner Führer durch das Sieben Schäfer Coemetrium in Ephessos. *MChrArch* 7, 26—34.
- Pralong A. 2000. La typologie des chapiteaux corinthiens tardifs en marbre de Proconnèse et la production d'Alexandrie. *Revue Archéologique* (1), 81—101.
- Rabadjiev K. 1986. The Iconography of Herakles (Hercules) in Roman Thrace and Moesia. *Pulpudeva VI, Supplementum* (1998): *Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace* Plovdiv, 10—22 octobre, 144—149.
- Ripoll G., Velásquez I. 1999. Origen y desarrollo las parrochias en la Hispania de la Antigüedad Tardiva. In: Pergola Ph., Barbini P. M. (Eds.). *Alle origini della parochial rurale (IV—VIII sec.)*. Città del Vaticano: Pontificio istituto di archeologia cristiana.
- Ristow S. 1998. *Frühchristliche Baptisterien*. JbAC, Ergänzungsband 27. Münster.
- Tonkova M. 2003. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies in Gledachevo. *Thracia* XV (In honorem annorum LXX Alexandri Fol.), 479—504.
- Villeneuve F. 1993. Wohn- und Siedlungsstrukturen zur Zeit des frühen Christentums in Südsyrien. In: Ruprechtsberger M. (Red.). *Syrien von den Aposteln zu den Kalifen*. Linz, 102—111.

References

- Angelov, A. 1999. *Martsianopol — istoriya i arkeologiya (Marcianopolis — history and archaeology)*. Varna (in Bulgarian).
- Arkeologicheski otkritiya i razkopki prez 2009 g. (Archaeological discoveries and excavations in 2009) 2010. Sofia (in Bulgarian).
- Arkeologicheski otkritiya i razkopki prez 2010 g. (Archaeological discoveries and excavations in 2010) 2011. Sofia (in Bulgarian).
- Arkeologicheski otkritiya i razkopki prez 2011 g. (Archaeological discoveries and excavations in 2011) 2012. Sofia (in Bulgarian).
- Atanasov, G. G., Russev, N. D. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkeologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and anthropology in 2010)* 2011. Sofia (in Bulgarian).

- tum plus. *Archaeology and Cultural Anthropology*) (5), 602—615 (in Russian).
- Bernatski, A. B. 2004. In *Kul'tovye pamiatniki v mirovoi kul'ture* (Sacred sites in World culture) Sevastopol: Nats. zapovednik „Khersones Tavricheskii”; Iagelonskii un-t (in Russian).
- Värbanov, V. Dragoev, D. 2008. In *Mitologia, izkustvo, psihologia* (Mythology, Art, Phsihology) 14, 404—419 (in Bulgarian).
- Georgieva, R. 1991. In *Arkheologiya* (Archaeology) (1), 1—11 (in Bulgarian).
- Grätski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources for Bulgarian History). 1960. Vol. III. Sofia: Institut za Bălgarska Istoriya (in Bulgarian).
- Grabar, A. 1983. *Portretăt v starokhristianskata ikonografiya. Izbrani săchineniya* (The portrait in old Christian iconography. Selected works) II. Sofia (in Bulgarian).
- Zaitseva, K. I. 1971. In *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira* (Culture and art of the Ancient world). Leningrad, 84—106 (in Russian).
- Iotov, V. 2013. In *Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii „Tserkovnaia arkheologiya: Khersones — gorod sviatogo Klimenta”* (St. Clement's papers. Materials of the 6th International conference „Church Archaeology. Chersonessos — the city of St. Clement”). Sevastopol', (in print) (in Russian).
- Konova, L. 2002. In *Izvestiya na Natsionalniya istoricheski muzej* (Reports of the National Historical museum) XIII, 46—54 (in Bulgarian).
- Kănchev, Kr. 1961. *Bălgarskoto Chernomorie (pătevoditel)* (Bulgarian Black Sea shore (A traveller's companion)). Varna (in Bulgarian).
- Lilchik, V. 2002. *Makedonskiot kamen za bogovite, khristijanite i zhivot po zhivotot II* (Macedonian stone gods, Christians and the living life II). Skopje (in Macedonian).
- Milinković, M. 2010. *Gradina na Jelici: ranovizantijski grad i srednovekovno naselje*. (Gradina on Jelica: an Early Byzantine town and Medieval settlement) Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva (in Serbian).
- Minchev, Al. 1986. In *Izvestiya na Narodniya muzej — Varna* (Reports of the National museum in Varna) 22 (37), 31—42 (in Bulgarian).
- Minchev, Al. 2012. In *Izkustvo i ideologiya* (Art and ideology). Sofia: 752—767 (in Bulgarian).
- Minchev, Al., Tenekedzhiev, V. 2008. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2007 g.* (Archaeological discoveries and excavations in 2007). Sofia, 500—503 (in Bulgarian).
- Mirchev, M. 1953. In *Izvestiya na Varnenskoto arkheologicheskoto druzhestvo* (Reports of Varna archaeological society) 9, 1—28 (in Bulgarian).
- Mikhajlova, Zh. 2005. In *Mitologia, izkustvo, psihologia* (Mythology, Art, Phsihology) 9, 229—240 (in Bulgarian).
- Ovcharov, D., Vaklinova, M. 1978. *Rannovizantijski pame-titsi ot Bălgariya* (Early Byzantine sites in Bulgaria). Sofia (in Bulgarian).
- Pirovska, A. 2007. In *Arkheologiya* (Archaeology) (1), 21—31.
- Pokrovski, S. 1940—1942. In *Izvestiya na Bălgarskiya arkheologicheski institut* (Reports of Bulgarian archaeological institute) XIV, 252—255 (in Bulgarian).
- Popova, V. 2011. In *Izsledvaniya v chest na Stefan Boyadzhiev* (Studies in honour of Stephan Bojadziev). Sofia, 263—294 (in Bulgarian).
- Rimski i rannovizantijski gradove v Bălgariya (Roman and Early Byzantine towns in Bulgaria) I. Sofia: Ivraj (in Bulgarian).
- Rusiaeva, A. S. 2005. *Religiia pontiiskikh ellinov v antichnuu epokhu* (Religion of the Pontic Greeks in Antiquity). Kiev: Stilos (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2005. *Vizantiiskii Kherson. Ocherki istorii i kul'tury* (Byzantine Chersonessos. Essays on history and culture) 2. Khar'kov: Maidan (in Russian).
- Tenekedzhiev, V. 2010. In *Studia Archaeologica Univesitatis Serdicensis V* (Stephanos Arcaeologicos in Honorem Professoris Stephcae Angelova). Sofia: St. Kliment Ohridski University Press (in Bulgarian).
- Toncheva, G. 1972. In *Izvestiya na Narodniya muzej Varna* (Reports of the National museum in Varna) 8, 262—273 (in Bulgarian).
- Torbatov, S. 2002. *Ukrepitelnata sistema na provintsiya Skitiya (kraya na III—VII v.)* (Defensive system of the Scythia province (3rd—7th cc.)). Veliko Tărnovo: Faber (in Bulgarian).
- Chaneva-Dechevska, N. 1999. *Rannokhristianska arkhitectura v Bălgariya IV—VI v.* (Early Christian architecture in Bulgaria in 4th—6th cc.) Sofia: St. Kliment Ohridski University Press (in Bulgarian).
- Chichikova, M. 1975. In *Studia Thracia* I, 180—195 (in Russian).
- Škorpil, K. & Kh. 1892. In *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* (Sites from Bulgaria) VII, Sofiya (in Bulgarian).
- Atanasov, G. 2006. In *Acta Musei Varnensis IV* (Early Christian martyrs and relics and their veneration in East and West). Varna, 201—228 (in French).
- Archibald, Z. 2002. Underground deposits: Pit No 9 and the “field” of pits. In: Bouzek, J., Domaradzka, L., Archibald, Z. H. (eds.). *Pistiros II. Excavations and studies*. Prague, 111—128.
- Beševliev, V. 1964. *Spătgrichische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien*. Berlin.
- Bospachieva, M. 2002. A Small Early Christian Church with Mosaics at Philippopolis (Plovdiv). *Archaeologia Bulgarica* 2, 55—76.
- Bouras, C. 1983. *Houses in Byzantium. Deltion tes Christianikes Archaiologikes Hetaireias* 11, 1—26.
- CAB 2000: *Christian Art in Bulgaria*. 2000. Sofia.
- Chalkia, E. 1991. *Le mense paleochristiane. Tipologia delle mense secondary nel culto paleocristiano*. Città del Vaticano.
- Domaradzki, M. 2002. An interim report on investigation at Vetren-Pistiros 1995—1998. In: Bouzek, J., Domaradzka, L., Archibald, Z. H. (eds.). *Pistiros II. Excavations and studies*. Prague, 11—29.
- Duval, N. 1971 (1973). *Eglise et temple en Afrique du Nord*. *BAC* 7, 265—276.
- Gawikowski, M. 1993. Eine neuentdeckte frühchristliche Kirche in Palmyra. In: Ruprechtsberger M. (red.). *Syrien von den Aposteln zu den Kalifen*. Linz, 150—157. *Gold of the Thracian Horsemen. Exhibition catalogue*. 1987. Montreal.
- Hirschfeld, Y. 1993. *The Cave Church at Khirbet ed-Deir*. In: Tsafir, Y. (ed.). *Ancient Churches Revealed*. Jerusalem: Israel Exploration Society.
- Khatchatrian, A. 1962. *Les Baptistères paléochrétiens*. Paris: Impr. nationale.
- Khatchatrian, A. 1982. *Origine et typologie des baptistères paléochrétiens*. Mulhouse.
- Kirigin, B. 1998. Late Roman Period on the Island of Vis and its Archipelago: Archaeological Evidence. In: Cambi, N., Marin, E. (eds.). *Acta XIII Congres-*

№6. 2013

- sus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 429—440.
- Krautheimer, E. 1965. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth.
- Krizhickiy, S.D. 2010. Hellenic Temples in the Northern Black Sea Region. In: Petropoulos, E.K., Maslennikov, A.A. (eds.). *Ancient Sacral monuments in the Black Sea*. Thessaloniki, 93—126.
- Lungu, V. 1998. L'evoluzione tipologica delle basiliche della Scythia Minor. In: Cambi, N., Marin, E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 451—462.
- Madgearu, Al. 2010. *Barbarian Invasions in the northern Scythia Minor during the 4th—5th centuries*. Peuce, SNVIII, 173—184. URL: <http://revistapeuce.icemtd.ro/10%20Madgearu.pdf>. Date of access 06.02.2013.
- Madgearu, Al. 2010 (2011). The Church in the Final Period of the Late Roman Danubian Provinces. In: *Antiquitas istro-pontica. Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu*. Cluj-Napoca, 145—153.
- Marin, E. 1998. Naron Bazilique et baptistère paléochrétiens de Sv. Vid. In: Cambi, N., Marin, E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 475—506.
- Marke, E. 2006. *Hyekropolis Thessalonikis stous sterromaikous kai palaiochristianikous nronous*. Athene (in griechisch).
- Mazzoleni, D. 2003. Riferimenti a Maria nell'epigrafia Christiana dei primi secoli. *Theotokos* XI, 155—176.
- Mayer, M., Rodà, I. 1998. Visigodos y cristianos en Barcino. A propósito de la inscripción pintada del baptisterio. *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae Christianae* III. Città del Vaticano; Split, 515—520.
- Meshorer, Y. 1986. Ancient Gold Ring Depicts the Holy Sepulchre. *BAR* 12 (3), 46—48.
- Minchev, Al. 2006. In *Acta Musei Varnensis* IV (*Early Christian martyrs and relics and their veneration in East and West*). Varna, 229—256.
- Nestle, Eb. 1908. *Miszellen. Hiesus-Ihesus und verwandte Fragen*. *ZNW* 8 (3), 248—256.
- Ondřejová, I. 2007. Gem imprints on loom-weights: the running dog. *Pistiros* 3, 243—246.
- Pausanias. *Description of Greece*. 5.16.1; 5.20.6. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Paus.+5.16.1&redirect=true>. Date of access 05.10.2012.
- Pillinger, R. 2001. Kleiner Führer durch das Sieben Schäfer Coemetrion in Ephessos. *MChrArch* 7, 26—34.
- Pralong, A. 2000. La typologie des chapiteaux corinthiens tardifs en marbre de Proconnèse et la production d'Alexandrie. *Revue Archéologique* (1), 81—101.
- Rabadjiev, K. 1986. The Iconography of Herakles (Hercules) in Roman Thrace and Moesia. *Pulpudeva VI, Supplementum* (1998): *Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace Plovdiv, 10—22 octobre*, 144—149.
- Ripoll, G., Velásquez, I. 1999. Origen y desarrollo las parochiae en la Hispania de la Antigüedad Tardiva. In: Pergola, Ph., Barbini, P.M. (eds). *Alle origini della parochial rurale (IV—VIII sec.)*. Città del Vaticano: Pontificio istituto di archeologia cristiana.
- Ristow, S. 1998. *Frühchristliche Baptisterien*. *JbAC Ergänzungsband* 27. Münster.
- Tonkova, M. 2003. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies in Gledachevo. *Thracia* XV (In honorem annorum LXX Alexandri Fol), 479—504.
- Villeneuve, F. 1993. Wohn- und Siedlungsstrukturen zur Zeit des frühen Christentums in Südsyrien. In: Rupprechtsberger, M. (red.). *Syrien von den Aposteln zu den Kalifen*. Linz, 102—111.

Статья поступила в номер 30 сентября 2012 г.

Valerij Yotov (Varna, Bulgaria). Doctor of Archaeology. Archaeological museum, Varna¹.**Valerij Yotov** (Varna, Bulgaria). Doctor în arheologie. Muzeul arheologic din Varna.**Йотов Валерий** (Варна, България). Доктор археологии. Варненский археологический музей.**E-mail:** valeriy.yotov@gmail.com**Alexandr Minchev** (Varna, Bulgaria). Archaeological museum, Varna².**Alexandr Minchev** (Varna, Bulgaria). Muzeul arheologic din Varna.**Минчев Александър** (Варна, България). Варненский археологический музей.**E-mail:** al.minchev.varna@gmail.com**Address:** ^{1,2} Maria Louisa Bul., 41, Varna, 9000, Bulgaria

Н. П. Турова

Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма

Keywords: the Crimea, Yalta, Iograf Ridge, Middle Ages, cave temple, cult objects.

Cuvinte cheie: Crimeea, Ialta, lanțul Iograf, Evul Mediu, templu rupestru, piese de cult.

Ключевые слова: Крым, Ялта, хребет Иограф, средневековье, пещерный храм, культовые предметы.

N. P. Turova

The Christian Cave Complex Iograf in the South of the Crimea

The first archaeological excavations of the medieval Christian cave complex over Yalta were conducted in 2011—2012. This site is unique for the Southern Coast of the Crimea. It is located in the upper part of the Iograf ridge at an altitude near 1250 m above sea level.

The complex consists of two caves: Iograf I and Iograf II. In the first one, there was a temple known from drawings of the late 19th — early 20th centuries. Now it is completely destroyed.

The excavations in the cave Iograf I allowed to localize remains of the southeast wall of the temple and fully explore the natural niche in the eastern wall of the cave.

Here on the rocky surface were depicted some crosses and inscriptions. The cultural layer yielded numerous items of the personal piety, fragments of ethnographic costumes, fragments of church utensils, etc. These data allow interpreting the niche as a particularly revered place used for votive offerings.

Analyses of the materials from excavation allowed distinguishing five stages in the history of the Christian cave complex which started in late 9th — 10th centuries and continues to the present day.

N. P. Turova

Complexul creștin din peștera Iograf din sudul Crimeei

În anii 2011—2012, pentru prima dată au fost întreprinse săpături arheologice ale unui complex medieval creștin rupestru unic pentru Sudul Crimeii, aflat deasupra orașului Ialta.

Situl este amplasat în partea superioară a lanțului Iograf, la înălțimea de circa 1250 metri deasupra nivelului mării. El este compus din două peșteri: Iograf I și II. În prima dintre ele exista un templu, cunoscut după desenele pictorialilor de la sf. sec. XIX — înc. sec. XX, actualmente însă complet distrus.

În rezultatul săpăturilor din interiorul peșterii Iograf I au fost identificate resturile peretelui de sud-est al acestui templu și a fost cercetată complet nișa naturală din peretele estic al peșterii. Aici, pe peretele stâncos au fost descoperite inscripții și cruci incizate, iar în stratul de cultură au fost găsite multiple piese personale de cult, podoabe, elemente ale costumului etnografic, fragmente de veselă bisericească ș. a. Aceste materiale indică asupra faptului, că nișa era un loc venerabil, fiind utilizată pentru executarea ofrandelor votive.

Analiza materialelor a permis identificarea a cinci etape în istoria complexului rupestru, începând cu sf. sec. IX (?) — sec. X și continuând până în zilele noastre.

Н. П. Турова

Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма

В 2011—2012 гг. впервые были предприняты археологические исследования уникального для Южного берега Крыма средневекового пещерного христианского комплекса над Ялтой.

Памятник расположен в верхней части хребта Иограф, на высоте около 1250 м над уровнем моря. Он состоит из двух пещер — Иограф I и II. В первой из них некогда располагался храм, известный по рисункам художников конца XIX — начала XX вв., но к настоящему времени полностью разрушенный.

В результате раскопок внутри пещеры Иограф I удалось локализовать остатки юго-восточной стены этого храма, а также полностью исследовать естественную нишу в восточной стене пещеры. Здесь на скальной поверхности обнаружены прочерченные изображения крестов и надписи, а в культурном слое найдены многочисленные предметы личного благочестия, украшения, детали этнографического костюма, фрагменты церковной утвари и пр. Эти материалы свидетельствуют о том, что ниша была особо почитаемым местом и использовалась для votивных приношений.

Анализ полученных материалов позволил выделить пять этапов в истории пещерного христианского комплекса, начавшейся около конца IX (?) — X вв. и продолжающейся до наших дней.

* Выражаю свою благодарность за содействие в подготовке данной статьи сотрудникам КФ ИА НАН Украины канд. ист. наук В. П. Кирилко и канд. ист. наук И. Б. Тесленко.

Рис. 1. Местонахождение средневекового христианского пещерного комплекса Иограф над г. Ялта. Ситуационный план.

Fig. 1. Location of the medieval Christian cave complex iograf over Yalta. Plan.

На высоте около 1250 м над уровнем моря, на южном макросклоне Ялтинского яйлинского массива Главной гряды Крымских гор, в верхней части хребта Иограф (Еграф-Каясы, Иран-фоль), на расстоянии не более 100 метров друг от друга находятся две естественные пещеры с условным названием Иограф I и Иограф II, образующие единый культовый комплекс (рис. 1; 2). Обе они коррозионно-эрозионного происхождения, вскрыты эрозией южного обрыва плато, при этом вторая заложена по вертикальной трещине¹.

¹ В Кадастре пещер Украины Иограф I соответствует объекту, обозначенному как Иограф-2 (302-3), для которого указаны следующие размеры: длина — 61 м, глубина (амплитуда) — 10 м, объем — около 700 м³. Согласно классификации В. Н. Дублянского, скальная полость принадлежит к коррозионно-эрозионным пещерам-источникам, А. Б. Климчук относит её к гипогенному классу пещер.

Иограф II соответствует кадастровому объекту Иограф-1 (302-2) и имеет размеры: длина — 34 м, глубина (амплитуда) — 15 м, объем — около 80 м³. В. Н. Дублянский определяет его как сухую пещеру-источник, А. Б. Климчук считает пещеру гипогенной.

Наиболее известная из них — Иограф I. Она представляет собой большой зал с узкими тупиковыми ходами (Дублянский 1977: 94). Размеры основного объема²: длина — около 10 м, ширина — 12 м, высота — приблизительно 8 м (рис. 3; 4).

Пещера ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Вход расположен с северо-восточной стороны. Напротив входа внутри полости находится каскадный распластаный натек, в ванночках которого были найдены пещерные жемчужины. Западная стена пещеры и своды зала натечных образований не имеют. С восточной стороны сталактиты обрамляют естественную нишу, имеющую прямоугольные очертания (Дублянский 1977: 94—95; Турова 2005: 240—248).

Данной информацией я обязана карстологу, канд. геогр. наук Г. Н. Амеличеву, которому выражаю свою признательность и благодарность за любезно оказанную консультацию.

² Карстолог Г. Н. Амеличев приводит «абсолютные» спелеологические параметры пещеры, нами же указываются размеры зала.

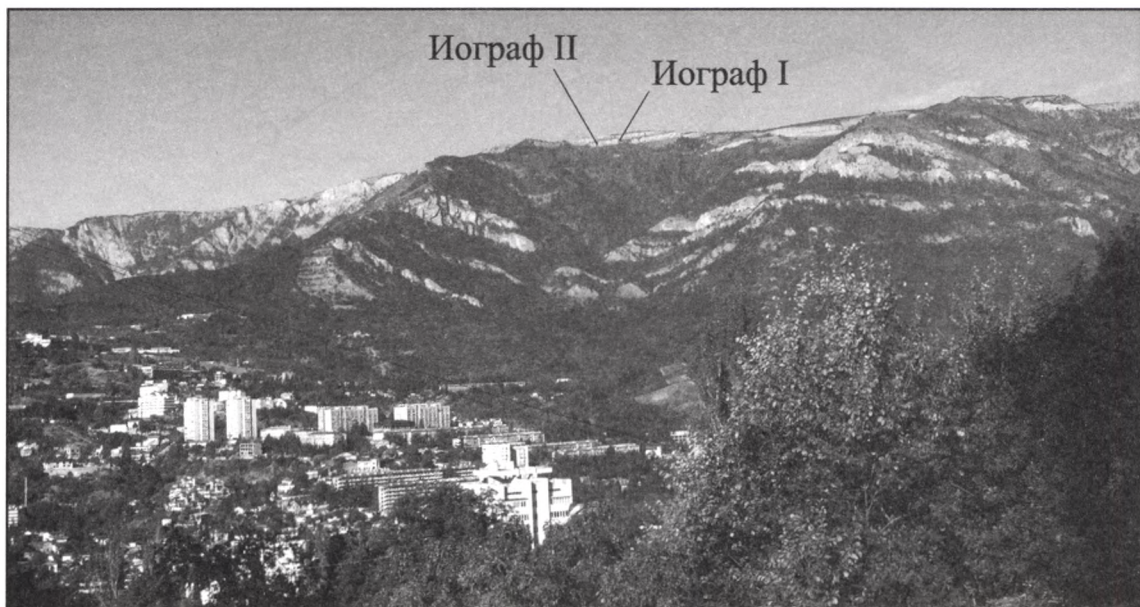

Рис. 2. Местонахождения пещер Иограф I и II. Вид с юго-востока из г. Ялта (фото автора, 2011 г.).

Fig. 2. Location of caves Iograf I and Iograf II. View from the South-East, from Yalta (photo by the author, 2011).

В конце XIX — начала XX вв. пещера становится излюбленной достопримечательностью в экскурсионных маршрутах по ялтинскому амфитеатру. В то время здесь, внутри скальной полости, еще можно было увидеть остатки христианского храма. В конце XVIII в. его помнили как церковь Вознесения (Мальгин 1994: 157; Кузнецов, Мухин 1998: 19). Местность, где находится пещера, связывают с именем Св. Георгия — Ай-Еры (Кузнецов, Мухин 1998: 19).

Сам храм в пещере Иограф (Юограф, Географ, Еграф) (Кузнецов, Мухин 1998: 14; Ларина 2002: 326) часто упоминается в краеведческой литературе XIX—XX вв. (Кондараки 1883а: 210; Москвич 1899: 320—322; 1907: 297—300; Кузнецов, Мухин 1998: 14—19), а также в специальных изданиях (Домбровский 1974: 5—56; Баранов 1974: 158; Дублянский 1977: 94—95; Фирсов 1990: 190; Турова 2005: 240—248). В частности, старые путеводители сообщают о некоем каменном алтаре с дверью и каменной скошенной крышей внутри пещеры, а также о существовании христианского кладбища расположенного недалеко от нее (Москвич 1899: 320—322; 1907: 297—300). Другую естественную полость — Иограф II — краеведы обычно отождествляли то с «пещерой отшельника» (Кузнецов, Мухин 1998: 19), то с моленной (Волошинов и др. 1929: 192—193).

В 60—70-х гг. XIX в. в пещере Иограф I побывал художник Д. М. Струков. Им были зарисованы виды церкви до и после очистки от кустарников и травы, вычерчены планы

храма и пещеры (рис. 5) (Ларина 2002: 326; Шорохова 2012: 142). В 1880 г. пещеру Иограф описал К. С. Мережковский, искавший здесь останки древнего человека (Мережковский 1881: 106—146; Дублянский, Козлова 1994: 36; Дублянский 2005: 15).

Бесценная информация о находках в пещерах хребта Иограф содержится в полевой картотеке Е. И. Висниовской, хранящейся в фондах Ялтинского историко-литературного музея. Художник, естествоиспытатель, археолог-любитель, краевед, сотрудница Ялтинского музея в 20—30-х гг. XX в. — Елизавета Ивановна Висниовская изобразила на одном из своих рисунков остатки храма и его реконструкцию (рис. 6).

Из ее полевой картотеки нам известно, что «постройка совершенно разрушена в 1900-х годах». В начале XX в. татары использовали пещеру в качестве загон для скота. Во время Великой Отечественной войны партизаны устроили здесь наблюдательный пункт. В разное время объект подвергался грабительским раскопкам (Турова 2002: 10—11).

Неоднократно местные жители, любители археологии и истории, приносили в Ялтинский музей единичные случайные находки из пещер — фрагменты черепицы с остатками известкового раствора, гончарной керамики, в том числе глазурованной посуды, и отдельные части стеклянных лампад (ЯИЛМ НВ 21336—21338, 25731—25736). В конце XX в. на стенах пещеры были обнаружены граффити в виде многочисленных

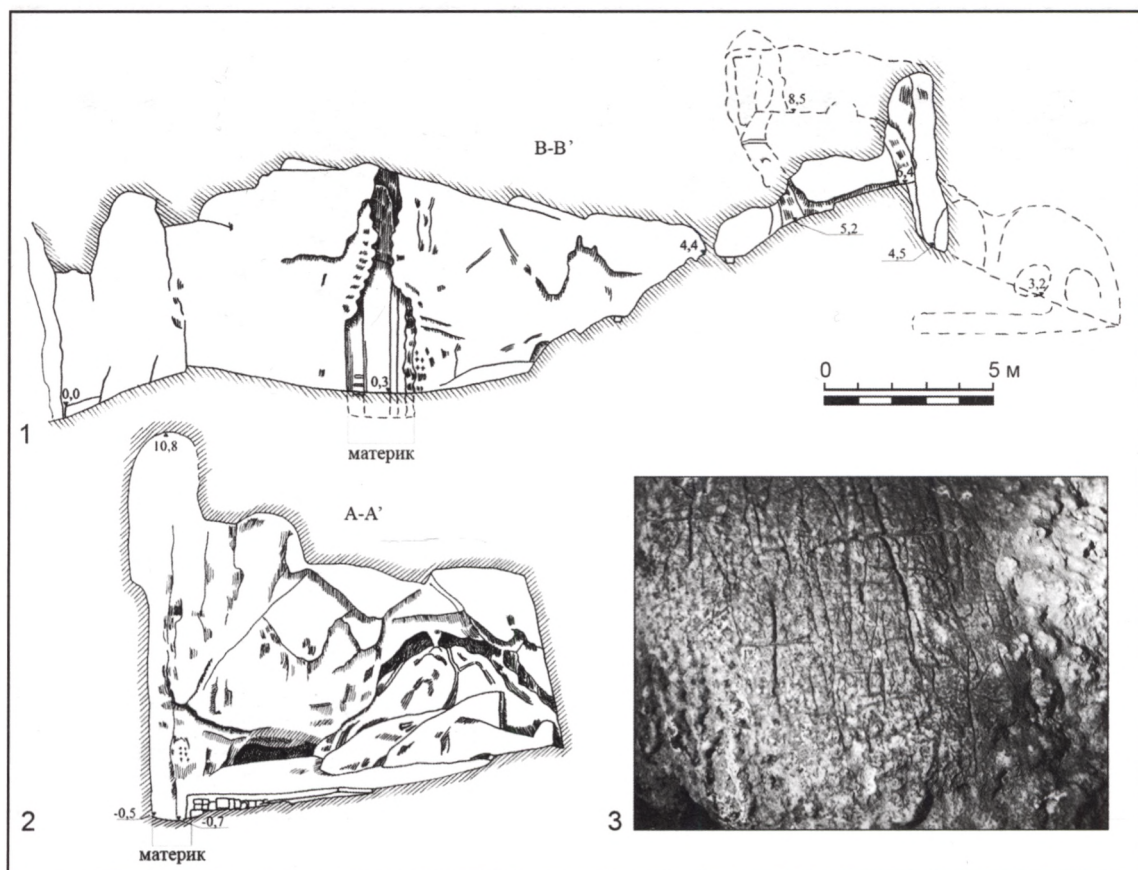

Рис. 4. 1, 2 — разрезы пещеры Иограф I (чертеж Д.И. Неяченко, 2012 г.); 3 — фрагмент участка граффити на южном натеке ниши (фото В. Нужденко, 2011 г.).

Fig. 4. 1, 2 — 'cave lograf I. Incisions (drawing by Д.И. Неяченко, 2012); 3 — fragment of the graffiti on the southern portion sag of the niche (photo by В. Нужденко, 2011).

крестов различного типа, монограмм и надписей (Турова 2005: 244).

На протяжении последних двух лет сначала Ялтинским историко-литературным музеем (2011 г.), а затем Горно-Крымской экспедицией (Ялтинским отрядом) Крымского филиала Института археологии НАН Украины (2012 г.) были предприняты археологические исследования пещерного средневекового христианского комплекса над г. Ялта (Турова 2012а: 4—7; 2012б: 132—133). Одними из главных задач этих работ были поиск остатков здания храма в пещере Иограф I и уточнение его датировки.

В 2011 г. на территории памятника был собран подъемный материал, произведена топосъемка пещеры Иограф I (Д.И. Неяченко), кроме того, с целью обнаружения неотревоженных стратифицированных культурных отложений, относящихся к строительству и функционированию храма, непосредственно перед входом в пещеру был заложен шурф (рис. 3).

Площадка, на которой велись раскопки, представляет собой небольшую поля-

ну с крутым склоном в южной части. Шурф прямоугольной в плане формы, ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его размеры: длина — около 4 м, ширина — 1 м, глубина — до 0,5 м. Исследования доведены до материка, представляющего собой глинистый грунт с равномерными камнями и выходами известняковой скалы. Уклон современной дневной поверхности около 15°. В стратиграфии выделено три слоя.

Слой 1 (верхний) — темный, почти черный гумусированный грунт, мощностью до 0,20 м, с большим количеством делювия известняков, очажными прослойками (остатки двух очагов — кострищ второй половины XX — начала XXI вв.), современным бытовым мусором (среди которых большая часть принадлежит осколкам стеклянных бутылок и банок второй половины XX — начала XXI вв.), обломками костей млекопитающих и отдельными древними фрагментированными артефактами. Среди последних — разрозненные обломки черепицы VIII—X (?) вв. и мелкие фрагменты гончарной посуды XIV—XV вв. Скорее всего, образование слоя следует связать с использова-

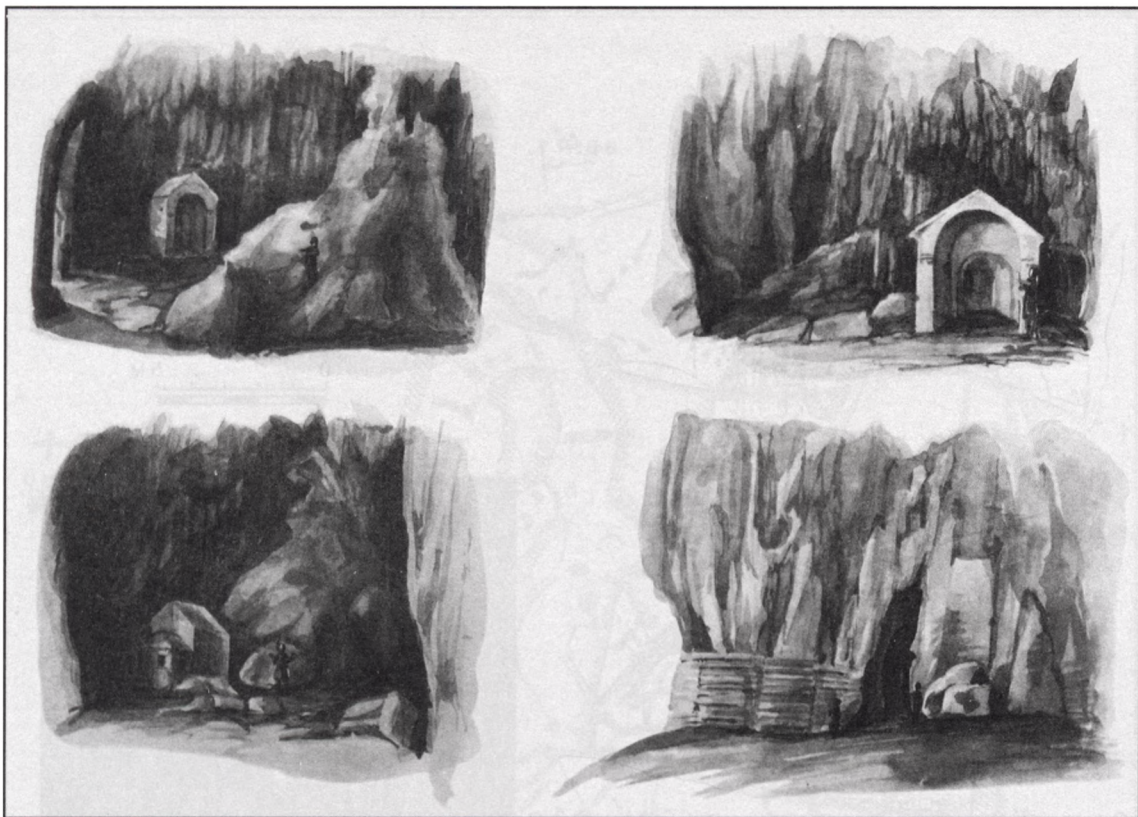

Рис. 5. Храм в пещере Иограф I. Рисунок Д. М. Струкова (по Шорохова 2012: 142).

Fig. 5. The temple in cave Iograf I. Drawing by D. M. Strukov (after Шорохова 2012: 142).

нием пещеры в качестве туристской стоянки на протяжении второй половины XX — начала XXI вв.

Слой 2 (средний) образован достаточно плотным желтовато-коричневым глинистым грунтом, насыщенным делювием известняка, комками материковой глины, мелкой галькой (мощность — до 0,25 м).

Наряду с обломками средневековой керамики, здесь обнаружены фрагменты стеклянных бутылок XX в., железный штопор от складного ножа, гильза винтовочного патрона калибра 7,62×54 R к винтовке Мосина с маркировкой 1912 г.

Слой 2, вероятно, сформировался в процессе проведения неких мероприятий по nivelировке площадки перед входом в пещеру и представляет собой отчасти отвал перемещенного материкового грунта.

Слой 3 (нижний) — плотный коричневый глинистый грунт с делювием материковых пород и незначительным количеством фрагментов средневековой керамики. Мощность отложений — до 0,40 м, залегал на скале, на глубине 0,10—0,30 м от современной дневной поверхности. Этот слой предварительно можно связать со временем функционирования храма и пещеры как культового комплек-

са. В верхней части отложений обнаружена османская монета начала XVI в.³ Среди мелких фрагментов гончарной посуды выделяются обломки горшков с рельефным венчиком (группы ГРВ) середины XV — начала XVI вв. (Тесленко 2010: 92) и поливных монохромных и полихромных сосудов открытой формы с орнаментом «сграффито» XIV—XV вв. В целом, керамический материал немногочисленный, и в нем отсутствуют артефакты XX — начала XXI вв. Возможно, площадка перед входом в пещеру использовалась гораздо менее интенсивно, чем внутреннее пространство (Турова 2012а: 4—7; 2012б: 132—133).

Исследования 2012 г. осуществлялись внутри пещеры Иограф I.

Скальная полость сильно замусорена, имеет следы многочисленных перекопов, ям, кострищ. В центральной и восточной частях зала был хорошо замечен округлый котлован диаметром более 9 м, вырытый в глинистом материковом грунте. Середина углубления, размером около 5,0×4,0 м, относительно

³ Все монеты, найденные на памятнике, определил М. М. Чореп.

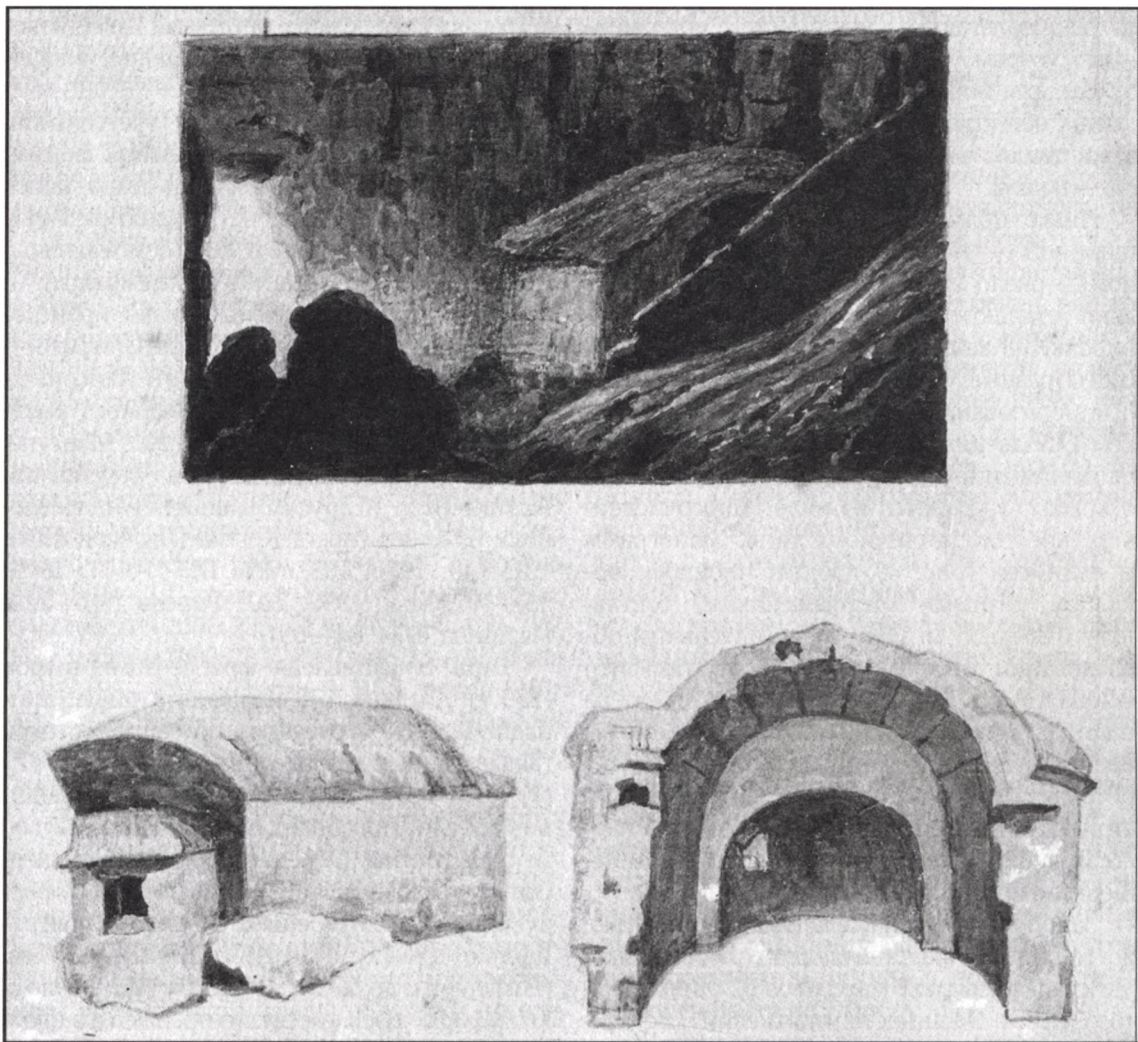

Рис. 6. Храм в пещере Иограф I. Рисунок Е.И. Висниовской (Ялтинский историко-литературный музей. Книга поступлений: 1366. Инв. группа Г-298).

Рис. 6. The temple in cave Iograf I. Drawing by E. Visniovskaya (Yalta Historical-Literary Museum. Book of entries: 1366. Inv. group Г-298).

горизонтальная. Здесь фиксируются остатки разрушенного известкового раствора. Имеются они и у упомянутой ранее естественной ниши. С двух сторон от нее и у восточной стены пещеры располагаются скопления бутовых камней, среди которых встречаются фрагменты и целые блоки прямоугольной формы из туфа с остатками известкового раствора и штукатурки, а также отдельные фрагменты красноглиняных керамид VIII (?) — X вв.

Судя по рисункам Д.М. Струкова (Шорохова 2012: 142) и Е.И. Висниовской (Турова 2002: 10—11), именно здесь находилось здание храма. Церковь представляла собой прямоугольное в плане строение с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток, завершалась двускатной крышей. Здание примыкало к восточной стене пещеры. В алтарной его части, в северной половине апсиды, располагалось окно, через которое прони-

кал свет во внутреннее пространство храма (рис. 5; 6).

В 2012 г. в предполагаемом районе местонахождения здания был разбит раскоп площадью около 24 м² (рис. 3). Здесь удалось локализовать остатки юго-восточной стены храма (исследована частично на протяжении 2,60 м, уходит за границы раскопа). Толщина стены — 0,7 м, сохранилась в высоту до 1,0 м (три-четыре ряда кладки), сложена из обломочного известняка (средних размеров) и кусков сталактитов на глине, местами с использованием известкового раствора. Среди подъемного материала обнаружены туфовые блоки от сводчатых перекрытий храма.

Исторические отложения на исследованном участке нарушены многочисленными перекопами. Частично была изучена только верхняя часть слоя разрушения (на площади 16 м², на глубину до 0,60 м). Средневековые

находки залегают в слое вместе с современным мусором.

Вторым объектом исследования в 2012 г. стала естественная ниша, расположенная в восточной части пещеры. Площадь раскопа — 8 кв. м.

Ниша прямоугольной в плане формы, шириной — немногим более 2,5 м, глубиной — около 1,0 м. С двух сторон ее обрамляют сталактиты в виде живописной драпировки, а кальцитовые натеки формируют своеобразные «плечи». На южном натежном образовании в 1998 г. ялтинским жителем О. Кавериним на высоте более 0,50 м от современной дневной поверхности были открыты граффити в виде многочисленных крестов различного типа, монограмм и надписей (рис. 4). Общая площадь, покрытая резными изображениями, составляет 0,98×0,65 м. При предварительном обследовании небольшого участка граффити в 2003 г. А. Ю. Виноградовым была выявлена надпись: «Господи, помоги утвердившему (?) крест», относящаяся приблизительно к XI в.⁴ (Турова 2005: 244). Судя по расположению юго-восточной стены строения, ниша и надписи на ней были доступны посетителям пещеры во время функционирования храма.

Заполнение ниши исследовано полностью, до материка, представляющего собой выходы скалы и вязкой материковой глины желтого цвета. Мощность отложений составила 0,80—1,25 м. Здесь, как и на предыдущем участке храма, слои нарушены многочисленными перекопами.

Тем не менее, в переотложенных слоях на обоих исследованных в 2012 г. участках были обнаружены многочисленные артефакты: керамика, стеклянная посуда, изделия из металла, в том числе церковная утварь, предметы личного благочестия, различные украшения, монеты.

Керамические изделия

Строительная керамика представлена главным образом фрагментами красноглиняных керамид⁵ VIII (?) — X вв. (533 единицы, из них 434 — обнаружены в нише). Среди них

⁴ Другая надпись, содержащая дату — 1472 г. (определение А. Ю. Виноградова), — была обнаружена ялтинцем С. Самко около 20 лет назад и показана сотрудникам экспедиции в 2012 г. Она расположена в одном из узких верхних ходов пещеры (рис. 3).

⁵ Обнаружен лишь один фрагмент красноглиняного калиптера (?), видимо, вторичного использования, сильно окатанного.

встречаются обломки с остатками известкового раствора, видимо, использованные в кладках стен.

Боковые бортики керамид треугольной, трапецевидной или прямоугольной формы. На 7 фрагментах поля черепиц сохранились остатки рельефных меток. Хорошо различимы метки в виде литеры «В» (3 экземпляра) и тамгообразного знака «Ч» (2 экземпляра).

Аналогичные рельефные знаки происходят из многих памятников Крыма. Они известны по раскопкам средневекового Херсонеса, на горе Пампук-Кая близ с. Гончарное (бывш. Варнутка), на Эски-Кермене, Мангуте, в Партените, Горзувитах, на укреплении Алупка-Исар и других крепостях и поселениях Южного берега Крыма (Якобсон 1950: 131, 140; 1970: 163, табл. III: 11—17; 1979: 93—107; Мыц 1990: 230; Фирсов 1967: 224; Паршина 1974: 84—89).

Тара представлена фрагментами амфор (189 ед., из них 170 найдены в нише, принадлежали 3—4 сосудам), обломками стенок гладкостенных красноглиняных пифосов VIII (?) — X вв. (3 ед.) и высокогорлых кувшинов (23 ед.). Профилированные части сосудов не обнаружены. Определены фрагменты херсонесских красноглиняных амфор или амфоркувшинов «с внутренней бугристой поверхностью» (класс 52 по ХК-95⁶) XIII—XIV вв. (Романчук и др. 1995: 83—89), а также обломки амфор с черепком светло-оранжевого цвета с желтоватым оттенком из хорошо отмученной глины с частицами слюды. Наружная поверхность обломков покрыта частым, на некоторых фрагментах четким рифлением. Видимо, они принадлежат типу грушевидных амфор с дуговидными ручками XIII—XIV вв. (класс 45 по ХК-95) (Романчук и др. 1995: 73—77).

Высокогорлые кувшины также хорошо известны по исследованиям средневековых слоев памятников Крыма и Северо-Восточного Причерноморья (Плетнева 1963: 52—58; Герцен, Науменко 2001: 134—136; Майко 2004а: 185). Они датируются в рамках второй половины — последней трети IX в. — конца XI — начала XII вв., являясь массовым материалом для слоев X—XI вв. (Герцен, Науменко 2001: 136).

В **кухонно-столовой посуде** выделяются различные формы поливных и неглазурованных изделий⁷.

⁶ ХК — херсонесская классификация.

⁷ Выражаю благодарность И. Б. Тесленко за помощь в определении керамических изделий из раскопок.

Неглазурованная керамика насчитывает 554 фрагмента (из ниши происходит — 522) красноглиняных и коричневоглиняных сосудов закрытых форм X (?) — XVI вв. Некоторые из них украшены вдавлениями, горизонтальными врезными поясками и зигзагообразными линиями, росписью белом ангобом.

Керамика группы «Юго-Западный Крым» (ЮЗК) представлена в наибольшем количестве. Это тонкостенные изделия с коричнево-красным или темно-коричневым черепком, изготовленные из песчанистой формовочной массы на скоростном гончарном круте.

Подобная посуда была широко распространена на территории Таврики и в ближайших окрестностях (побережье Азовского и Черного морей) на протяжении XIV—XV вв. (см., напр.: Кравченко 1986: 49, рис. 18: 1; Волков 1992: 10—12, табл. 2: 13—14; Дмитриенко, Масловский 2006: 235—236, 242, рис. 4: 8—16; Масловский 2006: 383—388, рис. 31; Айбабина 1991: 195—197, 203, рис. 8, 10; Баранов 1991: 108—109, рис. 4: 4; Когонашвили, Махнева 1974: 119—120, рис. 9; Мыц 1991: 100; Сазанов, Иващенко 1994: 181; 1995: 121—122).

При раскопках в пещере Иограф I обнаружены и отдельные фрагменты изделий группы *горшков с рельсвидным венчиком (ГРВ)* (Тесленко 2012а: 233). Характерными особенностями сосудов этой группы являются: большое количество черного остроугольного песка в тесте, следы подсыпки песком на днище, специфический профиль венчика. Нижняя дата группы ГРВ определяется временем не ранее середины XV в., верхняя — не позднее последней четверти XVIII в. (Тесленко 2011; 2012а: 229).

Находки **глазурованной посуды** насчитывают 378 фрагментов (340 из них происходят из ниши). Выделяются группы белоглиняной и красноглиняной посуды закрытых и открытых форм.

Белоглиняная глазурованная посуда представлена фрагментами двух-трех сосудов закрытой формы с зеленовато-желтой неравномерно окрашенной поливой, нанесенной непосредственно на черепок (рис. 7: 1—3, 12). Видимо, они относятся к группе *Glazed White Ware II* по Дж. Хейсу (Hayes 1992: 18—19).

Это одна из разновидностей светлоглиняной керамики константинопольского производства, которая получает широкое распространение в Средиземноморье и Причерноморье примерно с начала X в. (см., напр.: Hayes 1992: 12—15, 18—19; Vroom 2005: 75).

На территории Крыма находки константинопольской белоглиняной поливной посуды (преимущественно открытых форм) из-

вестны довольно широко (см., напр.: Паршина 1974: 66—67; Талис 1976: 64—73; Якобсон 1979: 83—93; Рьжов, Седикова 1999: 325; Майко 2004: 206—208; Герцен и др. 2006: 404—406).

Красноглиняная глазурованная посуда представлена изделиями как импортного, так и местного (крымского) производства.

Фрагмент дна одного сосуда открытой формы, скорее всего, принадлежит блюду, близкому к изделиям группы «Aegean Wares» (рис. 7: 4). Для этой керамики характерен черепок оранжевого (красно-оранжевого) цвета, тонкодисперсная формовочная масса с мелкозернистым песком, желтая глазурь. Один из возможных центров производства локализуют на Кипре (см., напр.: Vroom 2005: 91). Его датировка — вторая половина XII — первая половина XIII вв. Подобная керамика широко распространена в Причерноморско-Средиземноморском регионе (см., напр.: Vroom 2005; Wartburg 2007).

Возможно, к этой же группе или ее подражаниям относятся обломки большого блюда, видимо, на низком массивном кольцевом поддоне, профилированные части его пока не обнаружены. Черепок приглушенного оранжевого цвета. В тесте видны включения значительного количества шамота. Полива желтая, равномерно окрашенная, покрывает внутреннюю поверхность сосуда и поддон. Точные аналогии найти не удалось.

К импортным изделиям византийского круга относятся 5 сосудов (рис. 7: 5—9). Два из них с монохромной глазурью без дополнительного декора (рис. 7: 6, 9), три — декорированы в различной манере (рис. 7: 5, 7, 8).

В их числе красноглиняный поливной сосуд открытой формы с орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 7: 5). Керамика с аналогичным декором была широко распространена в Восточном Средиземноморье и Причерноморье (в том числе в Крыму) во второй половине XIII — первой половине XIV вв. (см., напр.: Тесленко 2000; Зеленко и др. 2012: 131—132). Результаты химических анализов показывают, что подобные типологически и стилистически близкие изделия могли происходить из разных гончарных центров (см., напр.: Waksman, Teslenko 2010), работавших в популярном в то время стиле. Так, две другие чаши из коллекции, декорированные в такой же манере (рис. 7: 10, 11), обладают различными визуальными характеристиками черепка и формовочной массы и, вероятно, представляют собой образцы подражаний этому стилю, происходящие из различных регионов. Одна из них — сферической формы

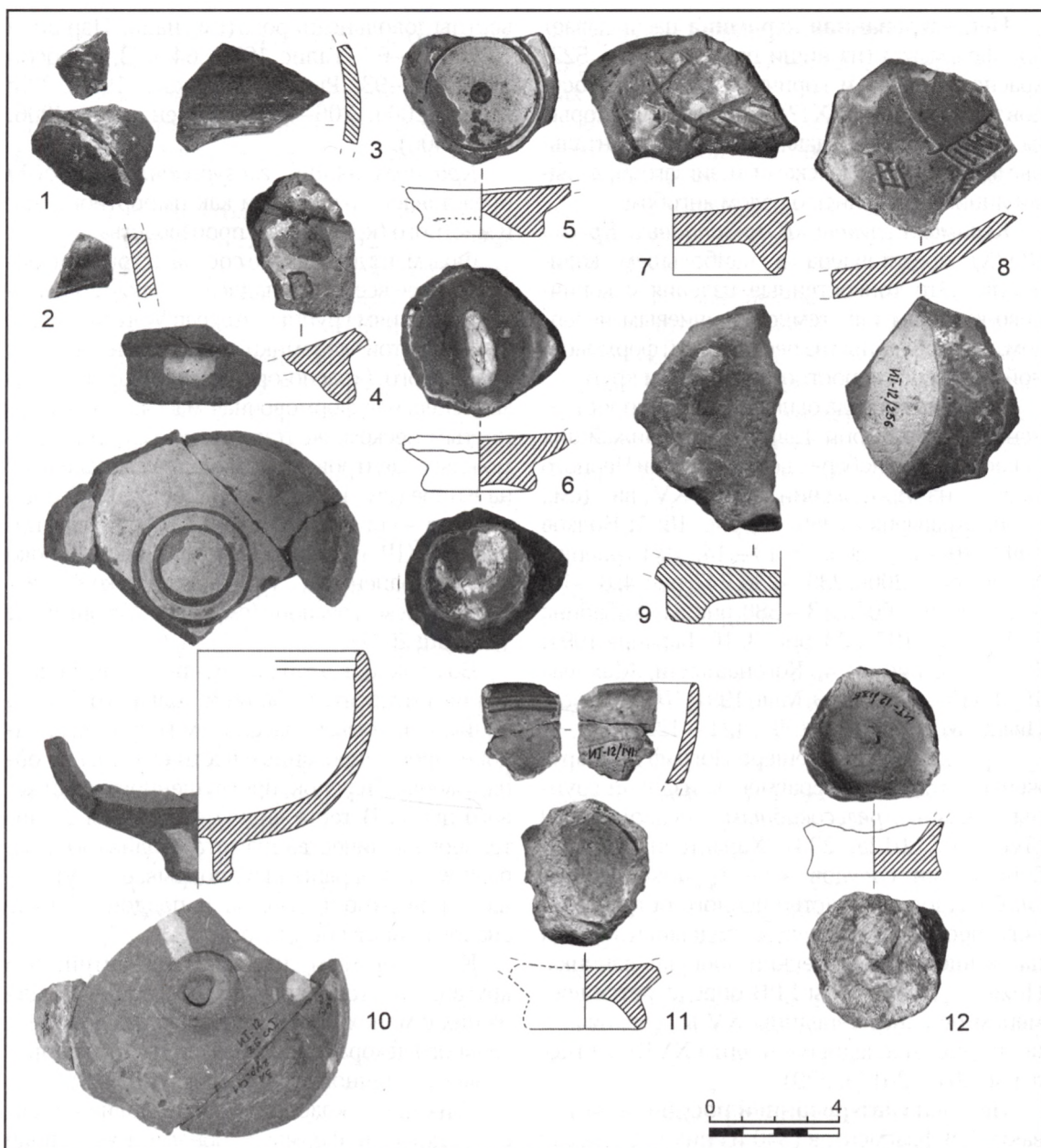

Рис. 7. Глазурованная импортная керамика. 1—3, 12 — белоглиняная посуда константинопольского производства (GWW II); 4 — группа «Aegean Wares» (?); 5—9 — красноглиняные сосуды византийского круга; 10, 11 — подражания керамике византийского круга из неизвестных центров.

Fig. 7. Import glazed ceramics. 1—3, 12 — Glazed White Ware II; 4 — Aegean Wares (?); 5—9 — Byzantine red clay wares; 10, 11 — Byzantine red clay wares from unknown centers.

с ножкой в виде удлиненного выступа без подставки (рис. 7: 10), вероятно, могла использоваться вторично в качестве лампы.

Интерес представляет также обломок дна чашки полусферической формы, видимо, с сюжетной композицией на внутренней поверхности (рис. 7: 8). Рисунок выполнен в выемчатой технике в сочетании с сграффито под желтой прозрачной глазурью. Верхняя часть внешней поверхности покрыта зеленой поливой по белому ангобу. Подобные изделия объединяют под названием «Elaborate incised

ware» (см., напр. Vroom 2005: 123). Они получают широкое распространение в Восточном Средиземноморье и Причерноморье с конца XIII (?) — XIV вв. Вероятно, существовало несколько центров производства такой керамики, один из которых локализован в Стамбуле (см. Waksman 2012).

Остальные поливные изделия, вероятно, местного (крымского) производства (рис. 8: 1—7). Большинство составляют сосуды закрытой и открытой формы группы «Юго-Восточный Крым» (ЮВК) XIV—XV вв. (ха-

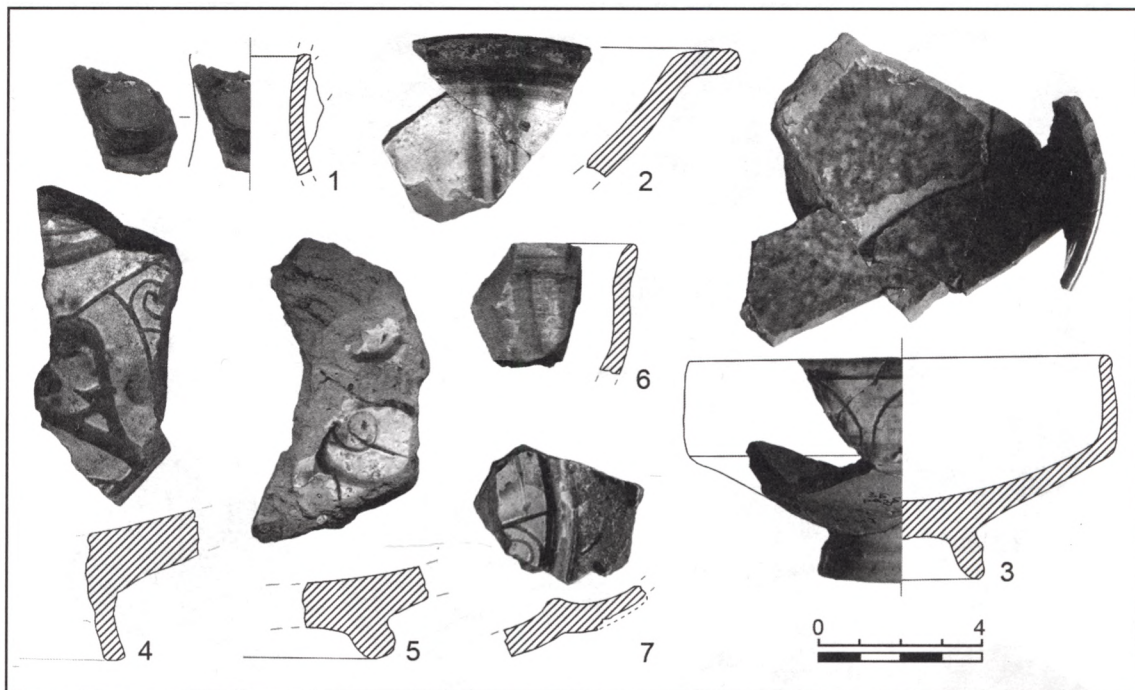

Рис. 8. Глазурованная местная (крымская) керамика группы «Юго-Восточный Крым».

Fig. 8. Local glazed ceramics of the "South-East Crimea" group.

рактистику группы см., напр.: Волков 1992, 9—10; Масловский 2007; Тесленко 2010; 2012б).

В их числе выделяются изделия с монохромной глазурью без дополнительного декора и с орнаментом сграффито, а также с орнаментом сграффито и подцветкой коричневой и зеленой минеральными красками. По особенностям техники нанесения рисунка, мотивам орнамента и используемой цветовой гамме декора можно уточнить хронологическую позицию некоторых сосудов.

Так, фрагмент с остатками растительного орнамента, выполненного тонким и широким резцами под светло-желтой глазурью (рис. 7: 4), принадлежит чаше, которую, по аналогиям из комплексов второй половины XIV в., можно датировать в рамках этого периода (см., напр.: Белинский, Масловский 1998: рис. 1: 4, 9; 15: 1; 16: 1, 3; Айбабина 2005: рис. 7: 2; 8: 3).

Керамика с использованием двузубого или трезубого резца, коричневой и зеленой подцветки орнамента появляется примерно в третьей четверти XIV в. Она начинает абсолютно доминировать в комплексах середины — третьей четверти XV в. как в Таврике, так и за ее пределами, а затем выходит из оборота (см., напр.: Айбабина, Бочаров 1997: 16—18; Герцен, Науменко 2005: 68—72; Кирилло 2005; Масловский 2007: 87; Мыц 2002: 157, рис. 25—35; Тесленко 2010: 227—228; 2012а; 2012б).

Стеклянная посуда

Найдено 623 фрагмента стеклянных сосудов (600 — происходит из ниши). Это обломки различных типов лампад и рюмок, видимо, также использованных в качестве осветительных приспособлений.

Особое место среди них занимает фрагментированный сосуд (возможно, два), изготовленный из темно-синего стекла, расписанный орнаментом в виде линий, concentрических окружностей или дуг, точек, зигзагов, нанесенных желтой краской (рис. 9). Часть орнамента утрачена, сохранились очень слабые следы на поверхности, имеющие вид тонких линий и маленьких ромбов.

Всего насчитывается 27 фрагментов⁸, почти все они найдены в нише на разных уровнях зачистки, в том числе и у материковой поверхности. Из них один фрагмент венчика, представляющий собой оплавленный слегка расширяющийся загнутый вовнутрь край (диаметр неопределим), два обломка плоского дна на кольцевом поддоне, диаметром около 8 см, и ручки-петельки, характерные для трехручных лампад. Стенки толщиной 0,2—0,7 см.

⁸ Один из них был найден в 2011 г. внутри пещеры у входа в качестве подъемного материала, одна из двух ручек-петелек обнаружена в 1997 г. и хранится в фондах Ялтинского историко-литературного музея (ЯИЛМ НВ 25731).

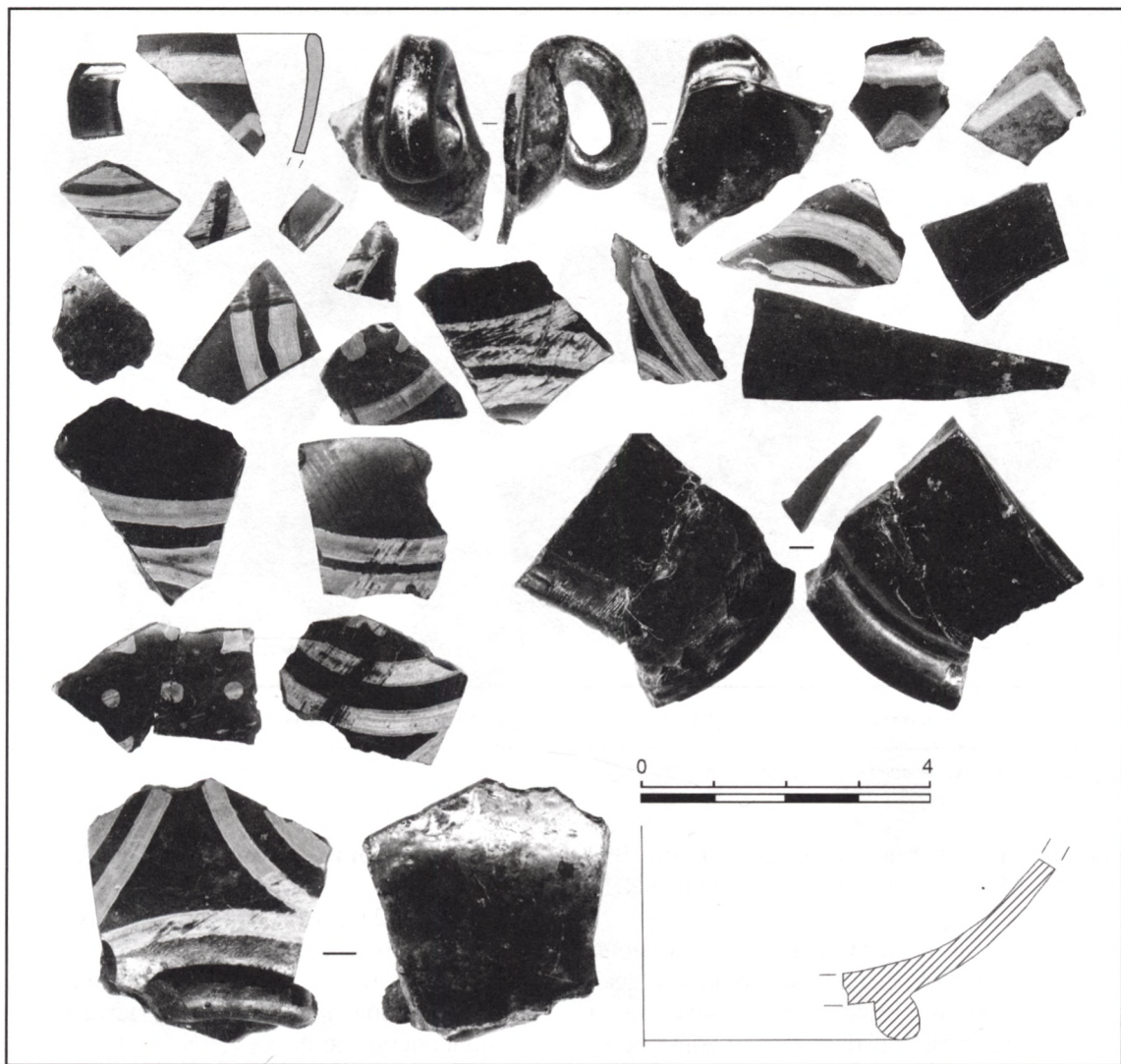

Рис. 9. Фрагменты стеклянного сосуда (сосудов?) с росписью.

Fig. 9. Fragments of a glass vessel (vessels?) with painting.

Другие сосуды изготовлены из бледно-зеленого, бледно-голубого, бледно-желтого и бесцветного монохромного стекла, в структуре которого заметно множество мелких округлых и вытянутых пузырьков.

Обнаружен один фрагмент венчика, край которого окрашен синим цветом (рис. 10: 1).

Среди стенок выделен обломок из бледно-голубого, почти бесцветного стекла, с рельефным декором, выполненным накладными нитями синего цвета (рис. 10: 5), и фрагмент бледно-голубого сосуда с марганцевыми разводами.

Фрагменты лампад с подцветкой венчика и ручек синим красителем, а также украшенные накладными нитями из синего стекла, найдены при раскопках двухапсидного храма на г. Тузлух (правый борт балки Еди-Евлер, с. Семидворье, Лучистовского сельсовета), датированного исследователями IX — сере-

диной X вв. (Лысенко, Тесленко 2012: 118)⁹. Более ранние экземпляры стеклянных сосудов с окрашенным в синий цвет венчиком известны в слое IV—V вв. Таманского городища (Сорокина 1963: 138, рис. 1: 12).

В целом венчики стеклянных сосудов представлены 58 фрагментами, большинство из них с оплавленным краем, слегка наклоненным вовнутрь или отогнутым наружу. Край 2-х фрагментов загнут вовнутрь (рис. 10: 2). Диаметр — около 10—12 см¹⁰.

Наибольшим разнообразием отличаются фрагменты и целые формы ножек, дниц и ручек.

⁹ Выражаю свою благодарность исследователям памятника И. Б. Тесленко и А. В. Лысенко за предоставленную неопубликованную информацию.

¹⁰ Диаметр большинства фрагментов не определим из-за малых размеров обломков.

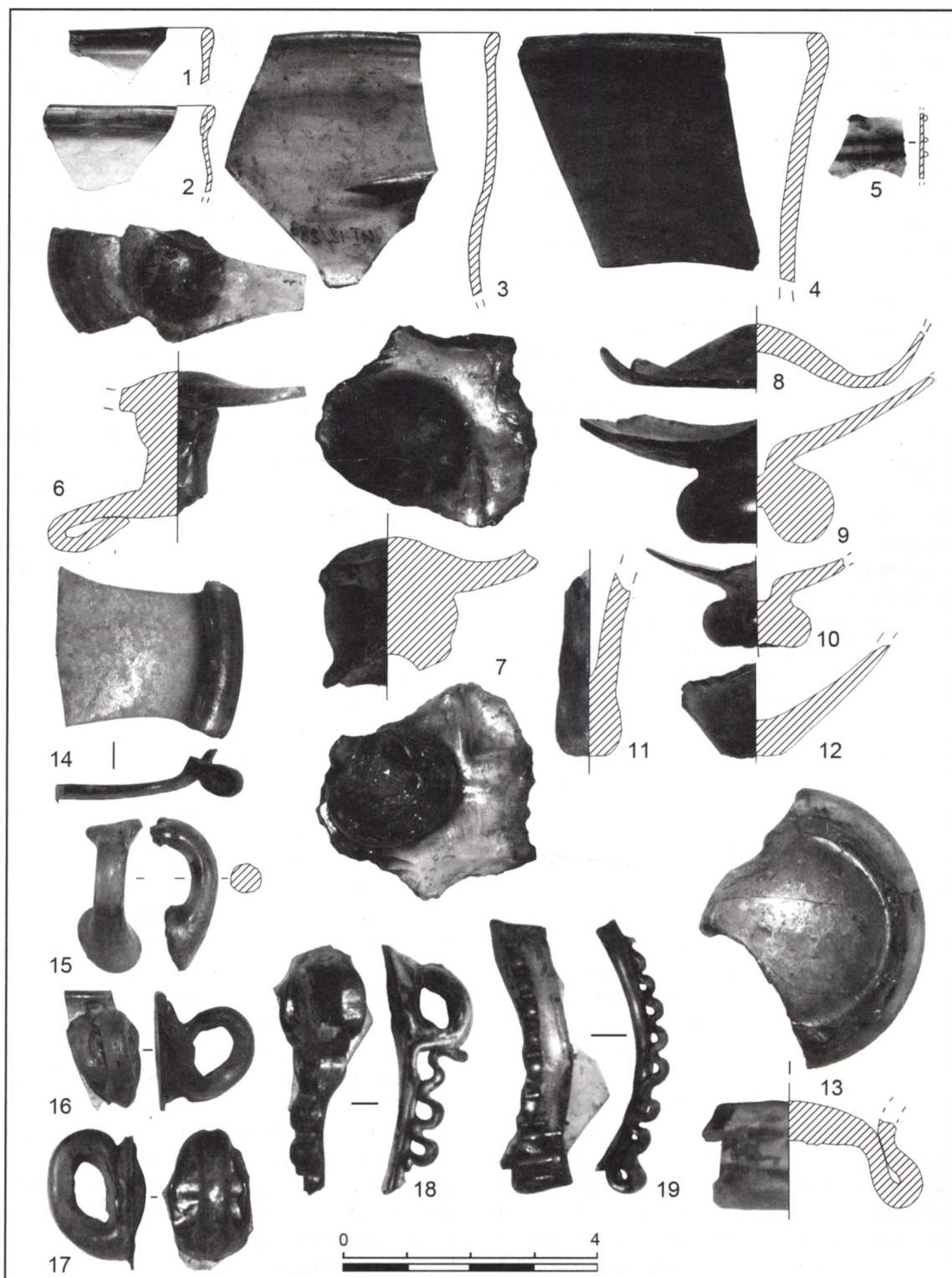

Рис. 10. Фрагменты стеклянных сосудов.

Fig. 10. Fragments of glass vessels.

Из 29 экземпляров донцев можно выделить, по крайней мере, шесть разновидностей, внутри которых есть свои варианты.

Фрагменты рюмок на ножках, с подножками, изготовленных из сплошного стержня из бледно-голубого, бледно-зеленого и блед-

но-оливкового стекла, представлены тремя экземплярами (рис. 10: 6, 7). Их ножки довольно массивные, в верхней части, в месте крепления к корпусу, имеют утолщения. На дне (2 экз.) сохранился след от понтити в виде скола. На внутренней поверхности

дна имеется округлая выпуклость, характерная для одновременного выдувания ножки и вместилища.

Сложно определить процесс изготовления ножек наших экземпляров — формовались они вместе с корпусом сосуда или отдельно. Заметим, однако, что на одном экземпляре бледно-оливкового цвета в нижней части стенок вместилища сохранились две рельефные узкие ленты, соединенные под углом (рис. 10: 7). Возможно, данные элементы связаны с конструктивными особенностями ручек.

Рюмки на ножках известны по раскопкам Херсонеса, где происходят из комплексов второй четверти VI — третьей четверти VII вв., и на памятниках IX в. Юго-Западного Крыма (Голофаст 1998: 239—242).

Большинство других днищ стеклянных сосудов и их фрагментов (25 экз.) относятся к различным типам лампад без ручек и лампад с тремя ручками. Среди них: *сосуды с вогнутым вовнутрь дном без поддона* (рис. 10: 8), *лампады на пьедестальных небольших ножках* (рис. 10: 9, 10), *на ножке в виде стержня* (рис. 10: 11) и *конусовидным заостренным дном* (рис. 10: 12), а также *сосуды различного диаметра с валикообразным полым краем* (рис. 10: 13, 14).

Среди обнаруженных в пещере Иограф лампадных ручек — 24 целых и 9 фрагментов — можно выделить три типа.

Первый — соответствует типу А по классификации Н. П. Сорокиной лампад с Таманского городища (Сорокина 1963: 156—158). Они сформованы из гладкого круглого в сечении одинарного прута (одна ручка имеет небольшое ребро на наружной поверхности), прикрепленного верхним прилепом к венчику, а нижним — к стенке (3 экз.) (рис. 10: 15).

Подобные ручки обнаружены в комплексе 26 Херсонеса и датированы последней четвертью VII в. (Голофаст 2001: 140). Найдены они также при раскопках двухапсидного храма конца VIII — первой половины IX — середины X вв. близ пгт. Семидворье (Лысенко, Тесленко 2012: 118) и на вершине горы Ай-Петри, где христианский храм функционировал не позднее XIII в. (Турова 2011: 117; 2012: 144, 155).

Ко **второму типу** относятся ручки-пестельки, соответствующие типу Б по классификации Н. П. Сорокиной (Сорокина 1963: 156—158).

Капля стекла наносилась на стенку вместилища, образуя основание ручки, затем она вытягивалась в небольшую пестельку, второй ее конец в виде другой капли крепился

в непосредственной близости от первой (рис. 10: 16, 17).

В пещере Иограф в 2012 г. было обнаружено 14 подобных ручек.

Л. А. Голофаст были выделены несколько способов изготовления ручек описанного типа (Голофаст 2001: 141). Согласно одному из способов ручки крепились к верхней части стенки сосуда, таким образом, что нижний прилеп находился непосредственно под верхним. Лампадки с подобным креплением найдены в Херсонесе в комплексах последней четверти V в. — третьей четверти VII в. (Голофаст 2001: 141).

Точки соединения ручек, изготовленных другим способом, непосредственно соприкасались, а иногда заходили друг на друга. В Херсонесе такие ручки обнаружены с материалом конца VI — начала VII вв. (Голофаст 2001: 141). Аналогичные ручки найдены при исследовании участка храмового комплекса VIII (?) — X вв. — XII—XIII вв. на г. Пахкал-Кая (Лысенко 2010: 223—224); в слоях второй половины X в. в Судакской крепости (Майко 2004: 238, рис. 15); при зачистке пола храма X—XIII вв. возле перевала Гурзуфское Седло, который функционировал с конца XV по середину XVI вв. (Новиченкова 2002: 10—11).

Среди нашего материала выделяются ручки обоих описанных выше способов крепления. Одни ручки располагались под краем венчиков лампад (5 экземпляров), другие — намного ниже — на стенках сосудов.

Процесс изготовления третьим способом, по Л. А. Голофаст, заключался в усложнении конструкции ручек. На лампадах появляется вертикальное ребро, идущее от ручки после формовки его кольца. Или, наоборот, сначала прикрепляли ленту к стенке сосуда, а затем формовали собственно ручку (Голофаст 2001: 141). Судя по аналогиям, приведенным исследовательницей, подобные лампады появляются в Константинополе с середины V в. Комплексы Херсонеса с данными находками датированы концом VI — началом VII вв. (Голофаст 2001: 141).

Видимо, конструктивные особенности лампад, ручки которых переходили в вертикальные ребра, идущие ко дну, в дальнейшем развитии были дополнены волнистыми стеклянными лентами, служившими как элементом декора, так и выполнявшими армирующую роль.

Третий тип ручек представлен 13 целыми и фрагментированными экземплярами, которым соответствуют 5 донцев лампадок на округлой пьедестальной ножке со следами

понттии на дне (рис. 10: 18, 19). Характерной особенностью ножек является полость с внутренней стороны дна лампадки.

Фрагменты подобных лампад найдены в Коринфе, в слое, отнесенном к XI — первой половине XII вв. (Davidson 1952: 112, pl. 57: 728), в Северном районе Херсона, в квартале X в усадьбе 2 (помещение 15) в слое пожара второй половины XIII в. (Голофаст, Рыжов 2003: 189, 219—220, 224, 257, рис. 23: 9, 14), при раскопках на Эски-Кермене (Айбабин, Хайрединова 2011: 446, рис. 14: 3). Аналогичная лампада обнаружена в 2007 г. на поселении Бокаташ II (окрестности Старого Крыма) и датирована исследователем второй половиной XIII в. (Крамаровский 2009: 301—313; 2012: 200—205, рис. 49, илл. 93). Она имела сферическое тулово, отогнутую наружу горловину с тремя ручками. Ручки были расположены в верхней части тулова у горловины, выполнены в виде гладких полуколец с ленточными налепками-валиками. Они охватывали всю полусферу резервуара вплоть до придонной части лампы. По всей длине валик был украшен волнистым стеклянным жгутом (Крамаровский 2009: 301—313).

Описанные типы стеклянных лампад из раскопок в пещере Иограф I хорошо известны в странах Средиземноморья и на памятниках Северного Причерноморья, датируются второй половиной V — XI вв. (Сорокина 1963: рис. 9; Голофаст 1998: 228—242). Лампады с тремя ручками, по мнению исследователей, появляются в Северном Причерноморье в IV в. и продолжают бытовать вплоть до IX—X вв. (Сорокина 1963: 156—158; Засецкая 2008: 34).

Однако, судя по находкам в пещере Иограф и на других памятниках, подобные типы стеклянной посуды продолжают существовать и в более позднее время. Находки стеклянных лампад известны при раскопках храма IX—XVI вв. на г. Аю-Даг (Тесленко, Семин, Лысенко 2002: 170). Стеклянные сосуды с вогнутым дном без поддона и с валикообразным полым краем были обнаружены в слое пожара, датированного второй половиной XIV — XV вв., из барбакана башни «Барнабо Грилло» крепости Чембало (Мыц 2009: 479, рис. 365: 2, 4, 5, 7, 8).

Другие предметы церковной утвари

Кроме лампад, к церковной утвари относятся бронзовые проволочные держатели и крючья для их крепления, а также обрезки узких свинцовых пластин (рис. 11: 1—9).

Всего найдено 27 бронзовых проволочных деталей крепления лампадок. Из них 5 — это крюки для подвешивания (рис. 11: 1—5), а также один бронзовый пластинчатый крест с двумя сквозными отверстиями (рис. 11: 10).

Обнаруженные части бронзовой крышки кадила XIII в. (рис. 12: 1, 2), застёжки богослужебных книг (рис. 12: 3, 4), бронзовый ключ (рис. 12: 5), — находки, хорошо известные при раскопках средневековых памятников Северного Причерноморья (Рыжов 1999: 175, 178; Тесленко, Лысенко 2004: 262; Айбабин, Хайрединова 2011: 452, рис. 20: 12; Булгаков, Булгакова 2012: 303).

Возможно, фрагменты рельефных пластин, вырезанные из листов тонкого белого металла с пуансонным орнаментом, могли быть накладками, украшавшими оклады книг (рис. 12: 6—10).

Предметы личного благочестия

К предметам личного благочестия относится костяная икона прямоугольной формы с рельефным изображением Св. Никиты (рис. 13: 1). Она была обнаружена в нише на глубине не более 20 см от современной дневной поверхности.

Пластина высотой 5,2 см, сохранилась на ширину 4,05 см, толщина 0,35—0,6 см. Ее левый верхний угол и часть изделия с левой стороны утрачены. В центре, в прямоугольной рамке, помещено погрудное изображение молодого мужчины анфас с коротко стриженными волосами и маленькой бородой, голова на четверть повернута вправо. Вокруг головы — нимб. В левой руке изображенного — крест. С правой стороны на гладком поле сохранилась надпись на греческом языке, расположенная вертикально: «ΝΙΚΙΤ» и отдельно, справа от предпоследней буквы «Ι», находится знак в виде буквы «Τ», развёрнутой под прямым углом вправо. С левой стороны от изображения сохранились следы начертания ещё одного слова, видимо «агиос» — «святой». Поле иконы обрамлено узким гладким бордюром. В нижней половине слева и посередине сверху сохранились элементы крепления в виде парных круглых отверстий и штыря.

По всей видимости, икона представляла собой изображение великомученика Никиты Готского (†372).

Святой великомученик Георгий (†303), в образе всадника помещен на круглом свинцовом медальоне диаметром 3 см (рис. 13: 2). Изображение всадника обращено влево, дано в слабом рельефе. Конь показан в движении:

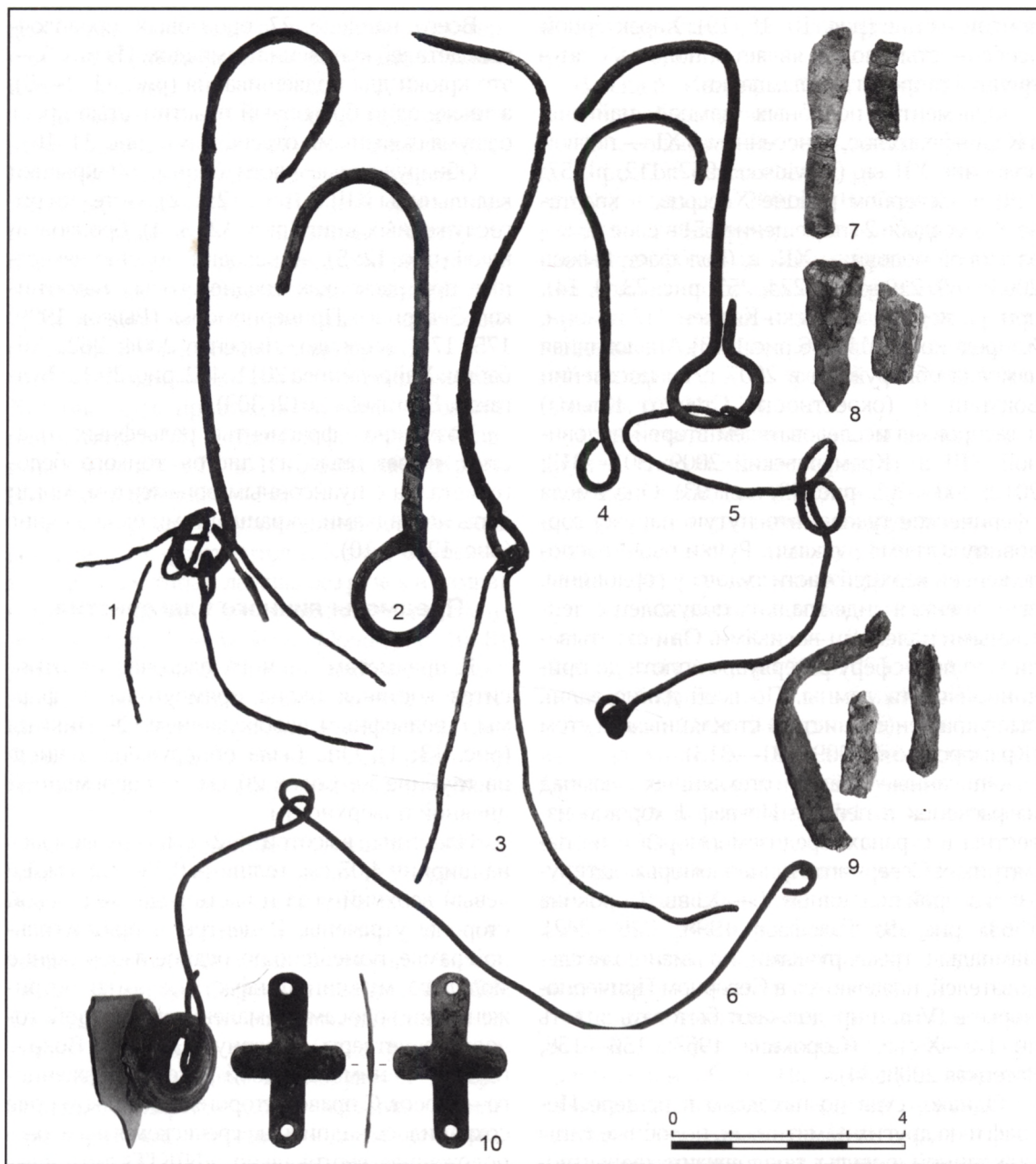

Рис. 11. Фрагменты лампадных креплений.

Fig. 11. Fragments of lamp fixtures.

правая передняя и левая задняя ноги подняты. Обратная сторона медальонного кружка гладкая, слегка вогнутая. В верхней части медальона проделано два сквозных отверстия для подвешивания.

Аналогичная композиция с конным изображением святого воина помещена на свинцовом медальоне, обнаруженном при исследовании храма на г. Пахкал-Кая в слое VIII (?) — X вв. (Лысенко 2011: 223).

Из девяти крестов, найденных в 2012 г. в пещере Иограф, семь относятся к нательным, с оглавием в виде плоского ушка (рис. 13: 3—9).

Один крест из белого металла, четырехконечный, с закругленными лопастями с парными спиралевидными выступами. На лицевой поверхности греческая надпись: «Господи, помоги носящему»¹¹ (рис. 13: 3). Обратная сторона гладкая. Крест был обнаружен внутри части храмовой постройки, в верхней части слоя разрушения, в каменном завале.

Другие четыре нательных креста (рис. 13: 4—7) находят аналогии среди подобных артефактов из раскопок городов, сельских поселе-

¹¹ Перевод А. Ю. Виноградова.

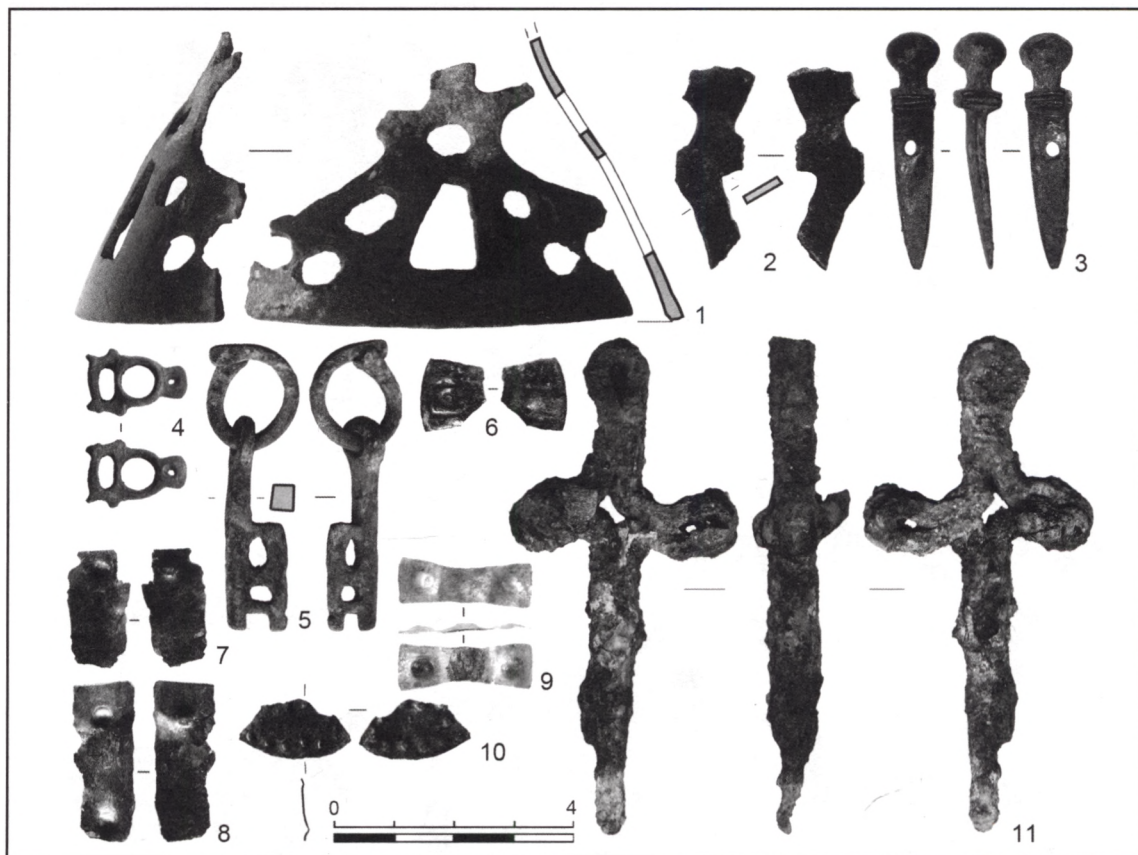

Рис. 12. Предметы церковной утвари и инвентаря. 1, 2 — фрагменты кадила-кацеи; 3, 4 — застёжки книг; 5 — ключ; 6—10 — металлические накладки; 11 — железный крест.

Fig. 12. Church utensils and equipment. 1, 2 — fragments of a hand censers; 3, 4 — fasteners of books; 5 — key; 6—10 — metal plates; 11 — iron cross.

ний и курганных могильников с территории древнерусских княжеств (Кутасов, Селезнев 2010: 80; 137—143; 209; 248).

Среди них нателный круглоконечный двусторонний крест из медного сплава с выемчатой эмалью (с одной стороны — желтой, с другой — зеленой) (рис. 13: 4).

Находки подобных крестов были широко распространены на территории Древней Руси в домонгольское время, датируются по сопутствующему материалу XI—XII вв. (Мальм 1968: 116—117; Кутасов, Селезнев 2010: 137—143, вариант 9; Веремейчик 2010: 347). Аналогии им на территории Крыма не известны. Мастерская по их производству была обнаружена на Подоле в Киеве (Сагайдак и др. 1997: 31—42; Беленькая 1976: 89, рис. 1—1; Кайль, Нечитайло 2006: 20—22; Кутасов, Селезнев, 2010: 137—143, вариант 9; Веремейчик 2010: 347).

К XII—XIII вв., судя по находкам из Суздаля и Киева (Кайль, Нечитайло 2006: №283; Кутасов, Селезнев 2010: 248, №571), относится нателный двусторонний четырехконечный крест из медного сплава с шаровидными концами с «ушками» (рис. 13: 5).

В его средокрестии помещено рельефное изображение прямоконечного креста с рельефной рамкой по краю, в котором находится еще один прямоконечный крест из двух рельефных линий.

Этим же временем, XII—XIII вв., датируется двусторонний четырехконечный крест с уплощенно-шаровидными концами (рис. 13: 6). На лицевой стороне в плоском округлом средокрестии с рельефным бортиком по краю помещено рельефное изображение контурного прямоконечного креста. На оборотной стороне в плоском средокрестии находится слаборельефное изображение креста с выпуклой точкой в центре. Аналогичные нателные кресты происходят из Киевской и Житомирской областей (Кутасов, Селезнев 2010: 209, №449 А, Б, тип XXI, вариант 1).

В Суздале, Киевской и Московской области, а также в Латвии известны находки нателных четырехконечных равносторонних крестов с трехчастным завершением лопасти. Лицевая и оборотная сторона их повторяют друг друга. В центре ромбовидного средокрестия, в круглом углублении помещено

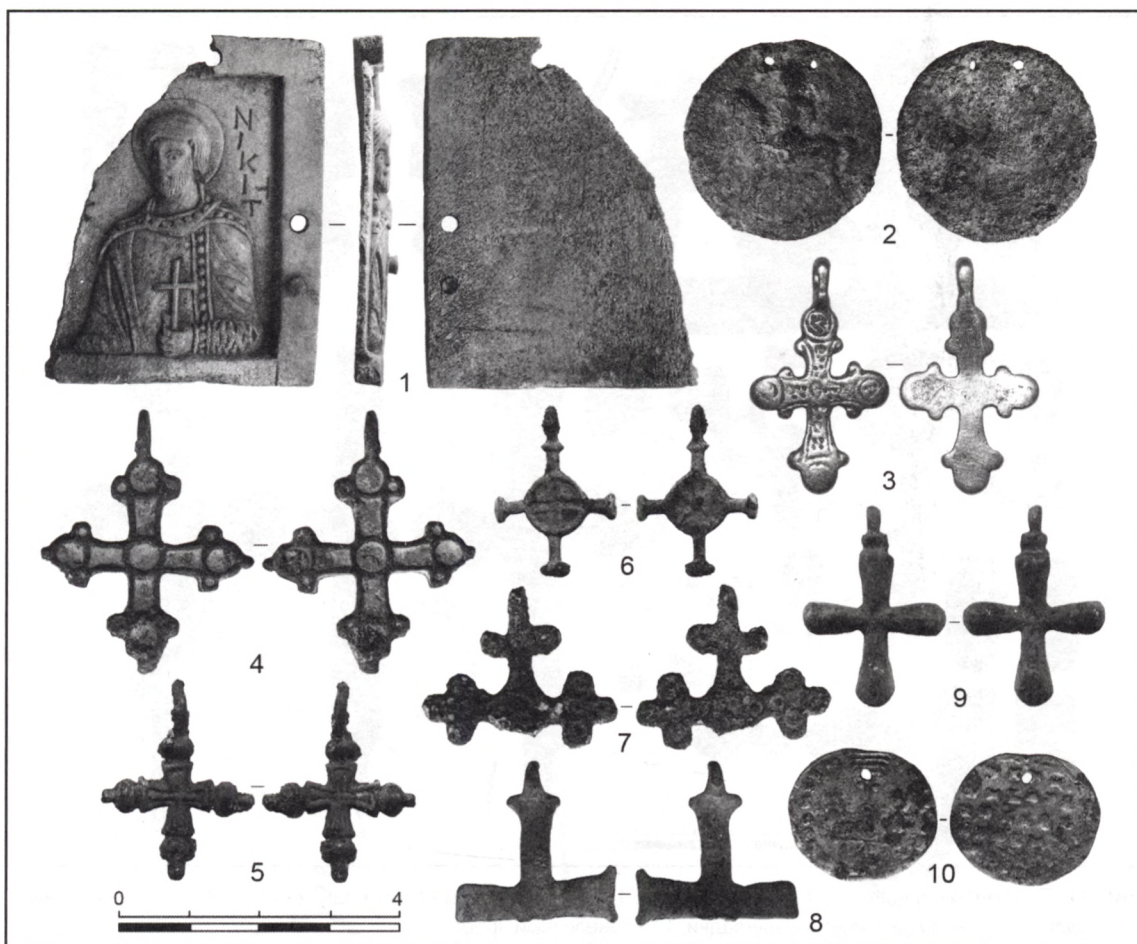

Рис. 13. Предметы личного благочестия. 1 — икона Св. Никиты; 2 — медальон с изображением Св. Георгия; 3—9 — нательные кресты; 10 — монета-подвеска.

Fig. 13. Items of personal piety. 1 — icon of Saint Nicetas; 2 — medallion with image of Saint George; 3—9 — pendant crosses; 10 — coin-pendant.

выпуклое полушаровидное изображение солярного круга, вокруг которого крестообразно расположены четыре точки в круглых углублениях. Трехлопастные концы украшены подобными углубленными кружками с точками. Датируются подобные находки XII в. (Кутасов, Селезнев 2010: 80, №76 А). В пещере Иограф был обнаружен фрагмент такого креста (рис. 13: 7).

К числу предметов личного благочестия, видимо, можно отнести и монету-подвеску конца X — первой половины XI вв. (рис. 13: 10). Это монета Тмутараканского княжества, являющаяся подражанием милиарисию Василия II и Константина VIII (Бабаев 2009: 36—67, тип III а-2). Монета обнаружена при зачистке южной стены храма с внутренней стороны на глубине 0,20—0,30 см от современной дневной поверхности.

Большинство известных находок монет-подвесок происходят из дружинных некрополей Киева, Гнездова, Шестовиц, Чернигова, Новгородской земли. Это обстоятельство

дало основание А.Е. Мусину рассматривать их как «крестильные дары» и связать с распространением процесса христианизации на «пути из варяг в греки» (Мусин 2005: 152, 154).

В расщелине ниши пещеры обнаружен и один железный крест, изготовленный из согнутого железного прута с зауженной нижней частью (рис. 12: 11).

Подобные кресты хорошо известны на территории Таврики, найдены они и в Горном Крыму, например на Гурзуфском Седле (Новиченкова 2005: 17), на вершине г. Ай-Петри (Турова 2010: 17—19; 2012: 8—10), в слоях XII—XIII вв. храма на горе Пахкал-Кая (Лысенко 2011: 223—224). Большинство из них имеет загнутый под прямым углом нижний удлинненный конец для крепления. Исследуя кованые железные пластинчатые кресты византийско-кавказского типа с подобным завершением нижней части, М.Н. Ложкин и С.Н. Малахов высказали предположение не столько о литургическом назначении та-

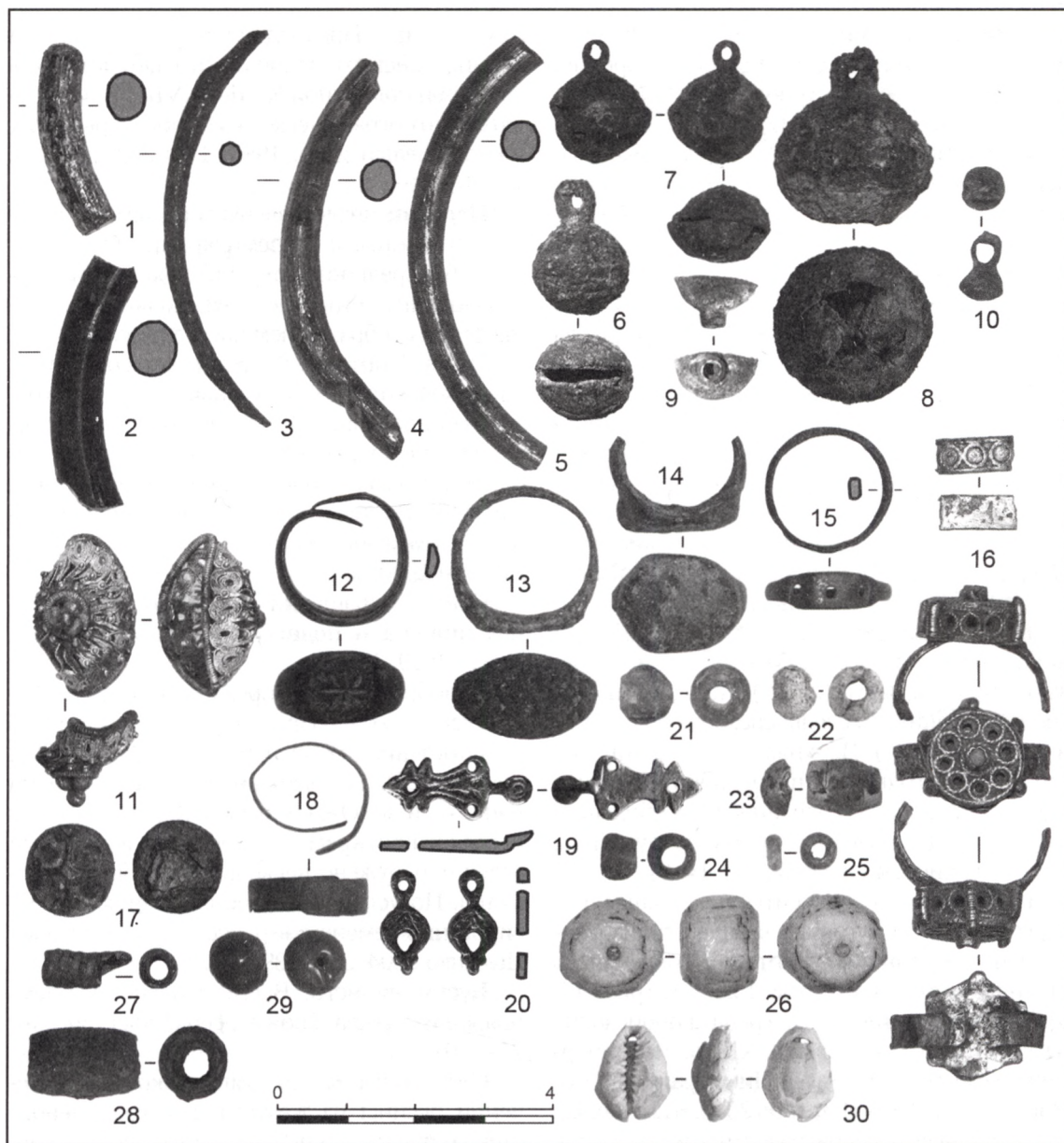

Рис. 14. Украшения: 1—5 — фрагменты стеклянных браслетов; 6—11 — пуговицы и пуговицы-бубенчики; 12—18 — кольца и перстни; 19 — пряжка-застежка; 20 — подвеска; 21—27 — бусины из стекла; 28 — бронзовая бусина; 29 — сердоликовая бусина; 30 — подвеска из раковины каури.

Fig. 14. Adornment: 1—5 — fragments of glass bracelets; 6—11 — buttons and button-bells; 12—18 — rings, 19 — buckle; 20 — pendant; 21—27 — glass beads, 28 — bronze bead; 29 — carnelian bead, 30 — pendant of cowrie shells.

ких крестов, сколько об использовании их в качестве вотивов (Ложкин, Малахов 1996: 202—209).

Украшения

Среди украшений выделяются стеклянные браслеты, пуговицы-бубенчики, перстни, ажурная пряжка и подвеска, бусины из стекла, камня, металла, подвеска из раковины каури (рис. 14).

Стеклянные браслеты, изготовленные из гладкого вытянутого прута полупрозрачно-

го стекла, зеленых оттенков и бледно-синего цвета, округлой в сечении формы, представлены 5 обломками одного типа, без орнамента (рис. 14: 1—5).

Эти украшения, являющиеся ярким хронологическим репером, были широко распространены в Северном Причерноморье в X—XI вв. В материалах второй половины XIII в. они встречаются лишь в виде отдельных мелких фрагментов (Майко 2012: 88—89).

Пуговицы и пуговицы-бубенчики представлены 12 экземплярами пяти типов.

К **первому типу** относятся литые пуговицы-бубенчики с щелевидной прорезью, украшенные концентрическими линиями (5 экземпляров) (рис. 14: 6, 7).

В крымских памятниках подобные изделия встречаются с конца VII в., а также в X—XII вв. (Новиченкова 2005: 19; Айбабин, Хайрединова 2008: 69, рис. 34: 23, 24; 2011: 452, рис. 20: 8, 9, 13). На территории Древней Руси они появляются во второй половине XI в. и используются вплоть до XIII в. (Степанова 2010: 298).

Ко **второму типу** относятся 6 целых и фрагментированных пуговиц сферической формы, соединенные из двух поперечных половинок. Внутри типа выделяются 3 варианта.

1 вариант представлен сферическими пуговицами без каких-либо особенностей диаметром 0,85—1,8 см (3 экз.).

Ко **2 варианту** относятся большие пуговицы диаметром 2,3—2,5 см, с узкой прорезью в нижней части (2 экз.). На одной из пуговиц сохранились следы врезного орнамента в виде креста (?). Верхняя часть отлита вместе с прямоугольным ушком, в которое была продета проволока (сохранился ее небольшой фрагмент). Вся верхняя половина пуговицы покрыта окислами железа (рис. 14: 8).

К **3 варианту** относится небольшая посеребренная (?) пуговица в виде стилизованного плода граната, от которой сохранилась нижняя часть (диаметром 1,25 см) (рис. 14: 9). Пуговица в виде плода граната происходит из грунтовой могилы №4 XIII в. монастырского комплекса на мысе Димитраки в Юго-Восточном Крыму (Баранов 2010: 612, рис. 12: 3). Подобные изделия известны из раскопок храма в с. Малый Маяк (Тесленко, Лысенко 2004: 289, рис. 12: 9). Храм отнесен исследователями к концу XIV — началу XV, некрополь же его просуществовал до последней четверти XVIII вв. (Тесленко, Лысенко 2004: 260—296). Здесь же была обнаружена и другая маленькая цельнолитая пуговица, близкая экземпляру из пещеры Иографа, отнесенному к **третьему типу** (рис. 14: 10).

К **четвертому типу** относится часть полых пуговицы шарообразной формы, филигранной работы, с узором из спиралевидных завитков и припаянной внизу пирамидкой из шариков (рис. 14: 11).

Подобные полые шарообразные подвески с пластинчатым ушком обнаружены при исследовании укрепления Фуны и датируются третьей четвертью XV в. (Мыщ 2009: 444, рис. 351: 40). Многочисленные находки аналогичных пуговиц-подвесок про-

исходят из Прохладненского могильника Бахчисарайского района, который датируется второй половиной XVII—XVIII вв., и относятся к этнографическому костюму крымских греков (Белый и др. 1993: 170; 392, рис. 18: 7—10).

Перстни представлены 6 целыми и фрагментированными экземплярами (рис. 14: 12—16). Среди них сохранился круглый слегка выпуклый щиток перстня, украшенный рельефным изображением креста (рис. 14: 17).

Особый интерес представляет собранный из нескольких частей ажурный перстень из белого металла (рис. 14: 16). Его коробчатый щиток украшен в центре вставкой из бирюзы (?). Своими морфологическими и стилистическими особенностями он близок ювелирным изделиям Симферопольского клада XIII—XV вв. (Мальм 1980: 12).

Среди украшений выделяются фигурная **пряжка** и **подвеска** из белого металла (рис. 14: 19, 20).

Подобные детали пряжки-застежки хорошо известны из Прохладненского плитового могильника (Белый и др. 1993: 171; 393, рис. 19, 20). Находки аналогичных изделий найдены и на Южном берегу Крыма. Так, при исследовании храма с некрополем в с. Малый Маяк обнаружено несколько подобных предметов. По условиям их обнаружения они датированы временем не ранее XVI в. (Тесленко, Лысенко 2004: 265; 289, рис. 12).

Бусин немного. Всего найдено 9 экземпляров из стекла, бронзы, сердолика (рис. 14: 21—29).

Стеклянные монохромные округлые в сечении бусины из желтого, синего, зеленого стекла представлены биконической и кольцеобразной формой. Одна бусина-пронизь, на сколе темно-красного оттенка, украшена накладной спиралевидной нитью желтого цвета. Данные типы бус хорошо известны по некрополю XI—XII вв. в окрестностях Баклы (Петровский, Труфанов 1996: 141; 243—248).

Монеты

Во время археологических исследований 2012 г. в пещере Иограф I в переотложенных слоях на всей обследованной территории было найдено 57 монет (50 обнаружены в нише).

Большинство из них составляют монеты Крымского ханства второй половины XV — первой половины XVIII вв.: Хаджи Гирая I (1441/2—1467 гг.) — 1 экз., Менгли Гирая I (1467—1515 гг.) — 4 экз., Мухаммеда Гирая I

№6. 2013

(1515—1523 гг.) — 2 экз., Сахиб Гирая I (1532—1550 гг.) — 3 экз., Девлет Гирая I (1550—1577 гг.) — 10 экз., Мухаммеда Гирая II (1577—1584 гг.) — 12 экз., Ислам Гирая II (1584—1588 гг.) — 1 экз., Гази Гирая II (1588—1607/8) — 9 экз., Джанибек Гирая (1610—1623 гг.) — 1 экз., Мухаммеда Гирая III (1641—1644, 1654—1666 гг.) — 1 экз., Менгли Гирая II (1724—1730 гг.) — 2 экз.

Кроме того, найдены византийская монета Алексея III (1195—1203 гг.) и упомянутая ранее монета Тмутараканского княжества с отверстием для подвешивания, конца X — первой половины XI вв. — подражание милиарисию Василия II и Константина VIII, а также две монеты XIV в. Золотой Орды, турецкая монета XIV в., две генуэзско-татарские монеты чекана г. Каффы XV в. и монета Московского государства Ивана Грозного (1533—1584 гг.). Три монеты плохой сохранности остались неопределенными.

Таким образом, к началу X — XIV вв. относятся 5 монет; ко второй половине XV — началу XVII вв. — 46 монет; к середине — второй половине XVII — первой половине XVIII вв. — 3 монеты.

Некоторые итоги

В результате предварительного анализа массового материала, некоторых типов индивидуальных и нумизматических находок, обнаруженных за два полевых сезона в пещере Иограф I и ее близлежащих окрестностях, можно предварительно наметить отдельные этапы существования пещерного христианского комплекса над Ялтой.

I этап — конец IX (?)—X — XIII вв. связан со строительством и начальным функционированием храма в пещере. К этому времени относятся фрагменты глазурованных белоглиняных и красноглиняных импортных сосудов открытой и закрытой формы, многочисленные фрагменты стеклянных лампад и сопутствующие им бронзовые крепления, предметы церковной утвари и личного благочестия, стеклянные браслеты и бусины, большинство типов пуговиц-бубенчиков.

Почти все из перечисленных находок происходят из перемещенных отложений в нише. Их первоначальное положение из-за многочисленных разновременных перекопок установить трудно, тем не менее, не исключено, что они находились здесь изначально и не подверглись значительным горизонтальным перемещениям внутри скальной полости. Не нарушенные стратифицированные объекты, а также какие-либо остатки погреб-

Рис. 15. Фрагмент мраморной иконы (Ялтинский историко-литературный музей. Книга поступлений: 1066. Инв. группа А2—40).

Fig. 15. Fragment of a marble icon (Yalta Historical-Literary Museum. Book of entries: 1066. Inv. group A2—40).

бений в пещере Иограф I пока не обнаружены.

Исходя из этого, а также учитывая расположение остатков юго-восточной стены храма, прочерченные изображения крестов и надписей в нише, доступ к которым был открыт в процессе функционирования храма, можно заключить, что эта естественная полость представляла собой некое особо почитаемое место, используемое для специальных приношений.

Предметы личного благочестия, украшения, детали этнографического костюма, являются не чем иным, как votivными приношениями. Именно в данный период — конец IX(?)—X — XIII вв. — здесь формируется некий культово-меморативный комплекс.

В. Х. Кондараки в 80-х гг. XIX в. ссылается на рассказ стариков, согласно которому когда-то в пещере был обнаружен «чрезвычайно древний образ Божьей Матери» (Кондараки 1883: 230). Позднее, в 1897 г., Е. И. Висниовской в пещере был найден фрагмент Богородичной иконы, изготовленной из мрамора, который сейчас хранится в Ялтинском историко-литературном му-

зее (рис. 15). Он представляет собой верхний правый угол иконы прямоугольной формы с изображением головы младенца Христа (Турова 2002: 10—11). Возможно, это часть того «древнего образа Божьей Матери», о которой писал В.Х. Кондараки. Данная икона могла быть тем самым меморативом — именем-посвящением для храма в пещере Иограф I.

II этап — XIV—XV вв. Характеризуется многочисленными находками фрагментов неглазурованной и глазурованной посуды местного (крымского производства), монетами.

III этап — конец XV — конец XVIII вв. Этот период, вероятно, связан с постепенным упадком данного места, обусловленным захватом в 1475 г. Крыма Османской Портой и последующим разрушением храма уже после принудительного переселения крымских христиан в Приазовье. В памяти этих людей он остался как церковь Вознесения (Мальгин 1994: 157; Кузнецов, Мухин 1998: 19).

С данным периодом связаны многочисленные нумизматические находки и единичные предметы этнографического костюма местных жителей.

IV этап — после присоединения Крыма к России (1783 г.) и до середины XX в. На этом этапе истории культового комплекса храм в пещере Иограф разрушился окончательно в силу естественных причин. Его новая жизнь была возобновлена на короткое время в конце XIX — первых годах XX вв., но только в качестве краеведческой, туристической достопримечательности.

V этап — современный, он начался во второй половине XX в. Пещера превратилась в место удобной туристической стоянки. И как следствие этого, с каждым годом в пещере появляются все новые и новые кострища, перекрывающие перекопы минувших столетий.

Для будущих исследователей пещерного комплекса над г. Ялта остается целый ряд нерешенных задач и вопросов.

Во-первых, непонятно, что собой представлял данный средневековый пещерный культовый комплекс — особо почитаемое место, в честь которого был построен храм, или же он являлся монастырем.

Во-вторых, неясно, какую роль выполняла пещера Иограф II в данном культовом комплексе. Подъемный материал, обнаруженный у входа и внутри пещеры, синхронен находкам из пещеры с храмом.

В-третьих, остается неразрешенным вопрос о некоем христианском некрополе, расположенном недалеко от пещеры, сведения о котором мы черпаем исключительно только из краеведческой литературы конца XIX — начала XX вв. (Москвич 1899: 320—322; 1907: 297—300).

Дальнейшее археологическое изучение единственного на Южном берегу Крыма пещерного христианского комплекса не только даст возможность получить ответы на обозначенные вопросы, но станет началом нового этапа в его истории — позволит вернуть из забвения древнюю христианскую святыню и сделать ее местом паломничества как для верующих, так и для многочисленных гостей Крыма.

Литература

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. *Могильник у села Лучистое 1. Раскопки 1977, 1982—1984 гг.* Симферополь; Керчь.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2011. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен. *МАИЭТ* XVII, 422—457.
- Айбабина Е. А. 1991. Двухапсидный храм близ крепости Фуна. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, 194—205.
- Айбабина Е. А. 2005. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стило, 229—246.
- Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 1997. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Тафы. *ВВ* 57, 211—233.
- Бабаев К. В. 2009. *Монеты Тмутараканского княжества*. Москва: Древлехранилище.
- Баранов И. А. 1974. О восстании Иоанна Готского. В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 151—162.
- Баранов И. А. 1991. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, 101—121.
- Баранов И. А. 2010. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. *Сугдейский сборник* IV, 601—617.
- Беленькая Д. А. 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья. *СА* (4), 88—99.
- Белинский И. В., Масловский А. Н. 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7). В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995—1997 гг.* 15, 179—252.
- Белый и др. 1993: Белый А. В., Белый О. В., Лобода И. И. 1993. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь: Таврия, 160—174.
- Булгаков В. В., Булгакова В. И. 2012. Портовый комплекс Сутдеи (по данным подводных исследований

- 2004—2005 гг.). В: Майко В. В. (отв. ред.). АА 28 (*Древняя и средневековая Таврика*). Донецк: Донбасс, 285—310.
- Веремейчик Е. М. 2010. Предметы христианского культа XI—XIII вв. на сельских поселениях черниговского полесья. В: Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 344—354.
- Волков И. В. 1992. *Керамика Азова XIV—XVIII вв. (классификация и датировка)*. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Москва.
- Волошинов и др. 1929: Волошинов И. М., Лункевич В. В., Пузанов И. И., Штекер А. О. и др. 1929. *Крым. Путеводитель*. Симферополь: Крымгиз.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. 2001. Керамика IX—XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун. *АДСВ* 32, 127—147.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стило, 257—287.
- Герцен и др. 2006: Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). *МАИЭТ* XII, 371—497.
- Голофаст Л. А. 1998. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса. *АДСВ* 29, 228—242.
- Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ* VIII, 97—260.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. 2003. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса. *МАИЭТ* X, 182—260.
- Домбровский О. И. 1974. Средневековые поселения и «исары» Крымского южного побережья. В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 5—56.
- Дмитриенко В. Н., Масловский А. Н. 2006. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака. В: *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* 22. Азов, 231—257.
- Дублянский В. Н. 1977. *Пещеры Крыма*. Симферополь: Таврия.
- Зеленко С. М., Тесленко И. Б., Ваксман С. Й. 2012. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым). (Морфологическая типология и лабораторные исследования). В: Гладких М. И. (гол. ред.). *1000 років візантійської торгівлі (V—XV століття)*. Київ, 129—148.
- Засецкая И. П. 2008. Стеклопосуда некрополя Боспора второй половины IV—VII вв. н. э. (из собрания Эрмитажа). *Боспорские исследования XX*, 5—208.
- Кирилло В. П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны 1423—1475 гг.* Киев: Стило.
- Когонашвили К. К., Махнева О. А. 1974. Средневековая Фуна. В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 111—123.
- Кондараки В. Х. 1883а. *В память столетия Крыма. Топографический обзор полуострова*. Москва.
- Кондараки В. Х. 1883б. *В память столетия Крыма. История и Тавриды*. Москва.
- Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днепре*. Киев: Наукова думка.
- Крамаровский М. Г. 2009. Редкая сельджукская (?) лампа XII — начала XIII в. из пригорода Солхата. *АДСВ* 39, 301—313.
- Кузнецов А., Мухин В. 1998. *Ялта и окрестности. Прогулки со словарем* (1). Ялта.
- Кутасов С. Н., Селезнев А. Б. 2010. *Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески*. Москва: Группа «Искатели».
- Ложкин М. Н., Малахов С. Н. 1996. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отраденского музея. *Историко-археологический альманах* 2, 202—209.
- Лысенко А. В. 2011. Позднеантичный — средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая. *Археологічні дослідження в Україні 2010*. Киев; Полтава, 223—224.
- Лысенко А. В., Тесленко И. Б. 2012. Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003—2007 гг.). В: Майко В. В. (отв. ред.). АА 28 (*Древняя и средневековая Таврика*). Донецк: Донбасс, 103—122.
- Майко В. В. 2004. Средневековое городище на плато Тепень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика.
- Майко В. В. 2012. Стеклопосуда византийской Таврики. Вопросы типологии, технологии и хронологии. В: *Проблемы истории и археологии Украины: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Харьков, 9—10 ноября 2012 г.)*. Харьков: ООО «НТМТ», 88—89.
- Мальгин А. В. 1995. *Из наследия А. Л. Бертье-Делагарда. Крымский музей 1994* (1). Симферополь: Таврия, 151—169.
- Мальм В. А. 1968. Кресты с эмалью. В: *Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова*. Москва: Наука, 113—117.
- Мальм В. А. 1980. *Симферопольский клад. Сокровища Государственного ордена Ленина исторического музея*. Москва: Внешторгиздат.
- Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. В: *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* (21). Азов: Азовский краеведческий музей, 308—472.
- Масловский А. Н. 2007. Восточнокрымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II Междунар. науч. конф. (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.)*. Ялта, 86—87.
- Мережковский К. С. 1881. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. *Известия Императорского Русского географического общества* XVI, 106—146.
- Москвич Г. 1899. *Практический путеводитель по Крыму*. Изд. 8. Одесса.
- Москвич Г. 1907. *Путеводитель по Крыму*. Изд. 16. Владикавказ.
- Мусин А. Е. 2005. *Milites Christi Древней Руси. Военная культура русского средиземноморья в контексте религиозного менталитета* (серия «*Militari Antiqua*», VIII) Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Мухин В. В., Кузнецов А. Я. 2007. *Крымские горы: возвращение к истокам: Занимательное пособие для экскурсоводов и пешеходов*. Киев: ВД Стило.
- Мыц В. Л. 1990. Крестообразный храм Мангупа. *СА* (1), 224—242.

- Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.
- Мыц В.Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50—70-е гг. XV в. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (сост.). *Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.* Киев: Стило, 139—189.
- Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты.* Симферополь: Универсум.
- Новиченкова Н.Г. 2002. Скит на Гурзуфском Седле. В: Глузман А.В., Ткачук О.П., Новиченкова Н.Г. (сост.). *Христианство на Южном берегу Крыма. Мат-лы Крым. научно-практич. конф. (24 ноября 2000 г.).* Ялта, 10—13.
- Новиченкова Н.Г. 2005. Комплекс находок из раскопок христианских культовых сооружений на Гурзуфском Седле. В: Петренко Л.В. (сост.). *VIII Дмитриевские чтения (27—28 марта 2003 г.): история Южного берега Крыма.* Симферополь: Магистр, 16—20.
- Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.). В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика.* Киев: Наукова думка, 56—94.
- Петровский В.А., Труфанов А.А. 1996. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993—1994 гг.). В: Могарычев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.* Симферополь: Таврия, 136—142.
- Плетнева С.А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Керамика и стекло древней Тмутаракани.* Москва: АН СССР, 5—72.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. *Амфоры из комплексов византийского Херсона.* Екатеринбург.
- Рыжов С.Г. 1999. Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (постоялый двор). В: Кадеев В.И. (глав. ред.). *Древности 1997—1998. Харьковский историко-археологический ежегодник.* Харьков: Бизнес Информ, 168—180.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В. 1999. Комплексы X века из раскопок квартала X «б» северного района Херсонеса. *ХСб* 10, 312—329.
- Сагайдак и др. 1997: Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Михайлов П.С. 1997. Новые находки древнерусского ремесла в Киеве. В: Кадеев В.И. (гл. ред.). *Древности 1996.* Харьков, 31—42.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. 1994. Исследования средневековой Каффы в 1991—1992 гг. В: Абрамов А.П. (ред.). *Боспорский сборник.* Москва, 179—186.
- Сорокина Н.П. 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Керамика и стекло древней Тмутаракани.* Москва: АН СССР, 134—174.
- Степанова Ю.В. 2010. Привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья. В: Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 293—305.
- Таллис Д.Л. 1976. Поливная керамика Баклинского городища. *СА* (4), 63—87.
- Тесленко И.Б. 2000. Комплекс поливной керамики с места кораблекрушения второй половины XIII в. вблизи Судака (Крым). *Българите в Северното Причерноморие. Исследования и материали.* Велико Търново: Св. Кирил и Методий, 153—168.
- Тесленко и др. 2002: Тесленко И.Б., Семин С.В., Лысенко А.В. Раскопки храма XIV—XVI вв. на северо-восточном склоне г. Аю-Даг. В: Юрочкин В.Ю. (ред.-сост.). *Православные древности Таврики (Сбор. мат-ов по церковной археологии).* Киев: Стило, 169—171.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2004. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение. В: Мыц В.Л. (глав. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»:* Сбор. науч. трудов (по мат-ам конф. в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД Стило, 260—296.
- Тесленко И.Б. 2010. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода) I. Типология, распространение, происхождение. *Древности* 9. Харьков, 216—234.
- Тесленко И.Б. 2011. Хронологія однієї групи кухонного посуду з пам'яток Криму XV ст. *Археологія* (4), 60—68.
- Тесленко И.Б. 2012а. Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (быв. Бинок Ламбат, Южный берег Крыма). В: Майко В.В. (отв. ред.). *АА 28 (Древняя и средневековая Таврика).* Донецк: Донбасс, 225—246.
- Тесленко И.Б. 2012б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода) II. Хронология. В: Кадеев В.И. (гл. ред.). *Древности* 11. Харьков: ООО «НТМТ», 223—236.
- Турова Н.П. 2002. Средневековые христианские храмы на ЮБК полевой картолке Е.И. Висниовской. В: Ливичкая З.Г. (ред.). *VI Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма.* Симферополь: Таврия-Плюс, 10—11.
- Турова Н.П. 2005. Храм в пещере Иограф в Крыму: попытка локализации. В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *Церковные древности. Сбор. мат-ов III Междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003).* Симферополь: Универсум, 240—248.
- Турова Н.П. 2011. *Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г.* Научный архив НАН Украины. Фонд экспедиций — 2011.
- Турова Н.П. 2012а. *Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2011 г.* Научный архив НАН Украины. Фонд экспедиций — 2012.
- Турова Н.П. 2012б. Исследования на территории Большой Ялты. В: Козак Д.Н. (глав. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2011.* Волинські старожитності, 132—136.
- Фирсов Л.В. 1967. Средневековое укрепленное поселение на крестовой горе близ Алупки. *ЗООП* II (35), 214—227.
- Шорохова Т.С. 2012. Священный образ Тавриды: Православные святыни Крыма в изобразительном искусстве: Альбом. Симферополь: Н. Ореанда.
- Якобсон А.Л. 1950. *Средневековый Херсонес.* МИА 17.
- Якобсон А.Л. 1970. *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики.* МИА 168.
- Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.* Ленинград: Наука.
- Hayes J.W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The*

№6. 2013

- pottery. Princeton: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Reserch Library and Collection.
- Davidson G. R. 1952. The minor objects. *Corinth (Results of excavations)* XII. Princeton.
- Vroom J. 2005. *Byzantin to modern pottery in the Aegen — 7th to 20th century*. Utrecht: Parnasus Press.
- Waksman S. Y., Teslenko I. 2009. "Novy Svet Ware", an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology*, 357—375.
- Wartburg M.-L. 2007. Chronology and stratigraphy of the Medieval Pottery of Cyprus: a critical review. In: Böhlendorf-Arslan B., Uysal A. O., Witte-Orr J. (eds.). *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts*. BYZAS (7), 419—440.
- Waksman Y. 2012. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinopol/Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study. *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23—27 novembre 2009, a cura di Sauro Gelichi*. Venezia, 147—151.
- ## References
- Aibabin, A. I., Khairedinova, E. A. 2008. *Mogil'nik u sela Luchistoe (Necropolis near Luchistoe village)*. Vol.1. Raskopki 1977, 1982—1984 gg. (Excavations of 1977, 1982—1984). Simferopol; Kerch (in Russian).
- Aibabin, A. I., Khairedinova E. A. 2011. In *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* XVII, 422—457 (in Russian).
- Aibabina, E. A. 1991. In *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Taurica)*. Kiev: Naukova dumka, 194—205 (in Russian).
- Aibabina, E. A. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X—XVIII vv. (Glazed pottery of the Mediterranean and Pontic regions in the 10th—18th centuries)* I. Kiev: Stilos, 229—246 (in Russian).
- Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 1997. In *Vizantiiskii vremenik (Byzantine Yearbook)* 57, 211—233 (in Russian).
- Babaev, K. V. 2009. *Monety Tmutarakanskogo kniazhestva (Coinage of the Tmutarakan principality)*. Moscow: Drevlekhranilishche (in Russian).
- Baranov, I. A. 1974. In *Feodal'naia Tavrika (Feodal Taurica)*. Kiev: Naukova dumka, 151—162 (in Russian).
- Baranov, I. A. 1991. In *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Taurica)*. Kiev: Naukova dumka, 101—121 (in Russian).
- Baranov, I. A. 2010. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia compilation)* IV, 601—617 (in Russian).
- Belenkaya, D. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 88—99 (in Russian).
- Belinsky, I. V., Maslovsky, A. N. 1998. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995—1997 gg. (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions in 1995—1997)* 15, 179—252 (in Russian).
- Belyi, A. V., Belyi, O. V., Loboda, I. I. 1993. In *Istoriia i arkeologiya Iugo-Zapadnogo Kryma (History and archaeology of South-Western Crimea)*. Simferopol: Tavriia, 160—174 (in Russian).
- Bulgakov, V. V., Bulgakova, V. I. 2012. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 28. *Drevniia i srednevekovaia Tavrika (Ancient and medieval Taurica)*. Donetsk: Donbass, 285—310 (in Russian).
- Veremeichik, E. M. 2010. In *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian jewellery and its origins)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 344—354 (in Russian).
- Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV—XVIII vv. (klasifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th—18th centuries (classification and dating))*. Moscow (in Russian).
- Voloshinov, I. M., Lunkevich, V. V., Puzanov, I. I., Shteker, A. O. et al. 1929. *Krym. Putevoditel' (Crimea. A traveller's companion)*. Simferopol: Krymgiz (in Russian).
- Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2001. In *Antichnaia drevnost' I srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 32, 127—147 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X—XVIII vv. (Glazed pottery of the Mediterranean and Pontic regions in the 10th—18th centuries)* Kiev: Stilos, 257—287 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Zemlyakova, A. Yu., Naumenko V. E., Smokotina, A. V. In *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tauria)* XII, 371—497 (in Russian).
- Golofast, L. A. 1998. In *Antichnaia drevnost' I srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 29, 228—242 (in Russian).
- Golofast, L. A. 2001. In *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* VIII, 97—260 (in Russian).
- Golofast, L. A., Ryzhov, S. G. 2003. In *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* X, 182—260 (in Russian).
- Dombrovsky, O. I. 1974. In *Feodal'naia Tavrika (Feodal Taurica)*. Kiev: Naukova dumka, 5—56 (in Russian).
- Dmitrienko, V. N., Maslovsky, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions in 2005)* 22. Azov, 231—257 (in Russian).
- Dublyansky, V. N. 1977. *Peshchery Kryma (Caves of Crimea)*. Simferopol: Tavriia (in Russian).
- Zelenko, S. M., Teslenko, I. B., Vaksman, S. I. 2012. In *1000 rokov vizantiis'koi' torgovli (V—XV stolitiia) (1000 years of Byzantine commerce (5th—15th centuries))*. Kiev, 129—148 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 2008. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* XX, 5—208 (in Russian).
- Kirilko, V. P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funy 1423—1475 gg. (Fortress ensemble of Funa in 1423—1475)*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Kogonashvili, K. K., Makhneva, O. A. 1974. In *Feodal'naia Tavrika (Feodal Taurica)*. Kiev: Naukova dumka, 111—123 (in Russian).
- Kondaraki, V. Kh. 1883a. *V pamiat' stoletiiia Kryma. Topograficheskii obzor poluostrova (To the anniversary of 100 years of Crimea. Topographical overview of the peninsula)*. Moscow (in Russian).
- Kondaraki, V. Kh. 1883b. *V pamiat' stoletiiia Kryma. Istoriia i arkeologiya Tavridy (To the anniversary of 100 years of Crimea. History and archaeology of Taurida)*. Moscow (in Russian).
- Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovi Belgorod na Dnestre (Medieval Belgorod on Dniester)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

- Kramarovskiy, M. G. 2009. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 39, 301—313 (in Russian).
- Kuznetsov, A., Mukhin, V. 1998. *Ialta i okrestnosti. Progulki so slovarom (Ialta and surroundings. Walking with an dictionary)* 1. Yalta (in Russian).
- Kutasov, S. N., Seleznev, A. B. 2010. *Natel'nye kresty, krestovkliuchennyye i krestovidnyye podveski (Baptismal crosses, cruciform pendants and pendants included into the cross)*. Moscow: Gruppa "Iskatell" (in Russian).
- Lozhkin, M. N., Malakhov, S. N. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-archaeological almanac)* 2, 202—209 (in Russian).
- Lysenko, A. V. 2011. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2010 (Archaeological investigations in Ukraine in 2010)*. Kiev; Poltava, 223—224 (in Russian).
- Lysenko, A. V., Teslenko, I. B. 2012. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 28. *Drevniia i srednevekovaiia Tavrika (Ancient and medieval Taurica)*. Donetsk: Donbass, 103—122 (in Russian).
- Mayko, V. V. 2004. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu (A medieval fortified settlement on the Tepsen' plateau in South-Eastern Crimea)*. Kiev: Akadempriodika (in Russian).
- Mayko, V. V. 2012. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Problems of history and archaeology of Ukraine: materials of the 8th international conference)*. Kharkiv: OOO "NTMT", 88—89 (in Russian).
- Malgin, A. V. 1995. In *Krymskii muzei 1994 (Crimean museum 1994)* (1). Simferopol: Tavriia, 151—169 (in Russian).
- Malm, V. A. 1968. In *Slaviane i Rus'. K shestidesiatiletiu akademika Borisa Aleksandrovicha Rybakova (Slavs and Russia. To the anniversary of 60 years from the birth of the academician Boris Aleksandrovich Rybakov)*. Moscow: Nauka, 113—117 (in Russian).
- Malm, V. A. 1980. *Simferopol'skii klad. Sokrovishcha Gosudarstvennogo ordena Lenina istoricheskogo muzeia (Simferopol treasure. Treasures of the Order of Lenin State Historical Museum)*. Moscow: Vneshtorgizdat (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and archaeological research in Azov and Lower Don regions in 2004)* 21. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei, 308—472 (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2007. In *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X—XVIII vv.: II mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (Glazed pottery of the Mediterranean and Pontic regions in the 10th–18th centuries: IInd international scientific conference)*. Yalta, 86—87 (in Russian).
- Merezhkovskiy, K. S. 1881. In *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian geographic society)* XVI, 106—146 (in Russian).
- Moskvich, G. 1899. *Prakticheskii putevoditel' po Krymu (Practical traveller's companion through Crimea)*. 8th ed. Odessa (in Russian).
- Moskvich, G. 1907. *Putevoditel' po Krymu (A traveller's companion through Crimea)*. 16th ed. Vladikavkaz (in Russian).
- Musin, A. E. 2005. *Milites Christi Drevnei Rusi. Voinskaia kul'tura russkogo sredizemnomor'ia v kontekste religioznogo mentaliteta (Milites Christi of the Ancient Rus'. Warrior culture of the Russian Mediterranean in the context of religious mentality)*. *Militari Antiqua VIII*. Sankt-Peterberg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Mukhin, V. V., Kuznetsov, A. Ya. 2007. *Krymskie gory: vozvrashchenie k istokam: Zanimatel'noe posobie dlia ekskursovodov i peshekhodov (Crimean mountains: back to the origins: An entertaining textbook for guides and pedestrians)*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Myts, V. L. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 224—242 (in Russian).
- Myts, V. L. 1991. *Ukrepleniia Tavriki X—XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th—15th centuries)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Myts, V. L. 2002. In *Alushta i alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta region from the most ancient times to present)*. Kiev: Stilos, 139—189 (in Russian).
- Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and conflicts)*. Simferopol: Universum (in Russian).
- Novichenkova, N. G. 2002. In *Khristianstvo na Iuzhnom beregu Kryma. Materialy Krymskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (24 noiabria 2000 g.) (Christianity on the southern shore of Crimea. Materials of the Crimean scientific-practical conference (24 November 2000))*. Yalta, 10—13 (in Russian).
- Novichenkova, N. G. 2005. In *VIII Dmitrievskie chteniia (27—28 marta 2003 g.): istoriia Iuzhnogo berega Kryma (8th Dmitriev readings (27—28 March 2003): history of the southern shore of Crimea)*. Simferopol: Magistr, 16—20 (in Russian).
- Parshina, E. A. 1974. In *Feodal'naia Tavrika (Feodal Taurica)*. Kiev: Naukova dumka, 56—94 (in Russian).
- Petrovskiy, V. A., Trufanov, A. A. 1996. In *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma (Problems of archaeology of ancient and medieval Crimea)*. Simferopol: Tavriia, 136—142 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1963. In *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and glass of the ancient Tmutarakan)*. Moscow: Akademii nauk SSSR, 5—72 (in Russian).
- Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona (Amphorae from the complexes of the byzantine Chersonessos)*. Ekaterinburg (in Russian).
- Ryzhov, S. G. 1999. In *Drevnosti 1997—1998. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities 1997—1998. Khar'kov historical and archaeological annual)*. Kharkiv: Biznes Inform, 168—180 (in Russian).
- Ryzhov, S. G., Sedikova, L. V. 1999. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos compilation)* 10, 312—329 (in Russian).
- Sagaydak, M. A., Sergeeva, M. S., Mikhaylov, P. S. 1997. In *Drevnosti 1996 (Antiquities 1996)*. Kharkiv, 31—42 (in Russian).
- Sazanov, A. V., Ivashchenko, Yu. F. 1994. In *Bosporskii sbornik (Bosporan bulletin)*. Moscow, 179—186 (in Russian).
- Sorokina, N. P. 1963. In *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and glass of the ancient Tmutarakan)*. Moscow: Akademii nauk SSSR, 134—174 (in Russian).
- Stepanova, Yu. V. 2010. In *Slaviano-russkoe iuvelirmoe delo i ego istoki (Slavic-Russian jewellery and its origins)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 293—305 (in Russian).
- Tallis, D. L. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 63—87 (in Russian).

- Teslenko, I. B. 2000. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie. Issledovaniia i materialy (Bulgarians in the Northern Pontic region. Researches and materials)*. Veliko Tamovo: Sv. Kiril i Metodii, 153—168 (in Russian).
- Teslenko, I. B., Semin, S. V., Lysenko, A. V. 2002. In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii) (Orthodox antiquities of Taurica (a compilation of materials on church archaeology))*. Kiev: Stilos, 169—171 (in Russian).
- Teslenko, I. B., Lysenko, A. V. 2004. In «*O drevnostiakh luzhnogo berega i gor Tavricheskikh*»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiiia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) („On the antiquities of the southern shore and mountains of Taurica”: A compilation of scientific works (after the materials of the conference to celebrate the anniversary of 210 years from the birth of Petr Ivanovich Keppen)). Kiev: Stilos, 260—296 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2010. In *Drevnosti (Antiquities)* 9. Kharkiv, 216—234 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2011. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 60—68 (in Ukrainian).
- Teslenko, I. B. 2012. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 28. *Drevniaia i srednevekovaiia Tavrika (Ancient and medieval Taurica)*. Donetsk: Donbass, 225—246 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2012. In *Drevnosti (Antiquities)* 11. Kharkiv: OOO “NTMT”, 223—236 (in Russian).
- Turova, N. P. 2002. In *VI Dmitrievskie chteniia. Istoriia luzhnogo berega Kryma (VI Dmitriev readings: history of the southern shore of Crimea)*. Simferopol: Tavriia-Plus, 10—11 (in Russian).
- Turova, N. P. 2005. In *Tserkovnye drevnosti. Sb. materialov III Mezhdunar. konf. «Tserkovnaia arkheologia: liturgicheskoe ustroistvo khramov i voprosy istorii khristianskogo bogoslužheniia» (Sevastopol', 2003) (Church antiquities. Compilation of materials of the III International conference “Church archaeology: liturgical arrangement of temples and questions of history of Christian divine service” (Sevastopol, 2003))*. Simferopol: Universum, 240—248 (in Russian).
- Turova, N. P. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Ialtinskogo gorodskogo soveta AR Krym v 2010 g. (Report on the archaeological field-walking on the territory of Ialta city council of AR Crimea in 2010)*. Nauchnyi arkhiv NAN Ukrainy. Fond ekspeditsii-2011 (Scientific archive of NAN of Ukraine. Expeditions fund-2011) (in Russian).
- Turova, N. P. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Ialtinskogo gorodskogo soveta AR Krym v 2011 g. (Report on the archaeological field-walking on the territory of Ialta city council of AR Crimea in 2011)*. Nauchnyi arkhiv NAN Ukrainy. Fond ekspeditsii-2012 (Scientific archive of NAN of Ukraine. Expeditions fund-2012) (in Russian).
- Turova, N. P. 2012. *Volins'ki starozhitosti (Archaeological investigations in Ukraine 2011. Volynian antiquities)*, 132—136 (in Russian).
- Firsov, L. V. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* II (35), 214—227 (in Russian).
- Shorokhova, T. S. 2012. *Sviashchennyi obraz Tavridy: Pravoslavnye sviatyni Kryma v izobrazitel'nom iskusstve. Al'bom (Sacred image of Taurida: Orthodox relics of Crimea in art. An Album)*. Simferopol: N. Oreanda (in Russian).
- Yakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyi Khersones (Early medieval Chersonesos)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and researches on the archaeology) 17 (in Russian).
- Yakobson, A. L. 1970. *Rannesrednekovye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki (Early medieval rural settlements of South-Western Taurica)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and researches on the archaeology) 168 (in Russian).
- Yakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki. (Ceramics and ceramic production of medieval Taurica)* Leningrad: Nauka (in Russian).
- Hayes, J. W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery*. Princeton: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Davidson, G. R. 1952. The minor objects. *Corinth (Results of excavations)* XII. Princeton.
- Vroom, J. 2005. *Byzantin to modern pottery in the Aegen — 7th to 20th century*. Utrecht: Parnassus Press.
- Waksman, S. Y., Teslenko, I. 2009. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology*, 357—375.
- Wartburg, M.-L. 2007. Chronology and stratigraphy of the Medieval Pottery of Cyprus: a critical review. In: Böhlendorf-Arslan B., Uysal A. O., Witte-Orr J. (eds.). *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts*. BYZAS (7), 419—440.
- Waksman, Y. 2012. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople/Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study. *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23—27 novembre 2009, a cura di Sauro Gelichi*. Venezia, 147—151.

Статья поступила в номер 6 июля 2013 г.

Natalia Turova (Yalta, Ukraine). Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences¹.

Natalia Turova (Yalta, Ucraina). Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Турова Наталья Петровна (Ялта, Украина). Институт археологии Национальной Академии наук Украины, Крымский филиал.

E-mail: turova.n@gmail.com

Address: ¹ Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 95007, Ukraine

Таланты и лепты античного мира

Talents and Lepta of the Antiquity
Talente și lepte ale antichității

В. П. Алексеев, П. Г. Лобода

Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций

Keywords: Olbia, Kyzikos, ancient coins, Greek polis, religion, symbol, extrapolation, sociality, politics.

Cuvinte cheie: Olbia, Cizic, monede antice, polis grecesc, religie, simbol, extrapolare, socialitate, politică.

Ключевые слова: Ольвия, Кизик, античные монеты, греческий полис, религия, символ, экстраполяция, социальность, политика.

V. P. Alexeev, P. G. Loboda

Religious Motives of Some Coins of Olbia and Kyzikos as Means of Sociopolitical Leaflets

The Dionysian typology of the new version of the hemiobol "Bucranion-Thyrus" (№1) and the essential idea of the Orphic cult of Dionysus — liberation of the soul from the body prison — give the reasons to surmise the extrapolation of this idea by olbiopolites into the socio-political plane where it turned into the proclamation of the liberation of Olbia in the beginning of the 4th century BC from their own tyrants and the Scythian protectorate. The dichalk "Demeter-eagle upon dolphin" presents the new magistrate's name abbreviation APTE... (№2), and the sacral scene of excruciation being the "emblem" of Olbia is transformed into a symbol of the victory of democracy. On the borysphenes (№3, 4 — re-stamped and new monograms — №5—7), the Scythian pole-axe and bow in gorytus are considered not only the symbols of Borysphenes' authority but also as the weapons of mix-Hellenic mercenaries protecting the domain and the boundaries of Olbia. It is possible that the borysphenes were coined specifically to pay for their services. Rare dichalk "Apollo-wreath, palm-branch" is presented (№8). The protective function of the sphinx and the gryphon on the published coins of Kyzikos (№9, №10) were used for different purposes. Hekta with a sphinx (500—460 BC) is considered as Kyzikos' wish for protection during the Ionian Revolt and its defeat. On the stater (460—400 BC), the letter "lambda" is understood as the symbol of Lacedaemon state and possibly witnesses of Kyzikos submission to Sparta.

V. P. Alexeev, P. G. Loboda

Motivete religioase de pe unele monede din Olbia și Cizic drept mijloc al proclamărilor social-politice

Tipologia dionisiacă a noii variante a hemiobolului „bucraniiu-tirs” (nr. 1) și ideea principală a cultului orfic al lui Dionis — eliberarea sufletului din corpul-temniță — permit să presupunem extrapolarea acestei idei de către locuitorii Olbiei în sfera social-politică, unde ea apare drept proclamarea eliberării Olbiei de sub tiranii locali și protectoratul scitic la începutul sec. IV î.e.n. Dihalkul „Demetra — vulturul pe delfin” este prezent cu un nou nume de magistrat „APTE...” (nr. 2), iar scena sacrală de sfârșiere, devenită „blazonul” Olbiei, este reinterpretată drept simbolul victoriei democrației. Pe monedele-borisfene (nr. 3, 4 — reemise și cu monograme noi — nr. 5—7) securea și arcul în gorit scitice reprezintă nu doar simbolurile de putere a Borisfenului, ci și armele mercenarilor mixelini, aflați la straja teritoriului și hotarelor Olbiei. Anume pentru remunerarea acestora, posibil, erau emise monedele-borisfeni. Interesant este dihalcul rar întâlnit „Apollo — coroană, creangă de palmier” (nr. 8). Funcția protectoare a sfînxului de pe monedele din Cizic, publicate aici (nr. 9, nr. 10) era utilizată în diverse scopuri. Hekta cu sfînx (anii 500—460 î.e.n.) poate reflecta necesitatea Cizicului de a fi protejat în perioada răscoalei ionice și devastării acestuia. Pe un stater (anii 460—400 î.e.n.), litera „lambda” poate fi interpretată în calitate de semn al statului Lakedemon — posibil, reflectând supunerea Cizicului Spartei între anii 411—405 î.e.n. — iar grifonul apare drept străjerul noului conducător al orașului.

В. П. Алексеев, П. Г. Лобода

Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций

Дионисийская типология нового варианта гемиобола «букраний-тирс» (№1) и главная идея орфического культа Диониса — освобождение души от тела-тюрьмы — дали основание предполагать экстраполяцию этой идеи ольвиополитами в социально-политическую плоскость, в которой она стала пониматься как прокламация освобождения Ольвии в начале IV в. до н.э. от собственных тиранов и скифского протектората. Дихалк «Деметра-орел на дельфине» представлен с новым магистратским именным сокращением APTE... (№2), а сакральная сцена терзания, ставшая «гербом» Ольвии, переосмысливается в символ победы демократии. На борисфенах (№3, 4 — перечеканенных и с новыми монограммами — №5—7) скифские секира и лук в горите рассматриваются не только как символы власти Борисфена, но и как оружие миксэллингов-наемников, охранявших владения и границы Ольвии. Для оплаты их службы, возможно,

и предназначались выпуски борисфенов. Представлен редкий дихалк «Аполлон-венок, пальмовая ветвь» (№8). Охранительная функция сфинкса и грифона на публикуемых монетах Кизика (№9, №10) использовалась для разных целей. Гекта со сфинксом (500—460 гг. до н.э.) рассматривается как стремление Кизика в период Ионийского восстания и его разгрома к обретению защиты. На статере (460—400 гг. до н.э.) буква «лямбда» понимается как знак государства Ланкедемон, что, возможно, свидетельствует о подчинении Кизика Спарте в период 411—405 гг. до н.э., а грифон предстает как страж нового властителя города.

Монетное производство в Северном Причерноморье, в частности, в его западном регионе, на самых первых этапах своего становления было связано с религией. Монетовидные знаки в виде «стрелок» и «дельфинов» служили, как полагают многие, вотивами — являлись собственностью божества, соответственно, Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния. Религия, являясь частью мировоззрения, не была изолирована в рамках своей сферы, а питала идеями, хотя и в трансформированном виде, другие его стороны. Смысловая нагрузка изображений на монетах, как правило, была многоплановой. Нередко она содержала в себе несколько семантических уровней. На первом происходило визуальное восприятие изображения в прямом его значении (виноград, пшеничные колосья, лира, орел, тунец), на втором — постижение этих предметов в религиозном осмыслении, как атрибутов богов, соответственно, Диониса, Деметры, Аполлона, Зевса, Посейдона. В некоторых случаях, особенно часто в эллинистическую эпоху, ликам богов придавали черты лиц простых смертных, т.е. происходил процесс обмирщения, секуляризации сакральных образов. Такое же примерно «обмирщение» происходило и с некоторыми функциями богов: наиболее важные из них транслировались в социально-политическую сферу. Это происходило при совпадении монетных выпусков с переломными для полиса историческими событиями. В таких случаях на монеты помещали изображения тех богов, сакральные свойства которых отвечали сути социального и политического содержания данного исторического явления. Переноса типичные для тех или иных богов религиозные функции на новый идеологический уровень, тем самым превращали их в прокламации идей определенных слоев общества. В сознании граждан сакральные свойства богов экстраполировались в политическую сферу и приобретали роль символа общегражданского значения. Так происходило прагматическое использование сакрального фактора для выражения социально-политических потребностей государства. В одних случаях этот процесс выявляется достаточно ясно и убедительно, в других — менее определенно, через косвенные данные.

Подобный подход, в принципе, имел место и при анализе семантических уровней в изображениях сцен т.н. «благотерзания», представляющего синтез натуралистического и социального символизма (см. Кузьмина 1976: 57—62; 1976а: 69; Алексеев 1990: 52—54; Полидович 2006: 360—365; 370—373).

В данной статье при публикации новых вариантов монет Ольвии и найденных в ее окрестностях гекты и статера г. Кизика анализ производится не только с сугубо нумизматической позиции — типология их рассматривается также с идеологической точки зрения.

Ольвийские монеты

Серебряные монеты с типами «букраний-тирс» и с этником в разном сокращении — ОΛΒΙ на старшем номинале и ОΛ на младшем — это первые государственные монеты полиса, основанного греческими колонистами в Нижнем Побужье. Эти редчайшие эмиссии сложились в однотипную серию, состоящую из обола и гемиобола. Дадим описание нового гемиобола.

№1

Л.с. Букраний, украшенный жертвенной посвятельной повязкой.

О.с. Тирс, по сторонам которого расположены одна на другой буквы — $\overline{\Omega}\overline{\Gamma}$.

Серебро. Д. — 12 мм, в. — 0,9 г (рис. 1: 1). Монета найдена в окрестностях Ольвии (колл. Г. И. Макандарова).

Аналогии: Карышковский 1960а: 301, рис. 2, №2; 2003: табл. V=A, №6, та же монета; Анохин 1989: табл. III: 25.

Было установлено, что изображения на монетах всех номиналов этой серии тесно связаны с культом Диониса. Некоторые исследователи в этих предметах видят не только символы Диониса, а непосредственный образ этого бога (Иванов 1994: 108; Русяева 1978: 101). Если островному (или морскому) культу Диониса были свойственны двойная секира (или лабрис), бык и виноград, то материковому (или горному) его культу — тирс и плющ (Иванов 1994: 107, 126—129, 131, 288). Бык являлся, как известно, атрибутом многих божеств, но особенно тесно был связан с культом Диониса. Букраний же характеризовал

Рис. 1. Монеты Ольвии: первой половины IV в. до н.э. №1 — гемиобол, №2 — дихалк, №3—7 — оболы; монета 70—65 гг. до н.э. — №8 — дихалк; монеты Кизика: №9 — гекта (500—460 гг. до н.э.), №10 — статер (460—400 гг. до н.э.).

Fig. 1. Coins of Olbia: first half 4th century BC. №1 — hemiobol, №2 — dichalk, №3—7 — obols; coin 70—65 BC — №8 — dichalk; coins of Kyzikos: №9 — hecta (500—460 BC), №10 — stater (460—400 BC).

этого бога как бога умирающей и воскресающей природы, а также как покровителя душ умерших, даровавшего им блаженство. Букраний символизировал Диониса как хтонического бога. Отличительной чертой дионисийского оргиазма было отождествление жертвы (в частности, быка) с божеством, которому она приносилась в дар (Зайцева 1971:

96, 97; Иванов 1994: 283). Поэтому изображения букрания на монетах античного мира рассматривались как образы самого Диониса. Суть же оргии Диониса заключалась в экстазе, при котором происходило выхождение души из «тела-гроба», освобождение от обычных норм жизни и непосредственное общение души с богом (Иванов 1994: 169, 186,

211; Русяева 1978: 90, 94, 96). Если все эллинские божества олицетворяли закон, то только «один Дионис провозглашал и осуществлял свободу» (Иванов 1994: 56). В символах — букрании и тирсе — отражено орфическое понимание культа Диониса, в котором вопросы жизни и смерти, вера в бессмертие души занимали главное место (Русяева 1978: 90—103). Основная религиозная идея культа орфического Диониса — освобождение души от тела-тюрьмы — могла быть сконцентрирована в самом общем виде в понятии «освобождение» и экстраполирована в социально-политическую и военную сферы для прокламации на монетах полиса («букраний-тирс») освобождения Ольвии от двойного гнета — от собственных тиранов и скифского протектората (рубеж V—IV вв. или начало IV в. до н.э.) (см. Виноградов 1989: 138—140; Карышковский 1988: 52). В Ольвии найдены фрагменты постамента статуи неизвестного по имени ольвиополита, убившего тирана, а также несколько посвящений Зевсу Элевтерию начала IV в. до н.э. (Виноградов 1989: 135—137, 141—145). В связи с этими событиями становится понятным появление изображения тирса на рассматриваемых серебряных монетах. Этот предмет представлял собой охотничье копье, увитое плющом (или увенчанное шишкой пинии). Он служил священным оружием, «хоругвью вакхов». Ему приписывалось чудотворное могущество и неодолимая сила. В метафоре «тирс — исступленный» однозначно понимался ее смысл — смерть от тирсов. В этом смертоносном символе видели самого Диониса (Иванов 1994: 107, 108). Исходя из этого смыслового значения тирса, его появление на данных ольвийских монетах допустимо понимать не только как оружие самого Диониса, несшее смерть его врагам. Семантика этого предмета, перенесенная в сферу социально-политического сознания ольвиополитов, обусловленного конкретными историческими событиями, могла перерасти в символ, знаменующий неотвратимую гибель внутренним и внешним врагам Ольвии. Впервые появившийся на исследуемых ольвийских монетах этникон свидетельствует об их государственном характере, о власти гражданской общины и ее независимости (Карышковский 1988: 53; 2003: 125, 126; Виноградов 1989: 140—143).

П. О. Карышковский объединил данную группу серебряных монет в одну серию с бронзовыми ассами «Горгона-орел на дельфине, ОΛΒΙ» (Карышковский 1988: 53). В. А. Анохин, исходя из разнотипности их с указанными серебряными монетами, счи-

тает эти выпуски разновременными (Анохин 1989: 22). На сегодняшний день нам известны семь серебряных однотипных монет — три монеты старшего номинала (оболы) и четыре младшего (гемиоболы) (см. табл. 1)¹. Старший номинал данной серии впервые был введен в научный оборот П. О. Карышковским (Карышковский 1960: 301, рис. 2, №1). Младший номинал стал известен с 1913 г. (собрание А. М. Романова), и сейчас этот экземпляр находится в Британском музее (см. Карышковский 1960: 301; Анохин 1989: 104, №25).

При рассмотрении параметров данных монет (см. табл. I) выявляются парадоксальные соотношения диаметров и весов публикуемого гемиобола (№4) с показателями некоторых монет старшего номинала — оболлов. Диаметр гемиобола (№4) — 12 мм — оказывается больше диаметров некоторых оболлов (№2, 3) — 8 мм и 9 мм, а вес этого же гемиобола (0,9 г) почти тождественен весу каждого из указанных оболлов — 0,91 г. Диаметры изданных гемиоболлов — 8 мм, 7 мм (№5—7) в сущности почти равны диаметрам некоторых оболлов — 9 мм, 8 мм (№2, 3). Странность величин диаметров наблюдается и при сравнении оболлов №1 и №2 — диаметр первого (15 мм) почти в два раза больше диаметра второго (8 мм). Эти факты позволяют заключить, что дифференцирующим фактором в определении величины номиналов монет данной серии становятся не обычные показатели — типология, диаметр, вес, а характер написания этника и форма его сокращения на реверсах. Чем объясняются странности в весовых отношениях между номиналами монет этой серии? Нам кажется, что причина кроется в способе изготовления данных серебряных монет. Они создавались не поштучно на заготовленных отдельных кружках с отведенным для них индивидуальным весом, а с использованием метода юстировки веса *al marco*. Другими словами, монетариям выделяли для чеканки некоторого количества монет строго фиксированную в граммах массу серебра, необходимую для изготовления этих монет. Мастер же распределял на каждую монету металл не абсолютно точно, а приблизительно, с колебанием веса от средней нормы. В итоге важным было то, чтобы общий вес выделенного металла со-

¹ Для наглядности и большей концентрации внимания на особенностях параметров номиналов рассматриваемых монет, их соотношений опустим на таблице основные изображения их сторон. Отметим только, что посвятельные, жертвенные повязки имеются на букраниях монет №1, 4.

ответствовал сумме весов отчеканенных монет (см. Зограф 1951: 40). Так, в нашем случае средний арифметический вес всех трех старших номиналов, обол, получится равным 1,04 г, а средний вес четырех младших номиналов, гемииобол, будет составлять 0,58 г, т.е. примерно половину веса обол.

В монетном деле Ольвии отмеченное явление — не единичный случай. Так, в серии серебряных монет II в. до н.э., состоящей из трех номиналов — статера «Геракл-палица», драхмы «Аполлон-лира» и гемидрахмы «Артемиды-оружие» — обнаруживаются нарушения в соотношении весов между этими номиналами. Вес драхмы (4,91 г) оказывается выше некоторых весов статов (4,6 г — 4,73 г), вес гемидрахмы (2,37 г) близок весам драхм (2,35 г, 2,4 г) или равен им (веса гемидрахм — 2,1 г, 2,2 г и веса драхм — 2,14 г, 2,2 г) и более того — встречаются веса гемидрахм (1,8 г — 1,89 г), которые превышают вес драхмы (1,27 г) (см. Карышковский 2003: 47, 48, табл. 10; 11; 12).

№2

Л.с. Голова Деметры вправо.
О.с. Орел со сложенными крыльями на дельфине, клюющий его в голову, влево, под дельфином надпись — АРТЕ.
Медь. Дихалк. Д. — 15,5×15 мм, в. — 4,1 г. (рис. 1: 2).
Аналогии: Анохин 1989: табл. IV, №29, 30, 35—40, 42—46; Нечитайло 2000: 24, 25, №100—130; Карышковский 2003: табл. LXXIII; LXXIV; LXXXV.
Публикуемая монета принадлежит к выпускам первых чеканенных медных монет Ольвии, которые датируются концом первой — началом третьей четверти IV в. до н.э. (Карышковский 2003: 180). Особенностью данной монеты, определяющей ее уникальность, является сокращение нового магистратского имени — АРТЕ. Расшифровывается оно в имена Артемидор, Артемон (см. Карышковский 2003: 133). Вследствие того, что на реверсе нашей монеты имеется вполне заметный след от вдавленного, хотя и округленного квадрата, ее следует отнести к первым эмиссиям подобных монет (ср. с одной из таких монет, на реверсе которой четко видно прямоугольное углубление от квадратного штампа: Карышковский 2003: 404, табл. VIII=A, №1). Суть содержания сцены терзания на реверсах подобных монет («орел, клюющий дельфина»), ставшей «гербом» Ольвии, как и во всех сценах терзания у разных народов, была единой — это «победа»: победа порядка над ха-

Таблица 1.
Параметры серебряных ольвийских монет «букраний-тирс»

№	Типы надписей	Диаметр, мм	Вес, г	Источники
Параметры обол				
1	ОΛ ΒΙ	15	1,30	Алексеев, Лобода 2013: 118, №3
2	ΟΛ ΙΒ	8	0,91	Карышковский 1960: 301—305, рис. 2, №1; Анохин 1989: 104, №24 (та же монета)
3	ΟΛΒΙ	9	0,91	Нечитайло 2000: 21, №73
Параметры гемииобол				
4	ΟΛ ΤΤ	12	0,90	Публикуемая монета (колл. Макандарова)
5	— « —	7	0,53	Карышковский 1960: рис. 2, №2
6	— « —	7	0,51	Анохин 1989: 104, №25; Нечитайло 2000: 22, №74
7	— « —	8	0,40	Алексеев, Лобода 2008: 202, №3 (колл. Макандарова)

осом, света — над тьмой, добра — над злом, жизни над смертью (см. Алексеев 1990: 50 и литературу по этому сюжету — там же: 55, ссылки №2—6). Транскрибируясь в социальную сферу, сцена терзания дельфина орлом на «гербах» Синопы, Истрии и Ольвии (вторая половина V — начало IV в. до н.э.), возможно, понималась как победа демократической формы правления в каждом из этих родов (Алексеев 1990: 51—55).

№3

Л.с. Голова Борисфена влево, за головой виден от предыдущего типа хвост орла и добавочный символ в виде «лука в горите».
О.с. Секира, лук в горите, слева монограмма Α, справа снизу вверх надпись ΟΛΒΙ, вершины букв обращены к центру. Последняя буква — «Ο» не отпечаталась из-за оставшейся части прежнего изображения — нижней части человеческого лица (Деметры).
Медь. Обол. Д. — 24 мм, в. — 10 г. (рис. 1: 3).
Публикуемая монета, т.н. «борисфен», относящийся к первой группе (ΙΒ) подобных монет по классификации П.О. Карышковского, перечеканен на ольвийской монете, оболе «Деметра-орел на дельфине». Такие редкие перечеканки, без полного уничтожения прежних типов, в литературе зафиксированы

(см. Карышковский 1968: 64, 74, табл. I: 8; XI: 6, 7).

№4

Л.с. То же.

О.с. То же, но от прежнего типа остался только добавочный символ «лук в горите», который не дал возможности отчеканиться монограмме.

Медь. Обол. Д. — 25×24 мм, в. — 13,1 г. (рис. 1: 4).

Данный борисфен также перечеканен на оболе с типами «Деметра — орел на дельфине», от изображения реверса этого типа сохранился на борисфене дифферент в виде «лука в горите». Вес представленного борисфена принадлежит к группе монет, обладающих наиболее высокими весами (см. Карышковский 1968: 71, табл. 1, группы IB, IV).

№5

Л.с. То же.

О.с. То же, но слева перед секирой помещена боком монограмма — .

Медь. Обол. Д. — 25 мм, в. — 13,3 г. (рис. 1: 5).

Данная монограмма состоит из двух букв — ЕК. В литературе зафиксирован ее графический вариант — , который имеется на золотом и серебряных статерах и первом выпуске борисфенов (Карышковский 1988: 66; Анохин 1989: 106, №94, 96, 127). Отличие нашей монограммы состоит в том, что в букве «эпсилон» содержится ее срединный «язычок», а расходящиеся гасты «каппы» протянуты до концов верхней и нижней гаст эпсилона. В этих особенностях данной монограммы состоит уникальность публикуемой монеты. Обычно в исследованиях эти буквы трактуются как начальные буквы распространенного в Ольвии имени Εκατεων (Гекатеон, Гекатоним) (Карышковский 2003: 134). Некоторые нумизматы отождествляли это имя с именем эпонима 320 г. до н.э. Гекатеона Пантаклова (Николаев, Снытко 2010: 16, табл. I). В настоящее время Н. И. Николаев изменил свое мнение в отношении значения букв в монограмме и трактует их как сокращение имени и патронимика, но в обратном порядке — не ЕК, а КЕ, в результате чего эти буквы расшифровываются так: Καλλιnikos Ευξενου (Каллиник, сын Евксена) (Николаев 2013: 473). Нам кажется, такая трактовка букв в данной монограмме вполне допустима и весьма заманчива. Ведь этот магистрат, как видно из почетного декрета IOSPE I²25+31, был инициатором денежной реформы, по которой произошла

смена крупных ассов борисфенами, примерно в 331—330 гг. до н.э., т.е. в период осады Ольвии Зопирионом (Виноградов 1989: 153—164; Николаев 2013: 472). Наличие на отмеченных выше золотых и серебряных статерах и первых эмиссиях борисфенов единой для них указанной монограммы подтверждает Каллиника Евксенова как автора состоявшейся денежной реформы.

Кроме нового варианта известной монограммы на публикуемом борисфене следует отметить его высокий вес — 13,3 г, наибольший среди изданных борисфенов первых выпусков (см. Карышковский 1968: 71, табл. I, I—III группы).

№6

Л.с. То же.

О.с. То же, но монограмма другая — .

Медь. Обол. Д. — 23,5×23 мм, в. — 11,9 г. (рис. 1: 6).

Борисфен с указанной монограммой в доступной нам литературе не зафиксирован. Монограмма состоит из двух букв — «омикрона» и «каппы». Вследствие того, что параметры представленного борисфена указывают на его принадлежность первым выпускам таких монет, а в ономастике Ольвий IV в. до н.э. засвидетельствовано имя Κολανδαχης, то поэтому, возможно, в нашей монограмме заключены две начальные буквы этого имени. Оно прочерчено на чернолаковом килике (см. Книпович 1956: приложение I, №229). В лапидарных надписях Ольвии конца III — II в. до н.э. обнаружено имя Κωνων, а в наговоре на свинцовой пластинке первой половины I в. до н.э. вписано имя Κοχχιων (см. Книпович 1956: приложение I, №102, 103; №278). Более вероятным кажется, что в рассматриваемой монограмме отражены начальные буквы одного из двух первых имен.

На борисфенах существуют всего четыре монограммы с буквой «омикрон», в которых другим важным конструктивным элементом является буква «эпсилон» (см. Карышковский 1968: табл. XII: 5; Анохин 1989: табл. XXXII: 23, 57; Нечитайло 2000: 38, №257). Борисфен с монограммой — «омикрон», вмещающий «каппу», — публикуется впервые.

№7

Л.с. То же.

О.с. То же, но монограмма — .

Медь. Обол. Д. — 25,5 мм, в. — 12,6 г. (рис. 1: 7).

Уникальность данного борисфена определяется наличием на нем неизвестной монограммы. Она представляет, на наш взгляд,

синтез двух букв — «пи» и «дельты» (или нечетко вырезанной «альфы»?), поставленных боком. Нормативное их положение, думается, будет выглядеть так — . Среди монограмм на борисфенах нам не удалось найти ей аналогию. Думается, что эту монограмму следует отнести к группе монограмм, не поддающихся осмыслению и чтению (см. Карышковский 2003: 290, №167—183).

Указанные параметры всех публикуемых здесь борисфенов и художественный стиль изображения речного божества позволяют отнести их к первым эмиссиям этих монет (IA-B, IIA-B), которые датируются 330—320 гг. до н.э. (Карышковский 1968: 64, 65, 76, табл. 4).

Чтобы объяснить появление данных монетных типов на рассматриваемых ободах, необычное внимание к ним ольвиополитов, особый характер выпусков этих монет, чеканившихся столь длительное время — на протяжении примерно 100 лет (330—240 гг. до н.э. — см. Карышковский 1968: 76, табл. 4)?

Греческие колонисты Нижнего Побужья около середины VI в. до н.э. учредили культы речных божеств — Борисфена (Днепра) и Гипаниса (Буга). Изображение речного рогатого божества на ольвийских монетах, т.н. «борисфенах», исследователи трактовали по-разному — то как персонификацию Днепро-Бугского лимана (Яйленко 1980: 80, №71, табл. X: 1), то как олицетворение реки Буга, ссылаясь на сообщение Геродота о том, что Ольвия расположена на берегу реки Гипанида (Нер. IV, 18, 1; 53, 6). Исходя из того, что Ольвию древние часто называли городом борисфенитов — Борисфеном, дочь речного бога Борисфена, по одной из скифских легенд, являлась праматерью скифов, а его сын Тоант в одном из причерноморских мифов предстает как царь местных племен, П.О. Карышковский полагал, что больше оснований определять речное божество на данных ольвийских монетах все-таки у тех, кто видит в этом боге Борисфена (Карышковский 1968: 81). Если на монетах первых эмиссий облик Борисфена выражен в духе суровой архаики — подчеркнуто нечеловеческое начало, поражающее своим грозным величием и даже варварской дикостью (см. Карышковский

1968: табл. I: 1, 3; Анохин 1989: табл. X: 129), то на последующих выпусках в изображениях Борисфена ясно проступают черты скифского этнического типа (см. Карышковский 1968: 67, 82, табл. III: 11; IV: 4—10), и даже с отражением отдельных индивидуальных особенностей лиц современников — «портретов» (см. Анохин 1989: табл. XII: 150, 153, 154, 157—159, 161, 163)³.

Греки-колонисты, осваивая новые земли, стремились включить в свой пантеон божества окружавших их варварских племен, в первую очередь те из них, которые непосредственно были связаны с местностями, на которых эллины поселились. Среди чужих богов находили аналогии своим исконным богам. Помещая изображение бога местной реки Борисфена на своих монетах, ольвиополиты стремились тем самым наладить контакт с окружающими их племенами, главным образом со скифами. С течением времени в результате браков эллинов этого региона с племенами варваров образовалась новая этническая группа населения — миксэллины. Таким образом, можно думать, что изображения Борисфена на монетах ольвиополитов приобретали и этнополитическую окраску — с помощью прокламации его изображений укреплялись дружеские отношения с местными племенами, и процесс ассимиляции их становился более органичным.

Изображение на реверсах борисфенов скифского оружия является яркой демонстрацией указанной идеологической направленности. Лук был основным скифским оружием, а в секире исследователи усматривают предмет, служивший знаком достоинства военачальников небольших отрядов скифского войска (Іллінська 1961: 46, 47). При этом следует напомнить, что в скифском варианте этногонической легенды говорится о секире, которая была символом их первого мифического царя Колакся (Нер. IV, 5—7). Поэтому предположение о том, что секира на реверсах борисфенов могла демонстрировать власть бога Борисфена (Карышковский 1968: 82), думается, вполне приемлемо. Некоторые видят в изображениях Борисфена защитника полиса (Русяева 1992: 138). На ранних выпусках борисфенов обух секиры трактован в виде головы орлиноголового грифона с зубчатым гребнем, который на обухе имитируется с помощью коротких отростков (см. Карышковский 1968:

² На подавляющем числе борисфенов вертикальные оси монограмм расположены перпендикулярно по отношению к оси древка секиры. Ось же монограммы на нашей монете показана параллельно секире, как и монограмм в редких других случаях (см. Карышковский 1968: табл. II: 1; IV: 10; VII: 2—4; VIII: 5; и те же монограммы на табл. XII: 12, 25, 57—59, 68).

³ См. подробно об этапах эволюции художественного стиля в изображениях Борисфена на ольвийских монетах: Карышковский 1968: 64—70; Анохин 1984: 7—16; Алексеев 1999: 74, 75, 85, 86.

81, табл. I: 1—11). На редких экземплярах монет обух секиры представлен в виде головы коня (см. Алексеев 1996: 5, 6, рис. I; Алексеев, Лобода 2013: 76, №8). Такие же декоративные формы обухов секир имеются на некоторых скифских секирах (см. Іллінська 1961: 45, рис. 11, №3; Кубышев и др. 1982: 140, рис. 10, 11). В скифском искусстве орлиноголовый грифон выступает как зооморфное воплощение обоих потусторонних миров — «верхнего» и «нижнего», т.е. мира смерти в различных ипостасях. В модели мироздания индоиранцев среди различных связей коня со всеми «мирами» особо выделяется его связь с погребальным обрядом, его роль в перемещениях из мира живых в мир мертвых (Кузьмина 1976а: 71—73; Раевский 1985: 42, 150). Таким образом, в семантическом плане головы грифона и коня в определенных ситуациях маркируют мир смерти. По логике магии присутствие голов этих животных на обухах секир, изображенных на борисфенах, усиливали смертоносную функцию этого оружия. Апелляция ольвиополитов к символам военной мощи скифов — луку и секире — на своих полисных медных монетах, борисфенах, отчеканенных вскоре после благополучно выдержанной осады города Зопирионом в 331 г. до н.э., возможно понимать как знак признания ольвиополитами заслуг их союзников скифов в защите их города от македонского войска. Однако такой мемориальный характер этого оружия не мог долго сохраняться, тем более на всем протяжении выпуска борисфенов (примерно около 100 лет). Хотя секира и лук по материальной природе, безусловно, скифские, но это вовсе не означает, что эти виды оружия обязательно олицетворяли скифские воинские силы. Тем более, что отношения ольвиополитов с варварским миром не были дружескими постоянно. В первой половине III в. до н.э. они превращаются во враждебные (Виноградов 1984: 54, 57; стк. 13—31; Виноградов, Марченко 1991: 153). В III в. до н.э. античные государства Северного Причерноморья, в том числе Ольвия, лишились гаранта скифского царя и знати и вступили в сложный период приспособления к новым реалиям (Виноградов, Марченко 1991: 153). Следовательно, на фоне этих изменившихся исторических событий изображение скифского оружия на борисфенах и последующих выпусках монет Ольвии уже не могли являться символом военных сил скифов. Хотя легковооруженная часть пехоты Ольвии, представлявшая ополченцев, применяла лук и стрелы скифского типа, но основу пехоты составляли гоплиты, вооруженные копьями и мечами (Блаватский 1954: 74, 75, 79). Но вместе с тем,

на борисфенах изображено не оружие гоплитов, а секира и лук в горите. Исходя из этих соображений, была предложена гипотеза: на данных монетах представлены предметы вооружения миксэллинов (Алексеев 2001: 129). Это была группа людей, возникшая от смешанных браков эллинов с местным варварским населением, но с большой примесью скифского этнического элемента, т.к. в окружавших Ольвию варварских племенах преобладали скифы (Шафранская 1956: 38, 43, 45). Миксэллины — это военная группа населения, обладавшая личной свободой, но лишенная политических прав, в течение долгого времени охраняла хору и границы Ольвийского полиса и представляла собой, в сущности, отряды наемников (Шафранская 1956: 45—47). Другие исследователи видят в миксэллинах «военнообязанных земледельцев» (Карышковский, Клейман 1985: 74) или «зависимое военно-земледельческое население», «посаженное некогда для обработки ольвийской хоры и охраны границ полиса» (Виноградов 1989: 183, прим. 18). В декрете третьей четверти III в. до н.э. в честь Антестерия говорится о том, что ольвиополиты вместе с миксэллинами в какой-то прошлой войне одержали победу (Виноградов 1984: 57; 1989: 180). На монетах Ольвии с 330 г. до 240 г. до н.э. господствуют местные мотивы — божество реки Борисфен, лучник в скифской одежде⁴. Спустя некоторое время после этого, примерно в период 230—220 гг. до н.э., по свидетельству декрета в честь Протогена, датированного временем, близким к 210 г. до н.э., ольвиополитам пришлось подарками и подкупам убеждать военачальников миксэллинов перейти на свою сторону (Виноградов 1989: 181, 182, прим. 16). В этот период на монетах Ольвии образ Борисфена вытесняется изображениями эллинских богов — Зевса, Деметры, Геракла и Аполлона, а скифское оружие на некоторых монетах еще сохраняется. В дальнейшем, по словам Протогеновского декрета, миксэллины «были совращены врагами» (Виноградов 1984: 66 сл.; 1989: 183). С этого же времени, после 210 г. до н.э., с ольвийских монет полностью исчезают мотивы, связанные с какими-либо представлениями местного населения. Нам кажется, такая синхронность в появлении, сохранении и исчезновении монетных типов

⁴ Видеть в этом стрелке воина-защитника косвенно позволяет изображение на аверсе этих монет головы Тихе в башенной короне, которая выступала в роли защитницы города. Ее культ в Ольвии появился одновременно с установлением в этом городе культа ее отца Зевса Элевтерия после победы демократических сил полиса (Русяева 1992: 121).

Ольвии в рассмотренный период времени в зависимости от политических взаимоотношений ольвиополитов с миксэллинами на разных его этапах не случайна.

Кризис полиса в эллинистическую эпоху был и кризисом его военных институтов. Военная опора полиса в виде гражданского ополчения в той или иной форме, вероятно, также была трансформирована. Миксэллины представляли собой внушительную силу по количеству населения. По подсчетам одних исследователей, оно составляло около 7500 человек (Отрешко 1982: 40), другие определили их число порядка 6000 (Крыжицкий и др. 1989: 148). Из декрета в честь Протогена (IOSPE I², 32B.5—21) следует, что миксэллинов-воинов было 1500 человек (см. Шафранская 1956: 47). По одной гипотезе, для содержания миксэллинов, новой формы военной организации Ольвии — «наемников», «военнообязанных земледельцев», для оплаты их службы и предназначались монеты, названные «борисфенами» (см. аргументацию этого предположения — Алексеев 2001: 128—133). Нам видится именно в этом их особая роль и необычное место в денежном обращении Ольвии (см. мнение специалистов, подтверждающих экстраординарный характер выпусков борисфенов — Зограф 1951: 131; Карышковский 1968: 76).

В изображении стрелка, одетого в скифскую одежду, на реверсе ольвийских монет с именем Сострата конца IV — начала III вв. до н.э. (Парович 1957: 159; Карышковский 1962: 92) допустимо видеть, по одной из гипотез, не скифа, не ольвиополита, а скорее всего, миксэллина (Алексеев 2001: 130, 131, табл.: №2—4). Основанием этому служат следующие наблюдения. Думается, что ольвиополиты на своих монетах вряд ли поместили бы изображение рядового скифского пехотинца, подневольного дружине знатных скифских всадников (конных стрелков), которые составляли ядро скифского войска, а скорее — представителя этой воинской элиты. Ольвиополитом данный лучник также не мог быть — этому противоречат его длинные волосы⁵, в некоторых случаях налобная повязка, а также кафтан, стянутый поясом, узкие, плотно облегающие штаны — ведь эти виды скифской одежды ольвиополиты заимствовали у варваров только со II—I вв. до н.э. (Цветаева 1984: 236). Поэтому в изображении стрелка

на рассмотренных монетах нам видится фигура миксэллина — воина, наемника, охранявшего владения и границы Ольвийского государства.

№8

Л.с. Безбородая голова (Аполлона?) вправо.

О.с. Ветвь (пальмовая?) и венок с лентами.

Медь. Дихалк. Д. — 16 мм, в. — 4,1 г. (рис. 1: 8).

Аналогии: Нечитайло 2000: 69, №594 (д. — 15 мм, в. — 3,5 г); Алексеев, Лобода 2008: 128, №14 (д. — 14 мм, в. — 2,44 г).

Публикуемая монета чрезвычайной редкости, т.н. анэпиграфной серии ольвийских монет митридатовской эпохи. Это средний номинал, дихалк — старший номинал «Аполлонкифара», тетрахалк, и младший «лира-звезда», халк. По нашим сведениям, данный дихалк — это всего третий экземпляр среди изданных. Штемпели сторон новые. Он обладает наибольшим диаметром — 16 мм, и весом — 4,1 г (см. выше аналогии). Найдена монета в окрестностях Ольвии.

В изображении безбородой головы на аверсе нам видится голова Аполлона. Это и мужские черты лица, и длинные волосы. Косвенное подтверждение этого мы находим в изображениях реверса. Хотя ветвь по форме длинных листьев не может быть лавровой ветвью, а, видимо, пальмовой, но и последняя входила в сферу символов Аполлона. В архаическое время она была атрибутом хтонического Аполлона, растительной стадии его культа (Лосев 1996: 310, 311). Однако в эллинистическую эпоху пальмовая ветвь в основном ассоциировалась с богиней Победы — Никой, став ее атрибутом. На реверсе рядом с этой ветвью, обладающей двойственной семантикой, находится изображение венка, украшенного лентами. В религии древних греков венок был символом сакральной чистоты и высшим знаком отличия (Сон 1993: 22), служил наградой не только в спортивных состязаниях, но и в общественной жизни, за заслуги перед родным городом. Лавровые венки служили призом победителям на Пифийских празднествах в Дельфах в честь Аполлона. В Ольвии найдены шесть надписей I в. до н.э., предшествующих гетскому разгрому, свидетельствующих о награждении золотыми венками (Скржинська 2002: 97—99). Думается, что не будет большим риском предположить, что венок на наших монетах может быть лавровым. Таким образом, и пальмовая ветвь, и лавровый венок в семантическом плане так или

⁵ Иногда длина волос доходила до пояса или они были завязаны на затылке в клубок (см. Подшивалов 1884: 9, №88, табл., №88а; Алексеев 2001: 130, табл.: №2—4).

иначе связаны с выражением идеи «победы». Синтез этих символов склоняет нас к пониманию изображения на лицевой стороне дихалков как головы Аполлона, а помещение его образа и символов на всех трех номиналах серии говорит о целенаправленной и настойчивой прокламации ольвиополитами своего главного бога — Аполлона. Совокупность указанных факторов не случайна, она служила, вероятно, выражению определенной идеи. В чем же она состояла? Кратко обратимся к историческим событиям того времени.

После смерти Скилура ольвиополиты нуждались в заступничестве, и помощь городу оказал Митридат Евпатор, «освободитель эллинов», «новый Дионис». В первые годы его опеки политика царя была благотворной, но после ряда поражений Митридата в нескольких войнах отношение его к Ольвии резко изменилось — стали урезываться и сокращаться автономные права граждан (Виноградов 1989: 257, 258). Реакцией на это и было появление образа Аполлона и его символов на монетах анэпиграфической серии всех номиналов. Ведь Аполлон выступал в сознании греков прежде всего как защитник греческих переселенцев-колонистов и избавитель от неприятностей, как организатор греческой общины, ее покровитель и защитник гражданских прав. Не случайно появление на монетах рассматриваемой серии лиры — символа организатора космоса — и звезд, служащих атрибутами Аполлона — устроителя жизни (см. Русяева 1992: 38, 44, 48, 49). Показательным для выражения этой протестной идеи было и то, что одновременно с безраздельным господством Аполлона и его символов на всех монетах рассматриваемой серии, монеты ее старшего номинала перечеканивались на понтийских монетах Митридата.

Таким образом, присутствие изображений Аполлона и лиры на монетах старшего номинала рассматриваемой серии воспринимается в контексте их семантики и упомянутых исторических событий как символическое воплощение политического протеста граждан Ольвии против власти Митридата, урезавшего их права и запретившего помещать на монетах имя городской общины. Защиту от этого ольвиополиты видели в заступничестве Аполлона. Победно-праздничный характер, проявленный в изображениях на реверсах дихалков — с их пальмовой ветвью и лавровым венком с лентами — свидетельствует о вере граждан Ольвии в возможную достижимость своей цели — обретения освобождения.

Аналогичная картина наблюдается и на Боспоре. На последних выпусках монет

Пантикапея митридатовской эпохи (70-е гг. до н.э.) исчезают мотивы Понтийского царства и образы Диониса (Митридата) и возникают изображения Аполлона, главного бога города, и его символов («Аполлон — орел», обол, «Аполлон — треножник», тетрахалк). Причем тетрахалки Пантикапея перечеканивались на понтийских тетрахалках. Думается, что отмеченные совпадения не случайны. Они однозначно свидетельствуют об отторжении ольвиополитами и пантикапейцами власти Митридата, в частности, демонстративной прокламацией образа своего главного бога — Аполлона, его символов. Такие их действия не могут расцениваться иначе как проявление протеста против понтийского царя (см. Виноградов 1989: 260).

Наше понимание семантики изображений на монетах Ольвии анэпиграфной серии согласуется с мнением тех исследователей, которые полагали, что начало процесса выхода Ольвии из митридатовской державы началось еще до смерти ее основателя, т.е. в конце 70-х или начале 60-х гг. I в. до н.э. (Шелов 1962: 102; Виноградов 1989: 258—263). В силу сказанного все монеты анэпиграфной серии Ольвии должны датироваться не последними годами царствования Митридата — 65—63 гг. до н.э., а несколькими годами раньше (70—65 гг. до н.э.).

Монеты Кизика из окрестностей Ольвии

№9

Л.с. Присевший сфинкс на тунце влево. Правая лапа и серповидные крылья подняты, голова повреждена.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре малых квадрата тонкими линиями креста, поверхность малых квадратов почти гладкая.

Электр. Гекта. Д. — 10×0,95 мм, в. — 2,68 г. (рис. 1: 9). Найдена на Аджиголе.

По критериям К. Реглинга, сохранность монеты «II» (со слабыми следами обращения — см. Regling 1931: 3).

Аналогия: Fritze 1912: Taf. II: 26 (IIa).

Публикуемая гекта относится к первой подгруппе второй группы (IIa) кизикинов, по классификации Г. Фритце, которая датируется 500—460 гг. до н.э. (см. Булатович 1970: 73, со ссылкой на мнение А. Бретт, прим. 6). Среди монет младших номиналов Кизика, найденных в Ольвии, представленная монета является первой с изображением сфинкса (см. Карышковский 1960: 8, табл. 1, №1—12; Пиворович 2009: 116).

№10

Л.с. Львиноголовый грифон, бегущий вправо. Голова повернута назад, из раскрытой пасти высунут длинный язык. Правое крыло серповидной формы поднято вверх. Из-за него перекинута на лицевую часть фигуры грифона левое крыло (или пальмовая ветвь?). Конеч хвоста, закрученный петлей, поднят над спиной и обращен к голове. Передние лапы вытянуты вперед. Правая задняя нога опирается на тунца, согнутые части левой ноги прижаты друг к другу. Под ногами грифона изображен тунец. Слева за задней ногой грифона помещен знак в виде буквы «лямбда» (Λ).

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре малых квадрата, обладающих бугристой поверхностью.

Электр. Статер. Д. — 20×18 мм, в. — 16,01 г. (рис. 1: 10). По критериям К. Реглинга сохранность монеты «II» (со слабыми следами обращения) (Regling 1931: 3).

Публикуемому статеру Кизика в доступных для нас изданиях не удалось найти близкой аналогии. Существуют статеры с изображением статичной фигуры грифона (сидящего, стоящего), львиноголового грифона с поднятой лапой влево (Fritze 1912: Taf. III: 20, группа IIb, c) и его протомы (Булатович 1970: 74, №1, II гр. — 500—460 гг. до н.э.), но статера с бегущим грифоном мы не обнаружили. Вторая особенность представляемого статера — поворот грифона вправо. На всех известных нам статерах Кизика грифоны любого типа изображены влево (см. Fritze 1912: Taf. II: 6—8; III: 17, 19, 20; Regling 1931: 6, №2, Taf. 1, №2; Фролова 2004: 55, приложение 2, №12, табл. II: 12; 56, №25, табл. III: 10; Бутягин, Чистов 2004: №57). Третьей особенностью является обращенная назад голова грифона. На кизикинах изображались разные животные (баран, собака, львица, бык) с повернутой назад головой (чаще на мелких фракциях). Грифона же с обращенной назад головой нам не удалось найти ни на одном номинале. И, наконец, последняя особенность нашего статера — наличие на нем знака в виде буквы «лямбда» (Λ). Все отмеченные признаки публикуемого кизикина позволяют определить его как уникальный экземпляр. По фактурному типу вдавленного квадрата — бугристая поверхность («мелкая неровность», по С.А. Булатович) малых квадратов — данный статер Кизика следует отнести к группе IIIa, датируемой 460—400 гг. до н.э. (см. Булатович 1970: 73, 75 со ссылкой на уточненную хронологию А. Бретт).

В изображении грифона следует выделить экспрессивную композицию, усиливающую динамичность его фигуры, и декоративность.

Передние лапы резко выставлены вперед, части задней ноги, плотно сжатые друг к другу, напряжены и как пружина в любую секунду готовы распрямиться, устремляя тело к прыжку. Обращенные друг к другу голова и закрученный в петлю кончик хвоста несколько уравнивают композицию. В изображениях хищных животных хвост, заброшенный на спину и загнутый концом в кольцо, связывают с особо сильным их эмоциональным напряжением, часто в сценах борьбы и терзания (Полидович 2002: 197, 199, 201, рис. 6, №3, 6—8; см. Луконин 1977: 19 — золотая пластина из Зивие; 33 — рукоять и ножны акинака; Пугаченкова 1959: 72, рис. 1, №1, 2). Яростно высунутый из пасти длинный язык наряду с деформацией некоторых частей тела грифона (крыльев и левой ноги) усиливает впечатление грозного чудовища, сближая его с экспрессивными фигурами животных скифского «звериного стиля». Декоративность и стилизация ярко проявляются в трактовке серповидного крыла грифона (четкий ритм ступенчато уменьшающихся параллельных и изогнутых перьев) и шерсти на шее (в виде частокола множества коротких отростков, монотонно чередующихся от головы до живота грифона). Нельзя не отметить фантазию и творческую смелость резчика штемпеля лицевой стороны публикуемого кизикина.

Образ грифона в семантическом плане многогранный. Его изображения характерны для ионийских и скифских памятников VII—VI вв. до н.э. Широкое распространение он получил и в искусстве Ирана. Львиноголовый грифон известен в Иране с VI в. до н.э. (Пугаченкова 1959: 72, 83, рис. 1: 1, 2 — ахеменидский барельеф и печать с грифонами). Грифон, даже его греческий тип, является продуктом древневосточного искусства (Погребова 1948: 62). Впервые о грифоне сообщил в Аримаспеи Аристей Проконеский. Он считал, что этот образ был заимствован с Востока, из Индии или с территории аримаспов и гипербореев, где грифоны охраняли золото (Стефани 1865: 51—56). Другие сведения указывают на Бактрию, которую греки считали «родиной» грифона (Пугаченкова 1959: 83). На монетах изображение грифона пользовалось популярностью — кроме монет Кизика, этот мотив часто встречается на монетах Абдеры, Теоса, Фокеи, Смирны, Самоса, Ликийи и Ионии. Грифон изображался в соседстве с разными богами — Зевсом, Афиной, Гермесом, Гераклом, но особенно часто с Аполлоном. В Милете храм Аполлона был украшен парными фигурами орлиноголовых и львиного-

ловых грифонов (Стефани 1865: 59, 87, 89). В мифотворчестве древних греков закрепились связь Аполлона с гиперборейями. Истоки культа Аполлона как повелителя гиперборейских земель находятся в малоазийском культе этого божества. Аполлон каждые 19 лет отправлялся в страну этого народа на грифоне, хозяине этих земель. На боспорских пеликах с конца V в. до н.э. изображались образы мифов о гиперборейях, Аполлоне и грифонах. Грифон стал атрибутом Аполлона и занял главное место в сюжетах боспорской торевтики — грифономахии. В сознании греков Аполлон выступал как бог солнечного света, а грифон являлся слугой солнца (Онайко 1977: 153—159; 154, рис. 1; 155, рис. 2; 159, рис. 3; Островерхов 2005: 236—239). Главной же функцией грифона была функция охранительная. Он страж не только золота, но и всего, где появлялось его изображение. Как и сфинксы, грифоны служили апотропеем, начиная от стенок и ножек кресел (Стефани 1865: 64), парных скульптур этих животных во дворце Скила в Ольвии (Нер. IV, 79) и до природных богатств Боспора — хлеба и рыбы, отраженных на золотых и медных его монетах (Брабич 1959: 90—92). В этом смысле грифоны орлиноголовые и львиноголовые были равнозначны друг другу (Стефани 1865: 59, 60; Шелов 1950: 66—68).

Рассмотрим, в какой мере можно трактовать на монетах Кизика образы грифона и сфинкса в политическом аспекте. О роли изображения сфинкса на монетах данного города косвенно могут свидетельствовать определенные исторические события, развернувшиеся в Малой Азии в период выпуска публикуемой гекты с изображением сфинкса (500—460 гг. до н.э.). В 500 г. до н.э. вспыхнуло восстание ионийских городов во главе с Милетом против Персидской державы. В 493 г. до н.э. произошло взятие и разрушение Милета персами. Кизик же почти не пострадал от их карательных операций. В 478 г. до н.э. Кизик нашел защиту у Афин. Именно в период с 500 г. до 460 г. до н.э. на монетах Кизика мы наблюдаем концентрацию изображений орлиноголовых грифонов (см. Fritze 1912: Taf. II, 6—9; Taf. III, 17—20; Regling 1931: S. 6, №2; Фролова 2004: 55, №11, 12; 56, №25; Бутягин, Чистов 2004: №4, 57, 64) и сфинксов (см. Fritze 1912: Taf. II, 24—30; Бутягин, Чистов 2004: №36). В истории монетного дела Кизика никогда больше не появляются в таком количестве изображения орлиноголовых грифонов и сфинксов, служащих символами защиты города от врагов.

Греки использовали образ львиноголового грифона как эмблему их борьбы против персов. Не случайно и в более позднее время его изображение появляется на александровских статерах (после битвы при Иссе) как украшение на шлеме Афины вместо змеи (Зограф 1951: 176 со ссылкой на мнение Дж. Фр. Гилла). Появления львиноголового грифона на золотых статерах Пантикапея, конкурирующих с дариками, вероятно, отражали враждебное отношение к Персии (Зограф 1951: 176). Также объяснимы изображения львиноголового грифона на монетах Кизика (см. Fritze 1912: Taf. III: 20), т.к. этот город на протяжении своей истории был врагом Персидской империи (см. Булатович 1996: 13, 14).

Как можно трактовать изображение львиноголового грифона и добавочный символ в виде «лямбды» на публикуемом статере, отчеканенном в период 460—400 гг. до н.э.?

Многие зарубежные и отечественные нумизматы полагают, что монетные типы кизикинов являются «эмблемами» магистратов, ответственных за выпуски этих монет, хотя имеются и другие мнения. У. Каршtedт считает, что только первые их выпуски были государственными, а последующие являлись частными. Заказчиками выпусков кизикинов были зажиточные люди или богатые семьи (Kahrstadt 1939: 94—96). Р. Вайл допускал, что и другие города заказывали на монетном дворе Кизика монеты со своим гербом или важным для города монетным типом (Weil 1906: 58). Анализируя изображение на аверсе нашего статера, возникает вопрос, как понимать знак в виде буквы «лямбда» («Λ»), ведь на монетах Кизика никогда не помещались буквы или надписи, кроме единственного зафиксированного случая со статером, содержащим изображение богини Элевтерии с соответствующей ей надписью (см. Fritze 1912: Taf. VI: 27, IV Gr.; Булатович 1970: 80, №41, табл. III: 41). Конечно, это может быть одним из дифференгов, дополнительной отличительной меткой для мастера-монетария⁶. Однако, нам кажется, что эта буква могла означать и нечто другое. Попробуем это выяснить.

Кизик после 478 г. до 405 г. до н.э. находился в основном под контролем Афин.

⁶ Нечто подобное обнаружено на статере с изображением сфинкса, позади головы которого имеется добавочный символ в виде трудноопределяемого знака (свастики или буквы «пси»?) — см. Пиворович 2009: 114, монета в предпоследнем ряду (в. 16,1 г), и такую же монету другого штемпеля в увеличении: Бутягин, Чистов 2004: №36.

Монетный двор Кизика считали даже филиалом афинского монетного двора, вторым центром его монетного производства (Штейнванд 1930: 14; Зограф 1951: 41). Однако на определенных этапах истории Кизик оказывался под властью Спарты. Известно, что в 411—410 гг. до н.э. Кизик перешел на сторону Спарты (Карышковский 1959: 81). В 407 г. до н.э. военачальник лакедемонян Лисандр, который в скором времени (в 405 г. до н.э.) завершит поражение Афин, организовал в малоазийских городах и, вероятно, в Кизике олигархическое правление, объединив их посредством системы гетерий (Тюменев 1937: 104). Думается, что в подобные периоды зависимости этого города Спарта могла диктовать ему свою волю. Если другие города могли заказывать на монетном дворе Кизика монеты со своими гербами или специфичными для них монетными типами (см. выше)⁷, то в условиях подчинения этого города лакедемонянам предположение о том, что появление на публикуемом статере буквы «лямбда», начальной буквы страны Лакедемон, как государственного ее знака, обретает некую опору. Косвенное подтверждение такой возможности мы видим в аналогии со статерами коринфского типа V—IV вв. до н.э., которые чеканились в Сиракузах — на их аверсе под пегасом находится архаического вида буква «коппа», а на реверсе вокруг головы Афины — этникон Сиракуз (см. Зограф 1951: 99). Такими же торговыми монетами в несколько более позднее время были монеты городов-колоний Коринфа, на которых вместо «коппы» под пегасом помещались начальные буквы названия городов — А для Амвракии, Δ — Диррахия, Θ — Тиррея, Λ — Левкады (Зограф 1951: 100, табл. VIII: 5, 6, 12, 13). Цель прагматическая — воспользоваться устоявшейся на рынках надежной репутацией монеты для продвижения собственной монеты на рынки греческих городов. В нашем же случае преследовалась не экономическая выгода, а пропагандно-политическая цель. О том, что лакедемоняне в букве «лямбда» видели государственный знак своей страны, могут свидетельствовать щиты их воинов с этой буквой. Полагают, что во время Пелопоннесской войны в полиэтнических армиях стали появляться на щитах воинов знаки в виде начальных букв названий их стран, и именно лакедемоняне первыми изобразили на своих щитах на-

чальную букву своего государства. По аналогии с практикой афинян, которые, имея на своих щитах аббревиатуру АΘΕ (и даже в виде одной буквы «Α»), использовали ее и на своих монетах середины VI — начала V в. до н.э. (см. Нефёдкин 2002: 122, 125), мы предполагаем, с учетом всего вышеизложенного, что буква «лямбда» на исследуемом статере означала государственный символ страны Лакедемон. Вследствие того, что основной функцией грифона была функция охранительная, то его появление на публикуемом статере перед «лямбдой», с предложенным ее смысловым значением, следует понимать как знак защиты им государства лакедемонян. Уникальность рассмотренного статера (различные особенности его изображения, добавочный символ в виде знака «Λ») свидетельствует об экстраординарности самого его выпуска. Причиной же появления этого статера с указанным знаком, возможно, было подчинение Кизика Спарте.

Осознавая гипотетический характер нашей трактовки семантики изображений на публикуемом статере Кизика, мы все же рискнули ее представить, преследуя при этом главную цель — привлечь внимание специалистов разных профилей к этому необычному нумизматическому памятнику.

Публикуемые гекта и статер были найдены случайно в окрестностях Ольвии. Анализ П.О. Карышковским обращения кизикинов в Ольвии и на Боспоре показал, что если в Ольвии все найденные кизикины в кладах и вне территории города являлись статерами, то мелкие его фракции — гекты и гемигекты — происходят из случайных находок, чаще в черте города, и датируются временем до 480 г. до н.э. На Боспоре кизикины в виде статеров использовались для крупных расчетов с иноземными торговцами и для накопления сокровищ в кладах. В Ольвии же, где не было своих серебряных монет до конца V в. до н.э., мелкие фракции статеров служили заменителем серебра на местном рынке (Карышковский 1960: 7—10, табл. 1, №1—12). Статеры Кизика известны в Ольвии в виде двух кладов — 1965 г. (Булатович 1970а: 222—224, восемь штук II-ой группы) и начала 1980-х годов (Пиворович 2009: 114, 115, десять штук). Статер Кизика с изображением Горгоны находился в числе нескольких десятков монет, в частности, со статерами г. Лампсак в кладе у с. Козырка Очаковского района (см. Пиворович 2009: 117), другой статер с изображением двуликой головы был найден на о. Березань в 2002 г. (Пиворович 2009: 116, монета в нижнем ряду). Кизикины

⁷ В период господства Афин над Кизиком на его монетах появляются характерные для Афинского государства типы — голова Афины, фигуры Геи с младенцем Эрихтонием, Кекропа, Триптолема (см. Fritze 1912: Taf. II: 17, 20; IV: 19, 20; V: 5, 6, 11).

младших фракций статера — гекты известны по случайным находкам в начале нашего века на Аджиголе (с типами «лотос, тунец, голова коня», «безбородая голова в шлеме») и из небольшого клада (девять гект), найденного в Широкой Балке (с изображениями головы льва, протома льва, львицы, го-

ловы Афины, безбородой головы, сирены, барана, датируемых VI в. до н.э.) (Пиворович 2009: 116). Таким образом, и новые сведения о находках кизикинов на территории Ольвийского государства в принципе согласуются с приведенным выше наблюдением П. О. Карышковского.

Литература

- Алексеев В. П. 1990. О семантике городских «гербов» Синопы, Истрии и Ольвии. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев: Штиинца, 49—58.
- Алексеев В. П. 1996. К вопросу о семантике скифского оружия на «борисфенах». В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: Астропринт, 5—7.
- Алексеев В. П. 1999. О монетном искусстве Ольвии классического и раннеэллинистического времени. *Stratum plus* (6), 74—83.
- Алексеев В. П. 2001. О «скифском оружии» на ольвийских монетах и об этнической принадлежности лучника на монетах с именем ΣΩΣΤΡΑ. *Археологія* (2), 128—134.
- Алексеев В. П., Лобода П. Г. 2008. *Материалы по нумизматике и археологии древнего Северного Причерноморья*. Одесса: КП Одесская городская типография.
- Алексеев В. П., Лобода П. Г. 2013. *Исследования монет античных городов Северного Причерноморья*. Одесса: ФЛП «Фридман А. С.».
- Анохин В. А. 1984. «Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии. В: Крыжицкий С. Д. (отв. ред.). *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 3—36.
- Анохин В. А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Блаватский В. Д. 1954. *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: Академия наук СССР.
- Брабич В. М. 1959. Об охранительном назначении грифонов на монетах Пантикапея IV в. до н.э. *КСИА АН УССР* 9, 90—92.
- Булатович С. А. 1970. Клад кизикинов из Орловки. *ВДИ* (2), 73—86.
- Булатович С. А. 1970а. Клад кизикинов из Ольвии. *СА* (2), 222—224.
- Булатович С. А. 1996. Кизик и Афины в V—IV вв. до н.э. по нумизматическим данным. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: Астропринт, 13, 14.
- Бутягин А. М., Чистов Д. Е. 2004. *Мирмекийский клад*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Виноградов Ю. Г. 1984. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма. *ВДИ* (1), 51—86.
- Виноградов Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э.* Москва: Наука.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. *СА* (1), 145—155.
- Зайцева К. И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия. В: Горбунова К. С. (науч. ред.). *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Аврора, 84—106.
- Зограф А. Н. 1951. *Античные монеты*. МИА 16. Москва: Академия наук СССР.
- Иванов Вяч. 1994. *Дионис и прадионисийство*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Іллінська А. 1961. Скiфські сокири. *Археологія* XII, 27—52.
- Карышковский П. О. 1959. Ольвия и Афинский союз. *МАПП* III, 57—100.
- Карышковский П. О. 1960. Об обращении кизикинов в Ольвии. *НЭ* II, 3—13.
- Карышковский П. О. 1960а. Заметки о монетах Ольвии. *СА* (3), 301—309.
- Карышковский П. О. 1962. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма. *МАСП* 4, 87—107.
- Карышковский П. О. 1968. Ольвийские «борисфены». *НС* III, 62—85.
- Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- Карышковский П. О. 2003. *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Одесса: ЧП «Фридман А. С.».
- Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. *Древний город Тира*. Киев: Наукова думка.
- Книпович Т. Н. 1956. Население Ольвии в VI—I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников. *МИА* 50, 119—153.
- Крыжицкий и др. 1989: Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. 1989. *Сельская округа Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- Кубышев А. И., Николаева А. В., Полин С. В. 1982. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. В: Тереножкин А. И. (отв. ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 130—148.
- Кузьмина Е. Е. 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. В: Мелюкова А. И., Мошкова М. Г. (отв. ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, 52—65.
- Кузьмина Е. Е. 1976а. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе. *СА* (3), 68—75.
- Лосев А. Ф. 1996. *Мифология греков и римлян*. Москва: Мысль.
- Луконович В. Г. 1977. *Искусство древнего Ирана*. Москва: Искусство.
- Нефёдкин А. К. 2002. Развитие эмблематики на древнегреческих щитах. *ВДИ* (3), 116—129.
- Нечитайло В. В. 2000. *Каталог античных монет Ольвии (VI в. до н.э. — III в. н.э.)*. Киев.
- Ніколаєв М. І. 2013. Видатні історичні постаті у монограмах елліністичних монет Ольвії. В: Немченко І. В. (гл. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 471—478.
- Николаев Н. И., Снытко И. А. 2010. Эпонимный календарь и монетные магистраты Ольвии IV—I вв. до н.э. В: Бруяко И. В. (отв. ред.). *Записки отдела нумизматики и торевастики Одесского археологического музея*. Одесса: СМІЛ, 9—25.

№6. 2013

- Онайко Н.А. 1977. Аполлон Гиперборейский. В: Кобылина М.М. (отв. ред.). *История и культура античного мира*. Москва: Наука, 153—160.
- Островерхов А.С. 2005. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (кон. VI—III в. до н.э.). В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии 2*. Донецк: Донецкий государственный университет, 219—265.
- Отрешко В.М. 1982. 3 історії Ольвійського поліса в VI—I ст. до н.е. *Археологія* 41, 34—46.
- Парович М.Б. 1957. Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхі. *Археологія* XI, 157—159.
- Пиворович В.Б. 2009. *Монеты и клады юга Украины*. Херсон: Штрих.
- Погребова Н.Н. 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. *КСИИМК* XXII, 62—67.
- Подшивалов А.М. 1884. *Каталог монет Московского публичного и Румянцевского музеев 1*. Москва: Гербек.
- Полидович Ю.Б. 2002. Природное и мифологическое в скифских изображениях. В.: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии 1*. Донецк: Донецкий государственный университет, 189—204.
- Полидович Ю.Б. 2006. Хищники и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии 3*. Донецк: Донецкий государственный университет, 355—398.
- Пугаченкова Г.А. 1959. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. *СА* (2), 70—84.
- Раевский Д.С. 1985. *Модель мира скифской культуры*. Москва: Наука.
- Русяева А.С. 1978. Орфизм и культ Диониса в Ольвии. *ВДИ* (1), 87—104.
- Русяева А.С. 1992. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- Скржинська М.В. 2002. Золоті вінки — нагороди ольвіополітів. *Археологія* (2), 97—101.
- Сон Н.А. 1993. *Тира римского времени*. Киев: Наукова думка.
- Стефани Л. 1865. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 году в Южной России. *ОАК за 1864 г.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 3—246.
- Тюменев А.И. 1937. Общий кризис рабовладельческой системы. Пелопоннесская война. В.: Ковалев С.И. (ред.). *История древнего мира*. Т. 3. *Древняя Греция*. Москва: СОЦЭКГИЗ, 68—110.
- Фролова Н.А. 2004. Кизикины из собрания государственного исторического музея. *ВДИ* (4), 40—58.
- Цветаева Г.А. 1984. Одежда и украшения. В: Рыбаков Б.А. (глав. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Москва: Наука, 236, 237.
- Шафранская Н.В. 1956. О миксэллинах. *ВДИ* (3), 38—48.
- Шелов Д.Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. *КСИИМК* XXXIV, 62—69.
- Шелов Д.Б. 1962. Тира и Митридат Евпатор. *ВДИ* (2), 95—102.
- Штейнванд Г.Д. 1930. Кизикський гект Одеського музею у зв'язку з електровим карбуванням міста Кізка. *Вісник Одеської Комісії краєзнавства при Українській Академії наук, секція археологічна* (4/5). Одеса: Укрполіграф, 7—25.
- Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* (3), 75—116.
- Fritze H. 1912. Die Elektronprägung von Kyzikos. *Nomisma* VII, 34—56.
- Kahrstadt U. 1939. Athenische Wappenmünzen und Numismatik. *Deutsches Jahrbuch für Numismatik* (11), 85—98.
- Regling R. 1931. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. *Zeitschrift für Numismatik* XLI, 1—46.
- Weil R. 1906. Das Münzmonopol Athens im ersten attischen Seebund. *Zeitschrift für Numismatik* XXV, 52—62.

References

- Alexeev, V. P. 1990. In *Numismaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi Evropy* (Numismatic researches into the history of South-Eastern Europe). Kishinev: Shtiintsa, 49—58 (in Russian).
- Alexeev, V. P. 1996. In *Drevnee Prichernomor'e* (Ancient Pontic region). Odessa: Astroprint, 5—7 (in Russian).
- Alexeev, V. P. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (6), 74—83 (in Russian).
- Alexeev, V. P. 2001. In *Arkheologiiia* (Archaeology) (2), 128—134 (in Russian).
- Alexeev, V. P., Loboda, P. G. 2008. *Materialy po numizmatike i arkheologii drevnego Severnogo Prichernomor'ia* (Materials on numismatics and archaeology of ancient Northern Pontic region). Odessa: KP Odesskaia gorodskaiia tipografiia (in Russian).
- Alexeev, V. P., Loboda, P. G. 2013. *Issledovaniia monet antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia* (Studies on coins of ancient cities from Northern Pontic region). Odessa: FLP „Fridman A. S.” (in Russian).
- Anokhin, V. A. 1984. In *Antichnaia kul'tura Severnogo Prichernomor'ia* (Ancient culture in Northern Pontic region). Kiev: Naukova dumka, 3—36 (in Russian).
- Anokhin, V. A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia* (Coins of ancient cities in North-Western Pontic region). Kiev: Naukova dumka.
- Blavatsky, V. D. 1954. *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia* (Essays on warfare in the ancient states of Northern Pontic region). Moscow: Akademiiia nauk SSSR (in Russian).
- Brabich, V. M. 1959. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR) 9, 90—92 (in Russian).
- Bulatovich, S. A. 1970. In *Vestnik drevnei istorii* (Bulletin of Ancient History) (2), 73—86 (in Russian).
- Bulatovich, S. A. 1970a. In *Sovetskaia Arkheologiiia* (Soviet Archaeology) (2), 222—224 (in Russian).
- Bulatovich, S. A. 1996. In *Drevnee Prichernomor'e* (Ancient Pontic region). Odessa: Astroprint, 13—14 (in Russian).
- Butyagin, A. M., Chistov, D. E. 2004. *Mirmekiiskii klad* (The Myrmekion treasure). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Vinogradov, Yu. G. 1984. In *Vestnik drevnei istorii* (Bulletin of Ancient History) (1), 51—86 (in Russian).

- Vinogradov, Yu. G. 1989. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII—I vv. do n. e. (Political history of Olbian polis in 7th—1st centuries BC)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A., Marchenko, K. K. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (1), 145—155 (in Russian).
- Zaitseva, K. I. 1971. In *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira (Culture and art of Antiquity)*. Leningrad: Avrora, 84—106 (in Russian).
- Zograf, A. N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 16. Moscow: Akademiia nauk SSSR (in Russian).
- Ivanov, V. 1994. *Dionis i pradiionisizmo (Dionysus and predionism)*. Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Ilyinska, A. 1961. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XII, 27—52 (in Ukrainian).
- Karyshkovsky, P. O. 1959. In *Materialy z arkheolohii Pivnichnoho Prychornomor'ya (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* III, 57—100 (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* II, 3—13 (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 301—309 (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 1962. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 4, 87—107 (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 1968. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* III, 62—85 (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 1988. *Monety Ol'vii (Coins of Olbia)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O. 2003. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii (VI v. do n. e. — IV v. n. e.) (Coinage and currency in Olbia (6th century BC — 4th century AD))*. Odessa: ChP „Fridman A. S.” (in Russian).
- Karyshkovsky, P. O., Klejman, I. B. 1985. *Drevnii gorod Tira (Ancient town Tyras)*. Kiev: Naukova dumka.
- Knipovich, T. N. 1956. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 50, 119—153.
- Kryzhickiy, S. D., Buyskiikh, S. B., Burakov, A. V., Otreshko, V. M. 1989. *Sel'skaia okrug Ol'vii (Agricultural chora of Olbia)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Kubyshev, A. I., Nikolaeva, A. V., Polin, S. V. 1982. In *Drevnosti stepnoi Skifii (Antiquities of Steppe Scythia)*. Kiev: Naukova dumka, 130—148 (in Russian).
- Kuzmina, E. E. 1976. In *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii (Scythian-Siberian animal style in the art of the Eurasian people)*. Moscow: Nauka, 52—65 (in Russian).
- Kuzmina, E. E. 1976a. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 68—75 (in Russian).
- Losev, A. F. 1996. *Mifologiiia grekov i rimlian (Mythology of Greeks and Romans)*. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Lukonin, V. G. 1977. *Iskusstvo drevnego Irana (Art of ancient Iran)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Nefedkin, A. K. 2002. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 116—129 (in Russian).
- Nechitailo, V. V. 2000. *Katalog antichnykh monet Ol'vii (VI v. do n. e. — III v. n. e.) (Catalogue of ancient coins of Olbia (6th century BC — 3rd century AD))*. Kiev.
- Nikolaev, M. I. 2013. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Pontic region)*. Odessa: FLP „Fridman A. S.”, 471—478 (in Ukrainian).
- Nikolaev, N. I., Snytko, I. A. 2010. In *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeia (Proceedings of the Department of numismatics and toreutics of Odessa archaeological museum)*. Odessa: SMIL, 9—25 (in Russian).
- Onayko, N. A. 1977. In *Istoriia i kul'tura antichnogo mira (History and culture of Ancient world)*. Moscow: Nauka, 153—160 (in Russian).
- Ostroverkhov, A. S. 2005. In *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and semiotic research in archaeology)* 2. Donetsk: Donetskii gosudarstvennyi universitet, 219—265 (in Russian).
- Otreshko, V. M. 1982. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 41, 34—46 (in Ukrainian).
- Parovych, M. B. 1957. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XI, 157—159 (in Ukrainian).
- Pivorovich, V. B. 2009. *Monety i klady iuga Ukrainy (Coins and deposits from Southern Ukraine)*. Kherson: Shtrikh (in Russian).
- Pogrebova, N. N. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* XXII, 62—67 (in Russian).
- Podshivalov, A. M. 1884. *Katalog monet Moskovskogo publichnogo i Rumiantsevskogo muzeev (Catalogue of coins from Moscow Public and Rumeantsevo museums)* 1. Moscow: Gerbek (in Russian).
- Polidovich, Yu. B. 2002. In *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and semiotic research in archaeology)* 1. Donetsk: Donetskii gosudarstvennyi universitet, 189—204 (in Russian).
- Polidovich, Yu. B. 2006. In *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and semiotic research in archaeology)* 3. Donetsk: Donetskii gosudarstvennyi universitet, 355—398 (in Russian).
- Pugachenkova, G. A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (2), 70—84 (in Russian).
- Raevskiy, D. S. 1985. *Model' mira skifskoi kul'tury (World model of Scythian culture)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rusiaeva, A. S. 1978. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 87—104 (in Russian).
- Rusiaeva, A. S. 1992. *Religiia i kul'ty antichnoi Ol'vii (Religion and cults of ancient Olbia)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Skrjinskaya, M. V. 2002. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 97—101 (in Ukrainian).
- Son, N. A. 1993. *Tira rimskogo vremeni (Tyras in Roman time)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Stefani, L. 1865. In *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1864 g. (Report of the Archaeological commission from 1864)*. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 3—246 (in Russian).
- Tyumenev, A. I. 1937. In *Istoriia drevnego mira (History of ancient world)*. Vol. 3. *Drevniaia Gretsiiia (Ancient Greece)*. Moscow, 68—110 (in Russian).
- Frolova, N. A. 2004. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (4), 40—58 (in Russian).
- Tsvetaeva, G. A. 1984. In *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia (Ancient states of the Northern Pontic region)*. Moscow: Nauka, 236, 237 (in Russian).
- Shafranskaya, N. V. 1956. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 38—48 (in Russian).

№6. 2013

- Shelov, D. B. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* XXXIV, 62—69 (in Russian).
- Shelov, D. B. 1962. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 95—102 (in Russian).
- Steinwand, G. D. 1930. In *Visnyk Odes'koï Komisiï krayeznavstva pry Ukraïns'kij Akademii nauk, sektsiya arkheolohichna (Bulletin of Odessa Committee of Regional Studies of Ukrainian Academy of Sciences, archaeological section)* (4/5). Odessa: Ukrpolihraf, 7—25 (in Ukrainian).
- Yailenko, V. P. 1980. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 75—116 (in Russian).
- Fritze, H. 1912. Die Elektronprägung von Kyzikos. *Nomisma* VII, 34—56.
- Kahrstadt, U. 1939. Athenische Wappenmünzen und Numismatik. *Deutsches Jahrbuch für Numismatik* (11), 85—98.
- Regling, R. 1931. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. *Zeitschrift für Numismatik* XLI, 1—46.
- Weil, R. 1906. Das Münzmonopol Athens im ersten attischen Seebund. *Zeitschrift für Numismatik* XXV, 52—62.

Статья поступила в номер 31 мая 2013 г.

Vladimir Alexeev (Odessa, Ukraine). Candidate of Art History. Odessa National Musical Academy “A. V. Nezhdanova”¹.

Vladimir Alexeev (Odesa, Ucraina). Candidat în studiul artelor. Academia Națională de Muzică din Odesa „A. V. Nejdanova”.

Алексеев Владимир Петрович (Одесса, Украина). Кандидат искусствоведческих наук. Одесская национальная музыкальная академия им. А. В. Неждановой.

E-mail: omn@te.net.ua

Peter Loboda (Odessa, Ukraine). Odessa Numismatics Museum².

Peter Loboda (Odesa, Ucraina). Muzeul de numismatică din Odesa.

Лобода Петр Григорьевич (Одесса, Украина). Одесский музей нумизматики.

E-mail: loboda@soborka.net

Addresses: ¹ Novoselskogo St., 63, Odessa, 65023, Ukraine; ² Grecheskaya St., 33, Odessa, 65000, Ukraine

М. М. Чореф

Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики

Keywords: Bosporus, Aspurgus, Dynamis, Polemon, differents, numismatics, monogram.

Cuvinte cheie: Bosfor, Aspurgus, Dinamis, Polemon, diferenți, numismatică, monogramă.

Ключевые слова: Боспор, Аспург, Динамия, Полемон, дифференты, нумизматика, монограмма.

M. M. Choref

Dynastic History of Bosporus at the Turn of AD by Numismatic Data

Early AD is one of the least studied periods in the history of Bosporus. There are very few known historical sources of the time, particularly early chronicles and epigraphic texts. However, Bosporan coins of the time are quite numerous. Specifically, we focused our study on the Bosporan coins dated by late BC - early AD, and first of all on the numerous and diverse monograms, widely known on gold and copper coinage of this state, and suggested new methods to decode these abbreviations. As a result, we managed to identify Polemon I's and Roman monetary officials' coinage, as well as distinguish the interregnum emissions and identify and date copper coins of Mitridates II and Aspurgus's early emissions.

M. M. Choref

Istoria dinastică a Bosforului la limita noii ere după datele numismatice

Limita noii ere reprezintă una dintre cel mai puțin cercetate perioade în istoria regatului Bosforean. Sunt cunoscute foarte puține surse istorice din acea perioadă, dacă să vorbim despre cronici și monumente epigrafice. Însă, destul de numeroase sunt monedele bosforane de atunci. Studiul nostru vizează monedele Bosforului de la limita erei noastre, atenția principală fiind îndreptată către diversele și numeroasele monograme, bine cunoscute pe monedele din aur și cupru ale acestui stat. Au fost elaborate noi propuneri privind metodologia de descifrare a acestor abreviaturi. Aceasta a permis identificarea monedelor emise de Polemon I și funcționarii monetari romani, stabilirea emisiilor perioadei interregnumului, determinarea și datarea monedelor din cupru ale lui Mitridates II și emisiile timpurii ale lui Aspurgus.

М. М. Чореф

Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики

Рубеж новой эры является одним из наименее изученных периодов в истории Боспорского царства. Исторических источников того времени известно крайне мало, если речь идет о древних хрониках и памятниках эпиграфики. Однако боспорские монеты этого периода довольно многочисленны. Объектом нашего исследования стали монеты Боспора рубежа н. э., и прежде всего многочисленные и разнообразные монограммы, хорошо известные на золоте и меди чекана этого государства. Были выработаны новые предложения по методике дешифровки этих аббревиатур. В результате удалось атрибутировать монеты чекана Полемона I и римских монетных чиновников, выделить выпуски периода междущарствия, а также определить и датировать медные монеты Митридата II и ранние выпуски Аспурга.

Одной из важнейших проблем современной нумизматики является выяснение значения монет как исторических источников. Как ни странно, и сейчас металлические деньги относят к памятникам эпиграфики, а бумажные — к документам. Согласитесь, что принять это довольно трудно. Ведь от материала, в данном случае, вроде бы, ничего не должно зависеть. Как верно заметил А.Л. Пономарев, «даже если не признавать за монетами свойства документов, они все

равно останутся источником самой достоверной информации о существовавших на территории Причерноморья и Балкан денежных системах» (Пономарев 2012: 15). Ученому удалось доказать, что монеты Византии, Золотой Орды и Трапезунда являются важнейшими документальными историческими источниками (Пономарев 2012). И все потому, что он смог объяснить появление на них на первый взгляд не очень заметных, но, в то же время, кардинально важных дополнительных элементов

оформления¹, на которые обычно не обращали внимание. Подлинным руководством к действию стала его трактовка трапезундской надчеканки (Пономарев 2012: 400—403) на перперах Иоанна III Ватаца (1221/1222—1254). По мнению ученого, ее появление было вызвано, в первую очередь, экономическими соображениями. С помощью контрамаркирования великие Комнины, Мануил I (1238—1263) или Андроник II (1263—1267), сделали никейские перперы законным средством платежа на территории своей империи. Не менее важен и анализ гипотетических «трахей Андроника Гидона», в результате исследования дополнительных элементов оформления, тщательного изучения технологии чеканки и самих монетных заготовок атрибутированных А. Л. Пономаревым как современные реплики (Пономарев 2012: 389—394). И уж практически бесценна методика установления экономического смысла появления в обращении многочисленных эмиссий причерноморских государств. В результате труд А. Л. Пономарева поднял современную нумизматику на новую ступень.

К сожалению, исследователь не занимался изучением античных монет, историческое значение которых все еще не оценено в полной мере². В них продолжают видеть всего лишь вспомогательный источник исторической информации, нуждающийся в сверке с иными, куда более изученными памятниками. В первую очередь, с эпиграфическими. Да, это имеет смысл, ведь древние надписи, как правило, многословны, информативны и официальны. Но монеты, во-первых, являются значительно более массовым материалом, чем эпиграфические памятники. Во-вторых, намного проще выявить идеально сохранившуюся монету, чем неповрежденную плиту с древним текстом. Ведь самые популярные — лапидарные памятники гораздо более подвержены воздействию природных сил, чем, к примеру, металл. Поэтому анализ древних надписей очень труден, а полученные выводы не могут претендовать на безусловную истинность³.

Учтем и то, что официозные тексты древних надписей куда менее объективны, чем монеты. Вспомним хотя бы о хорошо известных нам всем с вузовской скамьи списках фараонов, приведенных на Палермском камне, на стене храма Сети I (1304—1290 гг. до н.э.) в Абидосе и на саркофаге царицы Анхесеннепи I из Саккары. Столь же туманны и эпиграфические свидетельства по истории всех древних государств. Учтем и то, что издавна практиковались грубейшие модификации текстов — замена упоминаний о прежних правителях на имена их преемников или же уничтожение всяких сведений о них. Наконец, в-третьих, древние надписи не позволяют осветить многие исторические события, поскольку официальные реляции могли или не сохраниться, или даже вовсе не быть изготовленными. Поэтому не стоит удивляться тому обстоятельству, что эпиграфические памятники не содержат сведений о многих правителях. К примеру, сохранились монеты, но неизвестны надписи не только малоизученных галло-римского императора Домициана, правившего в третьей четверти III в. н.э. (рис. 1: 7) и узурпатора Луция Юлия Аврелия Сульпиция Севера Урания Антонина (рис. 1: 3—6)⁴, управлявшего в Сирии в 253—254 гг. н.э., но и понтийского царя Митридата III (ок. 220—200 гг. до н.э.) (de Callatay 2009: 63—94) (рис. 1: 1), а также боспорских государей Гигиенонта (215—205 гг. до н.э.) (рис. 1: 2), Фарсанза (550—551 гг. б.э.; 253/254—254/255 гг. н.э.) (рис. 1: 8), Тиберия Юлия Савромата IV (572 г. б.э., 275/276 гг. н.э.) (рис. 1: 9) и даже довольно долго правившего Фофорса (582—605 гг. б.э., 285/6—309/10 гг. н.э.) (рис. 1: 10).

Конечно, сохранились древние хроники, их свидетельства вполне можно коррелировать друг с другом и, тем самым, выявлять историческую истину. Но рукописные тексты, как правило, не дошли до нас в первоизданном виде. Начнем с того, что их искажали при переписке. Кроме того, они терялись или гибли.

¹ Используем их классификацию, разработанную А. Н. Зографом (Зограф 1951: 78—92).

² Идея поднять античные монеты до уровня полноценного исторического источника отнюдь не нова. Именно в этом ключе их анализировал М. Г. Абрамзон (Абрамзон 1995).

³ Примеры подобных анализов древних текстов в изобилии приведены в исследовании В. П. Яйленко (Яйленко 2010).

⁴ Мы не зря постарались привести как можно больше изображений его монет, причем из разных металлов. Дело в том, что если наши возможные оппоненты и поставят под сомнение факт существования галло-римского императора Домициана, от которого сохранилось всего два т. н. антониниана, то они никоим образом не смогут опровергнуть узурпацию Луция Юлия Аврелия Сульпиция Севера Урания Антонина, отлично фиксируемую именно нумизматически. Причем его монеты как нельзя лучше изданы (Mattingly, Sydenham 1949: 205—206, pl. 15: 16—20). И уж совсем трудно будет оспорить факты правления перечисленных боспорских и понтийского государей.

Рис. 1. Монеты государей, упоминания о которых отсутствуют в текстах эпиграфических памятников: 1 — тетрадрахма Митридата III (Acsearch.info: 1); 2 — статер Гиgienонта (Bosporan-kingdom.com: 4); 3—6 — монеты Луция Юлия Аврелия Сульпия Севера Урания Антонина (Acsearch.info: 2; Acsearch.info: 3; Acsearch.info: 4; Acsearch.info: 5); 7 — т.н. антониниан галло-римского императора Домициана; 8—10 — статеры царей Боспора: 8 — Фарсанза (Bosporan-kingdom.com: 5); 9 — Савромата IV (Bosporan-kingdom.com: 6); 10 — Фофорса (Bosporan-kingdom.com: 7).

Fig. 1. Coins of sovereigns, whose names are absent in epigraphic texts: 1 — tetradrachm of Mithridates III (Acsearch.info: 1); 2 — stater of Hygiainon (Bosporan-kingdom.com: 4); 3—6 — coins of Lucius Julius Aurelius Sulpicius Severus Uranius Antoninus (Acsearch.info: 2; Acsearch.info: 3; Acsearch.info: 4; Acsearch.info: 5); 7 — the so-called antoninianus of Gallo-Roman emperor Domitian; 8—10 — staters of the Kings of Bosporus: 8 — of Pharsanzes (Bosporan-kingdom.com: 5); 9 — of Sauromates IV (Bosporan-kingdom.com: 6); 10 — of Theothorses (Bosporan-kingdom.com: 7).

В результате существуют исторические периоды, о которых мы не можем почерпнуть сведения ни из эпиграфических памятников, ни из древних хроник.

Как видим, требуются иные полноценные источники информации. Полагаем, что монеты могут и должны ими являться. Используя методические наработки В. А. Анохина, А. Л. Пономарева, С. Ю. Сапрыкина и Н. А. Фроловой, попытаемся на нумизматическом материале осветить одно из «белых пятен» истории Боспора: конец I в. до н.э. — начало I в. н.э. Этот период интересен тем, что именно тогда и была выработана схема взаимодействия Империи и ее клиентальных государств, определившая судьбу позднеантичного Причерноморья. Попробуем проследить ее развитие на примере Боспора.

Мы отдаем себе отчет в том, что для этого придется выжать из монет всю историческую информацию, которую они содержат. А для этого нужно будет выявить и проанализировать все значимые элементы их оформления. Речь, в первую очередь, идет о монограммах, а также об эмиссионных знаках — дифферентах.

1. Краткие сведения по истории изучения боспорских монограмм рубежа н.э.

Уже первые просвещенные путешественники, посетившие Крым во второй половине XVIII в., обратили внимание на красивые монеты, справедливо отнесенные ими к чекану Боспора. Первым их описал французский историк и нумизмат Ф. Кари (Cary 1752: 29—88, pl. I—II). Его материалы были значительно дополнены, заново проанализированы и переизданы английской путешественницей М. Гатри (Guthrie 1802). Во время двухгодичного путешествия в Таврику ей удалось ознакомиться со значительными собраниями древностей, благодаря чему в приложении к ее мемуарам был приведен первый каталог монет этого северопричерноморского государства (Guthrie 1802: 343—382, pl. I—IV).

Но отнюдь не эти события являются основополагающими вехами в становлении боспорской нумизматики. На рубеже XVIII—XIX вв. монетное дело античного Боспора стало предметом подлинно научного изучения. Первым к нему обратился Й. Х. фон

Эккель, атрибутировавший строчные аббревиатуры «Δ» (Eckhel 1829: 366—367)⁵, «ΦΑ» и «ΦΑΝΑ» (Eckhel 1829: 3, 339, 366—367). Позже боспорской нумизматикой занялся Д. Сестини, разобравший простые монограммы «ΠΑΝ» и «ΠΑΝΤΙ» (Sestini 1831: 29—30), а также попытавшийся дешифровать куда более сложные лигатуры «ΦΕ» и «ΦΕ» (Sestini 1789: 35—37, 40; 1830: 1—5, Т. I—II). В первой из них он разобрал безукоризненное «Νέρωνος Καίσαρος» — «*Нерона Кесаря*» (Sestini 1831: 36—37), а во второй сначала прочитал «βασιλέως Ευπάτορος» (Sestini 1789: 40) — «*царя Евпатора*», а позже, под влиянием И. А. Стемпковского, «βασιλέως Εύμηλου» — «*царя Евмела*» (Sestini 1831: 67)⁶. Ему же удалось выработать единую схему дешифровки лигатур «ΦΕ», «ΦΕ», «ΦΕ», «ΦΕ», «ΦΕ» (Sestini 1831: 67, 69—72).

Полагаем, что именно он первым заключил, что буквосочетание «ΒΑ» использовали как аббревиатуру слова «βασιλέως» — «*царя*». Правда, как правило⁷, ученый трактовал верхние детали вышеперечисленных монограмм как букву «Ω», по его мнению, являвшуюся одной из литер титула боспорского государя⁸ (Sestini 1831: 67). Но, как нам кажется, идея подобного сокращения слова «βασιλέως», т. е. с помощью «Α», «Β» и «Ω», все же несколько натянута. Ведь совершенно неясно, зачем нужно было выбирать для составления монограммы две первые и предпоследнюю буквы⁹.

⁵ Речь идет об эмиссионных метках на статерах и тетрадрахмах Фарнака II (63—47 гг. до н.э.).

⁶ Д. Сестини сначала датировал ее правлением Евпатора (451—467 гг. б.э., 154/5—170/1 гг. н.э.) (Sestini 1789: 40, № 20). Но И. А. Стемпковский заключил, что монеты с ними, судя по стилю исполнения, древнее меди Митридата VI. Основываясь на этом выводе, нумизмат датировал их эпохой правления Спартокидов, приписав гипотетическим Евбиоту II или Евбиоту III (Сибирский 1853а: 218). Вследствие этого Д. Сестини отказался от своей точки зрения и приписал монеты с этой монограммой не менее таинственному Евмелу II (Sestini 1831: 67).

⁷ Только в монограмме «ΦΑ» он разобрал «ΒΑ ΚΟ» (Sestini 1789: 37).

⁸ Мы этот тезис принять не можем. Дело в том, что кружок в верхней части монограммы слишком мал для того, чтобы быть заглавной «Ω», которую увидел Д. Сестини. Кроме того, если бы в верхней части и размещалась эта буква, то оставалось бы только удивляться необъяснимой длине ее горизонтальных составляющих.

⁹ Как тут не вспомнить А. Л. Бертье-Делагарда, считавшего, что «монограммы были на монетах сокращением имени, но не головоломными загадками; они писались, конечно, так, чтобы всякий знавший политических деятелей своей страны мог читать в монограмме полное имя, да и любой грамотный не менее

Куда проще было бы использовать инициалы и первые литеры названий должностей. Однако даже эта непоследовательность, хотя и несколько снижающая значимость открытия, отнюдь не лишает его исторического значения. Считаем, что Д. Сестини предугадал не только схему дешифровки строчных монограмм, но и вплотную подошел к выявлению элементов «ΒΑ» — одного из важнейших сокращений в боспорской нумизматике.

Не менее важно и то, что ученый ввел в научный оборот статер с монограммой «Δ». В ней он разобрал фразу «ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΔΕΥΤΕΡΟΥ» («*Μιθραδάτου δευτέρου*») — «*Митридата второго*»¹⁰. Нумизмат считал, что такие монеты мог чеканить Митридат Пергамский во время борьбы с Асандром (49/48—21/20 гг. до н.э.) (Sestini 1831: 79), т. е. в 46 г. до н.э. (Панов 2009: 15, 16).

Благодаря Т. Э. Мионне (Mionnet 1807: 333—334, 362, 366, № 4—7, 22, 42; 1808: pl. IX: 732, 734—738, 743; 1829: 469—471, 480—481, № 1—8, 22—27), Г. К. Э. фон Кёлеру (Köhler 1850a: 115—124; 1850b: 219—224; 1850d: 125—128, pl. X), Б. фон Кёне (de Koehne 1857: 200—202)¹¹, П. Ж. Сабатье (Сабатье 1852: 116—117, № 1—5, 7, 13) и А. А. Сибирскому (Сибирский 1853а: 217—247; 1853b: 151—155; 1860; Sibirsky 1859) удалось перейти от накопления и первичной публикации нумизматического материала к его системному анализу. К очевидным научным заслугам этих ученых следует отнести составление первых научных каталогов монет античных государств Причерноморья. Однако они так и не смогли выработать единую концепцию дешифровки боспорских монограмм. Так, если Б. фон Кёне полагал, что в аббревиатуре «Δ», в которой он различал буквосочетания «ΜΔ» или «ΜΔΥ», могло быть зашифровано всё то же «*Μιθραδάτου δευτέρου*» (Koehne 1857: 199—202), а в «ΚΕ», вслед за Г. К. Э. фон Кёлером (Köhler 1850c: 193, 201), уверенно читал полное имя Друза Младшего (de Koehne 1857: 118)¹², то П. Ж. Сабатье считал, что «мо-

просто и легко читал ее буквы» (Бертье-Делагард 1911: 125, прим. 1).

¹⁰ Этого быть не могло, так как в античности правилей не нумеровали и подобной информации на монетах, естественно, не размещали.

¹¹ Б. фон Кёне полагал, что в монограмме «Δ» могло быть зашифровано имя туземного правителя, пришедшего к власти после гибели Полемона I (14/13 гг. до н.э. — 9/10 гг. н.э.). Это предположение разделял и У. Г. Ваддингтон (Waddington 1867: 115).

¹² Тиберий Клавдий Нерон (Koehne 1857: 201). Мы принимаем эту точку зрения (Чореф 2011с: 107—110).

нограммы эти еще не объяснены» (Сабатье 1852: 118). В своем «*Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore*» французский нумизмат высказался вовсе безапелляционно: по его мнению, сама идея видеть в « Σ » сокращение «*Μιθραδάτου δευτέρου*» совершенно недопустима (Sabatier 1849: 56, Not. 1).

В то же время взгляды на трактовку « $\Phi\epsilon$ » практически не менялись. А.А. Сибирский и Б. фон Кёне, развивая гипотезу И.А. Стемпковского, обосновывали принадлежность монет с ней к чекану Евбиота или Евмела (Сибирский 1853а: 218; de Koehne 1857: 44—60).

Как видим, все эти построения были весьма слабо аргументированы или вовсе недоказуемы. Они строились на интуитивном анализе разновременных монетных типов, а также на весьма спорной методике разбора монограмм. Так, к примеру, А.А. Сибирский, вслед за Д. Сестини, считал, что гипотетическая « Ω » в «монограммах Савроматской династии» — по его логике, в « $\Phi\epsilon$ », « $\Phi\Gamma$ », « $\Sigma\chi$ », « $\Sigma\psi$ » и в « $\Sigma\Upsilon$ », попросту являлась «верхним связным» (Сибирский 1853а: 222) элементом титула. По-видимому, он также видел в ней всего лишь деталь «*βασιλέως*».

Во второй половине XIX — начале XX вв. исследование монетного дела Боспора продолжили А. фон Заллет¹³, П.О. Бурачков (Бурачков 1884: 137—289, Т. XIX—XXXII)¹⁴, А.А. Подшивалов (Подшивалов 1889: 17—19, 21, 22, №1—4, 9, 10; Podshivalov 1887), А.В. Орешников (Орешников 1887; 1888; 1899; 1890: 14—24, табл. II; 1891: 17—27, 31—34, 36, 37, 39, 41, 43; 1892) и А.Л. Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1911: 117—232).

¹³ Речь, в первую очередь, идет о рецензии на «*Zur Münzkunde des cimmericischen Bosphorus*» (Orshnikov 1883). Напомним, что в этой работе А. В. Орешников доказывал, что монограмма « $\Sigma\chi$ » могла быть прочтена как «*βασιλέως Μαχάρου*» — «царя Махара» (Орешников 1892: 16). В свою очередь А. фон Заллет разобрал в ней «*βασιλέως Μιθριδάτου*» — «царя Митридата» и датировал их периодом царствования Митридата VI (Орешников 1892: 16). Кроме того, в «*Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des cimmericischen Bosphorus und des Pontus*» ученый привел новое прочтение аббревиатуры « Σ » (von Sallet 1866: 63—65). В ней он, вслед за Т. Моммзеном (Mommesen 1860: 702) разобрал «*Δυνάμις Μιθριδάτου*».

¹⁴ Нумизмат предложил весьма интересные дешифровки боспорских монограмм. Так, к примеру, в « Σ » он разобрал «*δήμαρχ*» — «димарх», и на основании этого приписал ее Аспургу (Бурачков 1884: 238). Ко времени его правления он также отнес « $\chi\epsilon$ » и « ρ », в которых прочитал имена Кесаря Тиберия Нерона и самого Тиберия Юлия Аспурга соответственно (Бурачков 1884: 238).

Именно они сделали нумизматику Боспора подлинно научной дисциплиной. Но, к сожалению, этим ученым так и не удалось преодолеть «разнообразие выводов», вызванное попытками «разрешить темные вопросы без достаточных точек опоры» (Орешников 1892: 15). Так, А.А. Сибирский, развивая позднейший вывод Д. Сестини (Sestini 1831: 67), разобрал в монограмме « $\Phi\epsilon$ » имена Евбиота или Евмела (Сибирский 1853а: 217—247). Однако А.В. Орешников вернулся к первоначальному прочтению этого же итальянского нумизмата. Он видел в « $\Phi\epsilon$ » сокращение «*βασιλέως Ευπάτορος*». Однако ученый приписывал эту аббревиатуру уже не Тиберию Юлию Евпатору (451—467 гг. б. э., 154/5—170/1 гг. н. э.), а Митридату VI Евпатору Дионису (176—234 гг. б. э., 121—63 гг. до н. э.) (Орешников 1892: 18—20). В лигатуре же « $\Sigma\chi$ » А.В. Орешников, вслед за А. фон Заллетом, разобрал «*βασιλέως Μιθριδάτου*» — «царя Митридата», правда, датировал ее относительно коротким правлением Митридата VIII (336—443 гг. б. э., 38—45 гг. н. э.) (Орешников 1892: 16—18). Учтем и то, что Т. Моммзен осторожно предположил, что монограмма « Σ » представляла собой буквосочетание « $\Delta\Upsilon\chi$ », которое, по его допущению, могло быть дешифровано как «*Δυνάμις Μιθραδάτου*» (Mommssen 1860: 702) — «*Динамии Митридата*»¹⁵. Его допущение надолго стало постулатом боспорской нумизматики. Не менее интересно мнение М.И. Ростовцева, заключившего, что монеты с монограммой « $\Phi\epsilon$ » были выпущены при Динамии (277—285 гг. б. э., 21/20—12 гг. до н. э.)¹⁶ и Аспурге (311—334 гг. б. э., 14/15—37/38 гг. н. э.) в память об их великом предке — Митридате VI Евпаторе (Ростовцев 1918: 51). В свою очередь, А.Л. Бертье-

¹⁵ Заметим, что ученый не был уверен в беспорности предложенной им дешифровки. Мало того, он полагал, что Динамия вряд ли решилась бы настолько явно афишировать свое родство с одним из страшнейших врагов Рима. С нашей точки зрения, важно и то, что ученый не находил в « Σ » буквы, составляющие одно и то же слово. Хотя они, очевидно, входят в состав имени упомянутой царицы Боспора. Дело в том, что допустить произвольную и неочевидную шифрацию «*Δυνάμις*» с помощью « Δ », « χ » и « Υ » столь же трудно, как и согласиться с вышеприведенной гипотезой Ф. Кари о кодировании «*βασιλέως*» с помощью « χ », « Δ » и « Ω ».

¹⁶ Основываясь на материалах, собранных С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2002: 97—98), полагаем, что последней четко фиксируемой датой в жизни этой государыни является именно 12 г. до н. э., когда она, в результате развода с Полемоном I, лишилась монопольных прав на боспорский престол.

Делагард не принял ни одну из существующих точек зрения. Он лишь счел возможным осторожно выразить надежду на то, что в будущем удастся выяснить полные имена «царей E и Y» (Бертъе-Делагард 1911: 119, 215—216).

Не секрет, что XX в. стал важнейшим этапом развития нумизматики Северного Причерноморья. Она перешла в высшую стадию — анализа и обобщения результатов. К проверке прежних дешифровок аббревиатур боспорских лигатур рубежа н.э. обращались А. Н. Зограф, принявший точку зрения А. Л. Бертъе-Делагарда (Зограф 1951: 192—193), К. В. Голенко, изучавший монограммы на анонимных ободах (Голенко 1965: 41—49; 2009: 242—243) и аббревиатуру « $\Phi\Delta\Xi$ » (Голенко 1971: 38—41; 2009: 255—261), а также Ю. Л. Дюков, исследовавший монетное дело Боспора при Митридатe VI (Дюков 1977: 156—160). Немаловажное значение имеет и исследование Е. С. Голубцовой, попытавшейся истолковать монограммы, известные на боспорских статерах рубежа н.э. (Голубцова 1951: 113—119). Их выводы были обобщены в трудах В. А. Анохина (Анохин 1986; 1999) и Н. А. Фроловой (Фролова 1997а; 1997b; 2010а). Они сошлись во мнении, что существовавшие тогда методики не позволяют убедительно дешифровать боспорские аббревиатуры рубежа н.э. (Анохин 1986: 81—84; Фролова 1997а: 25—29). Высокий авторитет упомянутых исследователей привел к консервации этого состояния боспорской нумизматики до начала XXI в.

Только в последние годы была предпринята попытка пересмотреть прежние выводы. С. Ю. Сапрыкин в своей монографии «Боспорское царство на рубеже двух эпох» постулировал, что монограммы «BAE и BAM» могли принадлежать Аспургу¹⁷ (Сапрыкин 2002: 10, 146). Ученый считает, что в них следует видеть сокращения «BA(ΣΙΛΕΥΣ) E(ΥΠΑΤΩΡ)» («BA(ΣΙΛΕΥΣ) E(ΥΠΑΤΩΡΟΣ)») и «BA(ΣΙΛΕΥΣ) M(ΙΟΡΑΔΑΤΗΣ)» (Сапрыкин 2002: 149)¹⁸. Появление

монет с ними он объясняет митридатовским культом, популярным при ближайших наследниках великого врага Рима, боровшихся за власть с Полемоном I (Сапрыкин 2002: 149—151). Тому же Аспургу С. Ю. Сапрыкин приписал и аббревиатуры « Δ » и « Λ », известные на золоте 9/10 и 13/14 гг. н.э. (Сапрыкин 2002: 147). Ученый считает, что этот государь на момент их использования еще не получил от римлян право на царский титул (Сапрыкин 2002: 150). По его мнению, в них могла быть зашифрована фраза « $\mu\alpha\tau\epsilon\rho\varsigma\ \mu\alpha\tau\epsilon\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ » — «отец отечества». С. Ю. Сапрыкин объяснил ее появление на боспорских монетах вполне ожидаемым пиететом Аспурга перед правителем Римского государства, в данном случае — перед Августом (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) (Сапрыкин 2002: 154), что, как нам кажется, трудно увязать с выявленными им же промитридатовскими девизами меди. В лигатуре же « Δ » он уверенно разобрал имя Динамии (Сапрыкин 2002: 150). Его проставление на монетах объяснены сыновними чувствами Аспурга и стремлением получить поддержку римлян, будто бы почитавших эту царицу в память о ее великом деде (Сапрыкин 2002: 150—151). Получается, что римляне при Августе не только терпели столь явное фрондирование правителя Боспора, но и почитали его за это. Полагаем, что данные выводы по этому вопросу нуждаются в существенном уточнении.

Заметим, что точку зрения С. Ю. Сапрыкина на атрибуцию боспорских монограмм рубежа н.э. не разделяют не только В. А. Анохин и Н. А. Фролова, но и О. Н. Мельников, попытавшийся самостоятельно истолковать аббревиатуру « $\Phi\Delta\Xi$ » (Мельников 2004: 253—272). По его мнению, в ней могло быть зашифровано имя Скрибония (16/5—15/4 гг. до н.э.) (Мельников 2004: 259). К сожалению, ученый не объяснил, каким образом он выделил в монограмме буквы, составляющие имя этого правителя. Складывается впечатление, что О. Н. Мельников пришел к этому выводу в результате исключения тех государей, которые, по его мнению, не могли использовать заинтересовавшую его лигатуру.

Эта смелая гипотеза позволила ему прийти к выводу об основополагающем влиянии Скрибония на дальнейшее развитие монетно-

¹⁷ Кроме того, он пишет, что «цари помещали на золоте лишь одну царскую монограмму, скрывающую имя и титул» (Сапрыкин 2002: 99).

¹⁸ К сожалению, мы не можем согласиться с его убеждением в общепризнанности этой точки зрения (Сапрыкин 2002: 149). Дело в том, что не только В. П. Яйленко (2010: 270—271), но и В. А. Анохин (1986: 81—87), и Н. А. Фролова (1997а: 30—31) не разделяют точку зрения С. Ю. Сапрыкина. А к их мнению обязан прислушаться каждый нумизмат, изучающий монетное дело античных государств Причерноморья. К слову заметим, что возможность появления подобных монограмм на монетах Аспурга кажется совершенно

невероятной. И дело даже не в том, что не было смысла менять одну аббревиатуру на другую, раз в них шифровалось имя все того же Митридата VI. Ведь если бы Аспург и решился на это, то вряд ли его поддерживали бы римляне. Но, как помним, он первым из боспорских государей получил династическое имя Тиберий Юлий.

го дела Боспора (Мельников 2005: 222—236), что, как нам кажется, несколько натянуто. Столь же спорна и повторенная им мысль о коммеморативности позднейших выпусков меди с «**ΒΕ**» на реверсе. Напомним, что, по мнению исследователя, они были отчеканены Динамией, но не в память о Митридате VI, как считал М.И. Ростовцев (1918: 51) и полагает С.Ю. Сапрыкин (2002: 149—151), а все о том же Скрибонии (Мельников 2004: 264).

Но не будем сейчас анализировать данные гипотезы, чтобы не отвлекаться от основного предмета нашего исследования. Кроме того, предложенный О.Н. Мельниковым способ истолкования монограммы «**ΒΕ**» вряд ли применим для прочтения какой-либо другой северо-причерноморской аббревиатуры.

Как видим, *illorum scandalum* стала методика дешифровки грекоязычных лигатур. Собственно, ее так и не разработали. Даже схемы выявления состава изучаемых монограмм, как видим, отнюдь не всегда корректны¹⁹. В результате использующихся на данный момент технологий их дешифровки настолько безосновательны, произвольны и умозрительны, что, согласно им, в одних и тех же аббревиатурах с одинаковым успехом можно увидеть не только разнообразные сочетания символов, но даже сарматские знаки²⁰. Спасает положение только здравый смысл большинства современных исследователей, даже без прочтения аббревиатур датирующих памятники с ними дискретными историческими периодами²¹. Но это отнюдь не решает проблему. Пусть даже нам известны даты выпуска монет, но неуверенная атрибуция выбитых на них монограмм не дает возможности считать их полноправными историческими источниками. В итоге мы не знаем ни обстоятельств их выпуска, ни даже их эмитентов. Получается, что обильный нумизматический материал «умалчивает» столь необходимые нам сведения о событиях, произошедших в Северопонтийском регионе на рубеже н. э.

Сразу же заметим, что мы не ставим перед собой цели найти решения всех этих спорных моментов. Полагаем, что на данном этапе ис-

следования достаточно будет вынести на научное обсуждение только дешифровку сравнительно небольшой группы общепризнанно литерных сокращений, встречающихся на деньгах Боспорского государства, причем в сравнительно узкий период времени — в последней четверти I в. до н.э. — первой четверти I в.н.э. Надеемся, что выработка методики прочтения этих монограмм поможет разобрать и другие, пока еще не истолкованные грекоязычные сокращения на античных и средневековых монетах Причерноморья.

Кроме того, у нас есть еще один, причем еще более значительный повод обратить свое внимание на боспорские аббревиатуры именно этого периода. Дело в том, что многочисленные спорные моменты и неясности их атрибуции не только значительно обесценивают результаты дешифровки монограмм всего Причерноморья. Они создают непреодолимые сложности при прояснении ситуации в наименее изученных периодах его истории. В любом случае, без дешифровки грекоязычных аббревиатур нам не удастся восстановить историю Северного Причерноморья в эпоху античности.

2. К атрибуции монет с монограммой «**ΒΕ**»

Воспользуемся методикой, разработанной Ш. дю Френ дю Канжем (Fresne du Cange 1855: 507—509, Pl. 1, 2), Ж. Пеллереном (Pellerin 1763: 141, 145; 1765: 133) и Й.Х. фон Эккелем (Eckhel 1792: CLI, 195, 233) и уточненной нами (Чореф 2011a: 225—228; 2011b: 46—55; 2013b: 119—125). Она уже была успешно апробирована при прочтении разновременных северопричерноморских составных грекоязычных лигатур: «**ΒΕ**», «**Χ**», «**Α**», «**Δ**», «**Σ**», «**ΚΕ**», «**ΓΕ**», «**ΛΑ**», «**ΛΕ**», «**Ι**», «**Ι**», «**Βω**» и «**Α**» (Чореф 2009: 35—51; 2010b: 248—255; 2010c: 326—331; 2011a: 225—228; 2011c: 107—110; 2011d: 247—259; 2012a: 44—59; 2012c: 105—112; 2013a; 2013b: 119—125). По ней первым делом из состава монограммы выделяется ее основной элемент, к которому крепятся остальные составные части. После этого вычленяется центральный символ блочной или первая буква строчной аббревиатуры. Как правило, эти элементы неплохо узнаваемы. С них начинаются зашифрованные в монограмме слова. А уже после этого выделяются остальные символы, причем монограмма разбирается слева направо. Важно убедиться в том, чтобы они обязательно были бы составляющими слов, зашифрованных в изучаемой монограмме. Только

¹⁹ Для сравнения несколько ниже рассмотрим нашу методику определения структуры монограмм.

²⁰ Историография по этому вопросу приведена Н.А. Фроловой (Фролова 2010b: 243—258).

²¹ Примерами такого взвешенного и логичного подхода являются безукоризненные выводы С.Ю. Сапрыкина и В.П. Яйленко. Ученые пришли к выводам, что монограммы «**ΒΕ**», «**Δ**», а также «**ΚΕ**», «**ΒΑΥ**» или «**Α**», «**Α**» и «**Α**» использовались одновременно (Сапрыкин 2002: 100—102; Яйленко 2010: 270—271).

Рис. 2. Вспомогательный материал для истолкования эмиссионных обозначений на статерах Полемона I: 1 — памятная тетрадрахма наместника Махара (по Чореф 2012b: рис. 1: 2); 2—3, 5 — античные и раннесредневековая монеты с монограммами, в состав которых входит буквосочетание «По-» (Acsearch.info: 6; Acsearch.info: 7; Bosporan-kingdom.com: 8); 4 — буквосочетание «По-» в средневековых грекоязычных рукописях (по Церетели 1896: табл. 14; 1904: табл. VII).

Fig. 2. Supporting material for the interpretation of symbols Polemon I's staters: 1 — commemorative tetradrachm of governor Machares (after Чореф 2012b: рис. 1: 2); 2—3, 5 — ancient and medieval coins with monograms, which include the combination of letters «По-» (Acsearch.info: 6; Acsearch.info: 7; Bosporan-kingdom.com: 8); 4 — combination of letters «По-» in medieval Greek-speaking manuscripts (after Церетели 1896: табл. 14; 1904: табл. VII).

в случае безусловного совпадения возникнут все основания считать, что монограмма прочитана успешно.

Приступим к расшифровке « $\Phi\epsilon$ ». Хорошо видно, что ее основой является хорошо узнаваемая литера «П», проигнорированная большинством наших предшественников. Сверху к горизонтальной перекладине «П» крепится буква «О», также ими незамеченная²². Ниже ее расположено строчное буквосочетание «BAE». С учетом предложенной нами методики, в результате разбора монограммы « $\Phi\epsilon$ » получаем следующий набор символов: «А», «В», «Е», «П» и «О», причем «В» и «П» могут быть первыми буквами слов.

Теперь приступим к вычленению ординарных сокращений. Известно, что схожее по конфигурации буквосочетание «П—О» встречается как на античных и раннесредневековых монетах (рис. 2: 2, 3, 5), так и в позднейших грекоязычных рукописях (Церетели 1896: табл. 14; 1904: табл. VII) (рис. 2: 4). В нем следует видеть стандартное сокращение «По-». В нашем случае оно может быть указанием на имя правителя, на носимый им титул, на божество-покровителя или же является ординарным упоминанием эмиссионного центра. К примеру, у нас есть определенные основания видеть в нем первые буквы имен исторических деятелей:

Πολέμων — «Полемон», Πολυαιμονίδης — «Полуэмонид», Πολύαινος — «Полуэн», Πολυάνθης — «Полуант» или Πολύβιος — «Полубий». Вполне возможно, что с помощью «По-» могли быть зашифрованы титулы и почетные должности: πολέμαρχος — «полемарх, командующий», πολῖτάρχης — «политарх, правитель города, градоначальник», πολισσονόμος — «управляющий городом», полиорκτης — «осаждающий город», а также πολῖτοφύλαξ — «хранитель граждан». Ну и, наконец, есть основания видеть в нем вполне ординарные: πόλις — «полис», πόλισμα — «полис, гражданская община», полисмάτιον — «городок», πολίχνη — «мestечко», πολιτικόν — «общество граждан». Не хотим упустить возможность разобрать в нем эпитеты Зевса: πολιεύς — «хранитель», или Афины: πολιάς — «хранительница», а также почетное прозвище какого-либо иного божества πολιοῦχος, πολίαχος — «владеющий городом». Существует определенная вероятность и того, что в «По-» могло быть зашифровано название города, к примеру, Πόλα — «Пола (Истрия)», Πολίχνα — «Полухна (Троада)» или же государства: Ποντικά — «Понтийское царство».

Вариантов довольно много, но мы можем сузить круг поиска. Очевидно, что в «По-» на монетах Боспора не могло быть закодировано название полиса, расположенного за его пределами. Не могло оно служить и указанием на государство-эмитент, ведь в античности это не было принято²³. Также не допускаем

²² Как мы уже писали, этот маленький кружок не может трактоваться как «Ω». Правда, смущает то, что на ряде монет он передан как полукруг. Однако сравнение написаний монограмм « $\Phi\epsilon$ », « $\Phi\alpha$ », « $\Phi\chi$ », « $\Phi\psi$ », верхний элемент которых был передан более или менее заметно, позволяет уверенно считать его «О».

²³ На античных монетах размещали имена правителей или название эмиссионных центров.

возможность дешифровки с его помощью слова *πόλις* или терминов, близких ему по смыслу. В противном случае нужно было бы упомянуть в монетной легенде и само поселение, как, собственно, это и было сделано на драхме Пантикапея конца II в. до н.э. (рис. 2: 5). Да и не было на Боспоре города, название которого начиналось бы с «BAE» или с «По-». Получается, что заинтересовавшее нас буквосочетание представляет собой указание либо на имя правителя-эмитента, либо на его должность.

Но одно лишь выяснение этого обстоятельства не решает поставленную задачу. Чтобы определить, как звали этого исторического деятеля, попытаемся разобрать прочие элементы заинтересовавшей нас монограммы. Займемся дешифровкой буквосочетания «BAE».

Как мы уже установили, ее начальным символом является хорошо узнаваемая литера «В». Очевидно, что с нее могло начинаться слово. В то же время само расположение заинтересовавшего нас символа дает нам возможность видеть в «BA» вполне характерное для римского Боспора сокращение от *βασιλέως*²⁴. Получается, что в лигатуре «По-» вполне могло быть зашифровано имя правителя. Полагаем, им мог быть только Полемон I, правивший на Боспоре как раз на рубеже н.э. А сокращением его почетного прозвища вполне мог быть одиночный символ «Е»²⁵.

Итак, если наши рассуждения верны, то «BAE» следует читать как «Πολέμωνος βασιλέως εὐσεβοῦς» — «*Полемона, царя благочестивого*», что, собственно, и соответствует легендам его довольно редких драхм понтийского чекана²⁶ (рис. 3: 1—5).

Полученный результат не противоречит выводам авторитетных специалистов в боспорской нумизматике. Так, В.А. Анохин полагает, что ранние монеты с «BAE» на реверсе могли быть выпущены в период правления Полемона I (Анохин 1986: 82; 1999: 127—128,

рис. 31). По словам С.Ю. Сапрыкина²⁷, так же считал и П.О. Карышковский. Правда, исследователи пришли к этому заключению исключительно умозрительно. Именно это обстоятельство и позволило В.А. Анохину отнести монеты с «BAE» как к эмиссиям Полемона I, так и к выпускам Динамии (Анохин 1986: 83—89, табл. VIII; Анохин 1999: 129, рис. 33). Так что вопрос о дешифровке «BAE» до настоящего времени нельзя было считать закрытым. Учтем и то, что Н.А. Фролова, вслед за А.Л. Бертье-Делагардом, отнесла монеты с ней к чекану неизвестного эмитента, сменившего на престоле Полемона I (Фролова 1997а: 32). Правда, она оперировала только результатами изучения недатированной меди (Фролова 1997а: 41—48). Так что именно эти ее выводы вполне могут быть уточнены. Мы же, разобрав монограмму «BAE», развили гипотезу В.А. Анохина, уточнили выводы Н.А. Фроловой и обосновали предположение П.О. Карышковского.

Но вопросы все же остаются. Во-первых, мы не можем обосновать дешифровку боспорским эпиграфическим материалом — надписи Полемона I, обнаруженные собственно на территории Боспорского царства, в которых его титуловали бы благочестивым, не известны. Во-вторых, как верно подметил С.Ю. Сапрыкин, ни царь, ни его супруга Пифодорида не размещали монограммы на своих понтийских монетах (Сапрыкин 2002: 147—148). В-третьих, следует объяснить масштабность чекана при Полемоне I на Боспоре и спорадичность в Понте. Полагаем, обойти вниманием эти вопросы было недопустимой ошибкой.

Начнем с того, что титул «εὐσεβής» был совершенно обычным для боспорских царей I—IV вв. н.э. (КБН 32, 34, 36: А, 5, 41—43, 44: 7, 47, 52, 53: 8, 55: 8, 56, 58, 59: 6, 60: 6, 63, 67, 69: 5, 70: 3—4, 73: 3, 74: 3, 76: 6, 77, 953: 6—7, 955, 958, 966, 976, 983, 986, 1006, 1010, 1021: 4, 1045, 1047—1049, 1052, 1054: 6, 1115: 4, 1118, 1119: А, 1122, 1124, 1125: 7, 1126: 4, 1133: А, 1134: 3—4, 1135: 4, 1136: 5, 1179: 2, 1205, 1206, 1217, 1230: 5, 1236, 1239, 1241, 1244: 5—6, 1247: 6, 1249: 4, 1250: 4—5, 1254, 1259: 4—5, 1260: 7, 1260а: 4, 1261, 1277: 3, 1281: 4, 1283: 5, 1285: 5, 1288: 3, 1300). Так что вполне ожидаемо его появление и на надписи в честь Полемона I. К слову, она мог-

²⁴ Нам не кажется странной идея древних зашифровать титул правителя Боспора двумя буквами. Так что мы разделяем и развиваем точку зрения Д. Сестини (Sestini 1831: 67). Учтем то, что одиночная «В» служила эмиссионным символом монетного двора стратегии Боспор (Чореф 2012b: 177; 2012c: 111).

²⁵ Сокращение «Е» уже известно на монетах боспорского чекана. Правда, ранее, при Махаре, им шифровали слово *ἐπίτροπος* — «наместника» (Чореф 2012c: 111).

²⁶ Приводим все изображения всех известных нам разновидностей монет Полемона I (рис. 3: 1—5).

²⁷ Пользуясь случаем, выражаем благодарность уважаемому исследователю за столь ценную информацию.

Рис. 3. Титулатура Полемона I: 1—5 — драхмы Полемона I понтийского чекана (1, 3, 4 — по Бурачков 1884: табл. XXV: 51—53; 2, 5 — по Waddington, Reinach, Babelon 1904: 19, fig. 1, tab. III: 7); 6 — письмо благочестивого царя Полемона из Херсонеса (по IOSPE I²: 704).

Fig. 3. Titles of Polemon I: 1—5 — Polemon's drachmas of Pontic coinage (1, 3, 4 — after Бурачков 1884: табл. XXV: 51—53; 2, 5 — after Waddington, Reinach, Babelon 1904: 19, fig. 1, tab. III: 7); 6 — letter of king Polemon the Pious from Chersonesus (after IOSPE I²: 704).

ла быть размещена не только на Боспоре²⁸, но и в любом из подконтрольных ему регионов Северного Причерноморья. К примеру, — в Херсонесе такая надпись есть (рис. 3: 6). Ее ввел в научный оборот В.В. Латышев (IOSPE I²: 704), а позже переиздал, заново перевел и переатрибутировал Ю.Г. Виноградов (Виноградов 1992: 131). Судя по хорошо сохранившимся первым двум строкам, этот документ представляет собой письмо царя Полемона благочестивого (sic!) Совету и народу херсонеситов. Ю.Г. Виноградов считал, что его автором мог быть только Полемон I (Виноградов 1992: 131). Так что первый вопрос мы снимаем.

Что же касается замены имени правителя на его монограмму, то это традиция монетного дела Боспорского царства раннеримского периода. Подобные аббревиатуры размещали на монетах на протяжении большей части I в. н.э. Поэтому появление монограммы Полемона I на его выпусках боспорского чекана вполне ожидаемо. Однако монеты Пифодориды рубежа н.э. науке не известны.

Впрочем, это обстоятельство не дает оснований сомневаться в возможности боспорской эмиссии от имени ее царственного супруга. Мы не видим особой разницы между монограммой и развернутой надписью, если их тексты совпадают.

Теперь попытаемся ответить на третий вопрос — попробуем объяснить редкость монет Полемона I понтийского чекана и широкую распространенность и разнообразие выпусков с « $\Phi\epsilon$ » на Боспоре. Сразу же заметим, что этот вопрос куда легче тех, на которые мы уже дали ответы. Дело в том, что до выхода в свет работы «On the Value of Gold and Silver in European Currencies and the Consequences on the World-wide Gold- and Silver-Trade» И. Ньютона, как известно, серьезно занимавшегося финансовой сферой экономики и даже исполнявшего обязанности руководителя Лондонского монетного двора (Карцев 1987: 290—291), монеты выпускали или для покрытия государственных расходов, или же в качестве памятных даров. Современных нам представлений о необходимости поддержания курсов валюты и об уровне монетаризации экономики древние не знали. Полагаем, что редкие боспорские статеры и понтийские драхмы Полемона I являлись памятными, а медь с монограммой — ходячими монетами, выпускаемой для финансирования расходов по управлению подконтрольной этому государю территорией Северного Причерноморья. Военные же расходы финан-

²⁸ Мы надеемся, что хоть одна из боспорских надписей Полемона I, содержащая титул « $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\eta\varsigma$ », все же сохранилась и будет когда-либо найдена. Однако ее неизвестность отнюдь не является доводом против нашей дешифровки. Ведь нельзя доказать того, что ее не было. Нам же достаточно того факта, что херсонесская надпись Полемона I издана и безупречно атрибутирована.

сировались с помощью золота с монограммами римских чиновников, о которых речь пойдет ниже.

Учтем и то обстоятельство, что эмиссия могла и должна была проходить в том регионе, в котором находился государь со своим двором. Именно это явление мы и анализировали, изучая эмиссии статеров Фарнака II (63—47 гг. до н.э.) (Чореф 2012а: 44—59). Полагаем, что само нахождение Полемона I на Боспоре привело к прекращению выпуска его именных денег на Понте. Только этим можно объяснить редкость южнопричерноморских монет этого правителя.

Итак, если наши рассуждения верны, то, получается, что у нас нет оснований сомневаться в том, что в аббревиатуре « $\Phi\epsilon$ » могло быть зашифровано «Πολέμονος βασιλέως εὐσεβοῦς».

3. Монетное дело Полемона I

(14/13 гг. до н.э. —

9/10 гг. н.э.)²⁹

Воспользуемся результатами дешифровки монограммы « $\Phi\epsilon$ ». Выделим монеты, имеющие все основания быть приписанными к эмиссиям Полемона I.

Насколько нам известно, рассматриваемая аббревиатура встречается только на одной серии боспорских статеров, к тому же, выбитых одной парой штемпелей³⁰ (рис. 4: 1, 2). С точной датировкой этих монет возникают сложности, поскольку на них отсутствуют даты выпуска по б.э. Проблема и в том, что Н.А. Фроловой на момент написания ее труда «Монетное дело Боспора» эти монеты не были известны (Фролова 1997а). Так что их штемпельный анализ ею проведен не был. В свою очередь, В.А. Анохин, издавший один

Рис. 4. Боспорские монеты Полемона I: 1, 2 — памятные статеры (Bosporan-kingdom.com: 9; Bosporan-kingdom.com: 10); 3—5 — ординарная медь (по Анохин 2011: 193—193, №1346; Bosporan-kingdom.com: 11; Bosporan-kingdom.com: 12).

Fig. 4. Bosporan coins of Polemon I: 1, 2 — memorable staters (Bosporan-kingdom.com: 9; Bosporan-kingdom.com: 10); 3—5 — usual copper (after Анохин 2011: 193—193, №1346; Bosporan-kingdom.com: 11; Bosporan-kingdom.com: 12).

из таких статеров (рис. 4: 1), предположил, что золотые с монограммой « $\Phi\epsilon$ » могли быть выпущены в первый год правления Полемона I, т.е. в 14/13 г. до н.э. (Анохин 1986: 81—82; 1999: 127; 2011: 192—193). Правда, какого-либо обоснования своей гипотезы он, к сожалению, не привел. Мы же попытаемся ее доказать.

Для этого попробуем истолковать эмиссионные обозначения, хорошо различимые на этих монетах. Так, на их реверсах отчетливо видны «А» (рис. 4: 1, 2). Причем их оттиснули в тех же частях монетного поля, где на Боспоре в I—IV вв. н.э. размещали указание на дату выпуска — под бюстом правителя. С учетом этого полагаем, что статеры действительно были выбиты в первый год правления Полемона I.

Мы отдаем себе отчет, что последнее умозаключение вызовет массу возражений. Начнем с того, что эра Полемона I нигде более не прослеживается. Мало того, при нем же продолжили эмиссию золота с обозначением даты выпуска по традиционному календарю³¹. Однако это вполне объяснимо. Вспомним об эмиссии памятных тетрадрахмах Махара (Чореф 2012с: 105—112) (рис. 2: 1). Внешне они выглядят

²⁹ Наша датировка правления этого государя будет обоснована ниже.

³⁰ Золотые оформлены практически идентично. Различия прослеживаются разве что в надписях. Причем их не скрывают даже ошибки при чеканке. Так, на реверсе одного статера (рис. 4: 1) прослеживаются следы двойного удара. В результате монограмма « $\Phi\epsilon$ » была оттиснута дважды. Однако хорошо заметно, что горизонтальные составляющие «Е» были переданы короткими жирными линиями. Но на втором статере (рис. 4: 2) символы монограммы прорезаны уже тонкими черточками. Да и под бюстом на реверсе просматриваются следы прежде сбитой «А», некогда размещенной левее и выше ныне хорошо читаемой аналогичной буквы. Полагаем, что рассматриваемая монета была выбита модифицированным штемпелем оборотной стороны, на котором заново вырезали легенду.

³¹ См. об этом ниже.

Рис. 5. Боспорские статеры времен Полемона I чекана римских магистратов: 1—6 — Марка Дурмия (по Анохин 2011: 196—197, № 1369, 1373; Bosporan-kingdom.com: 13; Bosporan-kingdom.com: 14; Bosporan-kingdom.com: 15; Bosporan-kingdom.com: 16); 7—8 — Друза Младшего (Bosporan-kingdom.com: 17; Bosporan-kingdom.com: 18).

Fig. 5. Bosporan staters from Polemon I's time, coined by the Roman magistrates: 1—6 — of Marcus Durmius (after Анохин 2011: 196—197, № 1369, 1373; Bosporan-kingdom.com: 13; Bosporan-kingdom.com: 14; Bosporan-kingdom.com: 15; Bosporan-kingdom.com: 16); 7—8 — of Drusus the Junior (Bosporan-kingdom.com: 17; Bosporan-kingdom.com: 18).

как обычные тетрадрахмы Митридата VI. Однако заметно, что на их реверсе отсутствует дата выпуска по б.э., но зато наличествуют монограмма « $\text{X}\Sigma$ » и указания на то, что монеты были выпущены в первый год правления Махара, причем на всех денежных дворах подвластных ему стратегий Боспорского государства. Полагаем, что лигатура « $\text{X}\Sigma$ » могла появиться на статерах Полемона I по той же причине — его золотые также могли быть памятными. Не случайно знаковыми элементами оформления этих монет являлись именно монограммы правителей и указания на первые годы их эр. Редкость же памятных статеров и тетрадрахм объясняется обстоятельствами их выпуска.

Не опасаясь отклониться от темы нашего исследования, обратим внимание на следующий аспект, никем ранее не отмеченный. Или, точнее сказать, неверно истолкованный³². Дело

³² В. А. Анохин склонен считать, что на реверсе боспорских статеров в то время размещали изображение Марка Випсания Агриппы (Анохин 1986: 148—149, № 255, 259—269а, 284, 285, 288, 289; 2011 192—199, № 1345, 1360—1373, 1383—1387).

в том, что сам статус Полемона I как ставленника римлян побудил его разместить на своем памятном золоте хорошо узнаваемые изображения правителей Рима: императора Августа на аверсе и Марка Випсания Агриппы на реверсе. Но это обстоятельство не могло трактоваться только как знак лояльности. Ведь вполне достаточно было бы отчеканить только на одной из сторон монет портрет *filius dei Julius*, как, собственно, это и делали во всех подконтрольных римским властям средиземноморских эмиссионных центрах (Sutherland 1984: 21—40). Нет у нас и оснований считать статеры Полемона I знаками особого пиетета по отношению к Агриппе, поскольку выпуск аналогично оформленных, т.е. «двух-портретных» боспорских монет продолжался и после его смерти, причем с различными изображениями на реверсе³³. Предполагаем, что сам факт появления на них фигур младших членов дома Юлиев имел куда более прозаические, и, в то же время, кардинально важные причины.

Вспомним, что Агриппа, в 21 г. до н.э. ставший соправителем Августа (Шифман 1990: 130—131), в 13 г. до н.э. получил империй сначала на Востоке, а потом и на Западе (Шифман 1990: 131; Парфенов 2001: 95). Так что появление его изображения на золоте боспорского чекана первого года правления Полемона I было вполне уместно³⁴. Но после смерти Агриппы ситуация не изменилась. Помощником императора стал его пасынок Тиберий Клавдий Нерон. Вследствие этого на реверсе боспорских золотых продолжали оттискивать бюст молодого мужчины, правда, уже с другими — менее резкими чертами художавого лица (рис. 5: 1—3). Но Тиберий знал о намерении отчима передать власть сыновьям Агриппы: Гаю и Луцию Цезарям³⁵. И в 6 г. до н.э. он удалился на Родос. Но некоторое время — до 1 г. до н.э. — Тиберий еще

³³ Нашу трактовку этих фигур см. ниже.

³⁴ И тем более было бы оно неуместно на золоте Аспурга, как считает С. Ю. Сапрыкин (Сапрыкин 2002: 146, 154—155). И дело тут даже не в натяжках в обосновании, справедливо отмеченных В. П. Яйленко (Яйленко 2010: 246, прим. 1). Полагаем, что ретроградное появление изображения Агриппы на монете Аспурга равно удивило бы как современных нумизматов, так и, что важнее, тогдашних жителей Боспора. Собственно, этого и быть не могло — на золоте этого северопричерноморского государства в эпоху римского господства выбивали изображения правящих (sic!) императоров.

³⁵ Собственно, ради этого Тиберия Клавдия Нерона и убедили развестись с Випсанией Агриппиной и жениться на матери мальчиков — Юлии Старшей.

сохранял трибунскую власть, т.е. продолжал быть соправителем отчима.

Удаление пасынка из Рима дало основание Августу причислить к власти Гая и Луция Цезарей. Они им были усыновлены, причем старший из них — Гай Цезарь — был отправлен на Восток. Полагаем, что на реверсе боспорских золотых, выпущенных после 1 г. до н.э. и до 4 г.н.э. (рис. 5: 4), изображали именно его. Ведь на реверсе стали размещать портрет молодого человека.

Весть о смерти Гая потрясла Рим. К власти вновь был сопричислен Тиберий Клавдий Нерон, в свою очередь усыновленный императором с дарованием имени Тиберий Юлий Цезарь. На него был распространен *imperium*, и он стал вторым человеком в государстве. Так что появление его портрета на боспорских монетах вполне ожидаемо. Но вот что интересно. Действительно, с 5/6 по 7/8 гг.н.э. на реверсах боспорских статеров размещали его, безусловно, узнаваемое изображение (рис. 5: 5—6) — портрет Тиберия Юлия Цезаря нам уже хорошо известен. Но позже, в 8/9 г.н.э., его заменили на бюст некоего молодого человека (рис. 5: 7, 8). О его возрасте убедительно говорит юношеская припухлость лица и взлохмаченные волосы. Полагаем, что так изображали сына Тиберия — Друза Младшего³⁶. Попытаемся обосновать это, основываясь на прочтении монограмм.

Современные исследователи, как и нумизматы XIX в., все так же далеки от единодушия по поводу их дешифровки. Многие из них, вслед за В.А. Анохиным (Анохин 1986: 82—89, 148, №259—269а, табл. 10; 1999: 128—129; 2011: 194—197, №1360—1373) и С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2002: 150) видят в лигатуре « Σ » имя царицы Динамии. Однако в этой же аббревиатуре читают и имя « $\Lambda\sigma\alpha\nu\delta\rho\omicron\varsigma$ » — «Асандрох» (Машкин 1949: 534)³⁷. А некоторые исследователи видят в ней «сарматский знак» — символ упомянутой царицы. Пытаются сравнить это обозначение и с эмблемой фракийского царя Саратока (444—424 гг. до н.э.)³⁸. Есть все основания считать, что « Σ » не являлась гипотетической тамгой Динамии. Как вер-

но заметил С.Ю. Сапрыкин, подобный знак не мог соседствовать с изображением римского должностного лица на золотой монете клиентального государства (Сапрыкин 2002: 100). Так что « Σ » на боспорских монетах, определенно, является аббревиатурой, причем, вернее всего, грекоязычной. Полагаем, что она представляет собой длительно используемую комбинацию символов, как, к примеру, «По-». И в различные периоды времени ею, как и современной подписью, могли шифровать разные имена.

Не менее таинственна и аббревиатура « KNE ». Ныне ее расшифровывают как «КЛЕ» или «KNE», однако правители Боспора с такими инициалами не известны³⁹. Нумизматы-античники пытались анализировать даты б.э., выбитые на таких монетах, но и это не позволило им определить правителей-эмитентов.

Вопрос о методике дешифровки аббревиатур « Σ » и « KNE » крайне запутан и чрезвычайно дискуссионен. Однако мы все же попытаемся сформулировать наши представления по поводу их прочтения.

Для этого воспользуемся стандартной методикой, используемой нами при дешифровке средневековых таврических строчных монограмм. Начнем с лигатуры « KNE ». К сожалению, большинство исследователей, занимавшихся изучением этой монограммы, так и не пытались ее дешифровать⁴⁰. В ином

³⁹ Правда, неоднократно предпринимались попытки приурочить эту монограмму к правлению какого-либо боспорского царя рубежа н.э. К примеру, В. П. Яйленко считает, что монеты с этой аббревиатурой могли быть выпущены при Митридатe II, по мнению исследователя, правившего в 8/9—9/10 гг. н.э. (см. Яйленко 2010: 271).

⁴⁰ Правда, С.Ю. Сапрыкин разобрал в ней « $\text{KA}\text{I}\Sigma\text{AP}(\text{O}\Sigma)\text{NE}(\Omega)\text{K}(\text{O})\text{P}(\text{O})\Sigma$ » (Сапрыкин 2002: 155). Основываясь на этом, исследователь заключил, что боспорский государь, использовавший монограмму « KNE », как и его потомки, был первосвященником императорского культа (Сапрыкин 2002: 155). Конечно, его точка зрения не может быть проигнорирована. Правда, остается ряд вопросов. Во-первых, какой смысл было чеканить царскую золотую монету без указания на имя ее эмитента? Довод о том, что эту информацию могли заменить на упоминание одного из титулов верховного правителя, причем, надо отметить, не самого часто используемого и важного, не является убедительным. Заметим, что подобных выпусков монетное дело Боспорского царства не знало. Во-вторых, ученый не объяснил, как он вычленил из этой монограммы «А», «Р» и «Ω». Ведь эти буквы в монограмме в принципе не просматриваются. Как верно заключил С.Ю. Сапрыкин, в « KNE » нет округлых элементов — не зря ведь он не нашел в ней «О». Однако это же обстоятельство не помешало ему разобрать в аббревиатуре «Р» и «Ω». Мы вынуждены констатировать, что С.Ю. Сапрыкин

³⁶ Полное имя: Tiberius Drusus Claudius Iulius Caesar Nero.

³⁷ К слову, всякие сомнения насчет мифичности Асандроха были рассеяны в результате обнаружения посвятельной надписи «Царя Аспурга, друга римлян, сына царя Асандроха» (Фанагория 2008: 56—57).

³⁸ Сведения об этом приведены Н.А. Фроловой (Фролова 2010а: 243—258).

случае они обязательно заметили бы перекладину, ограничивающую ее сверху. Дело в том, что эта линия могла быть элементом одной из букв лигатуры. В нашем случае это, безусловно, «Т» — ее вертикальная составляющая проходит по центру аббревиатуры. Символ, расположенный левее ее, также определенно читаем. Безусловно, это «К». Продольная линия «Т» в сочетании с параллельной ей чертой и наклонной чертой образуют хорошо узнаваемую «N». А «Е», размещенное в правой части монограммы, видят все современные исследователи. Таким образом, мы получаем вместо гипотетических «КЛЕ» или «KNE» вполне понятное «TKNE», которое, безусловно, расшифровывается как Τιβέριος Κλαύδιος Νέρων — *Тиберий Клавдий Нерон*.

Изученные статеры не могли быть выбиты в честь Тиберия Юлия Цезаря (14—37 гг. н.э.) — пасынка Гая Октавия Цезаря Августа, к тому времени уже по усыновлению не именовавшегося Тиберием Клавдием Нероном. Вернее всего, их отчеканили от имени Друза Младшего (von Köhler 1850c: 193, 201; de Koehne 1857: 118), разделившего со своим отцом трибунскую власть и бывшего консулом в 15 и 21 гг. н.э. (RE: 431—434, № 136).

Считаем своим долгом отметить, что к этому же выводу пришел киевский собиратель Ю. Л. Покрасс. Правда, он не смог обосновать свое прочтение ни исторически, ни эпиграфически. А его заключение о том, что Тиберий Клавдий Нерон мог быть назначен правителем Боспора (царем?) (Покрасс 2003: 34—35), не заслуживает даже критики. Мы же считаем, что монограмма Тиберия являлась очевидным свидетельством подконтрольности Боспора Римской империи.

Не должен смущать сам факт размещения на северопонтийских золотых монограммы Тиберия. Как известно, в честь его отца правители Боспора позже взяли себе династические имена Тибериев Юлиев. Но все же попытаемся объяснить это явление. Тиберий получил в 4 г. н.э. *imperium maius*, а в 6 г. н.э. ему было поручено подавить восстание в Иллирии и Паннонии. Полководцу пришлось мобилизовать все ресурсы Балканского и Причерноморского регионов. Следовательно, есть все основания считать, что он мог во время войны устроить дела и в таком

отдаленном уголке римской ойкумены, как Северный Понт. Заметим, что монеты с лигатурой «КЕ» были выпущены в 306 и 307 гг. б.э., т.е. в последние годы Балканской кампании.

Перейдем к лигатуре «X»⁴¹. Она является столбовой монограммой, следовательно, читать ее можно или сверху вниз, или снизу вверх. А так как подобные аббревиатуры составляли из первых символов слов, то первый вариант ее дешифровки явно предпочтительнее. Попробуем выделить буквы. Обратим внимание на точки, ограничивающие отрезки — составляющие символов. Судя по ним, в нижней части лигатуры была размещена «Δ». Выше ее видна «M». Причем их сочетание не может образовывать какой-то иной буквы, так как в монограмме различима верхняя ограничительная точка «Δ». Если наши рассуждения верны, то лигатура «X» состоит из двух букв: «M» и «Δ». Попробуем установить ее значение.

У нас нет никаких оснований видеть в лигатуре «X» монограмму Динамии. Эллинские династы не использовали имен своих великих предков в качестве эпитетов. Да и не шифровали в монограммы отдельные, отстоящие

⁴¹ Мы настаиваем именно на такой ее передаче. Правда, нам могут возразить, что на монетах Августа и Тиберия (рис. 5: 1—3) вроде бы просматривается несколько иная монограмма. Часть исследователей видит в ней «M». Но дело в том, что гипотетический «уголок» (рис. 5: 1—2) или «точка» (рис. 5: 3) в вершине «Δ», судя по образующим их непропорционально тонким и прерывистым линиям, могли появиться случайно. Вернее всего, они возникли в результате небрежности резчика или же в ходе разрушения самой уязвимой части штампа, которой, без сомнения, являлась довольно сложная, но, в то же время, небольшая монограмма. Впрочем, мы не можем упустить возможность видеть в «точке» след разметки монетного поля. Но, в любом случае, сама констатация этого факта лишает нас возможности вычленять из «X» безусловную «A». Заметим, что В. А. Анохин (Анохин 1986: 82, табл. 40: 40; 1999: 128) и Н. А. Фролова (Фролова 1997а: 25—28, 194—196) не допускали выявления вместо очевидной «M» гипотетической «X». Правда, в своей последней работе В. А. Анохин счел возможным отметить, что на ряде монет монограмма «X» имеет дополнительные элементы. Конкретнее, ученый увидел на всех описанных им статерах этой разновидности именно «X» (Анохин 2011: 194, 196, № 1360—1373). Однако мы можем объяснить это не столько исключительной тщательностью описания нумизматического материала, сколько небрежностью при оформлении текста. Дело в том, что на ряде приведенных нумизматом фотографий определенно видна именно «X» (Анохин 2011: 197, № 1370—1373), а не «M». Само же разнообразие начертаний монограммы убеждает нас в том, что дополнительные ее элементы образовались случайно и учитываться не должны.

не читал монограмму, а пытался интерпретировать ее, причем с привлечением отнюдь не безупречных аналогий. Собственно, его ошибка была определена практически общепринятым ныне подходом к дешифровке древних лигатур: их не разбирают, а истолковывают.

Рис. 6. Монограммы на монетах римского времени: 1 — ауреус Марка Дурмия (Acsearch.info: 8); 2 — денарий чекана Публия Мения Антиатина (Acsearch.info: 9); 3 — анонимный кистифор Эфеса, выпущенный под контролем анонимного римского квестора (Acsearch.info: 10); 4 — афинская тетрадрахма Луция Корнелия Суллы (Acsearch.info: 11); 5 — тетрадрахма Августа (Coinarchives.com); 6 — пантикапейский статер Фарнака II (по Анохин 2011: 186—187, № 1305); 7, 8 — римская провинциальная бронза чекана Сената (7) (Acsearch.info: 12) и Августа (8) (Acsearch.info: 13).

Fig. 6. Monograms on the coins of the Roman time: 1 — Aureus of Marcus Durmий (Acsearch.info: 8); 2 — denarius of Publius Menius Antius (Acsearch.info: 9); 3 — cistophorus of Ephesus, issued under the supervision of an anonymous Roman quaestor (Acsearch.info: 10); 4 — Athenian tetradrachm of Lucius Cornelius Sulla (Acsearch.info: 11); 5 — cistophorus of Augustus (Coinarchives.com); 6 — stater of Panticapaeum of Pharnaces II (after Анохин 2011: 186—187, № 1305); 7, 8 — Roman provincial bronze coinage of the Senate (7) (Acsearch.info: 12) and Augustus (8) (Acsearch.info: 13).

друг от друга буквы одного и того же слова. Как правило, аббревиатуры составляли из инициалов. Кроме того, Динамия титуловала себя $\Phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ — «любящая римлян», что совершенно не увязывается с гипотетическим пропагандированием ее родственных связей с одним из страшнейших врагов «Вечного города». В любом случае, в лигатуру могли также объединить первые буквы имени правительницы и ее важнейшего титула, т.е. $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\iota\sigma\sigma\alpha \Delta\upsilon\omicron\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ — «царица Динамия». Получается, что раз в «X» нельзя увидеть ни отдельной «Д», ни ее сочетания с «В» или «Ф», то у нас нет никаких оснований приписывать эту аббревиатуру Динамии.

Отвергнув наиболее популярную гипотезу дешифровки лигатуры «X», попытаемся предложить свою. Первым делом отметим, что уже нумизматами первой половины XX в. было замечено, что сам факт эмиссии золота на Боспоре в рассматриваемый период совершенно экстраординарен. На рубеже н.э. монету из этого металла *in Pace Romana* чеканили только от имени императора. Было высказано предположение, что чеканка статеров

на Боспоре контролировалась римскими чиновниками. Правда, их метки так и не были выявлены. Попробуем их найти.

Известно, что на римских монетах, выпущенных на рубеже н.э., проставлялись имена и знаковые символы триумвиров. Одним из них был Марк Дурмий, отвечавший за выпуск золота и серебра в 19/18 гг. до н.э. (Sutherland 1984: 64). На всех его монетах бивалась надпись «M. DVRM[IVS] III VIR» (рис. 6: 1). К сожалению, нам недостаточно хорошо известна биография этого монетария. Мы знаем только то, что его сын Гай Уммидий Дурмий Квадрат родился в 12 г. до н.э. Следовательно, Марк Дурмий в 19 г. до н.э. был еще молодым человеком. В начале второго десятилетия I в. н.э. упоминание о фамилии Дурмиев попало на страницы светской хроники — молодой Гай путем усыновления вступил в знатную италийскую семью Уммидиев, что, собственно, и стало первым шагом его карьеры. Уже в 14 г. н.э. он стал квестором (PIR: 468—469, № 600). Понятно, что новоявленный Гай Уммидий не смог бы войти в сенат, если бы Дурмии оказались в опале. В таком случае, сам факт столь долгого

ожидания баллотировки говорит о длительном отсутствии его первоначальной фамилии в столице. Вернее всего, Марк Дурмий исполнял важную должность в провинции. Предполагаем, что он курировал монетное производство в Боспорском царстве. Судя по периоду использования монограммы «X», экс-триумвир с 9/8 по 7/8 г. н. э. контролировал качество местных статов.

Заметим, что факты размещения монограмм магистратов Республики и ранней Империи на монетах столичного и провинциального чекана не так уж и редки. В качестве примера приводим только изображения хорошо известных и изученных монет: денария 132 г. до н. э. чекана Публия Мения Антиатика (рис. 6: 2), анонимного кистофора Эфеса 133—56 гг. до н. э., выпущенного под контролем анонимного римского квестора (рис. 6: 3) и афинской тетрадрахмы Луция Корнелия Суллы, выпущенной в 86—84 гг. до н. э. (рис. 6: 4). Так что факт появления монограмм «X» и «KE» на монетах Боспора отнюдь не единичен, а, можно сказать, ординарен.

Но интересно и другое. Уже во второй год правления Полемона I на статерах вновь стали проставлять даты по б. э. Это обстоятельство вроде бы позволяет предполагать смену правителей (Анохин 1986: 82; 1999: 128—129; 2011: 194). Или же начало выпуска монет от имени Аспурга, как считают С. Ю. Сапрыкин (Сапрыкин 1996: 322; 2002: 150) и Н. А. Фролова (Фролова 1997а: 64—67). Но мы не видим оснований принять ни один из этих выводов. Если в монограммах «X» и «KE» были зашифрованы имена римских магистратов, то сам факт наличия таких обозначений свидетельствует всего лишь о контроле официальных римских властей за эмиссией золота на территории Понтийского государства Полемона I⁴².

Но, *ad rem*. Если наше прочтение монограммы «AE» верно, то есть все основания отнести к чекану Полемона I серии меди с ней на реверсе⁴³ (рис. 4: 3—5). И нас не останавливает даже прослеженное С. Ю. Сапрыкиным их стилистическое сходство с выпусками последних Митридатидов (Сапрыкин 2002: 149—150). Цари Понта свою медь не выпускали, поэтому аналогии в оформлении серий разменных

денег чекана государств Южного и Северного Причерноморья проследить довольно трудно. Учтем и то, что жители Понтийского региона могли почитать одних и тех же богов, появление изображений которых на монетах было бы вполне уместным. В конце концов, вспомним о публикации В. М. Брабича, проследившего египетские (sic!) мотивы в оформлении боспорской меди рубежа н. э. (Брабич 1960: 41—45, табл. I). А этого вполне стоило бы ожидать, учитывая то, что Пифодорида была внучкой Клеопатры VII (51—30 гг. до н. э.).

Не стоит удивляться и тому обстоятельству, что монограмма Полемона I столь активно проставлялась на разменной монете. Ведь он правил довольно долго, причем, судя по отеснению его от выпуска золотых, должен был довольствоваться эмиссией прибыльной и, похоже, кредитной меди⁴⁴. Судя по регулярному снижению ее стопы, Полемон I активно использовал свое право на монетную регалию. По мнению Н. А. Фроловой, он выпустил четыре серии медных монет (Фролова 1997а: 182—193). Интересно, что Полемон I сначала столкнулся с определенными сложностями, со временем им преодоленными. Не случайно на первых сериях его меди монограмма «AE» была основным элементом оформления реверса (рис. 4: 3). Вернее всего, правитель был вынужден таким образом гарантировать стоимость своей монеты⁴⁵. Позднее на оборотных сторонах выпусков меди появились сначала знаковые (рис. 4: 4), а потом и символичные (рис. 4: 5) обозначения номиналов, но при обязательном сохранении монограммы правителя. Получается, что проблема теоретически оставалась. Но, в любом случае, судя по падению монетной стопы, эти новации были приняты обществом.

Полагаем, что выявленные обстоятельства позволяют рассуждать о значительной роли Полемона I в формировании денежной системы Боспорского государства⁴⁶. При нем не только возобновили эмиссию именной

⁴² Монетные дворы Боспора при Махаре также не ограничились выпуском его памятных монет. Вскоре они продолжили эмиссию ординарного золота и серебра, т. е. с указаниями даты выпуска по б. э.

⁴³ Приводим изображения монет только тех разновидностей, которые важны для изложения материала.

⁴⁴ Не считаем нужным приводить изображения всех многочисленных разновидностей боспорской меди Полемона I. Это только перегрузит статью и лишит ее требуемой четкости в изложении материала. Вполне достаточным будет проиллюстрировать ее только исключительно характерными изображениями монет.

⁴⁵ Эта же причина побудила правителя восточной части Боспора надчеканивать медные монеты Асандра штампами с дифферентом «▲» (Чореф 2012d: 86—91), который может быть признан знаком аспургиан (Чореф 2012a: 44—59).

⁴⁶ Мы категорически отказываемся считать их меморативными.

№6. 2013

царской меди, но и разработали удобную буквенно-цифровую систему обозначения номиналов, что тогда было в римском мире большой новостью.

Искания Полемона I были вполне объяснимы. К моменту его прихода к власти на Боспоре обращались оболы и тетрахаки Асандра, выбитые на разменных деньгах выпуска II—I вв. до н.э. А к концу правления ему удалось создать стройную денежную систему, с некоторыми модификациями функционировавшую до конца II в. н.э.⁴⁷

Также у нас есть возможность объяснить тактику Полемона I, велевшего проставлять свою монограмму на меди. Дело даже не в том, что так практиковалось при его предшественниках — Ахеменидах. Ведь Полемон I был царем, а не рядовым чиновником. В качестве примера рассмотрим хорошо известные римские монеты провинциальной чеканки (рис. 6: 7, 8). Первая из них (рис. 6: 7) была выпущена под контролем римского сената, что следует из размещения на ее реверсе аббревиатуры «SC» («senatus consulto» — «сенатским постановлением»), а вторая (рис. 6: 8) — по приказу самого императора⁴⁸. Их поступление в обращение также объясняется стремлением нормализовать денежное хозяйство после завершения Гражданских войн⁴⁹. Причем, что интересно, само наличие монограмм эмитентов при отсутствии прочих специальных знаков должно было удостоверять полноценность монеты. Так что у нас нет оснований удивляться появлению монограммы Полемона I на меди его чекана, раз уж Император Цезарь Август и римский Сенат в то же время поступали таким же образом.

⁴⁷ Речь идет о денежной реформе Савромата II (471—507 гг. б.э., 174/175—210/211 гг. н.э.), в ходе которой в обращение поступили драхмы боспорского чекана (Чореф 2012b: 177).

⁴⁸ Заметим, что существуют две точки зрения по поводу атрибуции монет с аббревиатурой «CA» на реверсе. Ранее было принято расшифровывать это сокращение как «Commu[n]e Asiae» и, соответственно, приписывать монеты чекану Пергама (Sutherland 1984: 81—82, №495—504). Однако широта ареала их обращения, включающего всю римскую Азию, Кипр и Северную Сирию, побуждает нас отказаться от мысли видеть в этих монетах всего лишь один из многих региональных выпусков. Полагаясь на мнение авторов «Roman Provincial Coinage» (Burnett, Amandry, Ripollès 1998: 380—381, №2227—2236), считаем, что в «CA» следует видеть «Caesar Augustus» — «Цезарь Август», и, следовательно, отнести эти монеты к провинциальным эмиссиям императорского фиска.

⁴⁹ Речь идет о денежной реформе в 31—27 г. до н.э. (Абрамзон 1995: 45).

Но вернемся к боспорскому золоту рубежа н.э., конкретнее, к статерам с монограммами «X» и «KE» (рис. 5). На первый взгляд, складывается впечатление, что они уже досконально изучены. Но это не так. Обратим внимание на то, что на ряде этих монет просматриваются дифференцы «●» и «●●»⁵⁰. Они хорошо видны на реверсах статеров 286, 299, 303, 304 и 306 гг.б.э., т.е. 10/9 г. до н.э., 2/3, 5/6, 6/7 и 7/8 гг.н.э. (рис. 5: 2, 4, 5, 6, 8). Полагаем, что само наличие этих меток свидетельствует об организации эмиссии боспорского золота за пределами стратегии Боспор, а точнее, на Тамани⁵¹. Причем выпуски золота в этом регионе были тогда довольно спорадическими. Судя по известным нам нумизматическим данным⁵², римский ставленник Полемон I четырежды, правда, ненадолго, смог закрепить в Восточном Приазовье. Причем если самый продолжительный его период управления в области «●» длился всего два года (рис. 5: 5, 6), то после появления монет с «●●» на реверсе в 7/8 г.н.э. выпуск статеров под контролем римских чиновников прекратился⁵³. А позже, судя по отсутствию дифференцов, золото довольно долго чеканили только в Пантикапее, причем под контролем самого государя (Чореф 2012a: 47—48). Полагаем, что это обстоятельство можно объяснить разгромом войска Полемона I, приведшем к гибели самого царя.

⁵⁰ По мнению В. А. Анохина, они свидетельствуют о «характере выпуска золота», т.е., по-видимому, об источнике финансирования его чекана. Полагаем, что эти знаки являлись метками монетных дворов (Чореф 2012b: 171—200). Судя по собранным нами данным, обычай проставлять подобные обозначения на боспорских монетах возник при Фарнаке II (Чореф 2012a: 44—59).

⁵¹ В. А. Анохин трактовал эти дифференцы как указание на источник поступления драгоценного металла (Анохин 1986: 105—109). Однако сам факт их отсутствия на большинстве разновидностей золотых боспорских монет времен Полемона I убедительно опровергает гипотезу о финансировании римлянами их эмиссии.

⁵² Опираемся на статистику, собранную Н. А. Фроловой. Мы позволили себе только несколько уточнить эти сведения с учетом недавней публикации В. А. Анохина (Анохин 2011). На рис. 5: 1, 5 приводим изображения статеров с монограммой «X», выпущенных в 286 г.б.э. (12/11 г. до н.э.) и в 288 г.б.э. (10/9 г. до н.э.). Кроме того, акцентируем внимание на дифференцах, не проанализированных В. А. Анохиным (2011: 194—197, №1360—1371) и Н. А. Фроловой (1997a: 194—196, табл. XI: 1—18).

⁵³ О золоте гипотетического третьего правления Динамии см. ниже.

Если наши рассуждения верны, это произошло во время четвертого похода на Восток, т.е. в 9/10 г.н.э.

4. Междущарствие (9/10 г.н.э.)

Сам факт прекращения использования монограмм «Δ» и «ΚΕ» истолковать довольно трудно. Причем именно как свидетельство поражения и гибели Полемона I. Однако интересно, что вместо них на статерах⁵⁴ (рис. 7: 1, 2) появились аббревиатуры «Α» и «Α», хорошо известные историкам, изучающим нумизматику античных государств⁵⁵, в том числе и Северного Причерноморья. Так, первая из них встречается на выпусках Херсонеса до-римского периода (Анохин 1977: 28—29, 34, 57—58, 60—67, 69, 71, 81, 147—152), и обе — на монетах Ольвии (Фролова, Абрамзон 2005: 219—221, 225—226, 229, 230). По мнению большинства нумизматов-античников, исследующих древности Северного Причерноморья, в «Α» стоит видеть «Παρθένος». Собственно, и мы так считали (Чореф 2010а: 76—120). Очевидно, что в ней различимы буквы «Α», «Π» и «Ρ», входящие в состав почетного прозвища херсонесской Девы. Однако аналогичная монограмма известна не только на деньгах упомянутой колонии Гераклеи Понтийской. Она, как мы уже писали, встречается на монетах Ольвии. Но куда более интересно то, что, судя по размещению, «Α» и «Α» служили сокращениями указаний на должность эмитента. К такому выводу пришли Н.А. Фролова и М.Г. Абрамзон (Фролова, Абрамзон 2005: 173—185, 195—199, 219—221, 225—226, 229, 230). Они считают, что в «Α» шифровали фразу «πρῶτος ἄρχοντας» — «первого архонта» (Фролова, Абрамзон 2005: 219). Мы принимаем точку

зрения этих исследователей⁵⁶, т.к. она лучше объясняет появление этого сокращения на монетах различных эмиссионных центров.

Это означает, что на Боспоре в 307 г.б.э. (10/11 гг.н.э.) возобновилась эмиссия золота от имени полисных властей, чего не наблюдалось уже триста лет (Анохин 1986: 54—55; 1999: 75—76, рис. 17: 1—3; 2011: 150—151, №1027, 1028). Следовательно, правивший до этого Полемон I перестал влиять на ситуацию на Боспоре, причем никто из его родственников или покровителей-римлян в ситуацию вмешаться уже не смог⁵⁷. Единственным тому объяснением могла быть гибель царя во время похода на Восток и вызванный этим кризис власти в стратегии Боспор и в Пантикапее, в частности.

Причем прежняя аббревиатура была спешно срезана со штампа реверса. На оборотной стороне монеты, изображенной на рис. 7: 1, хорошо видны следы этой операции. Объяснить эту модификацию можно двояко. Понятно, что, судя по удалению монограммы «ΚΕ», а именно она и могла располагаться на этом участке монетного поля, Друз Младший в 307 г.б.э. (10/11 гг.н.э.) уже не контролировал эмиссию боспорского золота. Поэтому аббревиатуру его имени могли удалить. В таком случае, что же помешало изготовить новый штамп? Ведь речь шла о выпуске золота, до того времени отличавшегося изяществом оформления. Похоже, боспорские монетарии очень спешили. Им срочно нужно было

⁵⁴ Обратим внимание на статер, изображенный на рис. 7: 1. Хорошо видно, что штамп его реверса был подрезан. Монетчики срезали прежнюю монограмму и разместили на ее месте новую. Полагаем, что это обстоятельство отнюдь не случайно, и объясним его в свое время.

⁵⁵ Ареал распространения монограмм «Α» и «Α» был крайне широк. К примеру, в интересующем нас регионе они хорошо известны на золоте и серебре лисимаховского типа (Анохин 1986: 34; 2011: 118—119, №784; Boehringer 1975, taf. 3: 11; Müller 1858: taf. III—IX; Seyrig 1971: 25) и на именных выпусках государей Понта (Анохин 2011: 124—125, №825; Waddington, Reinach, Babelon 1904: 18, 19). Их использовали и в эпоху римского господства. По данным, собранным С.Ю. Сапрыкиным, монограммы, включающие в свой состав символы «Α» и «Π», активно проставлялись после 2 г. до н.э. на монетах Августа провинциальной восточной чеканки (Сапрыкин 2002: 154).

⁵⁶ Не видим оснований принять выводы С.Ю. Сапрыкина, заключившего, что появление монограмм «Α», «Α» и «Α» можно объяснить пиететом Аспурга перед Августом (Сапрыкин 2002: 154). И дело тут не в том, что мы не поддерживаем его толкование монограмм. Действительно, трудно разобрать в последней из них — «Α», безапелляционно заявленное исследователем «πατρ(ος) πα(τρίδος)» — мешает хорошо заметная «Χ». Похоже, что мы имеем дело с еще одной группой сокращений длительного использования. Так, в разные периоды времени с помощью «Α» могли шифровать различные понятия. К примеру, они известны как на посмертных выпусках Лисимаха (324—281 гг. до н.э.) (Анохин 1986: 34; Boehringer 1975: Taf. 3: 11; Müller 1858: taf. III—IX; Seyrig 1971: 25), так и на монетах Птолемея (Анохин 2011: 180—181, №1260). Так что навряд ли в ней могли шифровать только «πατρ(ος) πα(τρίδος)». То же можно сказать о «Α» и «Α». Они вполне традиционны для греческого мира. А последняя аббревиатура, кстати, известна и на статерах Фарнака II (рис. 6: 6). Впрочем, она встречается и на провинциальном серебре Августа (рис. 6: 5), правда, как краткое упоминание должности городского магистрата.

⁵⁷ О монетах гипотетического третьего правления Динамии см. ниже.

наладить эмиссию новых статеров. Это можно объяснить только высокой потребностью в полноценных платежных средствах, возникающей во время войн и общественных потрясений⁵⁸.

Убеждает в верности этого предположения следующее обстоятельство. В 308 г.б.э. (11/12 гг.н.э.) были отчеканены статеры с монограммой «Α»⁵⁹ на реверсе. Хорошо видно, что эта аббревиатура состоит из хорошо узнаваемого сокращения «По-» и «А» — первой буквы слова. Однако монограмма не включает в себя буквосочетания «ΒΑ», поэтому она не может быть приписана царю. Это важно в том смысле, что в «По-» нельзя видеть первые буквы имени Полемона I или Полемона II. Впрочем, оно не подходит для шифрации имени какого-либо другого государя, правившего в то время в Причерноморском регионе. А с учетом вышеприведенного разбора возможных значений этого буквосочетания, получаем, что оно могло содержать указание на титул или должность правителя. В таком случае, «Α» может быть первой буквой его имени.

Итак, очевидно, в монограмме «Α» зашифрованы имя и указание на должность эмитента, не являющегося царем. Попытаемся установить название этой должности. Для этого обратимся к материалам КБН. В широко известной посвятителной надписи в честь Тиберия Юлия Тираниса (563, 572—575 гг.б.э., 266/7, 275/6—278/9 гг.н.э.) и его жены Элии мы находим упоминание о боспорских политархах. Других созвучных должностей мы в регионе не знаем. Полагаем, что наш эмитент тоже мог быть политархом. Но кто же он?

Известно, что по завершении междоусобицы новым боспорским государем стал

Рис. 7. Денежное дело Боспора периода междоусобицы (9/10—13/14 гг.н.э.): 1 — статер первого архонта (по Анохин 2011: 198—199, №1385); 2 — статер политарха Аспурга (по Анохин 2011: 198—199, №1386); 3 — анонимная медь номиналом в семь единиц (Bosporan-kingdom.com: 19); 4, 5 — медь (4) и золото (5) Тиберия Юлия Аспурга (Bosporan-kingdom.com: 20; Bosporan-kingdom.com: 21).

Fig. 7. Coinage of Bosporus period of Interregnum (9/10—13/14 years. BC): 1 — stater of the first Archon (after Анохин 2011: 198—199, №1385); 2 — stater of politarch Aspurgus (after Анохин 2011: 198—199, №1386); 3 — anonymous copper par with seven units (Bosporan-kingdom.com: 19); 4, 5 — copper (4), and gold (5) coins of Tiberius Julius Aspurgus (Bosporan-kingdom.com: 20; Bosporan-kingdom.com: 21).

Аспург, сын Асандроха⁶⁰. Причем отец этого правителя всегда титуловался царем. Другие кандидаты на боспорский престол нам не известны. Вслед за С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2002: 150) полагаем, что монограмма «Α» может быть приписана Аспургу, на определенном этапе своей карьеры, похоже, являвшегося политархом Боспора⁶¹. Мы читаем в «Α» «[πο]λειτάρχου [Α]σποῦργου» — «политарха Аспурга».

О кардинальности потрясений свидетельствует и выпуск медной монеты, во всем напоминающей позднейшие выпуски Полемона I в одну, две и семь единиц (Фролова 1997а: 192—193)⁶² без монограммы «ΑΕ» на реверсе (рис. 7: 3). Полагаем, что эти анонимные монеты могли быть выпущены одновременно с золотом, снабженным аббревиатурой «ΑΠ». Ведь очевидно, что первый архонт Пантикалея навряд ли рискнул бы разместить свою метку на том же месте, на котором была ранее

⁵⁸ Подобные модификации штемпелей практиковались и при Фарнаке II (Чореф 2012а: 44—59). Но тогда они были вызваны необходимостью наладить денежное производство на вновь завоеванных территориях.

⁵⁹ Настаиваем именно на таком написании этой аббревиатуры. Т.е. мы уверены, что в ее состав не входила «Р», вроде бы просматривающаяся в правой части монограммы. Наша убежденность основывается на том, что скопление точек у пересечения горизонтальной и правой вертикальной составляющих «Π», в любом случае, не образует полукружия «Р». Заметим, что подобные «лишние» точки в изобилии обрамляют изучаемую аббревиатуру. Так, они видны под «Α» и над «Ο». Похоже, что, размещая их, мастер отмечал контуры монограммы. Также они окаймляют и «Π». Причем их скопление у правой части «Π» можно объяснить небрежностью ее передачи. Как хорошо видно на рис. 7: 2, ее вертикальные составляющие разной длины. Буква получилась искаженной, вследствие чего точки разметки сохранились.

⁶⁰ Учитываем выводы В.П. Яйленко (Яйленко 2010: 254).

⁶¹ Принимаем и точку зрения Ю.Г. Виноградова (Виноградов 1994: 153—154).

⁶² Считаем это обстоятельство очень важным и обратимся к его анализу несколько ниже.

Рис. 8. Изображения фальшивых статеров гипотетического третьего правления Динамии (1 — Bosphoran-kingdom.com: 1; 2 — по Анохин 2011: 198—199, № 1387; 3 — по Фролова 2010b: рис. 2: 3, 3a; 4 — Bosphoran-kingdom.com: 2).

Fig. 8. Image of the false staters of hypothetical third reign of Dynamis (1 — Bosphoran-kingdom.com: 1; 2 — after Анохин 2011: 198—199, № 1387; 3 — after Фролова 2010b: рис. 2: 3, 3a; 4 — Bosphoran-kingdom.com: 2).

оттиснута царская монограмма Полемона I. А заменить аббревиатуру римского монетного чиновника он мог, т.к. продолжал контролировать выпуск золота, санкционированного императором.

Только после воцарения Тиберия Юлия Аспурга (13/14—37/38 гг. н.э.)⁶³ на меди государственного чекана появилась изящная монограмма « ΔP » (рис. 7: 4), включающая в свой состав уже привычный элемент «По-»⁶⁴. Размещение же ее на золоте (рис. 7: 5) свидетельствует о новом статусе боспорского правителя. Он, похоже, сохранил главное достижение революции 9/10—13/14 гг. н.э. — право эмиссии статеров под своим контролем. А этот факт свидетельствует об укреплении положения на Боспоре местных династов.

5. К вопросу о гипотетическом третьем правлении Динамии (13/14 гг. н.э.)

Речь пойдет о довольно редкой разновидности золота с датой 310 г.б.э. (13/14 г.н.э.) с весьма небрежно переданной монограммой « Δ » на реверсе. Считаем, что вопрос ее атрибуции уже досконально и безупречно разобран Н. А. Фроловой. По мнению исследовательницы, эта единственная известная ей монета такого типа — современная подделка (Фролова 2010b: 258). Но эта точка зрения так и не ста-

ла общепринятой. Например, В. А. Анохин в своей последней работе продолжает настаивать на подлинности этого золотого (Анохин 2011: 198—199, № 1387). Причиной тому стало досадное несоответствие большинства введенных в научный оборот фотографий объекта спора самому оригиналу.

Чтобы удостовериться в этом, обратим внимание на небольшую подборку изображений (рис. 8). Самое раннее из них издал В. А. Анохин (Анохин 1986: табл. 11: 293) (рис. 8: 2). На наш взгляд, оно выглядит безупречно. По крайней мере, монограмма на ней вполне безукоризненна. Она кажется единой, какие-либо новые элементы в ней не просматриваются. Правда, точно такие же изображения правителей на боспорских статерах не встречаются. На это справедливо обратила внимание Н. А. Фролова (2010b: 258). Но это вполне можно объяснить изготовлением новых штампов для их производства. Не менее интересен и эмиссионный знак, просматривающийся под этой аббревиатурой. По мнению В. А. Анохина, он представляет собой « $\bullet$ ». Мы же увидели в нем два окончания лучей «звездочки», что довольно плохо объяснимо⁶⁵. В любом случае, понятно, почему В. А. Анохин признал эту монету подлинной.

Перейдем теперь к фотографии золотого (рис. 8: 3), изданного Н. А. Фроловой (2010b: рис. 2: 3, 3a). Хорошо видно, что «монограмма» на его реверсе — всего лишь плохая копия хорошо известной « Δ ». Видно, что ее «составные части» не соприкасаются, причем верхний угол « Δ » обозначен граничной точкой, как будто бы она и не должна была стыковаться с «М». Куда интереснее, что под «монограммой» определенно просматриваются следы сглаженной «звездочки». Точнее, двух ее верхних лучей. Заметим, что довольно трудно ожидать появления на боспорском золотом рубежа н.э. дифферента, активно использовавшегося с III в. н.э. (Чореф 2012b: 174—178) и совершенно не известного на подлинных монетах I—II вв. н.э. — до Евпатора включительно. С учетом этих обстоятельств, говорить о подлинности данной монеты уже не приходится.

Все же обратим внимание еще на одно изображение этого золотого — современную фотографию, размещенную на сайте (Bosphoran-kingdom.com: 1) (рис. 8: 1). Она сравнительно недавно была опубликована

⁶³ Принятие прономена и номена наследника Августа могло свидетельствовать об установлении клиентальных отношений.

⁶⁴ Мы истолкуем ее в свое время.

⁶⁵ Полагаем, что они и не будут выявлены. Дело в том, что они являлись метками пантикапейского монетного двора, впервые задействованными во II в. н.э. (Чореф 2012b: 174—178).

Американской нумизматической ассоциацией (numismatics.org). Видно, что статер оформлен не просто грубо, но, прямо скажем, весьма неправдоподобно. Стоит обратить внимание на то, что «составные части» неординарной «монограммы» не соединены. Под ней четко видны окончания лучей «звездочки», правда, четырехлучевой, до сих пор не встречавшейся на боспорском золоте. Очевидно, что рассматриваемый «статер» представляет собой довольно неумело исполненную современную фальшивку.

Однако не эти обстоятельства привлекли наше внимание. Недавно появилась информация о еще одной монете этой разновидности (рис. 8: 4). Судя по ее публикации на сайте (Bosporan-kingdom.com: 2) без каких-либо ссылок на аукционы, она происходит с территории Украины. На аверсе этой монеты выбито вполне современное нам изображение молодого мужчины, причем славянской внешности — стоит обратить внимание на его нос и на разрез глаз. Не менее примечателен и невиданный обрез его шеи. Напомним, что на подлинных статерах он всегда прямой, а на изучаемом нами — фигурный. Более того, реверс этой монеты был сформован вновь вырезанным штемпелем, но уже без следов «эмиссионного знака». Примечательно и то, что «монограмма» прорезана безукоризненно четко, но ее составные части все так же не соединены. Нам не кажется неожиданным и то, что небрежная «М» — верхняя составляющая «монограммы» — превратилась в сочленение двух треугольников. Похоже, что сказалась попытка утрировать грубую реплику «X» на первом «статере», известном новоделам, ориентирующимся на публикацию Ю.Г. Виноградова (1994: 151—170).

Полагаем, что обе монеты были изготовлены умельцами в разное время для коллекционеров, причем, судя по региону «обнаружения» позднейшей, — на территории современной Украины. Сам же факт их поддельности лишает нас оснований рассуждать о гипотетическом третьем правлении Динамии.

6. К вопросу об атрибуции монограммы «BAM»

Перейдем к небольшой, но довольно интересной группе медных монет, изображения которых приведены на рис. 9. Они примечательны тем, что на их аверсе (рис. 9: 2) или реверсе (рис. 9: 1, 3) хорошо видна небрежная монограмма «BAM». Похоже, что ее разрабатывали крайне торопливо и столь же экс-

Рис. 9. Монеты царей Митридата II (1—3) (по Анохин 2011: 198—199, № 1388—1390) и Аспурга (4—5) (по Анохин 2011: 202—203, № 1418; Bosporan-kingdom.com: 3) с разными тамгами.

Fig. 9. Coins of the kings Mithridates II (1—3) (after Анохин 2011: 198—199, № 1388—1390) and Aspurgus (4—5) (after Анохин 2011: 202—203, № 1418; Bosporan-kingdom.com: 3) with different tamgas.

тренно формовали с ней штемпеля. Так, место для нее изначально не выделяли. Судя по известным монетам, ее размещали на свободных участках монетного поля, причем даже с разрывами (рис. 9: 2) и в две строки (рис. 9: 3). Так что не стоит удивляться тому, что ее элементы не скомпонованы в изящную монограмму, как, к примеру, «BAE», «PA» или «A». А это говорит о том, что ее изначально размещать и не собирались. Похоже, что появление «BAM» стало возможным только после некоего кардинально важного, но неожиданного события, содержание, время и обстоятельства которого мы и попытаемся установить.

Первым делом определим, что в ней могло быть зашифровано. Очевидно, что первые два символа составляют «BA», в которых стоит видеть привычное сокращение от «βασιλέως». Несколько сложнее с составляющими правой части этой аббревиатуры. Дело в том, что элемент «M», расположенный правее «BA», не может трактоваться как одиночная «M», хотя он очень на нее похож. Как хорошо видно на монетах, его ломаные гасы не просто слишком длинные, но и переходят в своей нижней части в линию, параллельную вертикальным составляющим «M». Очевидно, что он состоит, как минимум, из двух букв. Причем в него точно входит «M». Но вот с трактовкой нижней составляющей возникают определенные сложности. Дело в том, что ею может быть и «I», и «Y».

Рис. 10. Монограммы, содержащие «Y»: 1 — кистифор чекана Пергама (Acsearch.info: 14); 2 — монограмма Юстиниана I (527—565 гг. н.э.) (<http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=9&topic=100&start=2>); 3 — таврический фоллис Василия II (976—1025) (Acsearch.info: 15).

Fig. 10. Monogram containing «Y»: 1 — the cistophorus of Pergamum (Acsearch.info: 14); 2 — the monogram of Justinian I (527—565) (<http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=9&topic=100&start=2>); 3 — Taurian follis of Basil II (976—1025) (Acsearch.info: 15).

Собственно, так и считает В.П. Яйленко (2010: 247). Прислушаемся к выводам этого авторитетного исследователя. Но все же рискуем предположить, что «Y» наверняка вынесли бы в верхнюю часть монограммы или же разместили так, чтобы две ее наклонные и вертикальная галстуки не стали бы составляющими какой-либо иной буквы. К слову, именно так и формовали грекоязычные аббревиатуры в античности и в средневековье (рис. 10). Получается, что монограмму «BAM» можно расшифровать как «BAMI». А это дает нам все основания читать в ней «βα[σιλέως] Μι[θραδάτου]»⁶⁶. Полагаем, что этот Митридат был одним из правителей северо-восточного Причерноморья, боровшийся за власть с Полемоном I и, по видимому, его победивший. Только этим можно объяснить спешное изготовление его монет. Причем, судя по внешнему сходству⁶⁷ выпусков с «BAM» с позднейшими монетами Аспурга⁶⁸ (рис. 9: 4, 5), он был его бли-

жайшим предшественником⁶⁹. По крайней мере, штемпели для их меди резал один и тот же мастер. А редкость и, следовательно, кратковременность выпуска этих монет свидетельствует о быстротечности правления Митридата. Этот государь чеканил свои монеты крайне недолго, т.е. от момента гибели Полемона I до утверждения в Пантикапее Аспурга. Отсутствие же упоминаний о Митридате в списке предков последнего свидетельствует о том, что они если и приходились друг другу родственниками, поскольку считали себя Ахеменидами, то довольно дальними, и, вернее всего, были конкурентами в борьбе за боспорский трон.

Остальные обстоятельства жизни и правления нашего Митридата, к сожалению, установить довольно сложно, ведь на его меди нет привычных для Боспора дифферентов. Однако и их отсутствие достаточно показательно. Полагаем, что эти монеты отчеканили в столице государства, т.е. на пантикапейском монетном дворе. А именно это обстоятельство и позволяет уточнить период правления нашего Митридата.

Учитывая то обстоятельство, что медные монеты без монограммы выпускались только трех номиналов, считаем, что их эмиссия была крайне непродолжительной. Иначе эта серия была бы представлена большим количе-

и «Σ» (рис. 9: 5). Первая из них ныне считается царской (Драчук 1975: 56, 68; Сапрыкин 2002: 136). Но, в таком случае, как атрибутировать вторую? Неужели тоже как царскую? Но как тогда быть с монограммой «AP» — ее ведь, в таком случае, придется приписывать двум государям! Полагаем, что обе тамги являются эмиссионными знаками — своеобразными свидетельствами об ответственности и указанием на зону компетенции царских чиновников варварского происхождения, действовавших в восточной части Боспорского государства в первые годы правления Аспурга. Собственно, речь идет о дифферентах. Причем их появление на аверсе монет также вполне объяснимо. Изучив дифференты на боспорских статерах эпохи «скифских войн», мы пришли к выводу, что на их лицевой стороне оттискивали символы — метки монетных дворов отдельных населенных пунктов стратегий, эмблемы которых размещали на реверсе (Чореф 2012b: 171—200). В ближайшее время попытаемся вынести на научное обсуждение наш взгляд на природу использования знаковых обозначений «Σ» и «Σ».

⁶⁹ Заметим, что монеты с «BAM» нельзя считать коммеморативными. Ведь в противном случае наверняка бы разработали более изящную, скомпонованную монограмму, для которой, несомненно, нашли бы определенное место. Уточнить же период царствования нашего Митридата мы пока не можем, т.к. какие-либо письменные свидетельства о его царствовании, к сожалению, отсутствуют. Считаем достаточным констатировать сам факт его правления на территории стратегии Боспора.

⁶⁶ Собственно, так считал и А.Н. Зограф, заключивший, что эту монограмму «едва ли можно читать иначе, как βασιλέως Μιθραδάτου» (Зограф 1951: 197).

⁶⁷ Мы рассмотрим их несколько ниже.

⁶⁸ Считаем необходимым обратить внимание на обстоятельство, вроде бы не относящееся к теме исследования, но, как нам кажется, очень важное для освещения истории Боспорского государства данного периода. На рис. 9: 4, 5 приводим изображения медных монет Аспурга опубликованных В. А. Анохиным (Анохин 2011: 202—203, № 1418) и владельцами сайта «Монеты Боспора» (Bosporan-kingdom.com: 3). На их аверсах просматриваются различные тамги: «Σ» (рис. 9: 4)

ством разновидностей. Но, в то же время, она не могла не быть обильной. Получается, что городские власти спешили получить в свое распоряжение значительную массу разменных денег, пусть даже и всего трех номиналов⁷⁰. С учетом факта выпуска экстраординарного золота от имени первого архонта, получаем, что средства были нужны для экстренных платежей, причем весьма важных в период кризиса. Вернее всего, эти деньги шли на финансирование военных расходов.

Однако на том же пантикапейском дворе выпускали и медные монеты с монограммой «BAM», надо отметить, неизвестной на золоте. Кстати, мы вообще ничего не знаем о находках статеров, выбитых с 10/11 по 13/14 гг., — и это после более двух веков активного исследования. Следовательно, есть все основания считать, что в эти годы их не чеканили. А это позволяет заключить, что тогдашний правитель Боспора не был признан Римом, санкционировавшим эмиссию местного золота. Но, в то же время, монограмма «BAM» известна на меди таврического чекана. Допускаем, что этот Митридат мог править в стратегии Боспор именно с 10/11 по 13/14 гг. н. э.

Собственно, самим фактом подчинения Пантикапея этому государю можно объяснить размещение его монограммы на свободных участках монетного поля аверса и реверса — она появилась на модифицированных штемпелях, скорее всего, разработанных по заказу полисных властей. Сама же редкость монет с «BAM» говорит о том, что период короткого царствования Митридата был крайне неблагоприятен для региональной экономики, что неудивительно в годы системного кризиса.

Итак, результатом нашего небольшого нумизматического исследования стало прочтение монограмм «AE», «BAM», «A» и «A», которое и выносится на научное обсуждение. Применив ранее апробированную методику,

мы полагаем, что получили цельную и непротиворечивую реконструкцию событий, произошедших на Боспоре на рубеже н. э.

Так, дешифровка аббревиатуры «AE» позволила уточнить период правления Полемона I и прояснить историю его восточных походов. Судя по монетным данным, он четырежды переправлялся с войском через Керченский пролив и погиб во время своего последнего похода в 10/11 г. н. э. Этот правитель выпустил только одну серию золота со своей монограммой — в память о приходе к власти. Большую часть его правления статеры эмитировали римские монетарии, а царь чеканил только разменную медь.

Появление на боспорском золоте в 11/12 г. н. э. монограммы «A» мы связываем с кардинальными преобразованиями в Боспорском государстве. Полагаем, что статеры с ней чеканил первый архонт Пантикапея. Очевидно, царская власть на Боспоре в тот период времени была упразднена.

Применение общей схемы дешифровки позволило разобрать аббревиатуры «BAM» и «A». Их следует приписать царю Митридату, правившему в Пантикапее с 11/12 по 13/14 гг. н. э. и сменившему его в 13/14 г. н. э. Аспургу, на тот момент политарху. Сам же факт появления этих обозначений на монетах разного номинала как нельзя лучше свидетельствует о сложности процесса формирования на Боспоре структуры власти, просуществовавшей, с определенными модификациями, весь период римского владычества. В ходе короткого междоцарствия, недолгого правления Митридата и при сменившем его Аспурге был произведен передел власти в Северопричерноморском регионе между клиентальными Тибериями Юлиями и Римом, выразившийся, кроме всего прочего, в появлении царских монограмм как на золоте, так и на меди боспорского чекана.

Мы надеемся, что монеты с изученными аббревиатурами станут полноправными и истинно информативными историческими источниками.

Литература

- Абрамзон М. Г. 1995. *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. Москва: Институт археологии Российской Академии наук.
- Анохин В. А. 1977. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.)*. Киев: Наукова думка.
- Анохин В. А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев:

Наукова думка.

- Анохин В. А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.
- Анохин В. А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилюс.
- Бертье-Делагард А. Л. 1911. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. *ЗООИД* 29, 117—232.
- Брабич В. М. 1960. Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. *НЭ* II, 41—45.

⁷⁰ Похоже, что выпускали монеты самых ходовых номиналов.

- Бурачков П. О. 1884. *Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России*. Ч. I. Одесса: Типография А. Шульце.
- Виноградов Ю. Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов I в. н. э. *ВДИ* (2), 151—170.
- Голенко К. В. 1965. О характере чекана боспорских анонимных оболов. *НС* 2, 41—49.
- Голенко К. В. 1971. Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э. *НЭ IX*, 38—41.
- Голенко К. В. 2009. Монетное дело Боспора в I в. до н. э. *Stratum plus* (6), 240—270.
- Голубцова Е. С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э. В: Дьяков В. Н. (ред.). *Причерноморье в античную эпоху* 1. Москва: Академия наук СССР.
- Драчук С. В. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.
- Дюков Ю. Л. 1977. О монетной чеканке Боспора при Митридате Евпаторе. В: Потин В. М. (ред.). *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сборник статей*. Ленинград: Аврора, 156—160.
- Зограф А. Н. 1951. *Античные монеты*. МИА 16.
- Карцев В. П. 1987. *Ньютон. Жизнь замечательных людей*. Москва: Молодая гвардия.
- Машкин Н. А. 1949. *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. Москва; Ленинград: Академия наук СССР.
- Мельников О. Н. 2004. Первые проявления личностной коммеморативности в монетном деле Боспора римского периода — монеты с монограммой «BAE». В: Куковальская Н. М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник* I. Киев; Судак: Академперіодика, 253—272.
- Мельников О. Н. 2005. Эволюция монетной системы Боспора греко-римской стадии (16 г. до н. э. — 14 г. н. э.). В: Куковальская Н. М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак: Академперіодика, 222—236.
- Монограмма Юстиниана. *Византийская держава: XIX Всероссийская научная сессия византинистов*. 2011. URL: <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=9&topic=100&start=2>. Дата обращения 05.03.2013.
- Орешников А. В. 1887. Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов находившихся в пределах нынешней России. *Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова VII*. Москва: Типография и словолитня О. О. Гербека.
- Орешников А. В. 1888. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. *Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г.* II. Одесса: Типография А. Шульце, 1—24.
- Орешников А. В. 1890. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. *ЗРАО IV*, 14—24.
- Орешников А. В. 1891. *Описание древнегреческих монет, принадлежащих Императорскому Московскому университету*. Москва: Типография и словолитня О. О. Гербека.
- Орешников А. В. 1892. *Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья*. Москва: Типография и словолитня О. О. Гербека.
- Орешников А. В. 1899. Золотой статир архонта Игиэнонта. *ТМНО* 2 (1), 1—7.
- Панов А. Р. 2009. Поход Митридата Пергамского на Боспор: проблемы интерпретации источников. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика 56 (9). Белгород: Белгородский государственный университет, 12—16.
- Парфенов В. Н. 2001. *Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Подшивалов А. А. 1889. Монеты царей Босфора Киммерийского, династии Спартокидов и Ахеменидов (Эвпатор I). *ЗООИД* 15, 13—40, табл. I, II.
- Покрасс Ю. Л. 2003. О «неизвестном» боспорском правителе КЛЕ 8—10 гг. В: Ивочкина Н. В. (отв. ред.). *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Пономарев А. Л. 2012. *Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв.* 2-е изд. Москва: Московский университет.
- Ростовцев М. И. 1918. Медь Динамии и Аспурга. *ИТУАК* 54, 47—53.
- Сабатье П. 1852. О неизданной золотой монете Рискупориса II и монограммах на некоторых золотых боспорских монетах. *ЗИАО IV* (2), 115—118.
- Сапрыкин С. Ю. 1996. *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. Москва: Наука.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва: Наука.
- Сибирский А. А. 1853а. Боспорские монеты, приписываемые Евбиоту или неизвестному Евмелу: Нумизматическая монография. *ЗИАО V*, 217—247.
- Сибирский А. А. 1853b. Статир Перисада II, царя Боспора. *ЗИАО V*, 151—155.
- Сибирский А. А. 1860. *Каталог монет Боспора Киммерийского и исследования об истории и древностях Боспорского государства*. Т. I. Ч. I. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Фанагория 2008: Кузнецов В. Д. (ред.). 2008. *Фанагория. По материалам Таманской экспедиции Института археологии РАН*. Москва: Северный паломник.
- Фролова Н. А. 1997а. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. — 210/211 гг. н. э. Москва: Эдиториал УРСС.
- Фролова Н. А. 1997b. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211—341/342 гг. н. э. Москва: Эдиториал УРСС.
- Фролова Н. А. 2010а. *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии)*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
- Фролова Н. А. 2010b. О времени правления Динамии. В: Фролова Н. А. (ред.). *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. От античности до Византии*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 243—258.
- Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. 2005. *Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
- Церетели Г. 1896. *Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы*. Санкт-Петербург: Ти-

- пография Императорской Академии наук.
- Церетели Г. 1904. *Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы*. 2-е изд., исправл. и доп. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Чореф М.М. 2009. Позднейшие эмиссии Херсона, или К атрибуции монет с монограммой «Рω». *Вестник Тюменского государственного университета VII*. Тюмень: Тюменский государственный университет, 35—51.
- Чореф М.М. 2010a. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. *ВВ* 69 (94), 248—255.
- Чореф М.М. 2010b. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.). *Сугдейский сборник IV*. Киев; Судак: ТОВ «Горобець», 326—331.
- Чореф М.М. 2010c. Изображения императоров династии Юлиев-Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. В: Кузищин В.И. (гл. ред.). *МАИАСК II*. Севастополь; Тюмень: Филиал МГУ в г. Севастополе, 76—120.
- Чореф М.М. 2011a. «Ad fontes», или К прочтению монограммы Σ . В: Карпов С.П. (ред.). *Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов*. Москва: Московский университет, 225—228.
- Чореф М.М. 2011b. «Lapis officionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро. *Научный вестник Белгородского государственного университета* 108 (19). Белгород: Белгородский государственный университет, 46—55.
- Чореф М.М. 2011c. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. В: Трифионов В.А., Иванов В.А., Кузищин В.И., Миленко Н.Н., Хапаева В.В. (ред.). *Материалы X Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011»*. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 107—110.
- Чореф М.М. 2011d. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным. В: *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Кишинев: Stratum Plus, 247—259.
- Чореф М.М. 2012a. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика 126 (22). Белгород: Белгородский государственный университет, 44—59.
- Чореф М.М. 2012b. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. *Stratum plus* (4), 171—200.
- Чореф М.М. 2012c. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник. *Stratum plus* (6), 105—112.
- Чореф М.М. 2012d. Звездовидные надчеканки на меди Асандра как исторический источник. В: Болгов Н.Н. (отв. ред.-сост.). *Классическая и византийская традиция. Материалы VI международной научной конференции молодых ученых*. Белгород: Белгородский государственный университет, 86—91.
- Чореф М.М. 2013a. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Белгород: Белгородский государственный университет (в печати).
- Чореф М.М. 2013b. К истории Юго-Западной Таврики в VI—VII вв.: по данным сфрагистики. В: Кузищин В.И. (ред.). *Причерноморье. История, политика, культура IX (IV). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения»*. Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 119—125.
- Шифман И.Ш. 1990. *Цезарь Август*. Ленинград: Наука.
- Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* Москва: Гриф и К.
- Acsearch.info: 1: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 423. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=540278>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 2: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 2067. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=518496>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 3: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 518. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=541507>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 4: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 634. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=21012>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 5: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 160. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=72438>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 6: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 23053. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=552317>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 7: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 510. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=205563>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 8: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 13. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=52848>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 9: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 242. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=541250>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 10: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 23073. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=552337>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 11: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 79. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=23826>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 12: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 1257. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=21239>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 13: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 874. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=469414>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 14: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 1517. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=601338>. Дата обращения 05.02.2013.
- Acsearch.info: 15: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 980. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=93088>. Дата обращения 05.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 1: *Монеты Боспора*. Монета 293-4237-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/293-4237/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 2: *Монеты Боспора*. Монета 293-4237-2. URL: <http://bosporan-kingdom.com/293-4237/2.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 3: *Монеты Боспора*. Монета 318-4684-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/318-4684/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.

- Bosporan-kingdom.com: 4: *Монеты Боспора*. Монета 148-31-73. URL: <http://bosporan-kingdom.com/148-31-73.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 5: *Монеты Боспора*. Монета 723-4063-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/723-4063/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 6: *Монеты Боспора*. Монета 725-4523-4. URL: <http://bosporan-kingdom.com/725-4523/4.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 7: *Монеты Боспора*. Монета 731-4539-9. URL: <http://bosporan-kingdom.com/731-4539/9.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 8: *Монеты Боспора*. Монета 190-3109-3. URL: <http://bosporan-kingdom.com/190-3109/3.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 9: *Монеты Боспора*. Монета 255-4763-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/255-4763/2.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 10: *Монеты Боспора*. Монета 255-4763-2. URL: <http://bosporan-kingdom.com/255-4763/2.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 11: *Монеты Боспора*. Монета 273-4019-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/273-4019/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 12: *Монеты Боспора*. Монета 283-4017-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/283-4017/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 13: *Монеты Боспора*. Монета 000-4761-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/000-4761/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 14: *Монеты Боспора*. Монета 000-4758-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/000-4758/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 15: *Монеты Боспора*. Монета 259-4412-2. URL: <http://bosporan-kingdom.com/259-4412/2.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 16: *Монеты Боспора*. Монета 000-4760-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/000-4760/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 17: *Монеты Боспора*. Монета 284-4517-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/284-4517/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 18: *Монеты Боспора*. Монета 285-4208-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/285-4208/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 19: *Монеты Боспора*. Монета 290-4016-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/290-4016/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 20: *Монеты Боспора*. Монета 319-4154-28. URL: <http://bosporan-kingdom.com/319-4154/28.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 21: *Монеты Боспора*. Монета 297-4766-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/297-4766/1.html>. Дата обращения 06.02.2013.
- Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P. 1998. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. London; Paris: British Museum Press and Bibliothèque Nationale.
- Callatay F. de. 2009. The First Royal Coinage of Pontus (from Mithridates III to Mithridates V). In: Højte J.M. (Ed.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. BSS 9. Århus: Århus University Press, 63—94.
- Cary F. 1752. *Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmérien éclaircie par médailles*. Paris: Ches Desaint & Saillant.
- Coinarchives.com: *Ancient Coins Home*. URL: <http://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=547246&AucID=977&Lot=719&Val=05509b1dcfb9f5a2a3c70da72d93dd7>. Дата обращения 05.02.2013.
- Domitianus: l'eterno fascino del collezionare monete. URL: <http://www.moruzzi.it/lang1/domitianus.html>. Дата обращения 05.02.2013.
- Eckhel I. 1829. *Doctrina numorum veterum*. P.I. Vol. II. *De numis urbium, populorum, regum*. Vindobona: Sumptibus Friderici Volke.
- Fresne du Cange C. du. 1855. *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*. T. V. Niort: L. Favre.
- Guthrie M. 1802. *A tour, performed in the year 1795—6, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus, the once-powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London: Nichols and Son.
- Koehne B. de. 1857. *Description du musée de feu le prince Basile Kochoubey*. Vol. II. St. Pétersbourg: Imprimerie des papiers de la couronne.
- Köhler H.K.E. von. 1850a. Description des Médailles choisies de Panticapaeum et de Phanagorie. In: Stephani L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Theil II. Band II. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 115—124.
- Köhler H.K.E. von. 1850b. Médailles de Pharnace II, Roi du Bospore-Cimmérien. In: Stephani L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Theil II. Band II. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 219—224.
- Köhler H.K.E. von. 1850c. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités du Bosphore-Cimmérien. In: Stephani L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Theil I. Band I. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 81—234.
- Köhler H.K.E. von. 1850d. Sur les médailles en bronze, qui ont un grand coryte pour revers et qui sont incertaines. In: Stephani L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Theil II. Band II. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 125—128, pl. X.
- Mattingly H., Sydenham E.A. 1949. *RIC*. Vol. IV. P. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.
- Mionnet T.E. 1807. *Description de Médailles Antiques, Grecques et Romaines*. Vol. II. Paris: L'imprimerie de Testu, Imprimeur de l'Empereur.
- Mionnet T.E. 1808. *Description de Médailles Antiques, Grecques et Romaines*. Recueil des Planches. Paris: L'imprimerie de Testu, Imprimeur de Sa Majesté.
- Mionnet T.E. 1829. *Description de Médailles Antiques, Grecques et Romaines*. Supplément. T. IV. Paris: L'imprimerie de Chapelet.
- Mommsen T. 1860. *Geschichte des Römischen Münzwesens*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Müller L. 1858. *Die Münzen des Thracischen Königs Lysimachus*. Kopenhagen: Blanco Luno's Buchdruckerei durch F.S. Muhle.
- Numismatics.org: *American Numismatic Society*. Gold stater, Bosporus, AD 13—AD 14. URL: <http://numismatics.org/collection/1967.152.384>. Дата обращения 05.02.2013.
- Oreshnikov A.W. 1883. *Zur Münzkunde des cimmerischen Bosporus*. Moskau: A. Lang.
- Pellerin J. 1763. *Recueil de médailles de peuples et de villes, qui n'ont point encore été publiées, ou qui sont peu*

№6. 2013

- connues. T.I. *Contenant les Médailles d'Europe*. Paris: H.L. Guérin & L.F. Delatour.
- Pellerin J. 1765. *Mélange de diverses médailles: pour servir de supplément aux Recueils des Médailles de Rois et de Villes, Qui ont été imprimés en MDCCLXII & MDCCLXIII*. T. II. *Médailles Impériales Grecques, qui manquent dans Vaillant, avec des Observations sur celles qu'il a publiées*. Paris: H.L. Guérin & L.F. Delatour.
- PIR: *Prosopographia imperii Romani*. Saec. I, II, III. 1898. In: Rohden P. de, Dessau H. (eds.). P. III. Berlin: Apud Georgium Reimerum.
- Podshivalov A.A. 1887. *Monnaies des rois du Bosphore cimmérien: I. Dynasties des Spartocides et des Achéménides (Eupator I)*. Moscou: Imprimeries & fonderie O.O. Herbeck.
- Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. 1918. Wissowa G., Kroll W. (Hrsg.). Band X. Heft 19. *Iugurtha — Ius Latii*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Sabatier J. 1849. *Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore*. Saint-Petersbourg: Chez F. Bellizard C^o.
- Sallet A. von. 1866. *Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des cimmerischen Bosporus und des Pontus*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Sestini D. 1789. *Lettere e dissertazione numismatiche sopra alcune medaglie rare della Collezione Ainslierana*. T.I. Livorno: Nella Stamperia di Tommaso Masi, e Comp.
- Sestini D. 1830. *Descrizione delle medaglie antiche greche del museo Hedervariano*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
- Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
- Sibirsky A. 1859. *Catalogue des médailles du Bosphore Cimmerien précédé d'études sur l'histoire et les antiquités de ce pays par le prince A. Sibirsky*. Vol. I. P.I. Saint-Petersbourg: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Sutherland C.H.V. 1984. *RIC*. Vol. I. *From 31 BC to AD 69*. London: Spink and Son Ltd.
- Waddington W.H. 1867. Sur la chronologie des rois du Pont et du Bosphore et des princes d'Olbia à propos d'un opuscule de M. de Sallet. In: Waddington W.H. *Mélanges de numismatique*. Deuxième Serie. Paris: Librairie Numismatique de Rollin et Feuardent, 109—132.
- Waddington W.H., Reinach T., Babelon E. 1904. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. V.I. Paris: Leroux.
- Abramzon, M. G. 1995. *Money kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoi imperii (Coinage as a method of propaganda of official politics of the Roman Empire)*. Moscow: Institut arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (in Russian).
- Anokhin, V. A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. — XII v. n. e.) (Chersonesos coinage (4th century BC — 12th century AD))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Anokhin, V. A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Bosporan coinage)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Anokhin, V. A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kiev: Odigitriia (in Russian).
- Anokhin, V. A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia (Ancient coins of the Northern Pontic region)*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Bertier de la Garde, A. L. 1911. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 29, 117—232 (in Russian).
- Brabich, V. M. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* II, 41—45 (in Russian).
- Burachkov, P. O. 1884. *Obshchii katalog monet, prinadlezhavshikh ellinskim koloniiam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria, v predelakh nymeshnei Iuzhnoi Rossii (The general catalogue of the coins of Greek colonies from the northern shore of the Black Sea in the limits of modern Southern Russia)*. P. I. Odessa: Tipografiia A. Schultze (in Russian).
- Vinogradov, Yu. G. 1994. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 151—170 (in Russian).
- Golenko, K. V. 1965. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* 2, 41—49 (in Russian).
- Golenko, K. V. 1971. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* IX, 38—41 (in Russian).
- Golenko, K. V. 2009. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 240—270 (in Russian).
- Golubtsova, E. S. 1951. In *Prichernomor'e v antichnoi epokhu (Pontic region in Antiquity)* 1. Moscow: Akademiia nauk SSSR (in Russian).
- Drachuk, S. V. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ia. Tamgoobraznye znaki severopontiiskoi periferii antichnogo mira pervykh vekov nashei ery (Sign systems in Northern Pontic region. Tamga signs of the Northern Pontic periphery of the Ancient world in the first centuries AD)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Dyukov, Yu. L. 1977. In *Proshloe nashei Rodiny v pamiatnikakh numizmatiki (The past of our homeland reflected by numismatics)*. Leningrad: Avrora, 156—160 (in Russian).
- Zograf, A. N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 16 (in Russian).
- Kartsev, V. P. 1987. *N'iuton (Newton)*. Zhizn' zamechatel'nykh liudei (The life of remarkable people). Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).
- Mashkin, N. A. 1949. *Printsipat Avgusta. Proiskhozhdenie i sotsial'naia sushchnost' (The principate of Augustus. Origin and social meaning)*. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR (in Russian).
- Melnikov, O. H. 2004. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia compilation)* I. Kiev; Sudak: Akadempriodika, 253—272 (in Russian).
- Melnikov, O. H. 2005. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia compilation)* II. Kiev; Sudak: Akadempriodika, 222—236 (in Russian).
- Monogramma Iustiniana (The monogram of Justinian). *Vizantiiskaia derzhava: XIX Vserossiiskaia nauchnaia sessiia vizantinistov (The Byzantine state: 19th all-Russian scientific session of byzantinists)*. 2011. URL: <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=9&topic=100&start=2>. Date of access 05.03.2013 (in Russian).
- Oreshnikov, A. V. 1887. In *Katalog sobraniia drevnostei grafa Alekseia Sergeevicha Uvarova (Catalogue of the collection of antiquities of count Aleksey Sergeevich Uvarov)* VII. Moscow: Tipografiia i slovolitnia O. O. Gerbeka (in Russian).
- Oreshnikov, A. V. 1888. In *Trudy VI arkheologicheskogo s'ezda v Odesse v 1884 g. (Proceedings of the 6th Archaeological Convention in Odesa in 1884)* II. Odessa: Tipografiia A. Schultze, 1—24 (in Russian).
- Oreshnikov, A. V. 1890. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian archaeological society)* IV, 14—24 (in Russian).
- Oreshnikov, A. V. 1891. *Opisanie drevnegrecheskikh monet, prinadlezhavshikh Imperatorskomu Moskovskomu universitetu (Description of Ancient Greek coins from the collection of Imperial Moscow University)*. Moscow: Tipografiia i slovolitnia O. O. Gerbeka (in Russian).
- Oreshnikov, A. V. 1892. *Materialy po drevnei numizmatike Chernomorskogo poberezh'ia (Materials on ancient numismatics of the Black Sea shore)*. Moscow: Tipografiia i slovolitnia O. O. Gerbeka (in Russian).
- Oreshnikov, A. V. 1899. In *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo*

- obshchestva (*Works of Moscow numismatics society*) 2 (1), 1—7 (in Russian).
- Panov, A. R. 2009. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Scientific reports of Belgorod State University*). Seriya: Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika (Series: History. Politology. Economics. Informatics) 56 (9). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet, 12—16 (in Russian).
- Parfenov, V. N. 2001. *Imperator Tsezar' Avgust. Armiia. Voina. Politika* (*The Emperor Caesar Augustus. Army. War. Politics*). Saint Petersburg: Aletia (in Russian).
- Podshivalov, A. A. 1889. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (*Writings of the Odessa Society for History and Antiquities*) 15, 13—40, tabl. I, II (in Russian).
- Pokrass, Yu. L. 2003. In *Odinnadsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii* (*11th all-Russian Conference on Numismatics. Abstracts and reports*). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Ponomarev, A. L. 2012. *Evolutsiia denezhnykh sistem Prichernomor'ia i Balkan v XIII—XV vv.* (*The evolution of monetary systems of Pontic region and Balkans in the 13th—15th centuries*). Moscow: Moskovskii universitet (in Russian).
- Rostovtsev, M. I. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (*Reports of Taurica scientific archive comission*) 54, 47—53 (in Russian).
- Sabatier, P. 1852. In *Zapiski imperatorskogo arkhelogicheskogo obshchestva* (*Bulletin of Imperial archaeological society*) IV (2), 115—118 (in Russian).
- Saprykin, S. Yu. 1996. *Pontiiskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* (*The Pontic kingdom. A state of Greeks and Barbarians in the Pontic region*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Saprykin, S. Yu. 2002. *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epoch* (*The Bosporan kingdom on the border of two epochs*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Sibirsky, A. A. 1853a. In *Zapiski imperatorskogo arkhelogicheskogo obshchestva* (*Writings of the Imperial Archaeological Society*) V, 217—247 (in Russian).
- Sibirsky, A. A. 1853b. In *Zapiski imperatorskogo arkhelogicheskogo obshchestva* (*Writings of the Imperial Archaeological Society*) V, 151—155 (in Russian).
- Sibirsky, A. A. 1860. *Katalog monet Bospora Kimmeriiskogo i issledovaniia ob istorii i drevnostiakh Bosporskogo gosudarstva* (*Catalogue of coins of Cimmerian Bosphorus and studies into history and antiquities of the Bosporan state*). Vol. I. P. I. Saint Petersburg: Tipografiia Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag (in Russian).
- Fanagoriia. *Po materialam Tamanskoi ekspeditsii Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk* (*Phanagoria. Basing on the materials of the Taman expedition of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences*). 2008. Moscow: Severnyi palomnik (in Russian).
- Frolova, N. A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. — seredina IV v. n. e.)* (*Bosporan coinage (middle of 1st — middle of 4th century)*). P. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n. e. — 210/211 gg. n. e.* (*Bosporan coinage in the years 49/48 BC — 210/211 AD*). Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Frolova, N. A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. — seredina IV v. n. e.)* (*Bosporan coinage (middle of 1st — middle of 4th century)*). P. II. *Monetnoe delo Bospora 211—341/342 gg. n. e.* (*Bosporan coinage in the years 211—341/342 AD*). Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Frolova, N. A. 2010. *Antichnye zolotyie monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (ot antichnosti do Vizantii)* (*Ancient golden coins in the collection of State Historical Museum (from Antiquity to Byzantine Empire)*). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (in Russian).
- Frolova, N. A. 2010. In *Antichnye zolotyie monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Ot antichnosti do Vizantii* (*Ancient golden coins in the collection of State Historical Museum (from Antiquity to Byzantine Empire)*). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 243—258 (in Russian).
- Frolova, N. A., Abramzon, M. G. 2005. *Monety Ol'vii v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Katalog* (*Olbian coins in the collection of the State Historical Museum*). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (in Russian).
- Tsereteli, G. 1896. *Sokrashcheniia v grecheskikh rukopisiakh preimushchestvenno po datirovannym rukopisiam S.-Peterburga i Moskvy* (*Acronyms from Greek manuscripts basing on dated manuscripts from Sankt-Peterburg and Moscow*). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk (in Russian).
- Tsereteli, G. 1904. *Sokrashcheniia v grecheskikh rukopisiakh preimushchestvenno po datirovannym rukopisiam S.-Peterburga i Moskvy* (*Acronyms from Greek manuscripts basing on dated manuscripts from Sankt-Peterburg and Moscow*). 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk (in Russian).
- Choref, M. M. 2009. In *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Bulletin of Tiumen State University*) VII. Tyumen: Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, 35—51 (in Russian).
- Choref, M. M. 2010. In *Vizantiiskii vremennik* (*Byzantine Yearbook*) 69 (94), 248—255 (in Russian).
- Choref, M. M. 2010. In *Sugdeiskii sbornik* (*Sugdaia compilation*) IV. Kiev; Sudak: TOV «Gorobets'», 326—331 (in Russian).
- Choref, M. M. 2010. In *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* (*Materials on the archaeology and history of ancient and medieval Crimea*) II. Sevastopol; Tyumen: Filial MGU v g. Sevastopole, 76—120 (in Russian).
- Choref, M. M. 2011. In *Rossiiskoe vizantinovedenie: traditsii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov* (*Russian Byzantine studies: traditions and perspectives. Abstracts of the 19th all-Russian scientific session of byzantinists*). Moscow: Moskovskii universitet, 225—228 (in Russian).
- Choref, M. M. 2011. In *Nauchnyi vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Scientific bulletin of Belgorod State University*) 108 (19). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet, 46—55 (in Russian).
- Choref, M. M. 2011. In *Materialy X Nauchnoi konferentsii «Lomonosovskie chteniia» 2011 goda i X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2011»* (*Materials of 10th scientific conference “Lomonosov readings” of 2011 and 10th International scientific conference of students, PhD students and young scientists “Lomonosov-2011”*). Sevastopol: Filial MGU v g. Sevastopole, 107—110 (in Russian).
- Choref, M. M. 2011. In *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka* (*Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark*). Kishinev: Stratum Plus, 247—259 (in Russian).
- Choref, M. M. 2012. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Scientific reports of Belgorod State University*). Seriya: Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika (Series: History. Politology. Economics. Informatics) 126 (22). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet, 44—59 (in Russian).
- Choref, M. M. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (4), 171—200 (in Russian).
- Choref, M. M. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (6), 105—112 (in Russian).
- Choref, M. M. 2012. In *Klassicheskaiia i vizantiiskaiia traditsiia. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh* (*Classical and Byzantine tradition. Materials of the 6th international scientific conference of young scientists*). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet, 86—91 (in Russian).
- Choref, M. M. 2013. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Scientific reports of Belgorod State University*). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet (in print) (in Russian).
- Choref, M. M. 2013. In *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* (*The Pontic region. History, politics, culture*) IX (IV). Seriya A. *Antichnost' i srednevekov'e. Izbrannye materialy*

№6. 2013

- IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Lazarevskie chteniia» (Antiquity and Middle Ages. Selected Materials of the 9th International Scientific Conference "Lazarev Readings")*. Sevastopol: Filial MGU im. M. V. Lomonosova v g. Sevastopole, 119—125 (in Russian).
- Shifman, I. Sh. 1990. *Tsezar' Avgust (Caesar Augustus)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Yailenko, V. P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. — V v. n. e. (Millenar Bosporan state. History and epigraphy of Bosporus in 6th century BC — 5th century AD)*. Moscow: Grif i K (in Russian).
- Acsearch.info: 1: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 423. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=540278>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 2: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 2067. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=518496>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 3: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 518. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=541507>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 4: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 634. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=21012>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 5: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 160. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=72438>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 6: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 23053. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=552317>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 7: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 510. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=205563>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 8: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 13. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=52848>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 9: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 242. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=541250>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 10: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 23073. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=552337>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 11: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 79. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=23826>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 12: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 1257. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=21239>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 13: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 874. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=469414>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 14: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 1517. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=601338>. Date of access 05.02.2013.
- Acsearch.info: 15: *Ancient Coin Search Engine*. Lot 980. URL: <http://www.acsearch.info/record.html?id=93088>. Date of access 05.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 1: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 293-4237-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/293-4237/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 2: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 293-4237-2. URL: <http://bosporan-kingdom.com/293-4237/2.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 3: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 318-4684-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/318-4684/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 4: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 148-31-73. URL: <http://bosporan-kingdom.com/148-31-73.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 5: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 723-4063-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/723-4063/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 6: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 725-4523-4. URL: <http://bosporan-kingdom.com/725-4523/4.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 7: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 731-4539-9. URL: <http://bosporan-kingdom.com/731-4539/9.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 8: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 190-3109-3. URL: <http://bosporan-kingdom.com/190-3109/3.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 9: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 255-4763-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/255-4763/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 10: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 255-4763-2. URL: <http://bosporan-kingdom.com/255-4763/2.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 11: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 273-4019-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/273-4019/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 12: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 283-4017-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/283-4017/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 13: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 000-4761-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/000-4761/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 14: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 000-4758-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/000-4758/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 15: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 259-4412-2. URL: <http://bosporan-kingdom.com/259-4412/2.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 16: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 000-4760-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/000-4760/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 17: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 284-4517-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/284-4517/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 18: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 285-4208-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/285-4208/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 19: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 290-4016-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/290-4016/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 20: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 319-4154-28. URL: <http://bosporan-kingdom.com/319-4154/28.html>. Date of access 06.02.2013.
- Bosporan-kingdom.com: 21: *Monety Bospora (Bosporan coins)*. Moneta (Coin) 297-4766-1. URL: <http://bosporan-kingdom.com/297-4766/1.html>. Date of access 06.02.2013.
- Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P. P. 1998. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. London; Paris: British Museum Press and Bibliothèque Nationale.
- Callataÿ, F. de. 2009. *The First Royal Coinage of Pontos (from Mithridates III to Mithridates V)*. In: Højte, J. M. (Ed.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. BSS 9. Århus: Århus University Press, 63—94.
- Cary, F. 1752. *Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmerien éclaircie par médailles*. Paris: Ches Desaint & Saillant.
- Coinarchives.com: *Ancient Coins Home*. URL: <http://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=547246&AucID=977&Lot=719&Val=05509b1dcbdf9f5a2a3c70da72d93dd7>. Date of access 05.02.2013.
- Domitianus: l'eterno fascino del collezionare monete. URL: <http://www.moruzzi.it/lang1/domitianus.html>. Date of access 05.02.2013.
- Eckhel, I. 1829. *Doctrina numorum veterum*. P. I. Vol. II. *De numis urbium, populorum, regum*. Vindobona: Sumpibus FridERICI Volke.
- Fresne du Cange, C. du. 1855. *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*. T. V. Niort: L. Favre.
- Guthrie, M. 1802. *A tour, performed in the year 1795—6, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus, the once-powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London: Nichols and Son.
- Koehne, B. de. 1857. *Description du musée de feu le prince Basile Kochoubey*. Vol. II. St. Pétersbourg: Imprimerie des papiers de la couronne.
- Kohler, H. K. E. von. 1850. *Description des Médailles choisies de Panticapaeum et de Phanagorie*. In: Stephani, L. (Hrsg.).

- Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Theil II. Band II. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 115—124.*
- Köhler, H.K.E. von. 1850. Médailles de Pharnace II, Roi du Bospore-Cimmérien. In: Stephani, L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Theil II. Band II. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 219—224.*
- Köhler, H.K.E. von. 1850. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités du Bosphore-Cimmérien. In: Stephani, L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Theil I. Band I. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 81—234.*
- Köhler, H.K.E. von. 1850. Sur les médailles en bronze, qui ont un grand coryte pour revers et qui sont incertaines. In: Stephani, L. (Hrsg.). *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Theil II. Band II. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 125—128, pl. X.*
- Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1949. *RIC. Vol. IV. P. III. Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.
- Mionnet, T.E. 1807. *Description de Médailles Antiques, Grecques et Romaines*. Vol. II. Paris: L'imprimerie de Testu, Imprimeur de l'Empereur.
- Mionnet, T.E. 1808. *Description de Médailles Antiques, Grecques et Romaines*. Recueil des Planches. Paris: L'imprimerie de Testu, Imprimeur de Sa Majesté.
- Mionnet, T.E. 1829. *Description de Médailles Antiques, Grecques et Romaines*. Supplément. T. IV. Paris: L'imprimerie de Chapelet.
- Mommsen, T. 1860. *Geschichte des Römischen Münzwesens*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Müller, L. 1858. *Die Münzen des Thracischen Königs Lysimachus*. Kopenhagen: Blanco Luno's Buchdruckerei durch F.S. Muhle.
- Numismatics.org: *American Numismatic Society*. Gold stater, Bosphorus, AD 13—AD 14. URL: <http://numismatics.org/collection/1967.152.384>. Date of access 05.02.2013.
- Oreshnikov, A.W. 1883. *Zur Münzkunde des cimmerischen Bosphorus*. Moskau: A. Lang.
- Pellerin, J. 1763. *Recueil de médailles de peuples et de villes, qui n'ont point encore été publiées, ou qui sont peu connues*. T.I. *Contenant les Médailles d'Europe*. Paris: H. L. Guerin & L. F. Delatour.
- Pellerin, J. 1765. *Mélange de diverses médailles: pour servir de supplément aux Recueils des Médailles de Rois et de Villes, Qui ont été imprimés en MDCCLXII & MDCCLXIII*. T. II. *Médailles Impériales Grecques, qui manquent dans Vailant, avec des Observations sur celles qu'il a publiées*. Paris: H. L. Guerin & L. F. Delatour.
- Prosopographia imperii Romani. Saec. I, II, III*. 1898. In: Rohden P. de, Dessau H. (eds.). P. III. Berlin: Apud Georgium Reimerum.
- Podshivalov, A.A. 1887. *Monnaies des rois du Bosphore cimmérien: I. Dynasties des Spartocides et des Achéménides (Eupator I)*. Moscou: Imprimeries & fonderie O.O. Herbeck.
- Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. 1918. Wissowa, G., Kroll, W. (Hrsg.). Band X. Heft 19. *Iugurtha — Ius Latii*. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Sabatier, J. 1849. *Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore*. Saint-Petersbourg: Chez F. Bellizard C^o.
- Sallet, A. von. 1866. *Beitrag zur Geschichte und Numismatik der Könige des cimmerischen Bosphorus und des Pontus*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Sestini, D. 1789. *Lettere e dissertazione numismatiche sopra alcune medaglie rare della Collezione Ainslierana*. T.I. Livorno: Nella Stamperia di Tommaso Masi, e Comp.
- Sestini, D. 1830. *Descrizione delle medaglie antiche greche del museo Hedervariano*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
- Sestini, D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
- Sibirsky, A. 1859. *Catalogue des medailles du Bosphore Cimmerien précédé d'études sur l'histoire et les antiquités de ce pays par le prince A. Sibirsky*. Vol. I. P.I. Saint-Petersbourg: Типография Экспедиции заготовления государственныkh бумаг.
- Sutherland, C.H.V. 1984. *RIC. Vol. I. From 31 BC to AD 69*. London: Spink and Son Ltd.
- Waddington, W.H. 1867. Sur la chronologie des rois du Pont et du Bosphore et des princes d'Olbia à propos d'un opuscule de M. de Sallet. In: Waddington, W.H. *Mélanges de numismatique*. Deuxième Serie. Paris: Librairie Numismatique de Rollin et Feuardent, 109—132.
- Waddington, W.H., Reinach, T., Babelon, E. 1904. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. V.I. Paris: Leroux.

Статья поступила в номер 15 марта 2013 г.

Michael Choref (Nizhnevartovsk, Russia). Institute for Human Sciences, Tyumen State University¹.

Michael Choref (Nijnevartovsk, Rusia). Institutul de Științe Umane, Universitatea de Stat din Tiumen.

Чореф Михаил Михайлович (Нижневартовск, Россия). Институт гуманитарных наук Тюменского государственного университета.

E-mail: choref@ukr.net

Address: ¹ Lenin St., 23, Tyumen, 625003, Russia

Звонкие цветы средневековья

*Hard Flowers of the Middle Ages
Flori neveștejite ale Evului Mediu*

Ю. В. Зайончковский

Серебряные монеты джучидского хана Мухаммада бен Тимура с именем Махмуд на реверсе

Keywords: Golden Horde, 15th c., Juchid numismatics, beklerbek, Muhammad bin Timur, Mahmud bin Küchük Muhammad.

Cuvinte cheie: Hoarda de Aur, sec. XV, numismatică djucidă, beklerbek, Muhammad bin Timur, Mahmud bin Küchuk Muhammad.

Ключевые слова: Золотая Орда, XV в., джучидская нумизматика, беклербек, Мухаммад бен Тимур, Махмуд бен Кичи Мухаммад.

Yu. V. Zayonchkovskiy

Silver Coins of Juchid Khan Muhammad bin Timur with Mahmud's Name on Reverse

Four types of Muhammad bin Timur's dangs with common reverse legend, containing (according to the interpretation of the author) name of Mahmud bin Kuchuk Muhammad and his title beklerbek, are published and analyzed. The article includes images of coins, reconstructions and interpretations of their legends. It was ascertained that on Kuchuk Muhammad's coins his name could be transmitted as Muhammad bin Timur or simply as Muhammad. Published dangs suggest that Mahmud, the son of Kuchuk Muhammad, during some time held the post of beklerbek under his father and at this time coins were minted with the name and title of Mahmud bin Muhammad as beklerbek on their reverses instead of the mint name. These coins were intended to inform people about the heir to the throne.

Yu. V. Zayonchkovskiy

Monedele de argint ale hanului djucid Muhammad bin Timur cu numele „Mahmud” pe revers

În prezentul articol sunt publicate și analizate patru tipuri de danguri djucide târzii, emise de către hanul Muhammad bin Timur. Comună pentru aceste patru tipuri este legenda de pe revers, conținând, în viziunea autorului, numele lui Mahmud bin Küchük Muhammad și titlul de beklerbek al acestuia. Articolul include reprezentările acestor monede, reconstrucția lor și traducerea legendelor. S-a stabilit, că pe monede respective numele lui Küchük Muhammad putea să fie redat prin sintagma Muhammad bin Timur sau, simplu, Muhammad. Dangurile publicate permit autorului să presupună, că Mahmud, fiul lui Küchük Muhammad, pentru un timp oarecare a ocupat postul de beklerbek în timpul domniei tatălui; anume în această perioadă apar monedele de „proclamare”, pe reversul cărora a fost plasată legenda cu numele și funcția lui Mahmud bin Muhammad b. Timur.

Ю. В. Зайончковский

Серебряные монеты джучидского хана Мухаммада бен Тимура с именем Махмуд на реверсе

Публикуются и анализируются четыре типа позднеджучидских дангов хана Мухаммада бен Тимура с общей легендой реверса, в которой, по интерпретации автора, указаны имя Махмуда бен Кичи Мухаммада и его титул — беклербек. Приведены изображения рассматриваемых монет, даны реконструкция и перевод их легенд. Установлено, что на монетах имя Кичи Мухаммада могло быть передано как Мухаммад бен Тимур или как Мухаммад. Публикуемые данги позволяют предположить, что сын Кичи Мухаммада Махмуд некоторое время занимал при отце пост беклербека; именно в это время были отчеканены «прокламационные монеты», на которых место выпуска на реверсе заменила легенда с именем и обозначением должности Махмуда бен Мухаммада бен Тимура.

Монетные эмиссии последних семи десятилетий существования золотоордынского государства, как представляется, наименее изучены во всей джучидской нумизматике. Причин такого положения несколько. Рассмотрим только основные. Во-первых, позднеджучидские монеты довольно редки. Во-вторых, по мнению А. Г. Мухамадиева, монеты XV века «трудно-определимы из-за нечёткости и искаженности надписей. Надписи на монетах восстанавлива-

ются путём сравнительного изучения десятка, а иногда и нескольких десятков монет одного типа» (Мухамадиев 1983: 119). Учитывая редкость рассматриваемых нумизматических памятников, собрать даже десяток монет одного типа не всегда возможно. Здесь же необходимо заметить, что попытки атрибуции типа без реконструкции легенд монетного штемпеля чреваты ошибками, как будет показано ниже. В то же время по мере накопления нумизма-

Рис. 1. Тип I. Данги с именем Мухаммад бен Тимур в центральном круге аверса. 1 — М.1; 2 — М.2; 3 — М.3; 4 — М.4 (1, 2 — фото автора; 3 — Zeno.ru: 106895; 4 — Zeno.ru: 131930).

Fig. 1. Type I. Danggs with name Muhammad bin Timur in central circle on obverse. 1 — M.1; 2 — M.2; 3 — M.3; 4 — M.4 (1, 2 — photo by the author; 3 — Zeno.ru: 106895; 4 — Zeno.ru: 131930).

тического материала его анализ и обобщение становятся весьма актуальной задачей.

В связи со сказанным выше, целью предлагаемой статьи и является такое предварительное обобщение имеющегося нумизматического материала — публикация серии редких серебряных монет и выделение четырёх типов дангов джучидского хана Мухаммада бен Тимура (правил в середине XV века) с легендой реверса, содержащей имя Махмуд. Рассматриваемые типы до сих пор не получи-

ли в научной литературе полной аргументированной атрибуции, поэтому в данной статье предлагается вариант прочтения и истолкования монетной легенды реверса.

Автор ставил перед собой задачу подобрать (насколько это возможно) изображения хорошо прочеканенных и сохранившихся экземпляров для того, чтобы облегчить верификацию сделанных в статье заключений.

Критерием типа в данной работе принято содержание надписей на обеих сторонах монеты. Изменение содержания легенды на одной стороне принимается как новый тип монеты.

Легенда реверса всех четырёх типов дангов, по нашему мнению, идентична по содержанию, поэтому она будет рассмотрена после представления типов и обзора точек зрения учёных, опубликовавших эти монеты.

Тип I (рис. 1).

М.1. Вес 0,71 г. Диаметр 17×15 мм.

М.2. Вес 0,58 г. Диаметр 14×15 мм.

М.3. Вес 0,67 г. Диаметр 16 мм.

М.4. Вес и диаметр: нет данных.

К первому типу отнесены данги, в центральном круге аверса которых помещено имя Мухаммад бен Тимур. Доступные для изучения экземпляры не дают возможность реконструировать круговую легенду. Можно осторожно предположить, что там даны титулы Мухаммада бен Тимура.

Данг, относящийся к этому типу, был найден в составе Кырк-Ерского клада и был опубликован в 2007 г. В.В. Майко под №4071. По мнению автора публикации, на реверсе помещена «круговая арабская легенда с указанием на место чеканки в Хаджи-Тархане» (Майко 2007: 145).

Прорисовка монеты этого же типа представлена в статье В.П. Лебедева и В.П. Клокова под №6 (Лебедев, Клоков 2012: 140, рис. 6). В распоряжении авторов статьи был экземпляр, на котором сохранилось менее половины легенды реверса. Исследователи сделали вывод о том, что на оборотной стороне данга, вместо названия монетного двора, видны фрагменты чьего-то имени: «монета №6 чеканена от имени Мухаммада бен Тимура, беклербеками которого сначала, ещё до занятия им престола, последовательно были Мансур бен Идигу в 1424—1425 гг. и его брат Гази до 1428 г. Под 1438 г. источники отмечают, что беклербеком Кичи Мухаммада стал третий сын Едигея Навруз... К сожалению, на монете сохранился небольшой фрагмент, который может быть предположительно прочтён как: ... [Навр]уз бек...?» (Лебедев, Клоков 2012: 140, рис. 6).

Рис. 2. Тип II. Данг с именем Мухаммад в центральном круге аверса. М.5 (Zeno.ru: 131931).

Fig. 2. Type II. Dang with name Muhammad in central circle on obverse. M.5 (Zeno.ru 131931).

Таким образом, в публикациях легенда реверса дангов типа I интерпретировалась либо как содержащая указание на место чеканки в Хаджи-Тархане, либо как имя Навруз-бека, сына Идегея.

Тип II (рис. 2).

М.5. Вес 0,71 г. Диаметр 16,6 мм.

Тип II близок к типу I; главное отличие заключается в том, что в центральном круге на аверсе помещено только имя Мухаммад.

Описание этого типа монет в нумизматических публикациях не выявлено.

Тип III (рис. 3).

М.6. Вес 0,67 г. Диаметр 14×15 мм.

М.7. Вес 0,57 г. Диаметр 15 мм.

На аверсе типа III дана легенда в четыре строки, которая может быть реконструирована так:

السلطان
العادل محمد
خدا الله
ملكه

Перевод: «Султан / справедливый Мухаммад / да продлит Аллах / его правление».

Описание монет типа III в нумизматических публикациях не выявлено.

Данг с очень близким по написанию легенд аверсом, но другим реверсом был опубликован К.К. Хромовым (Хромов 2004: 38, рис. 3).

Монеты описанных типов важны для решения проблемы атрибуции дангов с именем монарха Мухаммада. В.П. Лебедев и В.П. Клоков в 2001 г. утверждали: «в случае разных Мухаммадов уже достигнуто понимание, как они именовали себя на монетах: Улу-Мухаммад — просто Мухаммад, Барак — Мухаммад Барак, Кичи-Мухаммад — Мухаммад бен Тимур» (Лебедев, Клоков 2001: 26). К.К. Хромов, однако, в 2004 г. сделал вывод о существовании «монет, чеканенных от имени Кичи Мухаммеда, отлич-

Рис. 3. Тип III. Данги с именем Мухаммад в легенде в четыре строки. 1 — М.6; 2 — М.7 (фото автора).

Fig. 3. Type III. Dang with name Muhammad in four lines on obverse. 1 — M.6; 2 — M.7 (photo by the author).

тельным признаком типа которых является отсутствие упоминания имени отца хана» (Хромов 2004: 38).

Монеты типов I—III подтверждают этот вывод. Тождественность легенды реверса позволяет утверждать, что это эмиссии, осуществлённые от одного монарха — Кичи Мухаммада, имя которого на аверсе типа I передано как Мухаммад бен Тимур, а на типах II и III как Мухаммад.

Таким образом, отсутствие имени отца на монете не является исчерпывающим основанием для отнесения монеты к Улу-Мухаммеду.

Тип IV (рис. 4).

М.8. Вес 0,66 г. Диаметр 13,5×15,5 мм.

М.9. Вес 0,65 г. Диаметр 13×16 мм.

Монеты типа IV были опубликованы К.К. Хромовым (Хромов 2004: 39, рис. 5: 1) и отнесены им к эмиссиям Кичи Мухаммада бен Тимура.

К.К. Хромов описывает аверс так: «В центре один из вариантов джучидской тамги, впоследствии ставшей тамгой династии Гиреев, круговая легенда слева направо, конец легенды заходит под её начало: Султан правосудный Мухаммед хан, аллах да продлит».

Относительно реверса он констатирует: «В центре джучидская тамга, круговая легенда справа налево, конец легенды заходит под начало: "... Махмуд", т.е. упоминание Махмуда, сына Кичи Мухаммеда» (Хромов 2004: 39).

Рис. 4. Тип IV. Данги с тамгой на аверсе. 1 — М.8; 2 — М.9 (1 — Zeno.ru: 131932; 2 — Zeno.ru: 131933).

Fig. 4. Type IV. Dangs with tamga on obverse. 1 — M.8; 2 — M.9 (1 — Zeno.ru: 131932; 2 — Zeno.ru: 131933).

Итак, на реверсе К.К. Хромов прочитал одно слово — Махмуд. Реконструкции и перевода легенды он не даёт; почему этот Махмуд является именно Махмудом бен Мухаммадом бен Тимуром, также не объясняется.

Завершив описание аверсов и обзор публикаций четырёх типов позднеджучидских дангов XV века, являющихся предметом данной статьи, необходимо рассмотреть и, по возможности, предложить вариант реконструкции монетной легенды реверса. Как уже было сказано, по мнению автора, её содержание идентично на всех рассмотренных типах, есть лишь палеографические особенности написания на разных штемпелях. Легенда реверса может быть реконструирована следующим образом:

محمود بن بكلا رى بك

Перевод: «Махмуд сын беклербек».

При традиционном (зубцами вниз) расположении тамги в центре поля на реверсе легенда написана против часовой стрелки (основанием букв внутрь), начиная с позиции одиннадцати часов. Имя محمود написано без особых искажений, как и слово بن.

Основные сложности возникают при толковании последующей части легенды. Рассмотрев наиболее вероятные варианты продолжения, можно осторожно предположить её прочтение одним словом как «беклербек». Выше было воспроизведено написание этого слова, как оно даётся в труде египетского историка второй четверти XIV века Ибнфаддаллаха Эломари (СМИЗО 1884: 227).

Как в XV веке золотоордынские резчики штемпелей могли писать этот термин, по другим источникам автору, к сожалению, установить не удалось. Можно предположить, что этот неарабский термин в то время транскрибировался несколько иначе, чем в написании Эломари. В частности, слово بك написано как بيك. Такое написание встречается не только на джучидских монетах XV века, но и на монетах соседнего тимуридского государства.

Что касается слова بن, то можно предположить, что отсутствие места на крохотном монетном кружке заставило резчика не указывать имя отца محمود, ограничившись только указанием титула. Возможно, простому обывателю было хорошо известно, о каком именно Махмуде идёт речь в монетной легенде.

Учитывая сказанное, смысловой перевод легенды реверса можно передать как «Махмуд сын Мухаммеда беклербек».

Для общего понимания содержания монетных надписей необходимо кратко рассмотреть роль и место беклербеков в Золотой Орде. В.Л. Егоров переводит термин «беклербек» как «бек над беками» (Егоров 1985: 169). По его мнению, «судя по титулам, в руках беклярибека действительно была сосредоточена огромная власть» (Егоров 1985: 170). Беклербек являлся главнокомандующим всей армией; ведал дипломатическими сношениями с другими государствами, осуществляя функции министра иностранных дел; в его руках была сосредоточена высшая судебная власть в государстве (Егоров 1985: 171). Формально беклербек был вторым лицом в Золотой Орде и реально осуществлял политическое управление.

Выше мы процитировали фрагмент статьи В.П. Лебедева и В.П. Клокова, где они перечисляют известных по данным письменных источников беклербеков при Мухаммаде бен Тимуре. Беклербек по имени Махмуд по сведениям письменных источников не известен. К сожалению, применительно к этому периоду истории Орды их информация очень фрагментарна и изобилует лакунами.

Исходя из нашего варианта прочтения монетной легенды, можно допустить, что сын Кичи Мухаммада Махмуд некоторое время занимал при отце пост беклербека, получая опыт руководства государством. Для информирования подданных об этой должности наследника престола, да и о нём самом, были отчеканены «прокламационные монеты», на которых место выпуска на реверсе заменила легенда с именем и обозначением высокой должности Махмуда бен Мухаммада бен Тимура.

Подобные «прокламационные» эмиссии имели место в позднеордынской истории (Зайончковский 2012). Так, известны два типа дангов сына Кичи Мухаммеда с легендой аверса «Султан Махмуд хан бен Мухаммад хан» и легендой реверса «Эмир Тин-Суфи бен Мансур». Предположительно Тин-Суфи бен Мансур бен Идигей также был беклербеком хана Махмуда бен Мухаммада, но его титул на монетах указан поскромнее — просто «эмир». На рис. 5 приведены прорисовки этих монет.

Реконструкция легенды аверса:

سلطان محمود خان محمد خان

Легенды реверса отличаются написанием имени и отчества эмира:

امير تنصوفي بن من صور (рис. 5: 1);

امير تنصوفي بن منصور (рис. 5: 2).

В заключение должен быть поставлен вопрос о датировке и месте чеканки описанных в статье четырёх типов дангов. Объективная информация для датировки отсутствует, но логично было бы предположить их выпуск в конце правления Кичи Мухаммада как политический шаг, имеющий целью «презентацию» наследника престола.

Что касается места выпуска, то К. К. Хромов в цитированной статье (Хромов 2004), не приводя аргументов, приписывает их двору Орда Базар. Можно констатировать, что аверс типа I близок к аверсам дангов, имеющих на реверсе обозначения выпуска Орда Базар. Автор изучил доступные ему экземпляры и изображения орда-базарских дангов, однако установить штемпельные связи на данный момент не удалось. Поэтому вопрос о месте выпуска рассмотренных монет также пока остаётся открытым.

Подводя итоги статьи, можно сказать следующее:

1. В научный оборот введены нумизматические памятники, относящиеся к малоизученному разделу джучидской нумизматики XV века.

2. Установлено, что на монетах одного хана — Кичи Мухаммада — его имя может

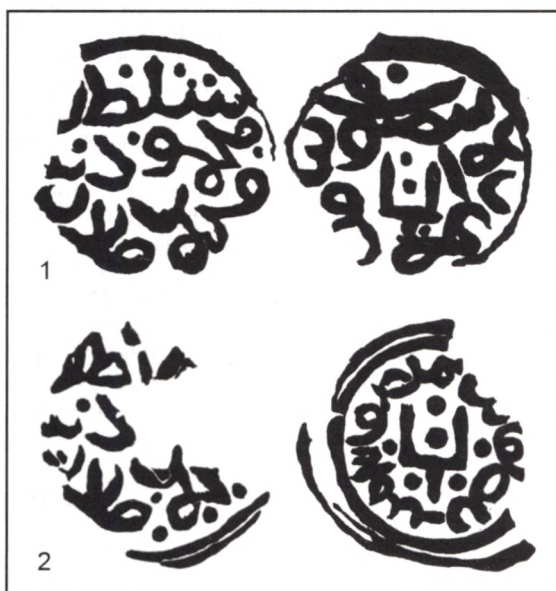

Рис. 5. Прорисовки дангов с именем и титулом эмира Тин-Суфи бен Мансур на реверсе (рисунок автора).

Fig. 5. Graphic reconstructions of dangangs with the name and title of emir Tin-Sufi bin Mansur on reverse (drawing by the author).

быть передано как Мухаммад бен Тимур или как Мухаммад. Таким образом, отсутствие имени отца на монете не является достаточным основанием для отнесения монеты к Улу-Мухаммеду.

3. Предложен вариант прочтения монетной легенды реверса четырёх типов дангов, содержащей имя Махмуда, сына Кичи Мухаммада, и его титул — беклербек.

Находки новых комплексов монет и единичных экземпляров данных эмиссий, выход в свет новых исследований позволят уточнить, дополнить и, возможно, пересмотреть выводы и предположения, сделанные в данной статье. Бесспорным, однако, автору представляется факт, что публикация новых монет и предложение возможных вариантов прочтения их легенд необходимы для прогресса в деле изучения джучидской нумизматики.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность за помощь при подготовке статьи российским нумизматам-исследователям А. О. Брагину и Ф. В. Ермолову.

Литература

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
 Зайончковский Ю. В. 2012. Позднеджучидские монеты с именем эмира Дин-Суфи бен Мансура. *Гілея. Науковий вісник* 66, 300—304.
 Лебедев В. П., Клоков В. Б. 2001. Монеты с юго-восточных окраин Сарая. *Татарская археология* (1—2), 19—46.

Лебедев В. П., Клоков В. Б. 2012. Монетный клад конца XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая. В: Миргалеев И. М. (ред.). *Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей* 2. Казань: Яз, 138—142.
 Майко В. В. 2007. *Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму.* Киев: Академперіодика.

- Мухамадиев А.Г. 1983. *Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв.* Москва: Наука.
- СМИЗО 1884: Тизенгаузен В. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Хромов К.К. 2004. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в Нижнем Поднепровье. В: Хромов К.К. *Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Ч. I. Монеты Джучидов XIII—XV веков.* Киев, 34—57.
- Zeno.ru: 106895: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 106895: Jujid? Kuchuk Muhammad? AR 0.69g. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=106895>. Дата обращения 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131930: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131930: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131930>. Дата обращения 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131931: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131931: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131931>. Дата обращения 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131932: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131932: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131932>. Дата обращения 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131933: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131933: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131933>. Дата обращения 26.08.2013 г.

References

- Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordı v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Zayonchkovskiy, Yu. V. 2012. In *Hileya. Naukovyj visnyk (Gileya. Scientific bulletın)* 66, 300—304 (in Russian).
- Lebedev, V. P., Klokov, V. B. 2001. In *Tatarskaia arheologiya (Tatar archaeology)* (1—2), 19—46 (in Russian).
- Lebedev, V. P., Klokov, V. B. 2012. In *Numizmatika Zolotoi Ordı (Golden Horde numismatics)* 2. Kazan: Iaz, 138—142 (in Russian).
- Mayko, V. V. 2007. *Kyrk-Erskii klad gorodishcha Chufut-Kale v Iugo-Zapadnom Krymu (Kyrk-Ersk hoard of the Chufut-Kale fortified settlement in South-Western Crimea)*. Kiev: Akadempriodika (in Russian).
- Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII—XV vv. (Bulgarian-Tatarian monetary system in the 12th—15th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Tiesenhausen, W. 1884. *Sbornik materialov, odnosiaschichksia k istorii Zolotoi Ordı (A compilation of materials on the history of Golden Horde)*. Vol. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Informations from Arabian writings)*. Saint Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk (in Russian).
- Khromov, K. K. 2004. In *Vostochnaia numizmatika v Ukraine. Sbornik publikatsii (Oriental numismatics in Ukraine. A compilation of publications)*. Part I. *Money Dzhuchidov XIII—XV vekov (Jochid coins of the 13th—15th centuries)*. Kiev, 34—57 (in Russian).
- Zeno.ru: 106895: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 106895: Jujid? Kuchuk Muhammad? AR 0.69g. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=106895>. Date of access 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131930: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131930: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131930>. Date of access 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131931: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131931: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131931>. Date of access 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131932: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131932: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131932>. Date of access 26.08.2013 г.
- Zeno.ru: 131933: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unidentified/Silver. 131933: Juchid AR dang. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131933>. Date of access 26.08.2013 г.

Статья поступила в номер 16 октября 2013 г.

Yuriy Zayonchkovskiy (Kharkiv, Ukraine). Kharkiv National University of Construction and Architecture¹.

Yuriy Zayonchkovskiy (Harkov, Ucraina). Universitatea Națională de Construcții și Arhitectură din Harkov.

Зайончковский Юрий Валентинович (Харьков, Украина). Харьковский национальный университет строительства и архитектуры.

E-mail: zyv_kharkov@mail.ru

Address: ¹ Sumskaia St., 40, Kharkiv, 61002, Ukraine

Н. Д. Руссев

Клад медных монет из крепости Измаил: деньги русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Keywords: Russo-Turkish war of 1768—1774, Danubian Principalities, Moldavia, Wallachia, Budjak, Bessarabia, Ismail fortress, field marshal P.A. Rumyantsev, baron P.N. Gartenberg, Sadogura, "para/denga", "2 para/3 kopeika".

Cuvinte cheie: războiul ruso-turc din 1768—1774, principatele dunărene, Moldova, Valahia, Bugeac, Basarabia, cetatea de la Ismail, feldmareșalul P.A. Rumeanțev, baronul P.N. Gartenberg, Sadogura, „para/denga”, „2 para/3 copeici”.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1768—1774 гг., Дунайские княжества, Молдавия, Валахия, Буджак, Бессарабия, крепость Измаил, фельдмаршал П.А. Румянцев, барон П.Н. Гартенберг, Садогура, «пара/денга», «2 пара/3 копейки».

N. D. Russev

A Hoard of Copper Coins from the Ismail Fortress: Money of the Russo-Turkish War of 1768—1774

The article represents the publication and interpretation of a hoard of 25 copper coins of 18th century discovered in 1990 during excavations on the territory of the former Ismail fortress. The find consists of two monetary groups which differ by their chronology and provenance. Early emissions were minted in Russia during the reign of Anna Ioannovna (1730—1740) and Elizaveta Petrovna (1741—1761) and are represented by three nominals: "denga" (6 coins), "kopeika" (2 coins), "dve kopeiki" (1 coin). The later group includes the so-called "Moldavian-Wallachian coins" minted from captured cannons by decision of the Russian war administration headed by P.A. Rumyantsev in Sadogur (a suburb of modern Chernivtsi), during the 1768—1774 war with the Ottoman Empire. These are emissions from 1772 of two nominals: "para/denga" (6 coins) and "2 para/3 kopeika" (10 coins). Probably, the hoard was deposited during the presence of the Russian army in Ismail — before 1774. It is remarkable that the Turkish cannons taken from here to the mint could come back already as coins. After the conclusion of Kuçuk Kaynarca peace, Russia left the Danubian Principalities but it was interdicted to bring in the Empire the devaluated during the war "money of extreme circumstances").

N. D. Russev

Un tezaur de monede de cupru din cetatea de la Ismail: Banii războiului ruso-turc din 1768—1774

Articolul este dedicat publicării și interpretării unui tezaur din 25 monede de cupru din sec. XVIII, descoperit în 1990 în timpul săpăturilor de pe teritoriul fostei cetăți de la Ismail. Complexul include două grupuri de monede, diferite ca cronologie și origine. Emisiile mai timpurii provin din Rusia, din perioada Annei Ioannovna (1730—1740) și Elizavetei Petrovna (1741—1761). Acestea sunt reprezentate de trei nominali: „denga” (6 ex.), „copeică” (2 ex.), „două copeici” (1 ex.). Grupul mai târziu conține așa-numitele monede „moldo-valahe”, bătute din metalul provenit de la tunuri de captură, la decizia administrației militare ruse în frunte cu P.A. Rumeanțev în Sadogura (suburbia Cernăuțiului contemporan) în timpul războiului dintre 1768—1774 cu Imperiul Otoman. Acestea sunt emisii din anul 1772 cu doi nominali: „para/denga” (6 ex.) și „2 para/3 copeici” (10 ex.). Probabil, tezaurizarea s-a produs în timpul stagionării trupelor ruse în Ismail — înainte de 1774. Este remarcabil, că tunurile turcești, transportate de aici la curtea monetară, puteau să se întoarcă, deja în calitate de monede. După semnarea tratatului de pace de la Kuciuk-Kainargi, Rusia a părăsit principatele dunărene, însă „banii împrejurărilor extraordinare”, depreciate în anii războiului, nu se admiteau pe teritoriul Imperiului.

Н. Д. Руссев

Клад медных монет из крепости Измаил: деньги русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Статья посвящена публикации и интерпретацииклада из 25 медных монет XVIII в., обнаруженного в 1990 г. при раскопках на территории бывшей Измаильской крепости. Находку составляют две группы монет, различающиеся по хронологии и происхождению. Ранние эмиссии отчеканены в России в царствование Анны Иоанновны (1730—1740) и Елизаветы Петровны (1741—1761). Они представлены тремя номиналами: «денга» (6 экз.), «копейка» (2 экз.), «две копейки» (1 экз.). Более поздняя группа — это т.н. «молдавско-валахские» монеты, чеканившиеся по решению русской военной администрации во главе с П.А. Румянцевым в Садогуре (предместье современных Черновцов) в ходе войны с Османской империей 1768—1774 гг. из трофейных пушек. Это выпуски 1772 г. двух номиналов: «пара/денга» (6 экз.) и «2 пара/3 копейки» (10 экз.). Клад, вероятно, был тезаврирован во время пребывания в Измаиле русских войск — до 1774 г. Примечательно, что вывезенные отсюда на монетный двор турецкие пушки могли вернуться обратно уже в виде монет. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Россия покинула Дунайские княжества, но обесценившиеся в годы войны «деньги чрезвычайных обстоятельств» ввозить в империю запрещалось.

Дело сей монеты, которое в лучшем на прибыток казенный и для полезного употребления приобретенной от неприятеля артиллерии, учреждено было, обращается ныне прямо в тягость общую и крайний ущерб казенный.

Генерал-фельмаршал П. А. Румянцев

В 1990 г. на территории бывшей Измаильской крепости при охранных археологических раскопках под трассу водовода в кв. 303, была изучена яма № 14 цилиндрической формы. Ее устье диаметром 1,5 м проявилось на уровне 1,3 м от современной дневной поверхности. Дно отмечено на глубине 2,3 м; стенки у дна скруглены. Заполнение ямы золотое с большим количеством обломков керамических и стеклянных сосудов османской эпохи. Здесь же обнаружены единичные фрагменты фарфоровой посуды, обрывки ткани, обломки керамической трубы. В 0,3 м от дна ямы № 14 открыт денежный клад, схороненный в мешочке или свертке ткани. От сильного окисления 25 экз. лежавших плотно друг к другу медных монет спаялись. После их разъединения выяснился состав этой коллективной находки. Ее составляют две группы монет, различающиеся по времени и месту выпуска (Росохацкий 1991: Табл. 16, рис. 31, 1 — альбом иллюстраций).

Группа I. Монеты, отчеканенные в России в царствование Анны Иоанновны (1730—1740) и Елизаветы Петровны (1741—1761). Представлены тремя номиналами.

1) «Денга» — 6 экз.:

1731 г., 6,35 г (КП 2435/Н-219)¹;

1735 г., 8,59 г (КП 2432/Н-216) — Рис. 1;

1735 г., 6,66 г (КП 2434/Н-218);

1735 г. (?), 5,93 г (КП 2433/Н-217);

1739 г., 7,12 г (КП 2437/Н-221);

1745 г., 8,80 г (КП 2436/Н-220).

Аверс. Двуглавый русский орел со скипетром и державой.

Реверс. В круге из декоративного орнамента помещена надпись в две строки: «ДЕ — НГА», а ниже под чертой указан год чеканки (Уздеников 1985: 243).

Монеты данного типа, приравняемые к 1/2 коп., отличались друг от друга лишь мелкими деталями оформления и были широко распространены в Российской империи. Их около четверти века чеканил в Москве

Рис. 1. «Денга», 1735 г. (КП 2432/ Н-216). Фото автора.

Fig. 1. „Denga”, 1735. (КП 2432/ Н-216). Photo by the author.

Красный монетный двор по 10-рублевой стопе. Тем самым из пуда меди (16,380 кг) получалось 2000 экз. денег. Легко убедиться, что теоретический вес монет 8,19 г лишь примерно соответствовал действительности. Это же касается и размера денег, диаметр которых колебался в пределах 23—28 мм (Ильин, Толстой 1910: 11; Юхт 1994: 110; Биткин 2003: 564).

2) «Копейка» — 1 экз. 1759 г., 8,45 г (КП 2446/Н-230) — Рис. 2.

Аверс. Всадник, поражающий копьем поверженного под копыта коня дракона — покровитель Москвы Святой Георгий. Внизу на расположенной полукругом ленте надпись: «КОПЕЙКА».

Реверс. Вензель Елизаветы Петровны, составленный из сочлененных друг с другом латинских букв «Е» и «Р», причем литеры зеркально дублируются (Рис. 3). Цифры года выпуска разделены на две части 17—59, которые помещены по обе стороны инициалов императрицы (Уздеников 1985: 197, 245 — VIII-А/а, 436).

В целом такая иконография характерна для медных монет России 1757—1762 гг., чеканившихся на том же Красном монетном дворе, но уже по 16-рублевой стопе с нормативным весом 10,24 г при диаметре около 26 мм (Ильин, Толстой 1910: 12; Юхт 1994: 110; Биткин 2003: 579).

¹ Здесь и далее даны шифры Измаильского историко-краеведческого музея Придунавья.

№6. 2013

Рис. 2. «Копейка» Елизаветы Петровны, 1759 г. (КП 2446/ Н-230). Фото автора.

Fig. 2. "Kopeika" of Elizabeth of Russia, 1759. (КП 2446/ Н-230). Photo by the author.

Рис. 4. «Две копейки» Елизаветы Петровны, 17... г. (КП 2447/ Н-231). Фото автора.

Fig. 4. "Two kopeika" of Elizabeth of Russia, 17... г. (КП 2447/ Н-231). Photo by the author.

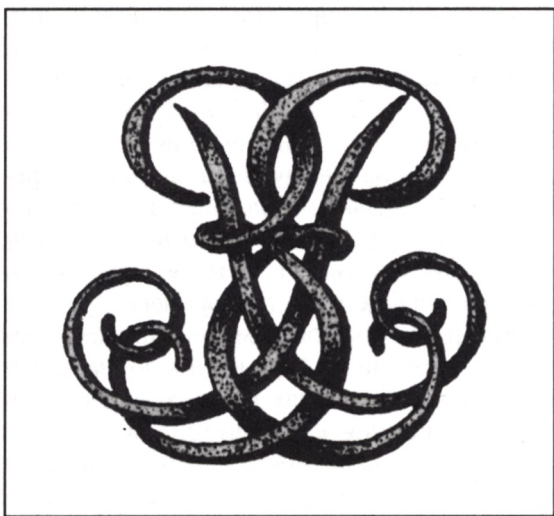

Рис. 3. Вензель Елизаветы Петровны («ЕР») на медных монетах 1757—1762 гг. (Уздеников 1985: 436).

Fig. 3. The monogram of Elizabeth of Russia ("EP") on copper coins from 1757—1762. (after Уздеников 1985: 436).

3) «Две копейки» — 2 экз.: 1758 г., 16,96 г (КП 2448/Н-232).

Аверс. Изображение такое же, как в предыдущем случае, но надпись другая: «ДВЕ КОПЕЙКИ».

Реверс как у «копейки» (Уздеников 1985: 196—197, 245 — VIII-Б/а, 436).

17... г., 18,22 г (КП 2447/Н-231) — Рис. 4.

Аверс такой же, но надпись расположена над изображением.

Реверс такой же (Уздеников 1985: 197, 245 — VIII-А/а, 436).

Теоретический вес монет составляет 20,48 г, диаметр — приблизительно 0,31 мм. Второй экземпляр выпущен Екатеринбургским монетным двором (Биткин 2003: 584).

Группа II. Монеты приходятся на первую треть правления Екатерины II (1762—1796) и могут быть отнесены к «гибридным» эмиссиям.

1) «Пара/3 денги» — 1772 г., 10 экз.

11,62 г (КП 2422/Н-206) — Рис. 5;

11,37 г (КП 2438/Н-212);

11,21 г (КП 2424/Н-208);

11,11 г (КП 2426/Н-210);

10,79 г (КП 2430/Н-214);

10,73 г (КП 2429/Н-213);

10,49 г (КП 2425/Н-209);

9,66 г (КП 2427/Н-211);

9,13 г (КП 2423/Н-207);

9,07 г (КП 2431/Н-215).

Аверс. Центр композиции составляют два прислоненных друг к другу овальных щита, над которыми помещена «корона суверена», увенчанная державой (Левандовский 2008: 103). Изображения в овалах — голова быка и птица с крестом в клюве, короной под ногами и полумесяцем над головой. Над эти фигурами полукругом расположена надпись: «МОН. МОЛД: И ВАЛОСК.» В нижней части лицевой стороны под чертой отмечен год выпуска монеты: 1772.

Реверс. В квадрате из витого шнура, занимающем основную часть монетного поля, вписано разделенное чертой двойное обозначение номинала — турецкое и русское: «ПАРА/3 ДЕНГИ».

2) «2 пара/3 копеек» — 1772 г., 6 экз.

19,63 г (КП 2438/Н-222);

19,48 г (КП 2442/Н-226);

19,27 г (КП 2443/Н-227) — Рис. 6;

19,16 г (КП 2439/Н-223);

19,14 г (КП 2441/Н-225);

19,05 г (КП 2440/Н-224).

Аверс полностью совпадает с лицевым изображением на младшей монете.

Рис. 5. «2 пара / 3 копеек», 1772 г. (КП 2422/ Н-206). Фото автора.

Fig. 5. "2 para / 3 kopeika", 1772. (КП 2422/ Н-206). Photo by the author.

Рис. 6. «Пара / 3 денги», 1772 г. (КП 2443/ Н-227). Фото автора.

Fig. 6. „Para / 3 deniga“, 1772. (КП 2443/ Н-227). Photo by the author

Реверс отличается только обозначением номиналов в четыре строки: «2 ПАРА/3 КОПѢКЪ».

Группа II, представленная в кладе 16 экз., принадлежит к массовому типу так называемых «молдаво-валахских монет», чеканенных на берегу р. Прут в селении Садогура² во время войны России с Османской империей 1768—1774 гг. (Винклер 1899; Макар и др. 1998). Однако замечено, что резчики изображений на щитах аверсов почему-то нарочито отступили от хорошо известных по монетам княжеств предшествующего времени геральдических образцов (МВМ). Так, садогурский вариант головы тура не передает крутой нрав этого животного и оставлен без обязательных солярных знаков (Iliescu 1970: 26—36. Pl. 16—28; Бырня, Руссев 1999: 182—201). Значительно изменен и герб Валахии, который

представляет птицу с крестом в клюве, мало напоминающую орла и стоящую не на шлеме, а на короне (Iliescu 1970: 16—24. Pl. 6—14).

Аналогичные монеты происходят из различных мест на исторических территориях Валахии (Spiru 1958: 476) и Молдавии, включая район Ясс (Iliescu 1957: 465; 1970: 52; Нудельман 1990: 239—240). Они хорошо документированы на Буковине и в округе Черновцов (Огуй 2007: 106; 208: 124—137), где находился монетный двор. Еще с конца XIX в. их находки известны в Буджаке (Нудельман 1990: 236, 243) — в частности, и в Измаиле (ГАОО: Ф. 93. Оп. 1. Д. 113. Л. 127). Вместе с тем, на мой взгляд, исследование феномена эмиссий Садогуры далеко не исчерпано.

Их, пожалуй, справедливо относят к категории «военных денег», или «денег чрезвычайных обстоятельств» (МВМ; ср. Фенлер и др. 1993: 50—51, 90—91). В самом деле, публикуемый клад, соединивший собственно русские монеты с выпущенными для употребления в Молдавии и Валахии, является своеобразным продуктом войны и в таком качестве позволяет увидеть новые подробности региональной истории того времени.

Как известно, поводом для разрыва мирных отношений с Турцией стало нахождение в польских землях русских войск и жестокое разорение казаками-гайдамаками летом 1768 г. пограничного городка Балта (ныне на севере Одесской области Украины), населенного тогда богатыми торговцами разных народностей и религий. Россия пыталась сгладить конфликт, но безуспешно. Правительство Османской империи при подстрекательстве просвещенной Франции уже осенью объявило о начале войны (Петров 1866: 67—72). В ней предстояло столкнуться странам разных направлений и уровней цивилизационного развития, а Карпато-Дунайскому региону суждено было стать ареной этой драмы.

Развернувшиеся уже в 1769 г. военные действия охватили огромное пространство от Дуная до Кавказа и почти сразу же обнаружили большие проблемы, связанные не столько с боевыми качествами российских войск, сколько с их снабжением. Вдали от тылов армейское командование столкнулось с непредвиденными трудностями. В Молдавии и Валахии, посланцы которых заверяли Петербург в готовности покорно служить императрице «даже до последней крови нашей» (Мохов 1961: 212), оказалось, что рассчитывать на местные ресурсы особенно не приходится.

² Современное с 1946 г. наименование предмета Черновцов — «Садгора» (Макар и др. 1998: 25). В некоторых работах ошибочно отнесено к территории Румынии.

Из ордеров П.А. Румянцева за октябрь 1769 г. видно, «с какою тягостью для жителей молдавских» собирались денежные подати. Так как из-за продолжавшихся более года военных действий торговля скотом не велась, возник «в деньгах великий недостаток». Более того, появились опасения, «что по корыстолюбию самих еще собирателей и последние жители разогнаны будут». В связи с этим командующий предлагал «вынудительные и тягостные поборы для жителей оставить и ... взыскивать дань, которая теперь нам больше денег нужна, в провианте и фураже». П.А. Румянцев предлагал и другие меры, «дабы в начале нашего владения не огорчить тамошний народ». В частности, вместо денежных податей «можно у жителей тамошних взять лошадей для армии, которыми они изобилуют, давая ассигнации» (Румянцев 1953: 162—163, 167).

В самом деле, сразу же после разрыва мира с Турцией по поручению Екатерины II был составлен проект, в котором прямо говорилось: «Для начинающейся войны на расходы первой кампании учредить бумажные ассигнации, утвердя к ним точно ту доверенность, какая есть к настоящим деньгам». Первая партия бумажных денег была обеспечена 1 млн. руб. медью. В дальнейшем эмиссию планировалось увеличить до 3 млн. руб., но фактически в 1769—1774 гг. было выпущено 20 млн. руб. ассигнациями (подробнее см. Юхт 1994: 255, 260; ср. Макарьев и др. 1998: 12). Очевидно, это европейское нововведение значительного успеха у не знавших денежных купюр жителей Молдавии и Валахии иметь не могло, поскольку оно не вызывало доверия даже у образованной столичной публики. Показательно мнение на этот счет члена Санкт-Петербургской Академии наук немца И.А. Гильденштедта, который путешествовал по южной России в 1773—1774 гг. Он возмущался тем, что 5 дней его мучили проволочками в крепости св. Димитрия Ростовского, не выдавая 700 рублей «от мнимого недостатка в серебряной монете». В итоге ученый получил только 500 руб. серебром и «согласился принять остальную сумму частью медью, частью ассигнациями» (Гильденштедт 1879: 204).

Не вполне выполнили свою задачу признававшиеся и тогда международной валютой голландские дукаты, поддельные эмиссии которых вводил в оборот монетный двор Санкт-Петербурга (Уздеников 1985: 376). По наблюдениям исследователей, эти золотые монеты весом 3,5 г высоко ценились в турецких владениях, включая Валахию и Молдавию (Макарьев и др. 1998: 12—13), где они встреча-

ются во многихкладах (см. ИНХ 1976: 405; Нудельман 1990: 234—235 и др.). Правда, последний факт свидетельствует о том, что в условиях резкого сокращения международной торговли золотые деньги очень быстро прятали до лучших дней. Именно поэтому ходовых монет для нужд армии по-прежнему не хватало.

Денежный голод могли бы утолить медные монеты, массовый выпуск которых был хорошо налажен в России. Вместе с тем, почти непреодолимым препятствием стала рентабельность их доставки гужевым транспортом на расстояния, измерявшиеся многими сотнями верст. В то время 100 рублей медью весили 6 пудов 10 фунтов — почти 100 кг (Макарьев и др. 1998: 15), а речь шла о сотнях тысяч рублей. Известен почти анекдотический случай с премией в 2000 руб., которую в 1748 г. императрица Елизавета Петровна выплатила в медной монете М.В. Ломоносову за посвященную ей оду «Царей и царств земных отрада...». Стоит представить известного бурными эмоциями российского Невтона в момент, когда вся выданная «денгой» сумма весом 3200 кг (!) была доставлена ему на нескольких телегах (Денга 1748). Между тем обеспечить российскую армию в Дунайских княжествах только лишь 1 000 000 рублей медной монетой означало перевезти 16 380 тонн груза. Для этого понадобилось бы 16 570 вozов, запряженных 66 280 волами (Винклер 1899: 11). В условиях долгого пути, недостатка подвод и тяловых животных, бездорожья и бескормицы, угроз эпидемий и безопасности, в том числе и от своих (см. Румянцев 1953: 166, 389), а также прочих невзгод такие поставки были неимоверно трудными и нецелесообразными.

Между тем в ходе войны достиг зенита славы П.А. Румянцев. Его блестящие победы при Ларге, Рябой Могиле, Кагуле были по достоинству оценены императрицей, которая произвела полководца в звание генерал-фельдмаршала, удостоила высших наград и пожаловала многими именьями. Не менее важной была и степень доверия Екатерины II к нему. В августе 1770 г., отмечая усердие графа «к пользе империи» и выразив свою готовность всячески поддерживать его «ревностные предприятия», она недвусмысленно заявила: «Сим даю вам позволение употребить и мое собственное имя, где вы усмотрите, что сие нужно для успеха дел моих» (Румянцев 1953: 374). Тем самым командующий получил все полномочия, чтобы действовать самостоятельно в землях, находившихся под контролем вверенных ему войск.

Одним из его неординарных решений стало производство монет, предназначенных для обращения в Молдавии и Валахии. Для претворения в жизнь плана обеспечения расходов армии деньгами имелись предпосылки. К примеру, на военных складах в разных местах скопилось большое количество трофейных пушек, а в России уже был опыт изготовления монет из пушечной меди, имевший место в 1756—1766 гг. по инициативе графа П. И. Шувалова (Винклер 1896: 49—92). Нашелся и знающий толк в монетном деле предприниматель — арендатор Варшавского монетного двора, подданный короля Польши и курфюрста Саксонии барон П. Н. фон Гартенберг (Макар и др. 1998: 16—20). К тому же предложение отдать изготовление монет на откуп частному лицу поддержала императрица. Поэтому уже 24 февраля 1771 г. был составлен договор с Гартенбергом о выпуске 0,5 млн. руб. медной монетой. Первоначально производство намеревались организовать в Яссах, но затем выпуск денег наладили недалеко от Черновцов. В августе барон получил из Хотина битые пушки общим весом до 1000 пудов, а в декабре предъявил первую партию монет на сумму свыше 3224 руб. (Винклер 1899: 2—3)

К этим финансовым операциям непосредственное отношение имел и Измаил. При взятии крепости 26 июля 1770 г. отряд генерал-поручика Н. В. Репнина среди «знаков победы» захватил у турок 37 пушек (Румянцев 1953: 362). В марте 1773 г. на монетный двор Садогуры из Измаила было доставлено более 94 пудов меди, а в мае свыше 221 пудов — 13 турецких орудий (Винклер 1899: 6—7).

Массовыми стали выпуски только двух номиналов: 3 денги (1,5 коп.) и 3 копейки, — приравненных к османской денежной единице «пара»³ (соответственно 1 и 2 пара), хорошо известной населению Молдавии и Валахии. Согласно установленной стопе, из 1 пуда пушечной меди производились монеты на сумму 21 руб. 60 коп. — по 1440 «пара/3 денги», или по 720 «2 пара/3 копеек». Продукция поступала в Диваны — правительства княжеств, которые пускали полученные суммы в оборот, покрывая их золотом и серебром, вырученным за счет откупов, преимущественно соледобычи (Винклер 1899: 3—4).

По поводу эмиссий П. Гартенберга в современной научной литературе существует

мнение: «Имея двойное обозначение номинала, эти монеты служили не столько платежным средством, сколько показателем соотношения местных и русских денежных единиц, и тем самым облегчали хождение на территории Молдавии и Валахии русских денег, которые в основном и использовались русской армией для расчетов с населением при закупках продовольствия и фуража» (Уздеников 1985: 377). Однако, кроме того, сами наименования ясно указывают на условно посреднические функции «молдавско-валахской» меди между преобладавшими в обращении османскими монетами и начинавшими входить в жизнь княжеств русскими деньгами. Присутствие среди них садогурских эмиссий подтверждают многие нумизматические находки (Нудельман 1990: 227—230; Огуй 2008: 122—137), в том числе клад из Измаила. При этом следует учитывать, что значительность положения новой медной монеты, введенной в торгово-хозяйственную сферу русским командованием, обеспечивалась всем потенциалом возможностей внеэкономического принуждения находившихся в княжествах войск, для которых и делались закупки.

Клады из Измаила, Нерушая и Джурджулешт (Нудельман 1990: 236, 243) показывают, что монеты Садогуры не только проникали, но и скапливались в районах, до 1770 г. подвластных туркам и татарам. Измаильская находка, так или иначе, связана с пребывавшими в крепости до 1774 г. солдатами П. А. Румянцева. Только они могли принести на Дунай русские разменные монеты, чеканенные задолго до начала войны с Османской империей. Вопросы, как их потратить, тут вряд ли возникали. Еще накануне взятия крепости русскими войсками очевидец отмечал, что в Измаиле «отправляется знатный торг от приезжающих из Леванта с товарами» (Клееман 1783: 30). Когда летом 1770 г. сюда вошли русские войска, императрице докладывали: «Город сколь возможно сбережен от разорения и уже живущие в оном молдованы и армяны свое домостроительство и торги отправляют без помешательства» (Румянцев 1953: 362).

Но что можно было купить на сокрытые монеты, если в сумме они составляли только 41 копейку? Некоторое представление об этом дают записи в дневнике уже упоминавшегося академика И. А. Гильденштедта. Путешествуя в 1773—1774 гг. из Ростова в сторону Бердянска на Азовском море, он порой фиксировал цены. Например, воз камыша для обогрева домов стоил 10 коп., соленая

³ «Пара» составляла 1/40 часть «лева» (куруша — талера).

икра белуги — 80 коп. пуд, пуд соленой белужины — 70 коп., пуд соли — 15 коп. Тысяча штук соленой и сушеной тарани продавались по копейке. Куль ржаной муки стоил полтора рубля. Ведро анисовой водки⁴ из Малороссии в кабаке Таганрога можно было приобрести за столько же (Гильденштедт 1879: 183, 192, 193, 213, 215). По информации 1743 г., в Киеве четверть⁵ пшеницы продавалась за 1 руб. 07 коп., ржи — за 56 коп., овса — за 31 коп. (Ключевский 1990: 118). Кстати, при доставке турецких пушек в Садогуру ездовым платили по 60 денежек за час пути. При этом самой дальней была дорога из Килии — 103 часа, а из Измаила — только 73 (Винклер 1899: 13).

Надо иметь в виду, что находившиеся какое-то время в одних руках медные монеты Измаильского клада были отчеканены в соответствии с разными стопами, а потому их не оценивали только по формальным признакам. «Пара» Гартенберга, номинально приравненная к трем «денгам», никак не могла конкурировать с собственно русскими «денгами», которые при изрядной изношенности имели средний вес более 7,24 г (свыше 91% от теоретической нормы). При этом масса «пара/3 денги» садогурского производства была вовсе не в 3 раза больше одной «денги» чеканки 1731—1745 гг., а едва лишь на 13%. Фактически и «2 пара» 1772 г. (номинально равные 3 копейкам, или 6 денгам) не дотягивали до общего веса трех «денег» московского производства. Не удивительно, что рынок мог устанавливать свой курс, а поскольку монеты брали по весу, постольку продавцы предпочитали старые эмиссии.

Вместе с тем, директивно заниженная стоимость монет Садогуры не вполне соответствовала даже весовым характеристикам, указанным в соглашении 1771 г. Взвешивание близких к измаильским более 40 экз. серийных выпусков позволило установить, что средний вес младшего номинала составляет 10,5 г вместо 11,37 г, а для старшего — 19,05 г вместо 22,75 г. Оказалось, что барон Гартенберг, умышленно еще более уменьшая вес каждого экземпляра, выпускал из каждого пуда меди дополнительно по 120 или 139 монет одного из номиналов. Общая прибыль после такого «сбрасывания веса» монет составила около 100 тыс. рублей, или 162 тыс. левов (МВМ).

Несмотря на статистически малую выборку, даже 16 монет Измаильского клада подтверждают этот факт: «2 пара/3 копеек» в среднем весят 19,29 г, а «пара/3 денги» — менее 9,5 г. В данном случае пуд меди давал 849 монет против плановых 770 и 1724 экз. — вместо 1440. Выпуск в Садогуре «дважды облегченных» монет для Молдавии и Валахии, даже без учета многочисленных злоупотреблений местных чиновников, неминуемо вел к разорению Дунайских княжеств.

Последствия выгод от «ревностного предприятия» обернулись своей противоположностью очень быстро. Садогурские монеты из бросового пушечного металла захлестнули рынки, вымыв с них золотые и серебряные деньги, которые осели в основном у немногих высокопоставленных деятелей, имевших прямое отношение к командованию русской армии и управлению Диванами. Казна опустела. Уже летом 1773 г. П. А. Румянцев требовал не принимать платежи новой медной монетой, а употреблять ее исключительно на закупки продовольствия для войск. Тем не менее, за 11 месяцев (с июня 1773 по апрель 1774 гг.) было отчеканено медяков еще на 221 834 руб., что составило около 1/3 от всей выпущенной в Садогуре продукции (Винклер 1899: 5—8).

В июле 1774 г. с Высокой Портой был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, а П. А. Румянцеву надо было быстро получить откупщиков долги в золоте и серебре. «Вскоре должно ожидать очищения провинций, потому примите меры, так как вы сами таким недомкам и ущербу казне от медных денег повинны будете», — угрожал генерал-фельдмаршал своим управляющим в Диванах. Еще недавно насаждавшиеся деньги Садогуры были объявлены вне закона: «Тягчайшее наказание, если кто провезет медную монету». Возмущение в торгующем народе росло. Ситуация вышла из-под контроля, когда в Яссах начался «медный бунт». Чтобы прекратить беспорядки, против столичных жителей пришлось применить силу (Винклер 1899: 8—9).

С окончанием войны заканчивалась и история «молдаво-валахских» денег. Главные герои этой эпопеи не пострадали. Даже П. Н. фон Гартенберг, которого иногда называют «европейским авантюристом» (Спаский 1957: 108). Его дело и впрямь было рискованным, но, к счастью, появился он в нужное время, в нужном месте и перед нужным человеком. Граф П. А. Румянцев показал себя великим стратегом. И не только в военном деле. Имея карт-бланш от самой Екатерины II, он предусмотрительно

⁴ Примерно 12,3 литра.

⁵ Четверть — мера сыпучих тел объемом около 210 литров; то же, что куль. Четверть ржи принималась за 9 пудов (Ключевский 1990: 66), или более 147 кг.

отбросил монограммы императрицы и изображение российского двуглавого орла с гербами Молдавии и Валахии, которые поместил на своих пробных монетах садогурский барон (Винклер 1899: 16—17; МВМ). В самом деле, отсутствие имперских симво-

лов снимало с высокопоставленных официальных лиц всякое подозрение. Что касается дела частного, то оно почти всегда темное. Особенно на войне. И только позеленевшие от времени медные монеты, вроде найденных в Измаиле, свидетельствуют: было дело...

Литература

- Биткин В. В. 2003. *Сводный каталог монет России (1740—1917) II*. Киев: Юнона Монета.
- Быряня П. П., Руссев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки). *Stratum plus* (6), 176—262.
- Винклер П. 1897. *Из истории монетного дела в России. Передел медных пушек в монету (1756—1766 гг.)*. Санкт-Петербург.
- Винклер П. 1899. *Из истории монетного дела в России. Молдаво-валахская монета (1771—1774)*. Санкт-Петербург.
- ГАОО: *Государственный архив Одесской области. Переписка Одесского общества истории и древностей (Письмо А. Шиманского из Измаила от 19 мая 1894 г.)*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 113. Л. 127.
- Гильденштедт И. А. 1879. *Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773—1774 г.* ЗОО-ИД XI, 180—228.
- Денга 1748: *Денга 1748 года*. URL: <http://moneti-rossii.ru/221-denga-1748-goda.html>. Дата обращения 05.08.2013.
- Ильин А., Толстой И. 1910. *Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г.* Санкт-Петербург: Издание картографического заведения А. Ильина.
- ИНХ 1976: *История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)*. 1976. Кишинев: Штиинца.
- Ключевский В. О. 1990. *Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему*. В: Янин В. Л. (ред.). *Сочинения VIII*. Москва: Мысль, 59—119.
- КП 1783: *Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли бюджетских и нагайских татар и во весь Крым с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах с приобщением описания достопамятностей крымских*. 1783. Санкт-Петербург.
- Левандовский А. П. 2008. *В мире геральдики: теория, история, сущность*. Москва: Вече.
- Макар и др. 1998: Макар Ю. И., Пивоваров С. В., Юрійчук Ю. А. *Садогурська монетарня (історико-краєзнавчий нарис)*. Чернівці: Рута.
- МВМ: *Молдаво-валахская монета*. URL: <http://sadgora.com/sadogurskaya-moneta/moldavo-valahskaya-moneta.html>. Дата обращения 04.08.2013.
- Мохов Н. А. 1961. *Очерки истории молдавско-руско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века)*. Кишинев: Штиинца.
- Нудельман А. А. 1990. Монетные клады XVIII — начала XIX в. в Днестровско-Прутском регионе. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев: Штиинца, 227—263.
- Огуй О. Д. 2007. *Чернівці та околиці: грошовий обіг та монетні знахідки протягом тисячоліть*. Чернівці: Рута.
- Огуй О. Д. 2008. *Монетні знахідки на Буковині. Системно-кватитативне зіставлення*. Чернівці: Рута.
- Петров А. 1866. *Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769—1774 год*. Т. II (1770). Санкт-Петербург.
- Росохацкий А. 1991. *Отчет об охранных раскопках в Измайльской крепости в 1990 г.* Одесса: Измайльский историко-краеведческий музей Приднубья.
- Румянцев П. А. 1953. *Документы II (1768—1775)*. Москва: Военное изд-во Мин. обороны СССР.
- Спасский И. Г. 1957. *Русская монетная система. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Учпедгиз.
- Уздеников В. В. 1985. *Монеты России. 1700—1917*. Москва: Финансы и статистика.
- Фенглер и др. 1993: Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. *Словарь нумизмата*. 1993. Москва: Радио и связь.
- Юхт А. И. 1994. *Русские монеты от Петра Великого до Александра I*. Москва: Финансы и статистика.
- Iliescu O. 1957. Însemnări privitoare la descoperiri monetare. SCN I, 461—466.
- Iliescu O. 1970. *Moneda în România. 491—1864*. București: Editura Meridiane.
- Spiru I. 1958. Monede bătute la Sadagura, găsite în Muntenia. SCN II, 475—476.

References

- Bitkin, V. V. 2003. *Svodnyi katalog monet Rossii II (1740—1917) (Joint catalogue of Russian coins II (1740—1917))*. Kiev: Iunona Moneta (in Russian).
- Bîrnia, P. P., Russev, N. D. 1999. In *Stratum plus. Arheologia i kul'turnaia antropologîia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 176—262 (in Russian).
- Vinkler, P. 1897. *Из истории монетного дела в России. Передел медных пушек в монету (1756—1766 гг.) (From the history of Russian coinage. Processing copper cannons into coins. 1756—1766)*. Sankt-Peterburg (in Russian).
- Vinkler, P. 1899. *Из истории монетного дела в России. Молдаво-валахская монета (1771—1774) (From the history of Russian coinage. Moldavian-Wallachian coins. 1771—1774)*. Sankt-Peterburg (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti. *Perepiska Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (State Archive of Odessa region. Correspondence of the Odessa society for history and antiquities)*. Fond 93. Opis 1. Delo 113. List 127 (in Russian).
- Gil'denshtedt, I. A. 1879. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* XI, 180—228 (in

№6. 2013

- Russian).
- Il'in, A., Tolstoi, I. 1910. *Russkie monety, chekanennye s 1725 po 1801 g. (Russian coins minted from 1725 to 1801)*. Sankt-Peterburg: Izdanie kartograficheskogo zavedeniia A. Il'ina (in Russian).
- Istoriia narodnogo khoziaistva Moldavskoi SSR (s drevneishikh vremen do 1812 g.) (History of the national economy of Moldavian SSR (from the most ancient times to 1812)). Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Kliuchevskii, V.O. 1990. In *Sochineniia (Works)* VIII. Moscow: Mysl', 59—119 (in Russian).
- Kleemanovo puteshestvie iz Veny v Belgrad i Novuiu Kiliu, takozh v zemli budzhatskikh i nagaitskikh tatar i vo ves' Krym s vozvratom chrez Konstantinopol', Smirnu i Triest v Avstriiu v 1768, 1769 i 1770 godakh s priobshcheniem opisaniia dostopamiatnostei krymskikh (Kleeman's travel from Vienna to Belgrade and Novaia Chilia as well as to the lands of Budjak and Nohai Tatars and through whole Crimea with return through Constantinopol, Smirna and Triest in Austria in 1768, 1769 and 1770 including the description of Crimean memorablenesses). Sankt-Peterburg (in Russian).
- Levandovskii, A.P. 2008. *V mire geraldiki: teoriia, istoriia, sushchnost' (In the world of heraldry: theory, history, essence)*. Moscow: Veche (in Russian).
- Makar, Yu. I., Pyvovarov, S. V., Yuriichuk, Yu. A. *Sadoghurs'ka monetarnya (istoryko-kraeyznachyj narys) (Sadogura mint (historical and regional essay))* Chernivtsi: Ruta (in Ukrainian).
- Mokhov, N.A. 1961. *Ocherki istorii moldavsko-russko-ukrainskikh svyazei (s drevneishikh vremen do nachala XIX veka) (Essays on the history of Moldavian-Russian-Ukrainian connections (from the most ancient times to the beginning of 19th century))* Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Nudel'man, A.A. 1990. In *Numizmaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Numismatic researches into the history of South-Eastern Europe)*. Kishinev: Shtiintsa, 227—263 (in Russian).
- Oguy, O.D. 2007. *Chernivtsi ta okolytsi: hroshovyj obih ta monetni znakhidky protyahom tysyacholit' (Chernivtsy and its surroundings: circulation of money and finds of coins through millennia)*. Chernivtsi: Ruta (in Ukrainian).
- Oguy, O.D. 2008. *Monetni znakhidky na Bukovyni. Systemno-kvadytatyvne zistavleniia (Monetary finds in Bukovina. Systemic and quantitative comparison)*. Chernivtsi: Ruta (in Ukrainian).
- Petrov, A. 1866. *Voyna Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769—1774 god (War between Russia and Turkey and Polish Confederates in 1769—1774)*. Vol. II: 1770. Sankt-Peterburg (in Russian).
- Rosokhatskii, A. 1991. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh v Izmail'skoi kreposti v 1990 g. (Report on the rescue excavations in the Ismail fortress in 1990)*. Odessa: Izmail'skii istoriko-kraevedcheskii muzei Pridunav'ia (in Russian).
- Rumiantsev, P.A. 1953. *Dokumenty (Documents)*. Vol. II: 1768—1775. Moscow: Voennoe izd-vo Min. oborony SSSR (in Russian).
- Spasskii, I.G. 1957. *Russkaia monetnaia sistema. Istorikonumizmaticheskoe issledovanie (Russian monetary system. A historical and numismatic study)*. Moscow: Uchpedgiz (in Russian).
- Uzdenikov, V.V. 1985. *Monety Rossii (Russian Coins)*. 1700—1917. Moscow: Finansy i statistika (in Russian).
- Fengler, Kh., Girou, G., Unger, V. *Slovar' numizmata (A numismatician's dictionary)*. Moscow: Radio i svyaz' (in Russian).
- Iukht, A.I. 1994. *Russkie monety ot Petra Velikogo do Aleksandra I (Russian coins from Peter the Great to Alexander I)*. Moscow: Finansy i statistika (in Russian).
- Iliescu, O. 1957. Însemnări privitoare la descoperiri monetare. *Studii și Cercetări de Numismatică* I, 461—466.
- Iliescu, O. 1970. *Moneda în România. 491—1864*. București: Editura Meridiane.
- Spiru, I. 1958. Monede bătute la Sadagura, găsite în Muntenia. *Studii și Cercetări de Numismatică* II, 475—476.

Статья поступила в номер 1 сентября 2013 г.

Nicolai Russev (Kishinev, Moldova). Doctor Habilitat of History. High Anthropological School University¹.

Nicolai Russev (Chișinău, Moldova). Doctor habilitat în istorie. Universitatea „Școala Antropologică Superioară”.

Руссев Николай Дмитриевич (Кишинёв, Молдова). Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru

Address: ¹ Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

Знаки времени

Signs of Time
Semnele timpului

А. В. Красножон

Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости

Keywords: fortress of Belgorod on the Dniester, 15th c., epigraphic, Fedorko, Stephen the Great, Stanchul.

Cuvinte cheie: Cetatea Albă de pe Nistru, sec. XV, epigrafi, Teodorca, Ștefan cel Mare, pan Stanciul.

Ключевые слова: крепость Белгород на Днестре, XV в., эпиграфика, Федорко, Стефан Великий, пан Станчул.

A. V. Krasnozhan

15th Century Epigraphic Monuments from the Belgorod Fortress

At the beginning of 2013 in the Kherson Regional Museum, the author found a collection of epigraphic plates of the 15th c. from the Belgorod on the Dniester, which was considered lost for more than 100 years. Three plates contain inscriptions in Old Slavonic, one — in Greek. Three of them are surely relate to the walls of the fortress and can be used to refine the chronology of the defense complex.

The text on the first plate of 1440 indicates an autonomous position of Belgorod in Moldavian state during the reign of Ștefan II. The appearance of this plate is associated with the construction of the southern line-walls of the Military court in anticipation of an expected Tatar raid.

The second plate — 1454 — was removed from the walls of one of the towers of the Military court. The text tells about the fortification works undertaken by pan Stanchul, awaiting of the attack the Turkish fleet of Temir-Kai.

The third plate, presented by N.E. Afanasyev, has no relation to the fortress. Probably, it belonged to the Moldavian church of 15th century in Belgorod ("Greek" church) and was established in 1480 to celebrate the end of the construction of the monastery (or a church).

The fourth plate from Main (Kiliya) gate dates to 1484, and was established during the renovation of the tower in anticipation of the Turkish siege of Belgorod by Sultan Bayazid II. This plate is an unique example in the document of 15th c. of the Moldavian Principality, because it is dated by AD.

The author proposes a new reading of the texts, which differs from the one previously suggested by other researchers, and clarifies some dates of the plates.

A. V. Krasnozhan

Monumente epigrafice de sec. XV din Cetatea Albă

La începutul anului 2013. în colecțiile Muzeului Regional din Herson, autorul a descoperit câteva stele epigrafice din Cetatea Albă de pe Nistru, care mai mult de un secol se credeau pierdute. Trei stele conțin inscripții în limba slavonă veche, iar una — în limba greacă. Trei dintre ele pot fi sigur raportate la pereții cetății și pot fi utilizate pentru precizarea cronologiei sistemului defensiv.

Textul primei stele, datate cu 1440, indică clar asupra poziției autonome a Cetății Albe în cadrulul statului moldovenesc deja în perioada domniei lui Ștefan al II-lea. Apariția ei este legată de construcția liniei sudice a pereților actualei Curți militare în ajunul unui presupus raid tătaresc.

A doua stelă, din 1454, a fost demontată de pe unul dintre pereții Curții militare. Textul povestește despre efectuarea unor lucrări de întărire, realizate de panul Stanciul înainte de atacul escadrei turcești a lui Temir-Kai asupra Cetății Albe.

A treia stelă, oferită în dar de N.E. Afanasiev, nu se referă la cetate. Probabil, ea ținea de biserica moldovenească lui Ioan Botezătorul („Grecească”) din sec. XV din Belgorod și a fost montată în 1480 în cinstea finisării construcției mănăstirii (sau a lăcașului monasterial).

A patra stelă, de pe Porțile principale (porțile Chiliei), este datată cu 1484. Ea a fost instalată în timpul reconstrucției turnului de poartă în așteptarea asediului Cetății Albe de către oștile sultanului Baiazid al II-lea. Această stelă reprezintă un exemplu unic al unui document moldovenesc de sec. XV, fiind datată în stil „după Hristos”.

Autorul propune o nouă interpretare a textelor, care diferă de cele propuse anterior de către alți cercetători, și precizează datarea unor stele.

А. В. Красножон

Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости

В начале 2013 г. в фондах Херсонского краеведческого музея автором была обнаружена коллекция закладных плит XV в. из Белгорода на Днестре, которая считалась утерянной на протяжении более 100 лет. Три плиты содержат надписи на старославянском языке, одна — на греческом. Три из них уверенно соотносятся со стенами крепости и могут быть использованы для уточнения хронологии оборонного комплекса.

Текст первой плиты 1440 г. ясно указывает на автономное положение Белгорода в составе Молдавского государства уже в период правления Стефана II. Ее появление связано со строительством южной линии стен нынешнего Военного двора в преддверии ожидаемого татарского набега.

Вторая плита, 1454 г., снята со стен одной из башен Военного двора. Текст сообщает об укрепительных работах, проведенных паном Станчулом накануне нападения на Белгород турецкой эскадры Темир-Кая.

Третья плита, подаренная Н. Е. Афанасьевым, не имеет никакого отношения к крепости. Вероятно, она принадлежала молдавской церкви XV в. св. Иоанна Предтечи в Белгороде («Греческой») и была установлена в 1480 г. в честь окончания постройки монастыря (или монастырского храма).

Четвертая плита, с Главных (Кикийских) ворот, датируется 1484 г. Она была установлена в ходе реконструкции воротной башни в ожидании турецкой осады Белгорода войсками султана Баязида II. Данная плита — уникальный образец эпиграфики XV в. Молдавского воеводства, поскольку датирована временем от Р.Х.

Автор предлагает новое прочтение текстов, которое отличается от сделанных ранее другими исследователями, и уточняет некоторые датировки плит.

Из истории исследований

Одним из важнейших источников для изучения строительной истории крепости Белгород молдавского периода ее существования по праву считаются памятные закладные плиты, обнаруженные на ее стенах или же случайно вне оборонного комплекса, но соотносимые с объектом (рис. 1).

К настоящему времени известно пять эпиграфических памятников XV в. с текстами на греческом и старославянском языках. Четыре из них некогда хранились в Одесском музее древностей и были введены в научный оборот еще русскими дореволюционными историками. Данные текстов этих плит легли в основу хронологии крепостного ансамбля, которая оставалась общепринятой на протяжении XX в., и лишь несколько уточнялась в конце 1990-х. Считалось, что на разных этапах к строительству крепостных стен и башен Белгорода имели отношение молдавские господари Стефан II и Стефан III Великий, а также пыркалабы Станчул, Дума, Херман и Лука (Мурзакевич 1848; Кочубинский 1889; 1901; Репников 1912; Уваров 1856: 178—181; Bogdan 1908; ОВИМК 1987; Войцеховский 1969; 1972; Бырня 1984; Шлапак 2001; Şlaras 2004; Красножон 2012).

Из пяти плит одна — с фасада башни №26 — была утеряна в период между 1848 г., когда ее зафиксировал А. С. Уваров (Уваров 1853: табл. XXXII: 21), и 1860 г., когда впервые сообщили о пропаже. Эта плита не успела попасть в коллекцию Одесского музея древностей и была украдена прямо со стены (Репников 1912: 73, прим. 2). Судьба ее остается неизвестной. Что касается остальных четырех плит, то они хранились в фондах музея еще в 1910-х гг. (Репников 1912: 72), а затем следы их также теряются. Поэтому все последующие поколения исследователей вынуждены были работать с текстами по фотографиям XIX в.

Первый свод рисунков эпиграфических памятников крепости был составлен еще русскими военными в 1819 г. Историк архитектуры В. А. Войцеховский обнаружил его в фондах РГВИА (Войцеховский 1972: 371—374).

На листке под названием «Гербы и надписи, находящиеся в разных местах Аккерманской крепости» (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 702. Л. 1) представлено шесть изображений различных эпиграфических памятников с куртин и башен, доступных в то время для копирования военному рисовальщику. Среди них есть рисунки двух памятных строительных плит молдавского периода, датированных 1440 г. (Кочубинский 1889: 527—538; Латышев 1896: 2—5) и 1452 г. (Pipidi 1998: 77; Шлапак 2000: 260—265).

В 1843 г. плиту с греческим текстом 1440 г. на своем первоначальном месте — в нише разделительной стены, видел Юзеф Крашевский (Kraszewski 1930: 245—251). А в 1848 г. (Репников 1912: 73) ее скопировал граф А. С. Уваров (вместе с плитой 1452 г.), издав спустя несколько лет в приложении к «Исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря» (Уваров 1853: табл. XXXII: 22). Оба рисунка Уварова показывают, что плиты в это время оставались на стенах. Ценность изображения плиты с башни №26 (рис. 2) состоит в том, что сама она вскоре была утеряна. В значительной степени оно уточняет схематичный рисунок 1819 г., а также версию прочтения Н. Н. Мурзакевича, который является автором первой научной публикации двух греческих текстов (без прорисовок)¹ (Мурзакевич 1848: 480—483).

Таким образом, плиты были введены в научный оборот тремя исследователями. Две плиты с греческим текстом — с разделительной стены и башни №26 (без изображений), первым издал Н. Н. Мурзакевич (Мурзакевич

¹ Так, например, на обоих рисунках плиты с башни №26 отчетливо читается дата в конце последней строки. Но Н. Н. Мурзакевич ее не разгадал, расшифровав текст следующим образом: «τελος ελαβιν Θεια το τεχος ελθη (ηχαρις). Ις Χε το πεποικоти α (...)» («Постройка стены сей с божьей помощью кончена. Да сойдет благословение твое, Иисусе Христе, на строителя!») (Мурзакевич 1848: 481). Осторожный А. С. Уваров свой вариант перевода этого текста не приводит, признавшись, что художник срисовывал плиту на расстоянии, не сумев найти лестницу необходимой высоты, чтобы подобраться к надписи (Уваров 1856: 179).

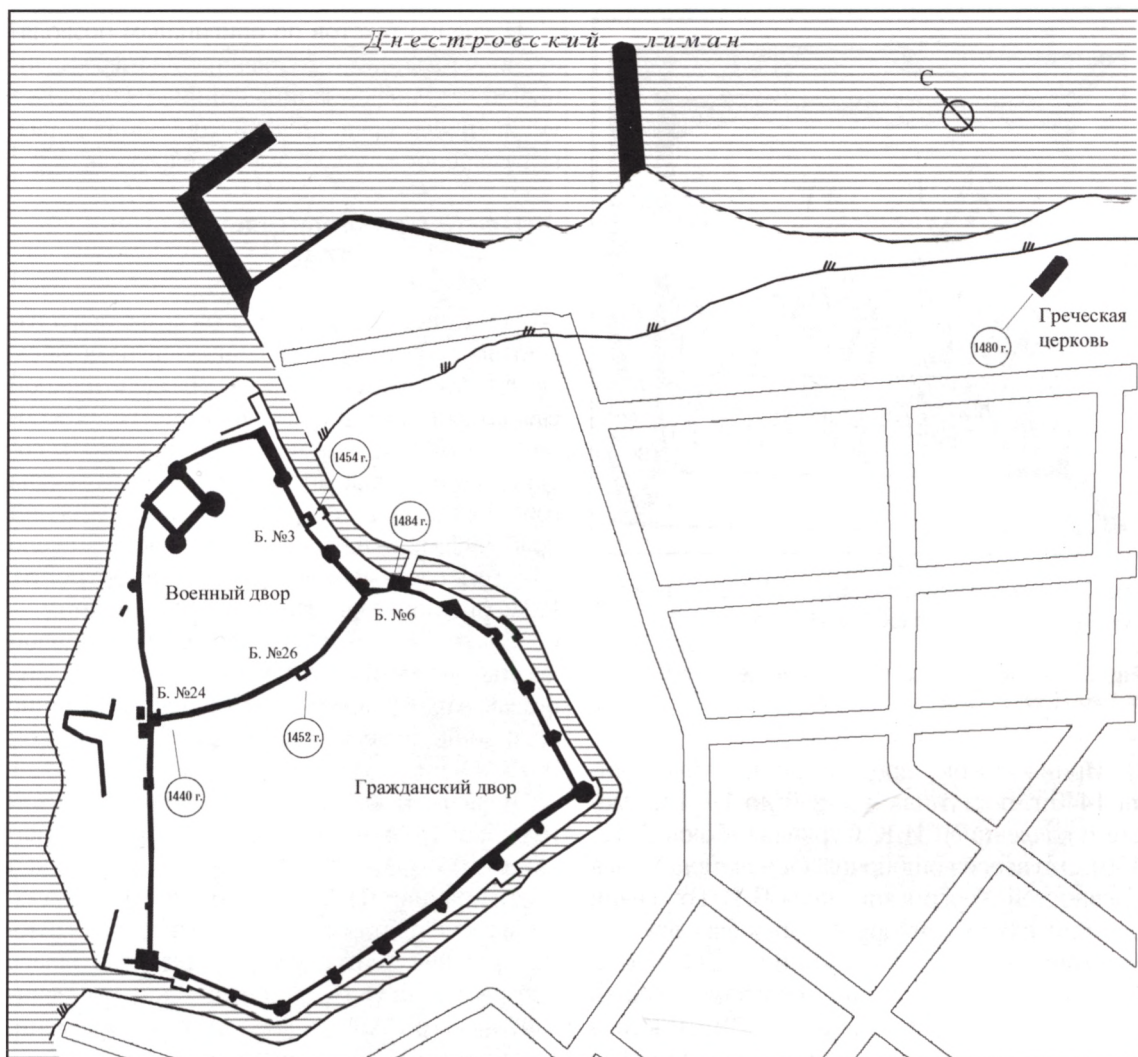

Рис. 1. План Белгородской крепости с обозначением мест установки закладных плит и нумерацией башен.

Fig. 1. Plan of Belgorod fortress with niches of the plates marked and towers numbered.

1848: 480—483). Затем последовала публикация рисунков этих же плит и повторный анализ текстов гр. А.С. Уваровым (Уваров 1853: табл. XXXIII: 21, 22; 1856: 179—180). Три плиты с текстами на старославянском языке издал А.А. Кочубинский, сопроводив публикацию фотографиями (Кочубинский 1889; 1901).

В 1912 г. Н. Репников, в брошюре об истории исследований крепости, вновь обратился к описанию этих памятников, сообщив их точные размеры, но без новых фотографий или рисунков (Репников 1912: 72—77).

В недавно вышедшей монографии, посвященной истории строительства Белгородского оборонного комплекса, я констатировал, что ни одна из этих плит не сохранилась, поэтому уточнить спорные моменты в переводах почти невозможно (Красножон 2012: 38). К счастью, эти слова сегодня следует признать ошибочными.

Мне удалось найти все четыре лапидарных памятника в фондах Херсонского областного краеведческого музея (ХОКМ)². Толчком к поиску послужила публикация небольшой цветной фотографии плиты 1440 г. в «Иллюстрированной энциклопедии армянской культуры в Украине». Автора издания, И.Я. Гаюк — сотрудника Львовской академии искусств, плита, видимо, заинтересовала своими художественными особенностями, позволяющими видеть в ней хачкар (Гаюк 2012: 150).

² Плиты обнаружены в начале января 2013 г. В том же месяце сообщение предварительного характера было подготовлено для журнала «Турагетія» (Красножон 2013). К сожалению, тогда еще были недоступны информация о номерах хранения плит и «акт поступления» экспонатов.

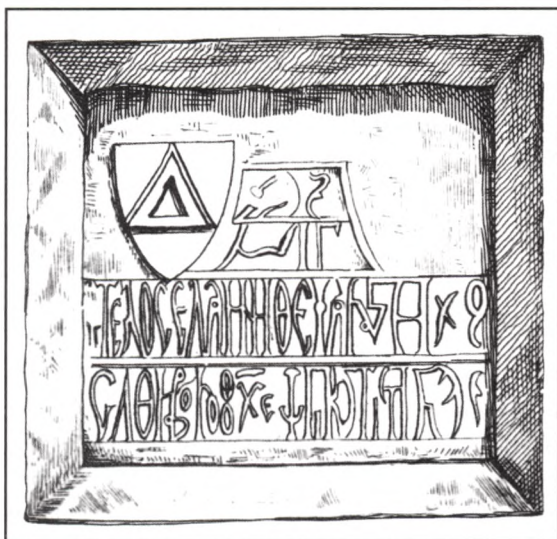

Рис. 2. Рисунок плиты с башни № 26 (1452 г.), выполненный М. Вебелем (Уваров 1853: табл. XXXII: 21).

Fig. 2. Drawing of the plate from tower no. 26 (1452) by M. Webel (Уваров 1853: табл. XXXII: 21).

Ирина Гаяк предположила, что плита 1440 г. поступила в музей до 1914 г. вместе с коллекцией И. К. Суручана (Гаяк 2012: 150). Эта версия ошибочна. Основатель Музея древностей Херсонского края В. И. Гошкевич действительно приобрел порядка двухсот мраморных плит из коллекции И. К. Суручана (Кетрару 2011: 25), но перевозка вещей в Херсон состоялась лишь в 1917 г. (Власова 1999: 367). Кроме того, одна из плит (1454 г.) была снята со стен в 1898 г., через год после смерти И. К. Суручана, так что никак не могла попасть в его коллекцию.

Один документ, хранящийся в фондах ХОКМ, позволяет закрыть вопрос о появлении плит в Херсоне. В «Акте № 7 о поступлениях в Херсонский исторический музей» новых экспонатов, от 12 декабря 1945 г., за подписью А. Исакова, сообщается: «Принято и поступило в музей из Букареста [...] мраморных досок из Аккермана четыре».

Нет сомнений, что плиты были вывезены из ОАМ отступающей румынской армией в Бухарест незадолго до освобождения в апреле 1944 г. советскими войсками Одессы. Как следует из «Акта», коллекция вскоре была возвращена на территорию СССР, однако по неизвестной причине попала в Херсонский областной краеведческий музей³.

³ Я сердечно признателен директору ХОКМ Т. Г. Братченко и старшему научному сотруднику Отдела научно-фондовой работы Н. А. Годинной за любезно предоставленный доступ к фондовым материалам.

Изучение текстов по оригиналам позволяет получить новый, совершенно неожиданный пласт информации, который дополняет устоявшиеся представления об истории развития крепостного ансамбля Белгорода⁴.

Плита с разделительной стены (1440 г.)

Плита вырезана из белого сарматского известняка⁵ (рис. 3). Располагалась на южном фасаде (с внешней стороны) разделительной стены крепости, в нескольких метрах к юго-востоку от Средних ворот (башня № 24), соединяющих Гражданский и Военный дворы (рис. 1), где от нее сохранилась ниша. Нижний край выемки находится на высоте около 3,5 м от современной дневной поверхности. Размеры ниши: высота — 125 см, ширина — 60 см, глубина — 17—19 см. На торцевой кромке верхней части облицовки подрезана фаска. Архитрав и все камни, формирующие края ниши, перевязаны с кладкой (Красножон 2012: 44, рис. 19).

Левый торец плиты украшен цепочкой из зубцов (размером 4,5×4,5 см с промежутками 2 см) по всей высоте. Причем, в верхней части крайний из зубцов обрывается на половине своей ширины — признак вторичного использования плиты, которая прежде являлась деталью антаблемента сооружения ранневизантийского или позднеантичного времени. К мастеру XV в. она могла попасть в качестве заготовки из руин античной Тиры, расположенной в районе крепости.

Плита тщательно отесана со всех сторон, поверхности ровные, без следов кладочного раствора. На тыльной стороне верхний левый угол сколот. На лицевой стороне повреждения текста незначительны, возникли в результате воздействия природных факторов. От руки человека пострадало изображение креста — перекрестие намеренно стесано, о чем свидетельствуют характерные диагональные насечки от острого инструмента (стык четырех лучей был оформлен в виде квадрифолия с углублением внутри, контуры которой прослеживаются в верхней и правой части).

Размеры плиты: длина — 115 см, ширина по верхнему краю — 51,5 см, по нижнему краю — 51,3 см. Толщина — 18 см

⁴ Неоценимую помощь в работе над статьей оказал старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии Крымского филиала ИА НАН Украины, канд. ист. наук В. П. Кирилко, чьи точные наблюдения и советы значительно повлияли на ход всего исследования.

⁵ Инв. №: ХОКМ-а-9633.

Рис. 3. Плита с разделительной стены (фото автора).

Fig. 3. Plate from the dividing wall (photo by the author).

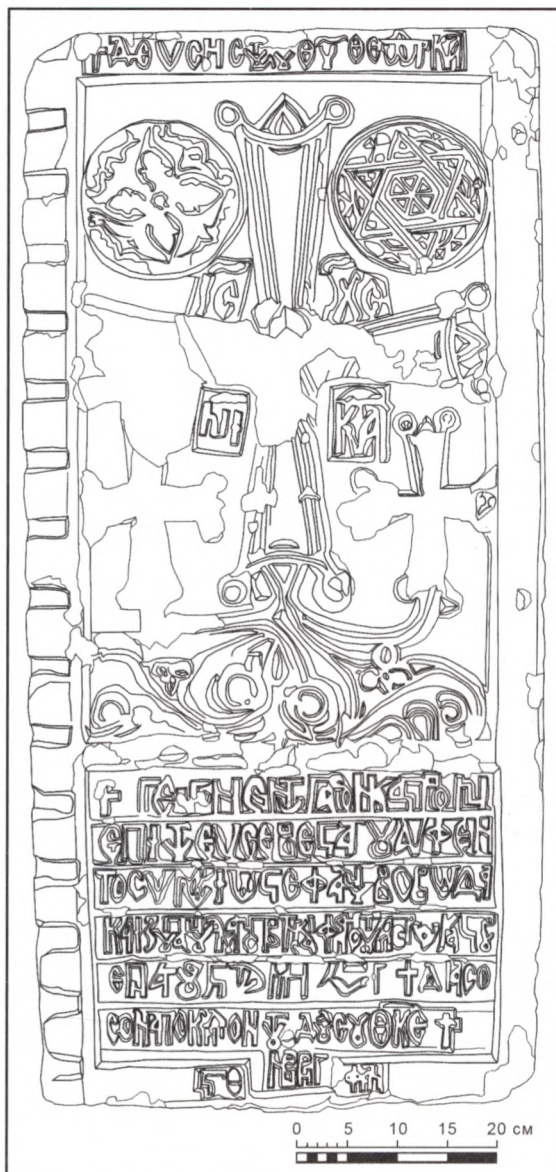

Рис. 4. Прорисовка плиты с разделительной стены (лицевая сторона).

Fig. 4. Drawing of the plate from the dividing wall (front side).

по всей площади (рис. 4). На тыльной стороне вверху — узкое неглубокое отверстие для крепежного прута диаметром 4 см (рис. 5). Характер обработки боковых поверхностей плиты и тщательная пригонка отдельных деталей указывают на ее установку в готовую нишу, т.е. по завершении строительных работ.

Текст на греческом языке образует четыре зоны. Первая находится на верхней части рамки. Внутри рамки, занимая большую половину лицевой поверхности плиты, изображен процветший крест (ширина поля — 37,5 см, высота — 74,2 см).

В полях над перекладиной креста резчиком размещены розетки, а под нею — два ма-

лых креста, которые опираются основаниями на изогнутые стебли. Окончания лучей выполнены в виде ласточкиного хвоста со стилизованными лепестками на углах. Между лучами высечены четыре пары греческих букв: «IC», «XC», «NI», «KA».

Под крестом размещена третья, основная часть надписи, начало и конец которой маркированы инвокациями креста в высоту строки. Основная надпись занимает меньшую часть лицевой поверхности плиты (высота поля — 36,3 см).

Завершение текста расположено в нижней части рамки и состоит из двух слов. Длина строк в основной части текста — 45 см. Высота первых трех строк — 4 см. Высота

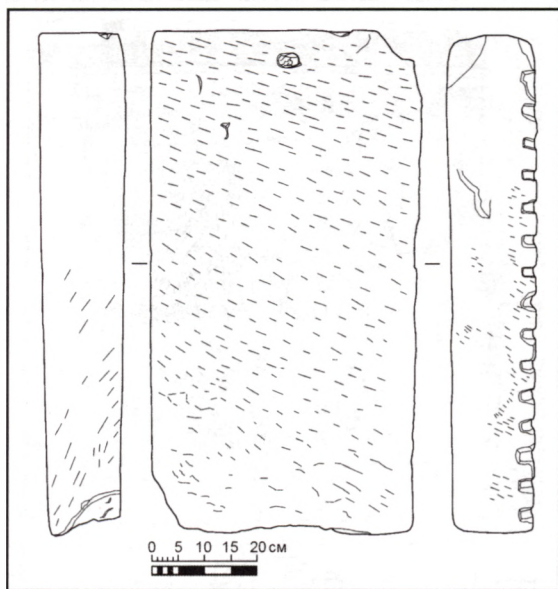

Рис. 5. Прорисовка плиты с разделительной стены (тыльная и боковые стороны).

Fig. 5. Drawing of the plate from the dividing wall (back side and edges).

четвертой строки — 4,2 см, пятой — 4 см, шестой — 4,3 см, седьмой — 4 см.

Ни одному другому эпиграфическому памятнику XV в. из Белгорода не уделялось столько внимания, как плите с разделительной стены. Первый вариант расшифровки и перевода текста опубликовал Н.Н. Мурзакевич. Не претендуя на окончательное решение всех спорных моментов, он сумел выявить общее содержание надписи:

- 1 +Δέυσις του δουλου του Θεου Θεόδωρου
Ις Χς
vi kã
- 2 +Γέγονεν τό παρόν κάστρον
- 3 ἐπί του εύσεβεστατου αύφέν-
- 4 τοσου (...) Ιω. Σεφανου βοβώδα
- 5 και διά του μαγισρορ της αφεντίας και του
- кастроу
- 6 + Διάσω
- 7 σον απο κυνδυων τον δουλον σου Θεοτοке
- 8 Στεφαν

Перевод: «Молитва раба божия Феодора. Иисус Христос побеждает. Настоящая крепость сооружена в царствование благочестивейшего государя Ио Стефана воеводы и старанием начальника области и крепости ...Спаси от бед раба твоего, Богородице! Стефана» (Мурзакевич 1848: 481).

Имя собственное в первой строке дано как «Θεόδωρου» (Феодор), без окончания «κὰ», которое есть в оригинале. Трудночитаемый набор букв в 4-й строке перед словом «Ιω» автор предпочел пропустить. Также не разобрал

на первая половина 5-й строки, где находится дата. Подобные «недоработки» могли быть вызваны сложными условиями, в которых приходилось работать с плитой — она еще оставалась на стене (Мурзакевич 1848: 481).

Согласно предположению Н.Н. Мурзакевича, воевода Стефан и есть тот самый «владелец, который повелел соорудить эту стену». Исполнителем же выступил византийский мастер Феодор, возможно, бежавший в Белгород после падения Константинополя в 1453 г. (Мурзакевич 1848: 482—483).

К сожалению, исследователь не привел в своей статье прорисовку памятника. Этот пробел взялся устранить гр. А.С. Уваров, который впервые опубликовал рисунок плиты, выполненный М. Вебелем (кстати, крест изображен без повреждений в центральной части) (рис. 6). Он же почти решил задачу датирования надписи, правильно разобрав в тексте буквы //ςλμη, но переведя их как 7048=1540 г. (ошибся ровно на столетие из-за неверной интерпретации первого знака). Так, начальную букву «ς» с титлой он принял за лигатуру «ев», получив, таким образом «λμη», где знак «сампи» понимал как «тысячу», а отсутствующее число 7 предполагал умозрительно, как «само собой разумеющееся для рукописей этого времени» (Уваров 1856: 180). Это позволило ему видеть в имени воеводы — Стефана VIII (Уваров 1856: 180). Но на самом деле в этом году в Молдавии правил Стефан V Лакуста (1538—1540 гг.). Впрочем, и сам А.С. Уваров не настаивал на точности своего варианта датировки⁶.

Он также работал с оригиналом плиты и существенно дополнил прочтение своего предшественника:

- 1 +Δενσις του δουλου Θεου Θεδωρκα
IC XC
NI KA
- 2 +ιογενον τω παρον καστρον
- 3 οπιτουου σεβεστατον αυφεν
- 4 τορ υμρω Ιω Σεφανου βουβωδα
- 5 κανδιά του манγιστροс της αφεντίας και του
- кастроу
- 6 επιστατου //ςλμη + Διασο
- 7 σον απο κυνδυων του δουλου σου Θεκε +
- 8 Στε /NBPН Γ/ φαν

⁶ Рисунок, опубликованный А.С. Уваровым, отличается высокой точностью передачи оригинала и свидетельствует о добросовестности исполнителя. Он сумел правильно распознать практически все буквы, за редким исключением. Создается впечатление, что исследователь попросту не смог уделить должное количество времени расшифровке и переводу надписи, опубликовав явно предварительные выводы.

Перевод исследователь не дал, ссылаясь на вариант Н.Н. Мурзакевича (Уваров 1856: 179—180), хотя в его версии появилось много новых наблюдений. Так, имя «Θεδωρκα» прописано с окончанием «κα». В 4-й строке, перед именем «Ιω Στεφανου» автор правильно распознал букву «μ», а также «омегу». Но с третьей «ρ» явно ошибся. В итоге слово «μρω» перевести не удалось. В 6-й строке А.С. Уваров восполнил второй пробел (перед датой), обозначенный у Н.Н. Мурзакевича, увидев слово «ἐπιστάτου» («начальник», «комендант»).

В конце 1840-х гг. плита была демонтирована и доставлена в музей Одесского общества истории и древностей (Кочубинский 1889: 528). Интерес к ней снова возникает лишь через 40 лет, когда вышла работа одесского эпиграфиста, слависта А.А. Кочубинского, посвященная сразу трем плитам XV в. из Белгорода — двум славянским и одной греческой (Кочубинский 1889: 527—538).

Предложенный им вариант прочтения почти идентичен уваровскому, особенно в тех местах, которые оставались не проработанными у Н.Н. Мурзакевича: имя собственное в первой строке, дата, слово «ἐπιστάτου» в 6-й строке. При этом он не сослался на А.С. Уварова и даже вскользь не упомянул его работу, что выглядит странно, поскольку не знать о ней исследователь не мог. На том месте, где Уваров видел неразборчивое «μρω», А.А. Кочубинский предложил читать «υπατο», отделившись от верных предпосылок в наблюдениях предшественника.

Не менее удивительным кажется и ряд ошибок, допущенных А.А. Кочубинским, ведь он имел возможность непосредственного изучения плиты, которая к 1850 г. уже была перевезена из крепости в Одессу.

Так, автор дважды называет ее мраморной (Кочубинский 1889: 537), хотя она известняковая⁷. Пористая структура камня видна невооруженным глазом, и спутать породу при изучении памятника невозможно (Н.Н. Мурзакевич и А.С. Уваров не упоминали, из какого камня вырезана плита). Также автор ошибочно полагал, что плита «слегка расширена в верхней части, наподобие надгробных» (Кочубинский 1889: 528). В реальности разница верхнего и нижнего краев составляет лишь 2 см (в пользу верхнего), и не заметна при взгляде со стороны. Наконец, он не замечает в 4-й строке четко вырезанное слово «ζουπανου» («жупан»), соглашаясь вместо

Рис. 6. Рисунок плиты с разделительной стены (1440 г.), выполненный М. Вебелем (Уваров 1853: табл. XXXII: 22).

Fig. 6. Drawing of the plate from the dividing wall (1440) by M. Webel (Уваров 1853: табл. XXXII: 22).

этого с уже опубликованным «διὰ του». Не заметить это профессиональному эпиграфисту-слависту было бы очень трудно.

Видимо, автор работал с текстом плиты по фотографии (отсюда иллюзия расширения плиты в верхней части), либо — по другой копии. А.А. Кочубинский предлагает следующую расшифровку:

1 +Δευσίς του (δ)ουλού Θου Θεδωρκα
IC XC
NI KA

2 +Γεγωνεν τω παρον καстрон
3 επι του ευσεβεστατου αυφεν
4 τος υπατο Ιω Στεφανου βο[ε]βωδα
5 και διά του μαγιστρο της αφεντιας κε του καστρου
6 επιστατου //ζαμη ετους + Διασο
7 σον απο κυνδον του δουλου σου Θεκε +
8 Στε /.../ φαν

⁷ Эту ошибку издателя повторяет и Н. Репников (Репников 1912: 75).

Перевод: «Молитва раба божия Федорка. Иисус Христос побеждает. Сооружена настоящая крепость при благочестивом господаре высочестве, Ио Стефане воеводе начальником области и комендантом той крепости, лета 6948. Богородица, спаси от напастей раба твоего. Сте/.../фан» (Кочубинский 1889: 530).

В этом варианте появляется уже правильный перевод даты (6948=1440 г.). При этом месяц «ноябрь» в последней строке автор не рискнул дать, хотя в комментариях и говорит о нем, привязав факт установки плиты к церковному празднику Стефана Нового, отмечаемому в конце этого месяца (Кочубинский 1889: 536).

Уменьшительная форма имени «Θεδωρκα» позволяет автору видеть в его носителе русского, выходца из Галичины. Критикуя версию Н.Н. Мурзакевича о бегстве Федорки из Константинополя в результате турецкой экспансии, А.А. Кочубинский приводит единственно верный аргумент — дату самой плиты (Кочубинский 1889: 532).

Комментарии к тексту автором даны выборочно, что не позволяет понять происхождение некоторых слов в предложенном варианте. Исследователь не поясняет, как обнаружил слово «αφεντίας» в 5-й строке и слово «επιστάτου» в 6-й строке (Кочубинский 1889: 535). Хотя читаются они не столь уверенно и требуют комментариев.

В 1896 г. В.В. Латышев включил текст 1440 г. в «Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России» (Латышев 1896: 3—5). Он характеризовал его как «с трудом поддающийся чтению», ввиду орфографических ошибок и сокращений. Его вариант перевода надписи базируется на версии А.А. Кочубинского⁸, которую он, тем не менее, подверг критике.

Так, В.В. Латышев не согласен с уменьшительным вариантом прочтения имени «Федорка» в первой строке. Последний слог «ка» он предлагает читать отдельно от имени, объясняя его как неоконченный союз «και» («и»). Хотя не ясно, что мешало резчику добавить одну небольшую букву «ι» в конце слога, когда места для этого достаточно.

Первую строку предлагалось читать как «Молитва раба божия Феодора и...». Чтобы объяснить обрыв вступительной фразы, В.В. Латышев присоединяет к ней имя собственное «Стефан» из последней строки: «Молитва раба божия Феодора и Стефана».

В.В. Латышев объясняет алогичность в построении текста «стремлением к вычурности, вообще присущим резчику нашей надписи» (Латышев 1896: 3). Причем, Феодора эпиграфист предлагает считать комендантом крепости, а Стефана (из нижней строки) — резчиком надписи. Другими словами, перед нами совместная молитва коменданта и резчика, заказчика и исполнителя.

Несмотря на очевидную условность аргументации, приведенной академиком, его «сочувственные строки» в свой адрес А.А. Кочубинский принял, но попытался мягко возразить. Исследователь напомнил: прилагательное первой строки «раб божий» («δουλου Θεου») находится в единственном, а не множественном числе. И в поисках консенсуса он заключил: «Сегодня я полагал бы что [имя Стефан] относится к тому же рабу божию Федорке, и что в этом имени его отчество» (Кочубинский 1901: 148—149; прим. 1). Однако непонятно, зачем разносить имя и «отчество» по разным углам плиты при наличии свободного места для резьбы, и какие признаки должны заставить читателя воспринимать их как одно целое.

В.В. Латышев также уверен в том, что в последней строке названием месяца является именно «ноябрь», правда, с дополнительным буквенным обозначением цифры 10. Исследователь подчеркивает, что год и месяц даны в тексте раздельно, и снова списывает это на стремление резчика к вычурности.

Таким образом, вариант расшифровки текста В.В. Латышева почти не отличается от предыдущих:

1 + Δέυ(η)σ(ι)ς του (δου)λου Θ(εο)υ Θέ(ο) δωρου κα(ι)

Ις Χς

vi kã

2 + Γέγωνεν τό παρόν κάστρον

3 επί του εύσεβεζατου αύφέν-

4 τος ύπάτου Ιω. σεφαν⁸ βοβώδα

5 και διά του μαγιστρο(υ) της αφεντίας κ(αι) του κασρου

6 έπ (ι)ςατου //ςλμη έτ (ους) + Διάσ(ω)-

7 σον απο κινδυ(ν)ων του δουλου σου Θ(εο)υ κε, +

8 σε- /No(εμ)βρή(ου)ί/ φαν

Перевод: «Моление раба божия Федора и Стефана. Иисус Христос побеждает. Сооружена настоящая крепость при благочестивейшем господаре высочайшем, Ио Стефане воеводе магистром области и начальником крепости, лета 6948, ноября 10-го. Спаси от напастей раба твоего, Богородице» (Латышев 1896: 4).

⁸ В.В. Латышев почему-то также не заметил публикации гр. А.С. Уварова 1856 г.

Характер расшифровки той же 5-й строки, оставленной в прежнем виде, позволяет усомниться в том, что В.В. Латышев лично работал с оригиналом. Во всяком случае, в самом разделе «Сборника» он ничего не сообщает о доступе к плите.

Введение в научный оборот рассматриваемого эпиграфического источника почти сразу вызвало неподдельный интерес к нему со стороны румынских коллег. Известный эпиграфист И. Богдан в своей статье «Надписи из Четатя Албэ и господство Молдавии над ней» уже в 1908 г. безосновательно полагал, что плита 1440 г. утеряна (Bogdan 1908: 314, прим. 1). Это означает, что И. Богдан доступа к оригиналу также не имел. Именно поэтому о размерах плиты ему пришлось «судить по фотографии», а также повторить ошибку своего русского коллеги, назвав плиту мраморной, и допустить неточность, определив толщину всего 6 см (Bogdan 1908: 315).

По мнению И. Богдана, А.А. Кочубинский издал надпись 1440 г., практически не исследовав ее. Но в своем варианте прочтения и перевода он почти во всем повторил опубликованную русским коллегой версию (Bogdan 1908: 316):

- 1+ Δέυσης του δου(ου) Θ(εο)υ Θέδωρκα
 Ι(ησου)ς Χ(ριστο)ς
 vi kã
 2 +Γεῶνεν τό παρόν κάσρον
 3 ἐπί του εὐσεβεῶν αὐφέν-
 4 τοῦ ὑπάτου Ιω. σεφανου βοεβῶδα
 5 καὶ διὰ του μαγίστρο(υ) της αφεντίας κέ του
 κάσρου
 6 ἐπ (i)σατου //ζλμη έτους + Διάσο-
 7 σον απο κινδ(υ)νον του δουλου σου Θ
 (εοτο)κε, +
 8 σε- /N(οεμ)βρή(ου)ί/ φαν

Перевод надписи румынский эпиграфист зачем-то дублирует на официальном языке Молдавского государства XV в.: «Моление раба божьего, Федорки. Иисус Христос побеждает. Создан сей град (или город) при благочестивом господине Ио Стефане воеводе, и през боярина господства его и градского (или городского) наместника, в год 1440. Спаси от напастей раба твоего, Богородица. Стефана. Ноябрь, 10» (Bogdan 1908: 319).

И. Богдан отметил множество грамматических и орфографических ошибок в надписи. Он не считал это доказательством того, что резчик был не греком, но пятью страницами позже допустил, что тот мог быть генуэзцем и даже молдаванином (Bogdan 1908: 317; 322).

По мнению исследователя, причиной «восстановления» Стефаном II крепостной стены

в своей «новой столице» является его борьба с братом Ильяшем (Bogdan 1908: 320; 323). Этот аргумент не выдерживает критики. В период 1435—1442 гг. братья сохраняли паритетные отношения, официально являясь соправителями страны, что подтверждается грамотами (Бырня, Руссев 1999: 189).

В этом сложном политическом контексте, полагает эпиграфист, Федорка просит у Богородицы спасения именно за Стефана воеводу. Но кем был этот скромный проситель? Только белгородским архитектором, полагал румынский историк Н. Йорга, впервые отождествив его с жителем Солдайи Теодором де Телиха (Iorga 1899: 118, 137). И. Богдан почему-то считал Федорку пыркалабом (Bogdan 1908: 323), вторя тем самым В.В. Латышеву, который предполагал в нем коменданта крепости (Латышев 1896: 4).

Идею пыркалабства Федорки подхватили Гр. Авакян (Avakian 1924: 6) и П. Никореску (Nicorescu 1937: 8). Но тот же Н. Йорга первым пыркалабом Белгорода называл Ончу, который упоминается письменными источниками лишь с 1443 г. О пыркалабской должности Федорки румынский исследователь не говорит ни слова (Iorga 1899: 99).

Против версии о пыркалабе Федорке свидетельствует отсутствие символов государственной власти Молдавии на плите. А также использование резчиком не официального языка воеводства (старославянского), а греческого (Бырня, Руссев 1999: 201; Руссев и др. 2003: 21).

Уже в наше время интерес к тексту плиты 1440 г. возник вновь. В 1998 г. румынский исследователь А. Пипиди в статье «Снова о надписях из Четатя-Албэ» попытался уточнить опубликованный И. Богданом вариант (Pipidi 1998)⁹. При этом он анализировал текст по старым фотографиям (Pipidi 1998: 81).

Изменения оказались незначительными. А. Пипиди вставил лишнюю «омегу» в имя Федорки, а также разложил лигатуру ζ-т (в местах употребления «стигмы»). В 5-й строке, после слова «αφεντίας», автор увидел союз «καи», а не «κέ», как было у И. Богдана. В остальном все осталось по-прежнему.

В отсутствии новизны опубликованного варианта упрекнул своего коллегу В. Жосану (Josanu 2003: 32; 2009). Причем, версию самого критика в этом недостатке обвинить сложно. Он пришел к выводу, что все предшествен-

⁹ Большая часть статьи посвящена другой греческой плите, с башни №26, где автор впервые определил правильную датировку памятника — 1452 г. (Pipidi 1998: 77).

ники ошибались, считая текст греческим. А русские эпиграфисты ошиблись дважды, не узнав в нем старославянский. По мнению румынского историка, плита является надгробной, встроенной в кладку стены, с эпитафией в честь некого Федорки (Josanu 2009)¹⁰:

- 1 + Dumnezeul nostru odihnește trupul lui Teodorca
2. Iisus Hristos
3. Învingătorul
4. Teodorca, fiul lui Burduja aici zace,
5. odihnește (și a fost îngropat în vremea)
6. domnului Io Ștefan voievod
7. ca și jupanului Roman de la al doilea polis Asprocastu
8. scris la 6948 (1440) [?] + și iarăși cu
9. somn de odihnă până la judecată (de apoi)+.
10. Ștefan, noiembrie 10.

Перевод: «Господь наш, упокой тело Теодорки. / Иисус Христос / Победитель. / Теодорка, сын Бурджу, покоится здесь, / почивает (будучи захороненным во время) / господаря Ио Стефана воеводы / а также жупана Романа из второго города Аспрокастро. / Написано в 6948 (1440) [?] + И опять с / вечным сном до (Страшного) Суда +. / Стефан, 10-го ноября».

В. Жосану попытался прочесть греческую надпись как старославянскую якобы в соответствии с правилами, при этом констатировал и наличие некоторых очевидно греческих символов в тексте, объясняя это генезисом большинства славянских букв. Хотя дату в тексте он оставил неизменной (т.е. прочел почему-то по-гречески). Помимо Федорки и Стефана, в новом варианте появляется некий Роман — dominus крепости, консул (Josanu 2009; 2003: 33; Жосану 2005—2009: 541).

Дополнительным аргументом в пользу погребального характера плиты В. Жосану считает ее трапециевидную форму. Очевидно, именно по фото И. Богдана у автора складывается ошибочное впечатление реального надгробия (Josanu 2009).

Я не стану здесь разбирать весь текст плиты в варианте прочтения В. Жосану, остановлюсь лишь на некоторых, наиболее показательных фрагментах. Сравнительный анализ «старославянского варианта» текста плиты (Josanu 2009) в сопоставлении с оригиналом (рис. 3; 4) свидетельствует о подмене автором статьи букв. Так, во второй строке в первой половине слова «Γεῦωνεν» В. Жосану видит слово из трех славянских букв: «Тео», кото-

рое при переводе автоматически превращается в слово из семи букв: «Теодорка». При этом за первую букву «т» принята ясно различимая, без сколов и повреждений, греческая «γ». Как именно «γ» трансформировалась в предполагаемую «т», автор не объясняет. Следующая буква «ε» действительно имеется в оригинале, но после нее следует лигатура «γω». В. Жосану эту лигатуру разрывает и снова превращает «γ», на этот раз — в «с». Нижняя половина этой «γ» на плите сколота, но видна перекладина с загибом под прямым углом, что не характерно для «с», встречаемых в тексте. В итоге, вместо: «Γεῦωνεν τό παρόν κάσρον», читаемого прежде, у В. Жосану вышло: «Тео(дурка) с(ы)ненъ Бордужа ст зѣки» (Josanu 2009). Чтение имени собственного: «Романе» в 5-й строке основано на гипотетическом допущении, что небольшая надстрочная «ε» (слева вверху от «М») одновременно является и заглавной «Р», и буквой «о».

Одним из славянских признаков текста исследователь считает букву «Ж» во 2-й строке, которая на самом деле является лигатурой «N+K». В этой же строке, в последнем слове автор увидел букву «З», вместо отчетливой «Р», а затем «ѣ» — вместо четкой «О». Еще одну «З» он выделяет во втором слове 5-й строки, как заглавную слова «Зупан», но тут-то как раз слово начинается с греческой «зиты» (Ζ).

В подобном стиле интерпретирован почти весь текст, за исключением двух мест в 5-й строке, расшифровка которой не далась издателям надписи. В ней В. Жосану совершенно верно прочел (правда, по-старославянски) два слова, которые прежде не увидел никто: «жупан» — в начале строки, а также топоним «Аспрокастрон» в конце.

Мне также удалось разобрать эти слова при работе с плитой, но еще до того, как я ознакомился со статьей В. Жосану. «Аспрокастрон», как известно, — греческий эквивалент славянского названия «Белгород» (Бырня, Руссев 1999: 201). Если бы надпись являлась славянской, то и топоним был бы другим.

Версия молодого исследователя вызвала обоснованную критику. А. Пипиди подчеркивает, что имя Федорка Бордужа не прослеживается в источниках, и спрашивает: если плита надгробная, то почему нет даты смерти или погребения усопшего? Фраза: «вечный сон до Страшного суда» — является абсурдной. Слово: «полис» из 5-й строки не является славянским (Pipidi 2005: 308).

Присоединяясь к критике, М. Е. Шлапак настаивает на неубедительности мысли о вторичном использовании «надгробной» плиты

¹⁰ Вариант этой публикации на французском языке: Josanu 2003.

№6. 2013

в стене в качестве строительного материала (Шлапак 2003—2004: 476). Особое внимание исследовательница уделила и развитию давней идеи о Федорке как пыркалабе. Она критикует старую гипотезу Н.Н. Мурзакевича и А.А. Кочубинского о Федорке-архитекторе. Контраргументы сводятся к двум вопросам: как может имя мастера строительных работ находиться в тексте выше имени воеводы, и почему его имя не встречается более ни в одной из молдавских крепостей? (Шлапак 2003—2004: 473—478; Şlapac 2007: 169—181). Только допущение, что Федорко был пыркалабом, может дать на них ответы (Шлапак 2003—2004: 475). Но в тексте слова «пыркалаб» нет. Можно возразить, что оно не греческого происхождения и заменено одним из терминов: «μαγιστρο», «αφεντίας», «ἐπίστατου». Тем не менее, каждое из них имеет конкретное значение и перевод.

Исследовательница проводит аналогии между белгородским Федорко и Теодором де Телиха, который фигурирует в геноузских документах 1445—1457 гг. Этот богатый купец проживал в Солдае уже в 1445 г. (Iorga 1899: 118). В качестве аргумента в пользу своей точки зрения М.Е. Шлапак указывает на близость хачкара (которым считает крест на плите) с хачкарами из крепости Солдайя. Идею о том, что белгородская плита — хачкар, впервые высказал историк архитектуры А.Х. Тораманян. Ее основными «армянскими признаками» он считал кругипальметты на верхних углах лицевой плоскости (Тораманян 1972: 205). В версии о Федорке-пыркалабе наблюдается еще слишком много нестыковок, чтобы признать ее сегодня убедительной. Однако очень вероятной кажется гипотеза, предполагающая, что белгородский Федорка и гражданин Солдайи Теодор де Телиха — одно и то же лицо.

Таким образом, главным итогом прежних исследований представляется то, что плита вошла в историографию как свидетельство строительства Белгородской крепости, осуществленного молдавским господарем Стефаном II в ноябре 1440 г.

Но с появлением доступа к оригиналу (рис. 7) возникла возможность вновь проанализировать текст и проверить версии предшественников. Предложенный мною новый вариант расшифровки и перевода следующий¹¹:

¹¹ Хочу выразить глубокую признательность научному сотруднику Отдела изучения и публикаций иностранных источников по истории Украины ИУАИ им. М.С. Грушевского НАН Украины, канд. ист. наук Д.С. Гордиенко за предоставленные консультации.

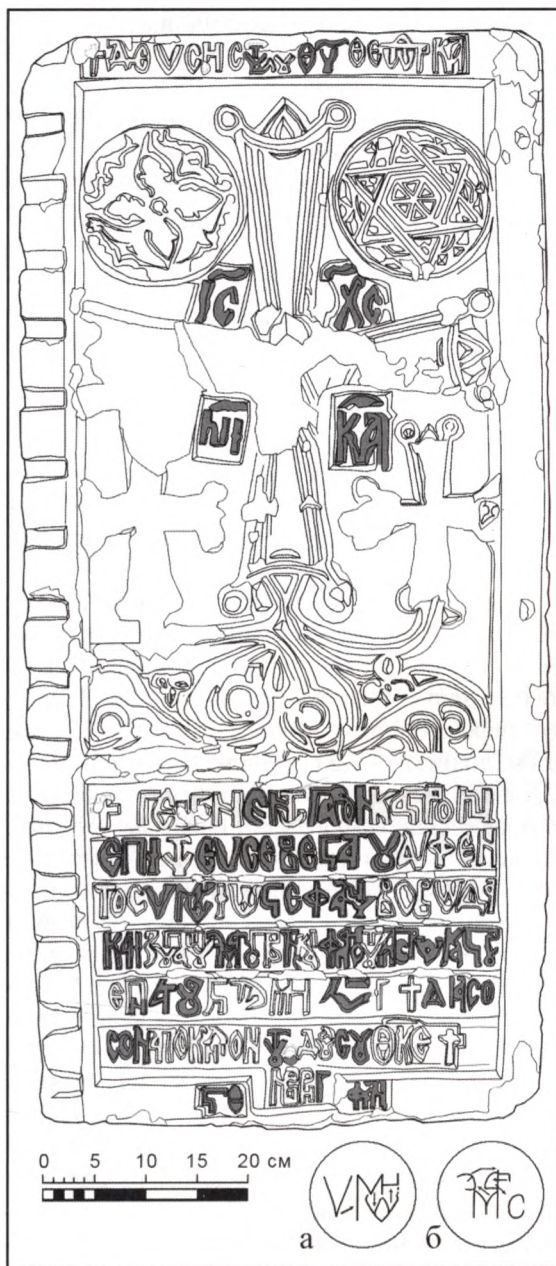

Рис. 7. Плита с разделительной стены. Картограмма текста.

Fig. 7. The plate from the dividing wall. Cartogram of the text.

- 1 +Δευσης του (δου)λου Θ(ε)ου Θεδωρκα
IC XC
NI KA
- 2 +Γεγωνε (ε)ν τω παρον καστρον
- 3 επι του ευσεβεστατου αυφεν
- 4 τος υμων Ιω Στεφανου βο[ε]βωδα
- 5 και ζουπανου μεγας προ της και φ(ι)λος του Ασπρωκαστρον
- 6 επι ετους //εζμη ιν(δικτιων) γ + Διασο
- 7 σον αποκληιον τους δουλ[ους] σου Θ(εοτο)κε+
- 8 Στε /NBPH γ/ φαν

1 + Молитва раба божия Федорка
Иисус Христос
побеждает
2 + Свершилась в настоящей крепости
3 при благочестивом господине
4 нашем Иоанне Стефане воеводе
5 и великом жупане, защитнике и друге
Аспрокастроны,
6 в году 6948 индикта 3 + Спаси,
7 огради рабов твоих, Богородица
8 Сте /ноябрь 3/ фан

Надпись состоит из восьми строк. Первая, со вступительной фразой, расположена в границах верхнего поля плиты, над изображением креста. Остальные 7 строк основного текста находятся в нижней части плиты, причем, 8-я вынесена на рамку.

Первая строка включает в себя пять слов. Крупному инициалу «Δ» предшествует символическая инвокация — крест, имеющий одну перекалину (высота столба — ок. 3,5 см; от перекалины до верха столба — около 1 см, до низа — 2,8 см; длина перекалины — 2,5 см). Первое слово: «Δευσις» («молитва»), в правильной орфографии было бы «δεσις». Во втором, третьем и четвертом словах слог «ου» резчик передал через лигатуру, напоминающую начертание славянской «Ѱ». Во втором слове начальная «т» занимает надстрочную позицию как раз над такой лигатурой. В третьем слове «(δου)λου» слог «δου» явно располагался в надстрочной позиции (верхний ряд сколот). Об этом свидетельствует малая высота сохранившихся букв нижнего ряда. Слово восстанавливается по смыслу. Четвертое слово — сокращение (признаком чего является титло) «Θ(ε)ου» («Бога»). Последнее слово — имя собственное «Θεδωρκα», в котором «δ» размещена над «ω».

В поле большого креста, между лучами, в верхней позиции находится сокращение «Ις Χς» («Иисус Христос»), в нижней — «Νικα» («побеждать»).

Заглавная «Γ» второй строки предваряется символической инвокацией равносостороннего креста (высота столба — 3,5 см; высота от перекалины до верха столба — 1 см; от перекалины до низа — 1,5 см; длина перекалины — 2,5 см). Строка состоит из четырех слов. Во всех опубликованных прежде греческих версиях текста плиты предлагалось читать первое слово второй строки как «ϕεϕωνεν» («свершилась»). Но, возможно, здесь следует видеть форму «ϕεϕων(ε) εν τω...» («свершилась в...»). Во всяком случае, такое прочтение допустимо с точки зрения норм грамматики. Если ошибки нет, то существи-

тельным к этому глаголу является «молитва». Следовательно: «Молитва раба божия Федорка свершилась в этой крепости...». Но такое прочтение все равно не отменяет факт появления стены в одно время с установкой плиты. В середине слова «ϕεϕων(ε)» находится лигатура «ϕω». Артикль «τω» также представлен в виде лигатуры. Причем, в качестве стойки буквы «т» использована правая стойка последней буквы «ν» в предыдущем слове. В слове: «паров» правая стойка буквы «п» одновременно служит базой для «р» и «а». Последняя буква «ν» совмещена с первой буквой следующего слова: «кастро» («крепость»). В данном слове и в других местах «стигма» представляет собой лигатуру «σ+τ». Причем, здесь «стигма» стыкуется со второй буквой «α» по вертикальной стойке последней. Последний слог этого слова содержит букву «ν», которая представляет собой уже третий для данного текста вариант — без левой нижней стойки (напоминающий современное «ч»).

Третья строка состоит из четырех слов. Первым следует местоимение «ἐπι» («при», «во времена»), затем — лигатура артикля «του». Далее четко читается слово «εὐσεβεσταιου». Затем слово «αυφεν» с окончанием «-тос» на следующей строке.

В четвертой строке — также четыре слова, без учета окончания с предыдущей строки. Первым следует слово из пяти букв, переплетенных между собой (и поэтому трудно разбираемых), читаемых в прежних версиях как «υλато» («высочайший»). Первая буква «υ» стоит несколько в стороне и читается весьма уверенно. Но в остальном с таким вариантом согласиться нельзя. Далее следует буква с вертикальной стойкой и опущенной вниз под острым углом перекалиной (рис. 7: а). Такая форма не характерна для предполагавшейся эпиграфистами «π». Так может выглядеть только «μ», усеченная в правой части. Правая верхняя перекалина буквы также сохранилась и уходит под тупым углом к верхнему полю строки. Затем опускается вниз, прерываясь на стыке с нижней «омегой». С левым крылом «омеги» стыкуется также и центральная стойка «μ». Судя по расположению, «ω» должна читаться после «μ». Конечной буквой является, на мой взгляд, «ν», которая слита с правой стойкой «μ», располагаясь сверху справа от последней. Эта буква «ν» выполнена в традиционной для данного текста манере, в усеченной форме, напоминающей букву «ч». Буква узнаваема по перекалине, левой стойке, и верхней части правой стойки. В данном хитросплетении букв раскрывается место-

имение «υμων» («вас», «вашем»), в род. падеже, мн. числе (ДРС 19586: 1663—1664). Или же: «ημων» («нашем»), где присутствует «υ» вместо необходимой «η», поскольку в средневековые фонетически эти буквы звучали очень схоже. Наиболее близок к расшифровке фрагмента был гр. А. С. Уваров, который распознал в нем неперевоодимый набор букв: «υμρω» (рис. 6). После местоимения следует традиционное для титула молдавских господарей сокращение «Ιω» («Ιωαν») и собственно имя правителя: «Στεφανου». Начертание буквы «ν» в последнем слове аналогичное последней букве последнего слова второй строки. Четвертым словом в строке является официальный титул господаря: «βο[ε]βωδα».

Пятая строка труднее всего далась комментаторам XIX — начала XX вв. Всего в ней уместилось девять слов, из которых прежде почти все были расшифрованы неправильно. Первым следует предлог «και». Далее — слово из восьми букв «ζουλαου», которое предваряется заглавной «Z». Слог «ου» в начале и в конце слова представлен лигатурами. Буквы «π» и «ν» вынесены в верхний ярус. Буква «ν» начертана в характерном для данного текста варианте: без нижней левой стойки, с вертикальной перекладиной, напоминающей современную «ч». Удивительно, как Н. Н. Мурзакевич и А. С. Уваров вместо вполне определенного слова «ζουλαου» (рис. 6) прочли: «δια του», «κανδιά του». Далее они видели слово «μαυιτρο», с которым также согласиться нельзя. На самом деле перед буквой «μ» (которая определяется эпиграфистами как заглавная), вверху слева, находится другая, напоминающая «ε» (только развернута в противоположную сторону). В слово «μαυιτρο» она никак не встраивается. Этот набор букв представляет два разных слова. Слева кверху от «μ» находится «ε», а справа сверху — буква «α». Справа от «α» следует «γ», ниже — буква «ς». Между «γ» и «ρ» находится перекладина, которая позволяет видеть здесь букву «π». К стойке «ρ» прикреплен «ο». Согласно логике текста, здесь должно находиться слово, определяемое предыдущим («жупан»). И этим словом является «μεγας» — «великий» (Дворецкий 19586: 1060). «Великий жупан» — распространенный эпитет в синхронных документах и летописях южных славян, вполне соответствовал господарскому статусу. Резчик вырезал здесь буквы не последовательно, потому что экономил пространство. Вся строка довольно плотно сжата. Он решил выбрать центральной букву «М» (которая, к тому же, заглавная, судя по размеру). Она очень удоб-

на своими вертикальными стойками, чтобы повесить на нее все буквы слова разом, кроме последней «ς» (вырезана неаккуратно, внутри полукружия осталась часть породы, напоминая центральную перекладину «ε»). Буква «ε» намеренно развернута влево, чтобы не заслонять соседнюю «α». Буква «γ» слита с «μ» и буквой «α» (по вертикальной стойке), а вертикальная перекладина «γ» соединяется с расположенной обособленно «ς» (рис. 7: б). Последовательность чтения следующая: от «μ» к «ε» вверх влево. Затем от «γ» к «α» также вверх влево. Затем от «α» к «σ». Возникает лишь одна неувязка: «μεγας» должно согласовываться в падеже с «ζουлаου», т. е. выглядеть, как «μεγάλου». Отсутствие согласования — возможно, ошибка резчика, или существовавшая форма сокращения, нам не известная из-за отсутствия аналогий. После слова «μεγας» следует «προ της» — «в защиту», «в интересах», «послужить чьим-либо интересам» (ДРС 19586: 1369). Затем предлог «και» и набор букв, которые могут быть расшифрованы не иначе, как «φ(ι)λος» («друг», «дружба»). Далее отчетливо прослеживается определяемое «του Ασπρωκαστρου».

В начале следующей, шестой строки эпиграфисты прежде предлагали видеть «ἐπ(ι)сату» («начальник»). Но в наборе букв не хватает второй «т» и «α». Кроме того, как объяснить петлю на лигатуре «ου» в окончании слова? Это может быть только «сигма», прикрепленная, для экономии места, к правой мачте «υ». Буква «т» в сочетании с «α» (?) видна отчетливо, несмотря на сколы. Поэтому здесь следует читать «ἐπ(ι)ετους» («в год»), что соответствует логике построения текста, поскольку далее следует цифровое обозначение даты. Резчик сделал этот фрагмент не очень удачно, но вполне узнаваемо. С точки зрения грамматики тут следовало бы ожидать «ἐπ(ι)ετει» — «в году». Но вполне допустим и вариант «ἐπ(ι)ετους». Остается необъяснимой «альфа» после «эпсилон» — очень странная ошибка, или же недоработка резчика. Дата читается без затруднений и состоит из греческих букв: «стигма», «сампи», «ми», «эта» (//ςζμη). После даты резчик дает нехарактерным размашистым стилем две буквы: «iv», которые следует рассматривать как сокращенное «ivδικτω». Вслед за ними обозначена цифра 3 («γ»), в чем нет сомнений: 1440 г. действительно соответствует 3-му индикту. Завершает 6-ю строку часть слова «Διασοσον» («спаси»), последний слог которого перенесен на следующую строку. Очевидна также ошибка в слове: вместо первой «ο», на самом деле, должна

находиться «омега». Этому слову предшествует символическая инвокация креста, которую следует понимать как начало нового предложения.

Седьмая строка содержит пять слов и прежде исследователями читалась как «απο κινδυ(v)ων του δουλου σου Θ(εοτο)κε» — «...от напастей раба твоего, Богородице». Этой версии противоречат следующие факты. В предполагаемом слове «κινδυ(v)ων» подтверждаются лишь буква «κ» и последняя буква «ν». Центральная же часть между ними занята ясно различимыми буквами: справа вверху от «κ» — «λ», под ней «η», а правее от последней — «ι». Затем, окончание «ον». Что дает слово «αποκληιον» в совокупности с предшествующей приставкой (хоть конечная «ν» лишняя, а вместо «ο» должна быть «омега»). Дословно переводится как: «преграждать», «закрывать кому-либо доступ» (ДРС 1958а: 204), что соотносится по смыслу с фактом возведения стены. Н. Н. Мурзакевич и другие исследователи также видели в этой строке слово «раб» в единственном числе: «του δουλου». Однако в дополнение к предполагаемому прежде артиклю «του» (gen., ед. число) в оригинале читается еще и конечная «сигма» (малозаметна из-за повреждений), что дает артикль «τους» (accus., мн. число). Затем следует «δουλ», и если предполагать единственное число, то оно должно было оканчиваться на «ον», чего нет. Но при наличии артикля множественного числа можно допустить, что резчик объединил начало следующего слова «σου» («твоих») с необходимым окончанием «δουλ(ους)» («рабы»). Таким образом, данную строку следует читать как «διασωσον αποκληιον τους δουλους σου, Θ(εοτο)κε» («спаси рабов твоих от осады, Богородица»). Видимо, речь идет о жителях всего города, а не о двух фигурантах текста. Завершает строку инвокация креста.

Последняя, восьмая строка выведена на нижнее поле. В ней всего два слова: имя собственное «Στεφαν», которое разделено на две части вставкой: «NBPН» (сокращение от «ноябрь») и цифрой 3 («γ»).

Само расположение плиты у Средних ворот (в месте концентрации людского потока), на сравнительно доступной высоте, позволяет предполагать, что в 1440 г. разделительная стена являлась на тот период внешним южным рубежом крепостного ансамбля Белгорода.

Установку плиты (при варианте перевода: «свершилась молитва в крепости...») можно рассматривать только в контексте появления

стены, на которой она находилась. Это согласуется с результатами многолетних архитектурных исследований крепостного ансамбля Белгорода. Данная стена (внутренняя в нынешней системе крепостной обороны, разделяющая Гражданский и Военный дворы) построена без перевязки с примыкающими куртинами внешних фронтов (рис. 1). К тому времени уже существовала цитадель, выстроенная в 1410-х гг. Причем, она возникла в системе неких уже существовавших до нее каменных укреплений, сохранившихся частично в северо-восточной части Военного двора (Красножон 2012: 351).

По тексту плиты трудно судить о масштабах проведенных строительных работ. Скорее всего, к ноябрю 1440 г. была закончена либо реконструирована линия разделительной стены (или ее западной части). Сомнительно, чтобы Стефан II сумел обеспечить большие объемы строительных работ, учитывая слабость его политического положения в период смуты в Молдавском княжестве (ОВИМК 1987: 56—57).

Плита представляет собой пока единственный лапидарный памятник, который содержит греческий вариант названия Белгорода («Ασπροκαστρο»), что, наряду с отсутствием официальной государственной молдавской символики, прямо указывает на автономное положение города. Это согласуется с легендами монет Белгорода середины XV в.¹², на которых официальное название города указано именно по-гречески: «Ασπρ(ο)καστρο». Это еще один аргумент в пользу мнения об автономии города на Днестре в составе Молдавского государства (Бырня, Руссев, 1999: 201).

Графические особенности шрифта на некоторых монетах Аспрокастроны (Бырня, Руссев 1999: рис. 35) напоминают манеру резьбы топонима в тексте плиты 1440 г.: такая же буква «α» с верхним ответвлением, «сигма» изображена в виде «с», лигатуры «στ» и «ου».

Имя Стефана II фигурирует в тексте плиты не случайно, поскольку в данные годы он являлся правителем Нижней Молдавии (Бырня, Руссев 1999: 189, 237). Вероятно, от-

¹² По мнению исследователей, монеты типа «Аспрокастрон» могут быть датированы самым широким периодом: от времен правления Александра II или Петра Арона до периода совместного правления Стефана и Ильяша, либо же Александра Доброго (Бырня, Руссев 1999: 201).

сюда и упоминание в тексте титула «великий жупан»¹³.

Очевидно, плита была изготовлена и установлена городскими властями совместно с молдавским господарем. На равноправные отношения сторон указывает сама структура текста. С одной стороны, автономия городской общины подчеркивается греческим языком и отсутствием молдавской символики на плите. С другой — на ней нет и символики городской общины (если таковой не считать вполне универсальное изображение креста). Титулы Стефана II тщательно прописаны, господарь даже назван «нашим господином». Композиция текста разворачивается вокруг имени Стефана, «при котором» свершилась молитва и была построена стена. Именно Стефану посвящена основная часть текста. При этом имя молящегося вынесено на периферию. Имя Стефана также размещено на внешней рамке, как бы в смежной с Федоркой позиции. Оно находится хоть и в нижней, менее престижной части плиты, но зато упоминается дважды.

Таким образом, данная плита — превосходный образец государственного дипломатического документа, с тщательно выверенными деталями и нюансами: от символики и расположения имен до выбора языка.

С датой установки лапидарного памятника согласуется сам факт внешней военной угрозы, которой так опасались в 1440 г. жители Аспрокастроны.

Бистрицкая летопись сообщает, что 12 декабря 1440 г. (т. е. через месяц после установки плиты) татарами были сожжены принадлежавшие Стефану (Бырня, Руссев, 1999: 189) города Васлуй и Бырлад, расположенные в 200 км на юго-запад от Белгорода, который находился на прямом пути к ним. Предшествующее нашествие татар на земли Молдавии состоялось годом ранее, когда в результате 28 ноября 1439 г. был сожжен город Ботушаны (Бистрицкая летопись 1976: 25). Нет сомнений, что именно это событие заставило Стефана II и власти города приступить к работам по усилению обороноспособности Белгорода, расположенного практически у границы со Степью.

Н. Йорга напрямую связывал установку плиты 1440 г. в Белгороде с этими татарскими набегами, называя строительные рабо-

ты «первой очередью [приготовлений] против соседей по Днестру, татар»¹⁴ (Iorga 1899: 99).

Плита, подаренная Н. Е. Афанасьевым («Церковная»)

Закладная плита представляет собой сплию, вырезана из белого мрамора¹⁵ (рис. 8). Место первоначального расположения издателем не указано (Кочубинский 1889: 538).

Размеры по лицевой стороне: высота по правому краю — 57 см, по левому — 78 см. Ширина по верхнему краю — 35,2 см, по нижнему — 34,5 см. Толщина по правой стороне: сверху — 15,5 см, снизу — 16,5 см. Толщина по левой стороне сверху — 12 см (рис. 9).

Размеры по тыльной стороне: высота по правому торцу — 51 см. Ширина по нижнему краю — 33 см. Поверхность ошлифована, носит следы обработки в античное время. В центральной части расположены две прямоугольные в плане выемки. Размеры верхней — 3×5,5 см, нижней — 12×25 см, глубина — 7—9 см. По всей видимости, эти выемки предназначались для крепежа некой архитектурной детали или статуи (рис. 10).

Края неровные, сколы в некоторых местах повредили текст, торцы не обработаны, за исключением нижнего (ошлифован). Поверхность плиты патинирована. Правый бок околот. Левый нижний угол стесан. Верхняя сторона неровная, без следов шлифовки, с остатками известкового раствора.

Лицевая поверхность плиты поделена на две неравные части. Верхняя, меньшая отведена под орнаментированное изображение символов государственной власти Молдавского княжества: головы тура с восьмиконечной звездой между рогами, луной и солнцем по сторонам, а также герба в виде остроконечного геральдического щита и лилии справа от него. Щит ориентирован вертикально по отношению к нижнему полю, разделен на две равные части: в левой три горизонтальных фации, в правой — три лилии.

Нижняя, большая часть лицевой поверхности, отведена под надпись на старославянском языке. Надпись состоит из восьми строк. Длина первой строки — 31 см. Высота первой строки — 4 см, второй — 4 см, третьей и четвертой — 4,2 см, пятой и шестой — 4,7 см,

¹³ Термин «жупан» встречается в молдавских документах синхронного периода. Так, в грамотах Ильяша от 2 января 1432 г., от 28 января 1433 г. и др. «жупаном» именуется другой брат господаря Ильяша — Богдан (DRH 1975: 157, 163).

¹⁴ Скорее всего, эта очередь была далеко не первой.

¹⁵ Инв. №: ХОКМ-а-9635.

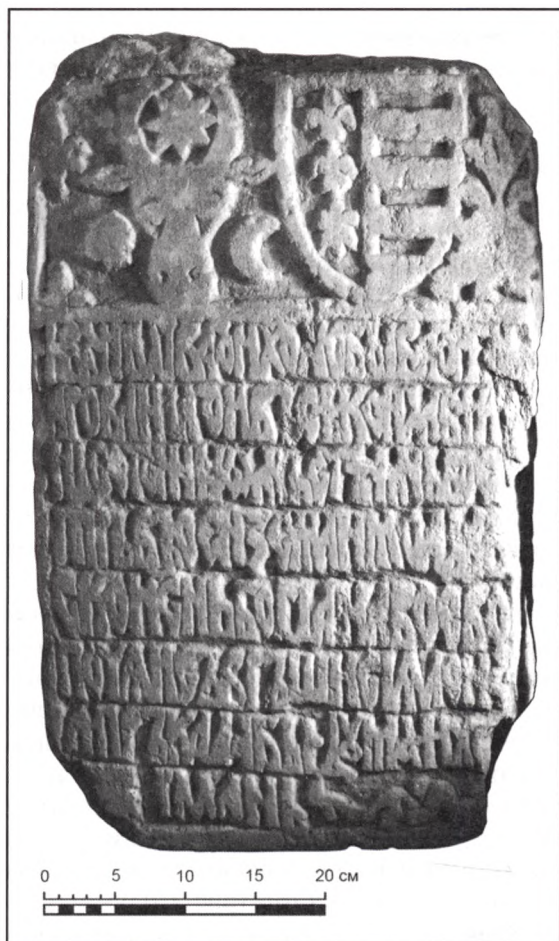

Рис. 8. «Церковная» плита (фото автора).

Fig. 8. The «Church» plate (photo by the author).

седьмой и восьмой — 4,2 см. Надпись сохранилась почти полностью. Буквы значительно истерты, сколы по правой стороне, у торца, повредили по одной-две последних буквы в каждой строке.

В научный оборот плиту ввел А. А. Кочубинский. Он же впервые издал фотографию и предложил свой вариант перевода. Исследователь сообщает, что плита «найдена в 1838 г. в Аккермане, принадлежала какой-либо православной церкви. Плиту подарил Н. Е. Афанасьев. Поступила в Музей Общества в 40-х годах» (Кочубинский 1889: 538).

Плитой занимались только два исследователя — А. А. Кочубинский и И. Богдан. Первый из них расшифровывает надпись так:

1 + В дни блачываго и холюбываго и биа
2 (д)арованнаго и въсьской похвал-
3 и достойны Іванъ Стѣфанъ воев...
4 гпръ въсен земли Молдав
5 скон снѣ Богдана воево...
6 почл и съврѣши сжі монас
7 ри прѣкалабѣ Дѹма и Хе
8 манъ //СЖЧ

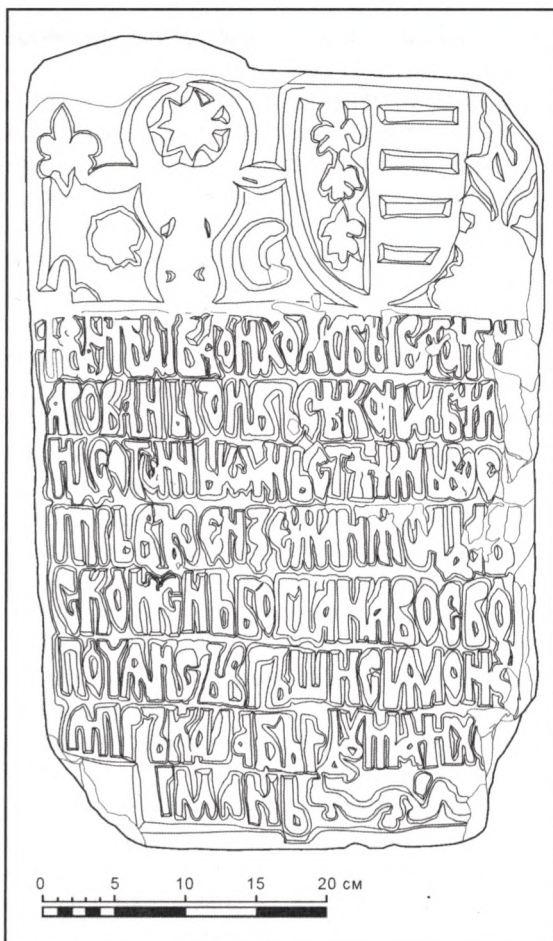

Рис. 9. Прорисовка «церковной» плиты (лицевая сторона).

Fig. 9. Drawing of the «church» plate (front side).

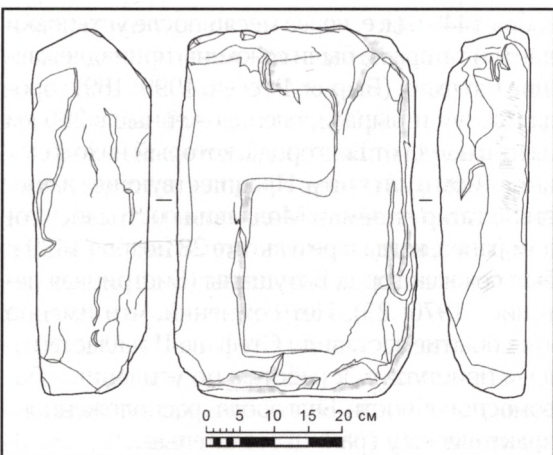

Рис. 10. Прорисовка «церковной» плиты (тыльная и боковые стороны).

Fig. 10. Drawing of the «church» plate (back side and edges).

Перевод: «В дни благочестивого и христолюбивого и благодарованного и всякой похвалы достойного, Иоанн Стефан Воевода, господарь всей земли Молдавской, сын Богдана воево-

ды, начал и завершил этот монастырь пыркалабы Дума и Херман. 1482» (Кочубинский 1889: 538—535).

Дату автор разобрал в конце последней строки, допустив явную ошибку: //сжч, вместо: /сцч (6990=1482 г.) (Кочубинский 1889: 545, 541, 546).

Еще одно проблемное место — неразборчивое слово в конце 2-й строки. По мнению исследователя, это может быть: «похвали». В конце 6-й строки эпиграфист видит фрагмент слова: «монас», а его окончание «ри» — в начале следующей строки (Кочубинский 1889: 541). Это наблюдение позволило автору заявить, что речь в надписи идет о строительстве монастыря в Белгороде. Слово дано в женском роде (смягчающее окончание ж. р. «ри»), «на валашский манер». Отсюда — предлог «сиа» (ж. р.) перед словом, а не «сеж» (м. р.), как следовало бы ожидать (Кочубинский 1889: 543).

И. А. Богдан не согласен со своим российским коллегой по двум пунктам: это дата и слово «монас(ты)ри» (Bogdan 1908: 336—340). Его вариант расшифровки выглядит следующим образом:

1 + В дни блчваго и холюбываго и в[год]
2 арованнаго и въсѣкой хвал-
3 и достоиннѣ Іѡанѣ Стефанѣ вое
4 гпрѣ въсен земли Молдав
5 скон снѣ Богдана воево
6 почѣ и съврѣши съ мѣрь
7 при прѣкалабѣ Дѣма и Хр
8 манѣ

Перевод: «В дни благочестивого и христолюбивого, богодарованного и всякой хвалы достойного Иоанна Стефана Воеводы господаря всей Земли Молдавской сына Богдана воеводы, начал и закончил эту стену при пыркалабах Дума и Хр'мане» (Bogdan 1908: 338).

Дату в тексте румынский исследователь не увидел. Но на основании сведений грамот о периоде совместного правления в Белгороде упомянутых пыркалабов (1478—1480 гг.) он совершенно справедливо отвергает датировку А. А. Кочубинского, выдвигая свой вариант: 1479 г. Отдав предпочтение именно этому году из трех возможных под влиянием летописного сообщения о возведении в 1479-м Стефаном Великим крепости в Килие (Бистрицкая летопись 1976: 24—34; Bogdan 1908: 339—340).

Подобный взгляд на датировку основан на убеждении, что в конце 6-й строки вырезано слово «мѣрь» («стена»). Исследователь полагал, что речь в тексте идет о строительстве крепостных стен (или стены) молдавско-

го Белгорода, но каких именно — не уточнил (Bogdan 1908: 338).

Тем не менее, версия крупнейшего румынского дипломатиста и археографа того времени (Каштанов 2012: 84) прочно закрепились в историографии и дала основу хронологическим построениям. Плиту стали связывать с появлением всей без исключения линии стен Гражданского двора — крупнейшего сектора Белгородского оборонного комплекса¹⁶. Верхней датой окончания его строительства с определенных пор принято считать 1479 г. (ОВИМК 1987: 79; Spinei 1994; Бруяко, Сапожников 2000: 443—444; Шлапак 2001: 62, 169 и др.).

При этом о масштабных работах в Белгороде 1479 г. в летописях не говорится ни слова (при наличии сообщения о строительстве Килии), а сама плита не может быть уверенно соотнесена ни с одной из стен Гражданского двора, как и всей крепости¹⁷.

Доступ к оригиналу лапидарного памятника позволяет сегодня проверить и уточнить обе версии исследователей. Предлагаемый вариант расшифровки следующий (рис. 11):

1 + В дни бл (аго)ч (єсти)ваго и холюбываго и Бо(го)д
2 арованыго и въсѣкой (...)в(...)
3 и д(о)сотоиннѣ Іѡанѣ Стѣфанѣ вое
4 Г(ос)п(ода)рѣ въсен земли Молдав
5 скон с(ты)нѣ Богдана воево[дѣ]
6 почѣ и съв(є)рѣши сѣ мон(а)с(ты)
7 ри прѣкалабѣ Дѣма и Хє
8 рманѣ //сцпи

Перевод: «В дни благочестивого и холюбивого и богодарованного и всякой ... в... и достойного Иоанна Стефана воеводы, начал и завершил (строительство) этого монастыря пыркалабы Дума и Херман. 6988».

Первая строка предваряется инвокацией креста. В строке четыре слова, предлог и союзы. Резчик сокращает слова в трех местах, явно испытывая нехватку места. Первая стро-

¹⁶ Мне не удалось выяснить, кто именно впервые «привязал» данную плиту к стенам Гражданского двора, приписав факт строительства большей части крупнейшей молдавской крепости инициативе величайшего молдавского правителя средневековья — Стефана III.

¹⁷ Единственный, гипотетический признак принадлежности плиты к оборонному комплексу средневекового Белгорода заключается в том, что аккерманское уездное училище, директором которого в 1840-х гг. был Н. Е. Афанасьев, подаривший плиту ООИД, находилось на территории Гражданского двора крепости (Уваров 1853: табл. XXXII: 23; Кочубинский 1889: 538). Но нет никаких сведений о том, что он нашел ее именно там.

Рис. 11. «Церковная» плита. Картограмма текста.

Fig. 11. The «Church» plate. Cartogram of the text.

ка по сохранности и качеству резьбы, пожалуй, худшая в тексте. Во многих буквах («в», «б») не вырезаны внутренние контуры. В слове «дни» буква «д» опущена вниз строки и просматривается с трудом. Лигатура «г+о» во втором слове очень популярна в данном тексте и встречается повсеместно. В слове «холобываго» плохо читается буква «а». Вместо «и» в нем использована «ы». Далее по тексту этот прием еще повторится. За этим словом следует союз «и», совмещенный с буквой «б», у которой сохранилась верхняя перекладина и основная стойка, а верхний овал сколот. Далее, несмотря на повреждения, можно рассмотреть внутренний контур буквы «о» и верхнюю ее часть. Справа от нее прослеживается верхний фрагмент буквы в виде стойки, расширяющейся книзу, который характерен (следуя аналогиям из данного текста) для «д» и «л». Затем прослеживается граница поля, что исключает вариант размещения еще одной буквы. Таким

образом, в первой строке расшифровывается текст: «В дни благочестиваго и холобываго и Б(г)од[...]» (переход на следующую строку) арованнаго.

Во второй строке находятся три слова и один предлог. В конце строки неразборчивый набор букв, который лишь с большой натяжкой можно читать как: «похвалы». А. А. Кочубинский сомневался в возможности разобрать этот фрагмент (Кочубинский 1889: 541). Меня также смущает это прочтение. Я не вижу здесь букву «х». Это либо «л», либо «а». То, что принимается за «х», является сочетанием каких-то двух букв. Далее, скорее всего, «в». Затем следуют три буквы подряд: 1) «ч», «н» или «а»; 2) «н» или «и»; 3) «а» однозначно. После них — скол, на месте которого могло уместиться не более одной буквы. Таким образом, в конце второй строки находилось слово из семи букв.

Третья строка включает в себя четыре слова и один союз. Слово «д(о)сотоннъ» дано с ошибкой. Буква «д» видна четко. После нее идет «с» (кольцо не замкнуто). В то время как следующая за ней — несомненно «о», поскольку кольцо замкнуто и внутри нет никаких углублений. Похоже, резчик перепутал буквы. Слово «Іванъ», почему-то, вырезано в полной форме, несмотря на распространенную традицию сокращать его до «Ів». При этом слово «воевода» сокращено до «вое». В четвертой строке расположено четыре слова. В начале строки находится «гпръ» (сокращенное от «господарь»). Пятая строка состоит из трех слов и окончания четвертого (с верхней строки). Сокращенное «снъ» («сын»). Далее — имя господаря Богдана воеводы, отца Стефана Великого. В конце строки «воево» (сокращение).

Шестая строка содержит три слова, союз и местоимение. В конце строки определенно вырезано «сы мон(а)с». Отстаивая свой взгляд на прочтение слова «мѣрь», И. Богдан упрекает А. А. Кочубинского в отсутствии оснований видеть лигатуру «о+н» в слове «мон» в конце 6-й строки. Исследователь подчеркивает, что в резьбе такой лигатуры нет, как нет ее и в письменных документах, в лапидарных памятниках (Bogdan 1908: 338). Но сам А. А. Кочубинский вовсе не говорил об употреблении тут лигатуры. Никак не прослеживается и буква «ѣ», что опровергает версию И. Богдана. Кроме того, предполагаемое им слово «мѣрь» не соотносится в роде с предлогом «сы». Несмотря на то, что «юс малый» четко виден, И. Богдан не заметил его и вместо предлога «сы» дал предлог «съ» (Bogdan 1908: 337).

В начале седьмой строки окончание слова представлено слогом «ри». Буква «р» ограничена слева рамкой, а «и» объединена с последующей «п». Предлог «при», который увидел И. Богдан перед словом «пыркалабы», не просматривается. Далее следует указание должности причастных к строительству особ и их имена: «прѣркалабѣ Дѹма и Херманѣ», с переносом второй половины второго имени на последнюю, 8-ю строку.

Имя пыркалаба — соправителя Думы в Белгородской крепости, хорошо известно по молдавским грамотам 1479—1480 гг., где оно пишется как: «Хърманъ» (DRH 1976: 321, 331), «Хърманъ» (DRH 1976: 333, 344, 347), либо «Херманъ» (DRH 1976: 351). И. Богдан пропустил вторую букву после «Х» в имени второго пыркалаба и расшифровал его как: «Хр'манъ» (Bogdan 1908: 338). На первый взгляд, на том участке резьбы в конце 8-й строки, где А. А. Кочубинский увидел дату, находится волнообразный орнамент. Но использование площади строки под орнамент представляется нерациональным. Подобная «растянутая» манера резьбы, напоминающая орнамент, свойственна и плите 1440 г., где вырезаны буквы «iv» (сокращенное «индикт»), которые также плохо распознаются.

В плите, подаренной Н. Е. Афанасьевым, буквенные обозначения цифр (если видеть здесь именно их) выполнены с наклоном вправо. Тогда можно предположить, что их не три, как полагал издатель (Кочубинский 1889: 546), а четыре. Из трех лет правления в Белгороде Думы и Хермана наиболее реальным представляется следующий вариант прочтения даты: 1480 = 6988 гг. (ꙗцип). Первая вертикальная стойка с нижним ответвлением напоминает букву «s», горизонтальная линия с прогибом и нижним ответвлением — «ц». Справа от нее — «п». Наклонная правая стойка с диагональной перекладиной и верхним ответвлением — буква «и» (рис. 11: а). В таком случае, можно с высокой степенью уверенности говорить о строительстве в Белгороде двумя пыркалабами Стефана Великого некоего монастыря в 1480 году.

Но о каком именно монастыре идет речь? Этим же вопросом задался А. А. Кочубинский, справедливо полагая, что «история ничего не знает о существовании монастырей в Аккермане» (Кочубинский 1889: 544). И. Богдан, критикуя вариант перевода своего коллеги, был более категоричен: «В Аккермане нет монастырей, не сохранился ни один. Не целесообразно строить монастырь в городе, в котором ожидается большой штурм в преддверии 1484 г.» (Bogdan 1980:

336). Но вряд ли за несколько лет можно было предсказать штурм с точностью до месяца и даже года. Тем более что строительство монастыря могло оказаться событием не только духовного, но и патриотического значения как раз в контексте противостояния османам.

В описи ООИД сообщается, что плита найдена в 1838 г. и «принадлежала какой-либо (видимо, в значении: некоей, неизвестной — А. К.) православной церкви» (Кочубинский 1889: 538). К началу XIX в. в турецком Аккермане сохранилось только три храма, которым мог бы принадлежать памятник эпиграфики XV в. Все они были построены до перехода в 1812 г. Бессарабии под власть России и обозначены на плане Аккермана 1807 г.: т. н. Гарнизонная церковь в Гражданском дворе крепости (бывшая мечеть); Армянская (григорианского обряда); и Греческая (православная), соотносимая с нынешней церковью св. Иоанна Предтечи на ул. Л. Попова. Из них закладная плита XV в. могла принадлежать предположительно последней (хотя фундаменты храма в Гражданском дворе на месте бывшей мечети также могут быть датированы XV в.). На это указывают косвенные признаки.

Греческая церковь отмечена уже на плане города 1770 г. (Шлапак 2001: рис. 31). Валериан Джедужский, побывавший в Аккермане в 1785 г., называл ее «молдавской» (Dzieduszycki 1930: 242). А барон фон Кампенхаузен, пребывая здесь в 1790—1791 гг., говорит (видимо, о ней же) следующее: «Воевода земли Валашской Стефан поднял в XV в. католическую церковь греческого обряда. Он поставил на все ворота валашский герб с головой быка, который можно видеть и сегодня. Пол церкви из белого мрамора, выложен плитами, на каждой из которых вырезана звезда (один из геральдических символов молдавской державы — А. К.). Церковь имеет два алтаря, один из которых предназначен для греческой литургии, а второй — для славянской и молдавской (Campenhausen 2001: 871).

Сообщение А. А. Кочубинского о принадлежности плиты «некой церкви» позволило в 1903 г. авторам альманаха «Бессарабия» уже прямо утверждать, что именно Греческая церковь (св. Иоанна Предтечи) была построена Стефаном Великим в 1482 г. (Бессарабия 1903).

В издании «Памятники градостроительства и архитектуры УССР» памятник датируется в диапазоне с конца XV до начала XVI в., а его архитектура характеризуется как «очень архаичная» (ПГАУ 1985: 243—268).

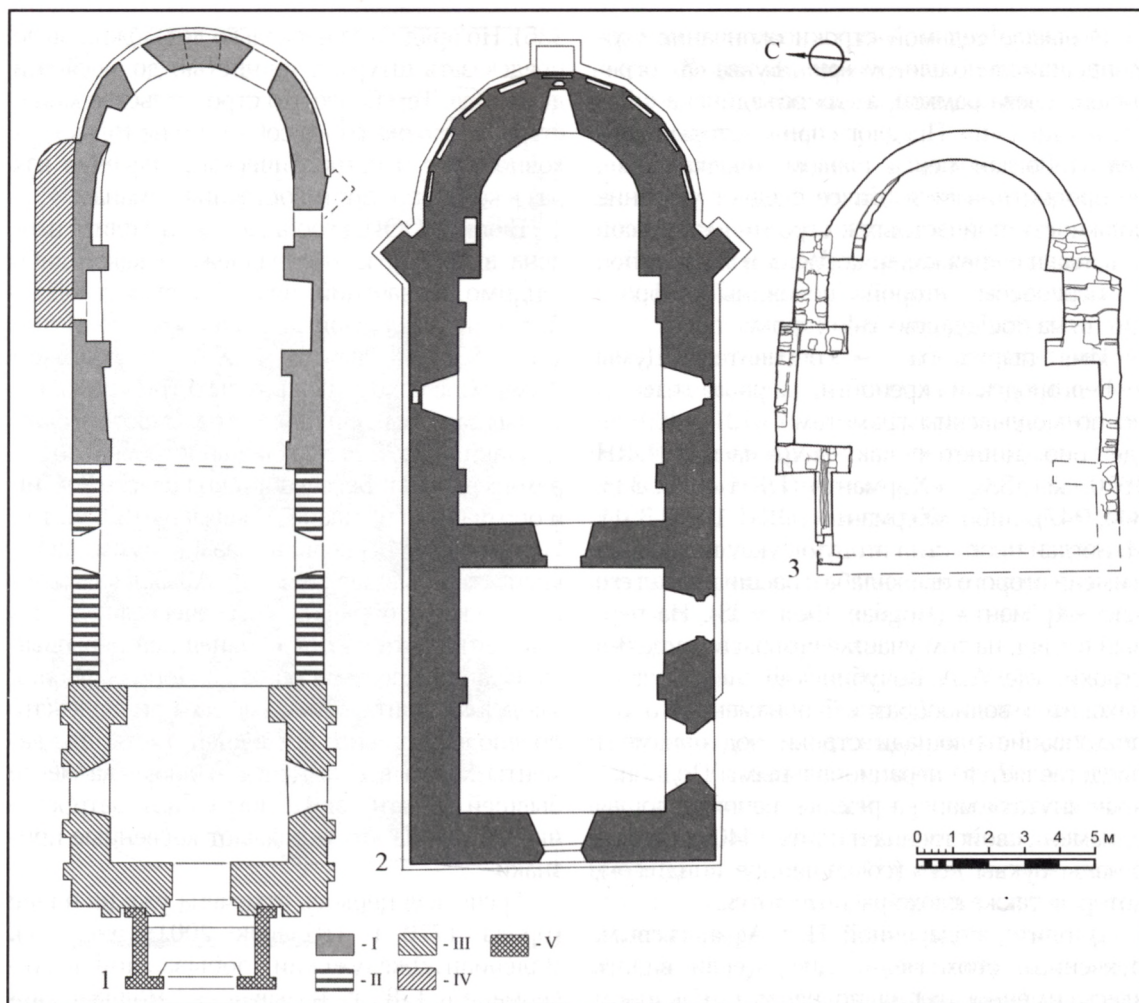

Рис. 12. Планы молдавских храмов второй половины XV в. 1 — Греческая церковь в Белгороде: I—V — строительные периоды (рис. автора); 2 — церковь Стефана Великого в Рэзбоень (Кантакузино 2000: 436—437); 3 — фундаменты церкви в Гражданском дворе Белгородской крепости (Красножон 2012: рис. 61).

Fig. 12. Plans of Moldavian churches of the second half of the 15th century. 1 — The Greek church in Belgorod: I—V — construction periods (drawing by author); 2 — The church of Stephen Great in Războieni (Кантакузино 2000: 436—437); 3 — the foundations of the church in the Civil court of Belgorod fortress (Красножон 2012: рис. 61).

Относить время появления Греческой церкви к временам Стефана Великого была также склонна и историк архитектуры Т. П. Нестерова (Nesterov 2010: 22—33).

Нынешний храм (значительно перестроенный в позднее время) действительно в основе своей планировки имеет раннюю однонефную церковь, которая по конструктивным и архитектурно-планировочным особенностям похожа на другие молдавские храмы XV в. Первоначальный храм выделяется на общем плане здания, занимая восточный его участок, включая апсиду и неф в пределах трех пар пилястр (рис. 12: 1, I-й строительный период). Его размеры по внешнему контуру: длина — 12,15 м, ширина — 7 м, ширина апсиды — 5 м, глубина — 3,15 м. Каменные своды храма поддерживали три подпружные арки с пролетом 4,87 м, которые

идут с шагом 2 м (от западной границы храма к апсиде).

По размерам и планировке Греческая церковь очень близка к храму середины XV в. в Гражданском дворе крепости (Красножон 2012: 83—84). Его длина по внешнему контуру — 12,7 м, ширина — 9,6 м, апсиды шириной 7 м и глубиной 3,75 м. Через неф были переброшены две подпружные арки с пролетом 5,5 м, которые идут с шагом (от западной стены) 2,2 м (рис. 12: 3).

Кроме того, Греческая церковь отличается почти равной шириной внутреннего контура апсиды и основного объема зала, а также слабо выраженным участком стыка апсиды с боковыми стенами нефа, что является общим признаком для молдавских церквей XV в. (Ионеску 1966: 476). В районе южной границы апсиды и основного

объема храма, с внешней стороны, фиксируются следы расположения контрфорса, выстроенного под острым углом к оси здания. Такой контрфорс может быть интерпретирован как элемент молдавского архитектурного стиля. Ближайшим по времени аналогом служит церковь Стефана Великого в Рэзбоень, выстроенная в 1476 г. (Кантакузино 2000: 436—437). В ее архитектуре использовались такие же угловые контрфорсы на границах апсиды и основного объема храма, внутренний контур его апсиды также плавно переходит к стенам нефа (рис. 12: 2).

Таким образом, закладная плита 1480 г. из Белгорода не имеет отношения к крепости. Скорее всего, ее следует связывать с нынешней Греческой церковью XV в. Если данная гипотеза найдет свое фактическое подтверждение, то текст плиты позволит решить вопрос о времени основания храма св. Иоанна Предтечи и его ктиторах.

Плита с Главных (Килийских) ворот (1484 г.)

Плита является мраморной сполією прямоугольной формы¹⁸ (рис. 13). Поверхность покрыта патиной. Высота правой стороны — 89 см, левой стороны — 88,5 см. Ширина по верхнему краю — 46,5 см, по нижнему — 42,5 см. Толщина по торцу правой стороны вверху — 11,5 см, внизу — 9,5 см. Толщина по торцу левой стороны вверху — 10,5 см, внизу — 10,5 см. Размеры по тыльной стороне почти такие же: ширина — 43 см, высота по центру — 90 см, по правой стороне — 89,5 см (рис. 14).

Лицевая поверхность плиты тщательно отшлифована и разделена на две неравные части. Верхняя, бо́льшая часть (размерами 51×41 см), отведена под изображение геральдических символов (нашлемника и герба) молдавского господаря Стефана Великого, сопоставимого с многочисленными примерами из средневековых гербовников и имеющего прямую аналогию с изображением из Евангелия 1503 г., принадлежавшего Стефану III (Dogaru 1994: 121, fig. 203). Центральную часть композиции занимает нашлемник — голова тура, из которого как бы произрастают орнаментальные завитки декора фона. Ниже с наклоном расположен герб Стефана — рассеченный щит старофранцузского типа с тремя фасциями в левой части и тремя лилиями в правой. Высота щита — 12,5 см, ширина — 9,5 см. Между

рогами тура — шестиконечная звезда. Над ними — лилия, по сторонам — месяц (справа) и солнце (слева).

Нижнюю часть лицевой стороны плиты занимает пятистрочная надпись на старославянском языке с шириной колонки 37,5 см. При всей тщательности и высокой технике резьбы, имеет место небрежность в распределении текста по строкам. Резчик пять раз заступил на поля: в начале первой, второй и третьей строк, а также в конце второй и третьей. Во-вторых, высота строк не только отличается от нормы (4 см), которая прослеживается на остальных плитах, она разнится в пределах самой плиты. Так, высота первой строки — 6 см, второй — 5,5 см, третьей — 4,5 см, четвертой — 4 см, пятой — 4,5 см. Причем, буквы первой строки размещены более просторно по сравнению с последующими. По всей ширине лицевой части плиты, под 5-й строкой, прослеживается вертикальная мерная насечка.

Тыльная сторона плиты грубо околота (рис. 15). В разных местах сохранились комки известкового раствора — признак размещения на стене. Обе боковые грани тщательно отшлифованы. Нижний и верхний торцы грубо околоты. На верхнем также присутствуют следы раствора. Боковые грани выгесаны строго под прямым углом по отношению к лицевой поверхности.

Отличительный признак плиты — превосходная сохранность резьбы. Единичные повреждения образовались в силу морфологии камня. Наблюдается небольшой скол на правом ухе головы тура, на полумесяце и детали орнамента рядом с ним. В строках с текстом частично сколота единственная буква — предпоследняя в первой строке. Незначительные повреждения есть у первой буквы последней строки. Не выдержана также ширина рамок по периметру. В верхней части слева, справа и сверху рамки сколоты.

Честь введения памятника в научный оборот принадлежит А. А. Кочубинскому¹⁹. Плита случайно обнаружена местными жителями в 1886 г. во время ведения земельных работ, в пределах прилегающей к крепости городской застройки, примерно в 600 м

¹⁹ В издании П. Н. Батюшкова приведена гравюра этой плиты с пометкой: «А. Уро. гр.» (Батюшков 1892: 54). Если данное сокращение означает: «гр. А. С. Уваров», то подпись следует признать ошибочной, поскольку плита найдена через два года после смерти А. С. Уварова. Этот же рисунок попал в монографию «Исторические исследования Килии и Четатя Албэ» Н. Йорга, правда, уже без сомнительного автографа (Iorga 1899: 98).

¹⁸ Инв. №: ХОКМ-а-9632.

Рис. 13. Плита с Главных (Килийских) ворот (фото автора).

Fig. 13. The plate from Main (Killya) gate (photo by the author).

к юго-востоку от Главных (Килийских) ворот (Кочубинский 1889: 513).

Разобрав на месте без особого труда текст (памятная плита была установлена в честь окончания строительства «Великих врат»), А. А. Кочубинский направился к главной надвратной башне (№6), для того, чтобы убедиться в наличии соответствующей ниши на ее фасаде. Схожая по форме и размерам ниша на юго-восточном фасаде башни позволила автору соотнести ее с данной плитой.

Ниша сохранилась до сих пор и относительно доступна для замеров (рис. 16). Она прямоугольная в плане (вытянута по вертикали), расположена на высоте 7,5 м от современной дневной поверхности, над северным ступенчатым контрфорсом, справа от пролета ворот (при входе в крепость).

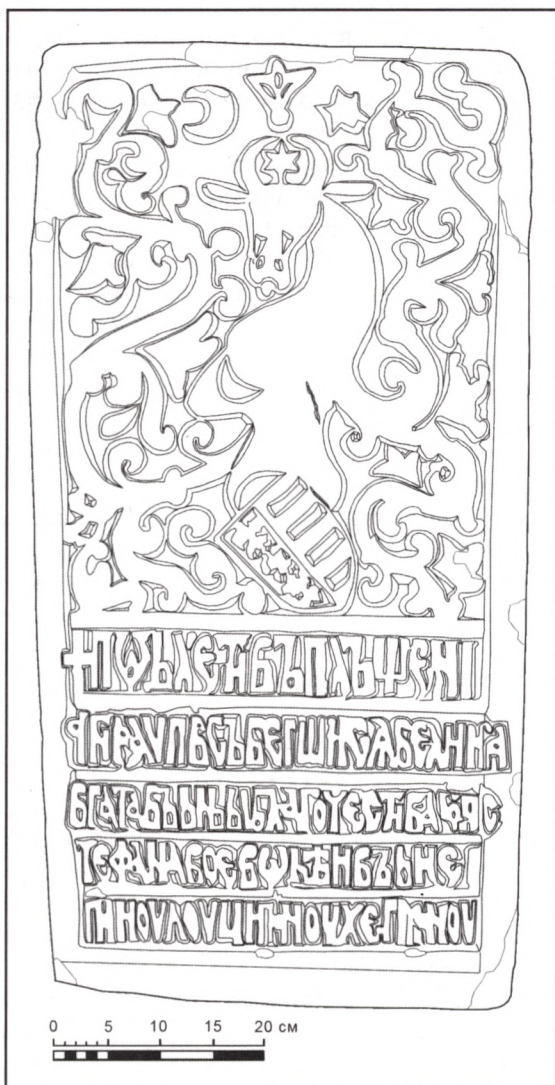

Рис. 14. Прорисовка плиты с Главных (Килийских) ворот (лицевая сторона).

Fig. 14. Drawing of the plate from Main (Killya) gate (front side).

Размеры были получены мною дистанционно, при помощи геодезического оборудования. Ширина ниши в нижней части — 49,8 см, в верхней — 47,8 см. Высота (по центру) — 90,5 см. Глубина — 11—12 см. Таким образом, ниша несколько шире самой плиты (на 2—3 см по сторонам) и совпадает с ней по контурам. Расположение следов раствора на тыльной стороне плиты визуально соответствует тем участкам дна ниши, где раствор выдавило при ее монтаже. Это подтверждает подлинность плиты, сомнения в которой первоначально возникли ввиду обстоятельств находки, а также нетрадиционного для средневекового молдавского государства способа датирования текста — от Рождества Христова.

Тщательный анализ конструктивных особенностей ниши позволяет видеть признаки

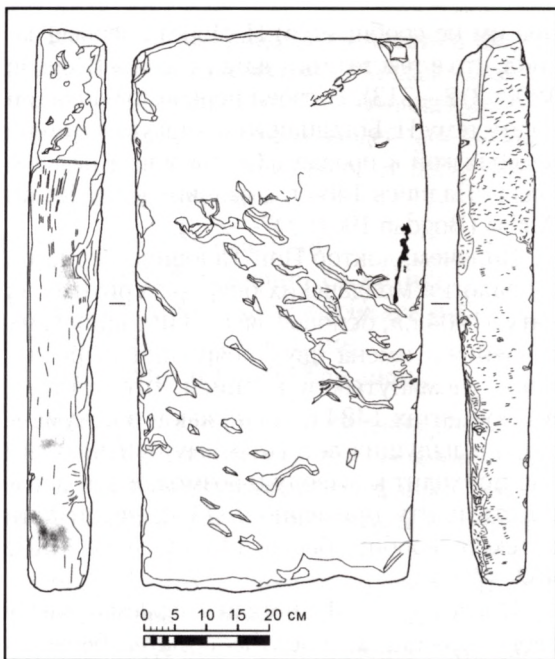

Рис. 15. Прорисовка плиты с Главных (Килийских) ворот (тыльная и боковые стороны).

Fig. 15. Drawing of the plate from Main (Kiliya) gate (back side and edges).

определенной спешки, с которой она была сооружена. По всем признакам, готовую нишу по окончании работ сразу пытались расширить. Если сколы архитрава можно расценивать как попытку добраться до тыльной стороны плиты, чтобы затем ее было легче выломать, то с боков наличник подтесывался целенаправленно, причем с существенным повреждением самой рамки. Левая сторона ниши впоследствии была заложена бутовой кладкой с целью компенсации образовавшегося зазора, причем последней предшествовало уменьшение глубины ниши посредством нанесения толстого слоя известкового раствора. Поверхность слоя явных повреждений не имеет — т.е. плита могла с ним не соприкасаться, либо примыкать местами. Наличие комков раствора на тыльной стороне плиты позволяет считать, что местами примыкание было.

Растёску ниши и последующую спешную подгонку размеров бутовой закладкой можно объяснить тем, что плита была подобрана и вырезана отдельно и установлена на стене после окончания строительства. Возведением башни №6 и изготовлением памятной плиты занимались явно разные мастера. Причем, оба события не обязательно должны быть одновременными и происходить непосредственно на строительной площадке. Монтаж же вообще могли осуществлять совсем иные люди.

Рис. 16. Ниша закладной плиты на фасаде Килийских ворот (фото автора).

Fig. 16. The niche of the plate on the facade from Main (Kiliya) gate (photo by the author).

Наличник плиты установлен одновременно с сооружением стены башни, поскольку их кладки между собой перевязаны. Он изготовлен специально для этого здания, сохранил рабочую разметку камня на нижней грани архитравного блока, имел красивый выразительный профиль в виде трехчетвертного вала, обрамленного с обеих сторон выкружками. Размеры ниши, вероятно, затем были сообщены камнерезам, которые подготовили плиту. В каком виде поступил заказ, неизвестно, но вряд ли с высокой точностью. Надо полагать, что для изготовления надписи камнерезы использовали сполую более или менее подходящей величины.

В нижней половине плита сохранила первоначальную ширину. Верхняя, декоративная часть изделия выполнена на высоком уровне, тогда как надпись демонстрирует ряд недочетов, которые свидетельствуют: работа для мастера была непривычная. По всей видимости, камнерез не справился с заданием и с размерами ошибся: плита получилась немного шире требуемого (в пределах 2—3 см). Подобное обстоятельство вполне могло обусловить подгонку ниши под готовую плиту.

Дату И. Богдан предлагает читать в традиционном для средневековой Молдавии стиле: от сотворения мира. Пана Луци и пана Хермана он видит как двух разных людей, а в остальном его версия не отличается от предложенной А. А. Кочубинским:

1 +Пѡдъ лѣти въплѣщені-
2 а Ги //СЦПД съверши сѧ велика
3 врата въ дньы благочестиваго и ѿ
4 тѣфана воевѣдѣ и въ днѣ
5 паноу Лоуци и паноу Хрманоу

Перевод: «В год от воплощения Господня 6984 (1476) сооружены эти великие врата в дни благочестивого и Стефана воеводы и в дни пана Луци и пана Хермана» (Bogdan 1908: 333).

Понимая, что датированию текста от сотворения мира противоречит вступительная формула «пѡдъ лѣти въплѣщеніа господа», И. Богдан довольно путано попытался объяснить несоответствие. Он предположил, что резчик работал по своему собственному шаблону. Поскольку «в жизни он использовал счет лет от Рождения Христа», рассуждает И. Богдан, то аналогичная формула и введена им самовольно в начале текста. Однако дату резчик привел согласно старославянской традиции: от сотворения мира, вместо того, чтобы сразу переделать 6984 г. на 1476 г. от Р.Х. «В средневековом Белгороде, где западные элементы культуры настолько же многочисленны, как и восточные, в чужеродных для (православной) церкви условиях, этот резчик позволил себе использовать стиль христианской эры, или ее смешение с иудейской эрой», — резюмировал исследователь (Bogdan 1908: 334—335).

Куда более обоснованным выглядит второй его вывод: в последней строке И. Богдан видит имена двух людей, а не одного. Правда, он читает имя первого из них как: «пан Лука» (вместо «Луци»), а второго — «пан Херман», считая их пыркалабами (Bogdan 1908: 335). Он попытался «согласовать» между собой два сообщения в тексте: факт совместного правления пыркалабов Луки и Хермана в Белгороде, который датируется по грамотам 1475/76 гг. (DRH 1976: 299—312), а также дату создания плиты (1476 г.).

Проведенная работа с оригиналом надписи позволила несколько уточнить и проверить выводы предшественников²². Текст читается следующим образом (рис. 17):

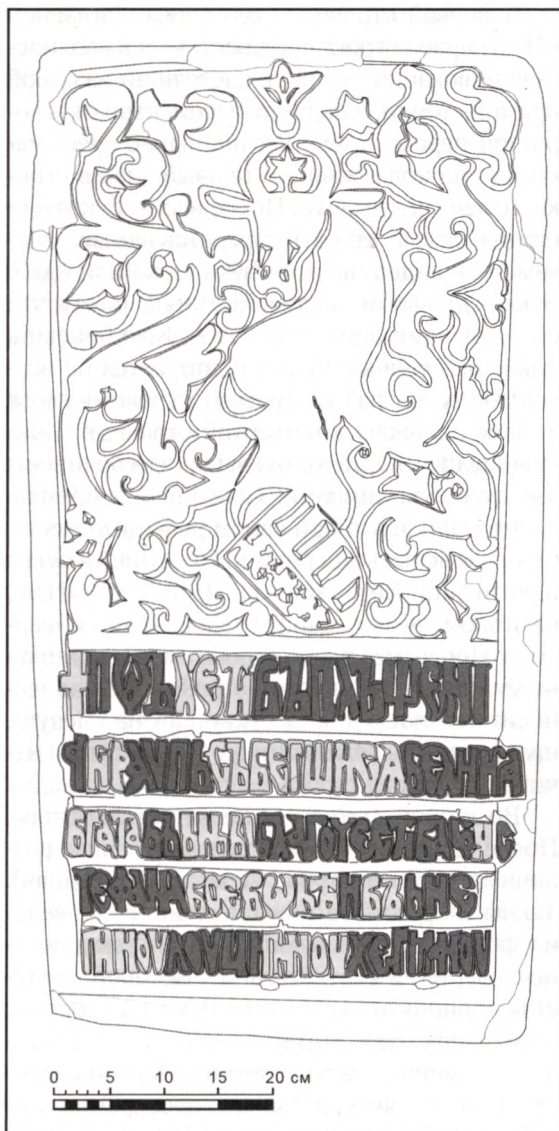

Рис. 17. Плита с Главных (Килийских) ворот. Картограмма текста.

Fig. 17. The plate from Main (Killya) gate. Cartogram of the text

1 +Пѡдъ лѣти въплѣщені
2 а Г(оспод)на //А҃҃ПД съвершисѧ велика
3 врата въ дньы благочестиваго ж ѿ
4 тѣфана воевѣдѣ и въ днѣ
5 паноу Лоуци (и) паноу Хрманоу

Перевод: «В год от воплощения Господня 1484 свершились Великие врата, в дни благочестивого же Стефана воеводы и в днѣ (?) пану Луци (и) пану Хрману».

²² Выражаю искреннюю признательность старшему научному сотруднику Отдела источников по исто-

рии Украины княжьего и казацкого периода ИУАИ им. М.С. Грушевского НАН Украины, канд. ист. наук В.В. Корниенко за предоставленные консультации в ходе работы над текстом.

В первой строке — три слова. Заглавной «П» в первой строке предшествует символическая инвокация — крест, состоящий из одной прямой стойки, в полную высоту строки, и короткой перекладины. Резчик вынес крест частично на поля, хотя это первый знак в строке. Далее следует «w». После нее — буква «д» (видна левая ножка), представленная, возможно, в виде инверсии букв «дъ» или «дѣ». Буква «д» напоминает мягкий знак «ѣ», на что обратил внимание еще А. А. Кочубинский. Такое исполнение буквы повторяется по всему тексту не раз (в третьей строке в слове «днѣ», дважды в четвертой строке, в слове «воевѣдѣ» и «дне»). Буквы часто соединены между собой линиями. Сокращений чрезвычайно мало, и это при явном дефиците места, который испытывал резчик. Следующая буква идентифицируется как «л». Далее слог «ѣти», в котором две последние буквы также с инверсией. Последнее слово строки «въплъщеніа» не уместилось на первой строке и резчик выносит его последнюю букву «а» на следующую, вновь вылезая на поля. С этой буквы начинается вторая строка.

Во второй строке — также четыре слова. После конечной «а» предыдущего слова различима аббревиатура «гна» («Господня»). Таким образом, в начале текста приведена формула, указывающая на систему летоисчисления, в соответствии с которой следует воспринимать дату, — от Р. Х. Дата состоит из четырех букв. Читается вполне ясно, буквы без сколов, контуры четкие. Первой следует титла «тысяча», несколько перекрытая буквой «а» (обозначает единицу). За ней — буква «ѣ» (400), буква «п» (80) и буква «д» (4) в виде мягкого знака, который уже встречался в первой строке. В сумме: «1484». После даты следует фраза: «сѣвершиа велика», последняя буква «а» заходит за край полей.

Третья строка включает в себя четыре полных слова, не считая предлога и начальной буквы нового слова, перенесенного на новую строку. Начинается со слова «врата», а заканчивается вышедшей за поля буквой «ѣ» — первой в имени собственном «ѣтѣфана». Продолжение имени — «тѣфан» вынесено уже на следующую, четвертую строку. Букве «ѣ» предшествует «ж», правая часть которой срезана рамкой. Буква «ж» выступает в роли определяющей, которая используется с формами местоимений третьего лица, что характерно для грамот XV в. Отличительной чертой данной надписи является замена местоимения третьего лица именем воеводы, однако структура предложения и роль частицы «ж»

в нем не меняется, так как слово «ѣтѣфана» также стоит в третьем лице. Таким образом, эта частица как бы усиительно связывает эпитет «благочестивого» (который предшествует имени собственному) и «ѣтѣфана», указывая, что эпитет относится именно к последнему.

В четвертой строке — три слова и два предлога. После имени собственного следует титул «воевѣдѣ». В последней, пятой строке представлено четыре слова. Здесь читается дважды слово «паню», которое выставлено перед двумя именами разных людей: Лоуци и Хрманю. В первом слове строки «паню» использована лигатура «П+А». Союз «и» между двумя частями строки отсутствует.

Таким образом, следует признать правоту ранних взглядов И. Богдана относительно датировки плиты (Bogdan 1901: 247—253) и необоснованность даты «1476 г.» (Bogdan 1908: 334), равно как и даты «1438 г.» (Кочубинский 1889: 520).

Молдавская летописная традиция и канцелярское делопроизводство XV в. почти не знают прецедентов использования в государственных документах летоисчисления от Р. Х., либо двойного летоисчисления. В Молдавии вплоть до 80-х гг. XVI в. пользовались эрой от сотворения мира (Каштанов 2012: 14).

Поэтому на странность такой датировки плиты с Главных ворот сразу обратил внимание А. А. Кочубинский: «эта формула [от воплощения Господа] для обозначения времени в памятниках славянского языка не совсем обычная, но она известна в канцелярском слоге сербских грамот» (Кочубинский 1889: 522).

Известный палеограф А. И. Соболевский сообщает, что средневековая Молдавия иногда пользовалась летоисчислением от Р. Х., что объясняется тесными контактами с некоторыми европейскими и балканскими странами. Так, «среди южных славян только в Боснии вели летоисчисление от Р. Х., что объяснялось их приверженностью к богомилству. В сербских печатных книгах XV—XVI вв. обычно указывалось две даты — от с. м. и от Р. Х.» (Соболевский 1908: 47).

В качестве примера молдавского средневекового документа с двойным датированием можно привести Молдавско-польскую летопись, составленную на латинице: для удобства пользования иностранными читателями ее предваряет формула «От року сотворения света 6860, от рождения божьего 1352» (СМЛ 1976: 105). Или, например, грамота, адресованная польскому королю

Владиславу от молдавского господаря Петра Мушата с формулой на старославянском: «оу лето вжьего рождѣства, а н т. п. н.» (1388 г.) (Бырня, Руссев 1999: 248). Но подобные случаи единичны и объясняются международным характером документов.

Что касается молдавских документов времен Стефана Великого, то они датированы в стиле от сотворения мира, согласно православной церковной традиции (DRH 1975; 1976). Плита с датой: «1484 г. от Р.Х.» представляет собой уникальный прецедент в средневековой Молдавии.

Возможно, его следует расценивать как признак того, что башню соорудил европейский мастер. Прямым указанием на это может служить формула «от воплощения Господа», которая свидетельствует о применении резчиком «благовещенского» календарного счета, согласно которому новый год начинался с 25 марта (дня празднования Благовещения²³). Этот стиль весьма распространен в средневековой Европе, особенно в странах с католическим влиянием (Черепнин 1944: 74; Климишин 1985: 232).

Учитывая мартовскую дату начала «года от воплощения» и летописные сведения о взятии Белгорода турками в день 5 августа 1484 г., время капитальных строительных работ в воротной башне №6 можно отнести к апрелю-июлю. Но, скорее всего, они закончились уже к началу июля, когда Баязид II подошел к соседней Килие (14-го числа она пала) (БЛ 1976: 30).

Под «свершением великих врат» нельзя понимать строительство самой воротной башни. Результаты архитектурных исследований показывают, что Килийские ворота выстроены в три основных этапа. Первичная башня меньших размеров существовала здесь до 1484 г. В ходе капитальной реконструкции старую воротную башню обнесли внешней усиливающей стенкой, на которой и расположена ниша из-под рассматриваемой закладной плиты (Красножон 2012: 286).

Причем, полностью завершить работы мастера, по-видимому, так и не успели. В архитектуре башни отсутствуют признаки функционирования устройства для подъема герсы, задуманной как раз на восточном фасаде, в пределах новой стены. Рамку с пазами для нее соорудили, но без всяких отверстий для тросов в верхней части. Отсутствуют следы износа внутренней поверхности рамки. Помещение

верхнего яруса башни не приспособлено для подъемного устройства (Красножон 2012: 289—190, рис. 223).

Дата на плите «1484 г.» противоречит выводам И. Богдана о том, что в тексте упомянуты имена двух пыркалабов. Грамоты свидетельствуют, что в этот год в Белгороде пыркалабами служили пан Оана и пан Герман (1481—1484 гг.). Разница в написании имен Герман и Херман состоит в одной букве, но грамоты их отличают, зачастую перечисляя в одном ряду как разных людей. Так, в грамоте от 12 апреля 1483 г. сказано: «вера пана Хръмана, вера пана Германа и вера пана Оана, пыркалабове Белоградских» (DRH 1976: 378, 382). Эта же формула повторяется и в грамоте от 12 мая 1484 г., составленной за три месяца до падения города (DRH 1976: 392).

Имя пыркалаба Германа (вместе с Оана) встречается в летописных сообщениях о турецкой осаде Белгорода в 1484 г.: «Тогожде лета (6992) августа 5 въ сряде възъше и Белград при Германа и Оана пыркалаба» (Бистрицкая летопись 1976: 30; ср. Путнянская летопись 1976: 72).

Но нет сомнений, что Херман из текста белгородской плиты 1480 г. и текста плиты 1484 гг. — это одно и то же лицо. В общей сложности Херман оставался пыркалабом Белгорода в период с 1476 по 1480 гг., являясь в первой половине этого срока соправителем Луки, а во второй — Думы. Находясь в этой должности, он возводит в последний год своей службы монастырь (его закладную плиту и подарил Н. Е. Афанасьев ООИД), а четыре года спустя занят строительными работами Килийских ворот, но уже в ином статусе.

Менее уверенно идентифицируется «пан Луци». И. Богдан отождествлял его с пыркалабом Лукой, который служил в Белгороде совместно с Херманом в 1475—1476 гг. и, «кажется, умер» до февраля 1478 г. (Bogdan 1908: 335). Но он мог и дожить до 1484 г., и быть отмечен в тексте плиты с Главных ворот. Так, дательный падеж слов 5-й строки допускает чтение буквы «ц» в имени «Лоуци» как «к» (Лоуки). Тогда «дне» в конце 4-й строки представляет собой слово в сокращенном виде, предположительно реконструируемое как «(благ)д (ар)ен (и)е». То есть, благодаря пану Луке и пану Херману (бывшим пыркалабам), башня «свершилась» в дни Стефана III.

С другой стороны, дательный падеж мог быть употреблен резчиком ошибочно. Тогда имя «Лоуци» следует читать именно так, как оно высечено. Его написание может оказаться кириллической калькой с чеш-

²³ В церковной традиции праздник находится в прямой связи с датой Рождества Христова: 25 марта отстоит ровно на 9 месяцев от 25 декабря.

ского имени «Luci»²⁴ (м.р.), уменьшительное от «Lucian» («Луциан»). Происходит от римского преномена «Lucianus» (лат. *lux* — «свет») (http://kurufin.ru/html/Czech_names/Czech_names_1.html).

Если пан Луци был, действительно, чем, находившимся на службе у молдавского господаря²⁵, то датировка закладной плиты по «благовещенскому» календарному счету не выглядит странной. Тем более, что эта формула широко применялась в чешских источниках синхронного периода. Например, в известной «Гуситской хронике» XV в. Лаврентия из Бржезовой, текст которой начинается с той же формулы: «В лето от воплощения Господа 1414-е досточтимое и божественное приращение...» (Лаврентий 1962: 21).

Плита с башни №3 (1454 г.)

Плита квадратная в плане, вытесана из белого мрамора²⁶ (рис. 18). Размеры по лицевой стороне: ширина в верхней части — 40 см, в нижней — 29 см. Длина левой стороны — 36,5 см, правой — 35 см. Толщина — 19 см. Поверхность разделена в горизонтальном направлении на две части. Верхняя отведена под четырехстрочную надпись на старославянском языке. Нижняя — под изображение остроконечного геральдического щита (ориентирован острием вниз). Ширина щита — 13 см, высота — 12,5 см. Высота каждой строки строго соблюдена — 4 см. Длина строк — по 34 см. Изображение щита расположено вплотную к последней строке, строго по центру поля (рис. 19). Лицевая поверхность плиты хорошо отшлифована. Местами сохранились линии первоначальной разметки под резбю.

Тыльная сторона плиты грубо околота (рис. 20). Ближе к краям наблюдаются глубокие сколы. Внизу, в центре, расположено правильное по форме круглое углубление (лунка с воронковидным устьем) диаметром 7 см и глубиной 4,5—5 см, что позволяет предполагать первоначальное использование сполки как подпятника. В верхней части плиты сохранились комки известкового раствора. Раствор также местами заметен и на боковых торцах. Слева от выемки, на сравнительно ровном

участке поверхности, темно-красной краской нанесена музейная маркировка (?) в две строки через черту: *НВ/НБ* (?).

Верхний, нижний и правый торцы плиты грубо отесаны. Левый край шлифован, что является результатом первичной обработки плиты. На нем присутствуют следы ударов тяжелым инструментом (следы вылома).

Качество резьбы высокое. Высота и длина каждой строки, а также букв тщательно соблюдены. Изображение в 9 местах повреждено в результате попадания пуль, из-за чего затруднено прочтение текста в этих местах: в начале и в конце первой строки, в середине второй, третьей и четвертой строк. Скол также присутствует в верхней правой части щита, повредив примерно половину изображения внутри него, но контур рельефа поддается вполне достоверной реконструкции (см. статью В.П. Кирилко в этом номере).

Плита располагалась на юго-восточном фасаде башни №3. Обнаружена и снята со стены в 1898 г. зрителем крепости В.И. Штулкерцем (Кочубинский 1901: 148—150). Сохранилась ниша в верхней, южной части фасада. Борта ниши сформированы тщательно подогнанными блоками, выложенными в переплет с основной кладкой.

В научный оборот надпись ввел А.А. Кочубинский, проработав ее очень скрупулезно. Он же опубликовал первую фотографию находки. Изображению герба исследователь не уделил внимания, а приведенные размеры щита указал неверно, ошибочно заключив, что «от него кроме каймы полуовала [не осталось] ни следа». Неточными оказались и приведенные размеры самой плиты (Кочубинский 1901: 153, 198, табл. II)²⁷.

Эпиграфист сетует на плохую сохранность надписи и поэтому теряет в догадках при расшифровке некоторых мест (Кочубинский 1901: 161). Основные проблемы с расшифровкой у него возникли при работе над второй, наиболее поврежденной строкой. Первая буква строки сколота полностью, и А.А. Кочубинский восстанавливает ее как «в». Над второй буквой — «р» он правильно замечает остатки некой надстрочной буквы, ошибочно интерпретируя ее как «д», судя по дельтовидной форме скола и сохранившемуся слева внизу, под верхним полем строки, фрагменту остроконечной ножки (Кочубинский 1901: 161).

²⁴ Такое же написание свойственно еще венгерскому языку, но там это имя употреблялось как женское, уменьшительное от «Lucza» («Луца»), «Lúcia» («Луция») (<http://kurufin.ru/html/Translate/lukiy.html>).

²⁵ См. статью А.В. Федорука и И.М. Кубай в этом номере.

²⁶ Инв. №: ХОКМ-а-9634.

²⁷ А.А. Кочубинский ошибочно предполагал, что здесь находился молдавский герб: «голова быка со звездою меж рог» (Кочубинский 1901: 174).

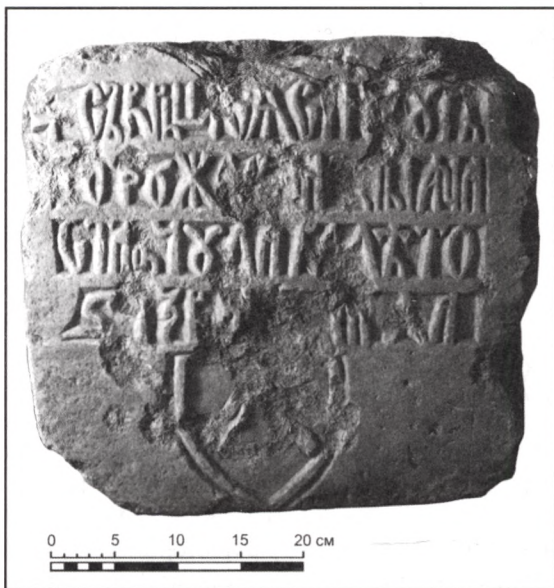

Рис. 18. Плита с башни №3 (фото автора).

Fig. 18. The plate from tower no. 3 (photo by the author).

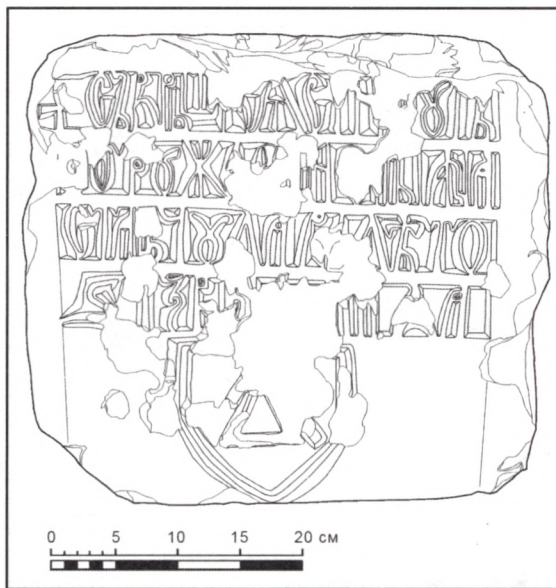

Рис. 19. Прорисовка плиты с башни №3 (лицевая сторона).

Fig. 19. Drawing of the plate from tower no. 3 (front side).

Эти наблюдения, в совокупности с сохранившимися буквами, позволяют исследователю восстановить в начале строки поврежденное слово как «(в)одрѣж(ае)ма». В конце строки он склонен видеть молдавское слово «ачаста» («эта»), принимая букву «н» за «ч». На следующей, третьей строке, А.А. Кочубинский снова видит молдавское слово в старославянской литеации: «цѣгѣла» («доска»), где уже реальную букву «ч» он переиначил в «г» (Кочубинский 1901: 170—174).

Последняя, 4-я строка начинается с даты в исчислении от сотворения мира. Применительно к этому фрагменту рассуждения исследователя не вызывают возражений. Титло «тысяча» А.А. Кочубинский видит внизу под первыми двумя буквами даты: **СЦЗВ** (6962 г.).

Вторая половина последней строки также сильно повреждена, и восстановление текста здесь снова вызывало затруднения. По мнению эпиграфиста, на этом месте должно было находиться название месяца и число установки плиты на стене башни, что действительно соответствует традиции составления средневековых молдавских грамот. В общей сложности А.А. Кочубинский восстанавливает после даты пять букв: «м», «ц», «м», «а», «р», и еще четыре — в окончании строки: «т», «а», «л», «а».

В итоге эпиграфист предлагает следующий вариант расшифровки текста (Кочубинский 1901: 174):

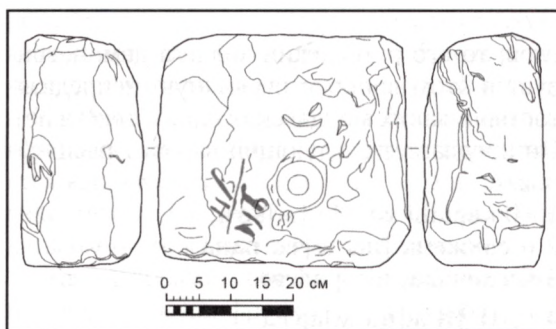

Рис. 20. Прорисовка плиты с башни №3 (тыльная и боковые стороны).

Fig. 20. Drawing of the plate from tower no. 3 (back side and edges).

- 1 +Сѣврѣшнѣ сѣн мѣрѣ,
- 2 (в)одрѣж(ае)ма (бы)ть аца
- 3 ста цѣгѣла, въ лѣто
- 4 //СЦЗВ м(сц мар)та ла

Хотя автор и не дает прямой перевод, представить его можно следующим образом: «Построена эта стена (и) водружаема быть эта доска в год 1454 месяца марта 31-го». По мнению А.А. Кочубинского, слово «мур» означает стену, в системе которой находится башня с закладной плитой. Т.е., текст отражает целый строительный период, а не локальный эпизод в истории крепости.

Данный вариант прочтения подвергся критической оценке со стороны И. Богдана. Если российский славист настаивал на смешении в надписи молдавских и славянских

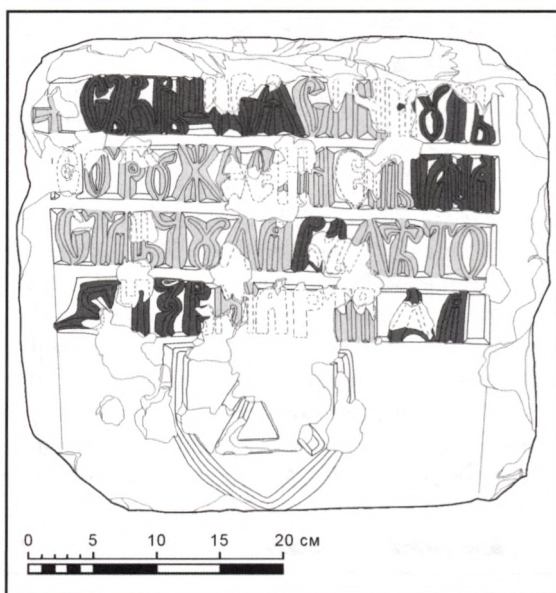

Рис. 21. Плита с башни №3. Картограмма текста.

Fig. 21. The plate from tower no. 3. Cartogram of the text.

слов, то его румынский коллега демонстрирует в этом вопросе очевидную непредвзятость: никаких молдавских слов в тексте нет. Он предлагает следующий вариант расшифровки:

- 1 +Съвьрші сѧ сін [м]ѹръ,
- 2 и орѹжень [бы ѡ]тъ пана
- 3 Станчула, в[ъ] лѣто
- 4 //СЦѢВ м[ца м]арта

Перевод: «Построена эта стена и вооружена была от пана Станчула в год 1454 месяца марта» (Bogdan 1908: 327).

Дата остается неизменной. И. Богдан лишь не согласен с обозначением числа в конце строки. Появляется имя фигуранта — пана Станчула, который воспринимается по тексту как строитель башни и стены вокруг, а также как инициатор ее вооружения.

Версия И.И. Богдана получила дальнейшее развитие в историографии. В научной литературе появилось убеждение, будто Станчул не только воздвиг башню №3, но и оснастил («оружил») ее «мощными приспособлениями для пушек», а заодно и остальные башни Военного двора (Войцеховский 1969: 341—349; Шлапак 2001: 27, 60, 62).

И. Богдан считает, что пан Станчул занимал должность пыркалаба Белгорода в год возведения башни. И обращается за доказательствами к средневековым грамотам. Исследователь приходит к выводу, что Станчул занимал эту должность с перерывами, начиная с 1453 г., а беспрерывно находился в ней на протяже-

нии 16 лет: с 1459 по 1475 гг. (Bogdan 1908: 328, 329).

Несколько иной взгляд на содержание текста плиты позволяют сформировать результаты непосредственного изучения оригинала. Тщательный анализ позволил получить следующий вариант расшифровки надписи (рис. 21):

- 1 +Съвьршіся сін (м)ѹръ
- 2 (с)о(т)рѹж(ден)и(е)мъ пана
- 3 Станчула въ лѣто
- 4 //СЦѢВ м(ар)та ла

Перевод: «Построена эта стена усилиями пана Станчула в год 1454 г., марта 31-го».

В первой строке заглавной «С» предшествует инвокация равностороннего креста. Верхний и правый его концы обломаны. В строке насчитывается три слова. Все они частично повреждены, но утраченные буквы восстанавливаются без труда по фрагментам.

Вторая строка содержит 10 целых (или очевидно узнаваемых) букв. Здесь присутствуют два слова, первое из которых насчитывало 13 букв, а второе — четыре. Первая буква строки — «с». Правая граница буквенного поля сохранилась. Слева внизу — характерное закругление контура. Такой же овальный контур прослеживается на границе стыка с соседней буквой «о», которая сохранилась почти полностью. Третья буква — «р», по верному наблюдению А. А. Кочубинского, в два раза ниже соседних букв. Однако выше нее располагалась «т». В левом нижнем углу скола, вверху слева от буквы «р», прослеживается треугольный зубец, направленный острием вниз от рамки. Подобные зубцы встречаются в тексте плиты лишь при резьбе перекладин букв «т». У буквы «ѹ» сколота левая перекладина. Далее «ж» без повреждений. За ней следует буква, значительно поврежденная в центральной и нижней части. Сохранился лишь ее верхний фрагмент, а также левая часть, направленная по диагонали от острия вниз. Диагональ упирается в стойку соседней «ж». Широкий угол замыкания наверху двух боковых стоек буквы ограничивает варианты реконструкции. Это не может быть «а», поскольку все буквы «а», которые есть в тексте, отличаются прямой вертикально ориентированной правой стойкой. Здесь виден более широкий угол соединения стоек, что свойственно букве «л» в данном тексте. Однако три имеющиеся в тексте «л» более широкие. Более приемлемый вариант реконструкции — буква «д». Далее следует буква с «лунным» контуром, фрагмент которой сохранился в верхней части. Видны два сегмента, направленные вниз с некоторым расхожде-

нием один от другого, что позволяет видеть в букве либо «с», либо «е» (в пользу второй говорит само содержание текста). Следующая буква, справа от «е», почти полностью уничтожена. Сохранился лишь небольшой фрагмент вертикальной стойки в центральной части поврежденного участка книзу, который можно идентифицировать как часть вертикальной стойки. Вторая стойка этой буквы частично прослеживается несколько правее, что позволяет видеть здесь «н» или «и» (по смыслу предпочтение в пользу первого варианта). После следует почти полностью сохранившаяся буква «и». У нее сохранились две стойки, за исключением повреждения левой верхней части выше перекладины. Перекладина размещена по вертикали, с уклоном от левой стороны к правой, как и свойственно буквам «и» в данном тексте. Это не может быть буква «а», поскольку характер исполнения последних иной. Кроме того, сохранившаяся верхняя часть правой стойки, выше перекладины, на левом, внутреннем торце не имеет следов соприкосновения закругленной дуги, как было бы в случае с «а». Поверхность торца гладкая, хорошо отшлифованная. Соседняя справа буква полностью уничтожена. Однако скол не распространился дальше полей, поэтому можно видеть четкий овальный контур бывшей буквы, который позволяет видеть здесь «ф», «с», либо «е». Следующая буква представлена двумя вертикальными, близко расположенными друг к другу стойками, правая из которых сохранила в верхней части след перекладины, опущенной вниз по диагонали (буква «м»). Далее — почти полностью сохранившаяся буква, которая может быть интерпретирована только как «твердый знак». Что мешает видеть здесь букву «ы»? В верхней своей части стойка соединена с соседней слева буквой. Это даже не соединение, а переход от стойки налево (надстройка «ъ»). Буква «ъ» соответствует смыслу восстановленного слова «со~~т~~ру~~ж~~д~~е~~н~~и~~е~~м~~ъ». После него следует слово «пана», в котором буква «п» представлена вертикальной стойкой, перекладина от которой уходит направо, к букве «а», но не выражена из-за слияния с верхней границей поля строки. Подобная лигатура «п+а» прослеживается, например, в словах «паноу» в последней строке текста плиты 1484 г. После лигатуры следует буква «н», которую А.А. Кочубинский ошибочно принял за «ч». Подобная манера резьбы этой буквы, видимо, характерна для местной традиции середины XV в. Аналогичное исполнение (без нижней левой стойки под перекладиной) можно видеть в тексте плиты 1440 г.

из Белгорода (2-я строка, последняя буква; 4-я строка, в имени «Стефан»; 5-я строка, в слове «жупан»).

Такой же способ начертания «н» характерен и для слова «Станьчула» в следующей, третьей строке. Обращает внимание применение резчиком в этом имени, после «н», смягчающего «ь», что в настоящее время весьма характерно для молдавского языка.

Четвертая строка содержит обозначение года (6962=1454 г.) и слово «март», а также буквенные символы даты: «ла» (31). Из четырех букв обозначения года наиболее повреждена вторая: «Ц». Ее исполнение, близкое по манере к резьбе «ч», соответствует старославянскому книжному шрифту. После указания года следует обрывок буквы, напоминающей «м» за счет очевидной центральной стойки, отходящей от боковой по диагонали вниз. Фрагмент второй (правой) стойки сохранился в верхней части, под границей поля. После этой буквы текстовое поле существенно повреждено. Учитывая стандартную ширину букв в тексте — 22 мм, в этом промежутке находилось не более двух букв. После которых следует фрагмент буквы на одной стойке и («т») и завершающая слово буква «а» (две вертикальные стойки). Слово восстанавливается как «март». После него, исходя из логики текста, следует буквенное обозначение даты окончания строительства башни.

Таким образом, обе опубликованные прежде версии расшифровки не отражают в полной мере реальный текст плиты. Создается впечатление, что исследователи просто не обладали достаточным количеством времени для полной расшифровки надписи. Тем не менее, была выполнена основная работа по датированию плиты и идентификации имени собственного. Общее содержание лишь дополнено результатами нынешнего анализа текста.

Исторический контекст строительства башни №3 во внешней линии стен Военного двора сравним с двумя другими случаями, рассмотренными выше. К очередному этапу усиления обороноспособности крепости вынудила военная угроза со стороны османов. Как и в 1440 г., а также 1484 г., строительные работы разворачиваются буквально за считанные месяцы до ожидаемого нападения на город.

Так, башня №3 была закончена 31 марта 1454 г., а уже во второй половине июня к крепости подошла эскадра турецкого капитана Темир-Кая. Попытка атаковать город с моря не имела успеха (Мыц 2009: 237—138).

В обороне города лично принимал участие молдавский господарь Александр II (Быря, Руссев 1999: 194). Господарю в тот год было

всего 16 лет (Бистрицкая летопись 1976: 25). Поэтому совсем не удивительно, что фигурантом сооружения башни № 3 (и, возможно, других, не сохранившихся укреплений Белгорода) выступает столь опытный руководитель, как пан Станчул.

Правда, трудно сказать, действительно ли он был в этот период пыркалабом крепости. В грамотах словом «пан» писцы предваряли имена титулованных особ при боярском совете, и добавляли название должности, если таковая была. Похоже, подобной канцелярской формы придерживались и резчики белгородских плит. Так, достоверно известно, что Херман в 1484 г. пыркалабом уже не являлся. Видимо, поэтому он обозначен в закладной плите с Килийских ворот как «пан». А в 1480 г. он еще занимал эту должность, о чем резчик не преминул сообщить в тексте плиты, подаренной Н. Е. Афанасьевым. То же касается «пыркалаба» Думы и, по всей видимости, «пана» Станчула.

Имя Станчула впервые фигурирует в контексте должности пыркалаба в молдавской грамоте от 5 октября 1448 г. Правда, не ясно, какой из крепостей Молдавии (DRH 1975: 411). После этого в грамоте от 26 мая 1449 г. пыркалабом Белгорода отмечен пан Петр, брат пана Кости (DRH 1976: 3).

Как «пыркалаб Белгорода» Станчул впервые упомянут в грамоте от 23 января 1453 г. (DRH 1976: 34), на что указывал еще И. Богдан (Bogdan 1908: 329). Но это разовое упоминание, и составители сборника документов DRH склонны трактовать сообщение как ошибку писаря, ссылаясь на то, что пыркалабом Белгорода в данное время является пан Костя. Впрочем, Костя в данный момент мог быть и отстранен от должности, т. к. в последующих грамотах он некоторое время упоминается просто как «пан». Как бы там ни было, но в должности пыркалаба Костя снова упоминается лишь в грамоте от 8 февраля 1453 г. (DRH 1976: 36).

Уже 12 июня 1453 г. пыркалабом отмечен пан Петр. В этой грамоте также упомянут и Станчул, но вообще без регалий (DRH 1976: 42—43). Петр, похоже, получил должность пыркалаба после своего брата: имя Кости в этой грамоте уже не упоминается. В грамоте от 20 июня 1453 г. в должности пыркалаба снова упоминается Петр. Правда, по-прежнему не уточняется: Белгорода ли. Имя Станчула в этой грамоте снова приведено без обозначения должности (DRH 1976: 44—45).

В грамоте от 1 января 1454 г., за три месяца до возведения башни № 3, Станчул упоминается снова, но без регалий, а Петр — как пыркалаб (но без названия крепости). Следующая грамота в списке датирована уже 25 августа 1454 г., после того, как осада Темир-Кая была снята. В данной грамоте отсутствуют имена Станчула и Петра пыркалаба, что связано, очевидно, со сменой власти (после Александра приходит воевода Петр).

Впоследствии пыркалаб Петр и пан Станчул еще будут фигурировать в грамотах от 8 февраля, 20 августа, 12 декабря 1455 г. (DRH 1976: 63, 75, 77).

И лишь в грамоте от 11 сентября 1467 г. появляется «**Станчоул Белгородский**» (DRH 1976: 215). В грамоте от 28 июля 1468 г. он уже упоминается «как пыркалаб Белгородский» (DRH 1976: 221). Пан «Станчул пыркалаб» правит в Белгороде совместно со Збирей до 1470 г. В документе от 18 июля впервые вместо него появляется пан Белко (DRH 1976: 252).

Таким образом, в период с октября 1449 г. по январь 1454 г. в Белгороде на должности пыркалаба находится пан Петр, брат Кости. Возможно, он остается пыркалабом до августа 1454 г., до нападения на город турецкой эскадры. В пользу этого предположения говорит тот факт, что имя Петра неожиданно появляется в одной из первых грамот периода правления Стефана III, от 8 сентября 1457 г., где он указан как соправитель Влайку: «вера пана Петра, пыркалаба, вера пана Влайкула, пыркалабов Белоградских» (DRH 1976: 94—95).

Это косвенно указывает на то, что Станчул не являлся пыркалабом Белгорода в марте 1454 г. Зато его имя фигурирует в грамотах на протяжении более чем 22 лет и, периодически, в связи с Белгородом. По всей видимости, авторитет и влияние этого человека в городе на Днестре были достаточно велики, чтобы осуществить подобную строительную инициативу в момент возникшей опасности.

Выводы

Из четырех рассмотренных плит белгородской коллекции из лапидария ХОКМ уверенно соотносятся со стенами крепости и могут быть использованы для уточнения хронологии оборонного комплекса только три. Одна плита не имеет отношения к фортификационным сооружениям.

Текст плиты 1440 г. ясно указывает на автономное положение Белгорода в составе Молдавского государства уже в период правления Стефана II. Южная линия стен в пределах нынешнего Военного двора была выстроена (или реконструирована) к 3 ноября 1440 г. в преддверии ожидаемого татарского набега на город.

Плита 1454 г. связана с башней №3 Военного двора. Следует признать правильность датировки, определенной А. А. Кочубинским, а также варианта прочтения И. Богданом имени пана Станчула. В тексте подчеркивается роль последнего в возведении данного объекта. Причиной данного строительного периода стало ожидаемое нападение на город турецкой эскадры Темир-Кая (июнь 1454 г.).

Мраморная плита 1480 г., переданная Одесскому обществу истории и древностей Н. Е. Афанасьевым, принадлежала, скорее всего, молдавскому храму XV в. св. Иоанна Предтечи в Белгороде-Днестровском (т.н. «Греческому») и была установлена на его стенах в честь окончания постройки.

Плита, соотносимая с Главными (Килийскими) воротами, датируется 1484 г., а не 1476 г., как предполагалось ранее. Новая дата не только заставляет откорректировать устоявшиеся представления о хронологии оборонного комплекса в периметре Гражданского

двора, но и ясно указывает на причину реконструкции Килийских ворот — это ожидаемая осада войсками Баязида II. По всей видимости, строительные работы разворачивались в апреле-июле 1484 г.

Таким образом, в нашем распоряжении нет прямых указаний эпиграфических источников на причастность Стефана Великого к формированию границ крепости в пределах Гражданского двора (в период с 1476 по 1479 гг.), как считалось ранее. Примерно до второй половины 1450-х гг. оборонный комплекс существовал в пределах стен нынешнего Военного двора (Красножон 2012: 350—351), маркированных тремя памятными плитами: 1440, 1452 и 1454 гг.

С реализацией проекта масштабного расширения крепости на юг (после 1454 г.), прежняя линия обороны — с разделительной стеной и башней №26, превращается во внутреннюю, сформировав тем самым Военный, или «Малый» крепостной двор (по отношению к новому «Большому», Гражданскому).

Дальнейшее изучение коллекции белгородских плит XV в. в совокупности с материалами исследований самой крепости, а также письменными источниками Молдавского государства, несомненно, даст науке еще немало замечательных открытий.

Литература

- Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы (XIV—XVIII вв.)*. Симферополь: Сонат.
- Батюшков П. Н. 1892. *Бессарабия. Историческое описание*. Санкт-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза».
- Бессарабия 1903: Крушеван А. П. (ред.). 1903. *Бессарабия. Географический, исторический, статистический справочный сборник*. Москва: Тип. А. В. Васильева.
- Бистрицкая летопись. 1976. В: Грекул Ф. А. (отв. ред.). *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* Москва: Наука, 24—34.
- Бруяко И. В., Сапожников И. В. 2000. Белгород-Днестровская крепость как памятник военно-инженерного искусства (основные этапы истории конца XIV — начала XV вв.). *Stratum plus* (5), 443—451.
- Бырня П. П. 1984. *Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.)*. Кишинев: Штиинца.
- Бырня П. П. 1997. Из истории молдавского Белгорода — Четатя Албэ. *Аккерманские древности* (1), 107—126.
- Бырня П. П., Руссев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии. Историко-нумизматические очерки. *Stratum plus* (6), 176—262.
- Власова Е. В. 1999. И. К. Суручан и его музей. *Stratum plus* (6), 362—368.
- Войцеховский В. А. 1969. Этапы строительства крепости в Белгород-Днестровском. В: *Материалы научно-технической конференции Кишиневского политехнического института*. Кишинев, 341.
- Войцеховский В. А. 1972. Строительные надписи на стенах крепости в Белгород-Днестровском. В: Гросул Я. С. (отв. ред.). *Юго-Восточная Европа в средние века*. Кишинев: Штиинца, 371—374.
- Гаяк И. Я. 2012. *Иллюстрированная энциклопедия армянской культуры в Украине*. Т. 1. Львов: Афиша.
- ДРС 1958а: Дворецкий И. Х. (ред.). *Древнегреческо-русский словарь*. 1958. Т. 1. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- ДРС 1958b: Дворецкий И. Х. (ред.). *Древнегреческо-русский словарь*. 1958. Т. 2. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Европейские имена: *Европейские имена: значение и происхождение*. URL: <http://kurufin.ru>. Дата обращения 14.10.13 г.
- Жосану В. 2005—2009. «Constantino et Petro vayvoda». Заметки для постановки вопроса в новом ключе. *Stratum plus* (5), 239—543.
- Ионеску Г. 1966. Архитектура Молдавии и Валахии. *Всемирная история архитектуры (средние века)*. Т. 3. Ленинград; Москва: Стройиздат, 465—500.
- Кантакузино Г. И. 2000. Церковь-мавзолей XV века: строение Стефана Великого из Рэзбоень. *Stratum plus* (5), 436—442.

- Каштанов С. М. 2012. *Исследование о молдавской грамоте XV века*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского.
- Кетрару Н. А. 2011. Иван Касианович Суручан: первый молдавский археолог и его музей. *Stratum plus* (6), 17—26.
- Климишин И. А. 1985. *Календарь и хронология*. Москва: Наука.
- Кочубинский А. А. 1889. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. *ЗООИД* 15, 506—547.
- Кочубинский А. А. 1901. Тира-Белгород-Аkkerман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.). *ЗООИД* 23, 79—178.
- Красножон А. В. 2012. *Крепость Белгород (Аkkerман) на Днестре: история строительства*. Кишинев: Stratum Plus P.P.
- Красножон А. В. 2013. О находке некогда утерянных строительных плит XV в. из крепости Белгорода. *Tyragetia (istorie, muzeologie)* VII (2), 81—88.
- Лаврентий из Бржезовой. 1962. *Гуситская хроника*. Москва: АН СССР.
- Латышев В. В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
- Мурзакевич Н. Н. 1848. Аккерманские греческие надписи. *ЗООИД* 2, 480—483.
- Мыц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- ОВИМК 1987: Драгнев Д. М. (отв. ред.). 1987. *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX вв.)*. Кишинев: Штиинца.
- ПГАУ 1985: *Памятники градостроительства и архитектуры УССР*. 1985. Т. 3. Киев: Будівельник.
- Путнянская летопись. 1976. В: Грекул Ф. А. (отв. ред.). *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* Москва: Наука, 68—74.
- Репников Н. 1912. Несколько слов о развалинах Аккерманской крепости. В: Веселовский Н. И. (отв. ред.). *Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества* (2), 59—87.
- Руссев Н. Д., Кроитор Ж. Б., Лазо Ю. В. 2003. Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы). *Stratum plus* (6), 19—62.
- Соболевский А. И. 1908. *Славяно-русская палеография*. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
- Тораманян А. Х. 1972. К вопросу об армяно-молдавских архитектурных связях (XIV—XIX вв.). *Историко-филологический журнал* (2), 193—212.
- Уваров А. С. 1853. *Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря II*. Санкт-Петербург.
- Уваров А. С. 1856. *Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря II*. Санкт-Петербург.
- Черепнин Л. В. 1944. *Русская хронология*. Москва: 1-я тип. Трансжелдориздата НКПС.
- Шлапак М. Е. 2001. *Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества)*. Кишинев: ARC.
- Шлапак М. Е. 2000. Самая загадочная надпись Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (6), 260—265.
- Шлапак М. Е. 2003—2004. По следам молдавского пыркэлаба. *Stratum plus* (6), 473—478.
- Avakian Gr. 1924. Cetatea Albă. Cum se distruge un monument istoric. *Cronica Numismatică și Arheologică* IV, 3—7.
- Bogdan I. 1901. Inscriptia de la 1484 de pe poarta cea mare a Cetății Albe. *Convorbiri literare* XXXV (3), 247—253.
- Bogdan I. 1908. Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. *AARMSI* 30, 311—360.
- Campenhausen P. B. 2001. Despre cele văzute și auzite în Moldova. *Călători străini în Țările Române* X (2). București: Editura Academiei Române, 863—890.
- Dzieduszycki V. 1930. Călătorie pentru cercetarea navigației pe Nistru în anul 1785. *Călători poloni în Țările Române*. București: Editura Cultura națională, 701—703.
- DRH 1975: *Documenta Romaniae Historica*. 1975. A. Moldova. Vol. I (1384—1448). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- DRH 1976: *Documenta Romaniae Historica*. 1976. A. Moldova. Vol. II (1449—1486). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Dogaru M. 1994. *Din heraldica României*. București: Editura JIF.
- Iorga N. 1899. *Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe*. București: Editura Academiei.
- Josanu V. 2003. Erreurs de déchiffrement dans une inscription de Cetatea Albă. *Strabon* I (2), juillet-décembre. Iași: Ed. Performantica, 32—33.
- Josanu V. 2009. *Din nou despre piatra de mormânt de la Cetatea Albă din 1440*. URL: <http://www.medievistica.ro/texte/istorie/cercetarea/Josanu/InscriptiaAlbaJosanu.htm>. Дата обращения 07.10.2013 г.
- Kraszewski I. I. 1930. Descrierea Cetății Albe. *Călători poloni în Țările Române*. 1930. București: Editura Cultura națională, 245—251.
- Nesterov T. 2010. Arhitectura ecleziastică din Chilia și Cetatea Albă. *Revaluări de datare și interpretare*. Chișinău: Arta, 22—33.
- Nicorescu P. 1937. *Monete moldovenești bătute la Cetatea Albă*. Iași: Tipografia „Presa bună”.
- Pipidi A. 1998. Din nou despre inscripțiile de la Cetatea Albă. *In Honorem Paul Cernovodeanu* 5. București: Editura Kriterion.
- Pipidi A. 2005. Ce mai ni-e dat să citim. *Studii și materiale de istorie medie* 23, 307—309.
- Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.
- Șlapac M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea — mijlocul secolului al XVI-lea)*. Chișinău: ARC.
- Tanoviceanu I. 1901. Data rezidirii Cetății Albe. *Convorbiri literare* XXXV, 462—469.

References

- Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffi (XIV—XVIII vv.) (Ornamental stone carving from Kaffa (14th—18th centuries))*. Simferopol: Sonat (in Russian).
- Batyushkov, P. N. 1892. *Bessarabiia. Istoricheskoe opisanie (Bessarabia. A historical description)*. Saint Petersburg: Tipografiai Tovarishchestva «Obshchestvennaia pol'za» (in Russian).
- Bessarabiia. *Geograficheskii, istoricheskii, statisticheskii spravochnyi sbornik (Bessarabia. A geographical, historical, statistical informational bulletin)*. 1903. Moscow: Tipografia A. V. Vasil'eva (in Russian).

- Bistritskaia letopis' (Bistrița chronicle). 1976. In *Slaviano-moldavskie letopisi XV—XVI vv. (The Slavic-Moldavian chronicles of the 15th—16th centuries)*. Moscow: Nauka, 24—34 (in Russian).
- Bruyako, I. V., Sapozhnikov I. V. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 443—451 (in Russian).
- Bârnea, P. P. 1984. *Moldavskii srednevekovyi gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (XV — nachalo XVI v.) (Moldavian medieval town in the Dniester-Prut interfluvium (15th — early 16th century))*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Bîrnea, P. P. 1997. In *Akkermanskii drevnosti (Akkerman antiquities)* (1), 107—126 (in Russian).
- Bîrnea, P. P., Russev, N. D. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 176—262 (in Russian).
- Vlasova, E. V. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 362—368 (in Russian).
- Voitsekhovskiy, V. A. 1969. In *Materialy nauchno-tekhnicheskoi konferentsii Kishinevskogo politekhnicheskogo instituta (Materials of the scientific-practical conference of the Kishinev polytechnical institute)*. Kishinev, 341 (in Russian).
- Voitsekhovskiy, V. A. 1972. In *Jugo-Vostochnaia Evropa v srednie veka (South-Eastern Europe in Middle Ages)*. Kishinev: Shtiintsa, 371—374 (in Russian).
- Gayuk, I. Ya. 2012. *Illustrirovannaya entsiklopediya armianskoi kul'tury v Ukraine (Illustrated encyclopedia of the Armenian culture in Ukraine)* 1. Lvov: Afisha (in Russian).
- Drevnegrechesko-russkii slovar' (Ancient Greek-Russian dictionary)*. 1958. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei (in Russian).
- Drevnegrechesko-russkii slovar' (Ancient Greek-Russian dictionary)*. 1958. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei (in Russian).
- Evropeiskie imena: Evropeiskie imena: znachenie i proiskhozhdenie (European names: meaning and origin). URL: <http://kurufin.ru>. Date of access 14.10.2013 (in Russian).
- Josanu, V. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 239—543 (in Russian).
- Ionescu, G. 1966. In *Vsemirnaia istoriia arkhitektury (srednie veka) (History of World Architecture (Middle Ages))*. Vol. 3. Leningrad; Moscow: Stroiizdat, 465—500 (in Russian).
- Kantakuzino, G. I. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 436—442 (in Russian).
- Kashtanov, S. M. 2012. *Issledovanie o moldavskoi gramote XV veka (A study of Moldavian muniment in 15th century)*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo (in Russian).
- Chetranu, N. A. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 17—26 (in Russian).
- Klimishin, I. A. 1985. *Kalendar' i khronologiya (Calendar and chronology)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kochubinsky, A. A. 1889. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 15, 506—547 (in Russian).
- Kochubinsky, A. A. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 23, 79—178 (in Russian).
- Krasnozhon, A. V. 2012. *Krepost' Belgorod (Akkerman) na Dnestre: istoriia stroitel'stva (Belgorod (Akkerman) Fortress on the Dniester. Construction History)*. Kishinev: Stratum Plus (in Russian).
- Krasnozhon, A. V. 2013. In *Tyragetia (istorie, muzeologie)* VII (2), 81—88 (in Russian).
- Lorenz of Brösau. 1962. *Gusitskaia khronika (Hussite chronicle)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Latyshev, V. V. 1896. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii (A collection of Greek inscriptions from Christian times found in Southern Russia)*. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk (in Russian).
- Murzakevich, N. N. 1848. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 2, 480—483 (in Russian).
- Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and conflicts)*. Simferopol: Universum (in Russian).
- Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo kniazhestva (posledniia tret' XIV — nachalo XIX vv.) (Essays on the external political history of the Moldavian state (last quarter of 14th — beginning of 19th century))*. 1987. Kishinev: Shtiintsa.
- Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury USSR (Monuments of town-construction and architecture from USSR)*. 1985. Vol. 3. Kiev: Budivel'nik (in Russian).
- Putnianskaia letopis' (Putna chronicle). 1976. In *Slaviano-moldavskie letopisi XV—XVI vv. (The Slavic-Moldavian chronicles of the 15th—16th centuries)*. Moscow: Nauka, 68—74 (in Russian).
- Repnikov, N. 1912. In *Zapiski razziada voennoi arkheologii i arkheografii imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva (Reports of the department for military archaeology and archaeography of the Imperial Russian Military and Historical Society)* (2), 59—87 (in Russian).
- Russev, N. D., Croitor, J. B., Lazo, Iu. V. 2003. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 19—62 (in Russian).
- Sobolevskiy, A. I. 1908. *Slaviano-russkaia paleografiia (Slavic-Russian paleogeography)*. Saint Petersburg: Sinodal'naia tipografiia (in Russian).
- Toramanyan, A. Kh. 1972. In *Istoriko-filologicheskii zhurnal (Historical-philological journal)* (2), 193—212 (in Russian).
- Uvarov, A. S. 1853. *Sobranie kart i risunkov k issledovaniyam o drevnostiakh Iuzhnoi Rossii i beregov Chernogo moria (A collection of maps and drawings for the study of antiquities of Southern Russia and Black Sea shores)* II. Saint Petersburg (in Russian).
- Uvarov, A. S. 1856. *Issledovaniia o drevnostiakh Iuzhnoi Rossii i beregov Chernogo moria (Study of antiquities of Southern Russia and Black Sea shores)* II. Saint Petersburg (in Russian).
- Cherepnin, L. V. 1944. *Russkaia khronologiya (Russian chronology)*. Moscow: 1-ia tipografiia Transzheldorizdata NKPS (in Russian).

- Șlapac, M. E. 2001. *Belgorod-Dnestrovskaya krepost' (issledovanie srednevekovogo oboronnogo zodchestva (Belgorod-Dnestrovsk fortress. Study on the Medieval defensive construction works))*. Kishinev: ARS (in Russian).
- Șlapac, M. E. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 260—265 (in Russian).
- Șlapac, M. E. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 473—478.
- Avakian, Gr. 1924. Cetatea Albă. Cum se distruge un monument istoric. *Cronica Numismatică și Arheologică* IV, 3—7.
- Bogdan, I. 1901. Inscriptia de la 1484 de pe poarta cea mare a Cetății Albe. *Convorbiri literare* XXXV (3), 247—253.
- Bogdan, I. 1908. Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpânirea Moldovei asupra ei. *AARMSI* 30, 311—360.
- Campanhausen, P.B. 2001. Despre cele văzute și auzite în Moldova. *Călători străini în Țările Române* X (2). București: Editura Academiei Române, 863—890.
- Dzieduszycki, V. 1930. Călătorie pentru cercetarea navigației pe Nistru în anul 1785. *Călători poloni în Țările Române*. București: Editura Cultura națională, 701—703.
- DRH 1975: *Documenta Romaniae Historica*. 1975. A. Moldova. Vol. I (1384—1448). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- DRH 1976: *Documenta Romaniae Historica*. 1976. A. Moldova. Vol. II (1449—1486). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Dogaru, M. 1994. *Din heraldica României*. București: Editura JIF.
- Iorga, N. 1899. *Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe*. București: Editura Academiei.
- Josanu, V. 2003. Erreurs de déchiffrement dans une inscription de Cetatea Albă. *Strabon* I (2), juillet-décembre. Iași: Ed. Performantica, 32—33.
- Josanu, V. 2009. *Din nou despre piatra de mormânt de la Cetatea Albă din 1440*. URL: <http://www.medievistica.ro/texte/istorie/cercetarea/Josanu/InscriptiaAlbaJosanu.htm>. Date of access 07.10.2013.
- Kraszewski, I.I. 1930. Descrierea Cetății Albe. *Călători poloni în Țările Române*. 1930. București: Editura Cultura națională, 245—251.
- Nesterov, T. 2010. Arhitectura ecleziastică din Chilia și Cetatea Albă. *Revaluări de date și interpretare*. Chișinău: Arta, 22—33.
- Nicorescu, P. 1937. *Monete moldovenești bătute la Cetatea Albă*. Iași: Tipografia „Presa bună”.
- Pipidi, A. 1998. Din nou despre inscripțiile de la Cetatea Albă. In *Honorem Paul Cernovodeanu* 5. București: Editura Kriterion.
- Pipidi, A. 2005. Ce mai ni-e dat să citim. *Studii și materiale de istorie medie* 23, 307—309.
- Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.
- Șlapac, M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea — mijlocul secolului al XVI-lea)*. Chișinău: ARC.
- Tanoviceanu, I. 1901. Data rezidirii Cetății Albe. *Convorbiri literare* XXXV, 462—469.

Статья поступила в номер 26 марта 2013 г.

Andrew Krasnozhan (Odessa, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. K. D. Ushinsky South Ukraine National Pedagogical University¹.

Andrew Krasnozhan (Odesa, Ucraina). Candidat în științe istorice. Universitatea pedagogică națională din Ucraina de Sud „K. D. Ușinski”.

Красножон Андрей Васильевич (Одесса, Украина). Кандидат исторических наук. Южноукраинский национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

E-mail: ahmar@mail.ru

Address: ¹ Staroportofrankovskaya St., 26, Odessa, 65000, Ukraine

В. П. Кирилко

Герб молдавского господаря Александрела

Keywords: Belgorod-Dnestrovsk fortress, 15th century, Moldavian ruler Alexăndrel, heraldry, monogram, coat of arms.

Cuvinte cheie: cetatea de la Belgorod-Dnestrovsk, sec. XV, domnitorul moldovean Alexăndrel, heraldică, monogramă, blazon.

Ключевые слова: Белгород-Днестровская крепость, XV в., молдавский господарь Александрел, геральдика, монограмма, герб.

V. P. Kirilko

The Coat of Arms of the Moldavian ruler Alexăndrel

The representations on shields from the surface of the slabs with construction inscriptions from 1452 and 1454, found in the fortress of Belgorod-Dnestrovsk (Asprokastron, Monkastro, Cetatea Albă, Akkerman), are the monogram of the Moldavian ruler Alexandru II, known also as Alexăndrel and Olechno. The schematical drawing of the first of these slabs, made in 1819, as well as relatively well preserved fragments of the relief and characteristic shape of the shears of the completely lost parts of the second one allow the author to state that the heraldic field bears the combination of two letters, arranged vertically — first letter is „A” and the second, partially covered by the border of the shield, is „L”. The roots of the monogram itself are not very evident, but it is very possible that the monogram is of Crimean origin. At the least, such heraldic signs are quite characteristic regalia for the Theodoro princes, who could have been in friendly relationship with the Moldavian rulers already in the second half of the 1430s. It is assumed that this coat of arms and the coins of Alexăndrel with Slavic legend were worked by one craftsman.

V. P. Kirilko

Blazonul domnitorului moldovean Alexăndrel

Reprezentarea de pe scutul, plasat pe stelele cu inscripții de construcție din anii 1452 și 1454, descoperite în cetatea de la Belgorod-Dnestrovsk (Asprokastron, Monkastro, Cetatea Albă, Akkerman), prezintă monograma domnitorului Moldovei Alexandru al II-lea, cunoscut de asemenea sub numele de Alexăndrel și Olechno. Desenul schematic al uneia dintre aceste stele, realizat în 1819, precum și fragmentele relativ bine păstrate ale reliefului și formele caracteristice ale locurilor de spargere ale porțiunilor lipsă de pe ce-a de a doua stelă, permit autorului să afirme prezența unei combinații din două litere pe câmpul heraldic — prima dintre ele fiind „A”, iar cea de-a doua, amplasată deasupra primeia și parțial acoperită de bordura scutului, ar fi fost „L”. Originea monogramei nu poate fi stabilită cu exactitate, însă se poate presupune, că ea putea proveni din Crimeea. Cel puțin, semne heraldice similare erau destul de caracteristice pentru regaliile principilor Theodoro, cu care domnitorii moldoveni ar fi putut stabili relații prietenoase deja în a doua jumătate a anilor 30 ai sec. XV. Se presupune, că acest blazon și monedele lui Alexăndrel cu legenda în slavonă au fost executate de unul și același meșter.

В. П. Кирилко

Герб молдавского господаря Александрела

Изображение на щите, которым отмечены плиты со строительными надписями 1452 и 1454 гг. из Белгород-Днестровской крепости (Аспрокастрон, Монкастро, Четатя Албэ, Аккерман), является монограммой имени молдавского господаря Александра II, известного также как Александрел и Олехно. Схематичный рисунок первой из них, датированный 1819 г., а также относительно неплохо сохранившиеся фрагменты рельефа и характерные формы сколов полностью утраченных участков второй дают основание утверждать, что на гербовом поле помещена комбинация из двух расположенных по вертикали букв: спереди — «А», а над ней и, поскольку перекрыта рамкой щита, сзади — «Л». Истоки происхождения самой монограммы не ясны, но оно вполне могло иметь крымские корни. По крайней мере, подобные геральдические знаки являются достаточно характерными регалиями для правителей Феодоро, дружественные отношения с которыми молдавскими господарями могли быть установлены уже во второй половине 30-х годов XV в. Предполагается, что данный герб и монеты Александрела со славянской легендой разработаны одним и тем же мастером.

Второе правление молдавского господаря Александра II (23 марта — 12 октября 1449 г., февраль 1452 г. — август 1454 г., 8 февраля — 25 мая 1455 г.), известного также как Александрел и Олехно, ознаменовалось оче-

редной реконструкцией оборонительных сооружений Белгород-Днестровской крепости (Аспрокастрон, Монкастро, Четатя Албэ, Аккерман). Достоверному определению поддаются два здания этого времени, возведение

которых было отмечено установкой строительных надписей (Красножон 2012: 46—47, 235—240, 242—255, 266, 350).

Закладная мемориальная плита одного из них, башни №3, некогда находилась с напольной стороны строения на уровне второго яруса. В 1898 г. она была обнаружена В. И. Штулкерцем *in situ*, извлечена и передана в музей ООИД для изучения. В научный оборот введены фотография и детальное описание артефакта, а также перевод и интерпретация текста (Кочубинский 1901: 152—174). Плита имеет прямоугольную, почти квадратную, форму (рис. 1). Её размеры: высота — 38 см, ширина — 48 см, толщина — 19 см. Резьба плоская с выемчатым фоном. В верхней части лицевой грани, занимавшей две трети поверхности, расположена надпись в четыре строки на старославянском языке, которая сообщает: «Свершися сий мур/и оружен был от пана/Станчула в лето/6962 месяца марта 31» (Кочубинский 1901: 152—174; Bogdan 1908: 327; Шлапак 2001: 46). Непосредственно под ней, посередине, находится рельеф в виде щита, обычно определяемый как герб Молдавии (Кочубинский 1901: 153, 173—174; Шлапак 2001: 175, рис. 110) или гербовое изображение Молдавского княжества (Красножон 2012: 47). Более того, первый исследователь артефакта счёл возможным допустить, что на поврежденном участке прежде была именно «голова быка со звездой меж рог» (Кочубинский 1901: 174).

Другая плита принадлежала башне №26, украшала центральную часть переднего фасада здания, а её вид сейчас известен исключительно благодаря чертежу, выполненному русскими военными в 1819 г. К настоящему времени опубликованы схематичное изображение артефакта, рисунок Карло Боссоли, запечатлевшего в 1838 г. процесс изучения находки *in situ*, а также несколько (по меньшей мере, десять) вариантов перевода и интерпретации текста разными специалистами (Шлапак 2000: 260—265; 2001: рис. 11: б; 113).

Форма плиты прямоугольная (рис. 2). Её реконструируемые размеры: высота — 51 см, ширина — 62 см, толщина — неизвестна. В верхней половине лицевой грани помещено два герба, между которыми имелись знаки, обычно трактуемые исследователями как остатки орнаментов или аббревиатур. Надпись занимает нижнюю часть плоскости. Она двустрочная, на греческом языке. Среди множества попыток выяснить её содержание относительно удачной является версия расшифровки текста, предложенная М. Е. Шлапак, которая посвятила дан-

Рис. 1. Плита с надписью 1454 г. из Белгород-Днестровской крепости (фото А. В. Красножона).

Fig. 1. Stone slab with an inscription from 1454 found in the fortress of Belgorod-Dnestrovsk (photo by A. V. Krasnozhon).

ному источнику специальное исследование: «Окончена Божья (богохраняемая) стена (постройка). Приди, о Иисусе Христе, на помощь строителю Стану (Станчулу) (?), год 6960 (= 1452 г.)» (Шлапак 2000: 265). Ею же дана и характеристика гербам: «Первый включал изображение направленного вверх острого угла и спрятанного в нем равнобедренного треугольника. Похоже, что тут был пересеченный треугольный щит, в верхнем поле которого находилось стропило — геральдический элемент, распространенный в средневековье во Франции, Англии, Германии и Италии. Восстановление элементов второго щита сегодня не представляется возможным» (Шлапак 2000: 260). Одновременно с этим, она довольно скептически отнеслась к выводу своего предшественника — А. Пиппиди, оценив предпринятое тем детальное описание молдавского герба, «увиденного им в пустом верхнем углу доски», как признак богатого воображения (Шлапак 2000: 263). Надо полагать, зря, ибо подобное комбинирование геральдических символов наглядно демонстрирует пример ещё одной местной, датированной 1479 г., надписи (Кочубинский 1889: табл. III; Красножон 2012: рис. 18: д), а специфическая конфигурация уцелевшего фрагмента абриса даёт основание видеть здесь именно изображение головы быка, причём некоторые из не совсем понятных, и до сих пор будоражащих фантазию отдельных исследователей, знаков между гер-

Рис. 2. Плита с надписью 1452 г. из Белгород-Днестровской крепости (по Шлапак 2000: рис. 1).

Fig. 2. Stone slab with an inscription from 1452 found in the fortress of Belgorod-Dnestrovsk (after Шлапак 2000: рис. 1).

бами, на самом деле могли быть неверно переданными художником неперенными атрибутами и частями молдавского герба — розеткой и ухом животного, в сочетании с орнаментом.

Для идентификации правого герба, на мой взгляд, важным является его тождество с гербом плиты 1454 г., которое выражается как в одинаковой форме щита, так и в полном подобии украшавших их фигур. Данное обстоятельство, как-то обойдённое вниманием исследователей, позволяет не только уверенно соотнести во времени оба эпиграфических источника, но также реконструировать содержание самих геральдических символов.

В значительной мере этому способствует неожиданное возвращение в научный оборот одной из упомянутых лапидарных находок, длительное время считавшейся утраченной. О своём существовании она напомнила весьма своеобразно, случайно оказавшись на современной фотографии плиты 1440 г. из Белгород-Днестровской крепости, при новой публикации которой два совершенно разных артефакта были соединены в одном изображении и ошибочно представлены как единый объект (Гаюк 2012: 150)¹.

Относительно неплохо сохранившиеся фрагменты рельефа и характерные формы сколов полностью утраченных участков дают основание утверждать, что внутри герба находится монограмма из двух, расположенных на одной вертикали, букв: спереди —

¹ Сердечно благодарю А.В. Красножона, обратившего моё внимание на данную публикацию, затем отыскавшего в фондах Херсонского краеведческого музея саму плиту и любезно предоставившего мне её фотографию для ознакомления и использования.

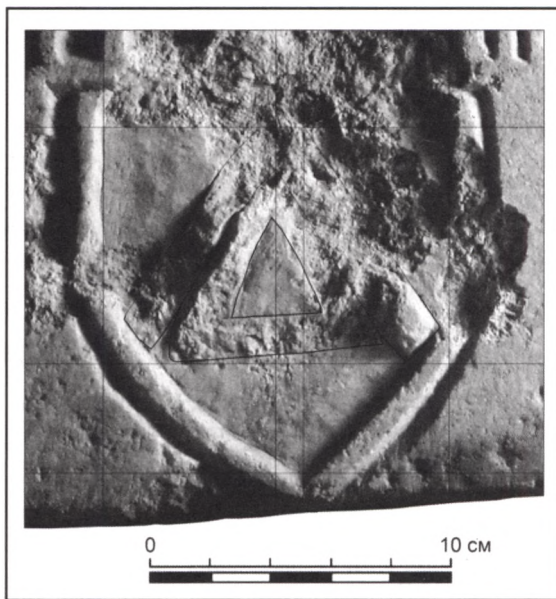

Рис. 3. Реконструкция герба на плите 1454 г. (прорисовка автора).

Fig. 3. Reconstruction of the coat of arms on the slab from 1454 (drawing by the author).

«Л», а над ней и, поскольку перекрыта рамкой щита, сзади — «Л» (рис. 3). Учитывая исторический контекст обеих плит, вероятнее всего, она принадлежала именно Александрелу, при котором появились отмеченные ими башни.

Косвенным подтверждением данному предположению является нумизматический материал — гроши воеводы второй эмиссионной серии, на которых впервые в истории монетной чеканки Молдавии (показательно, что подобное впервые происходит и в надписи на плите 1454 г.) появляется славянская легенда (Бырня, Руссев 1999: 194, рис. 20). При этом шрифт аверса сопоставим с начертанием букв на щите, позволяя считать, что изображения герба и монеты разработаны одним и тем же мастером.

Истоки происхождения самой монограммы не ясны, но оно вполне могло иметь крымские корни. По крайней мере, подобные геральдические знаки являются достаточно характерными регалиями для правителей Феодоро (Кирилко 1999: рис. 2), дружественные отношения с которыми молдавскими господарями могли быть установлены уже во второй половине 30-х годов XV в., если даже не ранее (Мыц 2009: 207).

В своё время мной уже высказывалось предположение об относительной синхронности и обеих надписей, и самих зданий, на что указывает использование на них одного и того же герба, который якобы был фамильным (Красножон 2012: 47, прим. 13).

Учитывая новые данные, прежде всего то, что изображение на щите представляет собой монограмму имени, видимо, необходимо считать его всё-таки частным — личным или персональным геральдическим знаком, так и не ставшим родовым, возможно, из-за отсутствия достойных наследников. В любом случае, независимо от статуса, он более легитимен, чем появившийся

недавно очевидный новодел — современный стяг с совершенно искусственным гербом воеводы Александра II, воссозданный и апробированный историческими реконструкторами на средневековом фестивале в Сучавской крепости (http://ro.wikipedia.org/wiki/Fi%C8%99ier:Alexandru_II_Voievod_-_blazon.JPG. Дата обращения 13 февраля 2013 г.).

Литература

- Быряня П. П., Руссев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки). *Stratum plus* (6), 176—262.
- Гаяук И. Я. 2012. *Иллюстрированная энциклопедия армянской культуры в Украине*. Т. 1. Львов: Афиша.
- Кирилко В. П. 1999. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт реконструкции. *Stratum plus* (6), 137—141.
- Кочубинский А. А. 1889. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. *ЗООИД* 15, 506—547.
- Кочубинский А. А. 1901. Тира (Тирас) Белгород-Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года. *ЗООИД* 23, 79—178.

- Красножон А. В. 2012. *Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре: история строительства*. Кишинев: Stratum Plus.
- Мыц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Шлапак М. Е. 2000. Самая загадочная надпись Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (6), 260—265.
- Шлапак М. Е. 2001. *Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодчества*. Кишинев: ARC.
- Bogdan I. 1908. Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. *AARMSI* 30. București, 311—360.

References

- Bârnea, P. P., Russev, N. D. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (6), 176—262 (in Russian).
- Gayuk, I. Ya. 2012. *Illiustrirovannaia entsiklopediia armianskoi kul'tury v Ukraine* (*Illustrated encyclopedy of the Armenian culture in Ukraine*). Vol. 1. Lvov: Afisha (in Russian).
- Kirilko, V. P. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (6), 137—141 (in Russian).
- Kochubinsky, A. A. 1889. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (*Writings of the Odessa Society for History and Antiquities*) 15, 506—547 (in Russian).
- Kochubinsky, A. A. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (*Writings of the Odessa Society for History and Antiquities*) 23, 79—178 (in Russian).

- Krasnozhon, A. V. 2012. *Krepost' Belgorod (Akkerman) na Dnestre: istoriia stroitel'stva* (*Belgorod (Akkerman) Fortress on the Dniester: construction history*). Kishinev: Stratum Plus (in Russian).
- Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* (*Kaffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and conflicts*). Simferopol: Universum (in Russian).
- Şlapac, M. E. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (6), 260—265 (in Russian).
- Şlapac, M. E. 2001. *Belgorod-Dnestrovskaiia krepost'.* *Issledovanie srednevekovogo oboronnoogo zodchestva* (*Belgorod-Dnestrovsk fortress. Study on the Medieval defensive construction works*). Kishinev: ARC (in Russian).
- Bogdan, I. 1908. Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. *AARMSI* 30. București, 311—360.

Статья поступила в номер 26 февраля 2013 г.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimeea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Кирилко Владимир Петрович (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Address: ¹ Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 95007, Ukraine

А. Г. Кузьмищев

Эпиграфика в трудах Э.Р. фон Штерна

Keywords: E. R. von Stern, northern Black Sea region, the end of 19th — early 20th century, classical period, epigraphy, historiography, history of archaeology, graffiti, amphorae stamps.

Cuvinte cheie: E. R. von Stern, spațiul nord pontic, sf. sec. 19 — înc. sec. 20, perioada clasică, epigrafie, istoriografie, istoria arheologiei, graffiti, ștampile pe amfore.

Ключевые слова: Э. Р. фон Штерн, Северное Причерноморье, конец XIX — начало XX вв., период античности, эпиграфика, историография, история археологии, граффити, амфорные клейма.

A. G. Kuzmischev

Epigraphics in the Works of E. R. von Stern

Ernst Romanovich von Stern, a prominent archaeologist of late 19th — early 20th century, was also known as a reputed epigraphist. It was him, who published the Olbian proxy and other inscriptions, Latin and Greek, which were preserved in the Museum of Society of History and Antiquities of Odessa. He published the inscriptions, found during the excavations in Olbia and Berezan, between them the consecrations to Achilles Pontarchus, and the inscriptions, made by religious communities of Panticapaeum and Theodosia. By publishing the graffiti and amphora stamps, E. R. von Stern was the first in the native classic scholarship, who attracted attention of contemporary erudites to the importance of these sources. This article reveals this aspect of his scientific activity, which until now has been little covered in historiography.

A. G. Kuzmischev

Epigrafica în lucrările lui E. R. von Stern

Ernst Romanovici von Stern, arheolog de la sf. sec. XIX — înc. sec. XX, a fost larg cunoscut inclusiv datorită studiilor sale epigrafice. El a publicat proxenia din Olbia, a introdus în circuitul științific inscripțiile antice în limbile greacă veche și latină, care se păstrau în muzeul Societății istoriei și antichităților din Odesa. De asemenea, el a editat mai multe monumente epigrafice, provenite din săpăturile din Olbia și Berezan — inclusiv dedicațiile lui Ahile Pontarhul — precum și inscripțiile, aparținând comunităților religioase din Panticapeu și Feodosia. Pe lângă acestea, E. R. von Stern se preocupa de studiul și publicarea graffiti și ștampilelor de pe amfore, fiind primul din specialiștii locali în antichitate, care a atras atenția comunității științifice asupra importanței acestor surse. Acest articol prezintă partea respectivă a activității lui științifice, care până acum a fost insuficient studiată în istoriografie.

А. Г. Кузьмищев

Эпиграфика в трудах Э.Р. фон Штерна

Эрнст Романович фон Штерн — археолог конца XIX — начала XX века — был широко известен также своими эпиграфическими исследованиями. Он опубликовал ольвийскую проксению, ввел в научный оборот античные надписи на древнегреческом и латинском языках, которые хранились в музее Одесского общества истории и древностей. Также он издал эпиграфические памятники, происходившие из раскопок Ольвии и Березани, в частности посвящения Ахиллу Понтарху и надписи религиозных сообществ из Пантикапея и Феодосии. Кроме того, Э. Р. фон Штерн занимался изучением и публикацией граффити и амфорных клейм, первым в отечественном антиковедении обратив внимание научной общественности на важность этих исторических источников. Данная статья раскрывает эту сторону его научной деятельности, которая до сих пор была мало освещена в историографии.

Среди исследователей классических древностей конца XIX — начала XX века Эрнст Романович фон Штерн был, как справедливо отмечено Э. Д. Фроловым, «одним из самых выдающихся ученых-классиков, чьи научные интересы простирались на все области античной истории — греческую, римскую и причерноморскую, а занятия отличались со-

четанием работы историка, археолога и искусствоведа» (Фролов 2001: 49).

Родился будущий ученый 25 июня 1859 г. в г. Зейерсгоф (Руйен) Вольмарского уезда Лифляндской губернии (Дложевский 1925: 100). Его отец — Роберт Николай Штерн (1811—1868) — закончил Дерптский университет, был арендатором нескольких име-

ний в Лифляндской губернии (Hausmann 1998: 310).

В 1877 году Э.Р. Штерн закончил с золотой медалью Дерптскую гимназию и с 1877 по 1880 гг. учился на Русском филологическом семинаре по классической филологии при Лейпцигском университете (Шестаков 1925: 147; 1926: 22). Главным наставником Э.Р. Штерна в Лейпциге был Юстус Герман Липсиус, у которого он прошел строгую филологическую школу, усовершенствовал свою языковую подготовку, приобрел к искусству критической интерпретации текстов (Фролов 2001: 34).

Затем в 1880—1883 гг. Э.Р. Штерн был прикомандирован к Дерптскому университету для подготовки к магистерскому званию (Избаш, Новікова 2005: 442). Там же он защитил две диссертации: магистерскую в 1883 г. (Stern 1883) и докторскую в 1884 г. (Stern 1884).

В конце 1884 г. Э.Р. Штерн был приглашен в Новороссийский университет на место приват-доцента по кафедре классической филологии. В 1886 году он назначается на должность сначала внештатного, а с 1888 года — штатного профессора Новороссийского университета и окончательно переезжает в Одессу (Ванчугов 2004: 7). С января 1893 г. Э.Р. Штерн исполняет должность секретаря историко-филологического факультета, а в сентябре 1905 г. становится его деканом (Избаш, Новікова 2005: 443).

В историографии, посвященной Э.Р. Штерну, чаще всего рассматривается его деятельность в области античной археологии. Широкой научной общественности Э.Р. Штерн как археолог более всего известен благодаря проведенным им в 1904—1909 и 1913 гг. планомерным археологическим раскопкам древнегреческого поселения на о. Березань (Кузьмищев 2012: 434). Ему принадлежит также приоритет начала археологических исследований в районе Аккерманской крепости (в 1900, 1903 и 1912 гг.), и впоследствии он предложил научно обоснованную локализацию в этом месте античной Тиры. Специалисты по энеолиту ценят Э.Р. Штерна как одного из видных ученых, стоявших у истоков исследования трипольских древностей, а именно, как первооткрывателя знаменитого поселения Петрены в тогдашней Бессарабии (раскопки 1902—1903 гг.) (Кузьмищев 2012а: 140). Также у Э.Р. Штерна были работы, посвященные исследованию материальной культуры городов Боспорского царства (Штерн 1906). Ему же принадлежит ряд обобщающих трудов по греческой колонизации Северного

Причерноморья и различным аспектам жизни основанных здесь полисов (Stern 1909; 1915).

Мы же остановимся на таком сравнительно малоизученном аспекте научной деятельности Э.Р. Штерна, как его эпиграфические исследования. Это особенно актуально, поскольку Э.Р. Штерн начинал свой путь в науке не как археолог, а именно как филолог-классик, переводчик и эпиграфист. По мнению А. Хойслера, Э.Р. Штерн только благодаря переезду в Одессу, помимо филолога-классика, стал и «чистым» историком (Хойслер 1996: 55). Далее, благодаря постоянным творческим контактам с одесской научной средой, в частности, с коллегами по Одесскому обществу истории и древностей, Э.Р. Штерн со временем становится не только историком, но и профессиональным археологом (Щеглов 1996: 56).

Первым, кто написал о научных достижениях Э.Р. Штерна, в том числе в сфере эпиграфики, был С.А. Жебелев. В 1901 году он посвятил ему отдельную статью, в которой говорилось, что Э.Р. Штерн занимает одно из первых мест по уровню своих исследований среди ученых, изучавших древности Северного Причерноморья (Жебелев 1901: 95). С.А. Жебелев не обошел вниманием и эпиграфические заслуги Э.Р. Штерна, отметив, что: «не мало потрудился Э.Р. фон Штерн и над изучением южнорусских эпиграфических памятников, публикуя, от времени до времени, вновь находимые в Черноморских колониях надписи, и сопровождая издание их необходимым комментарием» (Жебелев 1901: 104).

Эпиграфические исследования Э.Р. Штерна в историографии специально не рассматривались (за исключением статьи А.С. Русяевой 2004 г.), но они упоминались в контексте общего научного пути ученого. Так, по оценке Д.П. Шестакова, Э.Р. Штерн и в качестве историка-археолога не переставал использовать свою филологическую научную подготовку, которая оставалась прочным основанием для многих его последующих научных работ (Шестаков 1925: 148; 1926: 25—26).

А.С. Русяева первой подчеркнула важность исследования деятельности Э.Р. Штерна как эпиграфиста. Подробно рассматривая его работу, посвященную публикации светильника с граффити (которое Э.Р. Штерн перевел как «я служу как светильник и свечу богам и людям»), А.С. Русяева отметила, что Э.Р. Штерн впервые в отечественном антиковедении оценил важность такого научного источника, как граффити (Русяева 2004: 14).

Э.Р. Штерн уделял особенно много внимания северопричерноморской эпиграфике:

публиковал и исследовал надписи Ольвии, Херсонеса и Боспора, интересовался посвящениями Ахиллу Понтарху, надписями религиозных сообществ-фиасов (Фролов 2001: 44). Символично, что первая работа Э. Р. Штерна, посвященная исследованию северопричерноморских древностей, относилась именно к эпиграфике. Это была публикация ольвийской проксении, обнаруженной на мысе Аджигол (Штерн 1893: 1—10).

Проксения, высеченная на мраморе, была дарована Ахэмену сыну Ахэмена, боспорянину, от благодарных борисфенитов. Э. Р. Штерн датировал надпись первой половиной IV в. до н. э. и обратил внимание на несколько ее интересных особенностей. Во-первых, она была не лишена ошибок, которые заключались в пропуске букв. Э. Р. Штерн объяснил это тем, что резчику пришлось поместить в строках, где были выявлены пропуски, больше букв, чем в остальных. Во-вторых, здесь, впервые в эпиграфическом документе, жители города упоминаются как «борисфениты», а не «ольвиополиты». Это позволило Э. Р. Штерну окончательно опровергнуть распространенную в конце XIX века версию, что «ольвиополитами» называли эллинов — жителей Ольвии, а «борисфенитами» — скифов, проживающих по берегам Южного Буга, и подтвердить правоту В. В. Латышева, утверждавшего, что «борисфениты» и «ольвиополиты» — это названия жителей Ольвии и ее сельской округи, тождественные друг другу (Латышев 1887: 35; Штерн 1893: 6).

В 1894 г. выходит еще одна публикация Э. Р. Штерна, посвященная введению в научный оборот двух эпиграфических памятников, приобретенных для музея Одесского общества А. Л. Бертье-Делагардом и, по словам продавцов, происходивших из Ольвии. Э. Р. Штерн не только привел их перевод, но и дал очень обстоятельный исторический комментарий к тексту. В первой надписи говорилось о посвящении Зевсу Спасителю и Зевсу Царю «благодарственного дара» за окончание междоусобицы, а также о повторном строительстве башен, до этого пришедших в ветхость. Э. Р. Штерн датировал ее II—III вв. н. э. (Штерн 1894: 2). Вторая надпись была посвящена царю Сайтафарну и рассказывала о чествовании Протогена золотым венцом за то, что тот из личных средств уплатил девятьсот золотых упомянутому царю, и тем самым спас свое отечество (Штерн 1894: 18—19). Э. Р. Штерн сразу же обратил внимание на странную форму составления этого документа и отметил, что при первом прочтении надписи посчитал

ее поддельной. Далее Э. Р. Штерн приводит свои доводы в пользу того, что это подделка, но, перечислив их, приходит к выводу: «при более тщательном изучении декрета, я дошел до убеждения, что не следует решать вопрос о его подлинности по первому впечатлению. Несмотря на все вышеуказанные ошибки, странности и особенности нашего документа, при ближайшем его рассмотрении являются разные моменты, говорящие против предположения, что мы имеем дело с новейшей подделкой» (Штерн 1894: 22).

Но уже в дополнении к этой статье, которая вышла в том же самом томе Записок Одесского общества, Э. Р. Штерн признает: «*Dies diem docet!*», т. е. утро вечера мудренее. После доклада В. Н. Юревича о поддельной тирасской надписи Э. Р. Штерн пришел к выводу, что такой же подделкой может быть и «надпись о царе Сайтафарне», отметив, что вопрос о ее подлинности пока остается открытым (Штерн 1894: 30).

Впрочем, вопрос о поддельности обеих надписей разрешился довольно скоро. Уже в следующем томе Записок ООИД вышла статья В. В. Латышева, в которой он убедительно доказывал, что «вопрос об их подлинности может быть решен и в настоящее время, причем в смысле безусловно отрицательном. По моему мнению, они представляют собой лучшие произведения той фабрики поддельных надписей, которая возникла где-то на юге России несколько лет тому назад вследствие пробуждения более живого интереса к эпиграфическим документам греческих поселений...» (Латышев 1895: 2).

В ответной публикации, помещенной в том же томе ЗООИД, Э. Р. Штерн, полностью соглашается с тем, что вторая надпись является поддельной, но полемизирует с В. В. Латышевым в отношении первого эпиграфического документа (Штерн 1895: 65—86). Эта полемика не выходила за рамки научного спора. Точно так же в свое время и В. В. Латышев признал, что опубликовал поддельные надписи (в XV томе Записок ООИД), считая их подлинными (Штерн 1894: 29). Ученые того времени не боялись открыто признавать свои научные ошибки, прекрасно понимая, что от них не застрахован никто.

Следующая работа Э. Р. Штерна в области эпиграфики касалась такого источника, как граффити (Штерн 1897: 163—199). До него никто из ученых-античников, занимающихся проблемами северопричерноморской истории в античную эпоху не уделял этому источнику должного внимания, на что указывал и сам Э. Р. Штерн (Штерн 1897: 164).

Изучая коллекцию античных сосудов музея Одесского общества, исследователь обратил внимание на то, что на ножках некоторых из них имеются надписи, либо отдельные буквы древнегреческого алфавита. Преобладающая часть таких надписей, исследованных Э. Р. Штерном, происходила из Феодосии, Херсонеса, а также Ольвии и Березани.

Весь этот материал Э. Р. Штерн разделил на четыре основных категории: 1) граффити посвятивших; 2) граффити владельцев; 3) граффити торговцев; 4) граффити сомнительного значения. Э. Р. Штерн отмечал: «изучая переданный мне материал я поставил себе на первом месте вопрос, подходит ли он и насколько именно подходит под одну из этих трех главных категорий» (Штерн 1897: 167; Жебелев 1901: 100).

Первая группа — граффити посвятивших — была выделена на основании того, что «в числе прочих пожертвований богам, древними греками приносились в храм и разные изделия керамического промысла, снабженные надлежащими надписями» (Штерн 1897: 168; Жебелев 1901: 100). Благодаря их изучению Э. Р. Штерн смог получить информацию касательно распространения культов античных божеств в различных центрах Северного Причерноморья. Например, было еще раз подтверждено, что на о. Левка подношения делались Ахиллу Понтарху (Штерн 1897: 169—172).

Вторая группа — граффити владельцев — была сформирована на основании традиции древних греков подписывать своим именем принадлежавшие им керамические изделия, в первую очередь — парадную посуду: «для обозначения своих прав собственности на данный предмет или же из желания упрочить за собою исключительное пользование данным сосудом» (Штерн 1897: 180).

В третью группу — граффити торговцев — входили надписи с названиями посуды, отдельные буквы, числовые и условные обозначения, поскольку Э. Р. Штерн придерживался мнения, что «мы в полных или сокращенных обозначениях названий сосудов, в приписанных числах, в выставленной цене и т. д. должны усматривать заметки содержателей складов посуды, торговцев предметами античного гончарного промысла» (Штерн 1897: 189). Также в эту группу исследователь включил: «бегло начарапанные отдельные буквы или числа и кроме того разные, по-видимому, условные знаки; едва ли ошибемся, отнеся их также к категории надписей торговцев» (Штерн 1897: 189).

В четвертую группу Э. Р. Штерн выделил граффити, в трактовке которых он: «не дошел до определенного результата или в которых предполагаемое... объяснение может казаться сомнительным» (Штерн 1897: 167).

В заключении публикации Э. Р. Штерн указывает на то, что имеющийся в его распоряжении археологический материал с граффити слишком невелик для того, чтобы делать окончательные выводы, и главная цель работы заключалась в том, чтобы «обратить внимание заинтересованных лиц на значение пренебреженных древнегреческих graffiti и дать им толчок к собиранию и изданию покоящегося в музеях и частных коллекциях материала» (Штерн 1897: 199; Жебелев 1901: 102).

В опубликованном в 1900 г. докладе «Два надгробия из Керчи, поставленные от имени религиозного общества в память усопших их членов» Э. Р. Штерн пришел к выводу, что первое из них было поставлено в память члена «религиозного общества» Стратоника, сына Токона, а второе — в честь некоего неизвестного лица. Ученый датировал оба надгробия II—III вв. н. э. (Штерн 1900с: 128—132; Жебелев 1901: 104).

В последующие пять лет Э. Р. Штерн издал целый ряд эпиграфических документов, большинство из них впервые, сопровождая их детальным научным комментарием. Среди них следует особо отметить следующие работы:

1) «Неизданные древние надписи, хранящиеся в Одесском музее» (Штерн 1900а: 44—49) (ввод в научный оборот 9 надписей, в том числе одной латинской);

2) «По поводу вновь приобретенных музеем древностей, особенно нового эпиграфического материала» (Штерн 1900b: 82—92) (доклад особенно важен тем, что, кроме надписей, Э. Р. Штерн ввел в научный оборот и амфорные клейма, также впервые среди отечественных антиковедов);

3) «Новый эпиграфический материал, найденный на юге России» (Штерн 1901: 1—32) (были введены в научный оборот 9 лапидарных надписей, 34 граффити и дипинти и 16 амфорных клейм с надписями);

4) «Надпись религиозного общества из Феодосии» (Штерн 1902а: 29—35) (публикация имен членов феодосийского религиозного «фиаса» III в. н. э.);

5) «Древнейшее надгробие из Ольвии» (Штерн 1902b: 39) (публикация надгробной плиты V в. до н. э.);

6) «Новый эпиграфический материал из Ольвии» (Штерн 1904а: 90—93) (ввод в научный оборот пяти новых лапидарных надписей);

7) «По поводу надгробного памятника Еврисивия и Ареты в Ольвии» (Штерн 1904b: 119—126) (обстоятельное изучение опубликованного Э. Р. Штерном ранее столика из склепа Еврисивия и Ареты; при этом автор доказывает, что приписка, выполненная позднее, о времени создания склепа, является делом рук позднейшего фальсификатора);

8) Новый эпиграфический материал. (Штерн 1905: 74—78) (введение в научный оборот двух лапидарных фрагментов, найденных близ Очакова).

Осенью 1904 года священник села Бейкуш Д. Лебедев известил Э. Р. Штерна письмом о том, что крестьянин его прихода обнаружил плиту с древнегреческой надписью — «стихотворным гимном Ахиллему». К сожалению, крестьянин запросил за плиту слишком высокую цену, и поэтому она оказалась в частной коллекции. К Э. Р. Штерну, правда, попали две прорисовки надписи, что позволило ему восстановить и перевести ее практически полностью (Штерн 1907a: 7). Это оказалось посвящение Ахиллу Понтарху от четырех архонтов Ольвии. Э. Р. Штерн обратил пристальное внимание на место, где был обнаружен «мрамор» с надписью, отметив, что «он раскопан в селе Бейкуш, напротив Березани, там, где для жителей Ольвии впервые открывается вид на море. Если иметь в виду... что от Березани до Ольвии шла почти непрерывная цепь греческих поселений, что в самом Бейкуше открыты мною летом прошлого года следы весьма древней греческой культуры, что там уже найдены два камня с посвящениями Ахиллу, то является весьма вероятным предположение, что эти камни сюда привезены не случайно впоследствии, а уже первоначально были поставлены здесь на виду открытого моря, как это вполне естественно при посвящениях в честь Ахилла Понтарха» (Штерн 1907a: 10; Буйских 2001: 34). Спустя непродолжительное время торговцем древностями Л. Гохманом был продан в Одесский музей фрагмент еще одной лапидарной надписи с посвящением Ахиллу Понтарху с Бейкуша (Штерн 1907a: 12).

Спустя полгода после того, как Э. Р. Штерн опубликовал первую плиту с посвящением Ахиллу Понтарху по прорисовкам, не надеясь исследовать ее *de visu*, дело получило неожиданное, но позитивное завершение. Владелец лапидарной надписи, узнав о том, что ее текст уже восстановлен и опубликован, убедился, что плита потеряла ту баснословную ценность, которую он ей приписывал. Он привез плиту в Одессу, где она попала в Музей Одесского общества (Штерн 1907b:

63). Э. Р. Штерн заново опубликовал надпись, одновременно вводя в научный оборот и еще одно посвящение Ахиллу Понтарху, обнаруженное им при раскопках на о. Березань (Штерн 1907b: 63—66). Посвящение Ахиллу с о. Березань было выявлено возле большого кургана при раскопках «маленького возвышения», в верхнем слое которого обнаружились два обломка мраморной плиты с посвящением Ахиллу Понтарху от коллегии ольвийских архонтов (Штерн 1908: 38). Надпись была продатирована Э. Р. Штерном II веком н. э. и позже переопубликована В. В. Латышевым (Латышев 1906: 109—110). Э. Р. Штерн предположил, что эта плита оказалась на острове не случайно, а была специально поставлена именно на Березани, вероятно, вблизи морского берега (Штерн 1908: 38; 1907c: 71). Во время раскопок на о. Березань в 1907 г. в насыпи между стенами была обнаружена еще одна мраморная плита с посвянительной надписью в честь Ахилла Понтарха (Штерн 1910b: 69; Латышев 1908: 35). Еще один фрагмент посвянительной надписи был обнаружен Э. Р. Штерном на о. Березань в 1908 году (Штерн 1912: 91).

В 1909 г. каменная плита с посвящением Ахиллу Понтарху была приобретена Музеем Одесского общества по личной инициативе Э. Р. Штерна у местного жителя, который уверял, что обнаружил ее «во время перестройки одного дома на Молдаванке» (Штерн 1910a: 59). Э. Р. Штерн опубликовал ее в XXVIII томе Записок ООИД, как всегда, снабдив подробным научным комментарием (Штерн 1910a: 59—62).

К сожалению, активный и крайне плодотворный одесский период в жизни и деятельности Э. Р. Штерна вскоре был прерван. В 1910 году трагически погиб его младший сын, что нарушило весь уклад жизни ученого (Дложевский 1925: 101). Когда в 1911 году Э. Р. Штерну пришло повторное приглашение от университета в Галле с предложением занять профессорскую должность руководителя кафедры древней истории, он принимает решение покинуть Одессу. После 25-летней профессорской деятельности в Новороссийском университете он переезжает в Германию и становится деканом историко-филологического факультета Галле-Виттенбергского университета, позже дважды избирается его ректором (в 1921/1922 и 1923/1924 гг.) (Фролов 2001: 48; Ванчугов 2004: 12).

Вплоть до своей кончины 27 апреля 1924 года, уже будучи профессором университета в Галле, Э. Р. Штерн не оставлял работу над новыми публикациями, издав только

по археологии и античной истории 22 статьи, не считая рецензий на работы других ученых (см. Karo 1925, составитель библиографии W. Göber), но среди них уже не было специальных работ по эпиграфике.

Подводя итоги, необходимо отметить, что роль Э.Р. Штерна в науке как эпиграфиста была не менее существенной, чем его достижения в области археологии и истории.

Трудно сказать о Э.Р. Штерне лучше, чем это сделал С.А. Жебелев: «В каждой работе Э.Р. фон Штерна замечается серьезное отношение и к крупным, и к мелким вопросам, стремление к детальной разработке и упрощению выводов, содержательность и спокойный тон изложения. Эти качества снискали Э.Р. фон Штерну уважение со стороны всех истинно любящих русскую науку людей...» (Жебелев 1900: 112).

Для исследований Э.Р. Штерна в области эпиграфики было характерно не только желание как можно оперативнее опубликовать новооткрытый лапидарный памятник, но и снабдить его максимально возможным на то время научным комментарием, создать на его основе серьезные исторические построения и реконструкции. Как отмечал Д.П. Шестаков, яркой особенностью личности Э.Р. Штерна было его неизменное убеждение, что археолог не должен давать в своих исследованиях только сырой археологический материал, а на-

против, обязан включить его в широкий круг культурной истории, не только опубликовать находки, но привести их аналогии, показать их место в общеисторическом процессе: «единичное исследование сделать исследованием групповым» (Шестаков 1926: 149—150).

В начале научного пути случались и ошибки, публикации, как выяснялось потом, подделок, но Э.Р. Штерну всегда хватало мужества признавать их и идти дальше. В итоге он стал одним из наиболее известных среди археологов-античников эпиграфистом своего времени и настоящей «грозой фальсификаторов» (Ванчугов 2004: 12).

Благодаря блестящему образованию филолога-классика, Э.Р. Штерн перевел и ввел в научный оборот большое количество лапидарных памятников на древнегреческом и латинском языках, в том числе посвящения Ахиллу Понтарху и надписи религиозных сообществ-фиасов. Также именно он первым оценил важность таких исторических источников, как граффити и амфорные клейма, обратив на них внимание других исследователей.

Соответственно, роль Эрнеста Романовича фон Штерна как эпиграфиста была в равной мере важна для становления и развития отечественной археологической науки, как и его археологические, исторические и искусствоведческие научные исследования.

Литература

- Буйских С.Б. 2001. Исследования святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги). ХСБ 11, 34—43.
- Ванчугов В.П. 2004. Э.Р. фон Штерн и археология Северного Причерноморья на рубеже XIX и XX веков. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Borysthenika-2004: Материалы международной научной конференции к 100-летию исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном*. Николаев: ИА НАНУ, 7—13.
- Дложевский С.С. 1925. Эрнест Романович Штерн (Некролог). *Вокк при ВУАН* (2—3), 99—101.
- Жебелев С.А. 1901. Отзыв о трудах Э.Р. фон Штерна, посвященных классическим древностям Южной России. *ЗООИД* 23, протоколы, 95—112.
- Избаш Т.А., Новікова Л.В. 2005. Эрнст Романович фон Штерн. В: Сминтина В.А. (відп. ред.). *Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник* 4. Одесса: Астропринт, 442—445.
- Кузьмищев А.Г. 2012. Березань в археологических исследованиях Э.Р. фон Штерна. *БИ* 26, 433—461.
- Кузьмищев А.Г. 2012а. Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены. *Археологія і давня історія України* 9, 139—147.
- Латышев В.В. 1887. *Исследования об истории и государственном строе города Ольвии*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева.
- Латышев В.В. 1895. О поддельных греческих надписях из Южной России. *ЗООИД* 18, 1—18.
- Латышев В.В. 1906. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1905 года). *ИАК* 18, 95—137.
- Латышев В.В. 1908. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1907 года). *ИАК* 27, 15—41.
- Русяева А.С. 2004. Научная судьба эпиграфических исследований Э.Р. фон Штерна. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Borysthenika-2004: Материалы международной научной конференции к 100-летию исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном*. Николаев: ИА НАНУ, 14—22.
- Фролов Э.Д. 2001. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон-Штерн (1859—1924 гг.). *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени* 3, 29—58.
- Хойслер А. 1996. Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Галле. *Археологические изыскания* 33, 54—56.
- Шестаков Д.П. 1925. Научная деятельность Э.Р. Штерна. *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете* 33 (1), 147—151.
- Шестаков Д.П. 1926. Исследователь памятников классической древности на юге России. В: Шестаков Д.П. *Два момента из истории нашей археологической науки*. Владивосток: Гос. Дальневост. ун-т, 22—42.

№6. 2013

- Штерн Э. Р. 1894. Вновь найденные Ольвийские надписи. *ЗООИД* 17, 1—28.
- Штерн Э. Р. 1895. Несколько заметок по поводу статьи В. В. Латышева «О поддельных греческих надписях из Южной России». *ЗООИД* 18, 65—86.
- Штерн Э. Р. 1897. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах. *ЗООИД* 18, 163—199.
- Штерн Э. Р. 1900а. Неизданные древние надписи, хранящиеся в Одесском музее. *ЗООИД* 22, протоколы, 44—49.
- Штерн Э. Р. 1900b. По поводу вновь приобретенных музеем древностей, особенно нового эпиграфического материала. *ЗООИД* 22, протоколы, 82—92.
- Штерн Э. Р. 1900с. Два надгробия из Керчи. *ЗООИД* 22, протоколы, 128—132.
- Штерн Э. Р. 1901. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. *ЗООИД* 23, 1—32.
- Штерн Э. Р. 1902а. Надпись религиозного общества из Феодосии. *ЗООИД* 24, протоколы, 29—35.
- Штерн Э. Р. 1902b. Древнейшее надгробие из Ольвии. *ЗООИД* 24, протоколы, 39.
- Штерн Э. Р. 1904а. Новый эпиграфический материал из Ольвии. *ЗООИД* 25, протоколы, 90—93.
- Штерн Э. Р. 1904b. По поводу надгробного памятника Еврисивия и Ареты в Ольвии. *ЗООИД* 25, протоколы, 119—126.
- Штерн Э. Р. 1905. Новый эпиграфический материал. *ЗООИД* 26, протоколы, 74—78.
- Штерн Э. Р. 1906. Феодосия и ее керамика. *Музей Одесского общества истории и древностей* 3, 1—92.
- Штерн Э. Р. 1907а. Вновь найденные посвящения Ахиллу Понтарху. *ЗООИД* 27, протоколы, 7—12.
- Штерн Э. Р. 1907b. По поводу посвященных надписей

Ахиллу Понтарху. *ЗООИД* 27, протоколы, 63—66.

- Штерн Э. Р. 1907с. Отчет о раскопках на острове Березани в 1905 году. *ЗООИД* 27, протоколы, 68—71.
- Штерн Э. Р. 1908. Раскопки на о. Березани. *ОАК за 1905 год*, 35—38.
- Штерн Э. Р. 1910а. Вновь найденные посвящения Ахиллу Понтарху. *ЗООИД* 28, протоколы, 59—62.
- Штерн Э. Р. 1910b. Раскопки на о. Березани. *ОАК за 1907 год*, 66—75.
- Штерн Э. Р. 1912. Раскопки на о. Березани. *ОАК за 1908 год*, 84—93.
- Щеглов А. Н. 1996. Э. Р. Штерн в России (несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера). *Археологические изыскания* 33, 56—57.
- Hausmann G. 1998. *Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865—1917: soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Karo G. 1925. Ernst von Stern. *Biographisches Jahrbuch für die Altertumswissenschaft. Begründet von Conrad Bursian* 45, 96—103.
- Stern E. R. 1883. *Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66—63*. Dorpat: H. Laakmann.
- Stern E. R. 1884. *Geschichte der Spartanischen und Thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea*. Dorpat: H. Laakmann.
- Stern E. R. 1909. Die griechische Colonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung. *Klio* 9, 139—152.
- Stern E. R. 1915. Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes. *Hermes* 50, 161—224.

References

- Buyskikh, S. B. 2001. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos compilation)* 11, 34—43 (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 2004. In *Borysthenika-2004: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 100-letiiu issledovaniia ostrova Berezan' E. R. fon Shternom (Borysthenika-2004: Materials of the international scientific conference held to the anniversary of 100 years from the research of Berezan island by E. R. von Stern)*. Nikolaev: IA NANU, 7—13 (in Russian).
- Dlozhevsky, S. S. 1925. In *Visnyk Odes'koï komisii krayeznavstva pry Vseukrains'kij Akademii nauk (Bulletin of Odessa Committee of Regional Studies of Ukrainian Academy of Sciences, archaeological section)* (2—3), 99—101 (in Russian).
- Zhebelev, S. A. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 23, protokoly (proceedings), 95—112 (in Russian).
- Izbash, T. A., Novikova, L. V. 2005. In *Profesory Odes'koho (Novorossijs'koho) universytetu: Biografichnyi slovnyk (Professors of the Odesa (Novorossiisk) university: biographical dictionary)*. Vol. 4. Odesa: Astroprynt, 442—445 (in Russian).
- Kuzmischev, A. G. 2012. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies)* 26, 433—461 (in Russian).
- Kuzmyshev, A. H. 2012. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 9, 139—147 (in Russian).
- Latyshev, V. V. 1887. *Issledovaniia ob istorii i gosudarstvennom stroe goroda Ol'vii (Research into the history and political system of the town of Olbia)*. Saint Petersburg: Tipografiia V. S. Balasheva (in Russian).
- Latyshev, V. V. 1895. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 18, 1—18 (in Russian).
- Latyshev, V. V. 1906. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 18, 95—137 (in Russian).
- Latyshev, V. V. 1908. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 27, 15—41 (in Russian).
- Rusyaeva, A. S. 2004. In *Borysthenika-2004: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 100-letiiu issledovaniia ostrova Berezan' E. R. fon Shternom (Borysthenika-2004: Materials of the international scientific conference held to the anniversary of 100 years from the research of Berezan island by E. R. von Stern)*. Nikolaev: IA NANU, 14—22 (in Russian).
- Frolov, E. D. 2001. In *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni (Problems of social history and culture of Middle Ages and early Modern time)* 3, 29—58 (in Russian).
- Häusler, A. 1996. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 33, 54—56 (in Russian).
- Shestakov, D. P. 1925. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of archaeology, history and ethnography affiliated with Kazan state university)* 33 (1), 147—151 (in Russian).
- Shestakov, D. P. 1926. In *Dva momenta iz istorii nashei arkheologicheskoi nauki (Two moments from the history of our archaeological science)*. Vladivostok: Gosudarstvennyi Dal'nevostochnyi un-t, 22—42 (in Russian).

- Stern, E. R. 1894. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 17, 1—28 (in Russian).
- Stern, E. R. 1895. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 18, 65—86 (in Russian).
- Stern, E. R. 1897. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 18, 163—199 (in Russian).
- Stern, E. R. 1900. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 22, protokoly (proceedings), 44—49 (in Russian).
- Stern, E. R. 1900. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 22, protokoly (proceedings), 82—92 (in Russian).
- Stern, E. R. 1900. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 22, protokoly (proceedings), 128—132 (in Russian).
- Stern, E. R. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 23, 1—32 (in Russian).
- Stern, E. R. 1902. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 24, protokoly (proceedings), 29—35 (in Russian).
- Stern, E. R. 1902. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 24, protokoly (proceedings), 39 (in Russian).
- Stern, E. R. 1904. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 25, protokoly (proceedings), 90—93 (in Russian).
- Stern, E. R. 1904. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 25, protokoly (proceedings), 119—126 (in Russian).
- Stern, E. R. 1905. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 26, protokoly (proceedings), 74—78 (in Russian).
- Stern, E. R. 1906. In *Muzei Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Museum of the Odessa Society for History and Antiquities) 3, 1—92 (in Russian).
- Stern, E. R. 1907. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 27, protokoly (proceedings), 7—12 (in Russian).
- Stern, E. R. 1907. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 27, protokoly (proceedings), 63—66 (in Russian).
- Stern, E. R. 1907. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 27, protokoly (proceedings), 68—71 (in Russian).
- Stern, E. R. 1908. In *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1905 god* (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1905), 35—38 (in Russian).
- Stern, E. R. 1910. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 28, protokoly (proceedings), 59—62 (in Russian).
- Stern, E. R. 1910. In *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1907 god* (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1907), 66—75 (in Russian).
- Stern, E. R. 1912. In *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1908 god* (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908), 84—93 (in Russian).
- Shcheglov, A. N. 1996. In *Arkheologicheskie izyskaniia* (Archaeological studies) 33, 56—57 (in Russian).
- Hausmann, G. 1998. *Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865—1917: soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Karo, G. 1925. Ernst von Stern. Biographisches Jahrbuch für die Altertumswissenschaft. Begründet von Conrad Bursian 45, 96—103.
- Stern, E. R. 1883. *Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66—63*. Dorpat: H. Laakmann.
- Stern, E. R. 1884. *Geschichte der Spartanischen und Thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea*. Dorpat: H. Laakmann.
- Stern, E. R. 1909. Die griechische Colonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung. *Klio* 9, 139—152.
- Stern, E. R. 1915. Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes. *Hermes* 50, 161—224.

Статья поступила в номер 30 июня 2013 г.

Alexander Kuzmischev (Kiev, Ukraine). Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Alexander Kuzmischev (Kiev, Ucraina). Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Кузьмищев Александр Геннадиевич (Киев, Украина). Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: a.kuzm@mail.ru

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

Исследования и публикации

Research and Publications
Cercetări și publicații

И. П. Возный

Религиозный синкретизм в духовной культуре населения междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра в X—XIII вв.

Keywords: Upper Prut, Middle Dniester, 10th—13th cc., fort-sanctuaries, syncretism, paganism, Christianity, burial, idol, ghoul, funeral rites.

Cuvinte cheie: Prutul Superior, Nistrul Mijlociu, sec. X—XIII, cetățui-sanctuale, sincretism, păgânism, creștinism, mormânt, idol, strigoi, rit funerar.

Ключевые слова: Верхний Прут, Средний Днестр, X—XIII вв., городища-святилища, синкретизм, язычество, христианство, погребение, идол, упырь, погребальный обряд.

I. P. Vozny

Religious Syncretism in the Spiritual Life of the Population Between the Rivers of Upper Prut and Middle Dniester during 10th—13th Centuries

The article considers the questions related to the penetration of Christianity on the territory of the Prut-Dniester Rivers and the remnants of paganism that existed in the studied area prior to the fifteenth century. Archaeological materials of the sites discovered on the studied territory show that after accepting Christianity, pagan belief made up the whole system of primitive worldview, rituals, and customs based on ancient life style. This was manifested in the construction of the pagan forts-sanctuaries till the early 12th century (Kuleshovka, Babino, Nagoryany, Zelenaya Lipa and other), fighting wizards and witches, the funeral ceremony, building sacrifices. The individual elements of pagan beliefs appear to the present day in a life of the local population.

I. P. Vozny

Sincretismul religios în cultura spirituală a populației dintre Prutul Superior și Nistrul Mijlociu în sec. X—XIII

Articolul prezintă o analiză a aspectelor legate de pătrunderea creștinismului pe interfluviul Pruto-Nistean și de reminiscențele păgâne, existente aici până în sec. XV. Materialele arheologice din siturile de pe teritoriul studiat indică, că după acceptarea creștinismului, credințele păgâne continuau să reflecte o gamă întreagă de viziuni, obiceiuri și ritualuri, originare în perioadele mult mai vechi, care se retrăgeau destul de lent sub presiunea noii ideologii. Acest fapt este ilustrat de edificarea, până în prima jumătate a sec. XII, a cetățuilor-sanctuale păgâne (Kuleșovka, Babino, Nagoriani, Zelonai Lipa), precum și lupta cu vrăjitorii și vrăjitoarele, aspecte ale ritului funerar, „sacrificii de construcție”. Unele elemente din credințele păgâne și acum persistă în viața cotidiană a populației locale.

И. П. Возный

Религиозный синкретизм в духовной культуре населения междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра в X—XIII вв.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проникновением христианства на территории Пруто-Днестровского междуречья и остатками язычества, которые существовали тут до XV в. Археологические материалы с памятников исследуемой территории указывают, что после принятия христианства языческие верования представляли собой целую гамму первобытных воззрений, обычаев и обрядов, пришедших из глубокой древности, и достаточно медленно отступали под давлением новой веры. Это проявлялось в строительстве до первой половины XII в. языческих городищ-святилищ (Кулешовка, Бабино, Нагоряны, Зеленая Липа и др.), борьбе с колдунами и ведьмами, погребальном обряде, «строительных жертвах». Отдельные элементы языческих верований проявляются и до наших дней в быту местного населения.

Важным направлением современной исторической науки является изучение религиозно-мировоззрения древнерусского населения, а именно, славянского язычества и его влияния на христианство. Известно, что в 988 году князь Владимир официально крестил Русь,

но этот факт не стал полным триумфом христианства. Насчитывая тысячелетнюю историю, языческие верования неохотно отступали под давлением новой веры. Несмотря на энергичные меры государственной власти по ликвидации языческих культов, хри-

стианство распространялось на Руси медленно, и период его окончательного утверждения продолжался более века. В конце I тыс. н.э. на Руси существовало не только примитивное язычество села, но и государственная языческая религия города и социальных верхов с разработанным космогоническим эпосом, представлением о божественном происхождении великокняжеской власти, разнообразным ритуалом и разветвленным жреческим сословием, обладавшим секретами тонко разработанной символики (Рыбаков 1988: 773; Моця 1993: 75).

О том, насколько прочно удерживалось язычество в народе, свидетельствует то, что почти до XV в., особенно в глухих уголках страны, люди поклонялись языческим богам, и старая вера сосуществовала с новой. Они выполняли только внешние обряды церкви, но при этом хранили обычаи и суеверия своих дедов и прадедов (Крянев 1990: 311). Как отмечал Б. А. Рыбаков, в мировоззрении русских людей даже спустя два столетия после крещения язычество не только уживалось с христианством, но и в значительной мере преобладало (Рыбаков 1966: 49). Эта народная философия культивировалась веками, вошла в плоть и кровь наших предков, а поэтому не могла быть легко и сразу забытой (Огієнко 1992: 313).

Изучению этих проблем способствует значительное количество различных материалов. Большую и постоянно растущую их часть составляют археологические данные. Их обобщение в качестве источника по истории духовной культуры осуществлено на сегодняшний день далеко не полно.

На территории Пруто-Днестровского междуречья в результате археологических исследований получены значительные материалы, которые касаются духовной культуры местного населения. Они указывают, что после принятия христианства языческие верования, которые представляли собой целую гамму первобытных воззрений, обычаев и обрядов, пришедших из глубокой древности, и стали основой всех позднейших мировых религий, достаточно медленно отступали под давлением новой веры (Моця, Рычка 1996: 11). В свое время П. П. Толочко отмечал: «Преемственность религиозных верований является естественным и закономерным явлением развития каждого общества, и было бы странным, если бы Русь выделялась в этом плане» (Толочко 1989: 261). В борьбе с язычеством церковь вынуждена была приспособливаться, впитывая в себя языческие народные обряды. Об этом по-

заботилось само христианское духовенство для того, чтобы новая вера легче воспринималась народом. Но христианство лишь частично уничтожило язычество, заменив старый пантеон новым и введя его в традиционные обряды и обычаи, а языческим богам и духам был предоставлен статус нечистой силы. Поэтому по сути своей народная духовная культура оставалась языческой. Иначе и не могло быть, ведь принципу сменяемости в материальной культуре противостоит принцип наслоения в культуре духовной (Толстой 1989: 11).

Христианство невозможно противопоставлять язычеству, поскольку это только две формы, два различных проявления одной и той же первоначальной идеологии. И язычество, и христианство в равной степени основаны на вере в «правящие» миром сверхъестественные силы. Сила и живучесть христианства состоит в использовании древних языческих представлений о потустороннем мире, о «второй жизни» — после смерти. В сочетании с древними языческими дуалистическими взглядами на мир как на арену борьбы духов добра и зла, мысль о загробной жизни породила учение о таком же дуализме, существовании «рая» для добрых и «ада» для злых. Христианство в своей практике широко использовало первобытную магию, например, молебен о дожде, когда священник кропит поля «святой» водой, что ничем не отличается от действий первобытного жреца, который стремился таким же магическим путем «угворить» небеса окропить поля «живым» дождем (Рыбаков 1982: 390).

Одним из регионов, находившихся в X—XIII вв. на периферии Древнерусского государства, была территория Пруто-Днестровского междуречья. Духовная культура населения исследуемой территории формировалась на основе традиционного христианского мировоззрения и славянской культуры. Сюда, в период христианизации центра государства могли бежать сторонники старой языческой веры, что обусловило длительное существование языческих элементов в различных сферах жизни местного населения.

Археологические материалы X — первой половины XIII вв. с территории Пруто-Днестровского междуречья частично иллюстрируют утверждение, что «и ноне по оукраинам молятся ему проклятому богу Перуну, и Хърсу, и Мокоши, и Вилам» (Ипатьевская летопись 2001: 762). Еще в XVII в. митрополит Макарий утверждал: «Таковы же скверны мольбища их: лес и камни, и реки, и болота, источники, и горы, и холмы, солнце

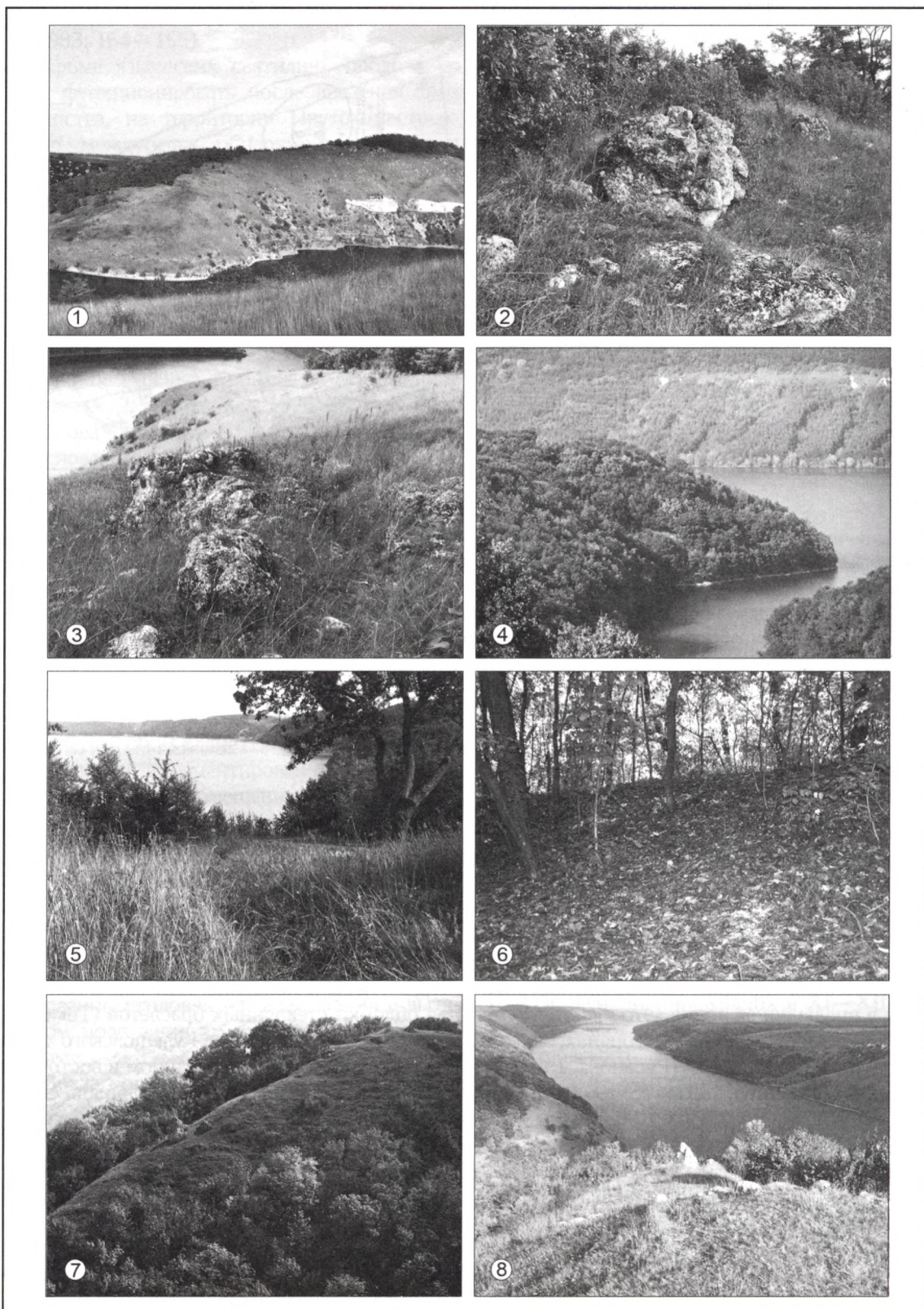

Рис. 1. Городища-святилища. 1 — вид на мыс, на котором находится городище Нагоряны; 2, 3 — камни, выступающие на поверхности святилища Нагоряны; 4 — вид на мыс, на котором находится городище Кулешовка; 5 — вид центральной площадки святилища Кулешовка; 6 — вал святилища Кулешовка; 7 — общий вид Бабинского городища; 8 — вид на Днестр с центральной площадки городища Бабин (фото автора).

Fig. 1. Fort-sanctuaries. 1 — view of the promontory on which the fort Nagoryany is located; 2, 3 — rocks, protruding on the surface of the sanctuary of Nagoryany; 4 — view of the promontory on which the fort Kuleshovka is located; 5 — view of the central area of the sanctuary Kuleshovka; 6 — shaft of sanctuary Kuleshovka; 7 — general view of Babin settlement; 8 — a view of the Dniester with the central area of settlement Babin (photo by the author).

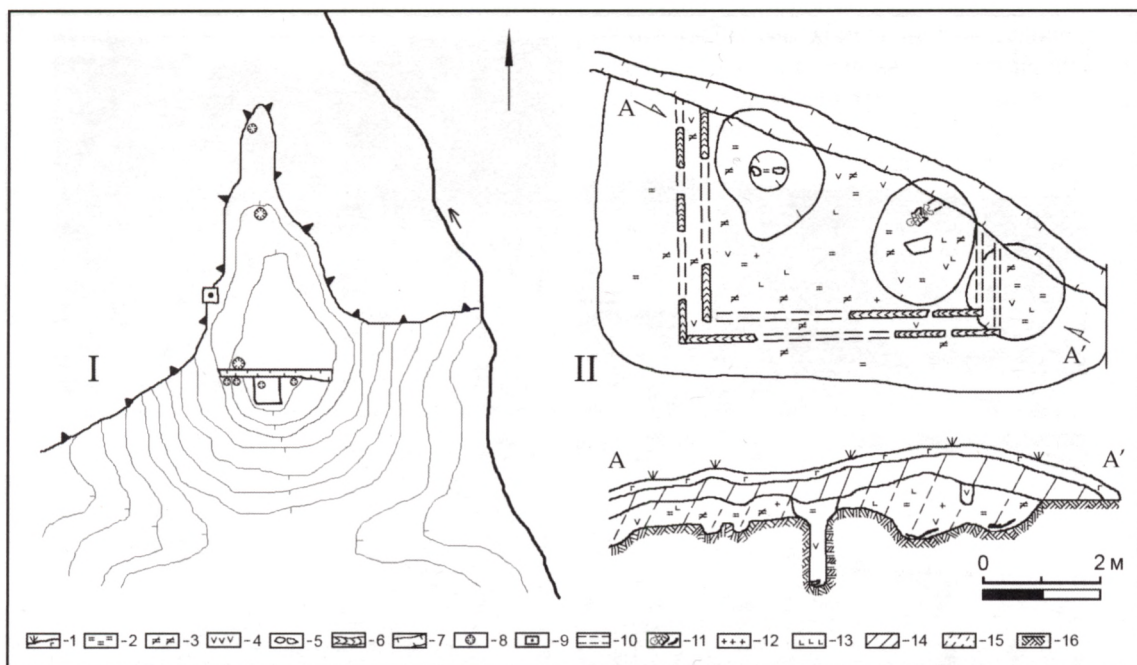

Рис. 2. Святилище Зеленая Липа (по Тимошук 1983: 168, рис. 6): I — план святилища; II — план и разрез языческого храма. Условные обозначения: 1 — гумус; 2 — пережженная глина; 3 — глиняная обмазка; 4 — угли; 5 — камни; 6 — деревянные бревна; 7 — окоп; 8 — культовые ямы; 9 — сухой колодец; 10 — ровик от деревянных бревен; 11 — погребение; 12 — пережженные кости; 13 — керамика; 14 — серая земля; 15 — смешанная земля; 16 — материк.

Fig. 2. Sanctuary Zelenaya Lipa (after Тимошук 1983: 168, fig. 6): I — the plan of the sanctuary; II — plan and section of a pagan temple. Legend: 1 — humus; 2 — burned clay; 3 — a clay coating; 4 — coal; 5 — stones; 6 — wooden logs; 7 — a trench; 8 — cult pit; 9 — dry well; 10 — trench from wooden logs; 11 — tomb; 12 — burned bones; 13 — ceramics; 14 — gray earth; 15 — mixed earth; 16 — mainland.

и месяц, и звезды, и озера. И проще говоря, — всему существующему поклонялись яко Богу, и чтили, и жертвы приносили» (Цауне 1993: 205—216).

На исследуемой территории в это время продолжали функционировать несколько языческих городищ-святилищ, построенных в предыдущее время. Это культовые места в Кулешовке, Бабине, Нагорянах, Зеленой Липе и др. (рис. 1; 2) (Русанова 1992: 60; Русанова, Тимошук 1982: 175; 1993: 25; 1998: 43; Тимошук, Русанова 1983: 164—165). В XII в. на отдельных святилищах были проведены значительные работы по их реконструкции (Тимошук, Русанова 1983: 163). Возможно, это связано с усложнением языческих культов. Как считает Б. А. Рыбаков, в это время имел место ренессанс язычества среди древнерусского населения, недовольного наступлением церкви на его традиционный быт (Рыбаков 1988: 773—775).

Так, на Кулишовском святилище из трех линий валов и рвов славянского периода две (первая и третья) достраивались в древнерусское время. В XII в. первый вал был достроен деревянной стеной из горизонтально уложенных бревен, обмазанных глиной. Третий вал

имеет сверху остатки 1,2-метровой в ширину каменной вымостки, прокаленной и покрытой углем. На плоском дне рва, размещенном между первым и вторым валами, вымощена аналогичная каменная площадка. За пределами тройной линии валов обнаружен культурный слой XII — первой половины XIII вв., в том числе обломки стеклянных браслетов (Тимошук 1982: 175). Размещение Кулешовского городища на мысу, ориентированном в восточном направлении, незначительная площадь системы валов и рвов, не выполнявших оборонной функции, каменные площадки для ритуальных очагов — все это позволяет отнести его к святилищам (Тимошук, Русанова 1983: 164). Неподалеку от городища в лесу находится камень с двумя углублениями неправильной формы, напоминающими отпечатки ступней человека. Местные жители называют эти углубления «божьи ноги» и считают этот камень священным (рис. 3).

Возможно, в древнерусское время еще функционировали Бабинское и Нагорянское городища-святилища, что подтверждается находками материалов XI—XII вв. на территории большого поселка, располагавшегося у подножия первого святилища и на укреп-

ленной площадке второго (Тимошук, Русанова 1983: 164—165).

Кроме языческих святилищ, продолжавших функционировать после введения христианства, на территории Пруто-Днестровского междуречья обнаружены культовые языческие объекты, построенные уже в древнерусское время. Очевидно, для более успешной конкуренции с христианством, язычники в это время создали новые культовые сооружения. По аналогии с западославянскими они получили название «храмы идольские» (Тимошук, Русанова 1983: 168; Мисько 2001: 182—214). Остатки одного из них раскопаны в урочище Турецкая Криница возле с. Зеленая Липа (рис. 2: I) (Тимошук 1976: 37; Тимошук, Русанова 1983: 165—166; Русанова 1992: 60; Русанова, Тимошук 1993: 25, 104).

Святилище расположено на высоком мысу, окруженном болотами и ручьями. На его площадке размерами 42×14 м исследован языческий храм (рис. 2: II). Это была небольшая деревянная постройка наземной конструкции размерами 5,3×4,2 м со стенами, составленными из двойного ряда бревен, расположенных на расстоянии 20—30 см друг от друга. Стены были обмазаны толстым слоем глины, о чем свидетельствуют большие куски обмазки толщиной до 7 см. В плане сооружение было прямоугольным и ориентировано по сторонам света. В центре помещения, очевидно, стоял деревянный идол, от которого сохранилась столбовая яма 0,6—0,7 м в поперечнике и глубиной 1,2 м с остатками сгоревшего столба. Перед ней исследовано погребение мужчины в округлой яме диаметром около 2 м и глубиной 0,4 м от уровня пола. Оно было совершенно по христианским канонам: костяк, ориентированный головой на запад, лежал в вытянутом положении со сложенными на груди руками.

Возле восточной и западной стен храма располагались две ритуальные ямы диаметром 0,6—0,8 м, в которых разводили огонь. Неподалеку находится выдолбленный в скале квадратный (2,1×2,1 м) колодец глубиной 14,5 м. Он не достигает водоносного уровня и мог использоваться в культовых целях.

Как видно, строительство «храмов идольских» ознаменовало дальнейшую эволюцию языческого культа, с одной стороны, а с другой — христианское по обряду погребение свидетельствует о заимствовании отдельных христианских элементов обряда язычниками. Это подтверждает синкретизм религиозного мировоззрения этого периода (Мисько 2003: 14). Очевидно, сооружение «идольских храмов» было связано с влиянием христианства

Рис. 3. Камень с «божьими ногами» возле городища-святилища Кулешовка (фото автора).

Fig. 3. Stone with "God's feet" near the sanctuary Kuleshovka (photo by the author).

и заимствованиями его культовых сооружений. Это было таким своеобразным приспособлением к новым временам, когда языческие боги, как и христианские, становились всё более таинственными и недоступными. С ними могли общаться только избранные жрецы, как это делали в христианских храмах священники.

Находки вышеупомянутых языческих храмов, функционировавших в XI—XIII вв., подтверждают наличие в истории Пруто-Днестровского междуречья, как, впрочем, и других территорий Древнерусского государства, периода, когда «существовала церковная организация с проповедями, правилами и ритуалами, а где-то неподалеку тоже самостоятельно продолжали жить "чистокровные" язычники со своей системой представлений и правил» (Боровский, Моця 1990: 135). Подобные языческие храмы исследованы в ареалах расселения как восточных, так и западных славян (Геррманн 1980: 79—99; Петренко 1985: 112; Русанова 1992: 60; Русанова, Тимошук 1993: 107; Hertmann 1968: 198—204; 1984: 128—135; Keiling 1984: 135—144; Słupecki 1994: 47—67).

Элементы синкретического мировосприятия прослеживаются и по погребениям. Обряды захоронений всегда были устойчи-

выми, консервативными и в них лучше, чем в других памятниках, прослеживаются наследственные черты развития культуры. Хотя, по археологическим материалам, все древнерусские погребения осуществлены по христианскому обряду, в отдельных из них обнаружены следы пережитков языческих верований. Такое сочетание возникло в результате переплетения христианских идей и первобытных верований и культов.

Пережитком древних эпох можно считать ритуальные ямы, раскопанные на древнерусских могильниках XII — первой половины XIII вв. В Ошихлебах, в центре кладбища, выявлена корытообразная яма глубиной 0,5 м, диаметром 1,8 м, дно которой было заполнено фрагментами разбитых горшков, костей животных и угля (Тимошук 1976: 97). Аналогичные культовые объекты исследованы на могильнике в Васильеве. Здесь дно ям было также сплошь покрыто черепками, костями животных и углем (Тимошук 1992: 9).

Назначение этих ям вызывает значительный интерес ученых. Одни связывают их с культом мертвых. Так, Г. Б. Федоров пишет: «После совершения ритуальной трапезы кости животных с золой и углями костра, на котором готовили пищу, закапывали в специально выкопанные для этого ямы» (Федоров 1958: 235). С. А. Плетнева считает, что ямы на могильниках по составу находок не могли быть остатками тризны — поминальной трапезы, включавшей в себя, как правило, кости съедобных животных и целые сосуды (Плетнева 1989: 251—255).

Значительное распространение культовых ям, явно жертвенный состав их заполнения (кости человека и животных, отдельно черепа и челюсти, остатки глиняной и деревянной посуды, зерно, имитация хлеба-каравая), применение огня, забрасывание ям камнями и расположение их на окраине поселения или на могильнике свидетельствуют об общности представлений и определенной закономерности в проведении обрядов. Магическая роль ям была связана, очевидно, с разными верованиями — с жертвами, культом плодородия как земледельческого, так и скотоводческого направления, со стремлением защитить себя от злых сил потустороннего мира, задобрить предков.

С язычеством связываются следы тризны, очистки места погребения от «злых духов». Часто в засыпке могильных ям и возле покойников обнаружены фрагменты древнерусской гончарной посуды, иногда со следами повторного обжига (Черновка, Васильев, Мусоровка,

Иванковцы, Ленковцы на Пруте, Митков, Окно, Онут и другие пункты) (Возный 1998: 115—122; 2002: 126—139; 2009: 388; Мисько 2002: 121; Пивоваров 2001: 97).

Значительное количество битой, вторично обожженной керамики, по мнению ряда ученых, может указывать на обряд «битья посуды», известный и в других землях древней Руси как по археологическим данным, так и по этнографическим материалам (Седов 1970: 112; Зеленин 1991: 349; Пошивайло 1993: 306—309). Обгоревшие черепки могли быть остатками сосудов, в которых приносили огонь для разжигания ритуального костра (Розенфельдт 1963: 128). Обычай бить посуду довольно давний, удостоверенный еще в памятниках полей погребений (Тимошук 1953: 54—59). После того, как горшок послужил божеству, он не мог использоваться в быту, его разбивали и бросали в огонь. Посуда могла служить и для обряда языческой поминальной тризны. Косвенно этому есть объяснение, когда рядом с битой керамикой в засыпке ям встречаются кости животных. Известны они в могильных ямах в Черновке, Васильеве (Возный 1998: 119; Тимошук 1982: 160). Находки костей животных на могильниках рассматривают как следы поминальной трапезы — обряда, который, по этнографическим материалам, в Украине существовал почти до XX в. (Гнатюк 1912: 138—246; Петрухин 1975: 92).

Обряд разбивания посуды во время похорон сохранился на территории Пруто-Днестровского междуречья до недавнего времени. Так, когда покойника выносили из дома, разбивали глиняный горшок, приговаривая при этом: «Пусть беда кончится».

В отдельных погребениях прослеживаются следы языческих верований, связанные с культом огня, возможно, как пережиток сожжения покойника. Это — пепельно-угольная подсыпка, выступающая на дне могильной ямы. Она служила «очищению» места захоронения от «злых духов». Такая подсыпка обнаружена в погребениях на могильниках в Ленковцах на Пруте, Васильеве, Черновском городище (Тимошук 1982: 121; Возный 1998: 126—139; 2002: 145—148). Встречаются угольки также возле погребенных людей — в Окне, Дубовцах, Мусоровке, Иванковцах, Васильеве, Миткове (Тимошук 1982: 163, 177, 179, 180). Как правило, угольная подсыпка в могилах содержит фрагменты керамики. Этот древний обряд характерен для многих народов. Очищение места погребения пеплом и углем или огнем зародилось еще в каменном веке и кое-где сохранилось до наших дней (Тимошук 1965: 67—68). В селах региона еще не так давно углем посы-

пали могильную яму и саму могилу с целью «очищения» от «злых духов» (Тимошук 1976: 96). В Украине по этнографическим материалам засвидетельствовано, что во время похорон несли узелок с углем и печиной, затем бросали их нечистому (Украинский народ... 1916: 220). В Белоруссии еще в XIX в. отмечен обычай ставить горшки с углем и раскладывать костры на могилах (Фурсов, Чоловский 1892: 26). В XIX в. Г. Купчанко при описании буковинских погребальных обрядов упоминает о «рисовании гроба углем» (Купчанко 2008: 5). Бытует мнение, что обряды, связанные с огнем, должны были символизировать возвращение человека в его исходное состояние, то есть в прах, из которого Всевышний его сотворил (Беляева 1993: 30).

Откликом древних верований является посыпание покойника зерном. В могильных ямах вместе с пережженными черепками иногда встречаются остатки растений, как это было в Васильеве и Черновке (Тимошук 1982: 152; Возний 1998: 119). Тут, внутри каменного саркофага, под истлевшими остатками гроба, лежали пережженные зерна гороха вперемешку с обожженной керамикой. Поджаренные зерна льна, проса и пшеницы в погребениях известны в Киеве (Каргер 1958: 147, 157, 158). Этот обряд зафиксирован в этнографических материалах. Зерном посыпали скамью, на которой лежал покойник, и дорогу, по которой его несли (Сумцов 1885: 67). На поминках едят кутью. М. Ф. Сумцов утверждал, что древнейшим способом употребления славянами злаков было поджаривание колосков (Сумцов 1885: 18).

Зерно имеет свойство надолго сохранять и заново создавать жизнь, умножая ее, и поэтому его употребляли как символ бесконечности жизни, символ бессмертия (Пронин 1963: 48). Покойников хоронили в землю, чтобы они могли выйти из нее, подобно растению, которое умирало осенью, а весной пробуждалось, расцветало и снова шло в соответствии с годовым циклом. Такая цикличность могла представляться людям и по отношению к их жизни (Кожолянюк 2002: 380). Смерть отождествляли с урожаем, а покойник в аграрных обрядах воспринимался как персонификация земли и плодородия (Москаленко 1993: 87).

Как пережиток древних верований трактуется найденный на христианском кладбище в Яровке двуликий языческий идол высотой 1,7 м, изготовленный из днестровского известняка. Он представлял человеческую фигуру с лицами, обращенными в противоположные стороны (рис. 4) (Тимошук 1969: 181; Винокур, Забашта 1989: 65—77).

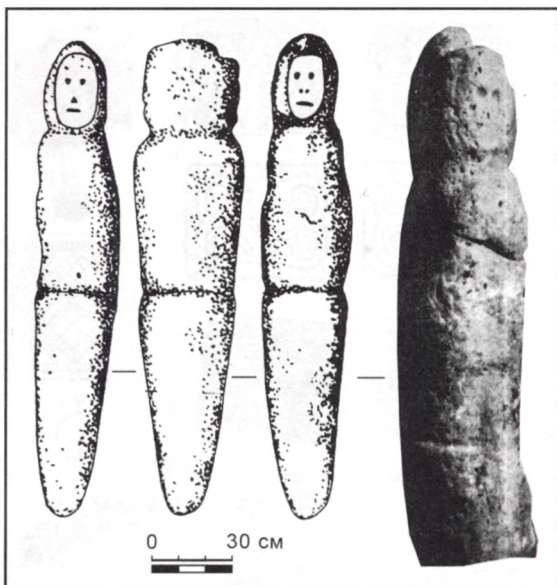

Рис. 4. Каменный идол из с. Яровка (по Тимошук 1976: 92, рис. 45).

Fig. 4. Stone idol from settlement Yarovka (after Тимошук 1976: 92, рис. 45).

До недавнего времени в Карпатах везли покойников на кладбище в саях. Этот обычай зафиксирован в письменных источниках XII в., где приводится высказывание князя Владимира Мономаха: «сидя на саях», то есть на смертном одре (Ящуржинский 1890: 130—132). «Изиде противу ему весь городъ Киевъ и възложивше тело его на сани повозоша и съ песньмы Попово и черноризце понесоша», «посем же вземше Глеба в раце камне вставиша на сани и емше за оужавезоша» (Лаврентьевская летопись 1997: 182, 202).

Вере в то, что душа человека покидает тело после смерти, посвящен обычай оставлять стакан с водой или водкой на подоконнике в первый день после похорон, уходящий своими корнями в далекие языческие времена.

В последние годы, в связи с определенными переменами в природе, частыми сухими годами, автором прослежено возрождение обряда задабривания души умершего. Во время похоронной процессии вслед покойнику специально льют на землю воду (Возний 2004: 228—233). Очевидно, это отголоски древних верований, поклонения воде: «о в тебе сьтвори на студеньци — дьждя искры от него, забыв, яко Бог с неба дьждь дает» (Рыбаков 1988: 135). Этот культ был достаточно распространен среди славянского населения (Лев Диакон 1988: 78; Нидерле 1956: 270—272). В основе поклонения и жертвоприношений природной воде лежало убеждение о сочета-

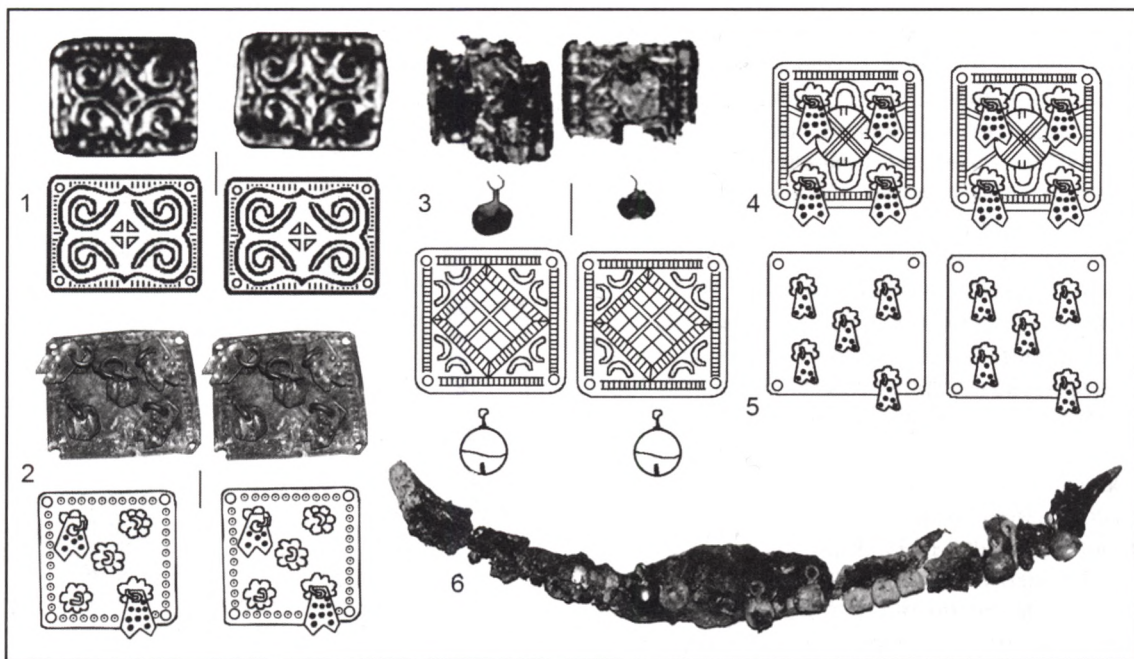

Рис. 5. Фотографии и прорисовки челец: 1 — Черновка; 2, 5 — Васильев; 3 — Санковцы; 4 — Недобоевцы; 6 — Ленковцы на Пруте (1 — по Возный 1998: 120, фото 105; 2, 3 — по Тимошук 1969: 88, 121; 1982: 152, рис. 91: 7; 4 — по Пивоваров 2006: 224, рис. 47: 1; 5 — по Тимошук 1982: 152, рис. 91: 7; 6 — Фонды Черновицкого областного краеведческого музея, № 11926-II-565.).

Fig. 5. Photos and drawings: 1 — Chernovka; 2, 5 — Vasilev; 3 — Sankovtsy; 4 — Nedoboevtsy; 6 — Lenkovtsy on Prut (1 — after Возный 1998: 120, фото 105; 2, 3 — after Тимошук 1969: 88, 121; 1982: 152, рис. 91: 7; 4 — after Пивоваров 2006: 224, рис. 47: 1; 5 — after Тимошук 1982: 152, рис. 91: 7; 6 — Scientific collections of Chernivtsi Regional Ethnographical Museum, no. 11926-II-565).

нии земной и небесной воды. Поэтому на похоронах, убажывая земную воду, люди надеялись на своевременное дарение воды небесной — дождя (Пивоваров, Мисько 1997: 10).

С языческими верованиями связан обряд устройства похорон холостых как свадьбы, которая не состоялась. По этнографическим и археологическим материалам, в Древней Руси был обычай хоронить молодых людей в свадебном наряде (Соколова 1977: 195; Щербий 2000: 232). Так, например, Владимир, собираясь убить Рогнеду, предлагает ей одеться «как в день посяга», а в 1261 г. жители г. Судомир, окруженного татарами, готовясь к смерти, «изрядившиеся во брачныя порты и ризы» (Ипатьевская летопись 2001: 854). Этнограф Х. Ящуржинский писал: «Когда умирает незамужняя девушка, ее одевают как к венцу, кладут на голову ленты и венки, украшают голову цветами и зеленью. На могиле раздают каравай. Делается это для того, чтобы вместе с похоронами сделать свадьбу, которой та не дождалась» (Ящуржинский 1890: 131).

Во время раскопок могильников в Васильеве, Ленковцах на Пруте, Санковцах, Кицмане, Черновке, Ошихлебах, Недобоев-

цах археологически прослежены следы погребального обряда, когда похороны холостых проходили как свадьба. Здесь были обнаружены головные женские погребальные уборы в виде чельца из металлических пластин, нашитых на ткань (рис. 5) (Тимошук 1969: 121; 1974: 82; Возный 1998: 120). Это серебряные (Васильев, Черновка), бронзовые (Кицмань), бронзовые позолоченные (Санковцы, Ошихлебы, Недобоевцы) бляшки квадратной или прямоугольной формы с тисненым растительным или геометрическим орнаментом. По углам к бляшкам крепились листовидные подвески. К основанию чельца, как правило, подвешивались бубенцы, которые звенели при малейшем движении. По тогдашним верованиям, они считались символом бога-громовержца, охранявшего людей от злых духов и прогонявшего от них «нечистую силу». Кроме металлических, в погребениях Васильева и Ленковцев на Пруте прослежены чельца в виде золототканых шелковых лент, нашитых на лубок. К ним, как и в предыдущем случае, пришивались бубенчики (Тимошук 1969: 122—123; 1982: 177). Такие головные уборы, по этнографическим материалам, использова-

лись в девичьем свадебном наряде до начала XX в. (Кожолянюк 1994: 150; 1999: 280; 2001: 351; Костишина 1996: 35; Бушина 1986: 113). Неизменность вида чельца в течение длительного времени свидетельствует об этническом постоянстве местного населения.

По мнению исследователей, этот обряд был связан с верой в якобы существующую связь между умершими и живыми. Похороны в форме свадьбы должны были разорвать эту связь и не допустить превращения покойника в «нечистого» (Виноградова 1993: 40).

В традиционной народной культуре украинцев, как и у многих других европейских народов, был распространен обычай преследования лиц, заподозренных в магии или колдовстве. Этот вопрос давно привлекал внимание этнографов (Гнатюк 1912а: 178—201; Чеховский 2001: 152—160; 2003: 241—253; Keindl 1902: 118—131). Чтобы «утихомирить» покойного, славяне выполняли определенные ритуалы. В частности, в гроб рядом с покойником клали острые металлические предметы. Так, в ходе исследования женского погребения в с. Онут под правой рукой покойницы была найдена железная игла (Пивоваров 2001: 29). О значении этого обряда еще в начале XX в. на исследуемой территории была записана легенда, согласно которой игла служила обороной умершего от других покойников, которые в первый день после похорон приходят к нему (Гнатюк 1912а: 241). Еще в XIX в. гуцулы на кладбище перед опусканием гроба в могилу открывали его для того, чтобы убедиться, что покойник не проявляет признаков вампира (Кайндль 2000: 172).

По народным верованиям, такие меры не всегда срабатывали, и тогда покойники могли стать упырями. На территории Пруто-Днестровского междуречья известны примеры борьбы людей с умершими колдунами — навиями-упырями. В болгарском фольклоре навии — это птицеобразные души умерших, летающие по ночам, в бурю и дождь «на злых ветрах». Крик этих птиц означает смерть. Навии нападают на беременных женщин, детей и высасывают кровь. Они — вампиры, чрезвычайно опасные для людей (Рыбаков 1981: 36). Верующие считали, что засухи, эпидемии и другие бедствия связаны с ведьмами: «Паче же женам бесовская вѣмивения бывають мьного вѣлхвуют жены чародейство и отраву и иными бесовьскими Козьмы» (ПВЛ 1950: 228). Когда в селе случалось несчастье, то раскапывали погребение колдуна и «обезвреживали его» (Виноградова 1993:

411—442). По свидетельствам Р.Ф. Кайндля и А. Манастырского, в конце XIX в. в Лужанах, заподозрив, что покойник стал упырем, крестьяне его выкопали и тело бросили в р. Прут (Кайндль, Манастырский 2007: 111).

Во время раскопок древнерусского погребения, расположенного восточнее урочища Пустая Черновка, археологической экспедицией под руководством Б.А. Тимощука в 1977 г. отмечены следы частичного сжигания покойников (Тимошук 1976: 96—97). В могильной яме (размеры 1,4×0,7 м, глубина 0,7 м) обнаружены останки трех человек: женщины в центре, мужчины — слева и ребенка — справа. Возле скелетов найдены украшения, которые датируются XII—XIII вв. Покойники лежали на спине, головами на юг. Нижняя часть мужского скелета находилась отдельно, в ногах захоронений, поперек могильной ямы. Расчленение мужского тела и частичное сжигание женского, как показали раскопки, были осуществлены после погребения покойников. Через некоторое время после похорон яму раскопали, расчленили мужской труп, а поверх женского положили дубовые поленья и подожгли. Свидетельством того, что огонь горел в яме, является обожженная земля, уголь, обгорелая древесина и пережженные кости.

Обряд обезвреживания колдунов-упырей заверен письменными источниками. Так, в 1173 г. галичане сожгли невенчаную жену галицкого князя Ярослава Настю Чагровну, объявив ее ведьмой: «Галичане же накладъше огонь сожгоша ю а сына ея в заточение послаша» (Огієнко 1992: 182; (Ипатьевская летопись 2001: 564). Эта практика известна и по этнографическим материалам XIX в. на территории Украины (Цыбульский 1885: 567—568; Скрипник 2000: 38). Например, на Киевщине, в с. Нагуевичах, исследовано погребение «упыря». Его голова была отсечена от тела и находилась между ногами, а само тело было прибито к земле колом (Мирон 1890: 102—120). Во Владимире-Волынском тоже открыто захоронение без черепа. В другом случае в череп был забит гвоздь (Кучинко 1973: 78—82). По мнению некоторых ученых, такие обычаи объясняются тем, что при жизни этих людей считали упырями и поэтому после смерти отрезали головы или забивали в грудь осиновый кол, чтобы они не вставляли и не вредили живым (Kostrzewski 1962: 344).

Отмечен такой обряд и на территории Пруто-Днестровского междуречья (Мисько, Чучко 1999: 89—92; Мисько 2000: 38—39). Здесь еще в XIX в. церковные документы

фиксировали проведение самосуда над обнаруженными в селе ведьмами путем испытания их огнем и водой (Чучко 2008: 265—272). Этот обряд довольно древний. Еще в XII в. Абу-Хамид ал-Гарнати в своих записях отмечал: «Жители принимают каждую старуху, связывают им руки и ноги и бросают в реку. Каждую из этих женщин, которая начинает тонуть, освобождают и знают, что она не ведьма. Тех же, которые остаются на воде — сжигают» (Ал-Гарнати 1971: 82).

Еще одним проявлением синкретических верований местного населения может служить погребение около с. Окно в урочище Мартыновка, обнаруженное и исследованное Б. Ридушем (Ридуш 2000: 187—189). Здесь в культурном слое открыты костные останки пяти человек, лежавшие без анатомического порядка, за исключением отдельных костей конечностей. Возле них найдена керамика галицкого типа, 2 серебряных перстневидных височных кольца и зерненная бусина «минского» типа. Учитывая тот факт, что пол пещеры перед погребением был спланирован и очищен от более ранних наслоений VII—IX вв., автор находки считает, что это пещерное захоронение, которое, возможно, совершено по смешанному ритуалу периода двоеверия (Ридуш 2000: 188). Б. Ридуш при этом отмечает, что культурный слой XII — первой половины XIII вв. был сильно поврежден, а местами уничтожен позднесредневековой расчисткой пещеры и в период первой мировой войны. Следовательно, можно предположить, что здесь могли похоронить и по христианскому обряду. Такие погребения в пещерах довольно широко представлены в Поднестровье, Киеве, Чернигове, Любече и др. (Сецинский 1901: 294; Sulimirski 1935: 25—32; Рыбаков 1964: 21—23; Килессо 1975: 95, 101; Горишний, Юра 1976: 318; Борзая 1985: 180—188; Моця 1990: 136).

Сохранялся на исследуемых территориях в XII — первой половине XIII вв. и древний языческий обряд «строительной жертвы». Он существовал практически у всех народов при сооружении любого здания. «Строительная жертва» — одна из этнографических универсалий (Байбурин 1983: 55). Если жертвенные символы, процедурные моменты и другие средства выражения ритуала у разных народов отличались, то глубинная семантическая модель была, наверное, схожей. По мнению специалистов, сначала у большинства народов при строительстве жилища, укрепления, общественного здания в жертву приносили человека: «человеки и начаша кумиры тво-

рить ови древяны ови медяны а друзии мрамаряны а иные златые и сребрены и кланяхуся имъ и привожаху сыны своя и дъщери и закалаху прид ними и бе вся земля осквернена» (Лаврентьевская летопись 1997: 91; Байбурин 1979: 160—162; Седов 1957: 20). Средневековые легенды о том, как замуровали людей, чаще детей, при закладке замков, известны в Германии, у сербов, хорватов (Зеленин 1937: 20; Войников 2001: 116—117). Этот исторический факт подтверждается местными хрониками и преданиями (Тайлор 1989: 86). Аналогичные летописные свидетельства есть и у восточных славян.

Длительное время к человеческим «строительным жертвам» на территории Пруто-Днестровского междуречья относили детские захоронения в контрфорсах белокаменного храма в Васильеве (Тимошук 1969: 90; 1992: 24; Мисько 2003: 15). Как доводы приводятся данные из других древнерусских и западноевропейских территорий. Но ни в одном источнике не указывается, что человеческая жертва была заложена в культовое сооружение. В Риге, например, погребение младенца было под оборонительной стеной (Цауне 1993: 210). В Суздале женский череп покоился под углом жилища (Седова 1997: 208—209).

Маловероятно, чтобы в христианское культовое сооружение позволили бы закладывать человеческую жертву, поскольку это противоречило христианским канонам. В Номоканоне утверждается: «...при возведении зданий встречается обычай класть человеческое тело в качестве фундамента. Кто положит человека в фундамент, поэтому наказание — 12 лет церковного покаяния и 300 поклонов. Клади в фундамент кабана или быка, или козла» (Зеленин 1937: 12).

Не менее распространенным был обряд закладки различных животных как «строительной жертвы», в зависимости от их роли в языческом мировоззрении того или иного народа (Dembinska, Gassowski 1978: 334). Так, поляки при закладке жилища убивали петуха и закапывали его в землю в то место, где будет стоять один из углов дома. Аналогичный обряд прослежен у болгар, белорусов, сербов (Тайлор 1989: 334). Петух в воображении древних людей олицетворял зооморфный образ Перуна-громовержца, который своим звонким пением отгонял нечистую силу и оберегал от всякого зла.

Сравнительный анализ верований восточнославянских племен показывает, что в народных поверьях о животных главное место

занимают домашние, и прежде всего лошадь. Замену человеческого жертвоприношения домашним животным можно найти уже в древности у разных индоевропейских народов, для которых был характерен культ лошади, ибо конь был незаменимой и главной производительной силой в хозяйстве земледельца (Иванов 1974: 102). Это обусловило поклонение ему как животному, которое своими сверхъестественными силами может влиять на урожайность полей (Носова 1975: 46). Конь был популярным символом добра и счастья. Так, для защиты свадебного кортежа, по старинке, выбирали лошадей светлой масти. По немецким поверьям, белые кони приносят в дома счастье и защищают от злых духов. Предполагается, что череп коня и образ змея являются атрибутами языческого бога Велеса (Писаренко 1988: 27—29).

Обряд принесения в жертву коня удалось проследить во время раскопок Черновской феодальной укрепленной усадьбы (рис. 6) (Возний 1993: 137—142). В каменном фундаменте сооружения была обнаружена нижняя челюсть лошади, на которой находились клыки дикого кабана. В челюсть было вбито железное долото, перпендикулярно которому лежала железная пластина. Под челюстью были положены двухцилиндровый железный замок и черешковый наконечник стрелы. Все находки лежали на обломках керамики и были посыпаны зерном пшеницы. Здесь налицо все атрибуты языческого обряда. По словам Б. А. Рыбакова, «символика ключа, замка элементарная — сохранение имущества семьи» (Рыбаков 1988: 542). Роль зубов хищных зверей тоже не вызывает сомнения. Они имели большое значение в культовых обрядах и поэтому распространены почти на всей территории Украины. Еще в каменном веке люди носили как обереги просверленные зубы и когти хищных зверей, которые должны были отгонять всякое зло, отпугивать врагов — видимых и невидимых (Ивакин 1981: 130). В комплексе языческого мировоззрения древних славян и в христианское время существовал культ дикого кабана, о чем свидетельствует находка кабаньего клыка с надписью: «Господи, помоги рабу своему Фоме» (Рыбаков 1953: 93).

О сути «строительной жертвы» существует несколько точек зрения, но все они сходятся в том, что она связана с языческим мировоззрением. В основе обычая лежало представление о необходимости жертвы при сооружении любого здания, что-

Рис. 6. Строительная жертва из жилища на Черновском городище (фото автора).

Fig. 6. Building sacrifice from a house on Chernovsk fort (photo by the author).

бы обеспечить его прочность, сохранить его само и жителей от влияния «злых духов». Вера в «строительную жертву» базировалась на необходимости умиротворить «злых духов» земли или перенести душу жертвы в покровителя нового строения (Тайлор 1989: 96). Черновская «строительная жертва» была заложена под порог жилища феодала. Захоронение конского черепа под фундаментом дома, как объясняли на Западной Украине, предотвращает беду: «несчастье и бедствие падают на этот череп, а не на обитателей жилища» (Keindl 1897: 137). В древности конь символизировал солнце и вместе с тем воду. Его приносили в жертву водяному божеству. «Строительные жертвы» под порогом дома известны в Новгороде (Седов 1957: 21). Череп коня был заложен под углом ювелирной мастерской X в. в Луцке (Терський 2006: 184).

Обряд закладки строительной жертвы под стены здания сохранялся на исследуемой территории до недавнего времени, когда при сооружении нового дома клали по углам на фундамент монеты, как символы оберега.

Таким образом, археологические материалы, полученные в ходе исследований на территории Пруто-Днестровского междуречья, позволяют сделать вывод, что православно-языческий комплекс, сложившийся исторически в процессе христианизации Руси и пронизывавший все мировоззрение славян, представлял собой сложный, запутанный клубок верований, обычаев, предрассудков, религиозно-мистических обрядов и ритуалов языческого периода, которые слились с элементами православия.

Литература

- Ал-Гарнати. 1971. *Путешествие Абу-Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)*. Москва: Наука.
- Байбурун А.К. 1979. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян. В: Байбурун А.К., Чистов К.В. (отв. ред.). *Проблемы славянской этнографии: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленина*. Ленинград: Наука, 155—162.
- Байбурун А.К. 1983. *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука.
- Беляев Л.А. 1993. Проблема христианского и «языческого» в погребальном обряде средневековой Москвы: семантические элементы надгробий XIII—XIV вв. В: Чернецов А.В. (отв. ред.). *Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России 3*. Москва: Русский мир, 30—46.
- Борзисяк И.А., Рябой Т.Ф. 1985. Средневековые находки в гроте Тринка I. В: Бырня П.П. (отв. ред.). *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье*. Кишинев: Штиинца, 180—188.
- Боровский Я.Е., Моця А.П. 1990. Концепция язычества и христианства в зарубежной историографии и данные археологии. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Славяне и Русь. (В зарубежной историографии)*. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 121—138.
- Бушина Т.И. 1986. *Декоративно-прикладное искусство Радяньської Буковини*. Київ: Мистецтво.
- Виноградова Л.Н. 1993. Чтобы покойник «не ходил»: комплекс мер в составе погребального обряда. В: Чернецов А.В. (отв. ред.). *Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Тезисы докладов конференции*. Москва, 39—42.
- Винокур И.С., Забашта Р.В. 1989. Монументальна скульптура слов'ян. *Археологія* (1), 65—77.
- Возный И.П. 1993. Сліди давньоруської цивілізації. *Буковинський журнал* (3—4), 137—142.
- Возный И.П. 1998. *Чорнівська феодальна укріплена садиба XII—XIII ст.* Чернівці: Рута.
- Возный И.П. 2002. Дослідження Ленківцького поселення 2001 року. *ПССІАЕ* (1), 126—139.
- Возный И.П. 2004. Елементи язичницьких вірувань у поховальному обряді давньоруського суспільства XII—XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень на теренах Північної Буковини). *Науковий вісник Чернівцького університету. Збірник наукових праць* 203—204, 228—233.
- Возный И.П. 2009. *Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X—XIV ст. Ч. 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток*. Чернівці: Золоті литаври.
- Войников А.Н. 2001. Этнографический сюжет строительного жертвоприношения в фольклорном тексте: на материалах болгар Бессарабии. В: Кожоляно Г.К. (відп. ред.). *БІЕВ* 3, 116—117.
- Геррманн И. 1980. История и культура северо-западных славян. В: Этингхоф Е.Б. (ред.). *Наука и человечество. Международные ежегодники*. Москва: Знание, 79—99.
- Гнатюк В. 1912. Купанє і палєне відьм у Галичині. *Матеріяли до української етнології* XV. Львів: 3 друкарні НТШ, 178—201.
- Гнатюк В. 1912а. Похоронні звичаї та обряди. *Етнографічний збірник XXXI—XXXII*. Львів, 138—246.
- Горишний П.А., Юра Р.А. 1976. Раскопки в селах Бакота и Студеница на Днестре. *АО 1975 г.* Москва: Наука, 318.
- Зеленин Д. 1937. *Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Зеленин Д.К. 1991. *Восточнославянская этнография*. Москва: Наука.
- Ивакин Г.Ю. 1981. Священный дуб Перуна. В: Артеменко (отв. ред.). *Древности Среднего Поднепровья. Сборник научных трудов*. Киев: Наукова думка, 124—158.
- Иванов В.С. 1974. Опыт истолкования древнейших ритуальных символов, образованных от asva — «конь». В: Зограф Г.А., Топоров В.Н. (отв. ред.). *Проблемы истории языков и культуры народов Индии*. Москва: Наука, 75—138.
- Ипатьевская летопись. 2001. ПСРЛ 2. Москва: Языки славянской культуры.
- Кайндль Р.Ф. 2000. *Гуцули: їх життя, звичаї та народні перекази*. Чернівці: Молодий буковинець.
- Кайндль Р.Ф., Манастирський О. 2007. *Русини на Буковині*. Пер. з нім. В.Ю. Іванюка. Чернівці: Зелена Буковина.
- Каргер М.К. 1958. *Древний Киев 1*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Килессо С.К. 1975. *Киево-Печерская лавра*. Москва: Искусство.
- Кожоляно Г.К. 1999. *Етнографія Буковини 1*. Чернівці: Золоті литаври.
- Кожоляно Г.К. 2001. *Етнографія Буковини 2*. Чернівці: Золоті литаври.
- Кожоляно Я.І. 1994. *Буковинський традиційний одяг*. Чернівці; Саскатун.
- Костишина М.В. 1996. *Український народний костюм Північної Буковини. Традиції, сучасність*. Чернівці: Рута.
- Крянев Ю.В., Павлова Т.П. 1989. Двоеверие в Руси. В: *Как была крещена Русь*. Москва: Политическая литература, 304—314.
- Купчанко Г. 2008. *Деякі історико-географічні відомості про Буковину*. Чернівці: Золоті литаври.
- Кучинко М.М. 1973. Поховальні пам'ятки IX—XIII ст. басейнів Західного Бугу і Сану. *Археологія* (10), 78—82.
- Лаврентьевская летопись. 1997. ПСРЛ 1. Москва: Языки славянской культуры.
- Лев Диакон. 1988. *История*. Москва: Наука.
- Мисько Ю.В. 2000. Джерела до вивчення пережитків язичницьких вірувань на Буковині. В: Масан О.М. (відп. ред.). *БІЕВ* 2, 38—39.
- Мисько Ю.В. 2001. Язичницькі храми західних і східних слов'ян: спроба порівняльного аналізу (на археологічному матеріалі). *ПССІАЕ* (1), 182—214.
- Мисько Ю.В. 2002. Релігійні уявлення слов'яно-руського населення Буковини за археологічними даними. *ПССІАЕ* (1), 115—125.
- Мисько Ю.В. 2003. *Язичницькі та християнські старожитності Верхнього Попруття і Середнього Подністров'я VIII — першої половини XIII ст.* Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ.
- Мисько Ю.В., Чучко М. 1999. Відображення пережитків язичницьких вірувань населення Буковини в церковних документах XVIII—XIX ст. В: *Етнічна*

№6. 2013

- історія народів Європи. Традиційна етнічна культура слов'ян. Збірник наукових праць. Київ: Стило, 89—92.
- Москаленко М.Н. 1993. *Українські замовляння*. Київ: Дніпро.
- Моця А.П. 1990. *Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка.
- Моця О.П. 1993. *Населення південно-руських земель IX—XIII ст. (за матеріалами некрополів)*. Київ: Київська академія Євробізнесу.
- Моця О., Ричка В. 1996. *Київська Русь: від язичництва до християнства*. Київ: Глобус.
- Нидерле Л. 1956. *Славянские древности*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры.
- Носова Г. 1975. *Язычество в православии*. Москва: Наука.
- Огієнко І.І. (Митрополит Іларіон). 1992. *Давньохристиянські вірування українського народу*. Київ: Обереги.
- ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. 1950. Ч. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Петренко В.В. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка). В: Седов В.В. (отв. ред.) *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 81—116.
- Петрухин В.Я. 1975. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова. *Вестник МГУ. История* (2), 85—92.
- Пивоваров С.В. 2001. *Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Пивоваров С.В., Мисько Ю.В. 1997. Язичницькі звичаї населення Буковини в документах кінця XVIII ст. В: *Матеріали другої Всеукраїнської науково-практичної конференції молодих науковців «Національні та етносоціальні процеси в Україні»*. Чернівці, 9—12.
- Писаренко В. 1988. «Зміїна» гора Щекавиця в світлі історичної традиції і фольклору. *Пам'ятки України* (2), 27—29.
- Плетнева С.А. 1989. *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва: Наука.
- Пошивайло О. 1993. *Етнографія українського гончарства. Лівобережна Україна*. Київ: Молодь.
- Пронин В.Я. 1963. *Русские аграрные праздники*. Ленинград.
- Рідуш Б.Т. 2000. До питання про культові печери слов'ян у Середньому Подністров'ї. *Археологічні студії* (1), 184—193.
- Розенфельдт Р.Л. 1963. К вопросу о гончарных клеймах. *СА* (2), 121—130.
- Русанова И.П. 1992. Культовые места и языческие святилища славян VI—XIII вв. *РА* (4), 50—67.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А. 1993. *Языческие святилища древних славян*. Москва: АРХЭ.
- Рыбаков Б.А. 1953. *Искусство древних славян. История русского искусства* 1. Москва: АН СССР, 39—94.
- Рыбаков Б.А. 1964. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. *КСИА* 99, 21—33.
- Рыбаков Б.А. 1966. Христиане или язычники? *Наука и религия* (2), 46—49.
- Рыбаков Б.А. 1981. *Язычество древних славян*. Москва: Наука.
- Рыбаков Б.А. 1982. *Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Рыбаков Б.А. 1988. *Язычество Древней Руси*. Москва: Наука.
- Седов В.В. 1957. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. *КСИИМК* 68, 20—30.
- Седов В.В. 1970. *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. МИА 163.
- Седова М.В. 1997. *Суздаль в X—XV веках*. Москва: Русский мир.
- Сецинский Б. 1901. Археологическая карта Подольской губернии. *Труды XI Археологического съезда* 1, 197—365.
- Скрипник А.А. 2000. Народные верования. В: Полищук Н.С., Пономарев А.П. (отв. ред.). *Украинцы*. Москва: Наука, 431—446.
- Соколова В.К. 1977. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре). *Фольклор и этнографические связи фольклора с древними представлениями и обрядами*. Ленинград: Наука, 188—195.
- Сумцов Н.Ф. 1885. *Хлеб в обрядах и песнях*. Харьков: Тип. М. Зильберга.
- Тайлор Э.Б. 1989. *Первобытная культура*. Москва: Политиздат.
- Терський С. 2006. *Лучеськ X—XV ст.* Львів: Львівська політехніка.
- Тимошук Б.А. 1953. Подкарпатские курганы III—V вв. *КСИИМК* 52, 54—59.
- Тимошук Б.О. 1965. Дослідження курганів середньотрипільського часу в Подністров'ї. В: *Тези доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції*. Хмельницький, 67—68.
- Тимошук Б.О. 1969. *Північна Буковина — земля слов'янська*. Ужгород: Карпати.
- Тимошук Б.О. 1974. *Зустріч з легендою (Історико-краєзнавчі нариси)*. Ужгород: Карпати.
- Тимошук Б.О. 1976. *Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.* Київ: Наукова думка.
- Тимошук Б.О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Тимошук Б.А., Русанова И.П. 1983. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута. *СА* (4), 161—173.
- Тимошук Б.О. 1998. Язичницькі святилища Галицької Русі. В: *Матеріали наукової конференції «Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян (до 150-річчя виявлення Збруцького «Святовита»)»*. Львів, 39—50.
- Тимошук Б.О. 1992. *Василів — місто Галицької Русі*. Чернівці: Прут.
- Токарев С.А. 1986. *Религия в истории народов мира*. Москва: Политическая литература.
- Толочко П.П. 1989. *Древнерусский феодальный город*. Киев: Наукова думка.
- Толстой Н.И. 1989. Некоторые соображения о реконструкции славянской духовной культуры. В: Толстой Н.И. (отв. ред.). *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. Москва: Наука, 7—22.
- Украинский народ... 1916: Волков Ф.К., Грушевский М.С., Ковалевский М.М. и др. (ред.). 1916. *Украинский народ в его прошлом и настоящем*. Т. II. Петроград: Издание М.А. Славинского.
- Федоров Г.Б. 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. *СА* (3), 234—276.
- Франко И. (Мирон). 1890. Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г. *Киевская старина* XXIX (4), 102—120.
- Фурсов М.В., Чоловский С.Ю. 1892. *Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению г. начальника Могилевской губернии, Алексан-*

- дра Станиславовича Дембовецкого, в течение лета 1892 г., в уездах Рогачевском, Быховском, Климовичском, Чериковском и Мстиславльском. Т. 4. Могилев: Губернское правление.
- Цауне А. В. 1993. Язычество древней Риги. В: Седов В. В., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России 1*. Москва: Наука; Восточная литература, 205—216.
- Цыбульский К. 1885. Всенародное купанье ведьм в озере и судебная от того волокита. *Киевская старина* XIII (11), 567—568.
- Чеховський І. 2001. Демонологічні вірування і народний календар українців Карпатського регіону. Чернівці: Зелена Буковина.
- Чеховський І. 2003. Переслідування осіб, запідозрених у чаклунстві, в українців: побутування архетипу у формі «псевдо архаїзму». *Археологічні студії* (2), 241—253.
- Чучко М. К. 2008. «И взят бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воєводства та Австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці: Книги-XXI.
- Щербий Г. С. 2000. Знаковые функции народного костюма. В: Полищук Н. С., Пономарев А. П. (отв. ред.). *Украинцы*. Москва: Наука.
- Ящуржинский Х. 1890. Остатки языческих обрядов, сохранившиеся в малорусском погребении. *Киевская старина* XXVIII (1), 130—132.
- Dembińska M., Gassowski J. 1978. Materialne przejawy kultury. W: Hensl W., Pazdura J. (red.). *Historia kultury materialnej Polski 1*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 320—342.
- Herrmann J. 1968. Die Ergebnisse der Ausgrabungen in Feldberg, Kr. Neustrelitz. Ein Beitrag zur Reithra-Frage. In: *Ausgrabungen und Funde* 13 (4), 198—204.
- Herrmann J. 1984. Ralswiek — Seehandelsplatz, Hafen und Kultstätte. Arbeitstand 1983. In: *Ausgrabungen und Funde* 29 (3), 128—135.
- Keiling H. 1984. Ein jungslawisches Bauwerk aus Spaltbohlen von Parchim. In: *Ausgrabungen und Funde* 29 (3), 135—144.
- Keindl R. F. 1902. Beiträge zur Volkskunde des Ostkarpathengebietes. In: *Zeitschrift für österreichische Volkskunde*. VIII Jahrgang (III, IV). Wien, 118—131.
- Kostrzewski I. 1962. *Kultura prapolska*. Warszawa.
- Ślupecki L. P. 1994. Problem słowiańskich świątyń: czasopismo poświęcone starożytnościom słowiańskim. In: *Slavia Antiqua* 35, 47—67.
- Sulimirski T. 1935. Sprawozdanie z działalności lwowskiego ośrodka prehistorycznego. In: *Z otchłani wieków X* (2). Kraków, 20—28.

References

- Al-Garnati. 1971. *Puteshestvie Abu-Khamida Al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131—1153 gg.) (Travels of Abu-Khamid Al-Garnati in Eastern and Central Europe (1131—1153))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Bayburin, A. K. 1979. In *Problemy slavianskoi etnografii: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia chl.-kor. AN SSSR D. K. Zelenina (Problems of Slavic ethnography: to the anniversary of 100 years from the birth of D. K. Zelenin, corresponding member of AN SSSR)*. Leningrad: Nauka, 155—162 (in Russian).
- Bayburin, A. K. 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian (The house in the rites and beliefs of Eastern Slavs)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Belyaev, L. A. 1993. In *Istoki russkoi kul'tury (arkheologiya i lingvistika) (Origins of Russian culture (archaeology and linguistics))*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on archaeology of Russia) 3. Moscow: Russkii mir, 30—46 (in Russian).
- Borziac, I. A., Reaboi, T. F. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovykh pamiatnikov v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (Archaeological investigations of Medieval sites in the Dniester-Prut interfluvium)*. Kishinev: Shuintsu, 180—188 (in Russian).
- Borovskiy, Ya. E., Motsya, A. P. 1990. In *Slaviane i Rus' (V zarubezhnoi istoriografii) (Slavs and Russia. (in the foreign historiography))*. Kiev: Naukova dumka, 121—138 (in Russian).
- Bushina, T. I. 1986. *Dekorativno-prykładne mystetstvo Radyans'koi Bukovyny (Decorative art of Soviet Bukovina)*. Kiev: Mystetstvo (in Ukrainian).
- Vinogradova, L. N. 1993. In *Istoki russkoi kul'tury (arkheologiya i lingvistika) (Origins of Russian culture (archaeology and linguistics))*. Moscow, 39—42 (in Russian).
- Vinokur, I. S., Zabashka, R. V. 1989. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 65—77 (in Ukrainian).
- Vozny, I. P. 1993. In *Bukovyns'kyj zhurnal (Bucovina journal)* (3—4), 137—142 (in Ukrainian).
- Vozny, I. P. 1998. *Chorniv's'ka feodal'na ukriplena sadyba XII—XIII st. (Chorniv's'ka feudal fortified farmstead in the 12th—13th centuries)*. Chernovtsy: Ruta (in Ukrainian).
- Vozny, I. P. 2002. In *Pytannya starodavn'oi, seredn'ovichnoi istorii, arkheolohii ta etnografii (Questions of ancient and medieval history, archaeology and ethnology)* (1), 126—139 (in Ukrainian).
- Vozny, I. P. 2004. In *Naukovy visnyk Chernivets'koho universytetu. Zbirnyk naukovykh prats' (Scientific bulletin of the Chernivtsi University. A collection of scientific articles)* 203—204, 228—233 (in Ukrainian).
- Vozny, I. P. 2009. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok naselennya mezhrychchya Verkh'n'oho Siretu ta Seredn'oho Dnistra v X—XIV st. (Historical and cultural development of the population of Upper Siret and Middle Dniester interfluvium in the 10th—14th centuries)*. P. 2. *Material'na, dukhovna kul'tura ta sotsial'no-istorychnyj rozvytok (Material, spiritual culture and social-historical development)*. Chernovtsy: Zoloti lytavy (in Ukrainian).
- Voynikov, A. N. 2001. In *Bukovyns'kyj istoryko-etnografichny visnyk (Bucovina historical and ethnographical bulletin)* 3, 116—117 (in Russian).
- Germann, I. 1980. In *Nauka i chelovechestvo. Mezhdunarodnyi ezhegodnik (Science and mankind. International yearbook)*. Moscow: Znanie, 79—99 (in Russian).
- Gnatyuk, V. 1912. In *Materialy do ukrains'koi etnolohii (Materials for the Ukrainian ethnology)* XV. Lvov: Z drukami NTSh, 178—201 (in Ukrainian).
- Gnatyuk, V. 1912. In *Etnografichnyy zbirnyk (Ethnographical compilation)* XXXI—XXXII. Lvov, 138—246 (in Ukrainian).
- Gorishniy, P. A., Yura, R. A. 1976. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g. (Archaeological researches in 1975)*. Moscow: Nauka, 318 (in Russian).
- Zelenin, D. 1937. *Totemy-derev'ia v skazaniakh i obriadakh evropeiskikh narodov (Tree-totems in the tales and rites of European nations)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Zelenin, D. K. 1991. *Vostochnoslavianskaia etnografiia (Eastern Slavic ethnography)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Ivakin, G. Yu. 1981. In *Drevnosti Srednego Podneprov'ia. Sbornik nauchnykh trudov (Antiquities of Middle Dnieper region. A compilation of scientific studies)*. Kiev: Naukova dumka, 124—158 (in Russian).
- Ivanov, V. S. 1974. In *Problemy istorii iazykov i kul'tury narodov Indii (Problems of history of languages and culture of India)*. Moscow: Nauka, 75—138 (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis' (Ipatiev chronicle)*. 2001. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).

№6. 2013

- Kayndl, R. F. 2000. *Hutsuly: ikh zhyttya, zvychai ta narodni pereka-zy (Hutsuls: their life, traditions and folklore)*. Chernovtsy: Molodyi bukovynets' (in Ukrainian).
- Kayndl, R. F., Manastyrs'kiy, O. 2007. *Rusyny na Bukovyni (Rusins in Bucovina)*. Chernovtsy: Zelena Bukovyna (in Ukrainian).
- Karger, M. K. 1958. *Drevnii Kiev (Old Kiev)* 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Killeso, S. K. 1975. *Kievo-Pecherskaia lavra (Kiev Pechersk Lavra)*. Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Kozholyanko, G. K. 1999. *Emohrafiya Bukovyny (Ethnography of Bukovina)* 1. Chernovtsy: Zoloti lytavry (in Ukrainian).
- Kozholyanko, G. K. 2001. *Emohrafiya Bukovyny (Ethnography of Bukovina)* 2. Chernovtsy: Zoloti lytavry (in Ukrainian).
- Kozholyanko, Ya. I. 1994. *Bukovyns'kyj tradytsiynij odyah (Bukovina traditional costume)*. Chernovtsy; Saskatun (in Ukrainian).
- Kostishina, M. V. 1996. *Ukrains'kyj narodnyj kostyum Pivnichnoi Bukovyny. Tradytzii, suchasnist' (Ukrainian popular costume of Western Bukovina. Traditions, contemporaneity)*. Chernovtsy: Ruta (in Ukrainian).
- Kryanev, Yu. V., Pavlova, T. P. 1989. In *Kak byla kreshchena Rus' (How was Russia christened)*. Moscow: Politicheskaya literatura, 304—314 (in Russian).
- Kupchanko, G. 2008. *Deyaki istoriko-geohrafiichni vidomosti pro Bukovynu (Some historical and geographical information on Bukovina)*. Chernovtsy: Zoloti lytavry (in Ukrainian).
- Kuchinko, M. M. 1973. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 10, 78—82 (in Ukrainian).
- Lavrent'evskaia letopis' (Lavrentievskaya chronicle)*. 1997. *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles)* 1. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).
- Leo Deacon. 1988. *Istoriia (The History of Leo the Deacon)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Misko, Yu. V. 2000. In *Bukovyns'kyj istoriko-etnografiichnyi visnyk (Bucovina historical and ethnographical bulletin)* 2, 38—39 (in Ukrainian).
- Misko, Yu. V. 2001. In *Pytannia starodavn'oi, seredn'ovichnoi istorii, arkheolohii ta etnografii (Questions of ancient and medieval history, archaeology and ethnology)* (1), 182—214 (in Ukrainian).
- Misko, Yu. V. 2002. In *Pytannia starodavn'oi, seredn'ovichnoi istorii, arkheolohii ta etnografii (Questions of ancient and medieval history, archaeology and ethnology)* (1), 115—125 (in Ukrainian).
- Misko, Yu. V. 2003. *Iazychnyts'ki ta khrystyians'ki starozhytnosti Verkh'oho Popruttya i Seredn'oho Podnistrov'ya VIII — pershoi polovyny XIII st. (Pagan and Christian antiquities from Upper Prut and Middle Dniester in the 8th — first half of 13th centuries)*. Kiev (in Ukrainian).
- Misko, Yu. V., Chuchko, M. 1999. In *Etnichna istoriya narodiv Yevropy. Tradyttsijna etnichna kul'tura slov'yan. Zbirnyk naukovykh prats' (Ethnic history of the Europe nations. Traditional ethnic culture of the Slavs. A compilation of scientific works)*. Kiev: Stylos, 89—92 (in Ukrainian).
- Moskalenko, M. N. 1993. *Ukrains'ki zamovlyannia (Ukrainian sorceries)*. Kiev: Dnipro (in Ukrainian).
- Motsya, A. P. 1990. *Pogrebal'nye pamiatniki iuzhnorusskikh zemel' IX—XIII vv. (Funerary sites from Southern Russian lands in 9th—13th centuries)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Motsya, O. P. 1993. *Naselennia pivdenno-rus'kykh zemel' IX—XIII st. (za materialami nekropoliv) (Population of Western Russian lands in 9th—13th centuries (basing on the materials from cemeteries))*. Kiev: Kyivs'ka akademiya Yevrobiznesu (in Ukrainian).
- Motsya, O., Richka, V. 1996. *Kyivs'ka Rus': vid iazychnytstva do khrystyianstva (Kievan Rus': from paganism to Christianity)*. Kiev: Hlobus (in Ukrainian).
- Niederle, L. 1956. *Slavianskie drevnosti (Slavic antiquities)*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury (in Russian).
- Nosova, G. 1975. *Iazychestvo v pravoslavii (Paganism in Orthodoxy)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Ohienko, I. I. (Metropolitan Ilarion). 1992. *Davn'okhrystyians'ki viruvannia ukrains'koho narodu (Old Christian beliefs of the Ukrainian folk)*. Kiev: Oberehy (in Ukrainian).
- Povest' vremennykh let (Tale of Bygone Years)*. 1950. Part 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Petrenko, V. V. 1985. In *Srednevekovaiia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New archaeological discoveries and investigations)*. Leningrad: Nauka, 81—116 (in Russian).
- Petrukhin, V. Ya. 1975. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Moscow State University. History)* (2), 85—92 (in Russian).
- Pivovarov, S. V. 2001. *Khrystyians'ki starozhytnosti v mezhyrichchi Verkh'oho Prutu ta Seredn'oho Dnistra (Christian antiquities in the Upper Prut and Middle Dniester interfluvium)*. Chernovtsy: Zelena Bukovyna (in Ukrainian).
- Pivovarov, S. V., Misko, Yu. V. 1997. In *Materialy druhoi Vseukrains'koi naukovo-praktychnoi konferentsii molodykh naukovtsiv «Natsional'ni ta etnosotsial'ni protsesy v Ukraini» (Materials of the second all-Ukrainian scientific-practical conference of young scientists „National and ethnosocial processes in Ukraine“)*. Chernovtsy, 9—12 (in Ukrainian).
- Pisarenko, V. 1988. In *Pam'yatky Ukrainy (Monuments of Ukraine)* (2), 27—29 (in Ukrainian).
- Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (On the border between Slavs and Khazars. Dmitriev archaeological complex)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Poshivaylo, O. 1993. *Emohrafiya ukrains'koho honcharstva. Livoberezhna Ukraina (Ethnography of Ukrainian pottery-making. Left-bank Ukraine)*. Kiev: Molod' (in Ukrainian).
- Pronin, V. Ia. 1963. *Russkie agrarnye prazdniki (Russian agrarian feasts)*. Leningrad (in Russian).
- Ridush, B. T. 2000. In *Arkheolohichni studii (Archaeological studies)* (1), 184—193 (in Ukrainian).
- Rozenfel'dt, R. L. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 121—130 (in Russian).
- Rusanova, I. P. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 50—67 (in Russian).
- Rusanova, I. P., Timoshchuk, B. A. 1993. *Iazycheskie sviatilishcha drevnikh slavian (Pagan sanctuaries of Old Slavs)*. Moscow: ARKhE (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1953. In *Istoriia russkogo iskusstva (History of Russian art)* 1. Moscow: AN SSSR, 39—94 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)* 99, 21—33 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1966. In *Nauka i religii (Science and Religion)* (2), 46—49 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1981. *Iazychestvo drevnikh slavian (Paganism of Old Slavs)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1982. *Kievskaya Rus' i russkie kniazhestva XII — XIII vv. (Kievan Rus' and Russian princedoms in 12th—13th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1988. *Iazychestvo Drevnei Rusi (Paganism of Old Russia)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedov, V. V. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* 68, 20—30 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1970. *Slaviane Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia (The Slavs of Upper Dnieper and Upper Dvina regions)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 163 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1997. *Suzdal' v X—XV vekakh (Suzdal in 10th—15th centuries)*. Moscow: Russkii mir (in Russian).
- Setsinsky, B. 1901. In *Trudy XI Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of 11th Archaeological Convention)* 1, 197—365 (in Russian).
- Skipnik, A. A. 2000. In *Ukraintsy (Ukrainians)*. Moscow: Nauka, 431—446 (in Russian).
- Sokolova, V. K. 1977. In *Fol'klor i etnograficheskie svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniiami i obriadami (Folklore and its ethnographical connections to ancient rites and beliefs)*. Leningrad: Nauka, 188—195 (in Russian).
- Sumtsov, N. F. 1885. *Khleb v obriadakh i pesniakh (Bread in rites and songs)*. Kharkov: Tip. M. Zil'berga (in Russian).
- Tylor, E. B. 1989. *Pervobytnaia kul'tura (Primitive culture)*. Moscow: Politizdat (in Russian).

- Terskiy, S. 2006. *Luches'k X—XV st. (Luches'k in 10th—15th centuries)*. Lvov: L'vivs'ka politekhnika (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture)* 52, 54—59.
- Timoshchuk, B. A. 1965. In *Tezy dopovidei Podil's'koi istoriko-krayeznavchoi konferentsii (Abstracts of Podolian historical and ethnographical conference)*. Khmel'nitskyi, 67—68 (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A. 1969. *Pivnichna Bukovyna — zemlya slov'yan-s'ka (Northern Bukovina — a Slavic land)*. Uzhgorod: Karpaty (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A. 1974. *Zustrich z lehendoyu (Istoryko-krayeznavchi narysy) (Meeting a legend (Historical and ethnographical essay))*. Uzhgorod: Karpaty (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A. 1976. *Slov'yany Pivnichnoi Bukovyny V—IX st. (Slavs of Northern Bukovina in 5th — 9th centuries)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A. 1982. *Davn'orus'ka Bukovyna (X — persha polovyna XIV st.) (Old Russian Bukovina (10th — first half of 14th century))*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A., Rusanova, I. P. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 161—173 (in Russian).
- Timoshchuk, B. A. 1998. In *Materialy naukovoï konferentsii «Medobory i dukhovna kul'tura davnikh, seredn'ovichnykh slov'yan (do 150-richchya vyvavlennya Zbruts'koho «Svyatovyta») (Materials of the scientific conference “Medobory and spiritual culture of old, medieval Slavs (to the anniversary of 150 years from the discovery of the Zbrutsch “sanctuary”))*. Lvov, 39—50 (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. A. 1992. *Vasyliv — misto Halys'koi Rusi (Vasyliv — a town of Galician Rus')*. Chernivtsi: Prut (in Ukrainian).
- Tokarev, S. A. 1986. *Religiia v istorii narodov mira (Religion in the history of world population)*. Moscow: Politicheskaya literatura (in Russian).
- Tolochko, P. P. 1989. *Drevnerusskii feodal'nyi gorod (Old Russian feudal town)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Tolstoy, N. I. 1989. In *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi dukhovnoi kul'tury: istochniki i metody (Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of old Slavic spiritual culture: sources and methods)*. Moscow: Nauka, 7—22 (in Russian).
- Volkov, F. K., Grushevsky, M. S., Kovalevsky, M. M. et al. (ed.). 1916. *Ukrainskii narod v ego proshlom i nastoiashchem (Ukrainian folk in past and present)*. Vol. II. Petrograd: Izdanie M. A. Slavinskogo (in Russian).
- Fedorov, G. B. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 234—276 (in Russian).
- Franko, I. (Miron). 1890. In *Kievskaya starina (Kiev antiquities)* XXIX (4), 102—120 (in Russian).
- Fursov, M. V., Cholovsky, S. Yu. 1892. *Dnevnik kurgannykh raskopok, proizvedennykh po porucheniiu g. nachal'nika Mogilevskoi gubernii, Aleksandra Stanislavovicha Dembovetskogo, v techenie leta 1892 g., v uездakh Rogachevskom, Bykhovskom, Klimovichskom, Cherkovskom i Mstislav'skom (Journal of excavations of kurgans, carried out by commission of the governor of Mogilevsk government, Mr. Aleksandr Stanislavovich Dembovetskii, during the summer of 1892, in the Rogachevskii, Bykhovskii, Klimovichskii, Cherkovskii and Mstislavskii district)*. Vol. 4. Mogilev: Gubernskoe pravlenie (in Russian).
- Tsaune, A. V. 1993. In *Slavianskaia arkheologiya. Etnogenez, rasselenie i dukhovnaia kul'tura slavian (Slavic archaeology. Ethnogenesis, settlement and spiritual culture of Slavs)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 1. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 205—216 (in Russian).
- Tsybul'sky, K. 1885. In *Kievskaya starina (Kiev antiquities)* XIII (11), 567—568 (in Russian).
- Chekhovskiy, I. 2001. *Demonolohichni viruvannya i narodnyj kalendar ukrainsiv Karpats'koho rehionu (Demonological beliefs and popular calendar of the Ukrainians from Carpathian region)*. Chernivtsi: Zelena Bukovyna (in Ukrainian).
- Chekhovskiy, I. 2003. In *Arkheolohichni studii (Archaeological studies)* (2), 241—253 (in Ukrainian).
- Chuchko, M. K. 2008. «Y v'zyat boha na pomoshch'»: sotsial'no-religijnyj chynnyk v zhytti pravoslavnoho naselennya pivnichnykh volostej Moldavs'koho voyevodstva ta Avstrijs'koi Bukovyny (epokha pizn'oho seredn'ovichchya ta novoho chasu) („With the help of the God“: social and religious factor in the life of the Orthodox population of the northern districts of Moldavian Voivodeship and Austrian Bukovina (Late Middle Ages and Modern time)). Chernivtsi: Knigi-XXI (in Ukrainian).
- Shcherbiy, G. S. 2000. In *Ukraintsy (Ukrainians)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Yaschurjinskiy, Kh. 1890. In *Kievskaya starina (Kiev antiquities)* XXVIII (1), 130—132 (in Russian).
- Dembińska, M., Gassowski, J. 1978. *Materialne przejawy kultury: Hensl, W., Pazdura, J. (red.). Historia kultury materialnej Polski 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 320—342.*
- Herrmann, J. 1968. Die Ergebnisse der Ausgrabungen in Feldberg, Kr. Neustrelitz. Ein Beitrag zur Rethra-Frage. In: *Ausgrabungen und Funde* 13 (4), 198—204.
- Herrmann, J. 1984. Ralswiek — Seehandelsplatz, Hafen und Kultstätte. Arbeitstand 1983. In: *Ausgrabungen und Funde* 29 (3), 128—135.
- Keiling, H. 1984. Ein jungslawisches Bauwerk aus Spaltbohlen von Parchim. In: *Ausgrabungen und Funde* 29 (3), 135—144.
- Keindl, R. F. 1902. Beiträge zur Volkskunde des Ostkarpathengebietes. In: *Zeitschrift für österreichische Volkskunde*. VIII Jahrgang (III, IV). Wien, 118—131.
- Kostrzewski, I. 1962. *Kultura prapolska*. Warszawa.
- Słupecki, L. P. 1994. Problem słowiańskich świątyń: czasopismo poświęcone starożytnościom słowiańskim. In: *Slavia Antiqua* 35, 47—67.
- Sulimirski, T. 1935. Sprawozdanie z działalności lwowskiego ośrodka prehistorycznego. In: *Z otchłani wieków X* (2). Kraków, 20—28.

Статья поступила в номер 4 марта 2013 г.

Igor Vozny (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Yuri Fedkovych Chernivtsi National University¹.

Igor Vozny (Cernăuți, Ucraina). Doctor în științe istorice. Universitatea Națională "Iuri Fedkovič" din Cernăuți.

Возный Игорь Петрович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича.

E-mail: voznij_igor@rambler.ru

Address: ¹ Kafedralnaya St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

С. М. Дончева

Типы и назначение литейных сосудов в средневековой Болгарии

Keywords: medieval Bulgaria, production centers, medieval metallurgy, jewelry craftsmanship, molding vessels, crucibles.

Cuvinte cheie: Bulgaria medievală, centre de producție, metalurgie medievală, orfevrărie, căușe pentru metal, creuzete, pote.

Ключевые слова: средневековая Болгария, производственные центры, средневековая металлургия, ювелирное дело, льячки, тигли, поты.

S. M. Doncheva

Typology and Function of Melting Vessels in Medieval Bulgaria

The large number and diversity of the molding vessels found during excavations on the main production centers of Medieval Bulgaria represent an indisputable evidence for the development of metallurgy and jewelry craftsmanship. In the workshops of the First Bulgarian Empire (9th—11th cc.) there were used stoppered semispherical crucibles with thick walls, elongated and broadened bottom, pinched handle and narrow neck for pouring melted metal. They were used only once and were produced after wooden model out of sedimentary or marly loam with admixture of fine quartz sand spread in the North-Eastern regions of Bulgaria. In the time of the Second Bulgarian Empire (12th—14th cc.) there were applied the so-called "poty" — open molding vessels of small size with a semispherical, oval or conic shape of the body. More rarely occur cylindrical vessels. Most of them are thick-walled with a sharp bottom and pinched orifice. These were also produced after a wooden model and used repeatedly. In the ceramic paste, a higher content of iron could be observed, together with quartz sand which was roughening the surface of the vessels. The analysis of the metal preserved on the walls of the vessels shows that it is impossible to determine the exact composition of the original alloy. The conclusions of the paper are based on the information about the composition of clay, reconstruction of the technological process and the changes occurred in the structure of the vessels after thermal effect and melting of metal.

S. M. Doncheva

Tipologia și funcția vaselor pentru topirea metalelor din Bulgaria medievală

Canitatea și diversitatea mare a căușelor pentru turnarea metalului, descoperite în timpul săpăturilor principalelor centre de producție din Bulgaria medievală, reprezintă un indiciu clar al nivelului de dezvoltare a metalurgiei și orfevrăriei. În atelierele Primului Țarat Bulgar (sec. IX—XI) se utilizau creuzete semisferice închise cu un dop, cu fund alungit și lărgit, mâner ciupit și gât îngust pentru turnarea metalului topit. Ele se utilizau o singură dată și erau executate, după un model din lemn, din lut sedimentar sau de marnă cu adaos de nisip mărunț de cuarțit, răspândit în regiunile de nord-est ale Bulgariei. În perioada celui de-al Doilea Țarat Bulgar (sec. XII—XIV) se aplică așa-numitele „pote” — căușe de tip deschis și dimensiuni mici cu corpul semisferic, oval sau conic. Mai rar se întâlnesc vasele cilindrice. Majoritatea dintre acestea au pereții subțiri și fund ascuțit, gura ciupită. Ele la fel sunt executate după un model, însă utilizate repetat. În pasta ceramică se observă un conținut sporit al fierului, este de asemenea prezent nisipul de cuarțit care făcea, ca suprafața pieselor să fie aspră. Analiza metalului păstrat pe pereții vaselor a arătat, că conținutul aliajului original nu poate fi stabilit cu precizie. Concluziile acestui articol se bazează pe datele despre conținutul argilei, reconstrucția procesului tehnologic și modificările din structura vaselor după tratarea termică și topirea metalului.

С. М. Дончева

Типы и назначение литейных сосудов в средневековой Болгарии

Большое количество и разнообразие литейных сосудов (лячек), найденных во время раскопок основных производственных центров средневековой Болгарии, является бесспорным доказательством развития металлургии и ювелирного дела. В мастерских Первого Болгарского царства (IX—XI вв.) использовались закрытые пробкой тонкостенные тигли полусферической формы с удлиненным и расширенным дном, прищипнутой ручкой и узким горлышком для выливания расплавленного металла. Они были разовыми и изготавливались по деревянной модели из распространенной в северо-восточных районах государства осадочной или мергельной глины с примесью мелкого кварцевого

песка. В эпоху Второго Болгарского царства (XII—XIV вв.) применяются поты — льячки открытого типа, небольшого размера, полусферической, овальной или конической формы. Реже встречаются цилиндрические сосуды. В большинстве своем они тонкостенные с заостренным дном, прищипнутым устьем, и также изготовлены по модели, употреблялись неоднократно. В керамическом тесте наблюдается повышенное содержание железа, присутствует также кварцевый песок, придающий поверхности льячек шероховатость. Анализ сохранившегося металла на стенках сосудов показывает, что точно установить состав оригинального сплава невозможно. Выводы основываются на сведениях о составе глины, реконструкции технологического процесса и произошедших переменах в структуре сосудов после температурного воздействия и расплавления металла.

Введение

Две группы предметов, свидетельствующие о производстве металла, — это сосуды и формы для литья. Данные изделия имеют различные названия (Bayley, Rehren 2007: 46—55). Одними исследователями они определяются как поты, другими — тигли, и часто оба термина считаются синонимами. Однако на самом деле между ними существуют различия, которые проявляются не только в их назначении, но также в форме и структуре. В металлургической практике тигли представляют собой закрытые сосуды с минимальным доступом кислорода, замедляющие окислительный процесс, тогда как поты являются открытыми сосудами, чаще всего конусовидной или цилиндрической формы. Здесь мы принимаем название «лячки» для всех предметов, а в ходе изложения результатов исследования обозначим разницу между ними и соответствующую терминологию.

Настоящая работа рассматривает льячки раннего и позднего периодов средневековья Болгарии, а ее целью является не только их представление, но и опыт реконструкции связанного с ними технологического процесса. Обыкновенно сосуды поступают к нам во фрагментированном виде, обнаружение же целого изделия считается редким явлением. Это обусловлено структурой сосудов и высокой температурой, которой они подвергаются, что делает их хрупкими. Тем не менее, есть достаточно и целых сосудов, что может быть хорошей основой для исследования их функциональных и технических характеристик. Изучение льячек дает информацию по разным направлениям:

- форма и размер изделий, определенные культурной средой, их хронология;
- производство и состав керамики, обусловленные традиционным целевым назначением;
- функциональные процессы.

I. Технические характеристики

Льячки определяются как перемещаемые инструменты для осуществления реакции, в которой происходит высокотемпературная

трансформация, но не с постоянным и не обязательно с непосредственным нагреванием — условие, отличающее их от печей. Они принадлежат к числу интеркультурных артефактов, используются давно. Самые ранние из них найдены в Средиземноморье, датированы эпохой поздней бронзы (1200 г. до н. э.). Изображение подобных сосудов встречается в гробнице Тутмоса III (1500 г. до н. э.). Большое разнообразие форм наблюдается в римский период, еще с 600 г. до н. э. до VI—VII вв. (Tylecote 1982: 233, fig. 5). В средние века традиции продолжают, но с некоторыми особенностями в отдельных странах, что отражено в сочинениях Теофила и Г. Агриколы, посвященных металлургии и обработке металлов в этот период (Theophilus 1989; Agricola 1912). Имеется также достаточно много свидетельств о высоком технологическом уровне развития этой отрасли и в средневековой Болгарии.

1. Форма льячек

А. Раннее болгарское средневековье (IX—XI вв.)

При изучении поселений и крепостей этого периода найдены сосуды закрытой формы с ручками — тигли. Первый, из числа известных, центр художественного металла в окрестностях столицы Преслав, вблизи села Новосел Шуменского района, хронологически относится к 30—60 гг. X в. Во время его раскопок найдено более 320 целых и фрагментированных тиглей (рис. 1) (Бонев, Дончева 2011: 248—256, табл. VI—XIV). Подобные же результаты получены и при изучении второго центра металлопластики, расположенного недалеко от села Златар Преславского района. На данный момент там обнаружено более 40 целых сосудов и множество фрагментов (рис. 2) (Дончева 2009: 576—577; 2011: 523—251; Doncheva 2010: 729—731). Характерными чертами упомянутых изделий являются полусферическая форма с удлиненным и расширенным дном, удобная для держания ручка с защипом и узкое горлышко для наливания расплавленного металла. Все тигли раннего средневековья Болгарии — закрытого типа, чем отличаются от часто встречающихся широко открытых льячек (пот), равно как

№6. 2013

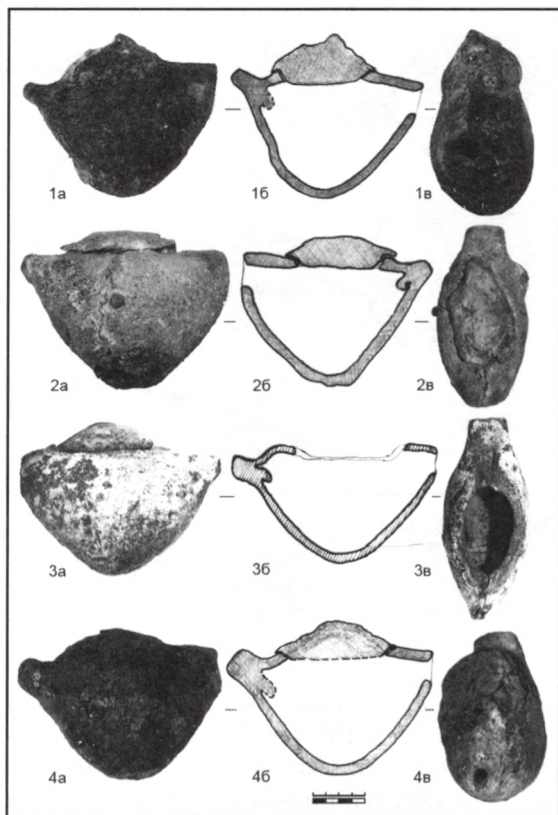

Рис. 1. Тигли из производственного центра у с. Новосел, Шуменской области.

Fig. 1. Crucibles of production center at Novosel, Shumen region.

и от металлических мелких (часто круглых) тиглей (рис. 1; 2) (Чолаков 2010: 143, рис. 238; 2; 242: 1).

Судя по найденным целым и фрагментированным сосудам, они выполнены с использованием модели или отливки, с помощью которых было сформировано полусферическое тело сосуда с горловиной. Это подтверждается видимым краем и очертанием широкого овального отверстия в верхней части тигля (рис. 1: 1 в, 2 в, 3 в). Предположительно, ручка вылеплена отдельно. Об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты различных частей изделий.

Пробка для отверстия в верхней части сосуда также изготовлена отдельно (рис. 1: 4б). Она сделана по шаблону, отличается небольшими размерами и толщиной стенок (0,5—0,8 см) (рис. 2: 3а, 3в). Создается впечатление, что ее длина, ширина и высота кратны целым числам, которые трудно получить при изготовлении сосудов вручную. Большое количество тиглей подтверждает однократность их использования и изготовление в самой мастерской. Подобные льячки найдены и исследованы также при изу-

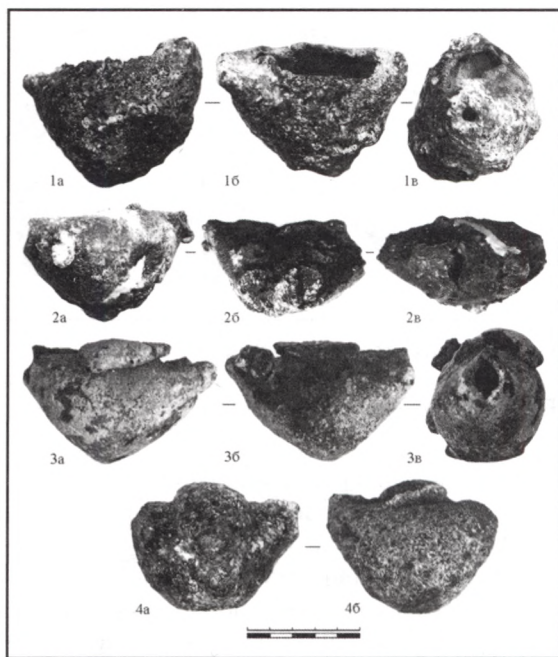

Рис. 2. Тигли производственного центра вблизи с. Златар, Преславского района.

Fig. 2. Crucibles of production center at Zlatar, near Preslav.

чении остатков мастерской в Плиске (рис. 3) (Дончева-Петкова 1980: 33, рис. 11 а).

Такие примеры есть и в Саркеле-Белой Веже (Артамонов 1958: рис. 47), и в древнем Киеве (Каргер 1958: 401, рис. 92). Во время раскопок ювелирного комплекса в столице Владимиро-Суздальского княжества найдено около 300 фрагментов закрытых тиглей с вертикальными ручками, подобных тем, что обнаружены вблизи Новосела (Ениосова, Жарнов 2006: 69, рис. 2; 70, рис. 3). При изучении культурного слоя на Новотроицком городище (левобережье Днепра) были найдены пять подобных тиглей IX—X вв. (Ляпушкин 1958: 218, 324, табл. ХС). Небезынтересно то, что подобные сосуды использовались для плавки серебра в X в. На северо-западе Руси они известны только в Гнездово (Ениосова, Митоян 1999: 54—63). Льячки сделаны из хорошей формовочной светло-серой глины с примесью крупнозернистого песка и шамота. Распространение этих тиглей ограничено очень узким хронологическим периодом и территорией. В Западной Европе они были известны еще в римское время, а в V—VI вв. встречаются на Британских островах и в Скандинавии, где их используют до конца X в. На территории Древней Руси подобные сосуды для литья применялись гораздо дольше, до конца XIV в. (Ениосова, Митоян 1999: 61).

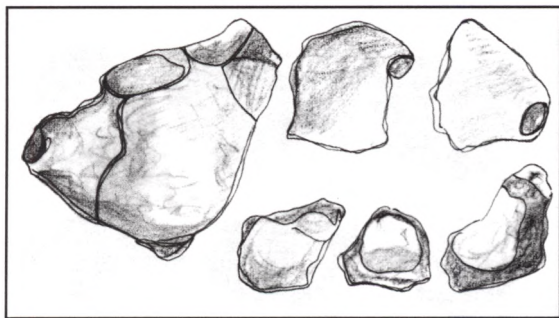

Рис. 3. Тигли из Плиски. IX—X вв.

Fig. 3. Crusibles from Pliska. 9th—10th cc.

Б. Позднее болгарское средневековье (XII—XIV вв.)

В это время в основном встречаются открытые неметаллические плавильные сосуды, часто называемые «поты». Они открытого типа, небольшой величины с полусферической, овальной или конической формой корпуса. Изредка встречаются цилиндрические сосуды. Во внимание не берутся открытые металлические льячки, которые обыкновенно находят вместе с глиняными. Причём необходимо уточнить, что их чаще всего использовали для плавки и разливания металлов с низкой температурой плавления, например, свинца (рис. 4). Конусовидные глиняные тигли найдены почти во всех исследованных городах и крепостях Второго Болгарского царства. В одном из производственных центров того времени на территории Шуменской крепости обнаружено 29 целых сосудов (рис. 5) (Дончева 2012). Во время раскопок фундамента здания на холме Царевец в столице Тырново было открыто большое количество целых и фрагментированных конусовидных сосудов из глины, выявленных на полу вместе с остатками печи, другими инструментами и формами (рис. 6) (Ангелов 1972: 52, рис. 1). В большинстве своем они представляли собой тонкостенные льячки с заостренным дном и прищипнутым краем для удобного разливания расплавленного металла (рис. 5: 1б, 3б, 5б, 7б). Это показывает, что открытые сосуды, подобно закрытым тиглям с ручками, сделаны по модели, обладали слегка вытянутой горловиной в верхней части изделия. После этого льячку обжигали и использовали. Обе модели — с острым и округлым дном — изготовлены по одному методу, но с применением различных форм. На сосуде из Шуменской крепости сохранились отпечатки пальцев самого мастера (рис. 5: 5а, 5б).

Схожие льячки (13 штук) найдены и средневековом Червене, при раскопках строе-

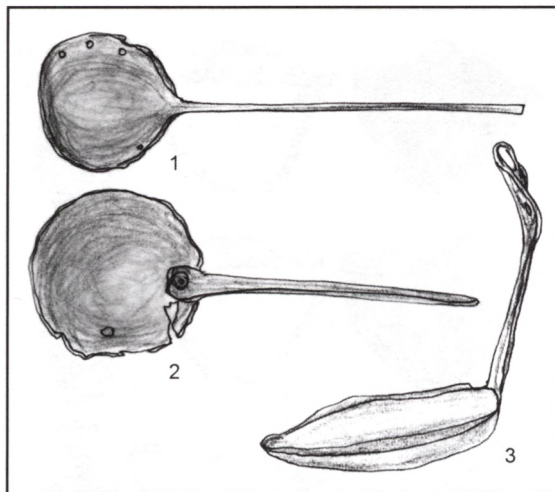

Рис. 4. Железные тигли. XII—XIV вв. 1, 2 — Перник; 3 — Червен.

Fig. 4. Iron crucibles. 12th—14th cc. 1, 2 — Pernik; 3 — Cherven.

ний к западу от церкви № 7 (рис. 7) (Димова, Георгиева 1985: 186, рис. 37а–е). Во время изучения крепости вблизи города Перник также обнаружены глиняные сосуды (поты) двух разновидностей — конусовидной формы и с округлым дном (рис. 8) (Чангова 1992: 34, рис. 1: 2). Все они открытого типа с утолщенными стенками и дном. Сосуды изготовлены из специальной огнеупорной глины, получившей сероватый оттенок из-за воздействия высоких температур. Следы металлургических мастерских и комплексов найдены также и в средневековом Мельнике. Такой же комплекс выявлен около возвышенности Чатала в северной части Роженской ложбины, где сохранились руины мастерской, льячки, медный шлак, кусочки медной руды и металлические предметы (Нешева 2008: 293).

2. Материалы для льячек. Составы глин

Одним из важнейших качеств льячек является их устойчивость к тяжести металла и перепадам температур в процессе литья. Этим обуславливаются требования к керамике — с высоким содержанием кварца или алюминия, с низким содержанием железа, щелочей и щелочноземельных элементов, действующих как флюаты. Последняя должна быть относительно инертна, в противном случае произойдет реакция с оксидами металлов и щелочами горячего пепла в горне самой печи. Отбор специальных глин для изготовления льячек не был урегулирован до римского периода. Прочность сосудов зависит от их раз-

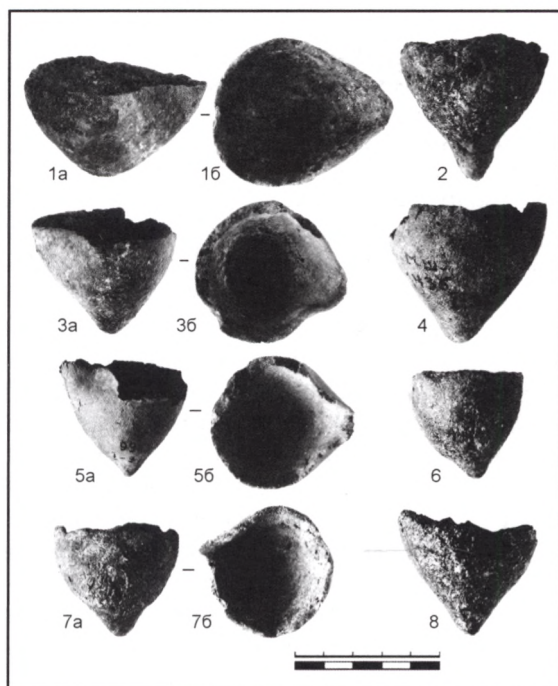

Рис. 5. Литейные сосуды из Шуменской крепости. XII—XIV вв.

Fig. 5. Moulding vessels from Shumen fortress. 12th—14th cc.

меров и толщины стенок. Более крупные экземпляры изготовлены из грубого глиняного теста и имеют плотные стенки (Bayley, Rehren 2007: 47): Устойчивость к высоким температурам зависит главным образом от материала. Огнеупорная структура мало подвержена теплу и содержит большее количество кварца. Теофил считает, что к очищенной глине добавлялись мелкие раздробленные фрагменты старых сосудов и шамот. На две части белой глины приходилась одна часть керамической крошки, замес осуществлялся с использованием теплой воды.

Тигли изготавливались с помощью деревянных форм. После формовки их посыпали сухим пеплом и оставляли вблизи огня для высыхания (Theophilus 1989: 143). Агрикола также пишет о добавлении шамота к глине при изготовлении тиглей. По его мнению, глиняное тесто изготавливалось из высушенной глины, консистенция которой была ни слишком твердой, ни слишком мягкой, с добавлением порошка из перемолотых старых тиглей или кирпичей. Глиняное тесто замешивалось, уплотнялось с помощью пестика и высушивалось. Чем больше добавлялось кусочков старых сосудов, тем лучше становились новые тигли (Agricola 1912: 228—230, 453). Техническую керамику, использованную для изготовления льячек, необходимо называть «огнеупорной», так как она

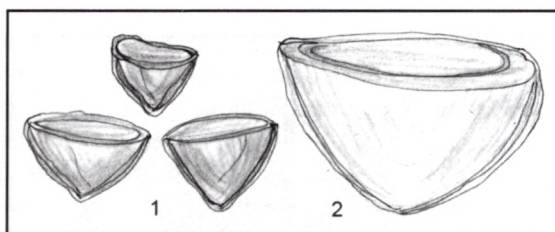

Рис. 6. Литейные сосуды с Патриаршего холма, Царевец, Тырново. XII—XIV вв.

Fig. 6. Moulding vessels from Patriarshy Hill at Charevec, Tarnovo. 12th—14th cc.

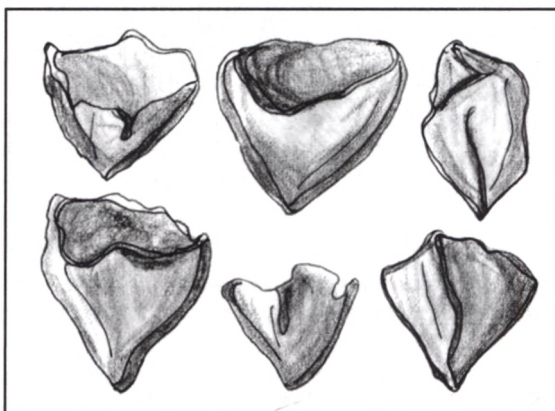

Рис. 7. Литейные сосуды из крепости Червен у г. Русе. XII—XIV вв.

Fig. 7. Moulding vessels from Cherven fortress, near Russe. 12th—14th cc.

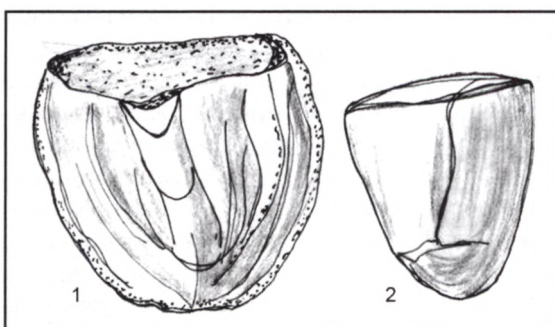

Рис. 8. Литейные сосуды из крепости у Перника. XII—XIV вв.

Fig. 8. Moulding vessels from fortress near Pernik. 12th—14th cc.

более устойчива, чем остальная местная керамика. Для ее изготовления применялась подходящая глина с добавлением различных материалов. Использовался углерод, особенно в графитных формах, что придает структуре большую огнеупорность. Эти свойства зависят как от кристаллического состава глины, так и от органических и неорганических добавок к ней. Органические вещества повышают огнеустойчивость, а высокое содержание железа, наоборот, ее уменьшает.

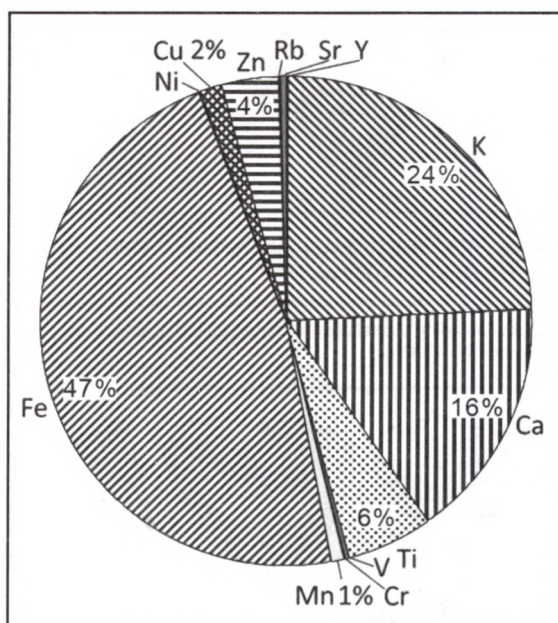

Рис. 9. Результаты анализов керамической пробы тигля из производственного центра близ с. Новоселе, Шуменской области.

Fig. 9. Results of ceramic crucible analyses at Novosel's production center of art metal.

А. Раннее болгарское средневековье (IX—XI вв.)

Известны целые и фрагментированные сосуды этого периода, изготовленные из бледно-желтого глиняного теста с примесью мелкого кварцевого песка. Глубокие и закрытые тигли, использовавшиеся в раннем средневековье, создают условия для восстановительных реакций, препятствующие окислению металла (Ениосова, Ререн 2011: 245). Результаты анализа тиглей производственного центра вблизи села Новосел дают подробную информацию о составах глин и переменах, произошедших в них под воздействием высоких температур и расплавленного металла (рис. 9). Анализ по методу PIXE проведён в National Laboratories of Legnaro INFN, Италия. Использована аппаратура AN-2000 с энергией протонов 1,8 MeV и детектор германия тип ORTEC I glet X-series. Для определения абсолютной концентрации вещества в керамике использована проба тип «IAEA/SOIL-7». Сходные анализы проведены и в России (Штыхов 1975: 64, табл. 4).

Химический анализ состава тиглей из села Новосел (табл. 1) показывает, что преобладающим элементом является железо (Fe) — 48%, калий (K) — 24% и кальций (Ca) — 16%. В небольших количествах представлены титан (Ti) — 6% и цинк (Zn) — 4%, а менее

Таблица 1.
Результаты анализов керамической пробы тиглей производственного центра у с. Златар Преславского района

	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	CaO	Fe ₂ O ₃	K ₂ O
%	2,0	15,75	59,0	4,93	4,17	2,38

1% — такие элементы, как марганец (Mn) и медь (Cu). Также менее 1% составляют хром (Cr), рубидий (Rb), иттрий (Y), ванадий (V), никель (Ni) и стронций (Sr) (табл. 1). Бледно-жёлтый цвет глине придает минерал лимонит ($2\text{Fe}_2\text{O}_3 \cdot 3\text{H}_2\text{O}$), это подтверждает преобладание железа в химическом составе (рис. 1, 3а). Цвет глины дает определенное представление и о ее качестве. В больших количествах и при высоких температурах лимонит распадается и превращается в оксид железа Fe_2O_3 , окрашивая изделия в темно-красный цвет. Это подтверждают как целые сосуды, так и фрагменты тиглей именно такого цвета (рис. 1, 4а-в). Местами наблюдается терракотовый цвет, который придают оксиды никеля (NiO , Ni_2O_3) (рис. 1: 1а). Фиолетовый оттенок появляется вследствие наличия оксида марганца (MnO_2), а темно-зелёный цвет придают соединения хрома (Cr_2O_3), хромат калия (K_2CrO_4), хромат свинца (PbCrO_4) и оксид меди (CuO) (рис. 2: 1 а-б, 4 а). Не последнее место занимает цинк, составляя 4%. Цинковый оксид (ZnO) получается после окисления цинковых паров, которые окрашивают стенки сосудов в матовый, непрозрачный белый цвет (рис. 2: 3 а).

Эти элементы и их соединения присутствуют и в тиглях производственного центра у Златара, что доказывается не только их внешним окрашенным стекловидным слоем, но и химическим анализом фрагментов (табл. 2). Наличие кальция и калия показывает, что они преобладают в составе щелочных и щёлочноземельных алюминиевых силикатов, таких как ортоклаз, анорит, каолинит. Они являются главной составной частью всех глин, присутствуют в виде карбоната натрия (Na_2CO_3), карбоната калия (K_2CO_3) и др. (Пеев 1966: 19). Глину, из которой изготовлены тигли, можно определить как вторичную (осадочную) глину, а в зависимости от состава веществ — и как мергельную. Мергельные глины содержат значительную долю пылеобразного карбоната кальция (мела) (CaCO_3) в количестве от 15 до 50 процентами. Практическое применение имеют те глины, чей состав содержит до 30% кар-

боната кальция. В данном конкретном случае он составляет 16%. Значительное количество таких глин имеется в северо-восточных районах Болгарии, что предполагает непосредственный доступ и простой способ добывания сырья для изготовления сосудов для литья. Важным ориентиром при определении места добычи глины для льячек является наличие в химическом составе такого элемента, как стронций. Имеется в виду присутствие сульфата стронция-целестина $\text{Sr} [\text{SO}_4]$, который образуется после кристаллизации морской воды. Установлено, что в Болгарии целестин находится в районе Попово и Шумена (Пеев 1966: 113). С другой стороны, в районе города Преслав известны месторождения чистой белой глины, серая глина — вблизи Корията, а красная — в местности Кастана возле села Виница (Дончева-Петкова 1977: 16).

Б. Позднее болгарское средневековье (XII—XIV вв.)

Основное требование к льячкам — их стенки должны быть плотными, чтобы избежать теплопотери. Материал, из которого изготовлены открытые сосуды этого периода, существенно не отличается от раннесредневекового, но все же имеет определённые особенности. С помощью бинокулярного микроскопа проанализированы льячки из Шуменской крепости. Исследования дали информацию о структуре глиняного теста и степени остеклененности шлаков. Результаты показывают повышенное содержание в них железа, что видно по пористости и черно-синему цвету большинства сосудов (рис. 5: 1а, 2, 7а, 8). В составе использованной глины есть кварцевый песок, фиксируемый невооруженным глазом, а легкая шероховатость поверхности сосудов говорит о наличии карбоната кальция $\text{Ca}(\text{HCO}_3)_2$. Песок до известной степени повышает огнеустойчивость глины и понижает ее пластичность, приводит к меньшей степени усадки при сушке и дальнейшем обжиге изделия. С другой стороны, увеличивается пористость черепка, определяющая стойкость к резким перепадам температуры. Наличие пятнистости на стенках глиняных сосудов обусловлено частицами полевого шпата и слюды, которые при высоких температурах расплавляются (рис. 5: 2). Этим же объясняется и значительное количество калия, который является основной составляющей калиевого полевого шпата — ортоклаза (Пеев, Добрева 1972: 331—372).

Существенное значение для льячек имеет огнеупорность материала, использован-

ного при изготовлении сосудов. Она зависит как от химического и минерального состава, так и от продолжительности и скорости нагревания. Это можно определить по окрасу черепка, температурному режиму и условиям обжига. Обыкновенные цветные глины, как и мергельные, имеют низкую огнеустойчивость и расплавляются при температуре 1150—1350°C. Низкая плавкость обеспечивается за счет большого содержания легко плавящихся веществ, оксидов и гидроксидов железа, карбоната кальция и др. Следовательно, имеет большое значение количество оксидов железа, как в данном случае. Если глина обжигается в окислительных условиях, в зависимости от количества содержащихся в них соединений железа, то и цвет черепка становится либо серым, либо чёрным. При высоких температурах, которые необходимы, например, для плавки бронзы, черепок глины со значительным содержанием соединений железа становится не только чёрным, но раздувается и, деформируясь, образует много пор (рис. 5: 7а, 8). Это следствие преобразования соединений железа в оксид железа, с образованием железа, как металла, и кислорода, освободившегося в ходе химической реакции.

На поверхности сосудов наблюдаются стекловидные шлаки: они могут покрывать сосуд тонким слоем, но иногда образование силикатов изменяет и структуру глиняного теста до губчатого состояния. Степень остекленения стенок зависит от огнеустойчивости формовочной массы, а также служит индикатором процесса нагревания. Внешнее «шлакование» — это результат реакции кремнезёма, содержащегося в формовочной массе, древесного пепла печи и вытекшего металла. Красные пятна по стекловидной поверхности — силикат меди, а чёрные — силикат железа. Внутренняя стекловидная поверхность является результатом реакции между оксидами металлов, формовочной массой и пеплом, добавленным в качестве флюса, предохраняющего содержание тиглей от окисления.

3. Температурные требования

Сосуды для литья должны быть достаточно устойчивы к повышению и сохранению температуры своего содержимого на необходимый период времени. В этом процессе существенную роль играет форма льячки, которая определяет ее положение при нагревании (Tylecote 1982: 237). Сосуды должны быть достаточно огнеупорными, иметь плотные стенки и выдерживать термическое воздействие.

Типичным, например, для римского периода способом использования сосудов для плавки металла является помещение их на горячие угли, раскалённые с помощью мехов до температуры приблизительно 1000—1100°C. Подобные металлургические горны найдены в различных районах Римской и ранней Византийской империй. Сооружение представляет собой либо площадку или яму, изолированную глиной, либо постройку из камня и кирпича. Принцип нагревания снизу обуславливает различные функции стенок сосудов — не массивные, изолирующие температуру, но тонкие, закругленные и огнеупорные. Технология обуславливает перемены и во внешнем виде льячек. Повышенная устойчивость сосудов достигнута путем дополнительного обмазывания глиной с примесями, которые увеличивают прочность, уменьшают температурный скачок при снятии с огня и помогают длительному сохранению температуры металла при разливе. Внутри и снаружи температура всегда была разной. Теплообмен мог осуществляться только через стенки сосуда, и снижение пористости могло быть достигнуто благодаря карбонатным материалам, которые сгорали во время процесса. При использовании плотных материалов выдерживаются более высокие температуры.

А. Раннее болгарское средневековье (IX—XI вв.)

Если в античное время широкие сосуды (поты) применялись только для плавки металла и реже для разливания, то тигли раннего средневековья (закрытые сосуды с ручками) совмещали эти два процесса. В случае, когда необходимо было защитить металл даже от минимального окисления, использовались тигли, из которых впоследствии производился разлив металла в формы (рис. 1). Нагревались они со всех сторон, а закрытая форма препятствовала попаданию пепла и сажи в расплавленный металл. Найденные в двух производственных центрах тигли принадлежат к распространенной функциональной группе, использовавшейся для временных перемен физического состояния металла — расплавления, но не протекания химической реакции (Dunworth 2000: 207, 209). Во всяком случае, необходимы определенные технические характеристики, без которых использование льячек не было бы успешным: огнестойкость и устойчивость к резким температурным переменам, устойчивость расплавленного металла и технических процессов, пригодность для манипулирования ими. Анализ свидетельствует о воздействии высоких темпера-

тур, при которых наблюдается остекление возле горловины, а цвет указывает на применение белой глины (рис. 1: 1в; 2: 1в). В некоторых тиглях серо-чёрные зоны выгорели добела, что происходит при температуре около 1200°C (рис. 2: 1в, 2а-б). Специфические свойства тиглей, вероятно, не предназначавшихся для многократного и продолжительного употребления, превращают подобные предметы в бесспорное доказательство развития металлургического производства.

Б. Позднее болгарское средневековье (XII—XIV вв.)

Как и в ранний период средневековья, использовались широко открытые сосуды для плавки и разливания металла, но нагревание и процессы, происходившие в них, были иными. Нагревание осуществлялось более эффективно через излучение сверху, а раскаленные докрасна угли снизу ограничивали доступ воздуха к металлу. Применение пот требует дополнительного поступления кислорода в печь, что делает горение более сильным и повышает температуру, но одновременно и способствует окислению металла в сосуде. Контроль над восстановительными процессами очень важен, так как окисление приводит к потерям металла в виде массивных шлаков, что нежелательно. При высоких температурах проходит и сильное остекление внешних стенок сосуда, как и некоторое расплавление их поверхности (рис. 5: 2, 6, 8). На практике открытые льячки, поставленные на раскаленные угли, в основном нагреваются снизу, что, в свою очередь, обуславливает малые размеры большинства из них, огнеустойчивость и тонкостенность корпуса (Bayley, Rehren 2007: 48). Остекление в этом случае наблюдается главным образом в нижней части, у основания сосудов (рис. 5). Степень остекления — это показатель огнеустойчивости, который свидетельствует о том, подходит ли их структура для подобных целей. Местонахождение остекленных участков на поверхности сосуда помогает определить область нагревания — снизу или сверху. Наружное остекление является причиной вытекания флюксии в горячий пепел огня, в результате чего тот покрывается «глазурью» или шлаком, часто содержащими следы металла или химически связанный со шлаком слой. Важнейшими факторами, обуславливающими налипание химических элементов на сосуды, являются температура плавления, химические и физические особенности различных элементов. Высокие температуры увеличивают летучесть металлов, равно как и перемещение последних в формы.

Некоторые тонкостенные сосуды имеют дополнительный слой с низкой огнеустойчивостью (о чем свидетельствует глубокое остекление), которому свойственно несколько функций. Вязкий слой обеспечивает равномерное распределение тепла и предотвращает термический шок, тем самым оберегая льячки от разрушения (Bailey 1989: 292). При разливе металла он защищает сосуды от горячего пепла, чем увеличивает термический запас, поддерживает осадок в жидком состоянии долгое время (рис. 5: 2, 6, 8). Слой глубоко остекленен, но и очень мягок, на нем видны следы от кусочков дерева и угольков.

II. Функциональное назначение льячек

Значительная часть льячек, дошедших от раннего и позднего периодов болгарского средневековья, использовалась в основном для плавки и разливания металла. Это не означает, что не были известны и не применялись процессы очищения (купельции) и смешивания металлов. Предположительно с ними можно соотнести два сосуда больших размеров, условно названных купелями (рис. 6б; 8а). Очень важно рассматривать остатки подобных изделий там, где отмечается производственная деятельность. На практике плавка металла — один из самых важных процессов, проходящий в сосудах, независимо от их формы и времени использования. Одно из важных условий при расплавке — сохранение веществ, тепла и поддержание нейтральной атмосферы. Расплавление представляет собой физическую трансформацию, правда, иногда металлы сплавлялись предварительно: например, олово (Sn) добавлялось к расплавленной меди для получения бронзы. Расплавленный металл разливался в форму.

А. Раннее болгарское средневековье (IX—XI вв.)

Тигли, происходящие из двух центров по производству художественного металла вблизи сел Златар и Новосел, имеют закрытый объем. Металл, независимо от того, какой он — медь, свинец или сплав бронзы, — загружали в сосуд в виде мелких кусков или стружки через овальное отверстие в верхней части льячки. После этого сосуд закрывался глиняной пробкой, которая не позволяла содержимому пролиться. Разливание осуществлялось через небольшое отверстие впереди. (рис. 1: 1в, 2в, 3в).

Доказательством данной реконструкции является стружка, найденная при изуче-

нии мастерской села Новосел в одном из тиглей, который по неизвестной причине не был поставлен в печь для плавления, а выброшен в мусорную яму. Поскольку льячки передвигались и наклонялись, возникла необходимость прикрепления к ним ручек (рис. 1: 2). Минимальные следы оксидированного металла на внутренних поверхностях или вообще отсутствие их на фрагментах свидетельствует о хорошем технологическом уровне самого процесса, что подтверждается и небольшим количеством металлургического шлака. Это достигается расплавлением в редуционных условиях, которые препятствуют сильному окислению металла, в результате которого появляются отходы (Dunworth 2000: 85). Однако по составу шлаков не может быть определен точный состав расплавленного металла. Он содержит продукт, состоящий из большого количества извести, соды и поташа, а также легко окислившихся металлов, которые или полностью отсутствуют, или представлены минимальными включениями в подготовленный и расплавленный металл (Hodges 2000: 205). Поведение компонентов в сплавах зависит от их пропорций, температуры плавления и редуцирования условий.

После использования внутренняя часть льячек меняет цвет и становится серо-черной (рис. 1: 3в; 2: 1б.) Внешняя поверхность сильно остекленена и окрашена в различные цвета из-за высокой температуры и состава глины. На нескольких фрагментах видны застывшие капли окисленного зеленого металла (рис. 1: 1в). Найдены обломки льячек с примесями расплавленной бронзы: это показывает, что сосуды треснули и распались при нагревании в печи. Пропорции различных неметаллических компонентов, представленных в шлаках, зависят не только от их концентрации в сплаве, но и от их химической природы. Такие элементы, как, например, золото (Au), не реактивны и не найдены, кроме мелких капель в шлаке. Концентрация свинца (Pb) и особенно цинка (Zn) повышена, эти элементы действуют и как образующие глазурь. Цинк имеет очень высокую степень испарения и поэтому располагается по стенкам тиглей. Значение свинца (Pb), олова (Sn) и цинка (Zn) как чистых элементов, кроме сплавов, демонстрирует более легкое окисление, в отличие от меди (Cu). Их состав и состав шлака различаются между собой. В сравнении с медью цинк имеет большее значение, чем олово, затем следует свинец (Dunworth 2000: 85). Это три главных компонента медных сплавов, которые в основном использовались в эти два периода. Анализируемые изделия из производствен-

ных центров Новосел и Златар подтверждают предварительные предположения о химическом составе и доказывают, что большая часть предметов отлита из медно-оловянно-свинцового (Cu-Sn-Pb) расплава. Причем содержание меди самое высокое, а содержание олова и свинца меняется.

В большинстве проб количество олова превышает 1%, что является обязательным условием для определения сплава как оловянной бронзы. В составе присутствует цинк (Zn) и мышьяк (As). Подтверждено наличие и других элементов, но в ограниченных количествах, таких, как железо (Fe), никель (Ni), серебро (Ag) и цирконий (Zr).

Б. Позднее болгарское средневековье (XII—XIV вв.)

Одной из целей широко открытых сосудов было сохранение расплавленного металла, который впоследствии разливался по литейным формам. Необходимо отметить, что разница между тиглями раннего средневековья, предполагавшими однократное использование, и открытыми сосудами более позднего периода состоит в применении последних более одного раза. Причиной является расплавление кремниевых составляющих глины после многократного нагревания. Остекление на внешней стороне сосудов представляет собой шлак, образующийся после реакции металлического оксида в процессе плавания и горячего пепла со структурой глиняного теста (рис. 5: 16, 36, 76). Витрификация (стеклование) зависит от огнеупорных свойств формовочной массы и продолжительности нагревания (Ениосова, Ререн 2011: 246). Опытный мастер сводит эти показатели к минимуму. Самый заметный цвет — светло-красный, полученный от следов меди. Анализ сохранившегося металла на стенках сосудов показывает, что вследствие различных физических и химических свойств этих металлов, а также и специфических условий протекания процесса невозможно установить состав полученного сплава. Плавка в редуцированных условиях позволяет избежать сильного оксидирования металла, в результате которого главным образом и получают металлургические отходы. При более высоком технологичном уровне производства образуется минимальное количество шлаков. Интерпретация результатов подобных исследований усложняется различными проблемами, такими, как состав сплавов, неоднократное использование литейных форм и льячек, а также наступившие впоследствии корро-

зийные процессы. Поэтому надо избегать реконструкции состава металлов и сплавов по анализам литейных форм и сосудов.

Заключение

В период Первого Болгарского Царства (раннее средневековье, IX—XI вв.) использовались закрытые тонкостенные льячки (тигли) полусферической формы с удлиненным и расширенным дном, прищипнутой ручкой и узким горлышком для выливания расплавленного металла. Они сделаны по деревянной модели, которую вынимали после высыхания, перед прокаливанием. Тигли изготовлены из бледно-желтого глиняного теста с примесью мелкого кварцевого песка. Результаты анализов тиглей из производственного центра Новосел дают сведения о составе глины и переменах, произошедших после температурного воздействия и расплавления металла в них. Глина, из которой изготовлены тигли, определяется как вторичная (осадочная), а в зависимости от ее компонентов — и как мергельная. Подобные глины распространены в северо-восточных районах Болгарии, что дает основание для вывода о прямой и доступной добыче сырья для изготовления льячек.

Тигли принадлежат к распространенной функциональной группе, использовавшейся при временном изменении физического состояния металла — расплавлении. Налицо и определенные характеристики, без которых использование сосудов для литья было бы безуспешным, если бы не устойчивость к резким температурным перепадам и расплавленному металлу, удобство работы с сосудами. Остекление поверхности тиглей доказывает использование их при высоких температурах. Плавка металла — один из важнейших процессов, совершавшихся в сосудах. Самыми важными требованиями к этому процессу являются сохранение содержимого, поддержание тепла и нейтральной редуцированной атмосферы. Необходимость плавки и разливания металла обуславливает использование мелких и термически устойчивых сосудов с удобными ручками. Пропорции различных металлов, представленные в тигельных шлаках, зависят не только от их исходной концентрации в металлическом сплаве, но и от их химической природы. Тигли в основном использовались для расплавления меди, медных сплавов — бронзы, и, редко, для серебряных сплавов. Для плавки свинца использовались открытые железные тигли. Анализы металлических изде-

лий и отходы производства показывают, что в основном использовалась бронза с примесью свинца (Cu-Sn-Pb).

В период Второго Болгарского царства (позднее средневековье, XII—XIV вв.) применяются открытые неметаллические сосуды для литья (поты). Все они открытого типа, небольшого размера с полусферической, овальной или конической формой тела. Реже встречаются цилиндрические сосуды. В большинстве своем они тонкостенные с заостренной формой дна, прищипнутым устьем и изготовлены по модели. Материал лячек этого периода существенно не отличается от изделий раннего средневековья. Результаты наблюдения показывают повышенное содержание в них железа, что видно по порам и по черносинему цвету сосудов. Визуально отмечено, что в составе использованных глин присутствует кварцевый песок, это делает поверхность сосудов на ощупь шероховатой. На поверхности пот наблюдаются стекловидные шлаки, а степень остекленения зависит от огнеустойчивых свойств формовочной массы и служит индикатором продолжительности процесса нагревания. Стеклование является результатом реакции между формовочной

массой, древесным пеплом и расплавленным металлом. Некоторые тонкостенные сосуды имеют дополнительный низкоогнеупорный слой, равномерно распределяющий тепло и ограничивающий термальные перепады, что предохраняет сосуды от повреждений. Широко раскрытые сверху сосуды хорошо сохраняют расплавленный металл, но, в отличие от однократно использовавшихся тиглей раннего средневековья, поты позднего периода использовались многократно. Анализ металла, сохранившегося на стенках сосудов показывает, что невозможно точно установить состав оригинального сплава по причине наступивших физических и химических перемен во время расплавления. На практике плавка и разливание — важнейшие процессы, осуществлявшиеся с помощью данных сосудов, независимо от их формы и времени использования.

Разнообразие и большое количество сосудов для литья металла, найденных во время раскопок основных производственных центров средневековой Болгарии, являются бесспорным доказательством развития металлургической деятельности и ювелирного мастерства.

Литература

- Ангелов Н. 1972. Към въпроса за развитието на занаятите в средновековния Търновград през XIII—XIV в. *Известия на окръжния исторически музей* V. Велико Търново, 51—62.
- Бонев Ст., Дончева С. 2011. *Старобългарски производствен център за художествен метал при Новосел, Шуменско*. Велико Търново: Фабер.
- Димова В., Георгиева С. 1985. *Средновековният Червен* I. София: БАН.
- Дончева С. 2010. Археологически разкопки на обект: Производствен център за металопластика, с. Златар, Преславско. *Археологически открития и разкопки през 2009 г.* София, 576—577.
- Дончева С. 2011. Археологически разкопки на обект: Производствен център за металопластика, с. Златар, Преславско. *Археологически открития и разкопки през 2010 г.* София, 523—525.
- Дончева С. 2012. Леярски съдове от Шуменска крепост. *Паметници, музеи, реставрация* 4. София, (в печати).
- Дончева-Петкова Л. 1977. *Българска битова керамика през ранното средновековие*. София: БАН.
- Дончева-Петкова Л. 1980. За металообработка и металообработването в Плиска. *Археология* (4), 27—35.
- Ениосова Н., Митоян Р. 1999. Тигли Гнездовского поселения. В: Недошивина Н. Г. (отв. ред.). *Археологический сборник. Памяти Марии Фехнер*. Москва: Гос. исторический музей, 54—63.
- Ениосова Н., Жарнов Ю. 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира. *РА* (2), 64—80.
- Ениосова Н., Ререн Т. 2011. Плавильные сосуды новгородских ювелиров. В: Rybina E. (ed.). *Novgorod Archaeological conference* 3. Veliky Novgorod, 243—254.
- Каргер М. 1958. *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города* 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Ляпушкин И. 1958. *Городище Новотроицкое*. МИА 74. Москва.
- Нешева В. 2008. *Богозиданият град Мелник*. София: Иврай.
- Пеев В. 1966. *Материалознание по керамика*. София: Наука и техника.
- Пеев В., Добрева Р. 1972. *Технология по керамика*. София: Наука и техника.
- Штыхов Г. 1975. *Древний Полоцк. IX—XIII вв.* Минск: Б. и.
- Чангова Й. 1992. *Перник III*. София: БАН.
- Чолаков И. 2010. *Римски и ранновизантийски метални инструменти от територията на България (I — началото на VII век)*. София: НОУС ЕООД.
- Agricola G. 1912. *De re metallica*. Transl. by H. Hoover and L. Hoover. London.
- Bayley J. 1989. Non-metallic evidence for metalworking. In: Maniatis Y. (ed.). *Archaeometry. Proceeding of the 25th International Symposium*. Amsterdam; New York, 291—303.
- Bayley J., Rehren T. 2007. Towards a functional and typological classification of crucibles. In: La Niece S., Hook D., Craddock P. (eds.). *Metals and Mines. Studies in archaeometallurgy*. London, 46—55.
- Doncheva S. 2010. Metalworking Center by the Second Bulgaria Capital: Great Preslav. In: Cholakov I. D., Chulakev K. *American Journal of Archaeology* 114 (4) (*Archaeology in Bulgaria 2007—2009*). Sofia, 729—731.

Dunworth D. 2000. A note on the analysis of crucibles and moulds. *Historical Metallurgy*, 43, 83—86.
 Hodges H. 2000. *Artifacts. An Introduction to Early Materials and Technology*. London.
 Theophilus. 1989. *On Divers Arts. The Foremost Medieval*

Treatise on Painting, Glassmaking and Metalwork. Transl. J. Hawthorne and C. Smith. New York.

Tylecote R. 1982. Metallurgical Crucibles and Crucible Slags. In: Olin J., Franklin A. (eds.). *Archaeological Ceramics*. Washington, 231—243.

References

- Angelov, N. 1972. In *Izvestiya na okražniya istoricheski muzej (Bulletin of the regional historical museum)* V. Veliko Tărnovo, 51—62 (in Bulgarian).
 Bonev, St., Doncheva, S. 2011. Starobălgarski proizvodstven tsentăr za khudozhestven metal pri Novosel, Shumensko (Old-Bulgarian centre of artistic metal production near Novosel, Shumen region). Veliko Tărnovo: Faber (in Bulgarian).
 Dimova, V., Georgieva, S. 1985. *Srednovekovniyat Cherven (Medieval Cherven)* 1. Sofia: BAN (in Bulgarian).
 Doncheva, S. 2010. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2009 g. (Archaeological discoveries and excavations in 2009 g.)*. Sofia, 576—577 (in Bulgarian).
 Doncheva, S. 2011. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2010 g. (Archaeological discoveries and excavations in 2010 g.)*. Sofia, 523—525 (in Bulgarian).
 Doncheva, S. 2012. In *Pametniitsi, muzei, restavratsiya (Sites, museums, restoration)* 4. Sofia, (in print) (in Bulgarian).
 Doncheva-Petkova, L. 1977. *Bălgarska bitova keramika prez rannoto srednovekovie (Bulgarian household ceramics in Early Middle Age)*. Sofia: BAN (in Bulgarian).
 Doncheva-Petkova, L. 1980. In *Arkheologiya (Archaeology)* (4), 27—35 (in Bulgarian).
 Eniosova, N., Mitoyan, R. 1999. In *Arkheologicheskij sbornik. Pamyati Marii Fekhnner (Archaeological compilation. To the memory of Maria Fehner)*. Moscow: Gos. istor. muzej, 54—63 (in Bulgarian).
 Eniosova, N., Zharnov, Iu. 2006. In *Rossiiskaia arkheologiya (Russian archaeology)* (2), 64—80 (in Russian).
 Eniosova, N., Reren, T. 2011. In *Novgorod Archaeological conference* 3. Veliky Novgorod, 243—254 (in Russian).
 Karger, M. 1958. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Old Kiev. Essays into the history of material culture of an Old-Russian town)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).
 Liapushkin, I. 1958. *Gorodishche Novotroitskoe (Novotroitskoe hillfort)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (*Materials and researches in archaeology*) 74. Moscow (in Russian).
 Nesheva, V. 2008. *Bogozidaniyat grad Melnik (The town of Melnik erected by the God)*. Sofia: Ivraj (in Bulgarian).
 Peev, V. 1966. *Materialoznanie po keramika (Studies into ceramic materials)*. Sofia: Nauka i tekhnika (in Bulgarian).
 Peev, V., Dobрева, R. 1972. *Tekhnologiya po keramika (Technology of ceramics)*. Sofia: Nauka i tekhnika (in Bulgarian).
 Shtykhov, G. 1975. *Drevnii Polotsk. IX—XIII vv. (Old Polotsk in 9th—13th cc.)*. Minsk: B.i. (in Russian).
 Changova, J. 1992. *Pernik III (Pernik III)*. Sofia: BAN (in Bulgarian).
 Cholakov, I. 2010. *Rimski i rannovizantijski metalni instrumenti ot teritoriyata na Bălgariya (I — nachaloto na VII vek) (Roman and Early Byzantine metal tools from the territory of Bulgaria (1st — Early 7th cc.)*. Sofia (in Bulgarian).
 Agricola, G. 1912. *De re metallica*. Transl. by H. Hoover and L. Hoover. London.
 Bayley, J. 1989. Non-metallic evidence for metalworking. In: Maniatis, Y. (ed.). *Archaeometry. Proceeding of the 25th International Symposium*. Amsterdam; New York, 291—303.
 Bayley, J., Rehren, T. 2007. Towards a functional and typological classification of crucibles. In: La Niece, S., Hook, D., Craddock, P. (eds.). *Metals and Mines. Studies in archaeometallurgy*. London, 46—55.
 Doncheva, S. 2010. Metalworking Center by the Second Bulgaria Capital: Great Preslav. In: Cholakov, I. D., Chulakev, K. *American Journal of Archaeology* 114 (4) (*Archaeology in Bulgaria 2007—2009*). Sofia, 729—731.
 Dunworth, D. 2000. A note on the analysis of crucibles and moulds. *Historical Metallurgy*, 43, 83—86.
 Hodges, H. 2000. *Artifacts. An Introduction to Early Materials and Technology*. London.
 Theophilus. 1989. *On Divers Arts. The Foremost Medieval Treatise on Painting, Glassmaking and Metalwork*. Transl. J. Hawthorne and C. Smith. New York.
 Tylecote, R. 1982. Metallurgical Crucibles and Crucible Slags. In: Olin, J., Franklin, A. (eds.). *Archaeological Ceramics*. Washington, 231—243.

Статья поступила в номер 30 октября 2012 г.

Stela Doncheva (Shumen, Bulgaria). Doctor of History. National Institute of Archaeology, Shumen Branch¹.

Stela Doncheva (Şumen, Bulgaria). Doctor în istorie. Institutul Național de Arheologie, filiala Şumen.

Дончева Стела Милчева (Шумен, България). Доктор истории. Национальный Археологический институт, Филиал Шумена.

E-mail: donchevastela@yahoo.com

Address: ¹ Branch Shumen, 4, “Gen. Toshev” Str., Shumen 9700, Bulgaria

А. В. Федорук, И. М. Кубай

Гуситы и военное дело Молдавии в XV в.

Keywords: Moldavia, 15th c., Hussites, Belgorod, Kiliya, Battle of Vaslui, Battle of Valea Alba, "Mukha's rebellion".

Cuvinte cheie: Moldova, sec. XV, husiți, Cetatea Albă, Chilia, bătălia de la Vaslui, bătălia de la Valea Albă, „răscoala lui Muha”.

Ключевые слова: Молдавия, XV век, гуситы, Белгород, Килия, битва при Васлуе, битва при Белой Долине, «восстание Мухи».

A. V. Fedoruk, I. M. Kubay

Hussites and Warfare in Moldavia in 15th c.

Influence of Hussites' Wars of 1419—1485 on the development of fortification, armament and military art of Moldavia in 40—90 of the 15th c. is elucidated in this article. The Hussites' role in the fortification of defence capacity of Belgorod's and Kiliya's fortresses is analysed too. The author follows the tracks of Hussite's military art in strategy and tactics of Stephan the Great, during the battles of Vaslui (1475) and Valea Alba (1476) with the Turks. He notes also some common lines between «foreign campaigns» of Hussites' field armies of the second half of 20s — early 30s years of 15th c. and military operations of Moldavia's detachments on the territory of Pokutia and Podilia during so-called «Mukha's rebellion» in 1490—1492.

A. V. Fedoruk, I. M. Kubay

Husiții și arta militară a Moldovei din sec. XV

Articolul studiază influența Războaielor husite dintre anii 1419—1485 asupra evoluției construcțiilor defensive, armamentului și artei militare moldovenești din anii 40—90 ai sec. XV. Este analizat rolul husiților în sporirea capacității de defensivă a cetăților din Belgorod și Chilia. Urme ale artei militare husite sunt identificate în strategia și tactica lui Ștefan cel Mare din timpul bătăliilor, purtate cu turcii la Vaslui (1475) și Valea Albă (1476). De asemenea, sunt remarcate unele trăsături comune dintre „frumoasele raiduri” husite din a doua jumătate a anilor 20 — începutul anilor 30 ai sec. XV și acțiunile militare ale detașamentelor moldovenești de pe teritoriul Pocuției și Podoliei în timpul așa-numitei “răscoale lui Muha” (1490—1492).

А. В. Федорук, И. М. Кубай

Гуситы и военное дело Молдавии в XV в.

В статье рассматривается влияние Гуситских войн 1419—1485 гг. на развитие оборонного зодчества, вооружения и военного искусства Молдавии в 40—90-х годах XV в. Анализируется роль гуситов в укреплении обороноспособности крепостей в Белгороде и Килие. Прослеживаются следы гуситского военного искусства в стратегии и тактике господя Стефана III Великого во время боевых столкновений с турками при Васлуе (1475 г.) и Белой Долине (1476 г.). Отмечаются некоторые общие черты между «заграничными походами» полевых армий гуситов второй половины 20-х — начала 30-х годов XV в. и военными действиями молдавских отрядов на территории Покутья и Подолья во время так называемого «восстания Мухи» (1490—1492 гг.).

Гуситские войны 1419—1485 гг. представляют собой многоплановое явление, возникшее в результате как внутреннего развития чешского общества, так и воздействия внешних факторов общеевропейского значения. Они определялись целым рядом аспектов. Не только побудительным, но даже решающим в них стал социально-экономический фактор. Важнейшее значение приобрел, в связи с ним, религиозный аспект войн. Краеугольным камнем гуситской религиозной теории являлась идея «божьего закона», изложенного в Библии, который на практике означал следование при-

меру Иисуса Христа и соблюдение норм, провозглашенных его учениками — апостолами. Этими образцами руководствовалась раннехристианская церковь. Два вида причащения мирян (хлебом и вином из чаши) было главным признаком, который объединял гуситов всех направлений и одновременно отличал их от массы католиков, причащавшихся только хлебом. Религиозные противоречия, вылившиеся в требование реформы церкви, коренились в первую очередь в социальных проблемах (Рубцов 1955: 92—119; Лаптева 1990: 19—42).

В этот важный период чешской истории была сделана попытка воплощения «божьего закона», которая должна была изменить общественный строй, принципиально новыми методами вооруженной борьбы. Более того, военное искусство гуситов получило международный резонанс и позднее повлияло на развитие военного дела по всей Европе. Не было в этом отношении исключением и Молдавское государство, в котором самые ранние сведения о проникновении гуситских идей относятся к началу 20-х годов XV в., когда сюда бежали от преследований первые чешские проповедники из Северной Венгрии (Macûrek 1928: 41—42; Никитина 1954: 10—11; Бегунов 1996: 367—368).

Официальная православная церковь была не прочь ослабить роль католицизма в стране, поэтому и допускала переселение гуситов в Молдавию, рассматривая их как противников римской церкви. Так сторонники гуситской идеи находили убежище в государстве, которое не подвергало их преследованиям. Появление гуситов не могло не отразиться на развитии вооружения и военного искусства местного населения, перенимавшего новые методы ведения боевых действий. Поскольку в историографии этот аспект деятельности гуситов в Молдавии не нашел должного освещения (Macûrek 1927: 53; Rosetti 1947: 177; Demény, Pataki 1958: 214—215), рассмотрим его более подробно.

Гуситы в Белгороде и Килие в 40—60-х годах XV в.¹

Известно, что после разгрома полевых армий таборитов и «сирот» в битве под Липанами (30 мая 1434 г.) многие представители радикального крыла гуситов рассеялись по соседним странам (Urbánek 1934: 230—242; Durdík 1953: 166—170; Рубцов 1955: 299—303). Особенно много их переселилось на территорию Трансильвании и Верхней Венгрии, где они продолжили свою активную деятельность. Сохранились записи некоторых инквизиторов о масштабном распространении «богемской ереси» среди венгерского населения уже в начале 30-х годов XV в. (Рубцов 1955: 300; Озолин 1955: 65—66; Никитина 1957: 332—335; Demény,

Pataki 1958: 207—212; Żabiński 1999: 33—36). С прибытием непосредственных участников событий Гуситских войн 1419—1434 гг. следовало ожидать всплеска массовых социальных волнений в разных концах Венгерского королевства. И действительно, одно из выступлений трансильванских крестьян к лету 1437 г. вылилось в крупное вооруженное восстание. Организационным центром последнего стал холм Бобыльна (поблизости от г. Дежа), где повстанцы создали большой укрепленный лагерь по примеру чешских гуситов. Вначале представители венгерской и влашской знати были вынуждены пойти на соглашение с предводителями восставших, пообещав им сокращение повинностей. Но позже, к концу января 1438 г., дворянству и патрициату удалось объединенными усилиями вытеснить повстанцев из городов, захватить их руководителей и предать казни плененных участников восстания (Demény, Pataki 1958: 211—212; Шушарин 1963: 175—207; КИР 1987: 49—50).

Однако, прежде чем вспыхнуло вооруженное восстание в Трансильвании, часть венгерского и секейского населения начала активно переселяться на земли в юго-западной части Молдавии, главным образом в район Тротуша — Бакэу (Hurmuzaki, Densușianu 1890: 499, 588; Полевой 1979: 15, 36—37, 81, 107). Часто организованные выступления против венгерских властей, завершавшиеся уходом значительной массы местного населения в Молдавию, происходили даже в отдаленных районах Трансильвании. Так, в 1435 г. князья Коста и Станчул вместе со священником Волкулом, собрав своих близких и население ряда вотчин в Хацеге (область в юго-западной Трансильвании), разорили их и направились в Молдавию². Нет никаких сомнений, что прибывшие переселенцы являлись гуситами, поскольку только для них было свойственно переходить на новое место жительства³ вместе со своими духовными наставниками (Macûrek

² «Koztha, necnon Sthanchul, et Volkul sacerdos, alias kenezis de Ryusor Districtus Hatzag simul cum fratribus et filiis ipsorum contra Sacrum Regium Diadema (...) infidelitate proterviam ostendendo, depopulates, et devastates possessionibus ipsius Domini nostril per ipsos hactenus pro keneziatu tentis, et possessis, se ad partes Moldaviae nequiter et infideliter transeundo» (Hurmuzaki, Densușianu 1890: 592—593).

³ Возможно, что кто-то из этих переселенцев обосновался затем в верховьях р. Милков: там, по грамоте господаря Стефана II, которая датируется 8 августа 1445 г., упоминается село, «где был Стан Хацаганъ» (Costăchescu 1932: 228—229) или «панъ Хъцъванъ» (DRH 1975: 362—363).

¹ Авторы выражают сердечную признательность канд. ист. наук А. В. Красножону (Южноукраинский национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского) за бескорыстную помощь, без которой было бы невозможно написать эту часть статьи.

1927: 25; Demény, Pataki 1958: 197—201). В грамоте молдавских господарей Ильяша и Стефана II, которая датируется 7 декабря 1436 г., сообщается, что во владении протопопа Юги утверждается село, «где ест(ь) Барбъ Станъ и Станчюль (...) шбъ ждечіе» (DRH 1975: 231). Спустя три года в другой грамоте этих же господарей от 2 июля 1439 г. тому же Юге и его сыну Михаилу подтверждено право на село, «где ест(ь) Барбъ Станъ, обла части». В том же документе другой бывший совладелец этого поселения упомянут с титулом «пана Станчоула комиса» в самом конце перечня «болѣръ нашихъ(ъ) молдавскихъ(ъ), веланкихъ(ъ) и малнхъ(ъ)», которые подтвердили этот акт (DRH 1975: 276—277). Дополнительный титул «комиса» четко указывает на какой-то особый административный статус этого пришлого гусита среди вельмож «Земли Молдавской». В этой связи можно предположить, что в упомянутой грамоте господарей Ильяша и Стефана II речь идет о будущем пыркалабе Белгорода на Днестре⁴, с которым, по данным одного эпиграфического памятника, связывают окончание постройки в марте 1454 г. башни №3 Военного двора крепости.

Судя по всему, эта башня была вооружена огнестрельными орудиями. Квадратная в плане, она заметно выделяется среди других многоугольных башен. В свое время А.А. Кочубинский характеризовал ее как «заметно отличающуюся от своих соседей» (Кочубинский 1901: 150). Кроме того, она более архаична по архитектонике по сравнению с башнями №2 и №4. Башня сохранилась на высоту 9,5 м. Размеры сторон — 6,4×7,4 м. Толщина стен — около 2 м. Вынос за линию стен — 5,8 м (рис. 1). Ее первый ярус забутован до уровня примыкающих куртин, на втором — расположен вход в помещение (квадратное в плане) с бойницами в каждой из трех обращенных вовне сторон. Башня сложена из бутовых камней. Кладка иррегулярная, лишь на углах подобраны более или менее равномерные подтесанные прямоугольные камни. Сооружение размещено напротив выстроенной во рву башни №3.1. При этом

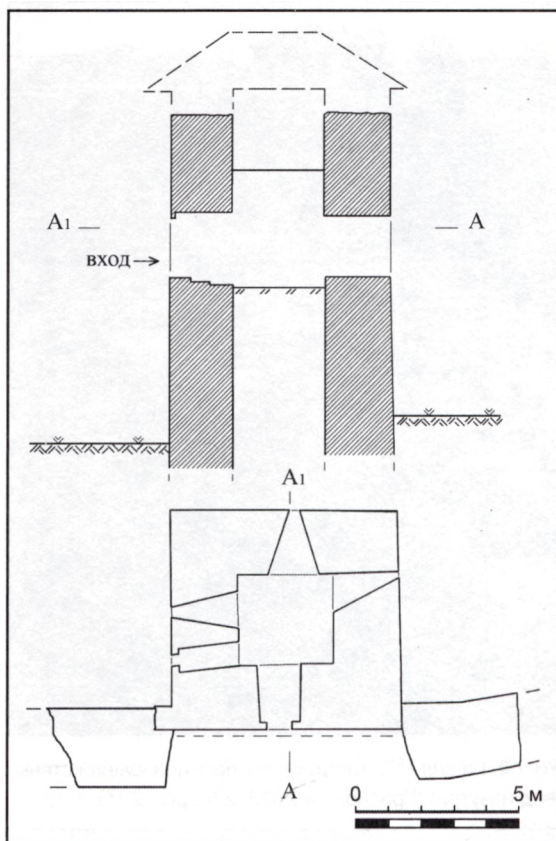

Рис. 1. Башня №3: план и разрез (Красножон 2012: 239, рис. 221).

Fig. 1. Tower no. 3: plan and section (Красножон 2012: 239, рис. 221).

наблюдается несовпадение разбивки сторон этих двух башен по северному фланку, что говорит о разновременности построек, выполненных к тому же в разной технике кладки (Красножон 2012: 235—237).

На внешнем фронтальном фасаде башни в верхней части, несколько левее створа бойницы, находится ниша от памятной закладной плиты, в которой говорится об окончании ее постройки 31 марта 1454 г. (Bogdan 1908: 327) и упоминается имя «пана Станчоула»⁵. Амбразуры верхнего яруса расположены следующим образом: по одной в восточной и южной стороне (рис. 2; 3) и две — в северной. Три из них — трапециевидные, и одна прямоугольная. Доступ в башню имеется на уровне второго яруса с тыльной стороны, через дверной проем, обрамленный в каменную раму из массивных плит.

⁴ Как пыркалаб Белгорода «пан Станчоул» впервые упоминается в грамоте от 23 января 1453 г. (DRH 1976: 34), на что указывал еще И. Богдан (Bogdan 1908: 329). Но эта разовая фиксация его в такой должности вызвала недоверие среди ученых, которые утверждают, что пыркалабом Белгорода в то время был «пан Коста» (DRH 1976: 36). Лишь в грамоте господаря Стефана III от 11 сентября 1467 г. уже четко фиксируется «Станчоул Белгородский» (DRH 1976: 215).

⁵ Время постройки башни совершенно точно определяется по тексту закладной плиты, снятой с ее стены в конце XIX в. (Кочубинский 1901: 174). Более детальный анализ этой плиты см. в статье А.В. Красножона в данном номере журнала.

Рис. 2. Башня №3: второй ярус, бойница южной стены (вид изнутри) (Красножон 2012: 240, рис. 223).

Fig. 2. Tower no. 3: second storey, shot hole in the southern wall (view from inside) (Красножон 2012: 240, рис. 223).

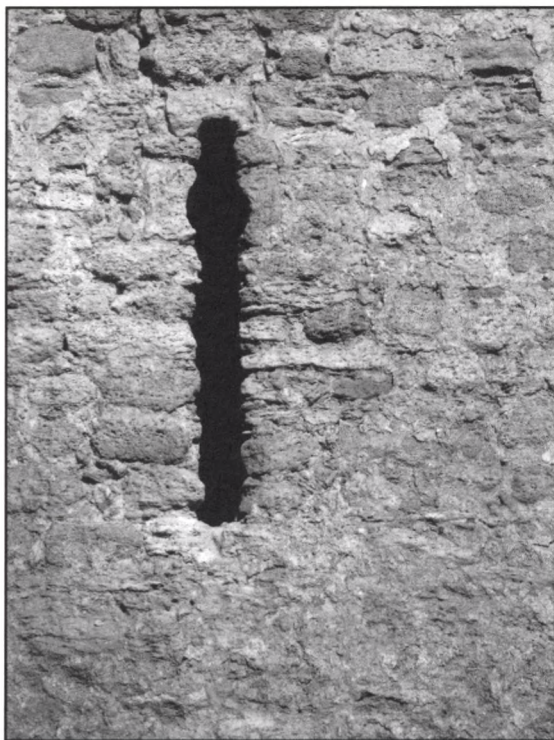

Рис. 3. Башня №3: второй ярус, бойница южной стены (вид извне) (Красножон 2012: 241, рис. 224).

Fig. 3. Tower no. 3: second storey, shot hole in the southern wall (view from outside) (Красножон 2012: 241, рис. 224).

Служивший порогом камень в средней части заметно истерт. Со стороны двора в кладке под входом видны отверстия от несущих балок, на которых крепился деревянный настил боевого хода (Красножон 2012: 238).

Такое расположение бойниц говорит о фланкирующих функциях башни. Она прикрывала некие сооружения по флангам (ворота или соседние узлы обороны). Южная бойница специально смещена от центра к юго-востоку, с таким расчетом, чтобы линия огня приходилась примерно на центральный сектор нынешней куртины в районе нынешних Главных (Кикийских) крепостных ворот. Эта бойница сохранилась в оригинальном виде, представляя собой высокую узкую щель, в верхней части которой устроено круглое отверстие диаметром до 150 мм (Красножон 2012: 238).

Поскольку отверстие для ствола находится в верхней части створа (который в нижней части открывал стрелка), здесь располагалось орудие не из числа ручного огнестрельного оружия (которое, к тому же, держать на такой высоте на плече долгое время без парапетов и подставок было бы крайне тяжело). Судя по форме, бойница подготовлена для «тарасницы» — легкого орудия, изобретенного в армиях гуситов в первой четверти XV в. для отражения атак тяжеловооруженной конницы

(Durdík 1953: 87—88; Рубцов 1955: 198; Goliński 1988: 11). Тарасница — дешевая в эксплуатации пушка с длинным стволом и прицельной системой, которая устанавливалась на специальный лафет (рис. 4; 5). Она была очень эффективна в борьбе с живой силой противника, отчего в короткое время получила широкое распространение по всей Европе⁶. Она заряжалась железными, каменными и глиняными ядрами калибром 40—90 мм, которые, благодаря длинному стволу (110—150 см), сохраняли высокую убойную дальность полета снаряда на расстояние до 200—250 м (Durdík, Pertl 1984: 149—152; Świętosławski 2008: 195—196). Такая пушка не предназначалась для борьбы с осадными сооружениями и подавления огневых позиций осаждающих. Тарасница, расположенная на стенах башни №3, могла вести фланкирующий огонь по штурмовой колонне неприятеля на подходе к воротам (Красножон 2012: 238—239).

⁶ Это подтверждают и находки ядер от тарасниц во время работ на разных археологических объектах. В частности, они были обнаружены при раскопках замков в Побужье (Виногородська 2006: 78) и оборонительных укреплений на территории Польши (Świętosławski 2008: 195—196; Kotowicz 2009: 373—374).

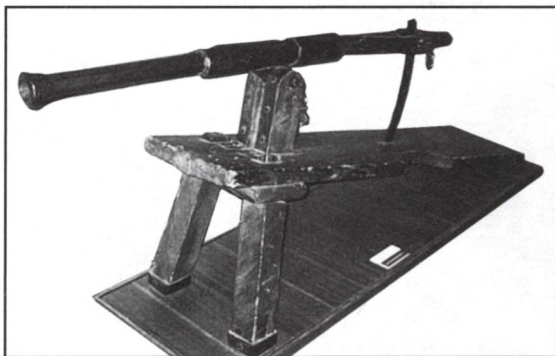

Рис. 4. Гуситская тарасница первой трети XV в. Современная реконструкция (фото И. М. Кубай).

Fig. 4. Hussite tarasnice of the 1st third of 15th c. Modern reconstruction (photo by I. M. Kubay).

На противоположном, северном фланке башни №3 находятся сразу две амбразуры (рис. 6), что может свидетельствовать о большей важности данного направления и защите подступов к некоему значимому сооружению. Малая (восточная) бойница в этом фланке, судя по внешним признакам, также предназначалась для тарасницы. Большая (западная) — для небольшой пушки (Красножон 2012: 239). Учитывая, что размеры этой прямоугольной бойницы составляли приблизительно 350 мм (рис. 7), можно предположить, что она предназначалась для стрельбы из более крупного орудия, чем тарасница. Скорее всего, это была «хуфница» — средняя по размерам пушка (рис. 8). В гуситских войсках ее активно использовали в первой трети XV в. как в осадных операциях, так и при боевых действиях в полевых условиях⁷. Это орудие также заряжалось каменными и железными ядрами калибром 100—250 мм, которые из-за короткого ствола (48—80 см) сохраняли высокую убийную дальность полета снаряда только до 100—150 м (Durdík 1953: 75—80). Однако, благодаря более крупному калибру, такие пушки успешно вели борьбу с осадными сооружениями и подавляли огневые позиции осаждающих. Для этого хуфницу устанавливали в башне на стационарную станину (рис. 9) (Durdík 1953: 90; Strzyż 2011: 110—111). Как и тарасница, эта пушка была эффективной в борьбе с живой силой противника, отчего довольно быстро получила широ-

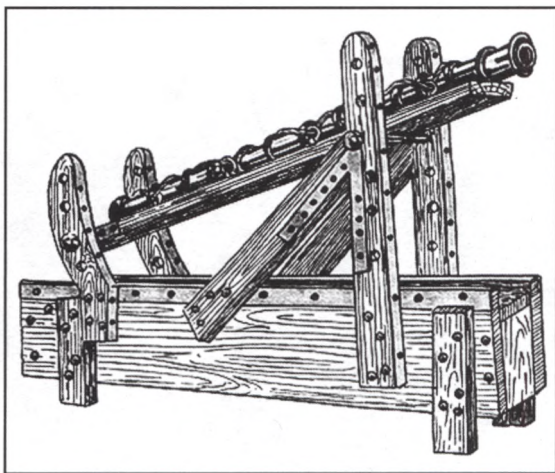

Рис. 5. Тарасница на стационарной станине (Durdík 1953: 69).

Fig. 5. Tarasnice on the immovable frame (Durdík 1953: 69).

кое распространение по всей Европе⁸. Со стены башни №3 хуфница должна была вести фланкирующий огонь не только по штурмующей колонне, но и по осадным орудиям неприятеля.

Восточный фасад башни №3 оснащен по центру единственной узкой щелевидной амбразурой, трапециевидной в плане, с круглым отверстием на высоте человеческого роста (аналогична бойнице в северном фланке). Она также могла быть приспособлена для тарасницы. В Белгородской крепости на Днестре, «время создания которой ограничивается 1410—1480-ми гг.» (Красножон 2012: 374), больше нет (или не сохранилось) ни одной башни с признаками использования подобного вооружения.

Башня №3 является сравнительно поздним сооружением в системе стен более раннего фронта, который не сохранился до наших дней. Она встроена в специально оставленный для нее проем (или возведена на месте обветшавшей башни) для усиления обороноспособности внешнего участка стен Военного двора. Причиной таких работ, по всей вероятности, послужил ожидаемый поход на Белгород турецкой эскадры (4 триремы и 56 бирем) во главе с капуданом Темир-Каем, который состоялся в июне 1454 г. Благодаря вовремя принятым мерам по обороне крепости, нападение османов с моря удалось отразить (Мыц 2009: 237—238).

⁷ Считается, что именно от «houfnic» ведет свое начало полковая артиллерия (от «huf» — «отряд» или «полк»). Бытует мнение, что это слово позже трансформировалось в термин «haubitze», которым обозначается один из типов современных орудий, гаубиц (Durdík 1953: 90; Кирпичников 1976: 84—85; Goetz 1985: 32).

⁸ Находки каменных и железных снарядов от хуфниц зафиксированы на многих археологических объектах, что указывает об их активном применении в разных европейских армиях (Durdík 1953: 90; Кирпичников 1976: 85; Strzyż 2011: 109—112).

Рис. 6. Башня №3: второй ярус, бойницы северной стены (вид снаружи) (фото А.В. Красножона).

Fig. 6. Tower no. 3: second storey, shot holes in the northern wall (view from outside) (photo by A.V. Krasnozhan).

Рис. 7. Башня №3: второй ярус, одна из бойниц северной стены (вид извне) (фото А.В. Красножона).

Fig. 7. Tower no. 3: second storey, one of the shot holes in the northern wall (view from outside) (photo by A.V. Krasnozhan).

Вероятно, не последнюю роль в достижении успеха сыграла хорошо вооруженная передовой артиллерией башня №3, достроен-

ная в период пребывания «пана Станчоула» в Белгороде (DRH 1976: 63, 75, 77).

Следует отметить, что появление гуситов в Молдавии связывается не только с бегством населения от преследования венгерских властей и папских инквизиторов. Часто бывшие табориты или «сироты» находились в составе польских и венгерских войск, которых призывали на помощь разные претенденты на молдавский престол в 40-х годах XV в. (Pall 1963: 1062—1066; Czamańska 1996: 99—109; Масан 2005: 45—48). Особенно много представителей радикального крыла гуситов служило в качестве наемников в армии трансильванского воеводы и регента Венгерского королевства Яноша Хуньяди⁹. В начале 1448 г., совершив интервенцию в Молдавию, он помог прийти к власти господарю Петру II, сыну Александра I Доброго, который в знак благодарности «прѣдаде Книж град Угром» (СМЛ 1976: 59, 62; Pall 1965: 619—622; Czamańska 1996: 105, 107).

⁹ Многие чешские наемники под предводительством гетманов Еника Мечковского и Яна Чапека из Сана участвовали в так называемом «Долгом походе» по территории Болгарии и Сербии в 1443 г. Немало бывших таборитов в составе «братских кампаний» сражалось против османов под командованием Яноша Хуньяди в закончившихся поражениями битвах под Варной (1444 г.) и на Косовом поле (1448 г.), а также в крупной победоносной битве за Белград (1456 г.) (Элекеш 1951: 35—56; Demény, Pataki 1958: 214—215; Дан 1975: 73).

№6. 2013

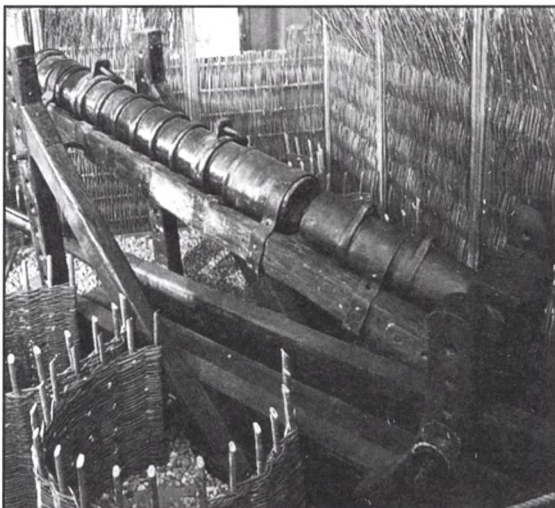

Рис. 8. Гуситская хуфница первой трети XV в. Современная реконструкция (фото И. М. Кубай).

Fig. 8. Hussite houfnice of the 1st third of 15th c. Modern reconstruction (photo by I. M. Kubay).

К сожалению, старые укрепления Килийской крепости на Дунае не сохранились до наших дней; точно установить план ее оборонной системы с помощью каких-либо изобразительных источников также не представляется возможным (Şlapac 2004: 61—67). Трудно однозначно сказать, из каких именно подразделений состоял дислоцированный в ней венгерский гарнизон. Тем не менее, можно предположить, что в его состав входили чешские наемники. На это косвенно указывает то, что Славяно-молдавские летописи XV — начала XVI вв. сохранили ценное указание о попытке штурма крепости Стефаном Великим (22 июня 1462 г.), во время которого «ударилъ его пушкою въ глезну ꙗ Келии града» (СМЛ 1976: 26, 63, 69). В молдавского господаря стреляли из орудия небольшого калибра, скорее всего, из тарасницы, поскольку после тяжелого ранения в щиколотку ему все-таки удалось сохранить ногу. Этот пример является свидетельством того, что пушки уже в то время представляли серьезную угрозу для жизни не только простых воинов, но и государей (Контамин 2001: 223). Стрелявший в Стефана III артиллерист вполне мог быть чешским гуситом. Такое предположение основывается на том, что этот вызывающий поступок полностью соответствовал мировоззренческой идее, которую исповедовали «божьи воины» (Ивашин 1938: 89—91; Рубцов 1955: 142—144; Лаптева 1990: 50—51). Вооружение Килийской крепости, по всей видимости, ничем не отличалось от того, которое находилось в распоряжении гарнизона белгородских укреплений.

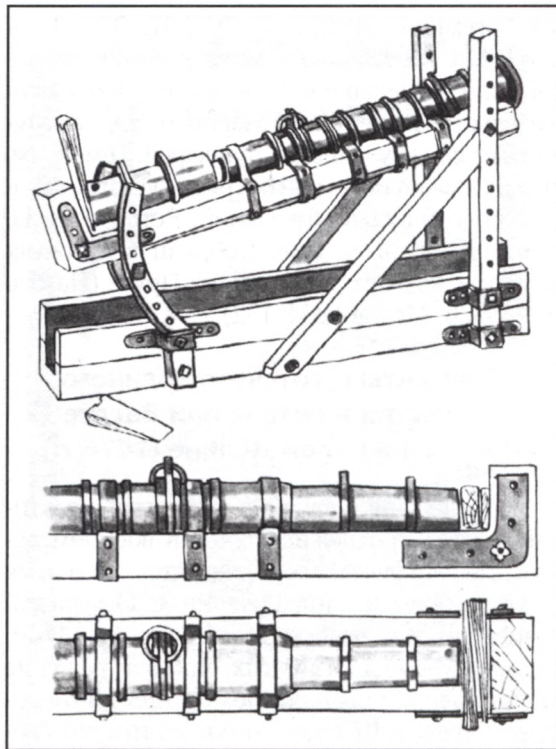

Рис. 9. Хуфница на стационарной станине (Marczak 2004: 36, il. 18).

Fig. 9. Houfnice on the immovable frame (Marczak 2004: 36, il. 18).

Горький урок молдавский господарь хорошо усвоил. Он тайно и тщательно подготовил новое нападение на крепость и осуществил его в 1465 г., когда «генѣраръ 23 въ четвѣртокъ въ полунощи въниде Стефан воевода въ Келии и обсаде град. И прѣвистъ тѣ въ четвѣртокъ мирно, а въ пѣтокъ рано ударилъ и началъ рвати град Келийски. И тако рвалъ весь день и бишъся до вечера. А въ сѣбота же прѣдадѣся град, и въниде Стефанъ воевода въ град божиємъ изволениемъ» (СМЛ 1976: 26, 63, 69; Купша 1975: 80; Gonța 1998: 327). Как видно из приведенного летописного сообщения, крепость удалось захватить благодаря применению мощных орудий, с помощью которых молдавский господарь «началъ рвати град Келийски». При этом остается неизвестным, кто именно руководил артиллерией в войске Стефана III Великого во время осады дунайской крепости. Не исключено, что среди них были и чешские наемники, считавшиеся одними из самых лучших пушкарей по всей Европе. Показательно, что в 1455 г. для отвоевания замка Батиариум на берегу Азовского моря консул Каффы отправил значительный по численности отряд кондотьеров во главе с коннетаблем Якопо ди Капуа, в составе которого находился артиллерист «Николо

из Богемии» (ASLSP 1868: 201, 356; Кузь 2011: 87). Безусловно, у молдавского господаря было не меньше возможностей, чем у правительства Генуэзской Газарии, чтобы заполучить на службу чешских пушкарей. Тем более, что их можно было найти среди гуситов, которые поселились в Молдавии¹⁰. Есть сведения, что они основали село Чобручи в низовьях Днестра, как и город Хушь на Пруте (Haşdeu 1926: 126; Мохов 1964: 152).

Элементы гуситского военного искусства в битвах при Васлуе (1475 г.) и Белой Долине (1476 г.)

Определенное влияние стратегии и тактики гуситов прослеживается и в военном искусстве Молдавского государства во время первых боевых столкновений с Османской империей. Как известно, еще в конце 1474 г. султан Мехмед II Фатих принял решение о проведении большого похода против господаря Стефана III с целью подчинить его своей власти. Он направил в Молдавию армию численностью 120 000 человек¹¹ под командованием румелийского наместника Сулеймана-паши (Iorga 1970: 75, 79; Focşeneanu, Diaconu 1956: 138; Купша 1975: 83; ОВИМК 1987: 77; Gonța 1998: 339). В свою очередь, по сообщению польского историка Яна Длугоша, молдавский господарь призвал под свои знамена всех способных носить оружие — не только бояр и воинов, но и крестьян, так что «только женщины и дети остались дома» (ŞMSPC 2004: 164). Собранное для борьбы с турками «великое войско» Молдавии насчитыва-

ло около 40 000 человек¹². Кроме того, по данным разных источников, в распоряжении Стефана Великого было несколько наемных отрядов. Среди них значатся 1800 венгров под командованием Иштвана Батори — сына воеводы Трансильвании, 2000 русинов и поляков из Подолья, наемных галицким кастеляном Якубом Бучацким, и 5000 секеев из Одорхея и Чиксереда¹³ (Iorga 1970: 75—76; Rosetti 1947: 135—137, 169—170; Focşeneanu, Diaconu 1956: 138—139; Купша 1975: 83; ОВИМК 1987: 77; Gonța 1998: 338).

Учитывая большое численное превосходство турок, господарь решил измотать неприятеля мелкими нападениями легкой конницы, а затем заманить его в тесную долину, чтобы лишить возможности полностью развернуть свои силы и нанести решающий удар (Focşeneanu, Diaconu 1956: 139; ИМССР 1965: 140; Купша 1975: 83). В этом плане ведения боевых действий четко просматриваются некоторые гуситские черты. Например, Г. Дельбрюк, характеризуя стратегию гетмана таборитов Яна Жижки, писал, что «в его войске не требовалось ни рыцарского образа мысли, ни герба, ни турнирного искусства, ни галантности, но с тем большей тщательностью учитывалось своеобразие местности» (Дельбрюк 1996: 304). Иногда войска гуситов по несколько дней отступали, чтобы найти подходящее место, где можно было бы занять позицию для активной обороны, а затем в ходе успешной битвы одолеть численно превосходящего противника. Как известно, такая стратегия в случае Стефана III полностью себя оправдала, поскольку к месту решающего сражения армия Сулеймана-паши подошла сильно потрепанной молдаванами (Focşeneanu, Diaconu 1956: 139; ИМССР 1965: 140; Купша 1975: 83; Gonța 1998: 337—338).

Для битвы с османской армией господарь избрал долину реки Бырлад южнее города

¹⁰ Много гуситов из Трансильвании и Венгрии поселилось в западной и юго-западной части Молдавии. Они упоминаются среди жителей городов Байя, Сучава, Роман, Бакэу, Аджуд, Текуч, Пятра, Хырлэу. Тротуш считался культурным центром венгерских и молдавских гуситов. В 1466 г. здесь сделали копию первого перевода Библии на венгерский язык, который, возможно, и был выполнен в этом же городе (Demény, Pataki 1958: 212—214; ИМССР 1965: 136—138; Полевой 1979: 81). В этом же районе в 1461 г. были записаны инквизицией и «38 пунктов, которые отстаивают еретики — гуситы Молдавии». Это своеобразная программа, которой придерживались некоторые представители радикального крыла гусизма, то есть табориты-хилиасты, выступавшие против всякой церкви (Советов, Баскин 1959: 207—210; Советов 1982: 157).

¹¹ По сообщениям некоторых источников XV в., турки составляли в этом войске 100 000 человек, а 17 000—20 000 в нем насчитывали вспомогательные части валахов (СМЛ 1976: 51). По летописи Григория Уреке, только османов было 120 000 человек, без валахов и крымских татар (Ureche 1990: 45).

¹² В некоторых источниках называются и другие данные о численности войска Стефана III. Так, в «Венецианских анналах» говорится о 42 000, а в «Будском письме» — 60 000 (Iorga 1897: 87, 95), но все они, безусловно, являются завышенными (Стоическу 1975: 64—65).

¹³ В «Истории» Яна Длугоша и «Будском письме» сообщается о 5000 секеев (ŞMSPC 2004: 164; Iorga 1897: 92). Только в «Турдском письме» говорится о 1800 венгров (Veress 1929: 7—8). В летописи Григория Уреке указываются 5000 венгров и 2000 поляков (Ureche 1990: 45). В итоге большинство исследователей считают, что на стороне Стефана III при Васлуе сражалось 7 000—8 800 наемников (Iorga 1970: 78; Rosetti 1947: 170; Focşeneanu, Diaconu 1956: 139; Купша 1975: 83; Gonța 1998: 338).

Васлуй. Река протекает здесь по широкой пойме, над которой господствуют возвышенности, в те времена поросшие лесом. Путь к Васлуй шел через высокий мост на опорах, переброшенный через приток Бырлада. Местность была частично заболоченной, поросшей ивняком (СМЛ 1976: 51; Focșeneanu, Diaconu 1956: 139, 140—141; Gonța 1998: 339—340; ŞMSPC 2004: 164). Стефан III построил свое крестьянское и городское ополчение вместе с наемными отрядами венгров и секеев в два глубоко эшелонированных ряда. Поскольку эти подразделения составляли пехоту, для большей надежности господарь расположил ее за специально выкопанным рвом. На флангах последней он установил две артиллерийские батареи по 10 орудий в каждой, а впереди на значительном расстоянии спрятал среди ив отряд трубачей. Тяжеловооруженная конница, в состав которой входили отряды бояр и наемный контингент русинов и поляков, была оставлена в резерве, расположенном за левым флангом общего строя пехоты в лесу (Rosetti 1947: 165—167, 173—174; Focșeneanu, Diaconu 1956: 139, 140—141; ОВИМК 1987: 77—78).

Деморализованные османские подразделения натолкнулись на молдавское боевое построение утром 10 января 1475 г., что было для них полной неожиданностью. Пойма реки была окутана густым туманом. Теснота избранной Стефаном III Великим для битвы местности и погодные условия внесли некоторое смятение в ряды турецкой армии. Ее авангард, состоявший из конницы сипахов, атаковал центр «великого войска» Молдавии. Пехота янычаров постепенно вступила в соприкосновение с противником на флангах своей конницы, заполнив все пространство между возвышенностями (Focșeneanu, Diaconu 1956: 139—140; Купша 1975: 83—84; Gonța 1998: 339—340). Молдавская пехота, расположенная глубоким эшелоном в первом ряду, в течение длительного времени сопротивлялась напору превосходящего неприятеля, причинив ему значительный урон. Затем под давлением большого числа нападающих ей пришлось отступить ко второй эшелонированной линии своего построения. Когда Стефан III счел, что и эта линия пехоты находится под угрозой прорыва, он решил ввести в действие свой резерв, нанося мощный удар на правом фланге османских сил. Однако перед тем, как тяжеловооруженная конница двинулась в контратаку, она вначале была подготовлена семью залпами из 20 пушек (Rosetti 1947: 147, 152—153; Focșeneanu, Diaconu 1956: 141; Gonța 1998: 339), которые по калибру, скорее всего, могли

Рис. 10. Гуситская хуфница на колесном лафете. Иллюстрация XV в. (Durdík 1953: 71).

Fig. 10. Hussite houfnice. Illustration of 15th c. (Durdík 1953: 71).

быть хуфницами. Эти орудия были установлены на колесных лафетах, что способствовало их быстрому перемещению в полевых условиях. У таборитов это имело место уже в первой трети XV в. (рис. 10). Поскольку каждая пушка за короткое время сделала по семь выстрелов, представляется, что они относились к казнозарядному типу (рис. 11). Только так можно было повысить общую скорострельность артиллерии (Durdík 1953: 69—70; Goetz 1985: 32—33).

В описанных боевых приемах молдавского господаря прослеживается влияние гуситской тактики. Ее основу составляло доведенное до совершенства искусство сложных построений и маневров, а также сочетание действия холодным оружием с применением огнестрельной артиллерии. Ян Жижка, заложивший начала новой тактики в таборитском войске, учил своих воинов действовать применительно к условиям местности, замечать и использовать слабые стороны противника, обращаться в притворное бегство и, выждав благоприятную минуту, переходить в наступление (Durdík 1953: 46—54; Рубцов 1955: 200; Marczak 2004: 52—53).

Особенности социального состава «великого войска» Молдавии, его вооружение

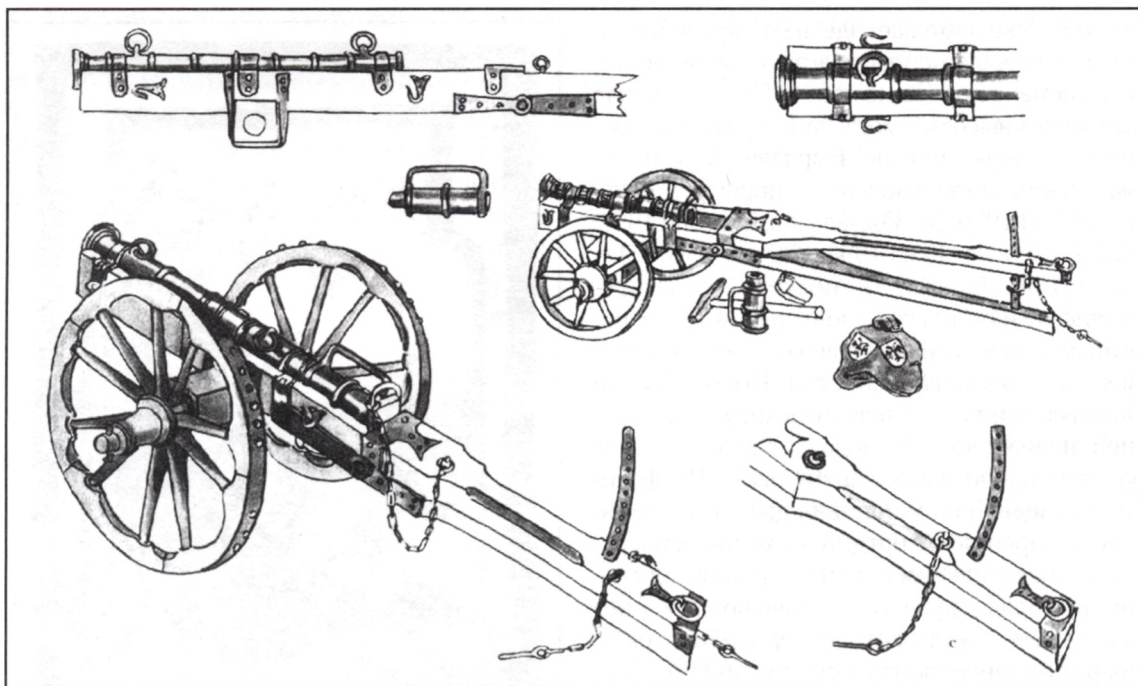

Рис. 11. Казнозарядные хуфницы на колесных лафетах (Marczak 2004: 38, il. 21).

Fig. 11. Breech-loading houfnices on the gun-carriages wheels (Marczak 2004: 38, il. 21).

и организация были теми предпосылками, которые привели к заимствованию этой гуситской тактики. Тем более, что с ней местное население начало знакомиться еще в начале 30-х годов XV в., когда, по данным из письма краковского епископа Збигнева Олесницкого, молдавский господарь «допустил в свое государство некоего монаха из Францисканского ордена, который публично проповедует учение гуситской секты и увлек им уже большинство простонародья. Он бродит по полям, увлекая за собою огромные толпы народа, учит их создавать войско и соблюдать все обычаи, которые приняты у еретиков Богемии» (CESDQ 1891: 290; ИМССР 1965: 135).

В итоге «туман окутал турок до того, — пишет летописец Григорий Уреке, — что они не видели друг друга, а воевода Стефан расставил кучку людей в пойме Бырлада, чтобы ввести врага в заблуждение звуками труб и рогов, подававшими сигналы к бою. Тогда турецкое войско повернулось к звукам рогов, но застряло из-за воды и топи, да к тому же его покрыл туман (...) Стефан воевода с оставленным в стороне войском ударил по туркам в четверг (...). У них же не было места ни чтобы развернуться, ни чтобы собраться, и так они начали сечь друг друга, и многие погибли, другие были взяты в плен молдавской пехотой (...). Погибло тогда немало пашей и санджаков, и захвачены были

пушки и знамена, больше ста штук» (Ureche 1990: 45).

Еще более четко прослеживается использование гуситской тактики Стефаном III Великим во время боевого столкновения с османской армией в 1476 г. Тогда султан, по сообщению турецкого летописца Турсунбея, «собрал столь многочисленное войско, что едва было под силу земле держать его» (СТРҫR 1966: 74), и сам лично повел его против молдавского господаря. Стефан III, который обратился за помощью к соседним государям и ждал ее подхода, сосредоточил свое «великое войско», которое насчитывало 30 000—40 000 человек, на юге Молдавии. Отбив нападение крымских татар, он был вынужден отпустить большую часть своих «воинов от сохи» к семьям, бежавшим от кочевников. Они должны были найти для своих жен и детей убежище и затем вернуться с продовольственными припасами. В то же самое время господарь во главе «малого войска» (10 000—15 000 человек) намеревался задержать и измотать турецкую армию на юге страны, а затем, перейдя к активной обороне, дожидаться возвращения отпущенных ратников и военной помощи, обещанной венгерским королем Матьяшем I Корвином (Iorga 1970: 81—82; Focșeneanu, Diaconu 1956: 150; Купша 1975: 85).

Так же, как и в предыдущем году, молдавский господарь «пожег все нивы, — писал

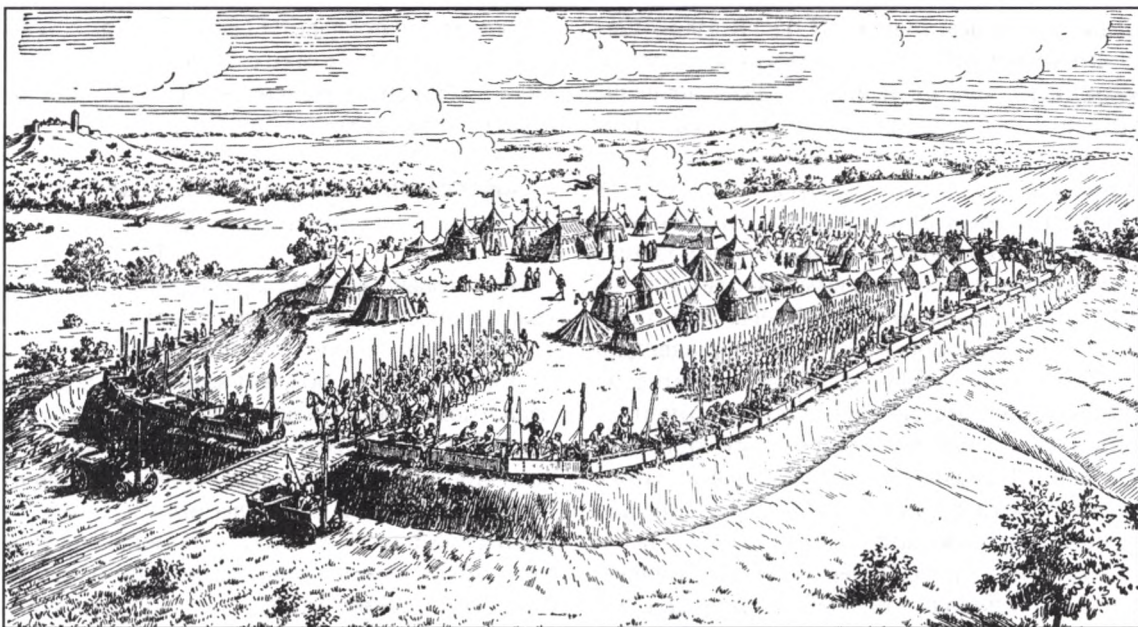

Рис. 12. Боевой порядок таборитов. Иллюстрация А.Б. Жука (Разин 1994: 498).

Fig. 12. The Taborites' battle order. Illustration by A.B. Zhuk (Разин 1994: 498).

летописец Саадеддин, — не оставил за собой и следов зерна, а скот укрыл в надежных местах» (СТРҢR 1966: 322). Несмотря на все трудности, войско захватчиков продвигалось вдоль реки Сирет по направлению к столице Молдавии — Сучаве. В сложившемся положении Стефан III Великий решил дать крупную битву. На северном берегу Белой Долины (молд. Валя Албэ)¹⁴ по его приказу была создана мощная укрепленная позиция. «Молдаванин вместе со своим войском спрятался в изрытом оврагами месте (...). Более недоступной местности и нельзя было найти (...). Этот недостойный злодей укрепился, приказал всем своим всадникам спешиться и выставил коней и возы перед войском, воздвигнув подобие защитной стены. Расставив затем множество больших и малых пушек (...), он стал ожидать за своим укреплением» армию Мехмеда II, — сообщает о действиях Стефана III Великого Турсунбей (СТРҢR 1966: 75).

Описанные турецким летописцем укрепления войска господаря полностью соответствовали главным канонам гуситской тактики (Macúrek 1927: 53; Demény, Pataki 1958: 215). «Табориты ревностно стремились использовать каждое вспомогательное средство фортификационного искусства, — пишет

Г. Дельбрюк, — как в виде использования земляных укреплений, так и в виде боя при помощи повозок, получивших у них исключительное развитие» (Дельбрюк 1996: 304). Умение обученного и хорошо дисциплинированного войска на благоприятной местности быстро закрыться в импровизированной «крепости на колесах» (рис. 12) и отбить самую мощную атаку являлось главным новшеством в гуситской тактике. Каждая часть возового укрепления была в равной мере защищена, а силы расположены так, что воины могли быстро перемещаться на наиболее опасные, уязвимые для обороны участки (Durdík 1953: 115—118; Лаптева 1990: 58; Marczak 2004: 45—46). Еще одним новым элементом, который внес в возовое укрепление гетман таборитов Ян Жижка, было использование артиллерии при его обороне от атак неприятеля. Залповая стрельба из орудий вносила смятение в передовые звенья атакующих, так что около стен укрепления атака ни разу не смогла достичь необходимой для успеха стремительности. Чтобы поразить тех, кто окажется в непосредственной близости от возового укрепления, использовалось ручное огнестрельное и холодное оружие. Задержка же атаки означала ее отражение (Лаптева 1990: 58; Marczak 2004: 45—46).

Однако в битве при Белой Долине, которая произошла 26 июля 1476 г., Стефану III удалось только частично использовать преимущества гуситской тактики. Когда османская армия двинулась в атаку, молдавские воины, «в свою очередь, начали палить из своих

¹⁴ В Славяно-молдавских летописях XV — начала XVI вв. это столкновение между войском Стефана III Великого и армией Мехмеда II Фатиха больше известно как «вой ү Б'ѣлом Потоци» (СМЛ 1976: 29, 65, 71).

дышащих огнем пушек» (СТРȚR 1966: 128). Огонь из орудий был настолько плотным, что «никто не смел идти вперед, даже янычары, уstraшенные молниями пушек, падали ничком на землю». Потери среди турок были значительными, и казалось, что они уже не смогут продолжать атаку. «Тогда султан ринулся вперед, увлекая за собой воинов, пробивая себе путь между вражескими возами, и не зашла битва до ночи (...). Молдавский господарь отошел в горы», — пишет Саадеддин (СТРȚR 1966: 223—224). Действительно, под натиском подавляющих сил противника, стремясь сохранить остатки своего войска, Стефан III Великий принял решение отступить в горы под прикрытием контратаки, принятой его конными витязями, чтобы иметь возможность восстановить свои воинские силы для продолжения борьбы против османов. Спустя некоторое время господарь, по сообщению летописи Григория Уреке, вновь обратился к народу и пополнил свое войско «пастухами» и «батраками» (Ureche 1990: 48; Iorga 1970: 85; Rosetti 1947: 177, 241—243; Focșeneanu, Diaconu 1956: 154—159).

Причины поражения молдавского войска в битве при Белой Долине состояла не в том, что господарь не понимал тонкостей гуситской тактики, а в отсутствии необходимых для этого человеческих ресурсов. Ведь после того, как неприятель терял силу первого натиска и, обескураженный неудачей и тяжелыми потерями, замирал в нерешительности, табориты сами переходили в контратаку. Для этого в одном из заранее подготовленных пунктов (обычно тыльный выход) возовое укрепление размыкалось, и через эти ворота вырывалась конница, которая устремлялась на деморализованного противника во фланг, в то время как пехота делала вылазку с другой стороны (обычно передний выход). В таком случае неприятеля принуждали к отступлению и даже к беспорядочному бегству. Быстрый переход от обороны к контратаке был еще одним тактическим нововведением гуситов (Durđik 1953: 127—128; Лаптева 1990: 58; Marczak 2004: 46, 50—54). Но отсутствие достаточного количества воинов не дало Стефану Великому возможности выиграть битву¹⁵. Добавим, что даже явное превосходство в артиллерии не было в те времена достаточным

условием для победы¹⁶. Слабость ранних орудий была связана с их техническим несовершенством и сравнительно небольшой дальностью стрельбы (Контамин 2001: 217—218).

«Восстание Мухи» 1490—1492 гг.: гуситский след

Некоторые черты, характерные для «заграничных походов» полевых армий таборитов и «сирот» второй половины 20-х — начала 30-х годов XV в., можно увидеть и в хорошо известном «крестьянском восстании под руководством Мухи». В свое время Б. Т. Рубцов писал, что оно «началось в северной Молдавии и прилегающих к ней областях так называемого Покутья. В восстании принимали участие крестьяне всех народностей, населявших этот район: молдаване, поляки, украинцы, а также беженцы — чехи и венгры. Отряды восставших под руководством Мухи вскоре достигли несколько тысяч человек, и их действия распространились на соседние районы Польского государства. Вскоре сказались недостаточная организованность восставших и превосходство сил феодалов» (Рубцов 1955: 302—303).

Специальное внимание этому «социальному движению» уделяли и другие исследователи, но, основываясь на довольно узкой источниковедческой базе, они, не подвергая ее нормам научной критики, разработали концепцию «самого большого народного восстания XV в.» (ИМ 1951: 59—60; ИУССР 1953: 134—135; Мохов 1953: 21—40; ПБ 1969: 32—33; Грабовецкий 1972: 75—101; НІПБ 1980: 56—57; ИУССР 1982: 132, 168—169, 185, 324; Плохий 1983: 44—50; ИМССР 1984: 62—63). Хотя в одной из этих работ высказана мысль, что «крестьянское восстание началось на территории, которая долгое время была предметом спора между молдавским господарем и польским королем. Поэтому Стефан III стремился в споре с Польшей использовать крестьянские отряды восставших в своих интересах. Многие польские официальные лица, в том числе и король, так и расценивали действия отрядов Мухи, выдавая его за агента молдавского господаря»

¹⁵ К этому следует добавить, что на стороне турецкого султана был значительный численный перевес. По современным предположениям, его армия насчитывала 150 000—200 000 человек (Focșeneanu, Diaconu 1956: 147, 150; Балух 2009: 6). По нашему мнению, эти цифры сильно завышены.

¹⁶ Яркими свидетельствами этого, кроме сражения при Белой Долине, являются битвы при Грансоне и Муртене, которые также состоялись в 1476 г. В них объединенная армия швейцарских кантонов сокрушила войско бургундского герцога Карла Смелого, который возлагал большие надежды на использование артиллерии, но жестоко просчитался (Дельбрюк 1996: 381—399; Разин 1994: 445—451; Черняков 2002: 143).

(ИМССР 1965: 133). Кроме того, наверное, все же прав А. Н. Масан, который утверждает, что эти события произошли вследствие ухудшения польско-молдавских политических отношений в 1488 г., когда отряды Стефана III Великого сначала попытались «занять покусские уезды вплоть до Галича, но не смогли их удержать» (Масан 2005: 59).

Действительно немногочисленные акты и летописные источники начала 90-х годов XV в. косвенно свидетельствуют, что молдавский господарь имел определенное отношение к нападению вооруженных отрядов под предводительством Мухи на территорию Покутья, которая тогда находилась под властью Польского королевства. Особенно это чувствуется в хорошо продуманной организации вооруженных сил «повстанцев». Так, в ответе короля Казимира IV Ягеллончика представителю господаря Стефана III о задержке разрешения на его проезд через земли Литовского княжества в Московское государство, говорится, что «когда ты уже находился здесь в должности посла, то было доставлено его светлости новое сообщение, что из Молдавии на днях вышли искусные в военном деле вооруженные отряды и внезапно вторглись во владения его светлости, в земли Подолья и совершили нападение на некоторые укрепления числом четыре или пять, взяв которые, перебили всех, кого нашли, а иных обезглавили. И самые укрепления и много имущества нашего сожгли, и много других жестокостей, а также убийств как купцов — местных уроженцев, так и иных наших подданных совершили» (SWJ 1878: 31; ИСН 1965: 66—67). Поскольку король Польши особо подчеркивает, что силы Мухи составляли «искусные в военном деле вооруженные отряды», это дает возможность говорить об их довольно высоком уровне боевой подготовки. Кстати, последняя очень похожа на ту, что была у таборитов, когда у них завершилось формирование постоянных полевых армий, главную силу которых составляли крестьяне и городской плебс. Причем все они были для своего времени образцом выучки и дисциплины. Такие качества подготовки армий давали возможность ставить им особенно трудные задачи, чего не могли позволить себе командующие войсками неприятеля (Durdík 1953: 93—102; Лаптева 1990: 60; Marczak 2004: 46—49).

Гуситские полевые армии были чрезвычайно подвижны. Никакие другие войска того времени не могли с ними сравниться по скорости маневра. Мобильность этих армий обеспечивала внезапность их появления, которая сразу резко меняла стратегическую си-

туацию, что было возможно лишь при очень высокой дисциплине и самоотверженности воинов и прозорливости их командиров (Durdík 1953: 56—62; Marczak 2004: 51—52). Возможно, потому это подметил в своем письме молдавскому послу и Казимир IV, говоря о том, что войска противника «внезапно вторглись во владения его светлости». А довольно быстрое нападение на подольские крепости, из которых они сразу захватили «некоторые укрепления числом четыре или пять», дополнительно указывает на довольно хорошее обеспечение войск с территории Молдавии необходимым для этого вооружением. Известно, что армии таборитов также умели брать крепости: башни и стены долго не могли сопротивляться мощи гуситской огнестрельной артиллерии (Durdík 1953: 134—135; Лаптева 1990: 59).

О присутствии у «восставших крестьян» Мухи необходимых для штурма укреплений орудий сообщается в письме королевского секретаря Николая Костелецкого к жителям Данцига от 22 августа 1490 г. В нем говорится о том, что неприятель «уже захватил Коломыю и крепость Галич, а Снятин завоевал (...) со всеми своими силами, бомбардами и пиксидами» (CESDQ 1894: 368). Упоминание в этом источнике о «бомбардах и пиксидах»¹⁷ указывает на хорошую подготовленность «войска повстанцев» к проведению осадных операций и присутствие в его рядах квалифицированных пушкарей. «Бомбарды» — тяжелые осадные орудия калибром 500—800 мм, заряжавшиеся большими каменными ядрами, предназначались для пробивания брешей в стенах и башнях укреплений (рис. 13). В некоторых Славяно-молдавских летописях XV — начала XVI вв. их называют «**пушки великнии**» (СМЛ 1976: 32, 73). Как правило, такие большие огнестрельные орудия были дорогостоящим оружием, что объяснялось значительными финансовыми тратами при их эксплуатации¹⁸ и транспортировке к месту применения. А для эффективности использования их устанавливали на заранее подготовленных для этого огневых позициях (Durdík 1953: 72—78; Goetz 1985: 20—22; Goliński 1988: 14—15). Учитывая, что в 1490—1491 гг. на территории Покутья за довольно короткий срок было захвачено, по меньшей мере, три укрепленных пункта, а на Подолье — четыре или пять, пред-

¹⁷ В оригинале: «bombardisque et pixidibus».

¹⁸ В период Гуситских войн 1419—1485 гг. один выстрел из пушки такого большого калибра стоил 430 чешских грошей, за которые можно было купить стадо в 9 коров (Durdík 1953: 22—23).

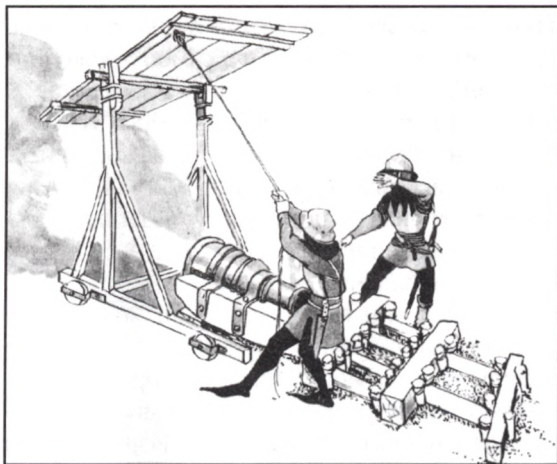

Рис. 13. Тяжелая бомбарда гуситов (Marczak 2004: 37, il. 19).

Fig. 13. Granny bombard of Hussites (Marczak 2004: 37, il. 19).

полагаем, что в распоряжении войска Мухи, возможно, была не одна тяжелая пушка.

Что касается «пиксид», то этим словом могли быть обозначены уже не раз упоминаемые орудия калибра тарасницы или хуфницы, которые для быстроты транспортировки устанавливались на традиционные для гуситов боевые возы (рис. 14). В период после вышеупомянутой битвы у Липан в так называемых «чешских кампаниях» на 1000 пехотинцев приходилось по 6—10 пушек указанного размера. Итак, если в поход выступала полевая армия численностью в 5000—6000 человек, то в их распоряжении могло быть 30—60 орудий (Дельбрюк 1996: 312; Frankenberger 1960: 142—143). Безусловно, тяжело предположить, сколько тарасниц или хуфниц насчитывалось в войске Мухи. В Густынской летописи сообщается, что этот «своевольникъ, собра себѣ таковыхъ же своевольниковъ зѣ десять тысячей» (ПСРЛ 1843: 360). Исходя из такого количества воинов, можно говорить о том, что под его руководством находилось две полевые армии, поскольку Муха одновременно «опустошал (...) самые плодородные края польской страны — Подолье и Русь, — забирая тут столько, сколько ему было нужно», — пишет в своем дневнике Либориус Наккер (SRP 1874: 306).

Главная цель этих заграничных военных походов отрядов Мухи состояла в том, чтобы добыть необходимые материальные средства, поскольку их было достаточно трудно в достаточном количестве найти в самой Молдавии. Недаром король Казимир IV Ягеллончик в своем ответе молдавскому послу подчеркивает, что вторгшиеся в его владения отряды противника «с собой увели разную до-

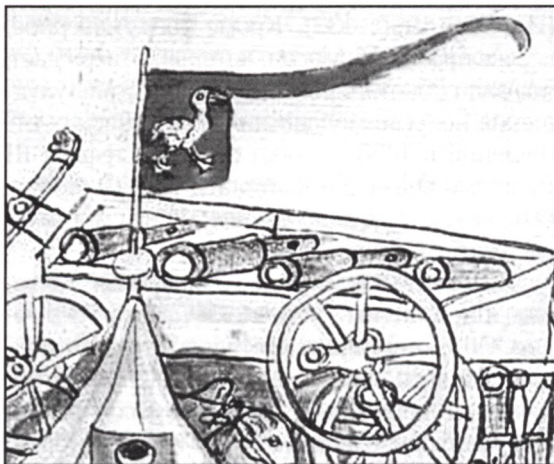

Рис. 14. Гуситские хуфницы на боевых возах. Фрагмент иллюстрации XV в. (Durdík 1953: 101).

Fig. 14. Hussites houfnices on the war wagons. Illustration fragment of 15th c. (Durdík 1953: 101).

бычу: лошадей, толпы людей, крупный и мелкий скот. Таким образом, мы не разумеем, каким способом и кем эти деяния были совершены, но совершены они были из Молдавии» (SWJ 1878: 32; ИСН 1965: 66—67). В действительности же ведение многочисленных войн Стефаном III Великим в 60—80-х годах XV в. привело к появлению большого числа людей, для которых война стала основным занятием, что вызывало неизбежность непрерывного снабжения войска всем необходимым. Поэтому походы войска Мухи, так же, как и «заграничные походы» полевых армий таборитов и «сирот», были вынужденными крупномасштабными реквизиционными акциями, которые принимали нередко и откровенно мародерский характер (Лаптева 1990: 63).

Для того, чтобы покончить с бесчинствами «повстанцев» Мухи на территории Покутья, в начале сентября 1490 г. возле г. Бобрка против них под руководством львовского кастеляна Николая Ходецкого собрались значительные воинские силы, в состав которых входили шляхетское ополчение Русского воеводства и наемные отряды, присланные польским королем (Грабовецкий 1972: 95—96; Масан 1990: 6—7). Решающая битва произошла возле Рогатина, сразу после того, как войско Мухи «перешло реку Днестр». Этот ценный факт, который сообщает в своих записках перемышльский епископ Ян из Торговиц (МРН 1878: 239—240), весьма важен для понимания обстоятельств поражения «восставших». Их войско организовано двигалось к месту боя, очевидно, под защитой возового укрепления (рис. 15), без которого было невозможно транспортировать многочисленную артиллерию. В слу-

Рис. 15. Походный порядок таборитов. Иллюстрация А.Б. Жука (Разин 1994: 496).

Fig. 15. The Taborites' march formation. Illustration by A. B. Zhuk (Разин 1994: 496).

чае необходимости возовая колонна могла быстро развернуться и построиться в круговой боевой порядок для отражения атаки противника. Намного сложнее это было сделать, если предстояло форсировать большую водную преграду вроде Днестра. В таких условиях «крепость на колесах» становилась уязвимой, поскольку цепь из боевых возов размыкалась для переправы через реку. Очевидно, отряды львовского кастеляна внезапно атаковали войско Мухи, которое еще не успело сомкнуть свое воевое укрепление на берегу Днестра. Но одержанная победа досталась Николаю Ходецкому тоже нелегко. Во всяком случае, так можно интерпретировать слова Яна из Торговиц, что «это было больше дело бога, чем людей». В результате упорного сражения в войске неприятеля «почти все люди были убиты, остальные утонули в той реке, а сам Муха едва ускользнул» (МРН 1878: 239—240). Потерпели поражение его отряды и на территории Подолья, где были разбиты подольским воеводой Якубом Бучацким. Однако при каких обстоятельствах это произошло, остается неизвестным (МРН 1878: 240; Грабовецкий 1972: 97).

Выводы

Подытоживая сказанное, отметим, что влияние Гуситских войн 1419—1485 гг. на развитие военного дела Молдавии в 40-х — 90-х годах XV в. было более значительным, чем писали об этом ранее в историографии.

Новые архитектурные исследования крепости в Белгороде-Днестровском выявили в ее оборонном комплексе отдельные наземные конструкции, характерные для центральноевропейского военного зодчества. Постройка такого сооружения (башня № 3), вооруженного передовыми для того времени огнестрельными орудиями, привела к общему усовершенствованию системы защиты крепости, доказательством чему служит отражение попытки ее захвата Темир-Каем в 1454 г. Изменения в организации обороны стационарных укреплений стали определенным стимулом к более активному использованию пушек для проведения осадных операций.

Не менее эффективно использовались и общие достижения гуситского военного искусства, которые были творчески применены в вооруженной борьбе Молдавии против османской экспансии в середине 70-х годов XV в. Новые тактические принципы, рассчитанные на умелое использование местности, а также доведенные до совершенства сложные общевойсковые построения и маневры, привели Стефана Великого к убедительной победе при Васлуе. Сочетание воевой защиты и артиллерии позволило господарю добиться частичного успеха и в битве при Белой Долине.

Закрепление гуситских тенденций развития армии способствовало постепенной профессионализации военного искусства Молдавии, ярко подтвержденной во время т. н. «восстания под предводительством Мухи».

Литература

- Балух О. В. 2009. Боротьба Молдавського воєводства проти османської експансії (1474—1486 рр.). 650-річчя заснування Молдавської держави. *Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції*. Чернівці: БМВ, 5—13.
- Бегунов Ю. К. 1996. Ян Гус и восточное славянство: (По материалам новонайденного источника). *ТОДЛ* 49, 356—375.
- Виногородська Л. І. 2006. Предмети озброєння та обладунків XIV—XV ст. з розкопок на Побужжі. *ВНУЛП* 571, 74—84.
- Грабовецький В. В. 1972. *Селянське повстання на Прикарпатті під проводом Мухи 1490—1492 рр. (З історії спільної боротьби селян України і Молдавії)*. Львів: Вища школа.
- Дан М. 1975. Народный и многонациональный характер войска Янку Хунедоарского. *Страницы истории румынской армии*. Бухарест: АСРР; Воениздат МНО, 69—74.
- Дельбрюк Г. 1996. *История военного искусства в рамках политической истории*. Т. 3. Москва: Наука; Ювента.
- Ивашин И. Ф. 1938. Гуситские войны и табориты. *ИЖ* (2), 87—101.
- ИМ 1951: *История Молдавии*. 1951. Удальцов А. Д., Черепнин Л. П. (ред.). Кишинев: Школа советикэ.
- ИМССР 1965: *История Молдавской ССР*. 1965. Черепнин Л. П. (отв. ред.). Т. 1. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.
- ИМССР 1984: *История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней*. 1984. Царанов В. И. (отв. ред.). Кишинев: Штиинца.
- ИСН 1965: *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII веков. Документы и материалы*. 1965. Костакэл В. А. (отв. ред.). Т. 1. Москва: Наука.
- ИУССР 1953: *История Украинской ССР*. 1953. Касименко А. К. (глав. ред.). Т. 1. Киев: АН УССР.
- ИУССР 1982: *История Украинской ССР*. 1982. Слабев И. С. (отв. ред.). Т. 2. Киев: Наукова думка.
- Кирпичников А. Н. 1976. *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Контамин Ф. 2001. *Война в средние века*. Санкт-Петербург: Ювента.
- Кочубинский А. А. 1901. Тира-Белгород-Аккерман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.). *ЗООИД* 23, 79—178.
- Красножон А. В. 2012. *Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре: история строительства*. Кишинев: Stratum Plus P. P.
- КИР 1987: *Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней*. 1987. Виноградов В. Н. (отв. ред.). Москва: Наука.
- Кузь А. 2011. Корсиканські кондотьєри на службі в Кафі (50-ті роки XV ст.). *НВЧУ* 583—584, 91—95.
- Купша И. 1975. Вклад Штефана Великого в развитие румынского военного искусства. В: *Страницы истории румынской армии*. Бухарест: АСРР; Воениздат МНО, 76—89.
- Лалтева Л. П. 1990. *Гуситское движение в Чехии XV в.* Москва: МГУ.
- Масан О. М. 1990. Нові дані про так зване «повстання Мухи». В: *Молодь і актуальні проблеми історичної науки: Тези V суспільно-політичних читань*. Київ: Інститут історії АН УРСР, 5—8.
- Масан О. М. 2005. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. В: Ботушанський В. М. (заг. ред.). *Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини XX ст.)*. Чернівці: Рута, 9—168.
- Мохов Н. А. 1953. Восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490—1492 гг. *УЗ ИИМФ АН СССР* 11—12 (3—4), 17—40.
- Мохов Н. А. 1964. *Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до XIX в.)*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.
- Мыц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- НІПБ 1980: *Нариси з історії Північної Буковини*. 1980. Шевченко Ф. П. (від. ред.). Київ: Наукова думка.
- Никитина В. Н. 1954. *Гуситское движение за пределами Чехии*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Никитина В. Н. 1957. Распространение гуситских идей в Венгрии в 30-х годах XV в. *ЕМИРА* 1, 333—349.
- ОВИМК 1987: *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV — начало XIX в.)*. 1987. Драгнев Д. М. (ред.). Кишинев: Штиинца.
- Озолин А. И. 1955. О международном значении чешской крестьянской войны XV в. *ВИ* (8), 67—72.
- ПБ 1969: *Північна Буковина, її минуле і сучасне*. 1969. Шевченко Ф. П. (наук. ред.). Ужгород: Карпати.
- Плохий С. Н. 1983. Известия «Хроники времен Стефана Великого молдавского» по истории народного восстания под предводительством Мухи. В: *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории*. Днепропетровск: ДГУ, 44—51.
- Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.* Кишинев: Штиинца.
- ПСРЛ 1843: *Полное собрание русских летописей*. 1843. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца.
- Разин Е. А. 1994. *История военного искусства 2*. Санкт-Петербург: Полигон.
- Рубцов Б. Т. 1955. *Гуситские войны. (Великая крестьянская война XV века в Чехии)*. Москва: Госполитиздат.
- СМЛ 1976: *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* 1976. Буганов В. И. (отв. ред.). Москва: Наука.
- Советов П. В., Баскин Ю. Л. 1959. Из истории общественно-политической мысли Молдавии. О взглядах на государство и право в XV—XVII вв. *УЗ ИИМФ АН СССР* 10 (1), 205—211.
- Советов П. В. 1982. Гусизм в Молдавии. *Советская Молдавия: Краткая энциклопедия*. Кишинев: Главная редакция Молдавской Советской Энциклопедии, 156—157.
- Стоическу Н. 1975. «Большое войско» в Валахии и Молдавии в XIV—XV в. В: *Страницы истории румынской армии*. Бухарест: АСРР; Воениздат МНО, 57—68.
- Черняков М. К. 2002. К вопросу о Бургундских войнах (1473—1477). *ВИ* (2), 138—144.
- Шушарин В. П. 1963. *Крестьянское восстание в Трансильвании (1437—1438 гг.)*. Москва: АН СССР.
- Элекеш Л. 1951. Армия Гунади. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae* 1, fasc. 1. Budapest, 22—57.
- ASLSP 1868: *Atti della società Ligure di storia patria*. 1868. Vol. 6. Genova: Tip. del R. I. De' Sordo-Muti.
- Bogdan I. 1908. Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. *AARMSI* (30), 311—360.
- CESDQ 1891: *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*. 1891.

- Lewicki A. (col. opera). T. 2. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności.
- CESDQ 1894: *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*. 1894. Lewicki A. (col. opera). T. 3. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności.
- Costăchescu M. 1932. *Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare*. Vol. 2. Iași: Viața Românească.
- CTPȚR 1966: *Cronici turcești privind Țările Române*. Guboglu, M., Mehmet, M. (întocm.). Vol. 1. București: Ed. Academiei RSR.
- Czamańska I. 1996. *Moldawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV w.* Poznań: Wyd-wo Naukowe.
- Demény L., Pataki I. 1958. Husitské revoluční hnutí na území Lidové Republiky Rumunské. In: *Mezinárodní ohlas husitství*. Praha, 185—221.
- DRH 1975: *Documenta Romaniae historica*. 1975. A. Moldova. Vol. 1 (1384—1448). București: Ed. Academiei RSR.
- DRH 1976: *Documenta Romaniae historica*. 1976. A. Moldova. Vol. 2 (1449—1486). București: Ed. Academiei RSR.
- Durdík J. 1953. *Husitské vojenství*. Praha: Naše vojsko.
- Durdík J. 1955. Znojenské puškařství v první třetině 15 století. *HV* 1, 52—99.
- Durdík T., Pertl M. 1984. Tarasnice z hradu Křivokládu. In: *Urbes Medii Aevi*. Praha, 149—155.
- Frankenberger O. 1960. *Husitské válečnictví po Lipanech: Vývoj husitského válečnictví po skončení husitské revoluce a jeho význam pro válečnictví vůbec*. Praha: Naše vojsko.
- Focșeneanu I., Diaconu Gh. 1956. Bazele puterii militare a lui Ștefan cel Mare. *Studii cu privire la Ștefan cel Mare*. București: Editura Academiei RPR, 113—168.
- Goetz D. 1985. *Die Anfänge der Artillerie*. Berlin: Militärverlag der DDR.
- Goliński M. 1988. Broń palna na Śląsku do lat trzydziestych XV w. oraz jej zastosowanie przy obronie i zdobywanie twierdz. *SMHW* 31, 3—26.
- Gonța A. I. 1998. *Studii de istorie medievală*. Iași: Ed. Dosoței.
- Hașdeu B. P. 1926. *Ion Vodă cel Cumplit*. Chișinău: Cartea Românească.
- Hurmuzaki E., Densușianu N. 1890. *Documente privitoare la istoria Românilor* 1 (2). București: s. e.
- Iorga N. 1897. *Acte și fragmente cu privire la românii adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului* 3. București: Imprimeria statului.
- Iorga N. 1970. *Istoria armatei românești*. București: Militară.
- Kotowicz P. N. 2009. Architektura obronna i wyposażenie załogi zamku sanockiego w późnym średniowieczu. В: *Фортеця: збірник заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка*. Кн. 1. Львів: Камула, 366—378.
- Macûrek J. 1927. Husitství v rumunských zemích. *ČMM* 51, 1—98.
- Macûrek J. 1928. Husitismul în România. *RI* 14 (1—3), 41—44.
- Marczak P. 2004. *Wojny husyckie*. Warszawa: Agencja Wydawnicza «EGROS».
- MPH 1878: *Monumenta Poloniae historica*. 1878. T. 3. *Pomniki dziejowe Polski*. Bielowski A. T. (red.). Lwów: Nakładem Akademii Umiejętności w Krakowie.
- Pall F. 1963. Intervenția lui Iancu de Hunedoara în Țara Românească și Moldova în anii 1447—1448. *Rdl* 16 (5), 1049—1072.
- Pall F. 1965. Stăpînirea lui Iancu de Hunedoara asupra Chiilei și problema ajutorării Bizanțului. *Rdl* 18 (3), 619—638.
- Rosetti R. 1947. *Istoria artei militare a Românilor până la mijlocul veacului al XVII-lea*. București.
- Strzyż P. 2011. *Średniowieczna broń palna w Polsce. Studium archeologiczne*. Łódź: Wyd-wo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN.
- SRP 1874: *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. 1874. Hirsch T., Töppen M. und Strehle (Hrsg.). Leipzig: Verl. von S. Hirzel.
- SWJ 1878: *Spawy wołoskie za Jagiełłonow: Akty i listy*. 1878. Jabłonowski A. (wyd.). Warszawa.
- Șlapac M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (Mijlocul sec. al XIV-lea — mijlocul sec. al XVI-lea)*. Chișinău: ARC.
- ȘMSPC 2004: *Ștefan cel Mare și Sfânt (1504—2004). Portret în cronică*. 2004. Suceava: Ed. Mușatinii.
- Świętosławski W. 2008. Późnośredniowieczne militaria z relikwów wieży w Jemiołowie koło Olsztyńka. *AMM* 4, 189—198.
- Urbánek R. 1934. *Lipany a konec polních vojsk*. Praha: Melantrich.
- Ureche G. 1990. *Letopisețul Țării Moldovei: Cronici*. Celac T. (îngr. text.). Chișinău: Hyperion.
- Veress A. 1929. *Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești*. Vol. 1. București: Cartea Românească.
- Żabiński Gr. 1999. Uwagi dotyczące niektórych aspektów pobytu wojsk Jana Jiskry oraz bratczyków na Górnych Węgrzech w XV w. *ZNUJ* 126, 31—58.

References

- Balukh, O. V. 2009. In 650-richchya zasnuyannya Moldavs'koï derzhavy. *Materialy Mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii (650 years from the foundation of Moldavian state. Materials of the International scientific-practical conference)*. Chernivtsi: VMV, 5—13 (in Ukrainian).
- Begunov, Yu. K. 1996. In *Trudy otдела drevnerusskoi literatury (Works of the Department of Old Russian literature)* 49, 356—375 (in Russian).
- Vinogorodskaya, L. I. 2006. In *Visnyk natsional'noho universytetu «Lviv's'ka politekhnika» (Bulletin of the National university "Lviv polytechnic")* 571, 74—84 (in Ukrainian).
- Grabovetskiy, V. V. 1972. *Selyans'ke povstannya na Prykarpatti pid provodom Mukhy 1490—1492 rr. (Z istorii spil'noi borot'by selyan Ukrainy i Moldavii) (The peasant revolt in Prikarpattia under the leading of Mukha in 1490—1492. (From the history of the social fight between the peasants of Ukraine and Moldavia))*. L'viv: Vyshcha shkola (in Ukrainian).
- Dan, M. 1975. In *Stranitsy istorii rumynskoi armii (Pages from history of the Romanian army)*. Bucharest: Akademii SRR; Voenizdat MNO, 69—74 (in Russian).
- Delbrück, H. 1996. *Istoriia voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii (History of the art of war within political history)*. Vol. 3. Moscow: Nauka; Iuventa (in Russian).
- Ivashin, I. F. 1938. In *Istoricheskii zhurnal (Historical journal)* (2), 87—101 (in Russian).
- Istoriia Moldavii (History of Moldavia). 1951. Kishinev: Școala sovietică (in Russian).
- Istoriia Moldavskoi SSR (History of Moldavian SSR). 1965. Vol. 1. Kishinev: Kartia Moldoveniaske (in Russian).
- Istoriia Moldavskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh

- dnei (History of Moldavian SSR from earliest times to present time). 1984. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Istoricheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v XV — nachale XVIII vekov. Dokumenty i materialy (Historical relations of the people of USSR and Romania in 15th — early 18th century. Documents and materials). 1965. Vol. 1. Moscow: Nauka (in Russian).
- Istoriia Ukrainoi SSR (History of Ukrainian SSR). 1953. Vol. 1. Kiev: AN USSR (in Russian).
- Istoriia Ukrainoi SSR (History of Ukrainian SSR). 1982. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Russian warfare in 13th—15th centuries)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Contamine, F. 2001. *Voina v srednie veka (War in Middle Ages)*. Saint Petersburg: Iuventa (in Russian).
- Kochubinsky, A. A. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 23, 79—178 (in Russian).
- Krasnozhon, A. V. 2012. *Krepost' Belgorod (Akherman) na Dnestre: istoriia stroitel'stva (Belgorod (Akherman) Fortress on the Dniester: construction history)*. Kishinev: Stratum Rlus P.P. (in Russian).
- Kratkaia istoriia Rumynii. S drevneishikh vremen do nashikh dnei (Brief history of Romania. From earliest times to our time). 1987. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kuz, A. 2011. In *Naukovy visnyk Chernivets'koho universytetu (Scientific bulletin of the Chernivtsi University)* 583—584, 91—95 (in Ukrainian).
- Kupsha, I. 1975. In *Stranitsy istorii rumynskoi armii (Pages from history of the Romanian army)*. Bucharest: Akademii SRR; Voenizdat MNO, 76—89 (in Russian).
- Lapteva, L. P. 1990. *Gusitskoe dvizhenie v Chekhii XV v. (The Husite movement in Czechia in 15th century)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Masan, O. M. 1990. In *Molod' i aktual'ni problemy istorychnoi nauky: Tezy V suspil'no-politychnykh chytan' (Youth and actual problems of historical science: abstracts of the 5th social-political readings)*. Kiev: Instytut istorii AN URSR, 5—8 (in Ukrainian).
- Masan, O. M. 2005. In *Bukovyna v konteksti yevropeys'kykh mizhnarodnykh vidnosyn (z davnikh chasiv do sere-dyny XX st.) (Bukovina in the context of European international relations (from ancient times to middle 20th century))*. Chernivtsi: Ruta, 9—168 (in Ukrainian).
- Mokhov, N. A. 1953. In *Uchenye zapiski Instituta istorii Moldavskogo filiala Akademii nauk SSSR (Scientific bulletin of the Institute of History of the Moldavian branch of Academy of Sciences of USSR)* 11—12 (3—4), 17—40 (in Russian).
- Mokhov, N. A. 1964. *Moldaviia epokhi feodalizma (ot drev-neishikh vremen do XIX v.) (Moldavia in the feudal epoch (from oldest times to 19th century))*. Kishinev: Cartea Moldovenească (in Russian).
- Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and conflicts)*. Simferopol: Universum (in Russian).
- Narysy z istorii Pivnichnoi Bukovyny (Essays from the history of Northern Bukovina). 1980. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Nikitina, V. N. 1954. *Gusitskoe dvizhenie za predelami Chekhii (Husite movement outside Czechia)*. Leningrad (in Russian).
- Nikitina, V. N. 1957. In *Ezhegodnik Muzeia istorii religii i ateizma (Annual of the Museum of history of religions and atheism)* 1, 333—349 (in Russian).
- Ocherki vnesnepolitieskoi istorii Moldavskogo kniazhestva (posledniaia chetvert' XIV — nachalo XIX vv.) (Essays from the external political history of the Moldavian state (last quarter of 14th — beginning of 19th cc.)). 1987. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Ozolin, A. I. 1955. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (8), 67—72.
- Pivnichna Bukovyna, ii mynule i suchasne (Northern Bukovina, its past and present). 1969. Uzhgorod: Karpaty (in Ukrainian).
- Plokhiiy, S. N. 1983. In *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy otechestvennoi istorii (Historiographical and source studies problems of natal history)*. Dnepropetrovsk: DGU, 44—51 (in Russian).
- Polevoy, L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoi geografii Moldavii XIII—XV vv. (Essays on political geography of Moldavia in 13th—15th centuries)*. Kishinev: Shtiintsa.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles). 1843. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiia E. Pratsa (in Russian).
- Razin, E. A. 1994. *Istoriia voennogo iskusstva (History of the art of war)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Poligon (in Russian).
- Rubtsov B. T. 1955. *Gusitskie voyny. (Velikaia krest'ianskaia voina XV veka v Chekhii) (Husite wars. (Great peasant war of 15th century in Czechia))*. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).
- Slaviano-moldavskie letopisi XV—XVI vv. (The Slavic-Moldavian chronicles of the 15th—16th centuries). 1976. Bugarov Vol. I. (otv. red.). Moscow: Nauka (in Russian).
- Sovetov, P. V., Baskin, Yu. L. 1959. In *Uchenye zapiski Instituta istorii Moldavskogo filiala Akademii nauk SSSR (Scientific reports of the Moldavian branch of the Academy of Sciences of USSR)* 10 (1), 205—211 (in Russian).
- Sovetov, P. V. 1982. In *Sovetskaia Moldaviia: Kratkaia entsiklopediia (Soviet Moldaviia: a brief encyclopedy)*. Kishinev: Glavnaia redaktsiia Moldavskoi Sovetskoi Entsiklopedii, 156—157 (in Russian).
- Stoicescu, N. 1975. In *Stranitsy istorii rumynskoi armii (Pages from history of the Romanian army)*. Bucharest: Akademii SRR; Voenizdat MNO, 57—68 (in Russian).
- Chernyakov, M. K. 2002. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (2), 138—144 (in Russian).
- Shusharin, V. P. 1963. *Krest'ianskoe vosstanie v Transil'vanii (1437—1438 gg.) (Peasant rebellion in Transylvania (1437—1438))*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Elekes, L. 1951. In *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 1 (1). Budapest, 22—57 (in Russian).
- ASLSP 1868: *Atti della società Ligure di storia patria*. 1868. Vol. 6. Genova: Tip. del R. I. De' Sordo-Muti.
- Bogdan, I. 1908. In *Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. AARMSI* (30), 311—360.
- Codex epistolaris saeculi decimi quinti. 1891. Lewicki A. (col. opera). Vol. 2. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności.
- Codex epistolaris saeculi decimi quinti. 1894. Lewicki A. (col. opera). Vol. 3. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności.
- Costăchescu M. 1932. *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*. Vol. 2. Iași: Viața Românească.
- Cronici turcești privind Țările Române. Guboglu, M., Mehmet, M. (intocm.). Vol. 1. București: Ed. Academiei RSR.

№6. 2013

- Czamańska, I. 1996. *Moldavia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV w.* Poznań: Naukowe.
- Demény, L., Pataki, I. 1958. Husitské revoluční hnutí na území Lidové Republiky Rumunské. In: *Mezinárodní ohlas husitství*. Praha, 185—221.
- Documenta Romaniae historica*. 1975. A. *Moldova*. Vol. 1 (1384—1448). București: Academiei RSR.
- Documenta Romaniae historica*. 1976. A. *Moldova*. Vol. 2 (1449—1486). București: Academiei RSR.
- Durdík, J. 1953. *Husitské vojenství*. Praha: Naše vojsko.
- Durdík, J. 1955. Znojenské puškařství v první třetině 15 století. *HV* 1, 52—99.
- Durdík T., Pertl, M. 1984. Tarasnice z hradu Křivokláta. In *Urbes Medii Aevi*. Praha, 149—155.
- Frankenberger, O. 1960. *Husitské válečnictví po Lipanech: Vývoj husitského válečnictví po skončení husitské revoluce a jeho význam pro válečnictví vůbec*. Praha: Naše vojsko.
- Focșeneanu, I., Diaconu, Gh. 1956. Bazele puterii militare a lui Ștefan cel Mare. *Studii cu privire la Ștefan cel Mare*. București: Editura Academiei RPR, 113—168.
- Goetz, D. 1985. *Die Anfänge der Artillerie*. Berlin: Militärverlag der DDR.
- Goliński, M. 1988. Broń palna na Śląsku do lat trzydziestych XV w. oraz jej zastosowanie przy obronie i zdobywanie twierdz. *SMHW* 31, 3—26.
- Gonța, A. I. 1998. *Studii de istorie medievală*. Iași: Dosoitei.
- Hașdeu, B. P. 1926. *Ion Vodă cel Cumplit*. Chișinău: Cartea Românească.
- Hurmuzaki, E., Densușianu, N. 1890. *Documente privitoare la istoria Românilor* 1 (2). București: s. e.
- Iorga, N. 1897. *Acte și fragmente cu privire la românii adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului* 3. București: Imprimeria statului.
- Iorga, N. 1970. *Istoria armatei românești*. București: Militară.
- Kotowicz, P. N. 2009. In *Fortetsya: zbirnyk zapovidnyka «Tustan»»: na poshanu Mykhajla Rozhka (Fortress: Collected Works of Mihailo Rozhok Tustan Reservation)* 1. Lvov: Kamula, 366—378.
- Macûrek, J. 1927. Husitství v rumunských zemích. *ČMM* 51, 1—98.
- Macûrek, J. 1928. Husitismul în România. *RI* 14 (1—3), 41—44.
- Marczak, P. 2004. *Wojny husyckie*. Warszawa: Agencja Wydawnicza “EGROS”.
- Monumenta Poloniae historica*. 1878. Vol. 3. *Pomniki dziejowe Polski*. Bielowski, A. T. (red.). Lwów: Nakładem Akademii Umiejętności w Krakowie.
- Pall, F. 1963. Intervenția lui Iancu de Hunedoara în Țara Românească și Moldova în anii 1447—1448. *RdI* 16 (5), 1049—1072.
- Pall, F. 1965. Stăpînirea lui Iancu de Hunedoara asupra Chișinei și problema ajutorării Bizanțului. *RdI* 18 (3), 619—638.
- Rosetti, R. 1947. *Istoria artei militare a Românilor până la mijlocul veacului al XVII-lea*. București.
- Strzyż, P. 2011. *Średniowieczna broń palna w Polsce. Studium archeologiczne*. Łódź: Wyd-wo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN.
- Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. 1874. Hirsch, T., Töppen, M., und Strehle (Hrsg.). Leipzig: Verl. von S. Hirzel.
- Spawy wołoskie za Jagiellonow: Akty i listy*. 1878. Jabłonowski, A. (wyd.). Warszawa.
- Șlapac, M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (Mijlocul sec. al XIV-lea — mijlocul sec. al XVI-lea)*. Chișinău: ARC.
- Ștefan cel Mare și Sfânt (1504—2004). Portret în cronică*. 2004. Suceava: Ed. Mușatinii.
- Świętosławski, W. 2008. Późnośredniowieczne militaria z relikwów wieży w Jemiołowie koło Olsztyńska. *AMM* 4, 189—198.
- Urbánek, R. 1934. *Lipany a konec polních vojsk*. Praha: Melantrich.
- Ureche, G. 1990. *Letopisețul Țării Moldovei: Cronici*. Celac T. (îng. text.). Chișinău: Hyperion.
- Veress, A. 1929. *Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești*. Vol. 1. București: Cartea Românească.
- Żabiński, Gr. 1999. Uwagi dotyczące niektórych aspektów pobytu wojsk Jana Jiskry oraz bratczyków na Górnych Węgrzech w XV w. *ZNUJ* 126, 31—58.

Статья поступила в номер 22 марта 2013 г.

Andrei Fedoruk (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University¹.**Andrei Fedoruk** (Cernăuți, Ucraina). Candidat în științe istorice. Universitatea Națională „Yuriy Fedkovych” din Cernăuți.**Федорук Андрей Васильевич** (Черновцы, Украина). Кандидат исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федковича.**E-mail:** andrii.fedoruk@mail.ru**Inna Kubay** (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of Political Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University².**Inna Kubay** (Cernăuți, Ucraina). Candidat în științe politice. Universitatea Națională „Yuriy Fedkovych” din Cernăuți.**Кубай Инна Михайловна** (Черновцы, Украина). Кандидат политических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федковича.**E-mail:** innakubay@rambler.ru**Address:** ^{1,2} Kafedralna St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

К сотворению кумиров

To the Making of Idols
Despre facerea idolilor

О. А. Довгополова

«Здесь я понимаю, что такое избранничество»: парадоксы внерелигиозной религиозности Альбера Камю

Keywords: Albert Camus, freedom, religiosity, existentialism, absurdity.

Cuvinte cheie: Albert Camus, libertate, religiozitate, existențialism, absurd.

Ключевые слова: Альбер Камю, свобода, религиозность, экзистенциализм, абсурд.

O. A. Dovgopola

“Here I understand what it means to be the chosen one”: Paradoxes of Albert Camus’s Out-Religious Religiosity

The author studies the idea of interrelations between human and the transcendent in Albert Camus’ s works. It appears that Camus distinguishes two ways of relations with the transcendent. In the first one, human acknowledges predetermination of the world history in general and impossibility to change one’s fate. This is position of a slave. In the second case, humans rebel against the God, put themselves in His place and attempt to take the Lord’s place in the dyad «Slave-Lord». These are versions of a nihilistic riot, destructive for humans and mankind. Camus was sure that it would be a mistake to look for something transcendental outside this world. A variety of transcendence through plunging in the essence of this world forms Camus’ s special out-religious religiosity. The two ways of relations with Transcendent are determined by Camus. The first is acknowledgment of predetermination of the Human History and impossibility of alteration of the human’s life. In other case Man rebels against God, inserting himself at the place of the Lord in dyad “Lord-Slave”. Camus was sure that the search of Transcendent out of this world is erroneous. The variety of transcending through the plunging in the essence of this world creates the specific Camus’ out-religious religiosity.

O. A. Dovgopola

„Aici înțeleg, ce e gloria”: paradoxurile religiozității extrareligioase a lui Albert Camus

Authorul analizează percepția interrelației omului cu transcendentul din opera lui Albert Camus. Astfel, Camus evidențiază două căi de relație cu transcendentul. Într-un caz, omul recunoaște predestinarea istoriei lumii la general și imposibilitatea de a-și modifica propria soartă. Aceasta este poziția robului. În alt caz, omul se răscoală împotriva lui Dumnezeu, plasându-se în locul acestuia și încercând să preia locul Domnului în relația „rob — Domn”. Acestea sunt variantele unei rebeliuni nihiliste cu caracter distrugător pentru om și umanitate. Camus este sigur, că e o greșeală să cauți transcendentul în afara acestei lumi. Transcendența prin scufundare în esența lumii înconjurătoare reprezintă o religiozitate extrareligioasă aparte a lui Camus.

O. A. Довгополова

«Здесь я понимаю, что такое избранничество»: парадоксы внерелигиозной религиозности Альбера Камю

Автор анализирует понимание взаимоотношения человека с трансцендентным в творчестве Альбера Камю. Показано, что Камю выделяет два способа отношений с трансцендентным. В одном случае человек признает предопределенность истории мира в целом и невозможность изменить собственную судьбу. Это позиция раба. В другом случае человек восстает против Бога, ставя себя на Его место и пытаясь занять место Господина в двойке «Раб-Господин». Это варианты нигилистического бунта, разрушительные для человека и человечества. Камю уверен, что искать трансцендентное за пределами этого мира — ошибка. Вариант трансцендирования через погружение в сущность этого мира составляет особую внерелигиозную религиозность Камю.

Религиозный фактор в развитии человечества обнаруживается зачастую там, где никак не ожидаешь его присутствия. Не странно ли, что в этом номере журнала, материалы, посвя-

щенные столь значимым для развития христианства темам, как 1700-летие Миланского эдикта и 1150-летие начала Моравской миссии Кирилла и Мефодия, соседствуют с очерком

Фото. Альбер Камю (1913—1960) при жизни снискал славу «совести либерального Запада».

Foto Albert Camus (1913—1960) won lifetime fame of “conscience of the liberal West”

о принципиальном противнике католической ортодоксии, человеке, возвращенном на утверждение о смерти Бога? Альбера Камю, мягко говоря, сложно назвать религиозным философом или адептом какого бы то ни было религиозного убеждения. Тем не менее, обращение к мысли Камю естественно в контексте развития представлений о сущности религии в наши дни.

В данном номере текст, посвященный Камю, появляется не только потому, что 7 ноября отмечалось столетие со дня рождения мыслителя. Дело в том, что странным образом именно в его безжалостном взгляде на противостояние вопрошающего человека и безмолвного космоса скрывается то, что даёт нам ключ к пониманию специфики религиозного поиска человека XX века. Не современности, а именно XX века, — века, уже ушедшего в прошлое, которому уже можно подвести итог. Возможно, именно обозначение нашей эпохи, конца XX — начала XXI столетия, как постсекулярной, заставляет нас подправить оптику видения религиоз-

ного чувства XX века. Сейчас мы видим в отношении XX века к религии не только воинствующий атеизм, ницшеанские позы а-ля «Бог умер» (подчеркну, именно ницшеанские позы, а не тезисы Ницше), но и формирование неизвестных ранее форм «внерелигиозных» религий, и невиданную ранее готовность мощных традиционных религий признать возможность собственной трансформации (достаточно упомянуть здесь II Ватиканский собор). Именно в XX веке было сформулировано и определение религии как *любой* системы поклонения и ориентации (Э. Фромм), и признание невозможности найти общее содержание в том, что традиционно обозначается как религия (Й. Ратцингер). Именно в этой оптике вне-религиозная философия Альбера Камю раскрывает для нас особый ракурс религиозного чувства человека XX века.

Мы меньше всего хотели бы выискивать в текстах Камю признаки скрытой религиозности: вот, мол, его внерелигиозность — это интеллектуалистская поза, а в глубине души... Что было у Камю в глубине души, нам никогда не будет ведомо. Мы попытаемся на примере Камю разглядеть ту специфику религиозного опыта, которая оформляется именно в первой половине XX века. Помня при этом, что, с одной стороны, атеистом Камю себя никогда не называл, а с другой — был последовательным критиком любой формы догматизма, объясняющего человеку, что от него ничего не зависит.

Значимо то, что в ткань жизни Альбера Камю был вписан напряженный порыв «за пределы» существования. Именно это — порыв «за пределы» — возникает в момент бунта человека против бессмысленности существования. Желание вырваться «за пределы» из липкой паутины повседневности, из убаюкивающей тюрьмы «обыденной мудрости» подводит нас к определяющему сущность человека вопросу свободы — и именно этому вопросу подчинено всё творчество Альбера Камю. Мыслитель показывает, какими разными путями идёт человек в осуществлении этого порыва «за пределы». Иногда он успокаивает себя, найдя водителя в трансцендентное и гаранта «хеппи-энда», иногда решается отбросить «подпорки» и взять на себя ответственность за удачу или провал собственного мероприятия. Момент выбора пути как раз и оказывается в фокусе анализа Альбера Камю — и именно это делает мыслителя интересным для исследователей способа реализации религиозного чувства в картине мира XX века.

Мыслитель, который все попытки найти смысл человеческой жизни где-то вне этого мира объявил трусостью, вероятно, наиболее ясно открывает перед нами вариант утверждения высшего смысла через выстраивание его в ткани собственной жизни. Ни к чему напоминать сейчас о тех духовных кризисах, которые накрывали Европу с начала XX века. И насколько беспомощными оказались все ориентиры XIX века, пройдя через опыт мировых войн. Родившийся в 1913 г., Альбер Камю вошел в мир, уже серьезно усомнившийся в том, что разум надежно ведет человечество по пути неостановимого прогресса. Вероятно, жизненная ситуация мыслителя во многом предопределила разработанный им способ решения проблемы свободы.

Если мы бросим взгляд на жизнь Альбера Камю, самым, вероятно, общим ощущением будет постоянное пребывание философа где-то в пространстве «между». Ничего не предопределено в этой жизни. Вероятно, в какой-то мере это позволит приблизиться к пониманию того варианта вне-религиозной религии, которую в ткани своей жизни реализовывал Камю.

Говоря о жизни на разрыве, в пространстве «между», мы имеем в виду не те катастрофические сломы в истории XX столетия, которые не оставили ни одну жизнь течь, как она была задумана. Но если мы читаем, к примеру, «Берлинское детство на рубеже веков» Вальтера Беньямина, мы прикасаемся как раз к стабильному гарантированному миру немецкой буржуазии начала XX века. Жизнь Беньямина сложилась трагически — и вина за это лежит на катастрофе европейской истории. Для Камю же жизнь с самого начала не обещала ничего. Камю из семьи так называемых «черноногих» — презрительная кличка для белых, родившихся в Алжире. Одной ногой в Африке, другой — во Франции. Мать Камю была испанского происхождения — еще одна линия «между» в судьбе мыслителя. Альберу Камю, вероятно, было уготовано стать сельскохозяйственным рабочим, как его отец. Но тот погиб в самом начале войны, разделившей историю на «до мировых войн» и «после». Семья тут же оказалась на пороге нищеты, мать Камю пыталась свести концы с концами, работая прачкой. С такой социальной ступеньки невозможно было «впрыгнуть» в приличное учебное заведение, но жизнь Камю совершила неожиданный вираж благодаря помощи Луи Жермена, учителя из школы в Белькуре, беднейшем районе Алжира, которую закон-

чил Камю. Учитель добился предоставления талантливому ученику стипендии, открывшей Камю дорогу во Французский лицей, что, в свою очередь, позволило поступить в университет. Лицей оказался для Камю также пространством «между». Известно отношение соучеников, выходцев из состоятельных семейств, к «дворянжке», выходцу из Белькура. Вероятно, именно здесь Камю получил хорошую прививку от любых форм аристократического сознания, парящего над бессмысленной «чернью».

Университет оказался для молодого мыслителя настоящей школой жизни. Жизнь в пространстве между добыванием куска хлеба (кем только не работал Камю в студенческие годы) и глубоким включенным погружением в современную философию — в эти годы будущий экзистенциалист находился на самом пике интеллектуальной жизни своего времени, по сути, ходил по лезвию тех вопросов, на которые пыталось ответить европейское человечество в межвоенный период. Экзистенциальный опыт Камю предельно насыщен в эти годы. Он не только изучает философию, но и активно занимается футболом (много лет спустя он говорил, что на формирование его философских взглядов оказал влияние спортивный опыт — опыт солидарности и командной игры), вступает в первый брак, приобщается к театру (в качестве актера и драматурга), получает первый опыт политической деятельности. Возможно, ничто настолько ярко не характеризует нахождение Камю именно в некоем пространстве «между», как одновременное погружение в изучение истории религий и вступление в коммунистическую партию.

«Между» — это не только стояние между столь разными интеллектуальными запросами. Для Камю это еще и постоянное балансирование между успехом, надеждой и разочарованием. Вторая половина тридцатых годов для Камю ознаменовывается рядом страшных разочарований. Ударом судьбы для Камю оказался туберкулёз, который поставил крест не только на спортивных увлечениях, но и на планах продолжить обучение в Эколь Нормаль, готовившей преподавателей для высших школ. В 1937 г. Альбер Камю выходит из коммунистической партии, в тот же период распадается его первый брак. Жизнь приходится выстраивать с чистого листа.

В этот период утраты надежд Камю сосредотачивается на актерской работе (которая была для него и политической — искус-

ство для искусства никогда не привлекало мыслителя) и журналистике. Быть талантливым журналистом в Алжире, там, где крепко завязано несколько узлов несправедливости, равноценно совершению некоего гражданского подвига. Кажется, будто жизнь намеренно ставит Камю в те места, где нет рецептов, где только собственный выбор определяет то, что ты скажешь.

Начало Второй мировой войны проводит еще одну линию «между» в жизни Камю — на сей раз это жизнь между Францией и Алжиром. Окончательно во Франции Камю оказался в 1942 г., став участником французского Сопротивления. В 1942 г. Камю, по сути, возглавляет подпольную газету «Комба», которая в 1944 г. выходит из подполья и на некоторое время определяет интеллектуальную температуру в уже послевоенной Франции.

Именно на годы войны приходится начало литературной славы Альбера Камю. Романы «Посторонний» и «Чума», эссе «Миф о Сизифе», пьеса «Калигула» и многие другие произведения Камю становятся знаковыми для своего времени. Хотелось бы напомнить, за какие именно заслуги в 1957 г. Альберу Камю была присуждена Нобелевская премия — за произведения, которые с предельной ясностью показывают проблему человеческой совести в наше время. Предельная ясность в понимании сущности совести формируется в сознании мыслителя, находящегося между ницшеанским нигилизмом и острым переживанием ответственности за всё человечество.

Даже смерть Камю оказывается вот этим странным пребыванием «между». Нелепая насмешка судьбы. 4 января 1960 г. Камю погиб в автомобильной катастрофе, имея с собой билет на поезд.

Возможно, вот это встроенное в жизнь Альбера Камю «между» образует тот просвет бытия, который возможно и необходимо рассматривать в контексте религиозного видения человека XX века. Анализ религиозной тематики в творчестве Камю — это тема диссертационного исследования. В данном тексте мы попытаемся коснуться нескольких принципиально важных моментов, позволяющих говорить о вне-религиозной религиозности французского мыслителя. Ракурс видения проблемы очерчивается здесь во многом субъективным переживанием текстов Камю автором этих строк. Предложенный здесь взгляд фокусируется в пространстве между «Бракосочетаниями в Типаса», «Мифом о Сизифе» и «Бунтующим человеком».

Главная проблема творчества Камю — это свобода. Не получивший религиозного воспитания, всегда далекий от какой бы то ни было догматики, введенный в философскую традицию ницшевскими словами о смерти Бога, Камю выбрасывает в мир иногда абсолютно беспощадные максимы, не оставляющие человеку надежды спрятаться за каким угодно успокоительным принципом. Ты ответственен за свою жизнь, а через ответственность за себя — за всё человечество. Негде человеку спрятаться от своей свободы, он вброшен в мир, заброшен, не волен выбирать ни время, ни место своего прихода и ухода. Казалось бы, позиция, несовместимая ни с какой религиозностью по определению. Но Камю четко видит даже в нигилистическом прорыве к свободе, в метафизическом бунте — именно проблему вопрошания Бога. В «Мифе о Сизифе» Камю ставит вопрос предельно четко: «Проблема “свободы вообще” не имеет смысла, ибо так или иначе связана с проблемой Бога. Чтобы знать, свободен ли человек, достаточно знать, есть ли у него господин. Эту проблему делает особенно абсурдной то, что одно и то же понятие и ставит проблему свободы, и одновременно лишает ее всякого смысла, так как в присутствии Бога это уже не столько проблема свободы, сколько проблема зла. Альтернатива известна: либо мы не свободны и ответ за зло лежит на всемогущем Боге, либо мы свободны и ответственные, а Бог не всемогущ. Все тонкости различных школ ничего не прибавили к остроте этого парадокса» (Камю 1990б: 54). Говоря, по сути, только об атеистической мысли нового времени, Камю ставит проблему очень четко — попытка скачка за пределы является проблемой взаимоотношений человека с Богом.

Свободен ли человек — вопрос, решавшийся религиозной мыслью на всём протяжении своего развития. Вероятно, взгляд на европейский нигилизм как форму противостояния Богу (не отрицания, но противостояния — именно так) сформировался у Камю благодаря его многолетним штудиям христианской религиозной мысли.

Не случайно, наверное, Камю был «земляком» Аврелия Августина, одного из самых мощных христианских мыслителей. В «Бунтующем человеке» замкнулась та вольтова дуга, которая начинает разворачиваться еще в университетской дипломной работе «Христианская метафизика и неоплатонизм». То, что это не было просто студенческим учебным сочинением, подтверждается тем,

что в «Бунтующем человеке» использованы страницы дипломной работы. Почему так важен для Камю период раннего христианства и неоплатонизма? Первые века нашей эры оказались временем колоссального напряжения религиозного чувства, когда ничто не было ясно и гарантировано. Для Камю прекращение возможности открытого религиозного поиска в христианстве связано с фигурой Аврелия Августина. Автор «Мифа о Сизифе» и «Бунтующего человека» оппонировал именно той линии в развитии религиозности, которая пошла по следам Августина, представляющего в работах Камю в застывшем образе догматического католицизма.

Одной из главных теоретических проблем, разрабатывавшихся Камю, была проблема нигилизма, бунтующего сознания. Для Камю метафизический бунт оказывается той характеристикой новоевропейского сознания, в которой раскрывается надрывная, бунтующая религиозность. Человек вопрошающий перед молчащей вселенной — это религиозная установка. Метафизический бунт против представления о запрограммированности судьбы человека в этом мире оказывается на поверку состязанием с Богом. Противостояние человека религии для Камю спровоцировано желанием Церкви доказать человеку предопределенность судьбы всего мира. Всё запрограммировано, и от усилий самого человека особо ничего не зависит. Остаётся смириться и терпеть, ибо награда тебя ждет в лучшем мире. Для Камю это худший из обманов, в сети которых завлекли отчаявшихся людей самые разные силы. Католицизм в том виде, основы которого заложены в творчестве столь тщательно изучавшегося нашим автором Августина, является олицетворением этой позиции. Смирись в этой жизни — и когда-то тебе обязательно, неизбежно будет уготовано счастье. Бунт против утешительной силы церкви, попытка взять на себя ответственность за себя (а это неизбежно означает взять на себя ответственность за судьбу всего мира), всегда привлекали Камю как единственно возможная позиция ответственного мыслящего человека в мире. Именно поэтому его всегда привлекали средневековые ереси. Дело там не только в бунте или требовании добродетельности священников. Дело в том, что все эти ереси — отчаянная попытка взять на себя ответственность за судьбу мира. Манихейство, лежащее в основе катарской ереси, к примеру, оставляет завершение истории мира открытым вопросом. Ничто не предопределено — выби-

рая сторону света, ты не получаешь гарантии спасения. Мир есть арена сражения двух равновеликих сил, и исход этого сражения не известен никому. Сам Августин недаром проходил через увлечение манихейством — для столь сильной личности было важно подключиться не к тому, что пообещает тебе легкий путь, а к сложному постоянному пути совершенствования, продвижение по которому требует постоянного напряжения. Позже Августин понял, что не в силах человека совладать с тяжестью сражения за судьбу мира. Только опираясь на крыло Благодати, человек может двигаться вперед. И только в уверенности, что Бог не оставит человека в неуверенности.

Средневековое сознание билось о стены ереси и официальной позиции церкви. Человеку надо было дойти до нового времени, до эпохи Просвещения и апологии Разума, чтобы попытаться разорвать эту связь с успокаивающим влиянием религии и признать это успокаивающее влияние извращающим природу человека. В XVIII веке человек решается на бунт против Бога. Тот путь, который прошло человечество с момента этого бунта до XX века, становится предметом внимания Камю. В XVIII в. человек отбросил поддержку Церкви, решившись бросить вызов Богу — стать рядом с Богом, взять на себя Его полномочия.

Камю показывает, каким образом всякая позиция метафизического бунта есть позиция бунта против Бога. В просвещенческом пафосе, романтическом дендизме, нигилизме всех мастей мы обнаруживаем напряженное желание доказать свою независимость от Бога, смерть которого вроде бы уже зафиксирована. Неужели рациональность, ставшая компасом европейца с XVII в., не оказывается достаточным основанием для истолкования и выстраивания жизни? Отвечая на этот вопрос, А. Камю спорит с Ж.-П. Сартром, утверждавшим отсутствие человеческой сущности. Если бытие однозначно предшествует сущности, как утверждает Сартр, то ничто не связывает жизнь всех тех людей, которые задавали вселенной один и тот же вопрос. Сущность описывается скорее вот этой ситуацией вопрошания, бунта против бессмысленности жизни, попыткой схватить любой ценой, даже ценой собственной жизни, понимание смысла. А смысл подводит нас к проблеме трансцендентного. И проблема для эпохи Разума заключается в том, что мир, построенный на Рациональности, лишается руководящего принципа. Отказавшись от Бога, человек должен

установить другой руководящий принцип — вместо царства Бога построить царство человека.

В «Бунтующем человеке» Камю одну за другой анализирует формы европейского метафизического бунта, раскрывая перед нами панораму позиций, занимаемых бунтарями перед Богом. Одно из центральных понятий творчества Камю — проблема абсурда, вплотную подводит нас к пониманию неразрывной связанности творцов метафизического бунта с попыткой сопоставить собственное существование с трансцендентным. Камю поясняет: «Быть может, понятие абсурда станет яснее, если я решусь на такую чрезмерность: абсурд — это грех без Бога» (Камю 1990б: 45). Оказавшись наедине с миром в доспехах Разума, новоевропейский человек впал в непреодолимый парадокс. Основаниями его существования становятся «ум и мир, подпирющие друг друга, но неспособные соединиться». Вопросание о смысле жизни в такой позиции оказывается воплем в пустыне — ведь любой ответ оставляет без внимания фундамент существования.

Человек эпохи Просвещения решается встать рядом с Богом. Бунт здесь чаще бросает вызов, чем отрицает, замечает Камю (Камю 1990а: 136). Так, в произведениях де Сада человек ставит себя на одну доску с Творцом, доказывая Ему собственное право на существование. Это изобретение злого демиурга (Камю 1990а: 146). Тогда же, когда Бог ниспровергается, человек решается на построение царства людей, пусть даже ценой преступления. Особой формой метафизического бунта оказывается романтический дендизм с его апологией Князя Тьмы и преступления. Мятежные денди, мировидение которых Камю рассматривает на примере произведений У. Блейка и Дж. Мильтона, отнюдь не освобождаются от Бога. Денди, замечает Камю, «нуждается в Боге, перед которым продолжает мрачно кокетничать» (Камю 1990а: 160).

Попытка доказать себе, что «я в Боге не нуждаюсь», выплескивается в практики нигилизма, принимающие страшные формы именно из-за конвульсивных попыток заполнить пустоту, самими же нигилистами созданную на месте Бога. Зияние на месте руководящего принципа мира обнаруживает необходимость ставить истину непременно в тандем со смертью. Вопрос при этом заключается только в том, чья именно смерть имеется в виду. В «Бесах» Достоевского для Камю заключен весь смысл нигилизма как в форме бунта Кириллова, так и в форме ши-

галевщины. Трагедия Кириллова завязывается вокруг того, что он чувствует, что Бог необходим, а потому он должен быть. Но при этом знает, что его нет и быть не может. Отсюда единственным путем разрушения этого узла оказывается попытка овладения смертью. Для Кириллова самоубийство — единственный путь самому стать Богом. Зияющая пустота не может быть не заполнена — если Бога нет, я должен им стать, сделав то, что разорвет линию предопределенности.

Шигалевщина же, как показывает Камю, поворачивает тот же вопрос в другую плоскость — если Бога нет, я стану им, чтобы кровавой рукой привести этот мир к счастью. Так страшно и кроваво реализуется та же позиция, которая настолько неприемлема для Камю — вера в неизбежность наступления Царства Божия, делающая каждого человека бессловесной игрушкой в руках Бога. В случае терроризма и шигалевщины — в руках тех избранных, которые решились взять на себя бремя божественной ответственности. Сверхчеловеческое напряжение отрицания Бога оборачивается установлением именно той догматической формы религиозности, которая убеждает человека в неизбежности наступления заготовленного финала и нивелирует потребность прорваться к смыслу здесь и теперь, в реальной жизни. Вера в неизбежность Царства равноценна согласию на рабство.

Ту же застывшую форму религиозного догматизма Камю усматривает в марксизме с его чисто эсхатологическом пафосом. Камю ставит рядом картинки Страшного суда с загробным воздаянием и марксистское описание «Царствия небесного» в конце времен, наступление которого крайне отдалено во времени, но гарантировано. Страшные последствия порыва к построению Царства человека вместо Царства Божия современники Камю знали не в теории.

Позволю себе сослаться на исследование Эмилио Джентиле, определяющего фашизм как политическую религию (Джентиле 2013), инициированную мистическим слиянием массы под магическим взглядом лидера. Вероятно, то же можно сказать и о других формах тоталитаризма, каждая из которых рисует неизбежное наступление Царствия человека, на пути к которому оправдано любое рабство. Для слишком многих современников Камю именно такое экстатическое служение будущему Царству в тоталитарном настоящем было желанной реальностью. Последствия такой веры заставили отшатнуться от лю-

бой формы тоталитаризма всякого мыслящего человека, выжившего в жерновах мировых войн.

Вероятно, именно опыт Второй мировой войны заставил Камю отказаться от последних иллюзий продуктивности религии с заменителем Бога. В какой-то мере именно это поставило Камю в оппозицию экзистенциалистам с их установкой на отрицание, которое Камю называет «Богом экзистенциалистов». Отрицание сущности человека, добровольное рабство в лучах будущего Царства, вольно или невольно оправдывающее кошмары этого времени поступательным движением к Идеалу, — всё это несет для Камю печать эсхатологического тлена.

Если бы французский мыслитель остановился на этом отрицании, вряд ли его позиция была бы столь интересна для нас в контексте рассмотрения религиозного фактора в истории цивилизации. Утверждая сущность человека, Камю утверждает и трансцендентные основания его существования. Но проблема в том, что для утверждения этих трансцендентных основ Камю не нуждается в обращении к Богу. Он просто не ставит вопрос о существовании Бога. Рассматривая историю религиозного сознания (в том числе и в нигилистической его форме), Камю говорит лишь о логике, которая к Нему ведет (Камю 1990б: 46). Это странная форма внерелигиозной религии, возможная именно для середины XX века.

Если бы в творчестве Камю были только «Эссе об абсурде» и «Бунтующий человек», мы уже могли бы с полным правом говорить о мощном порыве понимания, который можно обозначить как форму вне-религиозной религии. Именно колоссальное усилие понимания сущности человека и есть тот способ понимания мира, который можно обозначить как религиозный. Но мне бы хотелось возвратиться к «Бракосочетанию в Типаса» (Камю 1989: 477—483). Без этого наполненного слепящим алжирским солнцем текста мы рискуем безнадежно проглядеть что-то очень важное именно во внерелигиозной религиозности Камю.

Камю трансцендирует не в поиске Абсолюта, а в прикосновении к сущности жизни через единство с миром. Тот, кто может прикоснуться к миру, не нуждается в конструировании трансцендентного. Эссе «Бракосочетание в Типаса» дает описание ощущения прикосновения к миру в ощущении морской соли на коже, в чувстве мира, выстроенном вокруг ощущения биения собственной

жизни и жизни близкого человека рядом. Тот, кто прикасается к жизни напрямую, не будет посвящать жизнь созданию образа некоего отделенного от мира Абсолюта. Чувство вечного смысла доступно нам без гарантий со стороны вечного существа, мирового духа или чего-то подобного. Но на это нужно решиться. Без гарантий тяжело. Для Камю люди, не могущие решиться прикоснуться к сущности мира через ткань собственной жизни и требующие гарантий со стороны вечного существа или принципа, — жалки. «Нищи те, кто нуждается в мифах. Здесь боги служат руслами, по которым текут дни, или вехами, отмечающими их течение. Описывая пейзаж, я говорю: “Вот это красное, это синее, это зеленое. Это море, горы, цветы”. И к чему мне упоминать о Дионисе, чтобы сказать, что я люблю, раздавив пальцами, подносить к носу почки мастикового дерева? И Деметре ли посвящен тот древний гимн, который потом сам собою пришел мне на память: “Счастлив тот из живущих на земле, кто видел это”. Видеть, и видеть земное, — как можно забыть этот завет? Участникам Элевзинских мистерий достаточно было созерцать. Я знаю, что даже здесь я никогда до конца не сближусь с миром. Мне нужно раздеться донага и броситься в море, растворить в нем пропитавшие меня земные запахи и своим телом сомкнуть объятия, о которых издавна, прильнув устами к устам, вздыхают земля и море. Я вхожу в воду, словно в холодную смолу, и у меня перехватывает дыхание; потом ныряю; шумит в ушах, течет из носа, горько во рту, и я плыву — руки взлетают из воды, блестящие, будто покрытые лаком, и, позлащенные солнцем, сгибаются и опускаются, играя каждым мускулом; вода струится вдоль тела, я с шумом отталкиваюсь ногами, попирая волну, и — нет предо мной горизонта. На берегу я падаю на песок, вновь обретая тяжесть костей и плоти, и безвольно лежу, одуревший от солнца, изредка поглядывая на свои руки и следя, как с них скатываются капельки воды и там, где кожа высыхает, показываются золотистый пушок и пятнышки соли» (Камю 1989: 480).

Религиозность — это не только вера в существование воплощенной сущности мира. Это и вера в собственную избранность — в спасение, в знание небессмысленности своего существования. В «Бракосочетании в Типаса» вот этот момент религиозного чувства выливается в собственное утверждение смысла избранничества: «Здесь я понимаю, что такое избранничество: это право

безмерно любить». Для Камю эти слова — не метафорическая фигура, не художественный приём. Это часть того экзистенциального жеста, который был реализован в его жизни.

Прикосновение к сущности, путь к спасению и избранничеству и вера — вот подлинные составляющие любой религиозности. «В Типаса, — говорит Камю, — видеть и верить — одно и то же, и я не стану упорно отрицать то, к чему могу прикоснуться рукой или губами» (Камю 1989: 482).

Здесь и теперь, в открытости перед миром, перед другим человеком, в утверждении собственной ответственности за мир, кристаллизуется особый способ понимания сущности человека, который нам представляется возможным назвать религиозным. Религиозное видение может не включать представлений

о наличии трансцендентного Творца, о запрограммированной цели развития мира, о возможности спасения только при подключении к определенному способу служения. Но оно включает готовность прочертить в ткани собственной жизни утверждение некоей истины, в которую веришь. Вероятно, не случайно одним из первых философских увлечений Камю оказались работы Льва Шестова, бросившего вызов Спинозовскому императиву — не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать. Европейское радио, заслоняющее бытие и облегчающее задачу убийства жадно вопрошающего «Я», отвергалось Камю столь же страстно, как и Шестовым. В творчестве Камю это помножено на беспощадно трезвый взгляд на человека, сфокусированный опытом времени, когда никто не может спрятаться за чужим мнением.

Литература

Джентиле Э. 2013. *Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации*. URL: <http://gefeter.ru/archive/10519>. Дата обращения 26.08.2012 г.

Камю А. 1989. Бракосочетание в Типаса. В: Камю А. *Избранное*. Минск: Народная асвета, 477—483.

Камю А. 1990а. Бунтующий человек. В: Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Москва: Политиздат, 119—356.

Камю А. 1990б. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. В: Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Москва: Политиздат, 23—100.

References

Gentile, E. 2013. *Fashizm, totalitarizm i politicheskaja religii: opredeleniia i kriticheskie razmyshleniia nad krititsizmom interpretatsii* (*Fascism, totalitarianism and political religion: definitions and critical reflections on criticism of an interpretation*). URL: <http://gefeter.ru/archive/10519>. Date of access 26.08.2012 g. (in Russian).

Camus, A. 1989. In Camus, A. *Izbrannoe* (*Selected writings*).

Minsk: Narodnaia asveta, 477—483 (in Russian).

Camus, A. 1990a. In Camus, A. *Buntuiushchii chelovek. Filosofii. Politika. Iskustvo* (*The Rebel. Philosophy. Politics. Art*). Moscow: Politizdat, 119—356 (in Russian).

Camus, A. 1990b. In Camus, A. *Buntuiushchii chelovek. Filosofii. Politika. Iskustvo* (*The Rebel. Philosophy. Politics. Art*). Moscow: Politizdat, 23—100 (in Russian).

Статья поступила в номер 1 февраля 2013 г.

Oksana Dovgopolova (Odessa, Ukraine). Doctor of Philosophical Sciences. Odessa I. I. Mechnikov National University¹.

Oksana Dovgopolova (Odesa, Ucraina). Doctor în științe filosofice. Universitatea Națională din Odesa „I. I. Mechnikov”.

Довгополова Оксана Андреевна (Одесса, Украина). Доктор философских наук. Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова.

E-mail: doaad1@gmail.com

Address: ¹ Dvoryanskaya St., 2, Odessa, 65026, Ukraine

В. С. Рацеева

Об истоках культа престижа в потреблении

Keywords: prestige, conspicuous consumption, prestigious consumption, anthropology of consumption, ideologies of consumption.

Cuvinte cheie: prestigiu, consum ostentativ, consum de prestigiu, antropologia consumului, ideologii consumeriste.

Ключевые слова: престиж, показное потребление, престижное потребление, антропология потребления, потребительские идеологии.

V. S. Ratseeva

Towards the Origins of "Prestige" Cult in Consumption

An attempt at deconstructing the modern concept of "prestige" is presented in the context of accounting for different types of socially oriented consumption strategies and the fetishization of prestige factors of consumer behavior in the contemporary world. The necessity of turning to etymological origins of the word and the phenomenon behind it was stipulated by the presence of some serious terminological inaccuracies that preceded the introduction into mass circulation of the notion "prestigious consumption" in some post-Soviet states.

The detailed lexicographical analysis of the genesis of "prestige" is combined with the study of the socio-cultural context wherein the forming of the phenomenon that the word describes took place. It's argued that such factors as absolutist monarchy principles, the aesthetic sphere and the literary (and consequently political) public domain played the key role in the gradual process of acquiring by "prestige" of its modern meaning.

The undertaken analysis serves as a basis for elaborating a definition of "prestigious consumption" with an emphasis on its pronounced symbolic nature and the inevitable interdependence with the power redistribution system. An innovative categorical distinction between the concepts of "conspicuous"- and "prestigious consumption" is proposed, basing on A. Schutz's classification of motives for everyday action.

V. S. Ratseeva

Despre originea cultului prestigiului în sfera consumului

Deconstrucția termenului contemporan „prestigiu” este prezentată în contextul analizei diverselor strategii de consum orientate social și a fetișizării factorilor consumului „de prestigiu”. Necesitatea adresării către originea etimologică a acestui termen și a fenomenului descris de el este determinată de inexactitățile terminologice majore aferente introducerii termenului „consum de prestigiu” în circuitul larg pe spațiul ex-sovietic.

Analiza detaliată lexicografică a genezei cuvântului „prestigiu” este urmată de studiul aceluși context socio-cultural, în care a avut loc formarea fenomenului respectiv. Este argumentat rolul decisiv al principiilor puterii monarhice absolutiste, a sferei estetice și a discursului dintre literatură (iar, ulterior, politică) și societate, care au dus la apariția termenului modern de „prestigiu”.

În baza acestei analize, este realizată o încercare de a defini „consumul de prestigiu”, accentuând caracterul cert simbolic al acestuia, precum și inevitabila sa împlinire în sistemul de distribuire a puterii. Autorul propune o delimitare proprie categorială a termenilor „consum de prestigiu” și „consum ostentativ”, utilizând clasificarea motivelor de acțiune cotidiană a lui Alfred Schütz.

B. C. Рацеева

Об истоках культа престижа в потреблении

Опыт деконструкции современного понятия «престиж» представлен в данной статье в контексте рассмотрения разновидностей социально ориентированных потребительских стратегий и фетишизации «престижных» факторов потребительского поведения. Потребность в обращении к этимологическим истокам слова и описываемого им явления вызвана серьезными терминологическими неточностями, с которыми связано введение в массовый оборот на пост-советском пространстве понятия «престижное потребление».

Детальный лексикографический анализ генезиса слова «престиж» сочетается с рассмотрением социокультурного контекста, в котором происходило формирование описываемого этим словом явления. Аргументируется ключевая роль принципов абсолютистской монархической власти, эстетической сферы и литературной (впоследствии политической) публичности в обретении понятием его современного значения.

На основе проведенного анализа делается попытка дефинирования «престижного потребления» с акцентом на его ярко выраженный символический характер и неизбежную вплетенность в систему распределения власти. Предлагается авторское категориальное разграничение понятий «престижное» и «показное» потребление с использованием классификации мотивов повседневного действия А. Шюца.

В современных экономически развитых обществах, где потребление достигает беспрецедентных масштабов и превращается в полноценный институт социализации, исключительно важно научное осмысление моделей и механизмов потребительского поведения.

Давно прошли времена, когда потребление рассматривалось лишь как функциональное — удовлетворяющее т.н. «базовые» физиологические потребности индивида. Богатейший потенциал коммуникативных и стратификационных функций позволил потреблению стать одним из наиболее эффективных и востребованных инструментов самоидентификации в «анонимной» среде современного глобального общества. Статусные и престижные функции потребительского выбора, которые еще в начале прошлого века сознательно не принимались во внимание экономистами при изучении спроса, сегодня являются одними из основных ориентиров маркетологов при разработке стратегий создания и продвижения сильных брендов.

Несмотря на свою неоспоримую прикладную актуальность, социально обусловленное, ориентированное на престиж потребление все еще не получает адекватного своему эвристическому потенциалу научного осмысления. Противоречивая внутренняя природа явления, сложность его механизма и, в первую очередь, некоторые терминологические интерпретационные расхождения в научной литературе стали причиной того, что и до сегодняшнего дня не существует единой парадигмы дефинирования феномена — определения семантической области понятия, содержания и природы такого потребления, объяснения его общих принципов и закономерностей, легитимных субъектов и объектов. Осмысление проблемы по большей мере осуществляется в публицистической и эссеистической форме — на уровне бытовых рассуждений о потребительских излишествах олигархов, материалистических наклонностях подрастающего поколения и всё возрастающих масштабах массовой потребительской булимии.

Научная судьба этой разновидности потребления обнаружила одну «детективную историю», распутывание которой привело меня к необходимости провести детальный лексикографический анализ слова «престиж» вкупе с деконструкцией понятия, которое этот термин описывает. Обращение к культурно-историческому контексту формирования института «престижа» позволило пролить свет на некоторые интереснейшие взаимозависимости, сформировавшиеся на заре нового времени между вековой аристократической тра-

дицией, феноменом зарождающейся литературной (а впоследствии и политической) публичности, эстетической сферой и категориями власти. Развиваясь и набрав за несколько столетий силу, эта амальгама нашла свое эффективное применение в современном мире, став «теоретической основой» грандиозного потребительского культа, который аксиоматично воспринимается в качестве одной из отличительных и определяющих черт современного общества.

**Трудности перевода:
терминологическое
несоответствие между
«престижным потреблением»
и «conspicuous consumption»**

Однако, начать приходится с конца — а именно, с парадигмы восприятия престижа в рамках бытующей на постсоветском пространстве теории потребления. Широко циркулирующий в современной русскоязычной литературе термин «престижное потребление» повсеместно представляется как введенный в научный оборот американским экономистом Торстейном Вебленом на пороге XX века в его работе «Теория праздного класса» (Veblen 1899; Веблен 1984; см. также: Ильин 2000; Тарасевич 2004; Семенов 2003; Гофман 1994 и др.).

При этом, оригинальное понятие, использованное Вебленом для обозначения стиля потребления представителей непродуцирующего класса (*leisure class*), звучит как «conspicuous consumption» (Veblen 1899) — показное, явное, демонстративное потребление. Таким образом, вплоть до сегодняшнего дня массово цитируемый термин «престижное потребление» не имеет под собой реальной понятийной основы, а является не чем иным, как искаженным переводом вебленовского термина, имеющего к «престижу» довольно опосредованное отношение.

В английском оригинале труда Веблена слово *prestige* встречается всего 3 раза, из которых ни разу не применено по отношению к потреблению (Veblen 1899: 152, 202). Более того, детальный анализ текста позволяет утверждать, что Веблен не только не предполагал использования слова «престижный» относительно описываемого им потребления, но имел категорично иные взгляды на ценностную природу престижа, чем те, которые приписываются ему в результате неверной интерпретации при первоначальном официальном переводе и последующем внедрении слова в научный и разговорный обиходы.

Первый официальный перевод работы Веблена «The Theory of Leisure Class» на русский язык был выполнен в 1984 году кандидатом экономических наук С.Г. Сорокиной, которая является и автором вступительной статьи к переводу (Веблен 1984; Сорокина 1984: 5—54). Дисциплинарная принадлежность переводчика, очевидно, серьезно повлияла на интерпретацию не только отдельных слов, а и некоторых идей автора.

Несмотря на то, что авторство мифического термина «престижное потребление» уверенно приписывается Веблену, в официальном переводе работы, выполненном С.Г. Сорокиной, подобное словосочетание не встречается ни разу. Однако сам текст перевода и некоторые особенности интерпретации создали идеальную почву для появления такого термина и его последующего тиражирования со ссылкой именно на «первоисточник». Чаще всего среди эквивалентов, которые переводчик использует для понятия «conspicuous consumption», встречаются «расточительное потребление», «демонстративное потребление», «благопристойное потребление», «благочестивое потребление». В конце книги, однако, в предметном указателе к слову «потребление» приведены три прилагательных — «демонстративное», «подставное» и «престижное» (Веблен 1984: 363). Единственная страница, указанная к словосочетанию «престижное потребление», отсылает нас к вступительной статье С.Г. Сорокиной (Сорокина 1984: 53) — т.е. в самом тексте ни английского оригинала, ни русского перевода термин не встречается.

При этом слово «престиж» и производные от него встречаются по тексту книги 71 раз — 12 раз во вступительной статье и 59 раз в тексте перевода. Учитывая, что, как уже было сказано, в оригинальном английском тексте слово «prestige» встречается всего трижды, представляется логичным проверить, какие же именно английские понятия переводятся словом «престиж» и производными от него.

Детальное сопоставление текста оригинала и перевода помогло установить, что чаще всего слово «престиж» (-ный) используется для перевода сравнительно близких по смыслу слов «honourific» (почетный, почтительный) и «reputable» (почтенный, вызывающий уважение) (Veblen 1899: 30, 33). Однако нередки и случаи, когда слово используется в контексте, где его употребление, на мой взгляд, абсолютно неоправданно и скорее вносит в перевод концептуальную

путаницу, чем проясняет переводимый фрагмент. Отсюда легко представить, как слово, используемое с такой частотой в контексте описываемого Вебленом стиля жизни нуворишей, начало напрямую ассоциироваться с разновидностью исследованного им типа потребления. Постепенно некорректный термин прочно входит в обиход, начинает фигурировать в текстах учебников и университетских программ и использоваться как эквивалент оригинального вебленовского термина «conspicuous consumption» (подробнее см.: Рацеева 2013, с упомянутой там литературой).

Произошедшая подмена понятий, в свою очередь, повлекла за собой искаженное восприятие слова «престиж» в контексте потребления, что серьезно затрудняет понимание самого феномена, который ошибочно этим понятием описывают. И, вероятно, до большой степени служит причиной отсутствия в историографии серьезных авторитетных теорий, объясняющих суть и специфику этой разновидности потребления.

Нужно понимать, однако, что речь не идет о негодности к употреблению самого термина «престижное потребление» — за словосочетанием вполне может стоять реальное явление, имеющее немало общего с вебленовским «conspicuous consumption». Однако для того, чтобы очертить его понятийные рамки и дать ему адекватное определение, нужно для начала абстрагироваться от сформировавшегося стереотипа и четко разграничить *престижное* и *демонстративное* разновидности потребления. Необходимо как минимум *на уровне языка* признать за ними автономность и не воспринимать их как синонимичные и взаимозаменяемые.

Важнейшее значение для грамотной работы с понятиями имеет учет исторического контекста, относительно которого они применяются. Термин и описываемое им явление, адекватные для одной эпохи, могут абсолютно не иметь под собой основы, будучи примененными к другому социально-историческому контексту.

Один из возможных путей устранения создавшегося терминологического хаоса лежит через детальный лексикографический анализ основного понятия — «престиж». Подробное рассмотрение этимологии слова и эволюции его значений поможет провести четкое смысловое разграничение между терминами «престижное» и «показное» потребление, нерефлексивно используемыми в литературе как синонимичные по смыслу.

Деконструкция понятия «престиж»

Для разъяснения синтагмы «престижное потребление», которая, не будучи четко дефинированной, выполняет функции научного понятия, необходимо предварительное разъяснение значения предиката «престижный» — прилагательного, образованного от существительного «престиж».

Английское слово «conspicuous», буквально означающее «показной», «демонстративный», «нароचितый» и употребляемое Вебленом в откровенно порицательном смысле, было неудачно переведено и стало общеупотребительным по отношению к потреблению как «престижное». При этом словосочетание «prestigious consumption» в англоязычной литературе, посвященной вышеупомянутому феномену, не встречается. Является ли это несоответствие просто неточностью перевода или оно явилось отражением культурологических особенностей, своеобразия менталитета и исторического контекста, запечатлевшихся в языке? Попробуем проследить судьбу слова с момента его появления во французском языке и до современного этапа его употребления в западноевропейских и славянских языках.

В словаре «Dictionnaire Etymologique de la langue française» (Bloch, von Wartburg 1968: 509) указывается первое письменное упоминание слова *prestige*, датируемое 1518 годом, в котором оно используется в значении «иллюзия, фантазмагория». Согласно этому источнику, употребление данного слова в его современном, привычном для нас значении начинается лишь с XVIII века. Производное от него слово *prestigieux* впервые встречается в источниках в 1556 году и до конца XVIII века употребляется лишь в единичных случаях. Эти слова происходят от латинского существительного *praestigium* (менее часто используемого в форме *praestigiae*), означавшего «иллюзия, уловка, ухищрение» (Larousse 1976: 4616), и прилагательного *praestigiosus*, означавшего «ослепительный», «обманчивый», «вводящий в заблуждение».

Как указано в Британской Энциклопедии издания 1911 года, слово «престиж» — одно из немногих, которое со временем обрело более положительное значение, чем то, которым оно наделялось на первоначальном этапе употребления (ЕВ 1911: 307). Изначально во французском языке слово «prestige», позже заимствованное английским (и первое время, как всякое иностранное слово, писавшееся курсивом), употреблялось в значениях «иллюзионизм», «обман», «фокуснический трюк», «жульничество». «Новый словарь английско-

го языка» (New English Dictionary 1909: 1322), цитируемый в энциклопедии, приводит в качестве первого письменного упоминания слова «престиж» в английском языке в его современном значении произведение Вальтера Скотта «Paul's Letters to his Kinsfolk» (1815), где оно употребляется в контексте таких слов, как «победа», «очарование», «имя», «денежное состояние» — как близкое им по смыслу и значению. Факт метаморфозы первоначального значения слова и переход к современному употреблению указан, однако, причины его не объясняются.

Другими как западноевропейскими, так и славянскими языками слово в его современном значении было заимствовано из французского. Как указывает британский исследователь Леопольд Льюис в своей работе, посвященной престижу, к концу XIX — началу XX века английские и немецкие источники начинают использовать слово уже в его современном значении. Лишь в итальянском и испанском языках оно продолжает употребляться в его первоначальном смысле — по отношению к иллюзионистам и фокусникам (Lewis 1913: 21).

Показательным является тот факт, что, говоря о «престиже», исследователи массово указывают на сложность его дефинирования, подчеркивая, что это одно из тех понятий, суть которого легко интуитивно уловить, но сложно четко сформулировать. На эту особенность феномена указывали Г. Лебон (LeBon 2004: 62), Л. Льюис (Lewis 1913: 21), Х. Николсон (Nicholson 1937: 13), А. Гофман (Гофман 1994: 151) и др.

В справочной литературе также нет консенсуса относительно единого определения понятия — приводимые дефиниции категорически разнородны и описывают разные стороны феномена, а чаще всего составители ограничиваются тем, что вместо определения указывают несколько синонимичных значений. В русскоязычных источниках чаще всего среди них встречаются «авторитет», «влияние», «превосходство», «значимость» (см. КСИС 1950: 287; СРЯО 1973: 537; СИС 1980: 407; СРЯ 1987: 385; БТСРЯ 1998: 1124 и др.). Философский словарь определяет «престиж» как соотносительную оценку индивида, социальной или профессиональной группы или социального института, разделяемую членами данного общества или группы на основании определенной системы ценностей (ФЭС 1983: 528). Нередко в словарях и энциклопедиях, особенно гуманитарных дисциплин, «престиж» встречается не отдельно, а в словосочетании «социальный престиж». Например,

в «Советском Энциклопедическом Словаре» «социальный престиж» определяется как значимость и привлекательность, приписываемые в общественном сознании различным аспектам человеческой деятельности (СЭС 1980: 1068).

Можно заметить, что в большинстве определений основной акцент делается на оценке, формирующейся в общественном сознании по отношению к определенному человеку, группе или институции, на основе установленных «общественным договором» эталонов — социально утвержденных значимых характеристик. При этом упоминание слов «значимость», «влияние» и «авторитет» как близких «престижу» по смыслу позволяет говорить о том, что «престижность» свидетельствует об однозначно положительной оценке.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное значение слова «престиж» имеет однозначно положительную коннотацию и рассматривается в ценностном плане, однако далеко не всегда прослеживается связь этой ценности с категориями власти (влияния и авторитета).

Однако, каким образом и по какой причине произошло столь радикальное изменение значения слова? Что спровоцировало переход от «обмана», «хитрости» и «иллюзии» к «авторитету», «влиянию» и общественной «значимости»? Какую роль сыграла в этом конкретная среда, в которой происходило формирование «престижа» как явления? Внимательное изучение справочной литературы, с учетом исторического и социально-экономического контекста эпохи и места, в котором происходил его генезис, позволяет обнаружить некоторые особенности и тенденции, проливающие свет на природу явления и причину метаморфозы, произошедшей с первоначальным значением слова.

Наиболее авторитетными источниками, предлагающими спектр значений, в которых использовалось слово *prestige* во французской литературе, являются два фундаментальных труда по лексикографии французского языка: «Dictionnaire de la langue française», составленный и опубликованный Эмилем Литтре в 1859—1872 годах (Littre 1973: 380), и толковый словарь «Grand Larousse de la langue française» (1960—1964), опубликованный Пьером Ларуссом в 1976 г. (Larousse 1976: 4616). В значительно более позднем источнике — словаре П. Ларусса — частично заимствованная из работы Э. Литтре информация дополнена новыми, более современными значениями и способами употребления, что по-

зволяет проследить динамику трансформации значения слова от первоначального до того, которое бытовало к середине XX века.

При этом важно иметь в виду, что сам порядок, в котором расположены значения, как утверждает Э. Литтре, не может быть произвольным: «Совсем не случайно при употреблении одного и того же слова рождаются разнообразные и порой коренным образом различные друг от друга значения» (цит. по Рикер 2006: 14).

Такое развитие значений естественно — порождая производные, оно приводит к тому, что последующие поколения, несомненно, отклоняются от исходной точки, но отклоняются лишь сообразно способам, благодаря которым разворачиваются то исконный, то метафорический смысл, не предполагающие никакого произвола или беспорядочности. Отдельно Э. Литтре акцентирует внимание на важности использования для иллюстрации эволюции значений примеров употребления слова, взятых из классических авторов соответствующих эпох: «выходящее из-под их властного пера слово клонит то к одному значению, то к другому и, не теряя ни своей ценности, ни исконного характера, обретает свойства, которых мы за ним не могли и подозревать» (цит. по Рикер 2006: 15).

Поль Рикер в этом контексте акцентирует внимание на богатом потенциале литературы, одновременно обогащающей и анализирующей ресурсы значений, которыми мы располагаем в повседневном языке. В случае с примерами Э. Литтре речь идет о письменном языке, в частности, о языке классических авторов XVII и XVIII вв. — Лафонтена, Расина, Мольера, Лабрюйера, мадам де Севинье, к которым добавляются проповедники вроде Боссюэ, Фенелона, Саси, а также некоторые философы эпохи Просвещения — Вольтер, д'Аламбер, Бюффон, Монтескье, Дидро и др.

Позже, в словаре П. Ларусса, добавлены примеры употребления слов из более поздних источников: среди авторов присутствуют Ренан, Франс, Эме, Мюссе, Клодель, Пруст, Монтерлан, Флобер, Марсо и др. По Э. Литтре, именно языковая компетентность говорящих — и в особенности писателей — приводит в действие что-то вроде инстинкта, который порождает бдительность по отношению к правильному употреблению слов.

В словаре Э. Литтре приведены три значения слова «престиж», расположенные в порядке языковой эволюции — от первоначального «естественного» значения слова к его производным. В более позднем источнике

П. Ларусса прослеживается идентичная логика расположения значений; при этом первое из них совпадает со значением по Литтре, второе и третье значения по Литтре объединены в одно и добавлено три новых значения, не встречающихся в более раннем источнике. Таким образом, мы имеем 5 значений, отражающих 5 последовательных ступеней, через которые проходит понятие «престиж», чтобы перейти от «колдовства» и «иллюзии» к «авторитету» и «общественной значимости».

Рассмотрим эти значения поочередно и постараемся поместить их в тот социально-исторический контекст, который соответствовал времени их употребления, для того, чтобы лучше уяснить логику и предпосылки этого перехода.

Первое значение, приведенное в обоих словарях — «иллюзия, имеющая отношение к колдовству» (производимая с помощью колдовства). Согласно логике Э. Литтре — это первоначальное, наиболее раннее значение слова «престиж» во французском языке. К этому значению составитель приводит 4 примера литературного употребления, взятых из произведений Корнеля, Фонтенеля, Массильона и Вольтера, написанных в XVII—XVIII вв. Примеры подчеркивают связь формирования понятия с явлениями, ассоциируемыми, в первую очередь, с языческой сферой: «престиж, порожденный прорицателем» (Корнель, 1659 г.), «престиж демонов как основание язычества» (Фонтенель, 1687 г.), «дух обмана, работающий на престиж» (Массильон, 1718 г.) и «дьявол как аферист, создатель престижа» (Вольтер, 1764 г.).

П. Ларусс в качестве первого значения использует формулировку Э. Литтре, однако добавляет к ней фразу «*artifice diabolique*», вероятно, чтобы акцентировать на «нечистом» потустороннем характере магических иллюзий. Примеры, приведенные Ларуссом к этому значению, взяты им из значительно более поздних источников — произведений Ренана, Франса и Эме, что первоначально может сбивать с толку, т.к. нарушает столь четкую логику эволюционного развития значений. Однако, в данном случае перед нами пример использования писателями архаизма — слова в его устаревшем значении, в качестве литературного средства для придания большей достоверности историческим описаниям.

В этих примерах «престиж» также употребляется в контексте сверхъестественных явлений — пророческой деятельности святого Иоанна Египетского (Франс), колдовских способностей Симона Мага (Ренан) и волшебных чар феи (Эме).

В следующем значении по Литтре престиж снова связывается с иллюзией, однако в этом случае говорится об «иллюзии, появляющейся естественным путем» и — как позже уточняет Ларусс — «без участия колдовства». Будучи порождением сверхъестественных сил, престиж начинает употребляться в более широком значении по отношению к иллюзии вообще и постепенно теряет «колдовской» оттенок.

Литтре говорит в связи с этим значением о «престиже фантазмагии» — то есть, можно заметить, как меняется источник престижа. Феномен, который первоначально связывался с непостижимыми мистическими силами, начинает ассоциироваться с человеческой природой, становится чем-то земным и обыденным. От колдовства и магии престиж переходит в сферу фантазий. От иллюзионизма как чего-то необъяснимого — к иллюзиям, порождаемым человеческим сознанием. Когда сверхъестественное все более отдаляется в коллективном сознании людей от присущего человеку, слово «престиж» теряет печать магического и демонического (Lewis 1913: 19).

Тенденции постепенной прагматизации и определенного «овеществления» престижа продемонстрированы в приведенном к этому значению примере, взятом из Лабрюйера. Упоминается человек, собирающий деньги со зрителей иллюзий (*prestige*). Во втором примере (тоже из Лабрюйера) идет речь о базаре, ярмарке как сцене для престижа.

Кроме указания на постепенную десакрализацию престижа и его переход в коммерческую плоскость (на престиже начинают зарабатывать), в этом примере мелькает еще один, не менее важный для понимания эволюции понятия, момент. Речь идет о появлении фигуры «зрителя», что наводит на мысль о проведении невольной параллели с театром. Ассоциацию с театром несомненно уловил Ларусс, объединивший в своем словаре второе значение престижа по Литтре с третьим — «иллюзия, производимая на наш дух произведением литературы и искусства; престиж театра».

Театр — это, во-первых, указание на эстетическую сферу как почву для развития престижа и, во-вторых, на публику как зрителя, своеобразного потребителя престижа, адресата, которому он был предназначен.

Приведенные составителями примеры к этому значению взяты из Дидро, де Мюссе и Клоделя и в них говорится о «престиже ритма и гармонии», «престиже искусства» и «престиже восхитительного стиля». К это-

му же значению Э. Литтре добавляет еще один вид употребления слова «в аналогичном смысле» — это пример, взятый из произведения историка Вильмена, в котором «престиж» употребляется по отношению к личностям Наполеона и Людовика XIV.

Это последнее значение по словарю Литтре. У Ларусса за ним следуют еще два, и их содержание позволяет предположить, что в них отражены ступени смысловой эволюции понятия, следующие в хронологическом плане за теми, с которыми работал при составлении своего словаря Литтре.

Следующее значение, которое получает «престиж» — «иллюзия вообще». Здесь мы наблюдаем, как, развиваясь, значение слова становится все более общим и абстрактным и перестает быть ограниченным сначала категорией магических явлений, а затем и сферой человеческих фантазий. Очевидно, что слово уверенно входит в употребление и начинает использоваться для описания все более широкого круга явлений. Среди примеров употребления для этого значения фигурируют «знаки престижа» и «престиж Монпарнасса».

Четвертое значение престижа по Ларуссу — «влияние, которое магическим образом оказывает на воображение вещь или человек». Фигурировавшее в трех предшествующих значениях слово «иллюзия» здесь отсутствует, однако все же подчеркивается, что оказываемое престижем влияние сродни магическому. И если в первом значении слова источником престижа были сверхъестественные способности, то в данном случае престиж производит «вещь или человек».

Для этого значения Ларусс приводит примеры из Монтерлана, Пруста и Клавеля, в которых говорится о «престиже Версаля», «престиже Французской Академии», «престиже армии», «престиже униформы» и «престиже отеля». Первым делом бросаются в глаза носители престижа: он «институционализируется» и становится атрибутом вещей, имеющих в обществе легитимную ценность и общепризнанное влияние. Обогащают наше представление об этой фазе развития престижа синонимы, приводимые к этому значению Ларуссом, среди которых — авторитет, доверие, слава, важность, реноме.

И последнее — пятое — значение слова «престиж» по Ларуссу, наиболее приближенное к современному употреблению, — «привлекательность, блеск способный соблазнять и производить впечатление». К этому значению дан пример из Флобера, в котором престиж представляется как качество привлекательности и представительности, источника

ми которого могут быть стиль одежды и даже черты лица. К этому значению Ларусс приводит в качестве синонимов слова «элегантность, изысканность» и «выправка, представительность». Таким образом, мы видим, как слово начинает употребляться в еще более абстрактном и широком значении, переходя от качества влиятельного человека или институции в разряд производящих определенный эффект свойств вещи и внешности.

По Ларуссу, под «престижным» (*du prestige*) подразумевается нечто, порожденное в большей степени желанием ослеплять и соблазнять, чем какой-либо насущной потребностью. А устойчивое словосочетание «политика престижа» (*politique de prestige*) используется по отношению к такой политике, которая основана на стремлении к величию и славе¹.

Таким образом, эволюцию значений слова «престиж» можно представить в виде следующей линии: 1) **магия**, иллюзия колдовства (сверхъестественные, дьявольские чары) — 2) **иллюзия, не порожденная колдовством** (обман и мошенничество) — 3) **иллюзия, производимая искусством** («постановочные» иллюзии, не связанные с дьявольщиной или мошенничеством) — 4) **влиятельность людей и институций** (формирование круга лиц, «представителей» и носителей престижа) — 5) **свойство вещей производить впечатление и ослеплять** (перенос престижа на вещественную сферу и его переход в разряд символизируемых вещей). Движение очевидно происходит от наивного, донаучного объяснения природы через сферу искусства к грамматике общественной жизни (институциям).

Социально-исторический контекст генезиса понятия «престиж»

Итак, согласно источникам, употребление слова в его современном значении начинается примерно с XVIII века. При этом очевидно, что переход в употреблении хронологически располагается где-то между третьим и четвертым значением по Ларуссу, когда престиж перестает быть «иллюзией» и становится «влиятием» и уже в этом значении начинает употребляться в английском и немецком языках. Попробуем обратиться к социально-культурному контексту эпохи и попытаемся очертить круг предпосылок, способство-

¹ При таком взгляде на проблему — через призму величия и престижа как явлений, присущих единственно славным нациям, — становится очевидной неадекватность прямого отождествления престижа с показностью.

вавших обретению словом его современного смысла.

Из исторических источников становится ясно, что потребление элит еще со времен раннего нового времени не может рассматриваться отдельно от политических процессов, как и независимо от процессов, разворачивающихся в сфере искусств.

Как указывает Питер Берк, еще с XVI века в Европе повсеместно наблюдаются сходные процессы в потребительском поведении элит. Неаполь, Париж, Мадрид, Лондон — вместе с подъемом городов становятся очевидными нарастание материальных ориентаций и бум в соревновательной показности среди представителей благородных сословий.

Восход товарно-денежных отношений и разрастание торговых связей существенно стимулируют изменение потребительского спроса. А именно, разрастание торговых взаимоотношений оказывает влияние на культуру элит, которые пользуются новыми возможностями, предлагаемыми рынком, и вплетают товары в сеть социальных отношений, нагружая их специфическими значениями. Параллельно с разрастанием торговых связей протекают и процессы централизации монархической власти.

Соревнование в сфере показного потребления достигает своего апогея при дворах, куда, по настоянию монарха, постепенно перемещается дворянство. Будучи оторванными от своих владений на местах и находясь в окружении других видных представителей элиты, аристократы принуждены участвовать в ярмарке показности и часто идти на крайние финансовые меры, дабы не отставать от вечно меняющейся моды и постоянно повышающегося стандарта потребления (Burke 1994: 157—158).

Историки и социологи потребления указывают, что потребительский бум XVI века в Англии происходит из политической сферы и напрямую связан с попытками Елизаветы I централизовать королевство (см. McCracken 1988; Hunt 1996; Corrigan 1997 и др). На использовании сферы представительских расходов в потреблении для политических целей акцентирует свое внимание еще Фернан Бродель по отношению к Италии эпохи Возрождения (см. Braudel 1973).

Согласно канадскому антропологу Гранту Маккракену, Елизавета почерпнула свое вдохновение именно у итальянских дворов, поднимая планку расточительности на беспрецедентную для английского государства высоту (McCracken 1988: 11).

Роскошь в потреблении ее придворных превращала их жизнь в пышное представле-

ние, предназначением которого было продемонстрировать миру масштабы великолепия королевского двора.

Это великолепие, однако, не являлось самоцелью, а представляло собой, по словам Питера Корригана, что-то вроде «театрализованной формы политической легитимности» (Corrigan 1997: 3). Поддержка этой легитимности никак не была дешевой, и Елизавета решает привлечь аристократию к ее финансированию. С этой целью она собирает благородное сословие при дворе и превращается в единственного поставщика роскоши. До этого момента представители элиты спокойно проводят время в своих поместьях, получая все необходимое через сеть посредников. Елизавета, однако, «сворачивает» этот механизм, монополизировав процесс распределения благ и поставив аристократию с ее «представительскими нуждами» в прямую зависимость от милости и щедрости королевы.

Теперь представители аристократии вынуждены наведываться в Лондон и лично просить королеву о благах, а взамен ее содействия принимать участие в церемониале и делать посильный вклад в дворцовую театральность. Таким образом королева умудряется не только провозгласить свою власть посредством великолепия церемониала, но и заставить аристократию частично профинансировать «представление» (Corrigan 1997: 3). Происходит сближение между политическими и художественными формами, что создает предпосылки для метафорических переносов. Становится очевидной условность, которая переносится с театральной сцены на политическую.

Маккракен анализирует тенденции в потреблении элит в эпоху Елизаветы и показывает, как она искусно использует возможности материального потребления и, в частности, его коммуникативный символический потенциал для целенаправленного контроля над элитами на политическо-статусном уровне².

Манера одеваться, обустройство дома, придворные банкеты — всё это — огромные статьи расходов аристократических семей, на которых не экономят, ибо отказ от соответствия общепринятым стандартам равнозначен «социальному самоубийству». В ситуации, когда каждый из представителей придворной

² Очевидно, что власть действует на всех уровнях общественного организма, и большая часть недостатков некоторых анализов престижного и показного потребления происходит именно из игнорирования этого момента — исследователи фокусируются лишь на непосредственных явлениях, не уделяя внимания факторам, их обуславливающим.

аристократии претендует на благосклонность королевы и старается превзойти остальных конкурентов в этом соревновании, вопросы чести, статуса и социальной позиции по отношению к монарху постепенно превращаются в «культ». Логичным следствием этого является переход социального соревнования в плоскость «внешних эффектов» и, соответственно, в сферу материального потребления (McCracken 1988: 11—12).

Однако, своего апогея этот процесс достигает при другом дворе, под эгидой другого монарха, который доводит показность и театральность церемониала до абсолюта, а роскошь превращает в профессию (Tungate 2009: 8—9). Король Франции Людовик XIV поднимает планку расточительности настолько высоко, что даже самые зажиточные аристократы оказываются не в состоянии соревноваться с ним. Версаль превращается в постоянную сцену для театральных представлений, в которых Король-Солнцу всегда отведены главная роль и лучшие костюмы. Влияние королевских вкусов распространяется значительно шире моды на одежду — на архитектуру, ландшафтное и декоративное искусство и внутреннее убранство интерьеров³.

Страсть короля к роскоши формирует целую индустрию, работающую на исполнение его капризов. После Людовика XIV свой вклад в эволюцию индустрии потребления роскоши делают Мария Антуанетта с ее неудержимой страстью ко всему блестящему, а также не менее суетные Наполеон и Жозефина.

Париж превращается в город, зависимый от финансовой поддержки аристократии и богатого сословия, стимулирующих развитие индустрий, вовлеченных в производство роскоши. Франция постепенно становится государством, для которого детали внешнего вида и саморепрезентации становятся вопросами первостепенного значения (см. Fraser 2001).

Исключительно богатый материал для понимания особенностей формирования престижа в его современном значении предлагает работа немецкого исследователя Норберта Элиаса «Придворное общество» (Элиас 2002). Изучая внутреннее устройство придворно-аристократического общества времен Людовика XIV, автор описывает те особенности его структуры, которые сде-

ляли неизбежным появление престижа и его утверждения в качестве фундаментальной ценности этого общества.

Еще в совсем молодом возрасте Людовик XIV «на собственной шкуре» испытал, насколько шаткой может оказаться позиция короля в случае, если представители сословной элиты («дворянство шпаги») и высшее судебное и административное чиновничество преодолеют разделяющие их разногласия и выступят общим фронтом против трона. «Научившись на ошибках» английских королей, чья позиция была ослаблена объединенным сопротивлением дворянских и буржуазных слоев, и желая предотвратить буржуазную революцию, Людовик XIV делает в своей внутренней политике ставку на стратегию стабилизации и укрепление существующих различий, противоречий и соперничества между сословными элитами, а в рамках этих элит — и между различными рангами и ступенями в иерархии статуса и престижа.

Следуя принципу «разделяй и властвуй», король начинает активно культивировать систему престижа и обслуживающего и воспроизводящего его церемониала. Она позволяет включенным в нее пользоваться различными привилегиями, увеличивающими их властные шансы, что, в свою очередь, работает на укрепление структуры власти централизованной монархии⁴. Эта система в итоге приводит к утверждению первостепенной роли престижа в качестве ориентира в социальном соревновании.

Как показывает Н. Элиас, для каждого из членов придворного общества социальная реальность заключалась именно в престиже, который признавало за человеком его общество, и во главе его — король. Человек, не котирувавшийся или невысоко котирувавшийся в общественном мнении, был более или менее потерян или погибшим человеком также

³ В этом примере ясно проявляется символическая природа вкуса — он не является чем-то естественным, а представляет собой социальную конструкцию, т.е. имеет символический характер, и в его основе лежит не просто отношение к предмету, а социально обусловленное отношение — именно к носителю власти.

⁴ Важно, однако, иметь в виду, что слово, которым будут описываться социальные феномены и привилегии этой системы, утверждается в языке на более позднем этапе. За появлением слова в ежедневной речи следует его значительно более поздняя кодификация, т.е. помещение его в словарь институционально уполномоченными специалистами-языковедами. Это нечто вполне логичное и естественное — язык следует социальным инновациям, а не предвосхищает их. Концептуализация термина при этом серьезно затруднена и по сей день тем, что исследователи не проявляют должного интереса к истории возникновения новых значений, которыми обогащается слово во время утверждения централизованной монархической власти, а также после смены последней новыми демократическими формами правления.

и в своем собственном сознании (Элиас 2002: 118—119).

Элиас проводит четкую параллель между властной природой престижа и ее формальным проявлением, определяя в качестве источника его формирования активно культивируемое в придворном обществе стремление не просто обладать властью над другими и осуществлять ее, но и постоянно видеть ее публичное признание, внешнее подтверждение и воспроизводство вербальным и невербальным (но в обоих случаях символическим) путем. Таким образом ясно прослеживается способ, которым власть влияет на генезис и закрепление определенных символических форм.

В этом контексте раскрывается двойственный характер престижа — он выступает одновременно в качестве инструмента власти и формы выражения властных отношений, с одной стороны, и в качестве фактора, дающего возможность обретения власти, с другой (Элиас 2002: 121). Связь в данном случае диалектическая — престиж является инструментом монарха, с помощью которого он осуществляет символический, а не насильственный контроль над своими подчиненными, но в то же время, сами объекты контроля получают возможность пользоваться теми же механизмами в борьбе за повышение своего социального статуса, продвижение по иерархической лестнице и, следовательно, получение большей власти.

По этой причине именно при дворе Людовика XIV публичная демонстрация и символизация власти превращаются в самоценность, символы власти начинают жить отдельной жизнью и обретают характер «фетишей престижа» (Элиас 2002: 166). Иными словами — обособливаются в самостоятельную символическую систему.

Престиж как эстетика властных игр в придворном обществе

Приведенный выше пример употребления слова «престиж» в творчестве Лабрюйера и проведенная параллель между престижем и театром имеют целью подчеркнуть глубину связи между престижем и искусством, эстетической сферой. Источником престижа в примере являются не сверхъестественные необъяснимые силы, не воображение самого человека, а созданное другим произведение искусства. В одном из значений по Э. Литтре престиж определяется как вли-

яние, которое оказывает на дух искусственно созданная иллюзия — акцент ставится на роль, которую играет искусство в формировании у личности эстетического вкуса и ценностей.

Доводы в пользу неразрывной связи между формированием и утверждением престижа и эстетической сферой мы находим и в работах Н. Элиаса. Согласно исследователю, невозможно переоценить роль эстетики в возникновении и поддержании престижа, что доказывается множеством примеров, почерпнутых автором из мемуаров современников Короля-Солнца. Именно эстетика становится той плоскостью, в которой престиж получает видимое проявление и обретает форму.

Одним из ярчайших примеров этого явилось зарождение и утверждение придворного этикета. Продуманный до мельчайших подробностей и чрезвычайно дифференцированный в своих заповедях, этикет стал основным кодексом поведения людей при дворе, предписывающим каждому из его членов особую манеру поведения по отношению к королю и другим представителям придворного общества.

На множестве примеров Элиас показывает, как детальная регламентация этикета, церемониала, указаний относительно воспитания вкуса, выбора одежды, манеры держать себя и ведения беседы, выполняли функции мерила престижа, которым обладает человек. Так же, как было возможно точно установить в капиталистическом обществе «денежную стоимость» каждого шага, в придворном обществе — этикет был источником информации о престижной стоимости каждого действия⁵.

Оценивая организационную функцию, которую играл при дворе этикет, Н. Элиас говорит о преобладании ценности «как» над «что», указывая на примат формальных элементов и стиля над содержанием, которое их наполняет. Акцент в поведении представителя придворного общества всегда ставился на способ, манеру поведения. Это, однако, не указывает на чистый формализм содержательной стороны действий этикета в том смысле, в котором его воспринимаем мы — представители иной социальной фигурации. Наоборот,

⁵ Невольно приходит на ум аналогия с «символической стоимостью» — разновидностью неденежной стоимости, которая позволяет конвертировать денежный ресурс в атрибуты социальной стратификации — материальные подтверждения претензий на элитарный статус.

Элиас неоднократно подчеркивает тот важный социальный смысл, который содержало в себе каждое предписание этикета.

Придворный этикет, который, согласно шкале ценностей буржуазно-индустриальных обществ, может представляться чем-то совсем неважным, сугубо «внешним» и, может быть, смешным, оказывается в высшей степени чувствительным индикатором и надежным инструментом для измерения престижа индивида в сети его социальных связей (Элиас 2002: 17). Устроенный в соответствии с требованиями статуса и ранга дом и парк, соответствующие моде одежда и декорация комнат, или, к примеру, детальная проработанность этикета по вопросу отношений между полами — всё это было важнейшими требованиями успешного социального взаимодействия. Владение этими тонкостями было условием общественного уважения, успеха в обществе, играющего при дворе роль нашего современного профессионального успеха (Элиас 2002: 142).

Н. Элиас связывает это оценивающее внимание с проявлениями властных отношений, говоря о нем как о значимой составляющей придворно-абсолютистского инструментария господства. Исследователь указывает на то, что подобная рефлексия формируется у господствующего сословия как инструмент самоутверждения среди равных себе по рангу и защиты от давления со стороны низших рангом слоев⁶.

Рассуждая о показной стороне придворной жизни, Н. Элиас указывает на четко уловимую в рамках эстетической сферы разницу между установками придворного и зарождающегося буржуазного этоса. Говоря о домах — одной из основных арен, на которой разыгрывался спектакль демонстративного потребления, Элиас выделяет критерии, которыми руководствовались представители разных слоев при строительстве и оформлении жилища: «экономичность» для низших слоев общества и «функции представительства и престижа» для высших. У социальных групп, занимающих высокое место в иерархии, выступает на первый план (причем тем сильнее, чем выше их место в иерархии) обязанность держать себя соответственно своему сословию и уже самим своим домом выражать, к какому сословию они принадлежат. В их жилищах

соображения престижа берут верх над чисто функциональными потребительскими качествами.

В качестве очередного подтверждения взаимосвязи, в которой находится эстетическая сфера и социальное положение человека, Н. Элиас цитирует архитектурную энциклопедию времен Людовика XIV, в которой говорится о том, что «форма и величина подъездного двора к дому должна свидетельствовать о положении человека, живущего в доме» (Элиас 2002: 102). Таким образом, особенности жилища, вплоть до мельчайших деталей декора, наделяются значениями, которые могут (и должны) быть «прочтены». Эстетическая плоскость престижа наделяет формой одну из его основополагающих содержательных функций — функцию дистанцирования и ранжирования. Это подводит нас к следующему важнейшему моменту, оказавшему существенное влияние на оформление «престижа» — его стратификационной природе.

Особое внимание стратификационному потенциалу престижа уделяет Макс Вебер, называя его одним из трех основных компонентов социального неравенства (наряду с богатством и властью). Исследователь указывает, что результатом дифференциации по признаку богатства является социальный класс, а неравномерное распределение в обществе престижа способствует образованию статусных групп. Отличительной особенностью статусных групп является особый образ жизни, который поддерживают его представители и ярчайшим выражением которого являются манера поведения и потребительские привычки (Mills, Mills 1946: 180). Истоки столь пристального общественного внимания к поддержанию диктуемого статусом стиля жизни, вероятно, также следует искать в описываемых Н. Элиасом процессах «фетишизации престижа» (Элиас 2002: 128).

Эта фетишизация, однако, не свидетельствует об отсутствии реального мотива пользы в подобном социальном устройстве и в стремлении каждого из членов элитарного общества воспроизводить своими действиями и своим потреблением его структуру. Наоборот, регламентированное социально ориентированное поведение членов элиты несет на себе печать рациональности, но рациональности иного типа, чуждого представителям другой социальной реальности.

Элиас называет эту рациональность этосом придворного общества, который он противопоставляет формирующемуся в то время

⁶ Этот эффект сопоставим по смыслу с описанной Г. Зиммелем дуальной функцией моды — «инклюзия» (идентификация с себе подобными) и «эксклюзия» (отличие от остальных) (см. Зиммель 1996: 268).

буржуазному этосу. Основная разница между этими двумя установками напрямую связана с местом, которое занимало потребление в ежедневной жизни представителей придворного общества и занятых профессиональным трудом буржуа. Нормы общественного этоса буржуа обязывают каждую семью к тому, чтобы подчинять расходы доходам и, насколько это возможно, удерживать свое текущее потребление ниже уровня своих доходов, таким образом, чтобы сбережения можно было инвестировать в надежде на прирост доходов в будущем. Таким образом, в буржуазном обществе успех семьи, приобретение более высокого статуса и престижа обеспечиваются тем, что индивид в своей стратегии доходов и трат долгое время более или менее последовательно подчиняет сиюминутные потребности этосу «экономии ради будущей прибыли» (saving-for-future-profit ethos).

В корне различное отношение к экономике и к текущему потреблению мы находим в придворно-аристократическом обществе, этос которого Элиас определяет как «этос статусного потребления» (status consumption ethos). Подтверждение и поддержание уже имеющегося общественного положения семьи, не говоря уже о приросте ее общественного успеха и веса, обеспечиваются за счет того, что все свои траты на потребление человек ставит в зависимость от того общественного ранга, того статуса и престижа, которым он обладает или к которому стремится. В обществах, где господствует подобный этос, тот, кто не может вести себя соответственно своему рангу, не может претендовать на уважение своего общества, так как отстает от конкурентов в непрерывной погоне за статусом и престижем и рискует разориться, проиграть и оказаться вынужденным покинуть круг людей своей ранговой или статусной группы (Элиас 2002: 85).

Разница между двумя этосами четко проявляется в их отношении к роскоши в потреблении. В то время, как каноны потребления трудящихся буржуа предписывали максимальное ограничение от излишеств, придворное общество использовало роскошь в качестве символического подтверждения адекватности своих притязаний на престиж. На это обратил внимание еще Вебер в своей работе «Хозяйство и общество»: «“Роскошь” в смысле отказа от целерациональной ориентации потребления есть для феодального слоя господ не “излишество”, но одно из средств его социального самоутверждения» (Weber 1922: 750; цит по Элиас 2002: 53).

Массовизация престижа и его переход из сферы искусств в политическую сферу

Очевидно, что уже в XVII — начале XVIII века, хотя бы в рамках элитарного придворного общества, налицо все предпосылки для формирования четвертого и пятого значения слова «престиж» по Ларуссу. Однако, на этом этапе своего развития как слово, так и называемый им феномен все еще ограничены рамками придворного общества.

Похоже, политическое и социально-экономическое устройство Франции времен Короля-Солнца являются идеальной средой для зарождения престижа, но не дают ему возможности «войти в массовый оборот». Престиж остается символическим выражением власти и «принадлежит» власти имущим. Каким же образом он распространяется на более широкую область явлений и прочно утверждается в языке не только элитарных слоев? Ответ, очевидно, кроется в социально-экономических изменениях, наступающих при формировании буржуазного общества, постепенном обособлении политическо-правовой сферы и появлении связанных с этими процессами профессий.

Постепенно оформляется противоречие между наследственной аристократией, сохранившей свой номинальный престиж, но стремительно теряющей контроль над государственной политикой, и новоформирующимися элитами, не имеющими благородного происхождения, но располагающими внушительными финансовыми средствами и возможностью реального влияния на политическую жизнь страны. Представители новой буржуазной аристократии в своих попытках компенсировать отсутствие благородного происхождения становятся наиболее активными и прилежными последователями этикета и придворного стиля жизни. Они максимально стараются привнести в свою повседневность символическое подтверждение своего нового статуса, дабы сделать очевидными свой новый статус и принадлежность к высшим слоям общества.

Судя по всему, именно эта новая элита без благородного происхождения сыграла решающую роль в «изменении курса» значений слова «престиж». Вероятно, именно ее вклад является недостающим звеном в эволюции значений «престижа» и помогает слову войти в массовый оборот, постепенно переходя из разряда сверхъестественных явлений и театральных иллюзий к институциональной сфере.

В своей работе «Структурные изменения публичности» Юрген Хабермас описывает процесс формирования политической публичности, указывая в качестве ее предшественника «литературную публичность», состоящую как раз из представителей зарождающейся неаристократической элиты. Сформировавшаяся политическая публичность получает распространение и набирает силу с помощью общественного мнения, которое начинает выступать в качестве посредника между государством и обществом (см. Хабермас 1995). Именно посредническая роль этой публичности создает условия для утверждения нового значения слова «престиж», которое начинает употребляться в переносном смысле, переходя из эстетической сферы в политическую. Очевидно, постепенно новые, политические, значения слова оказываются более употребимыми и значимыми, чем эстетические, которые со временем выходят из употребления. Вероятно, связь «престижа» с иерархическими отношениями, которые в своей основе имеют властный характер (низшие уровни подчиняются высшим), явилась более информативной и значимой, чем отнесение слова к области внешних эффектов, создаваемых искусством. На этой основе можно высказать гипотезу, что вне рамок трансформирующейся публичности новые политические (ценностно-властные) значения слова не смогли бы возникнуть, т.к. не существовало бы необходимой для их утверждения социальной среды.

Приобретая новые политические коннотации, престиж становится привилегией принадлежности к институции — это можно наблюдать и в эволюции словоупотребления. Примечательным в этом плане примером является упомянутое Э. Литтре выражение, почерпнутое из работы французского политика и писателя XIX века Абея Франсуа Вильмена, где он описывает эффект, который производит на современников Наполеон, называя его «влиянием, сродни магическому». Вильмен использует в своем описании слова «влияние» и «сила» и говорит о том, что эти качества были присущи этому «человеку престижа» при отсутствии во Франции времен его второго правления «престижа трона». Кроме недвусмысленного указания на связь между престижем и властью, этот пример дает нам и информацию о том, что в XIX веке уже существует представление о престиже институций, т.е. престиж становится качеством, характерным для такого абстрактного явления, как институция. И, как становится ясно из примера, пер-

вое совсем не обязательно связано со вторым, иными словами, престиж трона не отражается на престиже личности Наполеона — человека, находящегося на этом троне.

Под влиянием наступивших социальных изменений — в результате буржуазных революций, аристократия сменяется буржуазией, требующей равенства перед законом, равных прав для всех. Таким образом, престиж уже не может быть идентифицирован с занимаемым рангом в сильно иерархизированном феодальном обществе. Но поскольку институциональные структуры являются формами власти, требующими предъявления тех же почестей, которые ранее полагались аристократии, престиж переносится на них.

Неоднократные упоминания престижа институций мы находим у Ларусса — в указанных к значениям слова «престиж» примерах употребления встречаются «престиж Версаля», «престиж армии», «престиж Монмартра», «престиж Французской Академии» и, в качестве собирательного — «престиж униформы».

Британский исследователь Леопольд Луис уделяет отдельное внимание властной природе престижа, которая проявляется в его неразрывной связи с самой идеей институции. Именно престиж санкционирует легитимность порядков и норм, которые оформляются законодателями в статьях законов. Именно ассоциации с престижем обеспечивают униформе и «судейскому парика» влияние и подчиняющую силу, а значит — практическую значимость (Lewis 1913: 186).

Дефиниция понятия «престиж» и уточнение терминологического разграничения между «демонстративным» и «престижным» потреблением

Рассмотрев эволюцию значения слова через призму исторических событий, в рамках которых возникает обозначенный им феномен, вернемся к заданной в начале статьи терминологической проблеме дефинирования понятия «престиж» в контексте потребления и стратегий статусного позиционирования.

Как было указано выше, несмотря на то, что в современной справочной литературе слово «престиж» часто рассматривается в ценностном плане, далеко не всегда проводится параллель между этой ценностью и категориями власти. Однако, без сомнения, все ценностные предикаты (постольку, поскольку они вводят иерархические отношения), де-

монстрируют варианты властных распределений. В этой связи исключительно важно учитывать при дефинировании «престижа» властный момент.

Еще с самых истоков генезиса «престижа» в его современной ипостаси он развивается в поле семиотических отношений и связан с символическим обменом. Используя терминологию Лакана, можно сказать, что при утверждении современного значения понятия наблюдается сочетание двух регистров — воображаемого (игра образов, показность, церемониальность) и символического (социальный договор, в силу которого определенные образы и модели поведения обретают конвенциональную стоимость) (Julien 1995: 173—176).

Для начала попытаемся сформулировать рабочее определение понятия «престиж», на основе которого очертим круг явлений, которые охватываются предикатом «престижный», используемым по отношению к субъекту «потребление».

Из произведенной деконструкции понятия «престиж» видно, что значения, с которыми связывается слово, следуют определенному типу исторической «логики»: с одной стороны, их появление обусловлено структурами власти, а с другой — деятельностью определенных типов интеллектуальных элит. Как становится ясно из исторического контекста, изначально «престиж» утверждается как ценность именно в политическом плане и лишь затем получает более широкое распространение и развитие в обществе. Именно в этом выражается специфика, отличающая его от других ценностей — эстетических, моральных и т.д. (несмотря на то, что и они не являются полностью независимыми от властных отношений).

Корни этого генезиса, однако, не принимаются во внимание не только людьми, использующими слово в ежедневном бытовом языке, но и исследователями, которые зачастую допускают произвольное и нерефлексивное использование слова в научных трудах.

Вопрос о месте престижа в системе властных отношений рассмотрен французским философом и социологом Раймоном Ароном. Согласно Арону, власть как политическое явление представляет собой отношение между людьми, но с точки зрения не взаимодействия, а *потенциала*, которым обладает человек или группа людей, для установления соответствующих своим желаниям отношений с другими людьми или социальными группами (Арон 2001: 173). Р. Арон называ-

ет престиж одним из инструментов власти (вместе с богатством или капиталом, силой и позицией в иерархичной властной структуре), уточняя, что исключительно важно делать разницу между властью и ее средствами (инструментами). Борьба за инструменты власти не может отождествляться с самой властью, т.к. таким образом осуществляется подмена власти как разновидности человеческих отношений лишь признаками этих отношений.

Отличным примером этого может послужить описанная выше ситуация — лишение старой аристократии реальной власти взамен привилегий престижа и социальной позиции во времена буржуазных трансформаций во Франции де-факто представляет собой семиологическое замещение, которое переносит власть из сферы реальных политических процессов в область символических отношений.

Такая линия рассуждения дает нам основание определить «престиж» как инструмент власти (по Р. Арону), который отличается от других властных средств своей ярко выраженной символической природой.

Вопрос об отношениях между категориями демонстративности и престижности в потреблении — их связей и взаимозависимостей, наряду с часто встречающимся в их контексте вопросом о потреблении роскоши — тема, которая имплицитно присутствует в большинстве работ, посвященных социально ориентированному потреблению.

В отдельных научных дисциплинах принято использовать различные теоретические рамки для изучения престижа. Виньерон и Джонсон рассматривают наиболее стереотипные подходы для трактовки феномена в различных дисциплинах: в рамках маркетинга о престиже говорится тогда, когда идет речь о позиционировании товара или бренда как высококачественного и исключительно (McCarthy, Perreault 2002: 358), в социальной психологии и социологии престиж чаще всего упоминается в контексте исследования группового влияния при формировании мнений и отношений к определенным вещам и в связи с престижем профессий (Vigneron, Johnson 1999: 3—4). В археологии существует понятие «prestige goods», обозначающее артефакты материальной культуры, служившие в древности в качестве свидетельств об умениях их обладателя и использовавшиеся для привлечения на его сторону молодых поклонников и почитателей (Plourde 2008: 375). Согласно этой теории, функция «prestige goods» в современных обществах —

демонстрировать высокий социальный статус их обладателя, способствуя его повышению, а также делать очевидными его богатство и власть.

Очень часто престиж в теориях исследователей ассоциируется с потреблением роскоши. Видман, Хеннигс и Зибельс при составлении схемы потребительских мотивов для приобретения товаров класса люкс отводят престижу самую важную роль в процессе принятия потребительских решений, указывая «престижную ценность» (*prestige value*) в качестве одного из двух основополагающих компонентов социального измерения восприятия ценности роскоши (*social dimension of luxury value perception*) (Wiedmann, Hennigs, Siebels 2007: 8).

Вторым компонентом этого измерения является «демонстративная ценность» (*conspicuousness value*), которая связывается с установленной сильной связью между показностью товара или бренда и положительным отношением к ним «публики». Ценность продукта с точки зрения демонстративности определяет, до какой степени он соответствует необходимому уровню показности, чтобы быть распознанным и «достойно» оцененным социальным окружением потребителя.

Цена как показатель престижа — устоявшаяся парадигма в маркетинговых подходах к созданию и продвижению брендов. В теории маркетинга даже существует специальное понятие — «*prestige pricing*»: Маккарти и Перо определяют его как установление высокой цены с целью позиционирования товара как высококачественного или статусного⁷. Цена в этом случае становится суррогатным индикатором престижа товара или бренда. Такая ценовая политика имеет успех среди ориентированных на демонстративность потребителей, т. к. их основная мотивация — впечатлить окружающих, а общеизвестная высокая цена товара или бренда обеспечивает им такую возможность (Vigneron, Johnson 1999: 3—5).

Рассмотрев престиж в контексте исторических событий, приведших к его современной форме, и акцентируясь на эстетической природе его внешних материальных проявлений, мы убедились, что он представляет собой далеко не только фиксированный результат, общепризнанную оценку, но и разворачивающийся процесс, эволюцию этой оценки.

Плоскость, в которой происходит эта задействованная властными механизмами эволюция и прилагаются стратегии ее катализирования, — потребление. Будучи, по причине своей имманентной интерсубъективности, публичным достоянием, оно выступает в роли арены, где разворачивается процесс престижа и осуществляется своеобразный «естественный отбор», в рамках которого конкурентное преимущество принадлежит тем, кто умеет грамотно манипулировать «статусными символами», создавая и поддерживая убедительные внешние эффекты. Потребление — именно та сфера, где есть возможность наблюдать процесс престижа, оно отражает не только статичный результат борьбы за престиж, но и ее цель, не только меру наличного общественного признания, но и претензии на получение большего престижа.

Важнейшую роль при эффективном социальном позиционировании в плоскости потребления играют используемые символы и грамотное манипулирование ими. Процесс престижа в придворном обществе осуществляется как стратегия символической кодификации и демонстрации наличной власти/приближенности к власти. Власть, превращенная в символ и сделанная публичным достоянием, получает признание социального окружения и посредством общественного мнения и создаваемой репутации, позиционирует человека в иерархии социальных отношений.

Общепризнанность и легитимность — ключевые моменты престижа. Престиж всегда публичен, даже в словарных определениях регулярно встречается — «общепризнанная мера». Как было отмечено ранее, это качество исторически связано с ролью «публики» — безличного цензора, диктующего и утверждающего стандарты. Но для удовлетворения претензий на престиж одной публичности недостаточно, обретение легитимности требует и свидетельства принадлежности к авторитету власти, а именно — принадлежности к институции. Грамотное ориентированное на престиж потребление обязательно должно носить на себе печать институции, а символы, используемые для целей этого потребления — символы институции, власти и превосходства.

Демонстративный аспект в этой разновидности потребления — всегда сознательная, добровольная стратегия участия в процессе престижа. Это именно такая активная стратегия, которая ориентирована на цель этого

⁷ Здесь наблюдается целенаправленное использование эффекта Веблена с целью манипулирования спросом (см. McCarthy, Perreault 2002).

процесса, а не на констатацию и подтверждение уже наличного общественного признания. Таким образом, демонстративность в ориентированном на престиж потреблении призвана обслуживать именно *претензии* на положение, претензии на желанную позицию, *стремление к статусу*.

Для более четкого понимания смысловой разницы между престижным и демонстративным аспектами социально ориентированного потребления, мне видится продуктивным использование типологии мотивов, предложенной Альфредом Шюцем. В своей теории повседневного действия социолог выделяет мотивы «потому-что» (because-motives) и мотивы «для-того-чтобы» (in-order-to-motives) (см. более подробно: Шюц 1988).

Мотив «потому-что», с точки зрения действующего лица, сопоставляет его действия с предыдущим опытом и формирует проект действия в соответствии с содержанием этого опыта. Иными словами, относительно нашей терминологической проблемы мотив «потому-что» может использоваться для объяснения стремления человека поддерживать определенный уровень потребления, который ожидается от него на основе его общепринятого социального статуса и сопутствующего ему престижа.

Е. г. Так как я являюсь представителем дипломатического корпуса, занимаю определенную позицию в высшем обществе и живу в дипломатическом районе, для того, чтобы оправдать ожидания своего окружения и публики в целом, мне следует не только в своем поведении, но и в потреблении следовать протоколу — одеваться согласно определенному дресс-коду, ездить на машине элитной марки, обедать в местах с безупречной репутацией и посещать культурные мероприятия определенного формата. Мои траты на эти статьи потребления будут обусловлены мотивом «потому-что», сформированным моим статусом представителя дипломатической структуры⁸.

Мотив «для-того-чтобы», в свою очередь, с точки зрения деятеля, апеллирует к желаемому будущему опыту. В этом случае в качестве «мотива» выступает цель — положение дел, которое ожидается в результате предпринимаемого действия.

Е. г. Я хотел бы стать вхожим в круг столичного высшего общества и отдаю себе от-

чет в том, что для того, чтобы эффективно вписаться в антураж «богатых и знаменитых», мне необходимо не только в своем поведении, но и в потреблении следовать протоколу — одеваться согласно последним модным тенденциям, ездить на машине актуальной марки, посещать все важнейшие модные события и проводить время в местах с репутацией «излюбленное заведение столичного бомонда». Мои траты на эти статьи потребления будут обусловлены мотивом «для-того-чтобы», сформированным моим желанием завоевать статус представителя столичного хайлайфа.

В отличие от первого примера, отсутствие подобных действий с моей стороны не повлечет за собой санкций в виде испорченной репутации. Выбор мною такой потребительской стратегии чисто добровольен, и чем активнее я буду ей следовать, демонстрируя свое желание присоединиться к высшему обществу и «символическую подготовленность» соответствовать их жизненным стандартам, тем выше мои шансы на достижение своей цели.

Но в тот момент, когда мое желание будет исполнено, и я пополню ряды бомонда, мое потребление начнет обуславливаться «потому-что»-мотивами первого типа. И если я захочу поддерживать свою новую социальную позицию, то я уже не смогу добровольно отказаться от соответствующих ей стандартов потребления без ущерба для моего новоприобретенного престижа в среде «сливок» общества.

Таким образом, провести понятийную границу между престижным и демонстративным потреблением можно по линии основного мотива, лежащего в его основе. Престижное — это, в некотором смысле, ожидаемое потребление и оно до большой степени ориентировано на подтверждение и поддержание уже наличной принадлежности к определенной наделенной престижем общности, прослойке, институции. Демонстративное же — это своего рода потребление-инвестиция, вклад в желаемый будущий статус, борьба за еще только ожидаемую принадлежность и овевающий ее престиж. В этом смысле момент социального принуждения (принцип «noblesse oblige») для престижного потребления значительно более существен, чем для демонстративного, которое до большой степени добровольно.

Однако, согласно описанному Дюзенберри принципу «необратимости потребительских стандартов» (Duesenberry 1949), в нормальных условиях уровень потребления постоянно возрастает, закономерно раздвигая горизонты

⁸ Этот мотив по смыслу пересекается с мотивом «действия в конгруэнтности с наличными символами».

желаемого стандарта потребления. Этот принцип отлично вписывается в диалектику фаз ориентированного на престиж потребления — демонстративное «для-того-чтобы» потребление сменяется престижным «потому-что», которое, в свою очередь, сменяется или, скорее, сосуществует с демонстративным потреблением, ориентированным на достижение еще более высокого стандарта потребления и новой желаемой принадлежности.

Таким образом, употребление термина «престижное потребление» уместно в случае, когда идет речь о потреблении, кодифицирующем символически уровень принадлежности к власти, элитной группе и институции и раскрывающем связь между носителями престижа и определенной культурой потребления. В терминах «показность» и «демонстративность» властные отношения также присутствуют, но не в качестве обязательно присущих субъекту потребления. По этой причине «показное потребление» может использоваться в значительно более широком контексте.

Очевидно, что в диахронии обе эти разновидности обслуживающего престиж потребления находятся в тесной связи, и в каждом конкретном случае индивидуального потребления мы сможем найти примеры и одной, и другой потребительской стратегии (нередко сосуществующие). Важно, однако, четко понимать, что термины описывают *разные аспекты потребительского процесса* и в их основе лежат *мотивы различной природы*. Что делает безразборное употребление этих терминов как взаимозаменяемых синонимов серьезной подменой понятий, терминологической ошибкой, массовость которой в научном и бытовом употреблении лишь подчеркивает важность более тщательного, корректного и углубленного подхода к поискам способов разрешения этого терминологического несоответствия.

* * *

В современных обществах массового потребления престиж сродни культу. Поистине, трудно переоценить важность этой составляющей для обеспечивающих безотказную работу «капиталистической машины» потребительских стратегий. Полагаю, без преувеличения можно назвать его основной движущей силой социальной политики, которую «при технической поддержке потребления» проводят маркетологи на всех доступных для осуществления массового воздействия уровнях.

Престиж — идеологическая основа общества потребления. Присущая ему аура избранности и всеобщей желанности работает безотказно в качестве инструмента продвижения особого стиля жизни, обеспечивающего непрекращающееся воспроизведение установленного капиталистической традицией «социального порядка». Можно долго спорить о морально-этической стороне этого процесса (к слову, именно морализаторство и дало толчок к зарождению интеллектуальной дискуссии о проблемах потребления и потребительства в начале XVIII в.) и о массовой деморализации, которую сулит все набирающая обороты материальная гонка за престижем, вкупе с необходимостью этот престиж поддерживать. Но факт остается фактом — в современных капиталистических обществах потребление со всем его маркетинговым механизмом составляет инфраструктуру социализации, основную стратегию саморепрезентации, одинаково эффективную как в условиях анонимной урбанизированной среды, так и в узких кругах закрытых элитных клубов.

Существующему потребительскому кодексу массово и, чаще всего, неосознанно, в той или иной мере следуем мы все. Сознательное же использование его средств предлагает множество возможностей для т.н. «символической социальной мобильности». Связано это с тем, что вышеупомянутая анонимность современной жизни всегда ограничена богатством символического потенциала видимого личного потребления. Другими словами, овладев азбукой потребления и грамотно воспроизводя готовые маркетинговые решения для ежедневного потребления, можно эффективно замаскироваться под кого угодно и быть принятым за такового. Достаточно лишь воссоздать с помощью своего потребления легко распознаваемый «код», удобную для «зрительского» восприятия иллюзию. Насколько она будет убедительной, зависит лишь от «ловкости рук» ее создателя и его способности очаровать и «ослепить» аудиторию.

Вот мы, похоже, и вышли на смысловой след загадочных первоначальных коннотаций «престижа» — магия, колдовство и иллюзионизм. А на деле — чистая показность, и никакого волшебства. Кто знает, может, именно веками проверенный тандем прагматичности здравого смысла с манящей загадочностью иррациональности и обеспечил успешность этого условно добровольного культа современности вполне религиозного масштаба.

Литература

- Арон Р. 2001. *Социология и политика*. София: ЕОН-2000.
- БТСРЯ 1998: Кузнецов С.А. (гл. ред.). 1998. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс.
- Гофман А.Б. 1994. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. Москва: Наука.
- Зиммель Г. 1996. *Избранное 2*. Москва: Юрист.
- Ильин В.И. 2000. *Поведение потребителей*. Санкт-Петербург: Питер.
- КСИС 1950: Лехин И.В. (гл. ред.). 1950. *Краткий словарь иностранных слов*. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Рацеева В.С. 2013. *Символический потенциал на престижно потребление в съвременна България*. Дисс. ... докт. филос. София.
- Рикер П. 2006. *Пътят на разпознаването. Три студии*. София: Сонм.
- Семенов Ю.И. 2003. *Философия истории*. Москва: Современные тетради.
- СИС 1980: Спиркин А.Г. 1980. *Словарь иностранных слов*. Москва: Русский язык.
- Сорокина С.Г. 1984. Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса». В: Веблен Т. *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс, 5—54.
- СРЯ 1987: Евгеньева А.П. (гл. ред.). 1987. *Словарь русского языка 3*. Москва: Русский язык.
- СРЯО 1973: Ожегов С.И. 1973. *Словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- СЭС 1980: Прохоров А.М. (гл. ред.). 1980. *Советский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Тарасевич Л.С. 2004. *50 лекций по макроэкономике*. Москва: Экономическая школа.
- ФЭС 1983: Ильичев Л.Ф. 1983. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Хабермас Ю. 1995. *Структурни изменения на публичността*. София: Климент Охридски.
- Шюц А. 1988. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования* (2), 129—137.
- Элиас Н. 2002. *Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии*. Москва: Языки славянской культуры.
- Bloch O., von Wartburg W. 1968. *Dictionnaire Etymologique de la langue française*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Braudel F. 1973. *Capitalism and Material Life 1400—1800*. New York: Harpercollins.
- Burke P. 1994. Res et Verba: Conspicuous Consumption in the Early Modern World. In: Brewer J., Parter R. (eds.). *Consumption and the World of Goods*. London: Routledge, 148—161.
- Corrigan P. 1997. *The Sociology of Consumption: An Introduction*. London: Sage Publications.
- Duesenberry J. 1949. *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge: Harvard University Press.
- Fraser A. 2001. *Marie Antoinette: The journey*. London: Weidenfeld & Nicholson.
- Hunt A. 1995. Moralizing Luxury: The Discourse of the Governance of Consumption. *Journal of Historical Sociology* (4), 352—374.
- Julien P. 1995. *Jacques Lacan's Return to Freud: The Real, the Symbolic, and the Imaginary*. New York: NYU Press.
- Larousse P. 1976. *Grand Larousse de la langue française V*. Paris: Librairie Larousse.
- LeBon G. 2004. *The Crowd. A Study of a Popular Mind*. New York: Dover Publications.
- Lewis L. 1913. *Prestige. A Psychological Study of Estimates*. London: T. F. Unwin.
- Littre E. 1973. *Dictionnaire de la langue française. Edition integrale VI*. Paris: Gallimard-Hachette.
- McCarthy E.J., Perreault W.D.Jr. 2002. *Basic Marketing: A Managerial Approach*. Irwin: McGraw Hill.
- McCracken G. 1988. *Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities*. Bloomington: Indiana University Press.
- Mills G., Mills W. 1946. *From Max Weber, Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press.
- New English Dictionary*. 1909. Murray J. (ed). Vol. 7. Oxford: Clarendon Press.
- Nicholson H. 1937. *The Meaning of Prestige*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plourde A.M. 2008. The Origins of Prestige Goods as Honest Signals of Skill and Knowledge. *Human Nature* (4), 374—388.
- EB 1911: Chisholm H. (ed.). 1911. *Encyclopaedia Britannica*. Eleventh Edition. Vol. XXII. New York: Encyclopaedia Britannica Inc.
- Tungate M. 2009. *Luxury world — the past, present and future of luxury brands*. London: Kogan Page.
- Veblen T. 1899. *The Theory of the Leisure Class*. New York: Macmillan.
- Vigneron F., Johnson L. 1999. A Review and a Conceptual Framework of Prestige-Seeking Consumer Behavior. In: *Academy of Marketing Science Review*. URL: <http://www.amsreview.org/articles/vigneron-01-1999.pdf>. Date of access 13.06.2013 r.
- Weber M. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr.
- Wiedmann K.P., Hennigs N., Siebels A. 2007. Measuring Consumers' Luxury Value Perception: A Cross-Cultural Framework. *Academy of Marketing Science Review* (7), 1—21.

References

- Aron, R. 2001. *Sotsiologiya i politika (Sociology and politics)*. Sofia: EON-2000 (in Russian).
- Kuznetsov, S. A. (ed.). 1998. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka (Large explanatory dictionary of Russian language)*. Saint Petersburg: Norint (in Russian).
- Veblen, T. 1984. *Teoriia prazdnogo klassa (The Theory of the Leisure Class)*. Moscow: Progress (in Russian).
- Hofmann, A. B. 1994. *Moda i liudi. Novaia teoriia mody i modnogo povedeniia (Fashion and people. A new theory of fashion and fashionable behavior)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Simmel, G. 1996. *Izbrannoe (Selected works)*. Vol. 2. Moscow: Iurist (in Russian).
- Ilyin, V. I. 2000. *Povedenie potrebitel'ei (Consumer behavior)*. Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Lekhin, I. V. (ed.). 1950. *Kratkii slovar' inostrannykh slov (Small dictionary of foreign words)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh

№6. 2013

- i natsional'nykh slovarei (in Russian).
- Ratseeva, V. S. 2013. *Simvolniyat potentsial na prestizhnoto potreblenie v sävremenna Bălgariya (The symbolic potential of conspicuous consumption in contemporary Bulgaria)*. Sofia (in Bulgarian).
- Ricœur, P. 2006. *Pătȳat na razpoznavaneto. Tri studii (The Course of Recognition. Three Studies)*. Sofia: Sonm (in Bulgarian).
- Semenov, Yu. I. 2003. *Filosofia istorii (Philosophy of history)*. Moscow: Sovremennye tetradı (in Russian).
- Spirkin, A. G. 1980. *Slovar' inostrannykh slov (Dictionary of foreign words)*. Moscow: Russkii iazyk (in Russian).
- Sorokina, S. G. 1984. In Veblen, T. *Teoriia prazdnogo klassa (The Theory of the Leisure Class)*. Moscow: Progress, 5—54 (in Russian).
- Evgenyeva, A. P. (ed.). 1987. *Slovar' russkogo iazyka (Dictionary of Russian language)*. Vol. 3. Moscow: Russkii iazyk (in Russian).
- Ozhegov, S. I. 1973. *Slovar' russkogo iazyka (Dictionary of Russian language)*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia (in Russian).
- Prokhorov, A. M. (ed.). 1980. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet encyclopedic dictionary)*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia (in Russian).
- Tarasevich, L. S. 2004. *50 lektii po makroekonomike (50 lectures on macroeconomics)*. Moscow: Ekonomicheskaya shkola (in Russian).
- Ilyichev, L. F. 1983. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical encyclopedic dictionary)*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia (in Russian).
- Habermas, J. 1995. *Strukturni izmenetiya na publichnosta (The Structural Transformation of the Public Sphere)*. Sofia: Kliment Okhridski (in Bulgarian).
- Schütz, A. 1988. In *Sotsiologicheskie issledovaniia (Sociological studies)* (2), 129—137 (in Russian).
- Elias, N. 2002. *Pridvornoe obshchestvo: issledovaniia po sotsiologii korolia i pridvornoı aristokratii (The Court Society)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).
- Bloch, O., von Wartburg, W. 1968. *Dictionnaire Etymologique de la langue française*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Braudel, F. 1973. *Capitalism and Material Life 1400—1800*. New York: Harpercollins.
- Burke, P. 1994. Res et Verba: Conspicuous Consumption in the Early Modern World. In: Brewer J., Parter R. (eds.). *Consumption and the World of Goods*. London: Routledge, 148—161.
- Corrigan, P. 1997. *The Sociology of Consumption: An Introduction*. London: Sage Publications.
- Duesenberry, J. 1949. *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge: Harvard University Press.
- Fraser, A. 2001. *Marie Antoinette: The journey*. London: Weidenfeld & Nicholson.
- Hunt, A. 1995. Moralizing Luxury: The Discourse of the Governance of Consumption. *Journal of Historical Sociology* (4), 352—374.
- Julien, P. 1995. *Jacques Lacan's Return to Freud: The Real, the Symbolic, and the Imaginary*. New York: NYU Press.
- Larousse, P. 1976. *Grand Larousse de la langue française V*. Paris: Librairie Larousse.
- LeBon, G. 2004. *The Crowd. A Study of a Popular Mind*. New York: Dover Publications.
- Lewis, L. 1913. *Prestige. A Psychological Study of Estimates*. London: T.F. Unwin.
- Littre, E. 1973. *Dictionnaire de la langue française. Edition integrale VI*. Paris: Gallimard-Hachette.
- McCarthy, E.J., Perreault, W.D.Jr. 2002. *Basic Marketing: A Managerial Approach*. Irwin: McGraw Hill.
- McCracken, G. 1988. *Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities*. Bloomington: Indiana University Press.
- Mills, G., Mills, W. 1946. *From Max Weber, Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press.
- New English Dictionary*. 1909. Murray, J. (ed). Vol. 7. Oxford: Clarendon Press.
- Nicholson, H. 1937. *The Meaning of Prestige*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plourde, A.M. 2008. The Origins of Prestige Goods as Honest Signals of Skill and Knowledge. *Human Nature* (4), 374—388.
- EB 1911: Chisholm H. (ed.). 1911. *Encyclopaedia Britannica*. Eleventh Edition. Vol. XXII. New York: Encyclopaedia Britannica Inc.
- Tungate, M. 2009. *Luxury world — the past, present and future of luxury brands*. London: Kogan Page.
- Veblen, T. 1899. *The Theory of the Leisure Class*. New York: Macmillan.
- Vigneron, F., Johnson L. 1999. A Review and a Conceptual Framework of Prestige-Seeking Consumer Behavior. In: *Academy of Marketing Science Review*. URL: <http://www.amsreview.org/articles/vigneron-01-1999.pdf>. Date of access 13.06.2013 r.
- Weber, M. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr.
- Wiedmann, K.P., Hennigs, N., Siebels, A. 2007. Measuring Consumers' Luxury Value Perception: A Cross-Cultural Framework. *Academy of Marketing Science Review* (7), 1—21.

Статья поступила в номер 15 июня 2013 г.

Veronica Ratseeva (Kishinev, Moldova). Doctor of Philosophy. High Anthropological School University¹.**Veronica Ratseeva** (Chişinău, Moldova). Doctor în filozofie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.**Рацеева Вероника Сергеевна** (Кишинёв, Молдова). Доктор философии. Университет «Высшая антропологическая школа».**E-mail:** rateeva.v@gmail.com**Address:** ¹ Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

Дискусии

Discussions

Discuții

И. Ф. Грек

«Черные болгары»: этническая история и историческая судьба

Keywords: Turko-Bulgars, Black Bulgars, Pechenegs, Oghuz Turks, Cuman people, Chitaki, Gagauz people, Slavic Bulgars, Ottoman Turks, Orthodoxy, Islam, settlers across the Danube, Bessarabian Bulgars and Gagauz.

Cuvinte cheie: turco-bulgari, bulgarii negri, pecenegi, oguzi, cumani, citaki, găgăuzi, bulgari slavoni, turci otomani, ortodoxie, islam, coloniști transdanubieni, bulgari și găgăuzi basarabeni.

Ключевые слова: тюрко-болгары, черные болгары, печенеги, узы, куманы (половцы), читакки, гагаузы, славяно-болгары, османско-турки, православие, ислам, задунайские переселенцы, бессарабские болгары и гагаузы.

I. F. Grek

“Black Bulgars”: Ethnical History and Historical Fate

The article is a study of the fate of the Turko-Bulgars living in Azov region after the dissolution of Great Bulgaria. Before the middle of 10th century they were preserving their ethnic and political identity within the Khazar kaganate and were known as Black Bulgars outside the kaganate. Later they were partially exterminated or assimilated by new waves of Turk nomads, such as Pechenegs, Oghuz Turks, Cuman people.

Another group of Black Bulgars went across the Danube and met the same Steppe people in the second half of 11th century. Adoption of Christianity and ethnic mixture led to the formation of a Turkic-speaking conglomerate which later became a component of the Medieval Bulgarian folk.

The Ottoman Turks have destroyed the Second Bulgarian Kingdom and set a regime incompatible with the previous ethnocultural processes. As a result, a part of the Turkic-speaking population of the Balkans lost its Christianity and ethnic appearance. The rest have preserved their faith and did not mix with the conquerors, despite of the linguistic affinity.

Ethnic and religious pressure did not stop the formation of the Turkic-speaking Orthodox community in Bulgarian lands. In 16th—17th centuries, the members of this community were called “Chitaki-rya” and in 18th century they acquired the name of the Gagauz.

In the Balkans, however, these names were not accepted by the Turkic-speaking Orthodox population. It was only after a larger part of this population emigrated on the left bank of the Danube and concentrated after 1812 in Budjak, that the “Gagauz” ethnonym went spread. Thus, the Black Bulgars also took part in the formation of the Gagauz ethnicity.

I. F. Grek

„Bulgarii negri”: istoria etnică și soarta istorică

Articolul studiază soarta turco-bulgarilor, care locuiau în regiunea Azov după dispariția Marii Bulgarii. Până la mijlocul sec. X, în componența kaganatului Hazarilor, ei își păstrau identitatea etnică și politică, fiind cunoscuți sub denumirea de „bulgarii negri”. Apoi, ei au fost parțial exterminați sau asimilați de noile valuri ale nomazilor turcici — pecenegi, oguzi, cumani.

Un alt grup de bulgarii negri a plecat peste Dunăre, unde în a doua jumătate a sec. XI s-a ciocnit cu aceleași treburi stepice. Adoptarea creștinismului și amestecarea etnică au dus la formarea unui conglomerat vorbitor de limbă turcică, care ulterior a devenit o parte componentă a poporului bulgar medieval.

Otomanii au distrus cel de-al Doilea Țarat Bulgar, instaurând un regim incompatibil cu procesele etnoculturale, ce decurgeau până atunci. În rezultat, o parte a populației vorbitoare de limbă turcică din Balcani a pierdut ortodoxia și aspectul etnic. Restul populației și-a păstrat credința și, necătând la similitudinile lingvistice, nu s-a amestecat cu cuceritorii.

Presiunile etnice și religioase nu au oprit formarea comunității ortodoxe vorbitoare de limbă turcică pe teritoriile bulgare. În sec. XVI—XVII, reprezentanții acesteia erau numiți „citaki-raia”, iar în sec. XVIII aceștia au început să fie denumiți „găgăuzi”.

În Balcani, însă, denumirile respective nu au fost primite de populația ortodoxă vorbitoare de limbă turcică. Doar după migrarea majorității acestei populații pe malul stâng al Dunării și concentrarea, începând cu 1812, pe teritoriul Bugeacului, a început răspândirea etnonimului „găgăuz”. Astfel, bulgarii negri au participat la formarea etniei găgăuze.

И. Ф. Грек

«Черные болгары»: этническая история и историческая судьба

В статье рассмотрена судьба тюрков-болгар, проживавших в Приазовье после распада Великой Болгарии. До середины X в. они сохраняли в составе Хазарского каганата свою этническую и политическую идентичность, а за его пределами были известны под именем «черные болгары». Затем их отчасти истребили или поглотили новые волны тюркских кочевников — печенеги, узы, половцы (куманы).

Еще одна группа черных болгар ушла за Дунай, где во второй половине XI в. столкнулась с теми же племенами степняков. Принятие христианства и этническое смешение создало тюркоязычный конгломерат, ставший компонентом средневековой болгарской народности.

Османы уничтожили Второе Болгарское царство и установили режим, несовместимый с прежде протекавшими этнокультурными процессами. В итоге часть тюркоязычного населения Балкан утратила православие и этнический облик. Остальные сохранили веру и, вопреки языковому родству, не смешались с завоевателями.

Этническое и религиозное давление не остановило формирования тюркоязычной православной общности в болгарских землях. В XVI—XVII вв. ее представителей называли «читаки-райя», а в XVIII в. их стали называть «гагаузы».

Однако на Балканах эти названия не были восприняты тюркоязычным православным населением. Только после эмиграции большей его части на левобережье Дуная и концентрации с 1812 г. в Буджаке произошло освоение этнонима «гагауз». Таким образом, черные болгары приняли участие в образовании гагаузского этноса.

Считается, что история приазовских болгар в конце VII—VIII вв. — после подчинения их хазарам и ухода на запад Аспаруха — не освещена в памятниках письменности, которые появляются только с X в. (Мерперт 1958: 604). Это во многом объясняет, почему в литературе *черные болгары* VIII — первой половины X вв. неоднозначно локализуются на Северном Кавказе, в Прикамье, на Северном Донце, на Кубани, в восточном либо западном регионе Северного Причерноморья, на востоке или западе Приазовья и в междуречье Днестра и Дуная.

Разброс мнений наблюдается и по вопросу этногенеза. Одни авторы относят их к иранским (аланы) племенам, другие, признавая присутствие персидского компонента, считают их тюрко-болгарами, третьи — славянами.

Нет единодушия и в вопросе о времени их переселения на запад: в устье Дуная, Добруджу и северо-восточную Болгарию.

В работах ряда авторов черные болгары вообще отсутствуют (Губогло 2012: 264—311; Ангели 2007), либо их ассоциируют с волжскими (Бартольд 1968: 509—520) или дунайскими болгарами, отрицая сам факт существования Черной Болгарии (Гадло 1968).

Однако актуальность данной темы не в локализации, этногенезе черных болгар или истории Черной Болгарии после распада Великой Болгарии. Этим проблемам посвящена обширная литература. В их разработку эта статья ничего нового не привносит, а автор лишь разделяет господствующие в науке мнения авторитетных ученых.

Основные вопросы, рассматриваемые в данной статье, следующие.

1. Было ли в VIII—X вв. в Приазовье смешение черных болгар с печенегами, огузами и куманами (половцами, кыпчаками)?

2. Имело ли оно продолжение к югу от Дуная в X—XVIII вв.?

Эти аспекты не исследованы, хотя важны для выяснения участия черных болгар в этногенезе тюркоязычной православной общности на Балканах, известной в наше время под самоназванием *гагаузы*.

Цветовой определитель (Шабашов 2002: 342—343) «черные болгары» утвердился в исторической лингвистике и не оспаривается ни историками, ни этнографами (см. Кононов 1978: 159—179; Добродомов 1978: 102—129). Приведу мнение, основанное на русских источниках, в которых определением «черный» обозначался север: «Кубанские (или приазовские) болгары назывались черными болгарами, а их страна — Черной Болгарией, что, конечно, было связано с ее географическим положением и являлось переводом слова *кара* в его наиболее широком известном значении» (Кононов 1978: 168).

1. Черные болгары до появления на Балканах (VIII—X вв.)

Этничность черных болгар

Краткое изложение истории древних болгар дал российский археолог В.В. Седов: «Болгары — тюркоязычные племена, впервые зафиксированные историческими источниками в IV в.н.э., когда они, переселившись из Центральной Азии, проживали на Северном Кавказе. Со второй половины IV в. они локализуются в основном в Приазовье. В последние десятилетия VI и в начале VII в. болгарские племена были подвластны Западнотюркскому каганату. Во время войн между конфедератами этого каганата Дулу и Нушиби, начавшихся в 30-х годах VII в., приазовские болгары сумели освободиться из-под власти тюркютов. Вождь племени гунногундур Кубрат начал энергично объединять разрозненные болгарские орды и создал военно-политическое объединение, известное у византийцев под названием «Великая Болгария». Кубрат установил тесные связи с Византийской империей. После его смерти в середине VII в. объединение распалось, во главе отдельных частей его встали сыновья Кубрата. Воспользовавшись этим, на разрозненные орды болгар стали наступать хазары, создавшие свой довольно мощный Каганат, и, одержав победу, принудили

восточноприазовскую орду болгар, возглавляемую Батбаяном, старшим сыном Кубрата, выплачивать им дань. Другая болгарская орда во главе с Котрагом под напором Хазарского каганата ушла на среднюю Волгу» (Седов 1995: 256). Некоторые исследователи считают, что это произошло спустя 200 лет. Дольше всех сопротивлялась хазарам болгарская орда Аспаруха. Не пожелав покориться, она в 70-х годах VII в. вынужденно оставила степи Северного Приазовья и переселилась на запад (Плетнева 1976: 21—22; Шабашов 2002: 502—509; 2011: 167—176).

До конца VII в. название «*черные болгары*» не встречается. Его появление относится к той орде древних болгар, которая осталась в Приазовье после распада Великой Болгарии, связываемого со смертью хана Кубрата, а ее дата точно неизвестна. Называются 641 г. (Шабашов 2002: 502), конец 640-х гг., 651, 665 и даже 668 г. (Толочко 1999: 40).

В изданном в США справочнике *черные болгары* названы народом «смешанного племенного состава». Персидский источник X в., на который ссылается автор, называет их «срединными болгарями» (Губарев 1966—1970). В.В. Бартольд заявлял: «Болгары — народ неизвестного происхождения» (Бартольд 1968: 509). О сармато-аланском компоненте в этногенезе тюрков-болгар С.А. Плетнева писала: «За три с лишним века¹ степные аланы так перемешались с тюркскими болгарями, что перестали отличаться от них» (Плетнева 1967: 184—185). По мнению В.В. Седова: «Необходимо отметить, что среди болгарских переселенцев были не только тюрки, но и ираноязычные аланы, по всей вероятности, в Приазовском регионе входившие в состав Великой Болгарии. На данной стадии древности этой этнической группировки [аланы] не вычлениются, но позднее в культуре Северо-Западного Причерноморья проявляется некоторое воздействие аланского компонента» (Седов 1995: 258). А.В. Найденко, ссылаясь на работу российского ученого А.В. Гадло по текстологическому исследованию «Именника болгарских ханов», пришел к выводу, что «род Дуло по происхождению связан с одним из подразделений алан, соседних оногуро-болгарам. О том же говорит и имя первого хана Дунайской Болгарии — Аспаруха, имеющее несомненные древние ираноязычные корни» (Найденко 2001).

А.В. Шабашов, опираясь на исследования известных болгарских историков П. Мутаф-

чиева и Р. Рашева, а также проанализировав «Именник болгарских ханов», считает: «Имена первых двух легендарных болгарских ханов Авитохол и Ирника созвучны именам Атиллы и его сына Эрнаха (Ирнаха), которые так же, как и создатель Великой Болгарии Курт (Кубрат), идущий четвертым по списку по данному источнику, принадлежали к одному роду — Дуло». Вместе с тем, он не исключает, что «тюркское кочевое объединение хунну», давно отколовшееся от своего этнического ядра, двигаясь на запад, «обросло местными племенами» (прежде всего, указываются угры, а также ираноязычные племена). В результате этого первичный этнический характер был утрачен (Шабашов 2002: 466—467, 479, 498, 499, 500).

По наблюдениям Ивана Добрева, тюрколога из Болгарии, до начала взаимодействия праболгар со славянами «тюрко-алтайская теория» являлась «единственно легитимной научной теорией их раннего этногенеза». Имя хана Аспаруха переведено им с иранского как «продавец лошадей» (Добрев 2011: 198). Полная этимология имени Аспарух выглядит так: 1) товарищ, друг; 2) всадник светлый; 3) всадник; 4) (бог) дал друга; 5) вид сокола, соколик; 6) титул, должность; 7) дар, довольство, богатство (Баскаков 1985: 43). Ныне к тому же утверждается, что имена болгарских предводителей, включая и имя Аспаруха, «имеют полное сходство с чувашскими языческими именами» (Шабашов 2002: 507).

Исследователь черных болгар Ж. Войников утверждает, что после 1068 г. «куманские племена поглощают последние остатки салто-маяцкой алано-болгарской культуры так называемых черных болгар». Он считает их савирами, «алано-праболгарскими племенами» и комментирует высказывание С.А. Плетневой, которая отмечала, что в этнониме «*ассы*» упоминается одновременно с названием «*аланы*», но в группу ассов включаются и «*черные болгары*» — салтово-маяцкие племена. Вывод болгарского исследователя таков. Этноним *савиры* — исключительно иранского происхождения с двумя альтернативными решениями. 1. «Савиры — черные аланы, черные люди...». 2. Вероятна «связь между этнонимом *савиры* и более поздним *черные болгары*», которые обитали в ареале салтово-маяцкой археологической культуры. Эта культура возникла в VII—IX вв. и связана с переселением обитавших на Кавказе и изгнанных оттуда арабами алано-болгарских племен (Войников 2009: 291, 328, 375, 376). Само слово *болгар*, утверждает автор, впервые упоминается во II веке н.э. и происходит от имени

¹ Речь идет о V—VII вв.

полулегендарного «праболгарского» владельца, имя которого носит племя **внъндур-болгар**, о чем писал армянский хронист Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении» (ок. 482 г.). Словом, Ж. Войников является сторонником иранского происхождения древних болгар, предков черных болгар. Любопытно, что русский историк XIX в. Д. И. Иловайский рассматривал черных болгар как представителей «союзного и родственного племени» руссам или «Азовско-Днепровским Роксоланам» (Иловайский 2002: 369).

Относительно этногенеза древних болгар в историографии господствует тюркская точка зрения. Н. Я. Мерперт полагал, что термин «*болгары*», который стал часто упоминаться «в византийских источниках начиная с V в., связан своим происхождением прежде всего с конкретной группой тюркоязычных племен, проникших еще в догунскую эпоху в область Западного Прикаспия, а потом и в Северное Причерноморье». С VI в. этот термин употреблялся в собирательном смысле, для обозначения различных групп населения региона, к которым «должны быть отнесены племенные союзы утургуров (утигуров) и кутургуров (кутригуров)», являвшихся тюркоязычными (Мерперт 1958: 553, 554; см. Шабашов 2002: 459—462, 486—490).

С. А. Плетнева писала: «Язык болгар подобен языку хазар. Тюркологи давно установили, что язык болгар относится к группе западных тюркских языков, следовательно, и хазарский язык являлся западнотюркским»; «хазары были этнически очень близки болгарам», а общий язык распространился «к середине VIII в. ... по всей территории каганата». Этот язык и письменность «были еще двумя факторами, которые объединяли на огромной территории жителей каганата в единое целое, воспринимаемое так и их соседями, и ими самими, и всеми странами и государствами, с которыми они сталкивались». Таким «единым целым было Хазарское государство, население которого, несмотря на разноэтничность, называлось, видимо, хазарами» (Плетнева 1976: 15, 22, 46). Важно отметить, что язык древних болгар включают в болгаро-огузскую группу тюркских языков (Баскаков 1960: 116; Шабашов 2006: 511—512).

Рассматривая печенежский и половецкий (куманский) след в истории Приазовья и прилегающих земель, С. А. Плетнева отмечала, что «печенеги фактически уничтожили [Хазарский] каганат» и население было частично истреблено, «частично вошло в кочевые подразделения печенегов» (Плетнева 1990: 14). К XI в. «какие-то остатки древнеболгар-

ского полуоседлого населения, несмотря на тяжело пережитое им печенежское нашествие, оставалось на берегах рек донского бассейна и Приазовья». Археологические исследования региона доказали, что «не позже начала X в., т.е. под ударами печенежских полчищ», поселения болгар и алан погибли. Однако история «не знает примеров тотального уничтожения населения в периоды даже самых жестоких войн и самых страшных нашествий». Наоборот, «антропологическое обследование кочевнических черепов X—XIII вв. показывает, что население того времени внешне почти не отличалось от жителей степей VIII — начала X в. Весьма существенно также, что в южнорусских степях, особенно часто в бассейне Северного Донца, попадаются погребенья XII—XIII вв. сохраняющие в погребальном обряде черты, позволяющие их связывать с прежними насельниками степей — подданными Хазарского каганата. Это... не типичная ни для печенегов, ни для половцев меридиональная ориентировка покойников (головами на север или юг), нередкая у древних болгар и алан. Таким образом, первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кипчаков, было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат»² (Плетнева 1990: 37—38). Автор убеждена: часть древних болгар осталась в Приазовье не только после печенежского, но и после половецкого нашествия. Хотя по отношению к ним она и не использует названия «черные» или «внутренние» болгары (Плетнева 1990: 23).

Сказанное об этнической истории древних болгар хана Бат-Баяна в Приазовье в VIII—X вв. позволяет сделать три важных вывода.

1. Присутствие на ранней стадии этногенеза древних болгар иранского и других этнических компонентов.

2. После распада Великой Болгарии батбаяновская ветвь племен тюркок-болгар стала носителем названия *черные болгары*.

3. Участие черных болгар, в смешении с печенегами, огузами и куманами уже в Приазовье.

Точка зрения о смешении *черных болгар* с указанными племенами в Приазовье находит поддержку и развитие в трудах филологов. И. Г. Добродомов соглашается с археологом С. А. Плетневой, которая связыва-

² Здесь и далее выделено мною. — Авт.

ет салтово-маяцкую культуру «с аланскими и хазарско-булгарскими кочевниками, переходившими от таборного кочевания к полуседлости и земледелию», что обусловило более обширный регион проживания ее носителей. Это, считает И.Г. Добродомов, «свидетельствует о распространении булгарско-хазарского и аланского этнических элементов за пределами булгарско-хазарских государственных объединений... В дальнейшем булгары — создатели салтово-маяцкой культуры влились в состав других тюркских народов, но некоторые черты их языка можно обнаружить косвенно» и в других тюркских языках, в частности, в куманском, в котором, «как в случае с Белой Куманией у Идриси, где прилагательное цвета “белый” отражает следы булгарского варианта шары ‘белый’ общетюркского цветообозначения сары (F) ‘желтый’». Он солидаризируется с Н.А. Баскаковым, утверждавшим, что «половецкий язык изменялся под влиянием булгарского субстрата» (Добродомов 1978: 125—126). Следовательно, влияние черных болгар на языки печенегов, огузов и куман происходило при их откочевании в Приазовье. «Вторая волна³, имевшая своей основой северные и западные племена огузов (печенегов, узов, торков, берендеев, ковуев, турпеев, каспичей, боутов и др.), **столкнулась в Восточной Европе с племенами болгар, суваров, хазаров и других тюркских племен, входивших сначала в состав хунну, а затем болгар и хазаров.** Булгаро-хазарским субстратом характеризуется также и язык печенегов, узов, торков и других огузских племен, переселившихся с востока в Европу, который, сохранив свою огузскую основу, воспринял также и некоторые булгарские черты языка» (Баскаков 1960: 127). Говоря о передвижении огузских племен на запад, Н.А. Баскаков отмечает: «Северная часть огузов вошла во взаимодействие с булгарами, образовав смешанные огузо-булгарские объединения с языком, характеризующимся большим воздействием булгарского» (Баскаков 1985: 58). То есть, он фиксирует в Приазовье следы булгарского языка в огузском языке. И если языковое влияние древних болгар на языки печенегов, огузов и куман зафиксировано лингвистами-тюркологами здесь, то и смешение черных болгар с указанными кочевническими племенами происходило в приазовских степях. Однако из-за разности времени нашествия печенегов, огузов и куман на Черную Болгарию их симбиоз с черными булгарами происходили

разновременно. *Тюрко-болгаро-печенежское, тюрко-болгаро-огузское и тюрко-болгаро-куманское смешение в Приазовье знаменует **первый этап** этнического и языкового взаимодействия между этими этническими компонентами.*

Политический статус

Государственность в одной из первоначальных ее форм существовала у кочевнических народов относительно небольшой отрезок времени. Самой эффективной формой, с точки зрения борьбы за выживание в соперничестве с многочисленными конкурентами, был военно-политический союз племен. Примерно такой формы объединения болгарских племен и создания Великой Болгарии добился хан Кубрат к 30-м гг. VII в. Историки расходятся относительно точного времени ее возникновения и распада. Одни считают, что ее основание началось в 80-е гг. VI в., и связывают не с Кубратом, а с его дядей Органом (Шабашов 2002: 503). Другие переносят год создания Великой Болгарии к первой половине 30-х гг. VII в., а ее распад датируют концом 40-х гг. этого столетия. Третьи (Н.Д. Руссев) называют датой прекращения ее существования 654 год (Грек, Руссев 2011: 12). Некоторые исследователи отодвигают эту дату к 665 г. Такой разницей в датах обусловлен, как было сказано, неизвестностью точной даты смерти хана Кубрата, которая и стала началом распада Великой Болгарии, ускоренного нашествием хазар.

Древнеболгарские племена старшего сына Кубрата Бат-Баяна, оставшись в Приазовье и войдя в Хазарский каганат, получили название *черные болгары*. Их именем названа Черная Болгария. Она не утратила в Хазарском каганате признаки государственности вплоть до его гибели.

Д.И. Иловайский писал о столетнем (835—945 гг.) периоде отношений Киевской Руси с *черными булгарами* в Приазовье: «Жестокая война болгар... против хазар и угров» при содействии руссов «кончилась освобождением Черных Болгар, но вместе с тем Хазарское иго они должны были променять на некоторую зависимость от Русских князей». Руссы «разным племенам Черных Болгар... предоставляли управляться по-прежнему своими вещами и мелкими князьями». В начале X в. «во времена Олега между русскими владениями на Боспоре и Корсунской областью еще лежала земля Черных Болгар, хотя и освобожденная с помощью Руси от хазарского ига и находящаяся

³ В движении кочевников с востока на запад.

к ней в полузависимых отношениях». И только князь Игорь «прежние союзнические, полузависимые отношения Черных Болгар к русским князьям обратил силой меча в отношения подчиненные» (Иловайский 2002: 369—382).

Более определенно по этому вопросу высказался М.И. Артамонов: «Титул “бульшицы” в форме “балгиций” известен по византийским данным и, по-видимому, означает болгарского князя, главу прикубанских или черных болгар, которые еще в VII в. были подчинены хазарам, но сохраняли свою племенную самостоятельность». Князь «черных болгар» нападал «на византийские владения в Крыму» и воевал «против Руси». Автор ставит вопрос, могла ли Черная Болгария быть независимой от хазар в 40-х гг. X в., и отвечает: «Вообще говоря, это не невозможно и свидетельствовало бы о дальнейшем развале Хазарского государства. Вместе с тем, надо учесть, что Хазария и раньше, и в X в. не была строго централизованным государством, а представляла собой федерацию племен, пользующихся автономией не только во внутренних, но и во внешних делах». Входя в состав Империи хазар, они «сохраняли свою самостоятельность» и «рассматривались соседями как независимая величина и в известных условиях действительно являлись таковой» (Артамонов 1962: 373, 378, 381—382).

Анализируя начало распада Великой Болгарии и судьбоносное решение Бат-Баяна остаться в Приазовье, подчинившись Хазарскому каганату, С.А. Плетнева подчеркивала, что в результате этого «возникла федерация равных, возглавляемая хазарским (тюркским) родом Ашина и номинально управляемая каганом... Входявшие в союз племена и народы пользовались относительной свободой». Хазары сохранили «правящую верхушку побежденных народов, болгар и алан, связав ее с собой вассалитетом. По существу, алано-болгарские аристократы ничего не потеряли, войдя в Хазарский каганат», а болгарские ханы самого богатого и знатного рода добились соуправления, т.е. двоевластия. После арабского нашествия на Хазарию «болгары просто могли сбросить кагана с полуразрушенного трона, однако они сделали более мудрый шаг к достижению власти в государстве: кагана полностью табуировали», а соправителю «фактически предоставили право устранять (убивать) неугодного владыку». Освобожденный «от всяких условностей», он «единолично правил Хазарским государством» (Плетнева 1976: 22—23, 57—58).

Болгарский историк В.А. Василев пишет о Черной Болгарии: «После признания верховенства хазарского хана владения Бат-Баяна стали частью Хазарского каганата. Чтобы подчеркнуть свое подчиненное положение, Бат-Баян отказался от титула и стал “балтаваром” — титул, присваиваемый вождям племен, подчиненных Хазарскому каганату. В обмен на понижение в ранге, обязанности платить хану умеренную ежегодную дань и при необходимости участвовать в его военных начинаниях Бат-Баян получил очень выгодную компенсацию», а именно: «управление землями бывшей Великой Болгарии западнее Дона и Азовского моря было предоставлено почти целиком болгарскому балтавару, т.е. он сохранил владельческий статус над болгарским и большей частью инородным населением половины некогда Великой Болгарии, получившей теперь имя Черная Болгария. Особенно важно было то, что ему было предоставлено право, чтобы его трон наследовался его сыновьями, так как это гарантировало сохранение болгарской династии, той же самой, что и в Дунайской Болгарии, — Дуло». В результате «в западной части бывшей Великой Болгарии» установился «один очень терпимый режим; представлявший почти полную независимость болгарскому балтавару во внутренней его политике». Подчеркивая далее автономный статус Черной Болгарии в Хазарском каганате при наследниках Бат-Баяна, автор утверждает, что он «отвечал основным требованиям, необходимым отдельному государству: компактная территория и население, сохраненная государственная структура и администрация, наследственная династия, собственное войско и крепости» (Василев 2009: 83—85).

Ссылаясь на «Историю Джагфара»⁴, В.А. Василев приводит имена девяти балтаваров, управлявших Черной Болгарией во второй половине VII — конце IX вв. Показательно, что при балтаваре Угире Айдаре (805—855) после разгрома им совместно с тестем Юлаем Батой 70-тысячного хазарского войска, Черная Болгария достигла размеров кубратовской Великой Болгарии. Но со смертью Айдара началось ее ослабление и дробление. Гибель Черной Болгарии автор относит к тому времени, когда на Киевской Руси княжили Игорь, затем его жена Ольга, т.е. к середине — второй половине X в. Однако «исчезновение Черной Болгарии (Кара Булгар) как державы не озна-

⁴ Некоторые ученые считают это сочинение фальшивкой.

чает немедленное исчезновение и черных болгар как этноса. Две их ветви, ковуны и барины, разделенные главным образом по религиозному признаку, продолжали существовать как племенно-родовые общности». И только нашествие печенегов в Приазовье в конце X — начале XI вв. стало началом исчезновения там черных болгар (Василев 2009: 85—89). Вместе с тем, по мнению С. А. Плетневой, в этом процессе «важную роль играла этническая среда, в которую попадали болгары при перекочевках». Благодаря ей, тюрко-болгары «крымские смешались с местным готско-греческим населением, приазовские — с косожским, донские — с аланским» (Плетнева 1967: 188).

Локализация

Локализация варварских племен, двигавшихся с Востока на Запад в III—XIII вв., привязана к определенным периодам их этнической истории.

Сведения о Черной Болгарии и черных болгарях содержатся всего лишь в трех древних письменных памятниках. Константин Багрянородный в 42 главе «Об управлении Империей» локализует ее в северной части Меотийского (Азовского) моря, там, где в него впадает река Днепр, «из которой Руссы отправляются в Черную Булгарию, Хазарию и Сирию». Здесь же, в главе 12-й он пишет: «[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами» (Константин Багрянородный 1991).

О Черной Болгарии есть сведения и в «Повести временных лет». Согласно договору Игоря 944 г. с Византией, русский князь обязался защитить «Корсунскую землю» (округа Херсонеса в Крыму) от нападавших из Приазовья черных болгар. В этом договоре говорится о том, чтобы Игорь защищал «страну Корсунскую» от нападения черных болгар: «Да запретить князь словъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творятъ бещины в селех, ни в стране нашей» (цит. по: Гадло 1968: 9)⁵. В «Повести временных лет» это место в договоре 944 г. выглядит так: «А о сихъ, оже то приходить черни болгаре и воуюють в стране Корсунстей, и велимъ князю Русскому да их не пускаетъ в пакостья стране его» (цит. по: Добрев 2011: 265). В переводе на современный русский язык: «И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то при-

казываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране» (Мерперт 1958: 607).

В персидских источниках Черная Болгария названа Внутренней или Срединной Болгарией. Прилагательные «*внутренняя*», «*срединная*» означают ее месторасположение между Дунайской Болгарией и Волжской Болгарией. Такова позиция большинства исследователей, изучавших эту проблему, за исключением тех, кто относит Черную Болгарию в состав Дунайской Болгарии либо Волжской Болгарии.

Подробному анализу историографии по проблеме локализации черных болгар посвящена специальная статья (Гадло 1968: 13—18).

Одни исследователи (Х. Д. Френ, М. Д. Осон, П. И. Шафарик, В. В. Григорьев, П. Кеппен, Ф. К. Брун, К. А. Макартней) отождествляли Черную Болгарию с Волжской. Другая группа ученых (П. Г. Бутков, С. А. Геденов, А. А. Куник, Н. П. Ламбин, Д. И. Иловайский, Г. Эверс, Ф. Вестберг, Н. Я. Мерперт) помещала черных болгар восточнее Азовского моря и в Прикубанье. Здесь до «70-х годов VII в. находилась древняя Великая Болгария», распавшаяся под натиском этнически родственной Хазарии. При этом «коренная орда Болгарского союза, возглавляемая Батбаем, была инкорпорирована в состав Хазарской державы и сохранила свои исконные кочевья». Сторонники этого подхода к локализации Черной Болгарии считали, что «потомки орды Батбая, почти три столетия сохранявшие свою сплоченность в недрах Хазарии», в 40—50-х гг. X в. обрели «столь независимое положение, что стали выступать против своих давних угнетателей». Однако единого мнения относительно локализации Черной Болгарии нет. Одни исследователи помещали ее в Предкавказье, другие — между Днепром и Доном, к северу от Азовского моря (Гадло 1968: 4—6).

Особенно подробно А. В. Гадло анализирует взгляды Н. Я. Мерперта, который считал «черных болгар прямыми наследниками Великой Болгарии», помещая их на огромном пространстве от Днепра до Кубани. Вслед за Ф. Вестбергом Н. Я. Мерперт отождествлял черных болгар с внутренними, которые занимали меньший ареал, ограниченный рамками «Днепро-Донского междуречья». Внутренних болгар арабо-персидских источников, равно и черных болгар Константина Багрянородного, а также древнерусских летописей, Н. Я. Мерперт локализовал в Северном Причерноморье, в районах Северного Донца,

⁵ Автор приводит цитату по Лаврентьевскому списку.

Нижнего Дона и Приазовья (Мерперт 1958: 607). Однако признание отнесения внутренних болгар к племенам салтово-маяцкой археологической культуры, ее «зливкинско-го» варианта, не снимает других вопросов. «Справедливо ли отождествление зливкинской культуры Приазовья именно с черными (внутренними) болгарам? Справедлива ли сама локализация Черной Булгарии в Приазовье?» (Гадло 1968: 6—7). Скажем здесь, что среди ученых Болгарии проблема локализации черных болгар также дискутируется. Правда, названы они в их работах праболгарами уногундурского хана Бат-Баяна (Димитров 1987: 133).

Наконец, ряд историков (Н.М. Карамзин, И.Ф. Эверс, Ф.А. Лемберг, Н.С. Арцыбашев, И.Д. Беляев, С.М. Соловьев, Н.П. Барсов) «отождествляли Черную Булгарию с Болгарией Дунайской» (Гадло 1968: 4). Этой же позиции придерживался и сам А.В. Гадло. Локализуя черных (внутренних) болгар в Пруто-Днестровском междуречье, он писал: «Черная Булгария — это, вероятнее всего, область Первой Болгарской Державы, лежавшая к северу от Дуная в степном междуречье Днестра и Прута», которая была, «по-видимому, в этническом, культурном и политическом отношениях частью Задунайской Болгарии». В 40—50-х гг. X в. она еще проявляла «потенциальную активность в Северном Причерноморье», с чем «не могли не считаться в Византии» (Гадло 1968: 22).

Представленная гипотеза не получила поддержки у специалистов, снабдивших подготовленный к новому изданию труд Константина Багрянородного подробными комментариями. Согласившись с тем, что локализация черных болгар остается спорной (область Кубани, междуречье Днепра и Дона, Волжская Болгария и Дунайская Болгария) Комиссия АН СССР заключила: «Видно, что лежала (Черная Болгария) по соседству с Хазарией и притом ближе к Руси. Нельзя отождествлять (ее) с Волжской Булгарией и с территорией Кубани, занятой аланами. Вернее думают Вестберг и Маркварт: (она находилась) между Днепром и Хазарией, занимая часть старинной области кутигуров или котрагов к западу от Танаиса» (Константин Багрянородный 1991)⁶.

На наш взгляд, локализация А.В. Гадло Черной Болгарии в междуречье Прута и Днестра ошибочна, хотя бы потому, что ав-

тор ограничил свой анализ только текстом глав 12 и 42 Константина Багрянородного. Однако император говорит о булгарах еще и в 5-й главе, посвященной печенегам и болгарам:

«[Знай], что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами, поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинакиты и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступить против Булгарии и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевая тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами. Так как [булгары] многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами» (Константин Багрянородный 1991).

В этой главе Константин Багрянородный говорит не о черных булгарах и Черной Булгарии, а о *Дунайской Болгарии и дунайских булгарах*, которые большей своей частью были уже *православными и славяноязычными*, когда он писал свои наставления сыну-наследнику. Это был период истории Болгарии после Симеона Великого, когда стали проявляться первые признаки ее ослабления, ставшие предвестником ее распада и завоевания Византийской империей. Печенеги, с которыми болгары на Балканах не только вступали в союз, но и воевали и терпели от них поражения, сыграли немаловажную роль в ослаблении Первого Болгарского царства и сокращении его территории. Отличие задунайских болгар от черных болгар Приазовья император Византии подчеркивает тем, что «и с этими булгарами» соседствуют печенеги, которые, по собственной инициативе или подстрекаемые василевсом ромеев, «могут выступить против Булгарии». В годы, когда он составлял сыну рекомендации по управлению Византийской империей, территория Первого Болгарского царства уже не охватывала Пруто-Днестровское междуречье. Это еще один довод в пользу того, что Черная Болгария — это не Дунайская Болгария.

Позиция А.В. Гадло не нашла подтверждения также и в исследованиях болгарского археолога Рашо Рашева. Очерчивая границу Первого Болгарского царства в VIII—X вв. на северо-востоке на основе археологических исследований, он сделал вывод: «От салтово-маяцкой культуры болгарская отделена обширной незаселенной областью, через которой протекают Южный Буг и Днестр».

⁶ В комментарии к главе 12 есть ссылка на Архив АН СССР (Ленинградское отделение. Ф. 126. Оп. 1. №10).

На севере это незаселенное пространство достигало границы с лесостепью, а на востоке — достигало водораздела Днепра и Северского Донца. Прежде считалось, что в восточной части этого ареала в VIII—X в. существовали еще неоткрытые и неизученные поселения особого варианта салтово-маяцкой культуры. Однако до сих пор следы предполагаемого варианта так и не открыты. Это, судя по всему, свидетельствует о том, что Болгарское государство и Хазарский каганат разделяла широкая буферная зона, в которой первоначально поселились венгры, а чуть позднее — печенег (Рашев 1995: 91—92).

Выводы

Письменные источники, археологические и лингвистические исследования, этнографические наблюдения по *черным болгарам* Приазовья дают основание по-новому подойти к вопросу об их участии в смешении с тюркскими племенами печенегов, огузов и куман.

1. Тюрки-болгары (древние болгары) появились в Прикаспии, на Кубани, в Северном Причерноморье и в Приазовье примерно на пять-шесть веков раньше, чем туда откочевали орды печенегов, огузов (торков), куман (половцев, кыпчаков). На начальном этапе формирования древнеболгарского этноса в нем участвовали восточноиранские племена (аланы), многоязычные гунны и родственные древним болгарам хазары, а кроме того, и арабы. На этом этапе «история гунно-болгар и предков огузо-печенегов до их новой встречи⁷ протекает изолированно» (Шабашов 2002: 532; 2006: 9).

В связи с тем, что одни ученые относят языки тюрк-болгар и хазар к печенежской, а другие — к огузо-булгарской группам тюркских языков, возникает вопрос: имели ли место этнические контакты между древними болгарами и печенегами, огузами и куманами на предыдущем историческом отрезке времени, то есть до ухода древних болгар с востока? На наш взгляд, если они и были, то до орхон-енисейской эпохи истории Тюркского каганата. Откочевав на Запад, тюрко-болгары не попали «под влиянием орхон-енисейского языка». Старый строй тюркского языка, как считает А. В. Шабашов, «сохранился у западных (европейских) торков, благодаря изолированности общетюркских процессов, происходивших в восточных ареалах их расселения,

и консервации культуры, в условиях иноэтнического окружения» По его мнению, «архаичный тюрко-болгарский язык отражает язык динлинов, а возможно, и других тюркских этнических групп Монголии и прилегающих территорий конца I тыс. до н.э.» (Шабашов 2002: 480, 482—483).

Из сказанного следует, что до IX — начала X вв. в этногенезе и языке болгар Приазовья отсутствовали печенежские, огузские и куманские этнические и языковые влияния. Важно подчеркнуть это в связи с тем, что в известной автору литературе, за исключением работ А. В. Шабашова (2009: 174—182; 2011: 167—176) по этногенезу гагаузов, в том числе посвященных тюрко-болгарской и тюркской (в составе печенегов, половцев и огузов) гипотезам их происхождения, этот аспект проблемы не рассмотрен. Не исследована также проблема языческой религии этих кочевников и ее влияния на взаимоотношения между ними.

2. С распадом Великой Болгарии и образованием на ее месте Черной Болгарии, а также появлением Дунайской Болгарии и Волжской Болгарии тюрко-болгарский этнос распался на три основные части, каждая из которых начала самостоятельный путь развития. Различные «исторические условия, различная этническая среда, окружавшая их на Дунае, на Волге, в Подонье, определили появление различий между тремя указанными группами, утрату ими некогда связующей их общности» (Мерперт 1958: 608). Это обусловило специфику трансформации их прежнего общего этнического, культурного и, возможно, религиозного кода в зависимости от новых политических реалий, в которых оказались тюрко-болгары в Приазовье, на Балканах и на Волге. Болгары хана Аспаруха участвовали вместе со славянами в формировании на Балканах нового этнического образования, у которого возобладало славянское этническое начало, при этом оно идентифицировало себя этнонимом *болгары* (Литаврин 1982). Чтобы отличать принявших православие славяно-болгар от древних болгар-язычников, последних в современной литературе стали именовать *праболгарами*, *протоболгарами*. При этом одни исследователи акцентируют внимание на иранском, а другие — на тюркском начале в этногенезе древних болгар. На мой взгляд, названия *праболгары*, *протоболгары* следует применять только к тюркам-болгарам орды хана Аспаруха, которые стали одним из компонентов новой славяно-болгарской народности, формировавшейся в VIII—X вв. Их распространение на все ветви тюрко-болгар

⁷ Автор относит ее к середине XI в.

(Димитров 1987), включая и черных болгар Приазовья, противоречит историческим реалиям и этнической истории славяно-болгар.

3. Этническая история черных болгар в Приазовье складывалась иначе, чем у славяно-болгар на Дунае. Оказавшись в Хазарском каганате и сохранив в нем свою политическую идентичность, они подвергались со стороны двигавшихся на запад племен печенегов, огузов и хазар истреблению; их вынуждали к переселению, а вместе с тем и к смешению с ними. В добалканский и дохристианский период истории этих контактов черные болгары поочередно взаимодействовали с печенегами, огузами и половцами (куманами). Однако не все они растворились в новых кочевых сообществах тюрок.

2. Черные болгары к югу от Дуная в X—XIV вв.

Миграция на Запад

Вторжение печенегов в Приазовье положило начало исчезновению Черной Болгарии. Неизвестно, когда она прекратила свое существование. Одни исследователи относят это событие к концу IX — началу X в., другие — отодвигают к середине X в., третьи — к последней трети X в. Мы не ставили перед собой задачу высказать свое мнение по этой проблеме. Нас интересует, в результате чего завершилась история Черной Болгарии (последовательные нашествия печенегов, огузов и половцев на Приазовье) и какова дальнейшая судьба черных болгар.

В трудах известных специалистов по средневековой истории тема миграции кочевников в VIII—X вв. из Северного Причерноморья и Приазовья на Запад, к Днестру, Дунаю, на территорию Первого Болгарского царства освещается, как правило, на основе анализа археологических материалов. Кроме того, для изучения передвижения кочевников на запад и в XI—XIII вв. очень важны антропологические данные

Применительно к костным останкам людей начала второго тысячелетия н.э., обнаруженным при раскопках могильника у с. Ханска Котовского района Молдавии в 1960 г., антрополог М.С. Великанова отмечала: «Пришлая часть средневекового населения Хански представляет собой переселившихся потомков “болгарских” групп салтово-маяцкого населения юго-востока Европы». Их появление в Прутско-Днестровском регионе, по ее представлениям, произошло на рубеже первого —

второго тысячелетий в результате значительных перемещений больших масс населения. Когда после нашествия печенегов в X в. прекратили жизнь поселения салтово-маяцкой культуры, их обитатели, в особенности болгары, недавно осевшие на землю, легко были вовлечены в движение кочевников. Их отдельные группы поневоле двинулись на запад, повторяя путь, пройденный столетиями ранее болгарами Аспаруха. При этом подчеркивалось, что «будет правильнее воздержаться от каких бы то ни было отождествлений пришлой части средневекового населения Хански с кочевниками в целом и с половцами, в частности» (Великанова 1965: 72, 74). Это может означать, что черные болгары Хански все еще сохраняли свои антропологические особенности, отличавшие их от печенегов, узов и половцев. Но, вероятно, это относится к той части черных болгар, которая ушла из Приазовья под натиском кочевников, не смешавшись с ними.

Аналогично мнение, построенное на данных археологии и антропологии, о том, что с уничтожением печенегами Хазарии к началу X в. часть болгарского населения каганата бежала в Дунайскую Болгарию (Плетнева 1990: 14).

В свою очередь, ссылаясь на работы С.А. Плетнёвой и других исследователей, Ф.А. Ангели считает, что «несколько кыпчакских орд и половцев» образовали одно из двух близкородственных куманских объединений племен под именем *половцы*. Вокруг него, «видимо, объединились все разрозненные по степи орды печенегов, узов и, частично, остатки болгарского и аланского населения» (Ангели 2007: 145—146).

Известные болгарские историки В. Тыпкова-Заимова и П. Павлов указывают на присутствие болгарских племен VI—IX вв. в Приазовье, в Крыму, на побережье Каспийского моря и отмечают, что торговый путь «между Каспийским, Азовским и Черным морем контролировался хазарами, а позднее — печенегами и куманами». Вместе с тем, существовавшие на этом географическом пространстве торговые города идентифицировались как половецкие, хотя по составу населения они были разноязычными. То же самое можно сказать и о городах на Нижнем Дунае, прежде всего в районе его дельты. Михаил Атталиат утверждает, что в 70-е годы XI в. в них жили «миксоварвары», а горожане говорили на «разных языках». В Дристре и Преславце это подтверждается археологическими находками. Известно, что в борьбе с Болгарией Византия

использовала могущество флота для «переброски кочевников на правый берег Дуная на своих кораблях». В частности, в 917 г. так византийцы направили против Дунайской Болгарии печенегов (Тыпкова-Заимова, Павлов 1993: 23, 25, 26). В их рядах могла быть и та часть черных болгар Приазовья, которая в начале X в. перекочевала на Запад отдельно от печенегов, а затем и вместе с ними.

П. Павлов со временем конкретизировал проблему: «Не выясненным до конца остается и вопрос о кочевом населении в землях между Дунаем и Днестром — если печенежское господство в районе в XI в. не вызывает сомнений, то это не так с куманами, основные земли которых остались за Бугом». Он полагает, что в XI—XII в. в Придунавье проживало, прежде всего, печенежское и узкое население. При этом не исключается, что здесь кочевали и носители салтовской культуры, праболгары по происхождению, как предполагал еще М. А. Артамонов. Другими словами, к Дунаю вместе с печенегами и куманами мигрировали «черные болгары» (Павлов 1996: 69—70). Предполагается, что черные болгары мигрировали «на Дунай и в Добруджу одним или несколькими потоками в период X—XIII вв.». Нахождение «среди печенегов группы черных болгар подтверждается археологически. Достаточно вспомнить об открытии Рашо Рашевым в районе Плиски, столицы языческой Болгарии, погребения знатного воина из черных болгар, которое датировано XI в. (Павлов 2011: 46—47).

Н. Д. Руссев, автор первой главы нашей совместной монографии (Грек, Руссев 2011), отмечает, что в 818—824 гг. хан Дунайской Болгарии Омуртаг организовал большой поход к Днепру. Очевидно, хану тогда удалось не только устранить хазарскую опасность, но и защитить «каваров» или «кабаров», взбунтовавшихся против насаждаемой в каганате иудейской религии. И в этом случае имеются в виду черные болгары. Далее автор указывает, что переселение к Дунаю новых волн тюркоязычных болгар продолжалось до начала X в. Миграции варварских племен на Запад, в том числе и на Балканы, не прекратились и позднее. Причем проникновение печенегов в северо-восточные пределы Болгарии времени Симеона и его преемника Петра (927—970) проходило, чаще всего, довольно мирно. «Вероятно, сообщения о браках со степняками отражают в первую очередь взаимосвязи оставшихся в степях за Дунаем болгар-язычников с родственными по языку и культуре печенегами. Кроме того,

в землях печенегов селились и группы болгар из Хазарии». Отмечено, что исследования археологов выявили большую неоднородность кочевнических древностей края. Причиной этого был постоянный приток на Нижний Дунай новых групп номадов (Грек, Руссев 2011: 17—18, 20). Н. Д. Руссев соглашается с В. Тыпковой-Заимовой в том, что к концу X в. «в различных областях к северу от Дуная имелось немало славянского и праболгарского населения» (Тыпкова-Заимова 1976: 116); в XI—XII вв. среди кочевников, печенегов и половцев, поселившихся по обе стороны Дуная, происходил процесс консервации «отдельных групп тюркоязычных болгар, которые и в XI в. пополнялись соплеменниками с востока — т. н. “черными болгарами”». Впитывая различные тюркские элементы, они, очевидно, сохраняли свою самобытность и в новых условиях» (Грек, Руссев 2011: 23—24). Выделенный сюжет свидетельствует о продолжавшемся смешении черных болгар, печенегов и половцев в Буджаке и Добрудже. Он и здесь вначале носил двусторонний характер, но в нем могли участвовать уже и потомки тюркок-болгар хана Аспаруха.

Исследователи средневековой истории Буджака и Добруджи не отмечают участия узов в смешении тюркок-болгар, печенегов и половцев. Когда осенью «1064 г. на левом берегу Дуная столпилось 600 тысяч степняков», болгары и греки не смогли остановить их движение на Балканы. На краю гибели оказался Константинополь, а Византийское государство в ожидании катастрофы. Однако «бесчисленная орда погибла неожиданно от эпидемии и голода, а ее остатки сделались легкой добычей болгар и печенегов. Из уцелевших узов одни поступили на императорскую службу, другие — вернулись назад к границам русских княжеств. Материальных следов поселившихся в Добрудже узов не осталось; они растворились в печенежской среде» (Грек, Руссев 2011: 25).

Следует отметить, что и Г. Занетов, рассматривая проблему этногенеза гагаузов, еще в начале XX в. писал, что огузы являются одной лишь малой составной частью гагаузов (Занетов 1902: 76). Вероятно, какая-то их часть, растворившись в печенежской среде или скрываясь под их именем, все же участвовала в этническом смешении кочевников в Буджаке, Добрудже и северо-восточной Болгарии.

Рассуждения Г. Занетова по поводу черных болгар представляют собой критику взглядов К. Иречека. Рассматривая историю происхо-

ждения гагаузов, Иречек утверждал, что черными болгарами в восточной Болгарии назывались не полностью ассимилированные болгары гагаузы. Занетов же считал, что имя *черные болгары*, «должно быть, относилось к болгарам завоевателям, болгарам-туранцам», то есть к аспаруховским тюрко-болгарам. Причем оно «не является неким новым измышлением, а древним именем болгар-туранцев». Он полагал, что в слове «туканы» содержится архаизм того времени, когда «черные болгары в VII веке пришли на Балканский полуостров и между Дунаем и Старой Планиной нашли семь славянских племен. Предполагаем, что длительное время, во всем средневековье, болгары делились на черных, или пришельцев, и на белых, или местных, которые постепенно смешивались в одну славяно-болгарскую народность и смешались полностью, за небольшим исключением» (Занетов 1902: 71—73).

Как известно, Г. Занетов родился в буджакском селе Конгаз, заселенном в начале XIX в. тюркоязычными «задунайскими переселенцами». После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в нем появилось славяно-болгарское население. Но для него не было секретом, что все жители села, независимо от родного языка, называли себя болгарами. К ним причислял себя и он сам еще до того, как принял решение переселиться в уже освобожденную Болгарию. Там он стал известным историком, написал несколько работ о болгарских поселениях на юге России, средневековой Болгарии, а также статью по песенному творчеству жителей Конгаза. Его интерес к происхождению гагаузов возник в связи с выдвинутыми тогда гипотезами об их этногенезе. В разгоревшейся дискуссии Г. Занетов критически отнесся к куманской гипотезе чеха К. Иречека, утверждавшего, что гагаузы в османский период истории Болгарии подверглись ассимиляции со стороны славяно-болгар. Критика того, что писал К. Иречек о бессарабских гагаузах, подкреплялась тем, что это не соответствовало тому, что знал о них сам Г. Занетов.

«Черные болгары» на Балканах в XI—XIV вв.

Согласно мнениям, высказанным в научной литературе, население северо-восточной Болгарии и Добруджи этого времени составляли болгары (в XI—XII вв. их называли также ромеями, мизийцами), тюрко-болгары (прото-болгары), собственно ромеи (греки, византий-

цы), влахи, венецианцы, татары (с XIII в.), генуэзцы, аланы (яссы), печенеги, огузы, куманы. Черные болгары не упомянуты (Коледаров 1989; Гюзелев 1995; Божилов, Гюзелев 2004). Нет о них письменных и археологических сведений. За исключением одного источника.

Это «Болгарская апокрифическая летопись». С. Димитров относит этот памятник славяно-болгарской письменности к последней четверти XI в. Главное действующее лицо в нем — пророк Исая. Он повествует, как по велению бога отделил одну третью часть куманов, перевел их через Дунай и заселил в Карвунскую землю (Добруджу), назначил им царя, крестил их, и они назвали себя болгарами, в отличие от язычников-куманов. Эта летопись свидетельствует, что в последней четверти XII в. ни праболгары, ни влившиеся в болгарскую народность печенеги, узы или куманы не были ассимилированы славянами, как утверждает болгарская официальная историография. Именем *болгары* все еще назывались тюркоязычные люди, поэтому неизвестный автор летописи однозначно считал болгар прямыми потомками куман. В противном случае родственников славяноязычных болгар следовало бы искать среди сербов и русских (Димитров 1996: 208—209).

Г. Атанасов ставит под сомнение датировку данного апокрифа XI в. Он считает, что в том виде, в каком он дошел до нас, — это дополнения первой половины XIII в., когда в текст внесли понятия *Червен*, *куманы* и *Земля Карвунская*, чьим центром была крепость Карвуна. Он по-другому излагает действия пророка Исая, который «отделил третью часть от куманов, названными болгарами, заселившими землю Карвунскую» (Атанасов 2009: 20—21).

Сравнивая трактовки С. Димитрова и Г. Атанасова, видим, что они по-разному понимают один и тот же источник. Если первый из них говорит, что одна треть куманов *назвала сама себя болгарами после того, как Исая их переселил на юг от Дуная и крестил*, то второй считает, что пророк *отделил одну треть куман, названных болгарами*. То есть, у Атанасова болгары — этноним, известный до пророка Исая, у Димитрова — название, данное им пророком.

Указанный текст цитируют и другие ученые. Согласно авторам истории Добруджи, пророк Исая, получив повеление от Бога: «Иди на запад, ... отдели третью часть куманов, названных болгарами, и засели землю Карвунскую, которую опустошили римляне и эллины». Пророк «пришел к левой сто-

роне от Рима и отделил третью часть куманов и повел их... И населил землю Карвунскую, названную болгарской» (Богданов 1980: 106; Божилов, Гюзелев 2004: 163). Из текста следует, что не Исаяе, а Богу было известно, что третью часть куман составляли болгары. Уже после их поселения в Карвунской земле она стала именоваться болгарской.

Близок к Г. Атанасову в оценке роли пророка Исаяи в переселении куман в Добруджу С. Йорданов. Он утверждает, что Исаяя принял на себя миссию проводника болгар — третьей части от куманов (Йорданов 1993: 43). В этом случае можно думать, что болгары входили в состав переселяющихся на Балканы куманских кочевников и составляли третью их часть по численности.

Г. Занетову также была известна эта «апокрифическая летопись», выдержки из которой он приводит по книге «Время и жизнь патриарха Евтимия тырновского». Он пишет: «Между болгарам-туранцами и куманами имелось тесное сродство; в одной старой болгарской летописи болгар-туранцев отождествляли с куманами “от коумани рекоми бльгаре”; эти болгары заняли “землю карвунскую реченом бльгарска”». На наш взгляд, автор не соглашается с анонимным автором летописи и отделяет указанных в ней болгар от куман. Он уверенно заявляет, что имя *черные болгары* «относилось с самого начала к болгарам-завоевателям, болгарам-туранцам» (Занетов 1902: 70, 72). Будучи сторонником происхождения гагаузов от болгар-туранцев⁸, Г. Занетов писал о близости последних к куманам, в языке которых находил слова болгаро-туранского языка, чтобы тем самым поставить под сомнение участие куман в этногенезе гагаузов. Нас здесь интересует другое: болгарский историк бессарабского происхождения (в отличие от С. Димитрова и Г. Атанасова) говорил о черных болгарях, проникших в Дунайскую Болгарию значительно позже протоболгар хана Аспаруха.

В языках других тюркских кочевников И.Г. Добродомов отмечал «сильные булгарские следы, хотя ни торки, ни печенеги, ни половцы не были булгарами: булгарские черты в этих языках появились в процессе ассимиляции древних булгаров, суваров и хазаров, которые заселяли южнорусские степи в более ранний период». Булгарские языковые следы в Северном Причерноморье отмечаются еще в начале XIV в. Так, сириец Абу-л-Фида в сво-

ей «Географию» называет причерноморские города Аккерман (Белгород-Днестровский) и Севастополь, которые находились «в области булгаров и тюрков» (Добродомов 1978: 124—125).

Однако можно ли определить общую численность черных болгар, если известно, что они составляли одну треть куманов?

В литературных источниках приводится численность печенегов и огузов, переправившихся за Дунай. Первых было 800 тыс., а число вторых определяется цифрами в 300 тыс. — она не комментируется, или 600 тыс. (Шабашов 2002: 523), которая считается некоторыми исследователями завышенной (Ангели 2007: 119, 124, 134; Божилов, Гюзелев 2004: 169). Относительно общей численности куманских орд, проникших в северо-восточную Болгарию в Добруджу, в источниках нет конкретных данных. Есть сведения о том, что в конце XI в. за Дунай переправилось 40-тысячное войско куманов (Губогло 2011: 83). Исходя из расчета, что войско составляет от одной пятой до одной седьмой всего населения, численность куманов можно определить в 200—280 тыс. человек. Речь идет лишь об одной волне прибывших за Дунай куманов, и то не самой многочисленной.

В 1148—1186 гг. имела место вторая волна инфильтрации куманов, которая привела к значительному усилению этого элемента в Добрудже (Шабашов 2002: 527). Однако «многие тысячи куманов» проникли в Болгарию против воли царя Ивана Асеня II в 1237—1241 гг. (Атанасов 2009: 26; Шабашов 2002: 525—527). Куманов называют «наиболее многочисленным и сильным в военном отношении тюркским племенем, двигавшимся на Балканы и вытеснявшим за Дунай тех же самых узов и отставших от своего рода печенегов» (Ангели 2007: 601). Чтобы завоевать для себя жизненное пространство, их должно было быть больше, чем огузов, которых они вытесняли на Балканы или, по крайней мере, не меньше. При всей условности приведенных выше двух цифр по огузам, они, тем не менее, могут быть взяты для расчета примерной численности куман в северо-восточной Болгарии и Добрудже. При этом ориентируемся на нижний предел возможной их численности. Таковой может быть цифра 400 тысяч (выше 300 тысяч и ниже завышенной 600 тысяч огузов). Она не ставит под сомнение общепринятую оценку политической и этнической роли куман в истории средневековой Болгарии, особенно в период, отделяющий одно болгарское государство от дру-

⁸ В понимании Г. Занетова это протоболгары хана Аспаруха и черные болгары.

гого, а также во Втором Болгарском царстве (1185—1396 гг.). Высказано мнение, что 1091—1388 гг. — это «время доминирования на Балканах в военно-политическом отношении тюрко-кыпчакского элемента» (Шабашов 2002: 534).

Исходя из сказанного, определяем численность черных болгар в 133 тыс. человек (1/3 из 400 тыс.). Даже без учета потомков аспаруховских тюрко-болгар, которые не были ассимилированы славянами, черные болгары составляли существенный компонент тюркоязычного населения Болгарии в указанный период ее истории. Если иметь в виду, что в середине IX в. их насчитывалось в Приазовье 1 млн. 200 тыс. (Василев 2009: 86), то численность черных болгар на юге от Дуная не кажется неправдоподобной.

Несмотря на свою немалую численность, «черные болгары» играли второстепенную роль в политических процессах на Балканах, где в XII—XIV вв. главенствовали куманы вместе с славяно-болгарами. Видимо, гегемония племени-победителя имела решающее значение в том, что само название *черные болгары* исчезло также и при инфильтрации через Дунай печенегов (1048 г.) и огузов (начало 60-х гг. XI в.). Но утрата названия племени не означает исчезновения его носителей. Представляется спорным и утверждение, что после проникновения куман за Дунай «из страниц истории Балкан» исчезли печенеги и огузы (Ангели 2007: 169). Если бы это было так, то каким образом эти канувшие в Лету племена могли участвовать в этногенезе православной тюркоязычной общности?

Куманы и славяно-болгары были создателями Второго Болгарского царства. С его распадом в XIV в. (Коледаров 1989: 66—113) этнополитический вес куманов в Добруджанском деспотстве возрос. Их политическое господство стало причиной исчезновения названий племен печенегов, огузов и черных болгар, перекочевавших раньше куманов или вместе с ними за Дунай. Как известно, в межплеменных войнах племя победителей давало свое имя побежденным им народам. Тюрко-болгары в Гуннской империи назывались гуннами (Мерперт 1958: 589), черные болгары в Хазарском каганате — хазарами (Плетнева 1976: 46). Такая же участь постигала их и при печенежском и огузском нашествии на Приазовье. Часть огузов растворилась в печенежском компоненте в северо-восточной Болгарии. В свою очередь, отсутствие упоминания о печенегах после 1123 г. «свидетельствует скорее о потере ими значения как са-

мостоятельной военно-политической силы на Балканах, об усилившихся процессах консолидации с местным населением, чем о физическом их исчезновении с этнической карты Болгарии» (Шабашов 2002: 526). Одной из существенных закономерностей формирования новой этнической кочевнической общности «является то, что этнос, давший имя новому этническому образованию, вовсе не обязательно бывает в нем самым многочисленным: он просто благодаря удачно сложившейся исторической обстановке и энергичному военачальнику выдвигался на ведущее место в формирующемся объединении» (Плетнева 1990: 40). Болгары-тюрки Аспаруха дали свое этническое имя превосходившим их численно славянским племенам за Дунаем. Но такие этнические «перевороты» были характерны не только для кочевых племен. В византийский период истории Болгарии болгар называли ромеями, мизийцами (Божилов, Гюзелев 2004: 164—165) и даже влахами. На Востоке дунайские болгары имели также название *бурджаны* (Бартольд 1968: 510).

В XIII—XIV вв. в Добруджанском деспотстве куманы не только численно превосходили печенегов, огузов, протоболгар и черных болгар, но они были значительно более мобильными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что черные болгары, как и печенеги и огузы, назывались здесь куманами. Межплеменное сосуществование тюркоязычного православного населения на юге от Дуная обусловило, в конце концов, его смешение и постепенную утрату им прежних этнических маркеров. Этот процесс смешения отразился и в их языковой интерференции (Шабашов 2002: 511—512). Однако из-за того, что черные болгары были подданными государства, в самом наименовании которого присутствовало это название, а также потому, что болгарами во Втором Болгарском царстве были и славяно-болгары, и потомки не ассимилированных аспаруховских тюрко-болгар, они могли быть одновременно и куманами, и болгарами, и черными болгарами. Это не являлось препятствием их смешению с огузами, печенегами и куманами. Однако, поскольку на приазовском этапе этнической истории черных болгар в их этническом развитии приняли участие аланы, хазары и другие компоненты, то они опосредованно участвовали и в смешении черных болгар с печенегами, огузами и половцами на Балканах. Это подтверждает мнение о полиэтническом наложении в 20-вековом смешении народов на евразийском пространстве, одним из множества

результатов которого стал этногенез гагаузов (Шабашов 2002: 514—534).

Сказанное дает основание считать процессы XI—XIV вв. **вторым этапом** смешения черных болгар с печенегами, огузами и куманами. Он отличался от первого местом (северо-восточная Болгария и Добруджа) и одновременно симбиоза указанных этнических компонентов, а также новой верой (православие). В условиях Второго Болгарского царства новое тюркское православное формирование имело в Добрудже название куманы и болгары.

Выводы

1. Черные болгары оказались в дельте Дуная, северо-восточной Болгарии и в Добрудже как в результате их вытеснения из Приазовья печенегами, огузами и половцами, так и вместе с этими кочевниками, смешиваясь с ними либо сохраняя свою этничность в их среде. В Добрудже черные болгары стали составной частью куманской общности. Учитывая, что не все тюрко-болгары хана Аспаруха, обозначаемые в литературе как протоболгары, праболгары, ославянились, инфильтрация черных болгар в земли Первого Болгарского царства (их бегство из Приазовья при нашествии печенегов), в византийский период истории болгарских земель (вместе с огузами), а затем и во времена Второго Болгарского царства (вместе с куманами), дает основание говорить о росте численности тюркского населения, включая и его тюрко-болгарский компонент. Тем самым здесь возникли предпосылки для интеграции тюркоязычной амальгамы и формирования двуязычного населения Болгарии, происходивших вплоть до османского завоевания.

2. Черные болгары, составляя в Добрудже и на всем болгарском побережье Черного моря до Адрианополя одну треть от общей численности куманов, не растворились в их среде в XII—XIV вв. Об этом свидетельствует «Болгарская апокрифическая летопись». О присутствии болгар в среде куманов С. Димитров писал, что в употреблении оставался этноним куманы. Может быть, потому, что к северу от Дуная в XI—XIII вв. оформилась как самостоятельная область территория, в которой жили куманы. Именно «существование политической единицы “Кумания” не позволяло забыть имя “куманы” и заставляло тогдашних писателей распространять популярное имя “куманы” на всех кочевников» (Димитров 1996: 213).

Начиная с IX в. и до уничтожения Второго Болгарского царства в конце XIV в., термин болгары «в международной этнической номенклатуре» эпохи означал, «в первую очередь, подданных болгарского государства» (Макарова 2005: 77). Тюркоязычное православное население забывало свои прежние имена, а на смену им утверждались два политонима: куманы (для черных болгар, половцев и огузов) и болгары (включая уже и куманов). Для славяно-болгар термин болгары приобретал двойственный характер: сохраняя этнический маркер, он наполнялся полиэтническим качеством политонима. Следовательно, этноним и политоним болгары охватывал и тюркоязычное, и славяноязычное православное население Второго Болгарского царства.

3. В Первом Болгарском царстве славянские племена Подунавья получили имя болгары от тюрков Аспаруха, вставшего во главе утвердившегося в 680—681 гг. государства. Этнокон «болгары» распространился сначала как политоним на все население государства и утратил узко этнический смысл. Затем, ко второму десятилетию X в. это имя стало самоназванием (этнонимом) для всего теперь уже славянского населения Болгарии (Бибииков 1991; см. также: Литаврин 1976: 198—217; 1982: 49—82).

Однако в XI—XIV вв. исторические условия и этническая картина между Дунаем и Балканами были совершенно иными. Малочисленность славяно-болгар в этом регионе не могла привести к языковой ассимиляции ими тюркоязычных черных болгар, печенегов, куман, огузов (Атанасов 2009: 13—40; ср. Божилов, Гюзелев 2004: 193). Многоплеменное тюркское население края вступило в новый этап этнического смешения.

С принятием православия, прекращением междоусобиц, переходом к оседлости, другой цивилизационной культурной матрицы двустороннее смешение сменилось многосторонним слиянием всего тюркоязычного населения. В этом состоит сущность второго этапа его этнической интеграции. С него начинается отсчет времени преобразования тюркоязычного конгломерата на Балканах в новую этническую общность. В условиях XII—XIV вв., когда в северо-восточной Болгарии и Добрудже куманы этнически и политически доминировали, маркерами этой тюркоязычной общности здесь могли быть этноним куманы и политоним болгары (своеобразие двойной идентичности). Остальные составляющие утрачивали свои этнонимы в местном плавильном котле.

3. Этническая судьба православных тюрок

Тюркоязычные христиане в Османской империи в XV—XVIII вв.

Завоевание Болгарии турками-османами и установление продолжившегося пять веков османского владычества крайне деформировали процесс формирования православной тюркоязычной общности. Более того, изменился весь этнодемографический и конфессиональный облик болгарских земель. Эвлия Челеби в середине XVII в. называл в числе этнических групп, населявших их северо-восток и Добруджу, болгар, турок, латинов, евреев, читаков⁹, влахов, молдаван, татар, греков, лазов, юруков, армян, арабов (Челеби 1909: 639—724). Из доосманского периода истории Болгарии не упомянуты печенеги, огузы, куманы, черные болгары, турки-болгары Аспаруха. Нет сведений о них и в других источниках. Однако отсутствие этих названий, по справедливому мнению С. А. Плетневой и А. В. Шабашова, не означает, что бесследно исчезли сами их носители.

Принято считать, что, утратив государственность, «болгарский народ не только приостановил развитие в виде самостоятельного этносоциального организма, но оказался в условиях, неблагоприятных и для существования в виде особой этнокультурной общности. Новая система социальной стратификации предопределяла неизбежность серьезных демографических потерь за счет перехода в ислам части православного населения. Но это была не единственная проблема. Лишенный этнообъединяющего центра в лице национальной церковной структуры, без каких-либо элементов собственной этнической и культурной организации, болгарский народ оказался фактически растворен в общей массе христианских подданных султана... На повестку дня, кроме задачи физического выживания, не менее остро встала проблема сохранения болгарской своей идентичности» (Макарова 2005: 41—42).

Сказанное относится и к православному тюркоязычному населению в Болгарии. Османское завоевание сделало прежние относительно благоприятные условия формирования православной тюркоязычной общ-

ности неблагоприятными. Это отразилось на самом процессе ее интеграции и на судьбы его этнических участников, но не привело к его прекращению и их исчезновению. Османский фактор положил конец второму этапу их этнической истории в болгарских землях, определив сущность ее третьего этапа.

Он проходил в радикально изменившихся условиях. Было ликвидировано Добруджанское деспотство, заселенное главным образом тюркоязычным православным населением. С прекращением политического доминирования куманы утратили этническое преимущество в покрытии своим именем новой формирующейся общности. Смешение тюркских этносов утратило прежнюю специфику. Все этнические компоненты (куманы, печенеги, огузы, часть потомков аспаруховских протоболгар и черные болгары) были поставлены османскими завоевателями в равные условия. Дальнейшее смешение протекало уже в условиях политического, социально-экономического и религиозного гнета Османской империи. Вот что пишет по этому поводу Страшимир Димитров: «Установление мусульманской власти на Балканах резко повысило этнообъединяющие и этноразграничительные функции религии. Она стала водоразделом между балканскими народами и их поработителями...» Давление Османского государства, включая попытки исламизации, вызывали у завоеванного населения глубокое отчуждение от тюркоязычия и идентификации с османо-турецким доминирующим слоем. Тюркоязычное население в двуязычной Болгарии под властью мусульман испытывало еще и языковое давление со стороны завоевателей — их язык «все больше отождествлялся с турецким...» Множество из них вынуждено было принять ислам. Это вело к быстрому отуречиванию этой части завоеванных. Даже язык тех, кто остался верен православию, «начал определяться как турецкий», а за несколько веков забылось, что тюркский язык был их родным задолго до того, как сюда пришли османы (Димитров 1995: 152—153).

В одной из своих ранних работ С. Димитров раскрыл механизмы отуречивания и исламизации православного тюркоязычного населения Болгарии в последней четверти XV—XVII вв. Путь к этому прокладывала шиитская секта бекташей. Бекташизм «оказался ближе к христианину с его популярным представлением о боге как своеобразном главе патриархального семейства... Сектантский ислам с его синкретичными формами превращается в удобный мост для перехода от христи-

⁹ Читаки — имя туркменского племени Малой Азии, презрительно используемое, по мнению Стр. Димитрова, османской верхушкой для обозначения осевшего на Балканах тюркского населения (Челеби 1972: 315).

анства к исламу, но никогда обратно». Однако ортодоксальный суннитский ислам не принимал в качестве своих людей с немусульманской верой и отличными бытовыми навыками. Он не прекращал бороться с пережитками христианства, которые «загрязняли ислам». С целью исламизации и ассимиляции православного люда болгарских земель Османская империя создала и использовала целую сеть военизированных групп населения.

Исследователь указывал, что янычары, спашии, яя, мюселемы, акынджы, юруки Балкан изначально представляли местное православное население, как славяноязычное, так и тюркоязычное, которое посредством своего нового статуса превращалось в турок-мусульман. К примеру, при принятии ислама людям православной веры, которых включали в юрукский корпус, предписывали «записываться юруками». Это относилось и к тем, кто «принял истинную веру сынов Абдуллаха и к освобожденным рабам». В последнем случае принимавший ислам указывал своим «отцом» хозяина, носителя соответствующего мусульманского имени (Димитров 1988: 46—49).

К сожалению, остается малоисследованной проблема перехода тюркских язычников северо-восточной Болгарии и Добруджи в православную веру в византийский период истории этих земель (1018—1185 гг.) и в эпоху Второго Болгарского царства (1185—1396 гг.). Особенно интересно, насколько глубоко проникла в их сознание новая вера и как это затем проявилось в религиозном сопротивлении исламу.

Большое внимание С. Димитров уделял специфике тюркского языка православного населения болгарских земель. Опираясь на работы польского ученого Т. Ковальского и ряда советских тюркологов, он раскрыл суть трех пластов «дунайско-тюркского языка», отличного от языка османских турок. Первый северотюркский пласт, на который наложился второй, принадлежащий южнотюркской группе, носителями которого, по мнению Т. Ковальского, были узы и печенеги. Смешавшись, эти два пласта наложился на южный «характер» языка тюркоболгар в XIII—XIV вв., то есть еще до завоевания Балкан турками. Третий слой был «создан турецкими колонистами или тюркизированными элементами османской эпохи». По заключению автора, выводы специалистов по исторической лингвистике показывают, что проблема появления болгар-мусульман не может быть решена отдельно от вопроса о происхождении тюркоязычных болгар-христиан (гагаузов), поскольку «речь идет об одной

и той же проблеме: судьбе языка праболгар, узов, куман и других тюркоязычных компонентов» (Димитров 1988: 36—37).

К концу XIX в., когда произошло освобождение от Османской империи, в составе населения северо-восточной Болгарии и Добруджи входили тюркские группы, конфессионально разделенные на мусульман (османы, гаджалы, турки-тозлуки, герловцы, кызылбаши, юруки) и на православных (караманлийцы, гагаузы, сургучи). Проживали здесь также татары, черкесы, албанцы (мусульмане) и православные болгары, греки, аромуны, валахи, малороссы, русские старообрядцы и др. (Мошков 2005; Милетич 1902).

Сравнивая по «Путешествию» Эвлия Челеби этническую картину к югу от Дуная для середины XVII в. с той, что сложилась в конце XIX в. по данным Л. Милетича, мы отмечаем исчезновение здесь названий одних этнических групп населения (читаки, латины, лазы) и появление других названий: османы, гаджалы, кызылбаши, гагаузы, сургучи. Эти изменения были обусловлены не только геополитическими событиями, окрашенными, как правило, войнами европейских стран с турками, но, прежде всего, внутривосточными, демографическими, религиозными и миграционными процессами в Османском государстве. Как видим, они не благоприятствовали реалиям, которые не соответствовали идеологии мусульманской империи.

В таких сложных условиях продолжалось становление тюркской православной общности в северо-восточной Болгарии и в Добрудже. Османо-мусульманам удалось насильственно оторвать от нее одну часть, которая, приняв ислам, стала известной впоследствии под названием *гаджалы* и вошла в группу балканских тюркских народов, исповедующих ислам.

Однако в части многоплеменного конгломерата, которая осталась верной православия, продолжалось *взаимослияние*. Оно предопределило утрату ее компонентами этнической специфики, но и обусловило сохранение ими изначальной тюркской общности их предков. В этом и состоит суть этнической, культурной, языковой интерференции. Но эгоцентризм османо-мусульман не позволил завершиться здесь этому процессу. У тюркоязычной православной общности не было самоназвания (этнонима), который бы позволил ей дистанцироваться от османо-турок и разделиться со славяно-болгарами. Более того, в это время политоним *болгары* закрепился за ней. Но если в доосманский период он обозначал подданных Болгарского государства, то теперь

еще не ставшее этнонимом определение *болгары* противодействовало поглощению православных тюрок турками-османами и этническими названиями *турки*, *османы*, несмотря на языковую близость с завоевателями.

Из сказанного следует: нет оснований считать тюркоязычных жителей болгарских земель православного вероисповедания, а равно и бессарабское тюркоязычное население, отуреченными славяно-болгарами, что не исключает их участие в этногенезе гагаузов¹⁰. Гипотеза о гагаузах как об отуреченных болгарях противоречит историческим фактам. В этом я разделяю позицию и аргументы А. В. Шабашова (2002: 510—511). Однако и утверждение о том, что только печенеги, огузы и куманы были предтечами гагаузов, а они себя так называли на Балканах до XVIII в., не подтверждено источниками. Поэтому феномен существования в то время формирующегося этноса, у которого еще не было самоназвания *гагаузы*, требует объяснения (Грек 2005—2009: 566—585. Отвергать или делать вид, что такого этапа в этнической истории гагаузов не было, более чем странно.

Несмотря на то, что название *черные болгары* в XII—XIV вв., а также и в османский период истории Болгарии, слабо отражено в источниках, их живое присутствие на северо-востоке страны и в Добрудже сохранилось. Оно осталось в исторической памяти народа в идентичном либо близком по этимологии тюркском варианте их названия.

Так, названием *карагяур* турки называли православное тюркоязычное население Адрианопольского края. *Карагяур* в переводе означает «черные неверные» и, в сущности, является синонимом черных болгар. Это подтверждают названия болгар, бежавших из Восточной Фракии в Северо-Восточную Болгарию после Первой мировой войны. В Провадии их до сих пор называют *гьочове*, *маджуры* или *черные болгары* (Боев 1982: 115—116). В этой связи интересно отметить примечательный, хотя пока и не объяснимый факт, выявленный А. В. Шабашовым при его полевых изысканиях: фамилия Карагяур распространена в Бессарабии среди болгар, но не гагаузов!

Карабулгар — другое название и самоназвание черных болгар, появившееся в тех же местах с XV века. В связи с его этимологией важны наблюдения Е. Боева по поводу определений к этнониму *болгар* — *асыл (х)ас*, *эски*,

кара. Образованные словосочетания означают: истинный болгарин — *асыл булгар*, черный болгарин — *кара булгар*, древний болгарин — *эски булгар*. Название *кара булгар* зарегистрировано в селах Оршак (Варненская обл.), Трыница (Шуменская обл.) и в городе Каварна, а также в Бессарабии. Автор не сомневался, что в разделении на болгар и черных болгар в прошлом, которое народная память сохранила до сего дня, но полагал: этот «вопрос требует дополнительного исследования с этнографической точки зрения» (Боев 1982: 116, 117). Из этого следует, что название *карабулгар* связывает историю черных болгар VIII—XIV вв. с османским периодом истории их потомков.

Еще в начале XX в. болгарский историк Л. Милетич отмечал, что довольно многочисленные болгары-балканджии (происходящие из Балкан) в Разградском и Русчукском округах называются пожилыми людьми именем *черные* (Милетич 1902: 25).

Г. Занетов, не соглашаясь с К. Иречеком относительно куман как единственных предков гагаузов, не ставил под сомнение приводимую локализацию черных болгар в устье Дуная после XIV в. Например, «котленские переселенцы в Тулче в начале XIX века называли добруджанских болгар *черные болгары*. В XVII в. среди жителей Измаила были болгары-мизийцы, называемые еще добруджанцами» (Занетов 1902: 72). О совместном проживании в середине XIX в. в силистренских селах белых болгар, называемых *гребенцами*, и черных болгар, или *шиковцев*, сообщал известный деятель Болгарского Возрождения Илья Блысков, который учительствовал там (Блысков 1901: 176).

Подводя итог рассмотрению данных о черных болгарях в османский период истории Болгарии, необходимо подчеркнуть, что это название, скорее всего, охватывало не только приазовских тюрок-болгар, перекочевавших на Балканы в X—XIII вв., но и остальное тюркоязычное православное население северо-востока болгарских земель и Добруджи, которое смешивалось в создавшемся здесь этническом плавильном котле. Можно предположить, что османо-турки сохранили понятное им название *карабулгар*, чтобы посредством его можно было отличать тюркоязычное православное население от славяноязычных белых болгар. Примечательно, что в Буджаке, уже после 1812 г., власти царской России воспользовались этим же дифференцирующим приемом, чтобы отделять болгар, «говорящих на турецком языке», от славяно-болгар.

¹⁰ Этот аспект их происхождения в данной работе не рассматривается.

Название «черные болгары» среди задунайских переселенцев Буджака

В XVIII веке в истории православного тюркоязычного населения северо-восточной Болгарии и Добруджи произошли два события противоположного характера. Во-первых, в христианско-православной общности Османской империи развернулись этнокультурные и национально-формационные процессы, которые затронули компактное и уже интегрированное тюркоязычное население болгарских земель (Димитров 1995: 153). Во-вторых, началось разрушение этой общности, что было обусловлено нарастанием кризиса Османской империи и усиливавшимся воздействием внешнего фактора.

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. большинство православного тюркоязычного населения ушло в области, лежавшие к северу от Дуная, и дисперсно рассредоточилось по соседним территориям Дунайских княжеств и Буджака. Расселение охватило многие иноэтничные села и города, что создавало условия для ассимиляции новоприходцев.

Именно тогда в Пруто-Днестровском междуречье среди «задунайских переселенцев» был зафиксирован антропоним *гагауз* и его разновидности *гагауц*, *харгауц*, *кагауц*. Он не был местным изобретением, а перешел сюда вместе с тюркоязычными выходцами из северо-восточных болгарских земель и Добруджи (Грек 2010: 331—332). Вместе с тем, его появление южнее Дуная следует рассматривать как начало процесса обретения там имени тюркоязычной православной общностью. Этот процесс нашел завершение уже в Буджаке в конце XIX — начале XX вв. (Шабашов 2002; Грек 2007; 2005—2009; 2010; 2011; Грек, Руссев 2011; Квилинкова 2012: 345—351). Причем для того, чтобы здесь тюркская языковая общность могла сохраниться и продолжить процесс этнического самоопределения, ей вновь пришлось пройти некоторые этапы, которые ранее были пройдены на Балканах. Тюркоязычным выходцам из-за Дуная пришлось добиваться компактности заселения не просто в Буджаке, но на определенной части его территории. Именно это обеспечило им сохранность языка общения, без которого общность не могла существовать и развиваться. Только после этого наступило время задуматься над вопросом: почему две разные языковые общины «задунайских переселенцев» называют себя одинаково болгарскими? Ответ на него последовал тогда, когда тюркоязычные жители Буджака осознали себя *гагаузами* и назвали свой язык гагаузским языком. *Этим*

завершился в Буджаке **четвертый этап** этногенеза тюркоязычного православного населения.

Уже в самом его начале в колониях «задунайских переселенцев» внедрялись элементы языковой («болгары, говорящие на турецком языке») и этнической дифференциации. Инициаторами такого разделения, как правило, выступали «другие», то есть люди для переселенческой среды внешние. Именно они стали употреблять в этих целях название *черные болгары* и внесли путаницу, привязав его к славяно-болгарам.

В 1837 г. чиновник Министерства внутренних дел России, надворный советник И. Толстой проводил в Буджаке обследование колоний «задунайских переселенцев». В своем «Статистическом обозрении колоний Бессарабской области» он отметил, что «болгары... разделяются: на болгар черных, вышедших из Македонии, на гагаузы, живших около Константинополя и смешавшихся частью с янычарами во время жительства своего в Турции, на арнаут, вышедших из Албании... и на румелийских переселенцев» (см. Грек 2005—2009: 574). Как видно, И. Толстой не идентифицировал черных болгар с гагаузами ни по месту проживания, ни по происхождению. Но он зафиксировал оба эти названия тогда, когда было живо первое поколение выходцев из-за Дуная, а это подтверждает, что названия *черные болгары* и *гагаузы* относятся к балканскому периоду истории их носителей.

В 1857 г. этнограф и демограф П. Кеппен, анализируя итоги переписи населения 1850 г. по Бессарабской области, так характеризовал состав населения «задунайских переселенцев»: «Сами болгары до того между собой различаются, что у них в употреблении два разных языка и три разные письмена. Употребляющие болгарский язык именуются черными болгарскими. Это выходцы из Македонии и Румелии... Болгары, говорящие между собой по-турецки, известны под именами употребляемым названием гагаузов. Они употребляют письмена валахские. Это выходцы из Добруджи, которые оставили свои прежние жилища в 1807 и 1812 гг.» (Кеппен 1857; Грек 2005—2009: 574). В отличие от И. Толстого, П. Кеппен считал всех переселенцев, употреблявших болгарский язык, черными болгарскими. Что же касается гагаузов, он справедливо относит их к выходцам из Добруджи, хотя они переселялись на левобережье Дуная не только в 1807 и 1812 гг., но и ранее. Однако основной посыл И. Толстого о том, что черные болгары

ры — не гагаузы, он не подвергает сомнению. Необходимо отметить, что эту ошибочную точку зрения разделяли и другие авторы, писавшие об этничности «задунайских переселенцев».

Другой взгляд на бессарабских гагаузов как на возможных потомков черных болгар высказал Г. Занетов. Как носитель языка гагаузов и потомок тюркоязычных выходцев из Дуная, он не соглашался с П. Кеппенем: «Не знаю, не ошибочно ли здесь под “черными болгарами” названы ямбольские и одринские¹¹ переселенцы 1830 г.: может быть, имя “черные болгары” скорее нужно отнести к гагаузам», обитавшим до переселения в Бессарабию вблизи Разграда и в Добрудже (Занетов 1902: 71—72).

Свою позицию он обосновывал двумя соображениями:

1. «Теперь в Южной Бессарабии христианское население, которое говорит на турецком, заявляет, что оно — болгарское — “биз ис болгар”, так говорят они о себе... гагаузы в Бессарабии утверждают, что именно они болгары, а не те болгары, которые говорят на болгарском и которых они... называют “туканами”».

2. Занетов знает, что термин *туканы* родился вне Бессарабии: «Позднее, в г. Варне, я понял, что и там гагаузы называют болгар “туканами”; следовательно, слово *туканы* имеет очень древнее происхождение» и «в данном случае имя “туканы” отличает славяно-болгар от “гагаузов” — туранцев» (Занетов 1902: 73—74).

Автор ошибался, включая в название *черные болгары* и протоболгар хана Аспаруха, хотя знал, что была и вторая волна переселения тюрков-болгар на Балканы. Однако он объединил их в одну группу под общим названием туранцев. Так или иначе, в Дунайской Болгарии возникла парадоксальная ситуация, когда имя *болгары* относилось к славяно-болгарам и к части тюрков-болгар Аспаруха (протоболгарам), и к черным болгарам, для которых *самоназвание «болгары» означало одновременно принадлежность и к тюркам, и к Болгарскому государству*.

Точка зрения Г. Занетова о том, что черные болгары имеют прямое отношение к этнической истории гагаузов, находит подтверждение в многочисленных документах из архивохранилища Молдовы, Украины, России, в которых отсутствует какая-либо увязка славяно-болгар

с черными болгарам. Они подтверждают данные письменных источников, использованных при написании статьи, о тюркоязычности черных болгар в Приазовье и на Балканах.

В подтверждение сказанного сошлемся на мнение авторитетного лингвиста-тюрколога Н. А. Баскакова: «К огузско-булгарской подгруппе относятся, с одной стороны, древние языки печенегов и узов (торков, берендеев, ковуев и пр.), а с другой — современный гагаузский язык и язык балканских тюрков. Имея в своей основе общий с огузами язык, древние племена печенегов и узов, вошедшие также и в состав современного гагаузского народа, попав в булгарскую, а затем кыпчакскую среду, приобрели признаки булгарского языка, а в более позднее время также и признаки кыпчакских языков, сохранив вместе с тем основу огузского словарного состава и грамматического строя». Он также доказывал, что «печенежский язык, а также и близкие к нему языки других огузских племен... в основе своей были огузскими языками, которые в процессе своего развития при тесном взаимодействии сначала с языками булгарским и хазарским, а затем с языком кыпчакским (половецким или куманским)¹² приобрели булгарские и кыпчакские черты как в отношении своей фонетической структуры, так и в отношении словарного состава и грамматического строя, что объединяет эти языки, а также современные языки гагаузов и других балканских тюрков в одну огузско-булгарскую подгруппу огузской группы тюркских языков» (Баскаков 1960: 125, 130—131).

Переходя от названия языка к этногенезу гагаузов, Н. А. Баскаков пишет: «Гагаузы как болгарские, так и приморские представляют собой сложную, огузскую в своей основе, этническую группу последовательно входивших в нее племен, начиная от древних огузов, или узов, а в том числе: печенегов, берендеев, ковуев, торков, черных клобуков и пр. (ср. мнение В. В. Радлова и В. А. Мошкова), затем болгар (ср. булгарскую теорию происхождения гагаузов у Шкорпила и И. Занетова¹³) и кончая кыпчаками, половцами или куманами (ср. мнение К. Иречека)». Вывод исследователя таков: «Современными наследниками этих смешанных огузо-булгарских племен являются гагаузы и некоторые группы балканских тюрков (сургучи, гаджалы и пр.),

¹² То есть сначала в Приазовье, а позднее на Балканах.

¹³ Ошибка Н. А. Баскакова, правильно — Г. Занетов.

¹¹ Одрин — болгарское название Адрианополя (прим. ред.).

язык которых сохранил свою огузскую основу и следы воздействия древних булгар и суваров» (Баскаков 1960: 116—117, 127).

Судя по всему, тюркоязычные «задунайские переселенцы» на момент их эмиграции с Балкан уже не были амальгамой тюркских этносов из печенегов, огузов, куман, протоболгар и черных болгар. Это была общность единоверцев, находившаяся на стадии сформированных диалектных особенностей в языке общения и стоявшая на пороге поиска этнических символов идентичности. Первоначально отвергая навязанное ей на Балканах название, она признала его в Буджаке, ставшем в 1812 г. частью православной, многоязычной и полиэтнической России. Соединение тюркоязычного этноса с этнонимом *гагауз* и глоттонимом *гагаузский язык* произошло не сразу. Для этого понадобилось не менее 100—150 лет. Продолжившийся в новых условиях процесс самоидентификации уже был свободен от этнических и ментальных излишеств, каковыми являлись их прежние названия, особенности языка, а также сложные межплеменные отношения. Севернее Дуная переселялись не печенеги, огузы, куманы, протоболгары, черные болгары, а их сплавленная единой религией общность, пусть еще без собственной этнической одежды, но с реальной возможностью найти ее в Буджаке. Здесь все, что было связано с черными болгарам, утратило практическое значение в процессе этнического саморазвития гагаузов. Черные болгары присутствовали в новой этнической конструкции только как один из образующих ее элементов. Об этом напоминали рудименты этнической истории черных болгар, сохранившиеся в исторической памяти болгар и гагаузов даже в Бессарабии XIX в. Это название, бытовавшее еще в первые десятилетия жизни среди «задунайских переселенцев» Буджака, в дальнейшем было вытеснено этническими процессами в их тюркоязычной части, признавшей себя гагаузами.

Выводы

1. Если обозначать точку отсчета, с которой смешение тюркоязычного православного населения северо-восточной Болгарии и Добруджи в конечном итоге привело к образованию этноса, идентифицирующего себя гагаузами, то таковой следует считать завоевание Второго Болгарского царства Османской империей. Протекавший в XI—XIV вв. процесс слияния тюркоязычной амальгамы в XV—XVIII вв. происходил в условиях этнического и религиозного давления османо-

мусульманского государства. Коренным образом изменились политические и религиозные условия проживания этого населения, которое власть стремилась:

— превратить его в турок-османов;

— изменить его пограничное положение (этническое и религиозное) и создать условия для его распыления по Балканам¹⁴ посредством подселения к нему племен и народов, исповедующих ислам;

— заставить его отказаться от православия и принять ислам. Есть основание утверждать, что османо-мусульмане принудили часть православных тюрок отказаться от своей веры¹⁵ (Димитров 1995: 152—153).

Православные турки в условиях Османской империи утратили название родных языков, приняв глоттоним *турецкий язык*. Отсутствие этнонима и глоттонима, символов рождающегося этноса, а также эмиграция на север от Дуная лишили эту общность на Балканах возможности стать этническим образованием. Политоним *болгары* и православие защитили ее от поглощения османо-мусульманами. По поводу этого политонима в этнической истории православных тюрок я уже отмечал, что политоним *болгары*, возникший, очевидно, в XII—XIV вв. для идентификации всего тюркоязычного населения Второго Болгарского царства, окончательно утвердился в восточных болгарских землях в эпоху османского господства. В сложных условиях выживания «он выступал дополнительным к православной религии фактором-разграничителем между турками-мусульманами и тюрками-православными» (Грек 2010: 335).

2. Сказанное в отношении всех тюрок на Балканах касается и черных болгар. Хотя не выявлены письменные источники, в которых они были бы зафиксированы в XV—XVIII вв. под этим названием, в народной памяти и в литературе по позднему средневековью и новому времени они нашли своеобразное отражение. В словарном составе болгарских диалектов и современного болгарского литературного языка сохранилось сочетание *черные болгары*. Однако болгарская историография связывает их с гипотезой о славяно-болгарском происхожде-

¹⁴ Известно, что православное население северо-восточных болгарских земель и Добруджи в османский период истории Болгарии переселялось южнее Старой Планины, на запад и на север от Дуная.

¹⁵ Признано, что по своим языковым характеристикам мусульмане-гаджаы близки к православным гагаузам.

нии гагаузов. Такой подход в объяснении феномена черных болгар на Балканах (в частности, в Добрудже) является, по крайней мере, спорным. На мой взгляд, к XVIII в. это название претерпело существенную смысловую трансформацию. Оно охватило все православное тюркоязычное население болгарских земель, и поэтому утратило этническую идентичность времен Бат-Баяна и его наследников. На Балканах в понятие *черные болгары* вкладывалось цветное обозначение уже всех тюркских кочевников, проникших туда в X—XIII вв. Это обуславливалось наличием здесь белых болгар, отличающихся от черных славяноязычием, более ранним принятием православия и меньшим присутствием язычества в их духовной жизни. Кроме того, название страны, в которой обосновались разного рода православные турки, также обусловило их болгарскую самоидентификацию. Однако в нем не было этнического содержания (Грек 2011: 115—118). Нельзя исключать и того, что османо-турки использовали название *черные болгары* (*карабулгары*), чтобы отличать православное тюркоязычное население от белых болгар, то есть от славяно-болгар.

3. Из северо-восточной Болгарии и Добруджи в Дунайские княжества и Пруто-Днестровское междуречье эмигрировали «задунайские переселенцы» — и славяноязычные белые болгары, и тюркоязычные черные болгары. В Буджаке в конце XIX в. потомки первопоселенцев тюркоязычной общности начали осознавать себя гагаузами (Грек 2007: 260—264; 2006—2009: 566—585; 2010: 322—340). Среди их предков были и черные болгары. Но нет оснований утверждать, как полагал Г. Занетов, что только они и часть неславянизированных потомков тюрк-болгар хана Аспаруха являются единственными предками гагаузов. Точно так же неправомерно считать, что только поэтому гагаузы называли себя болгарами. Тем не менее, в присутствии черных болгар и потомков тюрк-болгар хана Аспаруха в их этногенезе, видимо, следует искать ответ на вопрос, почему среди гагаузов, в том числе и бессарабских, сохранилось представление о том, что они не просто болгары (то есть славяно-болгары), а эскибулгар — «старые болгары» и асыл-булгар — «истинные болгары».

С Буджаком связан заключительный **четвертый этап** этногенеза православной тюркоязычной общности, которая здесь признала себя гагаузами и назвала родной язык гагаузским языком. А. В. Шабашов утверждает, что «переселение гагаузов

в Буджак выглядит не случайным, следствием не только политической конъюнктуры, но и древних и достаточно длительных связей предков гагаузов с данным регионом, их своего рода “маятниковой” миграцией в рамках ареала этногенетической территории» (Шабашов 2002: 513). На высокой эмоциональной волне этнической мобилизации ему вторит М. Н. Губогло: «В самосознании своем гагаузы навсегда связали свою судьбу с Буджакским краем... Буджакская степь стала колыбелью возрождения народа, основой его территориального единства, его малой родиной». В переселении гагаузов в Буджак «самой историей был заложен глубокий смысл... Рывок на север содержал в себе нечто большее, чем обычное заселение пустующих земель. Это был путь народа к самому себе, одновременно в его прошлое и в свое будущее. Чтобы познать радость свободной и вольной жизни, надо было еще раз пройти караванной тропой далеких пращуров, тропой вольных степных табунов. Но это была дорога к самососредоточенности, к сохранению и осознанию своей самобытности» (Губогло 2008: 406). На этом этапе в состав гагаузского этноса «мощными пластами вошел болгарский, греческий, восточнороманский, восточнославянский и другие компоненты» (Шабашов 2002: 334).

4. Русские (Г. Г. Литаврин) и болгарские (Г. Занетов, С. Димитров, Г. Атанасов) историки признают, что население средневековых Болгарских царств состояло из двух больших языковых общностей: славяноязычной и тюркоязычной. С X в. термин *болгары* стал этнонимом для славяноязычных его носителей, в то время как для тюркоязычных был политонимом. У меня нет другого объяснения данному этническому феномену. В границах Второго Болгарского царства «две языковые общины, славянская и тюркская, прошли этап осознания себя болгарской народностью», но из-за османского нашествия они остановились «перед следующим историческим процессом — формированием единой болгарской этнонации по типу слияния тюрк-болгар и южных славян». В XV—XVIII вв. часть тюркоязычного православного населения выдержала давление со стороны османо-мусульман. Но само их господство стало непреодолимой преградой на пути трансформации политонима *болгары* в этноним *болгары*. Вместе с тем, тюркоязычным болгарам было легче адаптироваться к функционирующему в Османской империи турецкому языку. Османские власти не могли справиться с их родным повседневным язы-

ком, хотя он и стал называться турецким. Это также отрицательно сказалось на становлении идентичности православных тюрок и появлении у них этнических маркеров. Таким образом, на включенных в Османскую империю болгарских землях уже не могли возникнуть новые этнические общности православного облика (Грек 2010: 336—337).

Вся сложность принятия умом одного этнического определителя для двух разнородных общностей состоит в том, что в их этногенезе принимали участие одни и те же этнические компоненты, за исключением, возможно, огузов. У славяно-болгар это славяне, протоболгары, печенеги, куманы, у гагаузов — протоболгары, черные болгары, печенеги, куманы, а также славяно-болгары. В этногенезе гагаузов присутствует огузский компонент. Это, возможно, единственное отличие. Впрочем, оно не сыграло решающей роли в том, что практически одни и те же этнические слагаемые дали два разных результата. Вопрос «не в том, «от кого» произошли гагаузы, а из каких компонентов состоит этот этнос, каково соотношение этих компонентов в облике этноса..., когда и при каких обстоятельствах эти компоненты входили в состав гагаузов» (Шабашов 2002: 334). Разный этнический финиш был обусловлен тем, что в этногенезе славяно-болгар численное пре-

восходство было на стороне славян, в то время как в этногенезе гагаузов преобладали тюрки, включая и тюрок-болгар (Шабашов 2002: 334, 456—457). А. В. Шабашов по этому поводу писал, что «хотя, конечно, гагаузы¹⁶ и болгары — различные этносы (хотя бы уже потому что обладают различным самосознанием, являющимся, по отечественной научной традиции, основным критерием этноса), но гагаузы формировались на единой этнической основе с восточными и, особенно, северо-восточными болгарами, которая представляла собой сложный конгломерат славяно-тюркского населения, а тюрки, в свою очередь, в этом конгломерате делились по своему происхождению и языку на тюрко-болгар, тюрко-огузов и тюрко-кыпчаков, различия же между гагаузами и болгарами заключаются в количественном соотношении этих компонентов. Если для гагаузов решающим оказался тюрко-огузский, то для болгар — славянский пласт, причем данные различия не стоит переоценивать, даже несмотря на то, что гагаузы и болгары говорят на языках, относящихся к различным семьям. Нет ни одного этнического компонента, который, приняв участие в формировании одного из этих двух народов, не оказал бы влияние и на другой» (Шабашов 1999: 171—172).

Литература

- Ангели Ф. А. 2007. *Очерки истории гагаузов — потомков огузов (середина VIII—XXI вв.)*. Кишинев: б. и.
- Артамонов М. И. 1962. *История хазар*. Ленинград: Наука.
- Атанасов Г. 2009. *Добруджанското деспотство*. Велико Търново: Фабер.
- Бартольд В. В. 1968. Болгары. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 5. Москва: Наука, 509—520.
- Баскаков Н. А. 1960. *Тюркские языки*. Москва: Изд-во восточной литературы.
- Баскаков Н. А. 1985. *Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве»*. Москва: Наука.
- Бльсков Ил. 1901. Стари руски обичаи в сравнение с наши. В: *Българска сбирка*. Кн. 3. София.
- Богданов И. 1980. *Безсмъртни слова. Коментирани литературни паметници*. София: Отечества фронт.
- Боев Е. 1982. За потеклото на гагаузите. В: Чакъров Г. (ред.). *Чиракман — Карвуна — Каварна*. София: Изд-во на Отечества фронт, 113—117.
- Божилов И., Гюзелев В. 2004. *История на Добруджа*. Т. 2. *Средновековие*. Велико Търново.
- Василев В. А. 2009. *Древните българи: факти, хипотези, измислици*. София: Изток — Запад.
- Великанова М. С. 1965. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. *СЭ* (6), 61—75.
- Войников Ж. 2009. *Этногенеза и миграция в Евразия през ранното средновековие и мястото на древните българи в тях*. София: Тангра ТанНакРа.
- Гадло А. В. 1968. О черных и внутренних болгарях. Одна из спорных проблем исторической этнографии южнорусской степи. В: Гумилев Л. Н. (отв. ред.). *Географическое общество СССР. Доклады по этнографии* 6, 3—25.
- Грек И. Ф. 2007. Этноним «гагауз» и глоттоним «гагаузский язык» (этногенезис гагаузов в XIX — начале XX вв. в условиях Бессарабии). *Журнал этнологии и культурологии* (2), 260—264.
- Грек И. Ф. 2005—2009. Проявление идентичности в этнопсихологии болгар и гагаузов Молдовы во второй половине XVIII—XX вв. (историко-политологический дискурс). *Stratum plus* (6), 564—586.
- Грек И. Ф. 2010. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII — начало XIX в.). *Stratum plus* (6), 289—340.
- Грек И. Ф. 2011. Село Гайдар: очерки истории и культуры. В: Шабашов А. В. (отв. ред.). *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья* 5, 81—312.
- Грек И. Ф., Руссев Н. Д. 2011. 1812 — поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев: Stratum Plus.

¹⁶ Автор имеет в виду бессарабских гагаузов.

- Губарев Г. (сост.). 1966—1970. *Казачий словарь-справочник*. Сан Ансельмо (Калифорния).
- Губогло М. 2008. *Словохи прошлого. Автобиографические записки*. Кишинев: б.и.
- Губогло М.Н. 2011. Вероятные предки гагаузов. В: Губогло М.Н., Квилинкова Е.Н. (отв. ред.). *Гагаузы*. Москва: Наука, 66—98.
- Губогло М.Н. 2012. Из истории вероятных предков гагаузов в средние века. В: Губогло М.Н. (отв. ред.). *Гагаузы в мире и мир гагаузов* 1. Комрат; Кишинев: б.и., 264—311.
- Гюзелев В. 1995. *Очерци върху историята на българския североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV век)*. София: Бороина.
- Димитров Д. 1987. *Прабългарите по Северното и Западното Черноморие*. Варна: „Георги Бакалов”.
- Димитров С. 1988. Някои проблеми на етническите и ислямизационно-асимилационните процеси в българските земи през XV—XVII в. В: Янков Г. (ред.). *Проблеми на развитието на българската народност и нация*. София: БАН, 33—56.
- Димитров С. 1995. Гагаузкит проблем. *БСП* 4, 147—168.
- Димитров С. 1996. Още едно мнение за името «гагаузи». *БСП* 5, 199—220.
- Добрев И. 2011. *Българите за руския народ, държава и култура*. София: Българска Мултимедийна Компания.
- Добродомов И.Г. 1978. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. В: Кононов А.Н. (отв. ред.). *Тюркологический сборник*. 1975. Москва: Наука, 102—129.
- Занетов Г. 1902. *Българското население в средните векове*. Русе: Скоро-печатницата на Спиро Гулабчев.
- Иловайский Д.И. 2002. *Начало Руси*. Москва: Олимп; АСТ.
- Йорданов С. 1993. Обичаят «свещена пролет» у прабългарите и механизмът на преселенията им в Северното Причерноморие и на Балканите. *БСП* 2, 30—51.
- Иречек К. 1878. *История болгар*. Одесса.
- Квилинкова Е.Н. 2012. Формирование самосознания гагаузов. В: Губогло М.Н. (отв. ред.). *Гагаузы в мире и мир гагаузов* 1. Комрат; Кишинев: б.и., 337—351.
- Кеппен П. 1851. *Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в 1851 г.* Санкт-Петербург: б.и.
- Коледаров П. 1989. *Политическа география на средновековната българска държава (1186—1396)* 2. София: БАН.
- Кононов А.Н. 1978. Семантика цветообозначений в тюркских языках. В: Кононов А.Н. (отв. ред.). *Тюркологический сборник*. 1975. Москва: Наука, 159—180.
- Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империей*. Москва: Наука.
- Кузнецов В.А. 1984. *Очерки истории алан*. Орджоникидзе: ИР.
- Литаврин Г.Г. 1976. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. В: Королук В.Д. (отв. ред.). *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. Москва: Наука, 198—217.
- Литаврин Г.Г. 1982. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.). В: Королук В.Д. (отв. ред.). *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. Москва: Наука, 49—83.
- Макарова И.Ф. 2005. *Българский народ в XV—XVIII вв. Этнокультурное исследование*. Москва: Ком Книга.
- Мерперт Н.Я. 1958. Древнейшие болгарские племена Причерноморья. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Очерки истории СССР. III—IX вв.* Москва: АН СССР, 585—615.
- Мерперт Н.Я. 1958. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Очерки истории СССР. III—IX вв.* Москва: АН СССР, 551—569.
- Милетич Л. 1902. *Старото българско население в Североизточна България*. София: Бълг. Книж. Дружество.
- Мошков В.А. 2005. *Турецкие племена на Балканском полуострове*. Кишинев: Elena-V.I.
- Найденко А.В. 2001. Некоторые вопросы истории населения Ставропольской возвышенности VII—X вв. В: *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа*. Тезисы докл. науч. конф. 12—15 апр. 2001 г. Краснодар: Изд. Ставропольского ун-та, 104—106.
- Павлов П. 1996. Българското етническо и политическо присъствие в междуречието на Дунав и Днестър през XII—XIV в. В: Тодоров П. (отг. ред.). *Страници от историята на българите в Северното Причерноморие и на Балканите*. Велико Търново: ПИК, 68—78.
- Павлов П.Х. 2005—2009. Половцы во внутривизантийской жизни Византии и Болгарии XIII—XIV вв. *Stratum plus* (6), 386—402.
- Павлов П. 2011. Тюркофония в средновековой Болгарии и происхождение гагаузов. В: Русев Н.Д. (науч. ред.). *Болгары и гагаузы в многонациональной Молдове*. Варна: Славена, 43—48.
- Плетнева С.А. 1967. *От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура*. Москва: Наука.
- Плетнева С.А. 1976. *Хазары*. Москва: Наука.
- Плетнева С.А. 1990. *Половцы*. Москва: Наука.
- Рашев Р. 1995. Североизточната археологическа граница на Първото Българско царство. *БСП* 4, 89—95.
- Русев Н.Д. 2012. «Формулярные ведомости Измаильского протоиерея Никиты Глизана за 1820-й год» о церквях, священниках и жителях некоторых болгарских колоний. В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 2. Одесса, 497—506.
- Седов В.В. 1995. *Славяне в древности и раннем средневековье*. Т. 2. *Славяне в раннем средневековье*. Москва: RDF, RUS.
- Толочко П.П. 1999. *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Киев: Абрис.
- Тонев В. 2000. Гагаузите и националноосвободителните борби през Възраждането. *БСП* 7, 319—356.
- Тъпкова-Займова В. 1976. *Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните земи, края на X—XII в.* София.
- Тъпкова-Займова В., Павлов П. 1993. Северните «варвари» и Черноморието. *БСП* 2, 21—29.
- Челеби Е. 1909. Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII век. *Периодическо списание* 91, 639—724.
- Челеби Е. 1972. *Пътпис*. София: Отечества фронт.
- Шабашов А.В. 1999. К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы. В: Грек И.Ф. (науч. ред.).

История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинев: SSB, 154—176.

Шабашов А. В. 2002. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт.

Шабашов А. В. 2006. Этногенез. В: История и культура гагаузов. Кишинев: Pontos, 8—14.

Шабашов А. В. 2009. К вопросу о болгаро-печенежских

этнических связях. Проблемы исторической регионалистики 2. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 174—182.

Шабашов А. В. 2011. Тюрко-болгары и проточувашы в истории Украины. К постановке проблемы. В: Чувашская диаспора: история, современность, перспективы. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 167—176.

References

- Angeli, F. A. 2007. *Ocherki istorii gagauzov — potomkov oguzov (seredina VIII—XXI vv.)*. (Essays on the history of Gagauz people — the descendants of the Oghuz (middle 8th—21st cc.)). Kishinev: b. i. (in Russian).
- Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (The history of Khazars)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Atanasov, G. 2009. *Dobrudzhanskoto despotstvo (Despotate of Dobruja)*. Veliko Tŕrnovo: Faber (in Bulgarian).
- Bartol'd, V. V. 1968. In *Sochineniia (Writings)*. Vol. 5. Moscow: Nauka, 509—520 (in Russian).
- Baskakov, N. A. 1960. *Tiurkskie iazyki (Turkic languages)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Baskakov, N. A. 1985. *Tiurkskaia leksika v «Slove o polku Igoreve» (Turkic lexicon in the «Tale of Igor's campaign»)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Blăskov, Il. 1901. In *Bălgarska sbirka (Bulgarian compilation)*. Book 3. Sofia (in Bulgarian).
- Bogdanov, I. 1980. *Bezsmărtni slova. Komentirani literaturni pametnitsi (Immortal words. Commented literary works)*. Sofia: Otechestveniya front (in Bulgarian).
- Boev, E. 1982. In *Chirakman — Karvuna — Kavarna (Chirakman — Karvuna — Kavarna)*. Sofia: Otechestveniya front, 113—117 (in Bulgarian).
- Bozhilov, I., Gyuzelev, V. 2004. *Istoriya na Dobrudzha. Vol. 2. Srednovekovie (History of Dobruja. Vol. 2. Middle Ages)*. Veliko Tŕrnovo (in Bulgarian).
- Vasilev, V. A. 2009. *Drevnite bălgari: fakti, khipotezi, izmislitsi (Ancient Bulgarians: facts, hypotheses, tales)*. Sofia: Iztok — Zapad (in Bulgarian).
- Velikanova, M. S. 1965. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (6), 61—75 (in Russian).
- Vojnikov, Zh. 2009. *Etnogeneza i migratsiya v Evraziya prez rannoto srednovekovie i myastoto na drevnite bălgari v tyakh (Ethnogenesis and immigrations in Eurasia during Early Middle Age and the place of Ancient Bulgarians within this processes)*. Sofia: Tangra TanNakRa (in Bulgarian).
- Gadlo, A. V. 1968. In *Geograficheskoe obshchestvo SSSR. Doklady po etnografii (Geographical Society of USSR. Reports on ethnography)* 6, 3—25 (in Russian).
- Grek, I. F. 2007. In *Zhurnal etnologii i kul'turologii (Journal of ethnology and culturology)* (2), 260—264 (in Russian).
- Grek, I. F. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 564—586 (in Russian).
- Grek, I. F. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 289—340 75 (in Russian).
- Grek, I. F. 2011. In *Lukomor'e: arkheologiiia, etnologiiia, istoriia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Lukomor'e: archaeology, ethnology, history of North-Western Pontic region)* 5, 81—312 (in Russian).
- Grek, I. F., Russev, N. D. 2011. *1812 — povorotnyi god v istorii Budzhaka i «zadunaikikh pereselentsev» (1812 — a pivotal year in the history of Bugeac and «Transdanubian settlers»)*. Kishinev: Stratum Plus P.P. (in Russian).
- Gubarev, G. (ed.). 1966—1970. *Kazachii slovar'-spravochnik (A Cossack referential dictionary)*. San Anselmo (Kaliforniia) (in Russian).
- Guboglo, M. 2008. *Spolkhi proshlogo. Avtobiograficheskie zatesi (Flashes of the past. Autobiographical notes)*. Kishinev: b.i. (in Russian).
- Guboglo, M. N. 2011. In *Gagauzy (Gagauz people)*. Moscow: Nauka, 66—98 (in Russian).
- Guboglo, M. N. 2012. In *Gagauzy v mire i mir gagauzov (Gagauz people in the world and the world of the Gagauz)* 1. Comrat; Kishinev: b. i., 264—311 (in Russian).
- Gyuzelev, V. 1995. *Ochertsii vărkuh istoriyata na bălgarskiya severoiztok i Chernomorieta (kraya na XII — nachaloto na XV vek) (Essays on early history of Bulgarian North-East and Northern Pontic area (end of XII — early XV century))*. Sofia: Borina (in Bulgaria).
- Dimitrov, D. 1987. *Prabălgarite po Severnoto i Zapadnoto Chernomorie (Prabulgarians of Northern and Western Pontic area)*. Varna: „Georgi Bakalov” (in Bulgarian).
- Dimitrov, S. 1988. In *Problemi na razvitieta na bălgarskata narodnost i natsiya (Problems of development of the Bulgarian folk and nation)*. Sofia: BAN, 33—56 (in Bulgarian).
- Dimitrov, S. 1995. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 4, 147—168 (in Bulgarian).
- Dimitrov, S. 1996. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 5, 199—220 (in Bulgarian).
- Dobrev, I. 2011. *Bălgarite za ruskiya narod, dărzhava i kultura (Bulgarians for Russian nation, state and culture)*. Sofia: Bălgarska Multimedijna Kompaniya (in Bulgarian).
- Dobrodomov, I. G. 1978. In *Tiurkologicheskii sbornik (Turkic research compilation)*. 1975. Moscow: Nauka, 102—129 (in Russian).
- Zanetov, G. 1902. *Bălgarskoto naselenie v srednite vekove (Bulgarian population in Middle Ages)*. Ruse: Skoro-pechatnitsata na Spiro Gulabchev (in Bulgarian).
- Ilovaikii, D. I. 2002. *Nachalo Rusi (The beginning of Rus')*. Moscow: Olimp; AST (in Russian).
- Jordanov, S. 1993. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 2, 30—51 (in Bulgarian).
- Jireček, K. 1878. *Istoriia bolgar (History of Bulgarians)*. Odessa (in Russian).
- Kvilinkova, E. N. 2012. In *Gagauzy v mire i mir gagauzov (Gagauzy v mire i mir gagauzov)* 1. Comrat; Kishinev: b. i., 337—351 (in Russian).
- Keppen, P. 1851. *Deviataia reviziia. Issledovanie o chisle zhitelei v 1851 g. (The 9th revision. Study on the num-*

- ber of inhabitants in 1851). Saint Petersburg: B.i. (in Russian).
- Koledarov, P. 1989. *Politicheska geografiya na sred-novekovnata bălgarska dărzhava (1186—1396) (Political geography of medieval Bulgarian state (1186—1396))* 2. Sofia: BAN (in Bulgarian).
- Kononov, A. N. 1978. In *Tiurkologicheskii sbornik (Collection of Turkic Studies)*. 1975. Moscow: Nauka, 159—180 (in Russian).
- Konstantin Bagrianorodnyi. 1991. *Ob upravlenii imperiei (De Administrando Imperio)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kuznetsov, V. A. 1984. *Ocherki istorii alan (Essays on Alan history)*. Ordzhonikidze: IR (in Russian).
- Litavrin, G. G. 1976. In *Voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii slavian i vostochnykh romantsev (Questions of ethnogenesis and ethncial history of the Slavs and Eastern Romans)*. Moscow: Nauka, 198—217 (in Russian).
- Litavrin, G. G. 1982. In *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia (Development of ethncial identity of Slavic people in the Early Middle age)*. Moscow: Nauka, 49—83 (in Russian).
- Makarova, I. F. 2005. *Bolgarskii narod v XV—XVIII vv. Etnokul'turnoe issledovanie (Bulgarian nation in 15th—18th cc. An ethnocultural study)*. Moscow: Kom Kniga (in Russian).
- Merpert, N. Ia. 1958. In *Ocherki istorii SSSR. III—IX vv. (Essays on history of USSR. 3rd—9th centuries)*. Moscow: AN SSSR, 585—615 (in Russian).
- Merpert, N. Ia. 1958. In *Ocherki istorii SSSR. III—IX vv. (Essays on history of USSR. 3rd—9th centuries)*. Moscow: AN SSSR, 551—569 (in Russian).
- Miletich, L. 1902. *Staroto bălgarsko naselenie v Severoiztochna Bălgariya (Old Bulgarian population in North-Eastern Bulgaria)*. Sofia: Bălg. Knizh. Druzhestvo (in Bulgarian).
- Moshkov, V. A. 2005. *Turetskie plemena na Balkanskom poluostrove (Turkish tribes in the Balkan peninsula)*. Kishinev: Elena-V. I. (in Russian).
- Naidenko, A. V. 2001. In *Severnyi Kavkaz i kochevoi mir stepi Evrazii: V Minaevskie chteniia po arkheologii, etnografii i kraevedeniiu Severnogo Kavkaza (Northern Caucasus and the nomadic world of Eurasian steppes: V Minaev readings in archaeology, ethnography and regional studies of Northern Caucasus)*. Krasnodar: Stavropol'skii un-t (in Russian).
- Pavlov, P. 1996. In *Stranitsi ot istoriyata na bălgarite v Severnoto Prichernomorie i na Balkanite (Pages of history of Bulgarians in Northern Pontic region and the Balkans)*. Veliko Tărnovo, 68—78 (in Bulgarian).
- Pavlov, P. Kh. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 386—402 (in Russian).
- Pavlov, P. 2011. In *Bolgari i gagauzy v mnogonatsional'noi Moldove (Bulgarians and Gagauz in the multinational Moldova)*. Varna: Slavena, 43—48 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura (From camps to towns. Saltovomaiatskaia culture)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1976. *Khazary (Khazars)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1990. *Polovtsy (Cuman people)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rashev, R. 1995. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 4, 89—95 (in Bulgarian).
- Russev, N. D. 2012. In *Chelovek v istorii i kul'ture (The man in history and culture)* 2. Odessa, 497—506 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1995. *Slaviane v drevnosti i rannem srednevekov'e. Vol. 2. Slaviane v rannem srednevekov'e (Slavs in Antiquity and Early Middle age. Vol. 2. Slavs in Early Middle Age)*. Moscow: RDF, RUS (in Russian).
- Tolochko, P. P. 1999. *Kochevye narody stepei i Kievskaiia Rus' (Nomad people of the steppes and Kiev Rus')*. Kiev: Abris (in Russian).
- Tonev, V. 2000. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 7, 319—356 (in Bulgarian).
- Tăpkova-Zaimova, V. 1976. *Dolni Dunav — granichna zona na vizantijskiya zapad. Kăm istoriyata na severnite i severoiztochnite zemi, kraya na X—XII v. (Dolni Dunav — the border zone of the Byzantine West. To the history of Northern and North-Eastern lands in 10th—12th centuries)*. Sofia (in Bulgarian).
- Tăpkova-Zaimova, V., Pavlov, P. 1993. In *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie (Bulgarians in Northern Pontic region)* 2, 21—29 (in Bulgarian).
- Chelebi, E. 1909. In *Periodicheskoe spisanie (Periodical journal)* 91, 639—724 (in Bulgarian).
- Chelebi, E. 1972. *Pătepis (Description of the journey)*. Sofia: Otechestveniya front (in Bulgarian).
- Shabashov, A. V. 1999. In *Istoriia i kul'tura bolgar i gagauzov Moldovy i Ukrainy (History and culture of Bulgarians and Gagauz people from Moldova and Ukraine)*. Kishinev: SSB, 154—176 (in Russian).
- Shabashov, A. V. 2002. *Gagauzy: sistema terminov rodstva i proiskhozhdenie naroda (Gagauz people: the system of kinship terms and the descent of the nation)*. Odessa: Astroprint (in Russian).
- Shabashov, A. V. 2006. In *Istoriia i kul'tura gagauzov (History and culture of the Gagauz people)*. Kishinev: Pontos, 8—14 (in Russian).
- Shabashov, A. V. 2009. In *Problemy istoricheskoi regionalistiki (Problems of historical regionalistics)* 2. Cheboksary, 174—182 (in Russian).
- Shabashov, A. V. 2011. In *Chuvashskaia diaspora: istoriia, sovremennost', perspektivy (Chuvash diaspora: history, contemporaneity, perspectives)*. Cheboksary, 167—176 (in Russian).

Статья поступила в номер 5 ноября 2013 г.

Ivan Grek (Kishinev, Moldova). Doctor of history.

Ivan Grek (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie.

Грек Иван Фёдорович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории.

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург.
АО	— Археологические открытия. Москва.
б.э.	— Боспорская (вифинско-понтийская) эра.
БАН	— Българска академия на науките. София.
БДКМ	— Белгород-Днестровский краеведческий музей.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь. Керчь.
БЕ	— Български език. София.
БІЕВ	— Буковинський історико-етнографічний вісник, Чернівці
БСП	— Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново.
БТСРЯ	— Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВИ	— Вопросы истории. Москва.
ВНУЛП	— Вісник національного університету «Львівська політехніка». Львів.
ВОКК при ВУАН	— Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук. Одеса.
БИ	— Гръцки извори за българската история. София.
ГМСБ	— Годишник на музеите от Северна България.
ДРС	— Древнегреческо-русский словарь. Москва.
ЕМИРА	— Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Москва; Ленинград.
ЗИАО	— Записки Императорского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИБАИ	— Известия на Българския археологически институт. София.
ИВАД	— Известия на Варненското археологическо дружество. Варна.
ИЖ	— Исторический журнал. Москва.
ИНИМ	— Известия на Националния исторически музей. София.
ИНМВ	— Известия на Народния музей. Варна.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИУАИ	— Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского.
КБН	— Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
КСИС	— Краткий словарь иностранных слов. Москва.
ЛИБИ	— Латински извори за българската история. София.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь; Тюмень; Севастополь.
МАПП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МИА	— Материалы и исследования по археологии. Москва.
МИФ	— Митология, изкуство, филология. София.
НВЧУ	— Науковий вісник Чернівецького університету. Чернівці.
НиС	— Нумизматика и Сфрагистика. Киев
НиЭ	— Нумизматика и Эпиграфика. Москва.
НТШ	— Наукове товариство імені Шевченка. Львів.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК	— Отчёт Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОВИМК	— Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. Кишинев.
ПГАУ	— Памятники градостроительства и архитектуры Украины. Киев.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург.
ПССІАЕ	— Питання стародавньої, середньовічної історії, археології та етнографії. Чернівці.
РА	— Российская археология. Москва.
РГИА	— Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
СА	— Советская археология. Москва; Ленинград.
СБНУНК	— Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София.
СИС	— Словарь иностранных слов. Москва.

СМЛ	— Славяно-молдавские летописи. Москва.
СРЯ	— Словарь русского языка. Москва.
ФРЯО	— Словарь русского языка С.И. Ожегова. Москва.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
СЭС	— Советский Энциклопедический Словарь. Москва.
ТМНО	— Труды Московского нумизматического общества. Москва.
ТОДЛ	— Труды отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург.
Тр. АС	— Труды Археологического съезда. Москва.
УЗИИМФАНСССР	— Ученые записки Института истории Молдавского филиала АН СССР. Кишинев.
ФЭС	— Философский Энциклопедический Словарь. Москва.
ХОКМ	— Херсонский областной краеведческий музей. Херсон.
ХСб	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЯИЛИМ	— Ялтинский историко-литературный музей.
AARMSI	— Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice. București.
AMM	— Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Sanok.
AMV	— Acta Musei Varnensis. Varna.
BAR	— British Archaeological Records. Oxford.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus.
ČMM	— Časopis Matice moravské. Brno.
CPȚR	— Călători poloni în Țările Române. București.
CȘȚR	— Călători străini despre Țările Române. București.
DRH	— Documenta Romaniae Historica. București.
EB	— Encyclopaedia Britannica. New York.
HV	— Historie a vojenství. Praha.
IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. I2. Petropoli, 1916.
RdI	— Revista de istorie. București.
RI	— Revista istorică. București.
RIC	— The Roman Imperial Coinage. London.
SCN	— Studii și Cercetări de Numismatică. București.
SMHW	— Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
SPȘM	— Studii cu privire la Ștefan cel Mare. București.
ZNUJ	— Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków.

Авторам Stratum plus

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно Stratum plus) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, авторской интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по древней и средневековой истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Stratum plus выходит шесть раз в год на русском языке по единому издательскому плану:

№	Тематика номера	Материалы принимаются не позднее	Время выхода номера
1-й номер	Палеолит. Мезолит	1 ноября	Февраль
2-й номер	Неолит. Энеолит. Бронзовый век	1 декабря	Апрель
3-й номер	Ранний железный век. Античная эпоха	1 января	Июнь
4-й номер	Римское время. Эпоха Великого переселения народов	1 февраля	Август
5-й номер	Средние века	1 марта	Октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	1 апреля	Декабрь

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в соответствующем тематическом номере следующего годового цикла.

Датой поступления материала в номер считается дата принятия редактором окончательного варианта статьи к публикации.

Материалы на других языках принимаются для перевода и публикации в журнале на русском языке по согласованию с редактором номера.

Порядок приема и рецензирования статей

При подготовке работ к публикации в журнале Stratum plus следует строго выполнять следующие редакционные требования:

Редакционная этика

- Stratum plus не печатает статьи о материалах, которые могут считаться похищенными.
- К публикации допускаются оригинальные, не публиковавшиеся ранее материалы. Автор материала обязан проинформировать редакцию, если его статья находится на рассмотрении в других изданиях или в печати находится измененная версия той же статьи, а также о том, в каких печатных изданиях ранее публиковались данные материалы. Подтверждение о том, что материал ранее не публиковался, фиксируется в форме-соглашении с автором.
- Убедительно просим авторов сообщать об источниках финансирования исследования, для предотвращения возможных конфликтов (форма-соглашение п. I.6.).
- Редакция журнала следует закону об авторском праве Республики Молдова и соответствующим международным соглашениям. Авторы ответственны за получение всех необходимых разрешений для публикации материалов, используемых в статье. Подтверждение прав на использование материалов для публикации фиксируется в форме-соглашении с автором.
- Автор не вправе размещать копию опубликованного в журнале материала в электронных базах данных и личных интернет-ресурсах. Может быть размещена лишь аннотация с обязательным указанием адреса статьи (линка) на сайте журнала.
- Электронная версия статьи (файл в формате PDF) может распространяться среди друзей и коллег, но не предоставляться на общедоступных ресурсах.
- Автор вправе свободно распоряжаться опубликованным материалом и переиздавать его в любых других изданиях. Однако, при этом он должен не нарушать исключительных прав журнала Stratum plus, указывая место первой публикации материала.
- Stratum plus может предоставить право третьей стороне на переиздание, в случае, если получено разрешение от автора соответствующего материала. Если же автор отказывает третьей стороне, то редакция Stratum plus действует в соответствии с решением автора.
- Призываем всех авторов соблюдать научную корректность в работах, содержащих критику в адрес коллег. В противном случае редакция оставляет за собой право отклонить материал или исправить его стиль.
- При рассмотрении материалов редколлегией журнала Stratum plus основное внимание обращается на научную ценность, ясность изложения и требования научной этики.

Структура подачи материалов

Материалы предоставляются в завершенном виде одним пакетом:

- **форма-соглашение с автором** является обязательной для заполнения и фиксирует согласие автора с требованиями и условиями публикации в журнале. Форма-соглашение доступна для скачивания по ссылке <http://www.e-anthropology.com/Avtoram/default.aspx> или по требованию, обратившись по адресу stratumplus@gmail.com. Без сопроводительной формы-соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;
- **текст** в электронном виде (в печатном виде текст высылается на адрес редакции — по желанию автора или по требованию редакции);
- **список использованной литературы** (требования к оформлению см. ниже);
- **иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения.

Порядок работы с принимаемыми материалами

1. Авторы получают подтверждение о поступлении материала в редакцию (обычно по электронной почте).
2. В течение месяца редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.
3. Редакция оставляет за собой право отклонить статью, не отвечающую установленным требованиям или тематике журнала.
4. Авторы получают PDF-версию макета своей статьи для подтверждения. Пожалуйста, обратите внимание, что на данной стадии допускаются только те исправления, которые не вносят принципиальных изменений в макет сверстанной статьи.
5. После того как материал принят в печать, внесение существенных дополнений или изменений не допускается. Если автор желает внести изменения, материал может быть отложен до начала работы над следующим номером журнала.
6. Датой поступления материала в номер считается дата принятия редактором окончательного варианта статьи к публикации.
7. В некоторых случаях материал может быть отложен по причине переполнения номера (с 2010 года максимальный объем материалов в любом номере составляет не более 300 страниц).
8. Автор опубликованного материала получает авторский экземпляр журнала. Кроме того, автору предоставляется скидка в 30% от розничной стоимости журнала, в котором публиковался его материал, и 10% от розничной цены любого другого номера журнала, выпущенного в текущем году.

Порядок рецензирования статей

Научные статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. Порядок рецензирования статей смотрите на нашем сайте по ссылке <http://www.e-anthropology.com/Avtoram/default.aspx#peer-review>.

Технические требования

Текст

- Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf.
- Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Объем

Монографии

Объем монографии, представляемой в журнал, вместе с иллюстрациями, подписями к ним и списком литературы не должен превышать половину объема номера журнала, то есть 150 страниц. Для справки: в стандартную страницу нашего журнала уместается около 5000 знаков кириллицы (с пробелами, без заголовков и иллюстраций).

Статьи

Объем статьи/рецензии, представляемой в журнал, согласовывается с редактором номера.

Резюме (и рекомендации по подготовке)

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

№6. 2013

Резюме должно быть:

- оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
- компактным (укладываться в объем **от 600 до 1500** символов с пробелами);
- с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

- предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
- методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
- результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
- выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

- фраз, дублирующих заглавие работы;
- общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»), сложных грамматических конструкций;
- общеизвестных положений;
- сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ.

Ключевые слова (и рекомендации по написанию)

Ключевые слова должны раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология.

Иллюстрации

• Журнал *Stratum plus* печатается в чёрно-белом режиме. Для такой печати единственно допустимый режим изображения — **GRAYSCALE** (оттенки серого). Для электронной версии журнала принимаются цветные фотографии в режиме изображения **RGB COLOR**. Режим изображения выставляется при сканировании или подготовке иллюстраций.

• Иллюстрации сохраняются в **растровом формате *.tif** (без сжатия). В этом формате размер файлов будет больше, но качество лучше. Рисунки принимаются и в векторном формате (*.ai, *.eps, в исключительных случаях — *.cdr), а также на бумаге в контрастном черно-белом варианте. Фотографии также должны быть контрастными.

• Разрешение должно быть **не менее, чем 300 точек на дюйм** (на реальный размер изображения), но если необходимо показать мелкие детали на иллюстрации, разрешение должно быть выше.

• При сканировании или подготовке иллюстрации в параметрах файла выставляется размер с учетом формата печатного поля журнала *Stratum plus*:

1 колонка — 7,23×24,3 см;

2 колонки — 15×24,3 см.

В это поле должна поместиться, кроме иллюстрации, подписуемая подпись. Изображение на рисунке не должно сливаться с рамкой рисунка. Отступ по краям рисунка должен быть не менее 3—5 мм.

• Диаграммы должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом обязательно вместе с диаграммами MS Excel предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

• Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

- Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, не принимаются.
- Список иллюстраций и подписей к ним предоставляется в сопроводительной к материалу форме-соглашении (см. структуру подачи материала).
- При пересылке крупных материалов используйте файлообменник, например: <http://www.sendspace.com>

Таблицы

Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

- Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;
- Таблицы должны иметь номер и заголовков (на английский язык заголовков не переводится).
- Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

Подготовка текста

Процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись представлена в соответствии с требованиями. Рекомендации по подготовке текста смотрите на нашем сайте по ссылке <http://www.e-anthropology.com/Avtoram/default.aspx#text>.

Библиография и система ссылок

Для публикации в журнале *Stratum plus* статьи или монографии используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии.

В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Оформление ссылок в тексте статьи

(Govedarica 2004: 55 ff.)

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

(Быт. 2: 15)

(16 Пчелы, 142(141))

Оформление ссылок на иллюстрации и таблицы, помещенные в публикуемой работе

(рис. 1: 4, 5—7; 2: 1, 3—10; 3: 1, 2)

(табл. 1; 2)

Если в материале используются иллюстрации, взятые из других публикаций, то подписи к ним должны содержать ссылки: (по Иванов 2012: 55, рис. 25).

Оформление списка литературы

Ссылка на книгу/монографию¹:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger-Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. ... *И разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10, 25—60.

В данном случае, монография опубликована в одном из номеров продолжающегося издания, ее название не выделяется курсивом. Затем следует название издания курсивом, а номер выпуска обычным шрифтом. Если название издания дается в сокращенном виде, тогда место издания не указывается, поскольку оно приводится в списке сокращений.

Ссылки на другие типы работ²

Ссылка на сборник статей и материалы конференций

Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Tărgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcheur” (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria*. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Ссылка на раздел (главу) в томе многотомного издания

Телегин Д. Я. 1985. Среднепалеолитская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Ссылка на статью в продолжающемся издании

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Корневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИХН СК* 1, 96—147.

¹ Указание издательства обязательно.

² Указание издательства и страниц обязательно; для сборников статей необходимо указать редактора / отв. редактора.

№6. 2013

- Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard.* 9, 19—21.
- Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldringen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Ссылка на статью в периодическом издании

- Клейн Л. С. 2005—2009. Полевой дневник археолога (памятка). *Stratum plus* (4), 517—525.
- Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.
- Рассамакін Ю. Я., Будников О. Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128—142.

Ссылка на диссертацию

- Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс. ... д-ра филол. наук. Москва.

Ссылка на автореферат

- Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Ссылка на интернет-ресурс

В ссылке на Интернет-ресурс обязательно указывается дата обращения.

- Vajda E.J. 2009. *Dene-Yeniseic in past and future perspective*. URL: [http://www.nostratic.ru/books/%28246%29 dy_vajda_perspective.pdf](http://www.nostratic.ru/books/%28246%29%20dy_vajda_perspective.pdf). Дата обращения 19.04.2011.
- Монеты Боспора. URL: <http://bosporan-kingdom.com/121-3003/12.html>. Дата обращения 12.02.2012 г.

Если Вы цитируете по интернет-изданию книгу, которая уже была издана в печатном виде, повторяется весь формат обычной ссылки, а затем дается указание на электронный адрес:

- Пигулевская И.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. 1958. *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*. Москва: Наука. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/pigulevskaja_istorija/00.aspx. Дата обращения 22 марта 2011 г.

Ссылка на архивные материалы

- НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.
- Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИА РАН. № 2662.

Submissions

Stratum plus. *Archaeology and Cultural Anthropology* (abridged as Stratum plus) is an international peer-reviewed academic journal focusing on topical issues of Archaeology and Cultural Anthropology. We publish results of analytical research and interpretations, as well as new sources in good quality. Besides papers on archaeology and cultural anthropology, we also accept studies in early and medieval history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historic disciplines.

Stratum plus comes out six times a year in the Russian language, in conformity with the established editorial plan:

Nr.	Subject	Paper submission deadlines	The issues comes out in
Number 1	Palaeolithic. Mesolithic	1 November	February
Number 2	Neolithic. Bronze Age	1 December	April
Number 3	Iron Age. Ancient Time	1 January	June
Number 4	Roman Time. The Migration Period	1 February	August
Number 5	Middle Ages	1 March	October
Number 6	Numismatics. Epigraphics	1 April	December

Any submission received after the deadline can be published in the respective thematic volume in the following year. The submission date is the date when the final version of your paper is approved for publication by the editor. Submissions in other languages that are to be translated and published in the journal in the Russian language shall be negotiated with the editor of the respective volume.

Submission and Peer-Review

While preparing your papers for submission to Stratum plus, please follow these publication rules:

Editorial Ethics

- Stratum plus does not publish articles about material which is suspected as looted.
- We accept only original submissions that have not been published elsewhere. The author shall inform the editors if the same paper is being considered for publication elsewhere, or if a different version of the same is in press. As well, the author shall inform the editor where this paper has been already published. You will need to confirm the fact that your submission has not been yet published anywhere when filling in the Declaration&Submission Form.
- We insistently ask you to inform us about any sources of funding to your research, to avoid any possible conflict Declaration&Submission Form, p. 1.6.
- Stratum plus complies with the Republic of Moldova law on copyright and the rspective international conventions. You will be responsible for obtaining all the required permissions to publish any material used in your submission. You will need to confirm existence of such rights to use this material in your publication by filling in the Declaration&Submission Form.
- You will not be entitled to place a copy of your publication in e-repositories and personal web-resources. You may only place a summary with compulsory reference (link) to the article on the site of the journal.
- You may share an electronic version of your article (.pdf) among your friends and colleagues, but you may not offer it on publicly accessible resources.
- You shall be entitled to freely possess your publications and republish them elsewhere. However, you shall not violate Stratum plus exclusive rights, and therefore shall be required to indicate the place of the first publication of your paper.
- Stratum plus may offer the right to republication to a third party upon your consent. Should you refuse, Stratum plus shall abide by your decision.
- We urge all contributors to observe scholarly ethics in your papers that contain critics to your colleagues. Otherwise, the editors shall reserve the right to reject any such submission or correct its style.
- While reviewing, the Stratum plus Editorial Advisory Board's main concern is whether the academic value, clarity of narration and adherence to academic ethics is observed in these submissions.

Submission Checklist

You should submit your complete paper in a package:

- Declaration&Submission Form is compulsory and is to confirm your consent to the requirements and terms of publication. The Form can be downloaded (<http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#Cheklist>) or requested by email to stratumpus@gmail.com. The editors shall not accept any submission without this accompanying Form.
- **Text** in MS Word (a printed copy shall be sent subject to the contributor's own desire or editors' demand).
- **List of references** (see requirements below).
- **Illustrations** include: drawings, photos, tables/graphs with original files used to build them.

Submission Process

1. You will be informed that your submission has been received (usually by email).
2. Within a month, the editors will inform you on whether your submission is accepted or not (with due explanations in the latter case, based on reviewers' assessments), or whether it requires certain improvements.
3. The editors shall reserve the right to reject any submission that does not meet the requirements or the subjects of the journal.
4. You will receive a proof (in .pdf format) of your paper for endorsement. Please note that only such amendments shall be accepted at this stage, which do not make any major changes to the layout.
5. Once your submission has been accepted for publication, no further additions or changes are admitted. If you wish to make any further changes, your paper may be postponed until the next volume of the journal is in process.
6. The submission date is the date when the final version of your paper is approved for publication by the editor.
7. In some cases a publication may be postponed due to the overflow of submissions to the respective volume (since 2010, the maximum capacity of any volume is no more than 300 pages).
8. You will be entitled to a free copy of the volume with your publication. Besides, you will benefit of a 30% discount on retail price of the same volume and a 10% discount on retail price of any other volume published in the same year.

Peer-Review

All submissions are peer-reviewed. We practice double blind peer-review, which implies anonymity of both the reviewers and the author. Details about our review process you may find on <http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#peerreview>.

Technical requirements

Text

- Contributions shall be accepted in *.doc and *.rtf formats.
- Please, do not use Caps Lock in headlines and highlighted text.

Length

Monographs

A monograph submitted to the journal along with all its figures, captions to them and list of references shall not exceed one half of the volume's length, i.e. 150 pages. For your information: a standard page in our journal includes about 5,000 Cyrillic characters (with spaces, without headlines and figures).

Articles

Length of an article/review shall be negotiated with the volume's editor.

Abstract (and how to write)

An abstract is a source of information on the main content and findings exposed in the publication; it makes reading the full text redundant, should the reader have no primary interest in it; it is used by information systems to search for documents and information.

An abstract shall be:

- authentic, comprehensive (reflecting the main content and findings exposed in your paper), well structured;
- concise (**600—1500 characters** with spaces);
- written in proper English.

Your abstract shall contain the following aspects of your work:

- subject, topic and aim of your paper (these should be mentioned, unless fully exposed in the title of the paper);
- research methods (you should define them if they are a novelty and are interesting in view of your paper);
- findings (main results, your conclusions, genuine discoveries);
- you may supply your conclusions with recommendations, assessments, proposals, hypotheses, as described in your paper).

You should avoid when writing your abstract:

- any phrase that duplicates the title of your paper;
- common wordings, redundant introductory phrases (for instance, the author of the article considers...), complex grammar constructions;
- commonly known arguments;
- information of historiographic nature, unless these make the main content of the paper, titles of earlier published papers.

Keywords (how to write)

Keywords shall disclose the following aspects of your submission: region, chronology, subjects, special terminology.

Illustrations

• Our journal is printed in black-and-white style. This type of print only accepts images in **GRayscale**. We accept color pictures in **RGB COLOR** for the digital version of the journal. You may choose the quality of your images while scanning or otherwise preparing your illustrations.

• Illustrations shall be saved in **bit map (raster graphics) format *.tif** (uncompressed). This format makes the file size larger and better in quality. Illustrations are accepted in vector format too (*.ai, *.eps, in exceptional cases in *.cdr), as well as on paper in contrast black and white version (photographs shall be high contrast).

• Resolution shall be **no less than 300 dpi** (to the real image size); yet, if small details are expected to be seen, the resolution must be higher.

While scanning or otherwise preparing your illustrations, please set the following image size in your file settings, with regard to the standard print field in Stratum Plus:

1 column — 7.23×24.3 cm;

2 columns — 15×24.3 cm.

Please remember that the same field shall also contain the caption. The image on your figure should not merge with the outline. Please leave at least 3—5 mm indents from the margins of the figure.

• Graphs shall be drawn in **MS Excel**. Besides, please, supply your **MS Excel** graphs with the original tables.

• If your drawing contains **numbers or a text**, please, don't input them by hand, they must be **inserted digitally**; the only exception is made for the archive materials.

• The list of illustrations and captions shall be submitted in the Declaration&Submission Form that shall be attached to your submission (see the Submission Checklist).

• For larger files, please, use a file exchanger like: <http://www.sendspace.com/>

Tables

Contributions can also be supported by tables.

• Tables shall be drawn in MS Excel or MS Word:

• Tables shall be numbered and titled.

• If a table contains drawings, these shall be sent apart in a graphic format *.tif or *.jpg. Please, do not insert your illustrations in MS Word / Excel file.

Text Formatting

Your publications will be processed quicker if your submission meets the following requirements. You may find recommendations on text preparation on our site <http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#text>. If you have any questions, before submitting your paper please contact our Technical Department at stratumplus@gmail.com

Bibliography and references

We insistently recommend the contributors of articles and monographs to use the following system of references in the text and list of references.

Contributions failing to follow this recommendation shall be sent back for improvements.

References in the text:

(Govedarica 2004: 55 ff.)

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

(Genes. 2: 15)

(16 Bees, 142(141))

References to illustrations and tables used in the publication:

(fig. 1: 4, 5—7; 2: 1, 3—10; 3: 1, 2)

(table 1; 2)

Should you borrow illustrations from other publications to use them in your manuscript, please insert relevant references in captions: "(after Иванов 2012: 55)".

List of references:**Reference to a book /monograph¹:**

Haynes G. 2002. *The Early Settlement of North America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger-Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbal-kanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. ...*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

If a monograph is published in one of the volumes of a continued publication, its title shall be indicated in italic, followed by the title and the number of the volume, in plain font. If the title is given in abridged form, place of publication shall not be indicated, because it is mentioned in the list of abbreviations. For example:

Пасек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

Other references²:**Reference to a collective volume and conference proceedings:**

Walker A. 1984. Extinction in hominid evolution. In: M.H. Nitecki (ed.). *Extinctions*. Chicago: Chicago Univ. Press, 119—152.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Târgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium*, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Reference to a section (chapter) in a book published in many volumes:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Reference to an article in a serial publication:

Stuart A.J., Lister A.M. 2011. Extinction chronology of the cave lion *Panthera spelaea*. *QSR* 30, 2329—2340.

Stuart et al. 2004: Stuart A.J., Kosintsev P.A., Higham T.F.G., Lister A.M. 2004. Pleistocene to Holocene extinction dynamics in giant deer and woolly mammoth. *Nature* 431, 684—689.

Reference to an article in a periodical:

Клейн Л. С. 2005—2009. Полевой дневник археолога (памятка). *Stratum plus* (4), 517—525.

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Reference to a dissertation

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс... д-ра филол. наук. Москва.

Reference to a dissertation abstract

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.

Reference to a web resource

Any on-line reference shall include the date of inquiry:

Vajda E.J. 2009. *Dene-Yeniseic in past and future perspective*. URL: http://www.nostratic.ru/books/%28246%29_dy_vajda_perspective.pdf. Date of inquiry June 19, 2011.

If you refer to an on-line book which has its earlier print edition, the reference shall follow the usual order, and then indicate the on-line address:

Пигулевская И.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. 1958. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Москва: Наука. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/pigulevskaia_istorija/00.aspx. Date of inquiry March 22, 2011.

Reference to an archive

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИА РАН, № 2662.

¹ It is mandatory to indicate the publisher.

² It is required to indicate the publisher and the number of pages; it is mandatory to indicate the editor in case of collective volumes.

Stratum plus. № 6 (2013)

Археология и культурная антропология.
2013. — 353 стр.

Подписано к печати 12. 12. 2013 г.

Университет «Высшая антропологическая школа»,
«Stratum plus» Р. Р.:
Адрес: ул. Зимбрулуй, 10а, Кишинев, MD-2024,
Республика Молдова

Формат 60×84¹/₈. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 300 экз. Заказ № 1599.
Отпечатано в Г.П. ИПФ «Центральная типография»:
Адрес: ул. Флорилор 1, Кишинев, MD-2068,
Республика Молдова

Stratum plus. No. 6 (2013)

Archaeology and Cultural Anthropology.
2013. — 353 pp.

Endorsed for print Decembrie 12, 2013.

High Anthropological School University,
“Stratum plus” Journal:
Address: Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024,
Republic of Moldova

Format 60×84¹/₈. Offset paper no. 1. Offset print.
Font “Liberation”. 300 copies. Order no. 1599.
Printed by State Owned Publisher “Tipografia Centrala”:
Address: Florilor St., 1, Kishinev, MD-2068,
Republic of Moldova

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology. The journal is published bi-monthly by the High Anthropological School University since 1999. Language of publication is Russian. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages. Experts qualify it as the best periodical in its field in Eastern Europe.

In 1999—2012
662 authors from 137 cities
of 37 countries
published in *Stratum plus*
19 792 pages of 989 articles
and 44 monographs
in 48 volumes

Russia³⁹⁵
Ukraine³⁶⁴
Moldova²²¹
Romania²³
Bulgaria¹⁸
USA¹³
Germany¹²
Poland⁹
France⁷
Italy³

«...The ultimate goal of this journal is not only to unite the best creative forces in our discipline, not only to mobilize that cultural *stratum*, which continues to create following the natural cycle of doubts, hesitations, expeditions, findings and successes, and ignoring the vanity of changing authorities, banners and leaders, but also to initiate the progress of archaeology into the future».

Mark Tkachuk, doctor of history, Editor-in-Chief

Address: Zimbrului St. 10a, Kishinev,
MD-2024, Republic of Moldova,
High Anthropological School University
Stratum plus Journal
Tel/fax: (+373 22) 92-66-63
E-mail: stratumplus@gmail.com
E-shop: www.e-anthropology.com